РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 4(47)' 2015

включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК Минобрнауки России

Печатает статьи по истории, педагогике, психологии, биологии, филологии, философии, культурологии, политологии, праву и экономике

РНЖ входит в систему Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ) и представлен на его сайте www.elibrary.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
НАГОРНОВ Валентин Павлович

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР
ЛОСЕВ Юрий Иванович

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
МАРКОВ Алексей Сергеевич

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
НОВОЖИЛОВ Александр Юрьевич

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС Александр Мануэльевич – Председатель Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета ФГБОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет»

ЛОСЕВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГОРБУНОВ Борис Владимирович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, действительный член РАЕН, зав. НИЛ теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях ОБГОУ ДПО «Рязанский институт развития образования»

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – член Совета, профессор, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Историко-социологического института ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени П. П. Огарёва»

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич – член Совета, профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории науки и техники ФГБОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

ЮРКИН Игорь Николаевич – член Совета, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, г. Москва

РЕЕНТ Юрий Арсенович – член Совета, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Академии Федеральной службы исполнения наказаний РФ

КОЛЬЦОВА Вера Александровна – член Совета, первый зам. директора Института психологии РАН, профессор, доктор психологических наук, зав. лабораторией истории психологии и исторической психологии

ДОНЦОВ Александр Иванович – член Совета, действительный член РАО, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова,

ЗАБРОДИН Юрий Михайлович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, проректор ГБОУ ВПО «Московский городской психолого-педагогический университет», действ. гос. советник РФ, вице-президент Федерации психологов образования России

БЕЛЯЕВА Валентина Александровна – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ГРЕБЁНКИНА Лидия Константиновна – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ПАНОВ Виктор Иванович – член Совета, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования (РАО), зав. лабораторией экопсихологии развития Психологического института РАО

ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич – член Совета, профессор, доктор педагогических наук, зав. кафедрой гуманит. и соц.-экономических дисциплин Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного, г. СПб

ВОЛОДАРСКАЯ Инна Андреевна – член Совета, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат педагогических наук, лауреат премии Президента РФ в области образования, Председатель Учебно-методического совета факультета психологии МГУ, г. Москва

НАГОРОВ Павел Сергеевич – член Совета, профессор, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник АНО «Рязанский НИИ психологии и методологии образования»

УХОВ Юрий Иванович – член Совета, профессор, доктор медицинских наук, зав. кафедрой гистологии и биологии ГБОУ ВПО «Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Фед. агенства по здравоохранению и соц. работе

ЕПИФАНОВ Алексей Герасимович – член Совета, доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, заведующий отделением сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова»

ИВАНОВ Евгений Сергеевич – член Совета, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, зав. кафедрой экологии и природопользования ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

КАЗАРЕНКОВ Вячеслав Ильич – член Совета, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (РУДН), г. Москва

Иностранные члены Редакционного Совета

Хасан Абдель Хамид Солиман – доктор, профессор геологии Университета г. Асьюта, директор Центра по развитию Южной Долины (г. Асьют, Республика Египет).
Ван Цзиньлин, 王金玲 – доктор филологических наук, профессор, директор института международного образования Чанчуньского университета (г. Чанчунь, КНР).
СМАНЦЕР Анатолий Петрович – доктор педагогических наук, профессор Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).
ФОУШИН Джордж Николас – профессор философского факультета Университета Эмори (г. Атланта, штат Джорджия, США).
ЛИСТЕР Дж. Мэттью – доктор философских и юридических наук, PhD in Philosophy, JD (г. Филадельфия, штат Пенсильвания, США).
РАНГЕЛОВА Емилия Миленкова – доктор педагогических наук, профессор факультета педагогики Софийского университета «Св. Климента Охридски» (г. София, Республика Болгария).
ЛЕВТЕРОВА Дора – доктор педагогических наук, профессор, декан педагогического факультета Пловдивского университета «Паисий Хилендарский» (г. Пловдив, Республика Болгария).
ЗАХАРУК Тамара – доктор педагогических наук, профессор, ректор Седлицкого университета естественных и гуманитарных наук (г. Седльце, Республика Польша).

Leadership (Editorial Board) of the «Russian Scientific Journal»

Editor-in-Chief: **Valentin P. Nagornov** Science Editor: **Yury I. Losev**
Deputy Editor-in-Chief: **Alexey S. Markov** Assistant Editor: **Alexander Y. Novozhylov**

Russian Members of the Editorial Council

Alexander M. Rodriguez-Fernandez – Council Chairman, Professor, Doctor of History, Head of the Department of Modern and Contemporary History, the Faculty of History, Moscow State Pedagogical University.
Yury I. Losev – member of the Council, Professor, Doctor of History, vice-rector, Head of the Department of general History, Ryazan State University named for S. Yesenin.
Boris V. Gorbunov – member of the Council, Doctor of History, full member of the Academy of Natural Sciences, Ryazan Institute of Education Development.
Nikolai M. Arsentiev – member of the Board, Professor, Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of Historical and Sociological Institute of N.P. Ogarev Mordovia State University.
Vladimir V. Zapariy – member of the Council, Professor, Doctor of History, Dean of the Faculty of Humanities, Head of the Department of History of Science and Technology, Ural State Technical University.
Igor N. Yurkin – member of the Council, Doctor of History, Senior Research Fellow of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences
Yury A. Reent – member of the Council, Doctor of History, Professor of the Department of History and Philosophy, the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service.
Vera A. Koltzova – member of the Council, Deputy Director of Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Psychology, Head of Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.
Alexander I. Dontzov – member of the Council, full member of the Russian Authors' Society, Professor of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Psychology.

Yury M. Zabrodin – member of the Council, Professor, Doctor of Psychology, vice-rector of the Moscow State University of Psychology and Education, State Councilor of the Russian Federation, Vice-President of the Federation of educational Psychologists of Russia.

Valentina A. Belyaeva – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Lydia K. Grebyonkina – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Victor I. Panov – member of the Council, Professor, Doctor of Psychology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of Laboratory of Ecopsychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education.

Oleg Yu. Efremov – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Head of the Department of Humanitarian and socio-economic disciplines of the Military Academy of Intercommunications named after Marshal Budionov, St. Petersburg.

Inna A. Volodarskaya – member of the Council, Assistant Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD, winner of the President of Russia in the field of education, Chairman of the Educational and Methodical Council of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Pavel S. Nagorov – member of the Council, Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology and Human Development.

Yury I. Ukhov – member of the Council, Professor, Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Histology and Biology, Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov, the Federal Service on Supervision in the Area of Health Care and Social Development.

Alexey G. Epifanov – member of the Council, Doctor of Medical Sciences, Honoured Doctor of the Russian Federation, Head of the Vascular Surgery Department with Medical technology of treatment by polymagnetic device «Epifanov's diving-suit».

Eugene S. Ivanov – member of the Council, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Head of the Department of Ecology and Environmental Sciences of Ryazan State University named for S. Yesenin.

Vyacheslav I. Kazarenkov – member of the Council, Professor, Doctor of Education, Peoples' Friendship University of Russia, Departament of Social and Differential Psychology.

Foreign Members of the Editorial Council

Hassan Abdel Hamid Soliman – Prof. Dr, Geology Department, Faculty of Science, Director of South Valley Development Center, Assiut University (Assiut, Republic of Egypt).

Wang Jinling, 王金玲 – Dr. of Philology, Prof., Director of the Institute of International Education, Changchun University (Changchun, Chinese People's Republic).

Anatoly P. Smantser – Dr. of Education, Prof. of the Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Nicholas G. Fotion – Prof. of the Philosophical Faculty of the Emory University (Atlanta, Georgia, USA).

Mathew J. Lister – PhD in Philosophy, JD (Philadelphia, Pennsylvania, USA).

Emilia M. Rangelova – Dr. of Sciences, Professor of Faculty of Pedagogy, Sofia University «St. Kliment Ohridski» (Sofia, Republic of Bulgaria).

Dora Levterova – D. Sc., Prof. of University of Plovdiv «Paisii Hilendarski», Director of University Center for Career Development (Plovdiv, Republic of Bulgaria).

Tamara Zacharuk – PhD, Assoc. Prof., Rector of Siedlce University of Natural sciences and humanities (Siedlce, Republic of Poland).

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
Юркин И. Н. К истории Берг-коллегии в первые годы её существования: Петербургский квасцовый завод.....6
Рындин И. Ж. Анализ новых материалов и исследований по истории рязанского дворянского землевладения XVII-XIX вв.....20
Ершов В. Ф., Нагорнов В. П. Рязанская металлургия в контексте экономической и социально-сословной политики России XVIII – середины XIX вв.....25
Бирюкова К. В. Периодические издания Российских Духовных Миссий для народов Дальнего Востока.....33
Шаяхметова И. З., Уразова А. И. Снабжение городского населения в деятельности органов местного самоуправления Башкирской АССР в предвоенные десятилетия и в годы Великой Отечественной войны.....39
Горбунов Б. В. Послужной список офицера Красной Армии Александра Исаевича Солженицына.....43
Нагорнов В. П. Материалы к армейской биографии А. И. Солженицына.....49
Лаврентьев А. В. Основные этапы политики транспортного освоения Дальнего Востока России и их результаты (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.).....52
Змееев В. А. Нормативно-правовая база развития советской высшей школы.....57
Курлаев А. Е. Индустриальное наследие в системе охраны и сохранения памятников истории и культуры России: проблемы и перспективы.....72
Абдуразаков Р. А. Основной закон геополитики в современной отечественной учебной литературе.....80
Безкади Фади (*Сирия*). Приоритеты внешней политики России на Ближнем Востоке.....86
II. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
Дорошенко В. А., Запарий В. В., Москаленко М. Р. История научно-технического творчества в контексте современного технического образования.....92
Замощанский И. И. Национальная культура и этика как социально-коммуникативный ресурс делового взаимодействия.....100
Жуковская Е. Е. Классификация информационных рисков: жизнь акторов в информационном социуме.....107
Рыбакова М. В., Зернова Л. П. Студенческая молодежь: роль общекультурных компетенций в преодолении социального инфантилизма.....116
Рычихина Э. Н., Рыбаков В. А. Мониторинг в коммуникационной политике таможенных органов.....124
III. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ
Васильева Н. Л. Психологическое здоровье: роль отца в развитии личности в детстве.....134
Володарская Е. А., Кондратова Л. В. Конкурентоспособность личности как социальная установка.....141
Ефремов О. Ю., Копысова Л. А., Муталиева Л. С., Тарасова Л. В. Социальное проектирование как инструмент развития мотивации к профессиональной деятельности обучающихся в вузах.....149
Ефремов О. Ю., Худяков А. И., Гаррас Ж. Е. Теоретические и эмпирические основания применения тестирования в педагогических исследованиях и практике образования.....154
Костюкова Т. А., Калабухов В. В. (Игумен Амвросий). Организация работы с молодежью в лоне православия за рубежом в XX в.....161
Алексеева Т. Е. Оптимизация процесса обучения в вузе на базе средств информационных и коммуникативных технологий.....166
Вислова А. Д. Современные теории и концептуальные подходы к генезису девиантного поведения.....171
Иванова Л. Б. Совершенствование английского языка на основе применения подкастов.....175
Коцина М. Н. Нравственно-патриотическое воспитание подрастающего поколения в современных условиях.....179
Лукашеня З. В. (*Беларусь*) Возможности консалтинга в реализации непрерывного образования педагога.....185
Одарущенко О. И. Проблема профессионального общения сотрудников МВД с населением.....191
Попов Э. Г. (Иеромонах Максим) Тема религиоведения в трансперсональной психологии.....196
Тыртышный А. А., Климентов В. Л. Музейная медиация в музейной педагогике: опыт, вызовы, решения.....201
Фомашина Н. В. Педагогические условия эффективности организации самообразовательной деятельности курсантов.....213
Вызулина К. С. Ценностная сфера офицеров-руководителей военного вуза с позиций компетентностного подхода...219
Гасимов А. Ф. Некоторые современные технологии диагностики эмоционального интеллекта.....228
Канищева М. А. Личностное проецирование в образе будущего у людей с разным уровнем субъективного контроля.....233
Ковтун Ю. Ю. Система экопсихологических взаимодействий пациента в среде лечебного учреждения.....238
IV. ФИЛОЛОГИЯ
Гордова Ю. Ю. Субстратная топонимия Среднего (рязанского) Поочья в ареальном аспекте: типы на *-УР*, *-ОР*, *-АР* (*-МАР*), *-ЕР*, *-МА*.....243
Рыжкова-Гришина Л. В. Вечная жизнь природы «без прикрас»: пейзаж и философские мотивы в лирике Геннадия Суздалева.....255
Рыжкова-Гришина Л. В. Природа как предмет лирико-философских раздумий А. А. Вознесенского.....260
Чепель Н. П. Практика реализации дистанционных образовательных технологий в обучении переводу.....267
V. ЭКОНОМИКА
Растянникова Е. В. Пропорции сельского хозяйства стран БРИКС в мировой экономике в начале XXI века.....273
VI. ПРАВО
Берая И. О. Влияние традиций на формирование семейного права России.....281
Гришин Д. А. Функционирование режимной территории исправительного учреждения: проблемы административно-правового и организационного обеспечения.....287
Кандыба Ф. С. Изменения в правовом статусе Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны.....290
Петров И. В. Самовольная постройка: развитие законодательства и правоприменительной практики.....296
Петров И. В., Дементеева И. И. Соотношение самозащиты гражданских прав, удержания и самоуправства: проблемы теории и правоприменительной практики.....301
Торопкин С. А. Пенсионные реформы Александра I.....308
Третьяков К. В. Множественность преступлений по уголовному праву США.....312
VII. ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ И ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ
Богданов И. Я., Бобешко А. А. Теория надежности в транспортных сооружениях.....315
Муртазов А. К. Анализ методов определения орбит метеоров по данным базисных ПЗС-наблюдений.....318
VIII. АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО
Наумкин Г. И. Алгоритм моделирования архитектуры зданий управлений.....328
IX. БИОЛОГИЯ И МЕДИЦИНА
Гуляева С. С. Физический статус детей и подростков Якутии.....331

Корсаков И. Н., Воробьева Е. Е., Михайлова А. Г. Дистанционный мониторинг: информационное обеспечение врача....336
Котляров С. Н. Изучение «солдатского сердца» в работах T. Lewis....339

CONTENTS

I. HISTORY & POLITOLOGY
Yurkin I. N. To the History of the Berg-Collegium in the First Years of Its Existence: St. Petersburg Plant for the Production of Alum....6
Ryndin I. J. Analysis of New Materials and Research by History of the Ryazan Nobility Tenure XVIII – XIX Centuries....20
Ershov V. F., Nagornov V. P. The Ryazan Metallurgy in the Context of Economic and Social and Class Policy of Russia in XVIII – the Middle of the XIX Centuries....25
Biryukova K. V. Periodicals of the Russian Spiritual Missions for the People of the Far East....33
Shayakhmetova I. Z., Urazova A. I. The Supply of the Urban Population in the Activities of Local Authorities of the Bashkir ASSR in the Pre-War Decades and in the Years of the Great Patriotic War....39
Gorbunov B. V. Record Red Army Officers Alexander Isayevich Solzhenitsyn....43
Nagornov V. P. Materials to Army's Life Solzhenitsyn....49
Lavrentiev A. V. The Main Stages of the Policy Transport Development in the Russian Far East and their Results (Second Half of the 1980-s and the Early 2000-ies)....52
Zmeev V. A. Normative and Legal Basis of Development of the Soviet Higher School....57
Kurlaev A. E. Industrial Heritage in the System of Protection and Conservation of Monuments of History and Culture Russia: Problems and Prospects....72
Abdurazakov R. A. Fundamental Geopolitical Dualism in Modern Russian Textbooks....80
Bezkadi Fadi (*Syria*). Foreign Policy Priorities of Russia in the Middle East....86
II. PHILOSOPHY & SOCIOLOGY & CULTUROLOGY
Doroshenko V. A., Zapariy V. V., Moskalenko M. R. The History of Scientific and Technical Creativity in the Context of Modern Technical Education....92
Zamoshchanckii I. I. National Culture and Ethics as a Social-Communicative Resource Business Interaction....100
Zhukovskaya E. E. Classification of Information Risks: Life of Actors in Information Society....107
Rybakova M. V., Zernova L. P. College Students: the Role of Cultural Competence in Overcoming Social Infantilism....116
Rychihina E. N., Rybakov V. A. Monitoring in Communications Policy of the Customs Authorities....124
III. PEDAGOGY & PSYCHOLOGY
Vasilyeva N. L. Psychological Health: the Father's Role in Personality Development in Childhood....134
Volodarskaya E. A., Kondratova L. V. The Competitiveness of the Individual as a Social Setting....141
Efremov O. Yu., Kopysova L. A., Mutalieva L. S., Tarasova L. V. Social Engineering as a Tool for Development of Motivation for Professional Activity of Students in Universities....149
Efremov O. Yu., Khudyakov A. I., Garras Z. E. Theoretical and Empirical Grounds for Application Testing in Teaching Research and Practice of Education....154
Kostyukova T. A., Kalabukhov V. V. (Abbot Ambrose). The Organization of Work with Youth in Orthodoxy Bosom abroad in the XX Century....161
Alexeeva T. E. Optimizing the Educational Process on the Basis of the Means of Information and Communication Technologies....166
Vislova A. D. Modern Theories and Conceptual Approaches to the Genesis of Deviant Behavior....171
Ivanova L. B. English Language Improvement on the Basis of Podcasts Using....175
Kotsina M. N. The Moral and Patriotic Education the Younger Generation in Modern Conditions....179
Lukashenya Z. V. (*Belarus*) The Possibility of Consulting in the Implementation of Continuous Education Teacher....185
Odarushchenko O. I. The Problem of Professional Communication Officers with a Population....191
Popov E. G. (Hieromonk Maxim). The Subject of Religious Studies in Transpersonal Psychology....196
Tyrtyshny A. A., Klimentov V. L. Museum Mediation in Museum Pedagogy: Experiences, Challenges, Solutions....201
Phomashina N. V. Pedagogical Conditions of Effective Self-Education Organisation of the Cadets....213
Vizulina K. S. The Value Field Officers-Leaders of the Military Institution from the Standpoint of the Competence Approach....219
Gasimov A. F. Some Modern Technologies of Diagnostics of Emotional Intelligence....228
Kanishcheva M. A. Personality Projection in the Image of the Future in People with Different Levels of Subjective Control....233
Kovtun Ju. Yu. Patient's Ecopsychological Interactions in Hospital Environment....238
IV. PHILOLOGY
Gordova Ju. Yu. Areal Aspect of Substrate Toponymy of Middle Oka (Ryazan) Region Types with -ур, -ор, -ар (-мар), -ер, -ма (-ur, -or, -ar (-mar), -er, ma)....243
Ryzhkova-Grishina L. V. Eternal Life Nature «Unvarnished»: Landscapes and Philosophical Reasons in Lyrics Gennady Suzdalev....255
Ryzhkova-Grishina L. V. Nature as a Subject of Lyrical and Philosophical Meditations A. A. Voznesensky....260
Chepel N. P. Distance Learning Technologies in Translation Teaching....267
V. ECONOMICS
Rastyannikova E. V. Agriculture of the BRICS in the World Economy at the Beginning of XXI Century....273
VI. LAW
Beraya I. O. Influence of Traditions on the Formation of Family Law Russia....281
Grishin D. A. The Functioning of the Regime within the Detention Facility: the Problem of Administrative-Legal and Organizational Support....287
Kandyba F. S. Changes in Legal Status of Russian Orthodoxy Church in Years of Great Patriotic War....290
Petrov I. V. Unauthorised Building: the Development of Legislation and Law Enforcement Practice....296
Petrov I. V., Dementeeva I. I. Ratio Self Civil Rights Hold, Arbitrariness: Problems of Theory and Practice....301
Toropkin S. A. Pension Reforms of Alexander I....308
Tretyakov K. V. Multiple Crimes at the US Criminal Law....312
VII. ENGINEERING & TECHNICS & PHYSICS & MATHEMATICS
Bogdanov I. Ya., Bobeshko A. A. Theory of Reliability in Transport Facilities....315
Murtazov A. K. Analysis of Meteor Orbits Determination Methods from the Base Line CCD-Observations....318
VIII. ARCHITECTURE & BUILDING SCIENCES
Naumkin G. I. Simulation Algorithm Architecture of Buildings Administrations....328
IX. BIOLOGY & MEDICINE
Gulyaeva S. S. The Physical Status of Children and Adolescents Yakutia....331
Korsakov I. N., Vorobyeva E. E., Mikhaylova A. G. Remote Monitoring System: Information Support for Therapist....336
Kotlyarov S. N. «Soldier's heart» in works by T. Lewis....339

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМЕНИ С. И. ВАВИЛОВА РАН, г. МОСКВА

УДК 338.54: 470.23-25: «1700-1725»
ББК Л1/7+Т3(2-2СПб)+Т3(2)0
Отечественная история

К ИСТОРИИ БЕРГ-КОЛЛЕГИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ: ПЕТЕРБУРГСКИЙ КВАСЦОВЫЙ ЗАВОД

Доктор исторических наук И. Н. Юркин

Рассмотрена история одного из первых проектов Берг-коллегии: Петербургского завода по производству квасцов (1720-1721). Выяснена хронология событий. Изучена деятельность лиц, игравших главную роль в реализацией проекта: маркшейдера Вильгельма Готфрида Штифта и капитана Петра Челищева. Обсуждены причины, помешавшие реализации проекта. По мнению автора, ими явились переезд Берг-коллегии (включая специалистов) в Москву и неудовлетворительное качество руды. Рассмотрены вопросы, касающиеся оборудования и технологии. По-новому интерпретирован связанный с проектом графический материал. Автор полагает, что на нем изображен не завод, а участок, на котором проверялось качество руды.

Ключевые слова
Квасцы, история химических промыслов, история химической технологии, история Петербурга, Берг-коллегия

В ходе коллежской реформы системы государственного управления возник ряд новых госучреждений, в числе Берг- и Мануфактур-коллегия. Профиль и пределы ее компетенции были весьма широки. Основной стоявшей перед ней задачей являлся контроль и управление предприятиями добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности, однако она занималась множеством и других дел, вплоть до организации исполнения художественных работ в царских дворцах [20, 21]. Вскоре учреждение разделилось на две самостоятельные коллегии – соответственно, Берг и Мануфактур. Вехой в законодательном оформлении распада стала Берг-привилегия от 10 декабря 1719 г. [6], в которой было объявлено о создании особого Берг-коллегиума. (Во внутреннем делопроизводстве первоначальное учреждение часто также называли сокращенно – Берг-коллегией.)

Даже после официального разделения некоторое время сохранявшая прежний «формат» коллегия не ограничивалась делами, связанными с горно-металлургическими заводами. Не удивительно, что среди первых в истории Берг-коллегии собственных ее проектов выделяются два, в отраслевом отношении достаточно далеких один от другого: создание лабораторного комплекса универсального назначения (пробирное дело, отработка металлургических технологий, обучение персонала) [18] и строительство завода по произ-

водству квасцов. Оба объекта создавались в Петербурге, где коллегия находилась с момента ее основания.

Алюмокалиевые квасцы (кристаллогидрат двойной соли – сульфата алюминия и калия) издавна применялись в ювелирном, красильном деле, медицине, косметологии. Использовали их и в Средневековой Руси. П. М. Лукьянов высказал мнение, что уже тогда они были отечественного происхождения, но кроме указания на отсутствие данных об их импорте до времени царя Алексея Михайловича ничем его не подтвердил [3. С. 453]. Если этот химический промысел тогда в России все же действительно существовал, большого распространения он не имел. Между тем в Западной Европе еще в XV – XVI вв. действовали крупные промышленные предприятия, на которых выпускали селитру, квасцы, купоросы [15. С. 20]. В начале XIX в. А. Щекатов сообщал, что «ежегодно Россия покупает квасцов на 100 тысяч рублей» и высказывал сожаление о том, «коль мало есть попечения о собственной сей соли» [17. С. 350].

В делах Кабинета Петра I сохранилось рукописное «Изъявление о химии». Оно включает перечень, всего 59 позиций, употреблявшихся в то время химических значков. Первый в этом списке – знак, которым обозначали квасцы [16. С. 228, 229.]. Симптоматично, что примерно в это время строить завод для их производства собралась Берг-коллегия, детище петровских реформ. Истории этой, может быть, первой попытки наладить в России промышленное производство квасцов посвящена данная статья.

Сведения о Петербургском квасцовом заводе Берг-коллегии, извлеченные из документов архивного фонда данного учреждения, в середине прошлого века ввел в научный оборот П. М. Лукьянов [3. С. 456-464, 495-498]. Он также опубликовал два источника: изображение проектного чертежа планировки завода (так он, во всяком случае, интерпретировал этот рисунок) и фотографию документа, содержащего его «спесификацию» – подробное описание оборудования и инструментов. По заключению исследователя, «завод построен не был», связанный с ним исторический эпизод представляет собой лишь попытку его «организовать» [3. С. 495, 498]. Но попытка была первой [3. С. 451, 729], поэтому, несмотря на неудачный ее исход, сюжет сохраняет значение в истории становления соответствующей промышленной отрасли.

Складывается, однако, впечатление, что в дальнейшем о старейшем квасцовом заводе России забыли. Так, о нем даже не упоминается в статье Л. В. Смирновой, С. Э. Платоновой и А. П. Керзум с обязывающим названием «Химические производства Санкт-Петербурга в дореволюционный период» [14], хотя XVIII веку, и, в частности, Петровской эпохе, внимание в ней уделено. Умолчание тем более показательно, что данная статья позиционирована как обзорная, и уже в силу этого ее авторы (библиографы Российской национальной библиотеки) связанную с темой литературу должны были бы представить читателю без пропусков в отношении пионерских экспериментов.

В настоящей статье, используя документы Берг- и Мануфактур коллегии (как известные П. М. Лукьянову, так и не упомянутые им), автор намерен проследить историю промышленного опыта, привлекающего исследователя не только почетным местом в начале списка подобных, но и возможностью затронуть вопросы, относящиеся к истории соответствующей технологии.

2.1. Термины

Предварительно приведем присутствующие в источниках производные от слова «квасцы» терминологические словосочетания и охарактеризуем их значение:

квасцовая земля [13. Л. 37, 174] и *квасцовая руда* [13. Л. 174] – минеральное

сырье, из которого получают квасцы;

квасцовый завод [13. Л. 174, 180, 180 об., 336] (то же во множественном числе [13. 180 об., 182]) – производственный комплекс для выработки квасцов из квасцовой земли. Единственный раз нами была встречена в источнике форма *квасной завод*, однако она присутствовала не в документах, а в предваряющей их внутренней описи (позиция 54 в [13]), составленной в более позднее время – при объединении документов в книгу;

квасцовая проба [13. Л. 71] – аналитическая операция с целью проверки качества сырья;

квасцовая плавильня [13. Л. 22]. Значение этого термина не вполне ясно. На плане, где он дважды употреблен, так названо помещение, в котором установлено оборудование, предназначенное, по нашему мнению, для проведения квасцовой пробы.

В настоящей статье перечисленные термины будут использоваться в указанных здесь значениях.

2.2. Обнаружение месторождения квасцовой руды и «заведение» квасцовой пробы (1720)

Квасцовую руду, для переработки которой было решено строить завод, обнаружил ефрейтор артиллерии бомбардирской роты Алексей Алтабасов (документ № 8 в книге [13]). Определить ее тип (была ли это собственно «земля» или квасцовый «шифер») на основании привлеченных документов возможным не представляется.

Доступные нам данные, свидетельствующие о начале работ, относятся к лету 1720 г.: в это время возчики доставляют на заводскую площадку бревна, плотники – сооружают «х квасцовому заводу» деревянный сарай, после чего получают оплату за сделанную работу [13. Л. 3-5, 15-16, 27-29]. Решается, как обеспечить охрану казенного имущества. Определиться с этим имевшей в своем подчинении очень небольшой персонал коллегии было непросто.

Вероятно в это же время ведется работа по проектированию. В документах присутствуют план «квасцовой плавильни» и два перечня инструментов и оборудования. Мы остановимся на содержании этих документов позже, пока же отметим дату более подробной спецификации – 12 июля 1720 г. (см. фотографию страницы [3. С. 497]). Как видим, к этому времени (середина лета 1720 г.) соответствующая документация была, по крайней мере, частично уже готова. (Разумеется, говоря об этом, мы не подразумеваем той большой и сложной работы, которая осуществляется при проектировании современных промышленных предприятий. Но какое-то, хотя бы и предельно упрощенное, проектирование тогда, несомненно, тоже осуществлялось).

В августе 1720 г. к службе в Берг-коллегии приступил присланный Военной коллегией капитан Петр Челищев. 22 августа состоялся «приговор» Берг-коллегии, определивший возложенные на него обязанности, в число которых было включено организационное обеспечение работ по строительству квасцового завода.

Содержащиеся в этом документе сведения характеризуют положение дел на начальном этапе реализации проекта. В приговоре упоминается некое место на Выборгской стороне, где пребывает «найденая квасцовая земля». Топографических уточнений текст не содержит, поскольку они не нужны – конкретное место Челищеву должен указать маркшейдер Штиф (так, с искажением, представлена здесь фамилия этого человека, к которому вернемся впоследствии). «Землю» необходимо куда-то перевозить. О «строении завода» в документе упоминается, но говорится туманно – ведется ли оно, или только намечено, не понятно. Судя по контексту, заводское место находится неподалеку от места находки руды, то есть тоже на Вы-

боргской стороне. (С учетом такой его локализации уместно предположить, что именно к заводу и предполагалось возить руду. Впрочем, это не обязательно так – в том случае, если «земля» предназначена для квасцовой пробы, а та производится не на заводе, а в другом месте.) Заниматься заводом поручено Челищеву: он должен выяснить, «что к тому строению будет надобно каких припасов» и подать в коллегию об этом «ведение». Перевозку руды должен организовать также Челищев, которому разрешено нанимать работных людей и оплачивать их работу. До него все связанные с будущим заводом заботы лежали на комиссаре Кондратии Елагине. Что им было сделано – из текста не ясно, поскольку поручение Челищеву сформулировано в самых общих словах: «А что на том месте, где квасцовая земля найдена, ныне построено какого строения и какие тамо есть припасы, – и то принять ему, капитану, у камисара Кондратья Елагина с описью» [8. Л. 296 об.-297; 13. Л. 37]. (Этой описи в делах нами не найдено.)

Неделю спустя после прикрепления Челищева к работам по созданию лаборатории и постройке квасцового завода у него появились первые помощники: сын сторожа Василий Иванов, рудоискатель Молодой (весьма примечательная личность) и не названный по имени человек из числа служителей, присланных в коллегию от Михаила Аврамова [8. Л. 327].

26 августа последовал указ о выдаче Челищеву 57 рублей для найма возчиков квасцовой «земли». Деньги он получил [8. Л. 31]. В начале сентября строился сарай, предназначенный, вероятно, для ее хранения. Заметим, что формулировка, содержащаяся в решении от 10 сентября (Челищеву разрешалось оплатить работу «за взноску земли на сарай х квасцовому заводу» [8. Л. 34]), не позволяет судить, где создавался этот объект – у места добычи руды или там, где намечалось строить завод.

По-прежнему актуальным оставался вопрос с обеспечением охраны важнейших порученных заботе Челищева объектов – завода и создававшейся, как вскоре убедимся, довольно далеко от него металлургической лаборатории. Коллегия надеялась поручить обеспечение их безопасности тем, кто охранял расположенные от них поблизости другие казенные объекты. В связи с этим в ее определении от 1 сентября 1720 г. сообщаются сведения, уточняющие местоположение предприятия. «Понеже квасцовой завод строитца ныне близ пороховых анбаров и саженого лесу, где сажен клен и липняк, которой под ведением Бориса Неронова, дабы от тех же караулов присылать и х квасцовому заводу» [8. Л. 327].

Дальнейшие события, отразившиеся в документах, относятся уже к осени 1720 г. 19 октября Штифт просил «х квасцовой пробе, которая заведена на Пушечном дворе, дров сосновых полсажени да уголья соснового мареного десять четвертей» [13. Л. 71]. Решение, вынесенное коллегией на следующий день, было положительным: дрова получить у комиссара Белеутова, уголь – у капитана Челищева, которому его купить [13. Л. 72].

Определение Берг-коллегии от 1 сентября и доношение в нее Штифта от 19 октября представляют интерес еще и потому, что позволяют уточнить пространственное положение интересующих нас объектов, в том числе, локализовать квасцовую пробу. Связанных с производством квасцов мест было три: два на Выборгской стороне, где на одном заготавливали квасцовую «землю», на другом строили (или собирались строить) завод, и место, где производится проба. Местоположение последней сообщает Штифт в указанном доношении: он говорит о «квасцовой пробе, которая заведена на Пушечном дворе». Пушечный двор – это, вероятно, Литейный пушечный двор, упомянутый, в частности, в определении коллегии от 1 сентября 1720 г. (в «Деле об отпуске в лабо-

раторию разных материалов») [13. Л. 10]), а он – то же, что упоминаемый в документах коллегии августа 1720 г. Литейный двор (без добавления слова «пушечный») [13. Л. 36, 38, 135, 216]. Как видим, источники связывают место пробы с достаточно известными постройками раннего Петербурга. На листах с перечисленными номерами неизменно присутствует формула «на бывшем дворе государыни царицы и великой княгини Прасковьи Феодоровны, которой супротив Литейного двора» [Там же]. Именно на этом дворе, отданном в Артиллерию, 18 августа 1720 г. было приказано «для пробы руд зделать лабораторию», а несколько позже – «вместо лаборотории против чертежа зделать плавильной сарай» [13. Л. 38, 36]. Таким образом, квасцовая проба была «заведена» напротив того места, где в это же время осуществлялся другой пионерский проект Берг-коллегии.

Итак, квасцовая проба производилась не там, где строился завод, а рядом со строившейся лабораторией. Что оправдывало хлопоты и несомненные затраты, связанные с перевозкой «земли», может быть, и не на очень большое расстояние, однако же через реку?

М. В. Ломоносов и И. Г. Леман описали очень простые процедуры квасцовой пробы, не требовавшие специального оборудования. П. М. Лукьянов, смущенный этой простотой, предложенный Леманом метод анализа презрительно охарактеризовал определением «примитивный» [3. С. 495]. Может быть, этот метод и не был так уж «малоэффективен» (еще одна характеристика, которую дает ему Лукьянов), но обеспечивал все же только качественное определение. Тех, кто намеревался использовать руду, интересовало, конечно, определение количественное. Следует, однако, учесть, что им было важно узнать не столько содержание в руде извлекаемого вещества, сколько степень извлечения, доступную той технологии, которую предполагали применять. Определить ее позволяла технологическая проба, в уменьшенном масштабе воспроизводившая всю цепочку технологических операций. Получалось, что до постройки завода следовало построить опытный участок. Он требовал к себе квалифицированного внимания, что подразумевало «пешеходную доступность» для наблюдающего специалиста. По-видимому, именно по этой причине квасцовый завод заложили неподалеку от места добычи руды, но далеко от места, где располагалась коллегия, а квасцовую пробу, наоборот – рядом с коллегией, где ею с максимальным вниманием мог заниматься ее штатный специалист.

2.3. Завод в 1721 г.

Велись ли работы на заводе зимой 1720/21 годов – нам неизвестно. Но весной некоторая активизация связанных с ним усилий имела место. 13 марта присутствие Берг-коллегии вынесло определение «о делании против чертежа квасцовых заводов… у которого велено быть капитану Челищеву» [9. Л. 14].

30 июня Челищев потребовал от коллегии расширить штат своих подчиненных. В это время он вел три важных объекта: пребывал «у строения плавилного сарая с анбары, которой строитца на бывшем дворе государыни царицы Прасковьи Федоровны, и у строения квасцоваго заводу, и у починки двора, что Берг-колегия». Лаборатория Берг-коллегии (плавильный сарай ею фактически и являлся) находилась у Литейного двора, давшего название этой части города [4. С. 364]. Квасцовой завод – «за рекою на Выборхской стороне и от плавилного сарая в дальном растоянии» [13. Л. 180]. Пристально следить за тем, что происходило на обеих площадках, с имеющимся штатом было невозможно.

Комплекс плавильного сарая включал собственно сарай (здесь складывали плавильные печи) и анбары. К квасцовым

делам объект отношения не имел, был связан с ними только тем, что рядом была заведена квасцовая проба. История постройки плавильного сарая (лаборатории), а отчасти и его техническое наполнение восстанавливаются по документам в общих чертах довольно легко [18, 19]. А вот о том, что можно было увидеть тогда на месте квасцового завода, документы умалчивают. В доношении от 30 июня Челищев ограничивается напоминанием о том, что там ему «велено строить сараи и велено к тому строению, сметясь, (т. е., составив смету. – *И. Ю.*) купить лесу и других припасов, что какова надобна». Между тем, завод находится «от плавилного сарая в дальном растоянии, а отлучатца от плавильного сарая, – жалуется Челищев, – мне много не можно, а г квасцовому заводу посылать некова». Трудности усугублялись неясностью того, *что именно* нужно строить. Имевшийся в наличии план использовать было нельзя: Челищев «по оному чертежу призывал пробовального мастера Штифта и он, мастер, сказал, что по такому чертежу строить он не знает». Единственное, чем вроде бы мог заниматься Челищев по данному проекту – заготавливать лес и припасы. Но и это требовало разрешения. Ему оставалось лишь высказывать соображения: «А, по мнению моему, ежели строить квасцовой завод, надлеж[и]т всякия припасы в нынешнея время купить» [13. Л. 180-180 об.]. Обратим внимание на оборот «ежели строить». Он как нельзя лучше характеризуют ситуацию неопределенности, в которой в это время пребывал проект.

Челищев не знал не только, что ему делать в этой ситуации, но и о чем просить. (Не считая, конечно, просьбы увеличить численность подчиненного персонала, что было полезно при любом повороте дела. Он так и поступал: поделившись беспокойством и высказав мнение, просил для присмотра за работами на двух удаленных объектах дать ему в прибавку 4 школьников и 3 солдат [13. Л. 180 об.].)

Отсутствие ясной перспективы ощущал, разумеется, не только Челищев. Складывается впечатление, что в Берг-коллегии тоже не знали, как быть с заводом, о строительстве которого столько уже говорилось. Не знали и притормаживали работу. Не останавливая полностью, коллегия свела ее к подготовке почвы для отложенного на будущее рывка. 11 июля 1721 г. в ней рассматривали вопрос «об отводе земли ис Полицмейстерской концелярии под строение квасцовых заводов» [9. Л. 33 об.]. В делах сохранился указ Челищеву от 1 августа того же года, содержащий изложение более раннего, от 18 июля, указа Берг-коллегии в Канцелярию полицмейстерских дел. Выделим некоторые его детали, раскрывающие положение, в котором проект находился в то время.

Во-первых, в документе уточнено место, где должен строиться завод. В дополнение к тому, что оно на Выборгской стороне, на берегу, узнаем, что Челищеву определено ведать «квасцовой завод и всякие принадлежащие к тому строение выше огорода, где сажен клен, а ниже новопостроенных слобод, которые под ведением полковника и лейб-гвардии капитана Гарасима Кошелева, понеже квасцовая руда к тому месту вблизости»;

Во-вторых, дополнена характеристика этого места: упомянуты «болоты, где та квасцовая земля лежит»;

В-третьих, говорится о необходимости отвода данной территории к заводу. При этом указано важное ограничение: земля, «по осмотру ис Полицемейстерской канцелярии, дабы под строения никому не отдана была, покамест о оной подлинная проба будет показана». Как видим, на данном этапе речь идет лишь о *временном* землеотводе. Будут ли болота отданы для добычи из них «земли» окончательно, должно определиться по результату пробы. Последняя, заметим, названа «подлинной», что подчеркивает ее отличие от операций предварительного анализа минерального сырья. Итак, по состоя-

нию на момент указа, болота заводу не отданы, проба – не завершена.

В-четвертых, указаны размеры земельного участка, на котором надлежит разместиться заводу: «и под строение оного заводу дабы отведено было место поперешнику на пятдесят, а длиннику на сто саженех». В пересчете это составляет 106,5 на 213 м;

В-пятых, перечислены действия, которые Челищев должен предпринять после того, как земельный участок будет отведен: «А по отводу той земли строить тот завод против того отведенного места, к реке на берегу, где пристойно, тебе, капитану, по данному чертежу. А к тому же заводу какова еще строения надобно подрядом строить – о том тебе, капитану, дастъся впредь чертеж»;

И последнее. Сообщено, какой делать крышу производственной постройки: «А крыть бы оной завод дранью». Из того, что сведений относительно других частей постройки нет, можно было бы предположить, что строительство «коробки» уже закончено, постройка подведена под крышу. Но это, как следует из контекста, не так [13. Л. 174].

Мы помним, что постройка завода началось, может быть, еще в 1720 г. Тогда был сооружен какой-то сарай, предназначенный, как мы предположили, для хранения руды. Но, или его поставили не на заводе, а у места добычи руды, или, поставив сарай на заводском месте, работы здесь приостановили. Во всяком случае, как это следует из указа Берг-коллегии Челищеву от 1 августа 1721 г., строительство завода на момент его (указа) выхода *не велось*. Начать (или возобновить) строительство предполагалось после отведения к объекту болот, из которых добывали квасцовую землю, и, главное, по получении результата «подлинной пробы». В тексте окончательное отведение поставлено в прямую зависимость от ее результатов. То, что при отрицательном исходе отвод делаться не должен, подразумевало закрытие проекта в целом. Это полностью подтверждает высказанные выше соображения о значении этой пробы в данной истории и гипотезу об обусловленном им (значением) выборе места ее проведения.

В коллегии, которая уже основательно втянулась в проект, скорее всего, надеялись, что испытания окажутся успешными. Строительство не форсировали, но готовились к нему: оформляли землеотвод и в условиях, приближенных к промышленным, удостоверялись в качестве руды.

Нам неизвестны, какой результат дала «подлинная» квасцовая проба. Но даже если он оказался удовлетворительным, в конце 1721 г. возникло новое обстоятельство, сделавшее строительство в Петербурге казенного квасцового завода крайне затруднительным, фактически – невозможным.

Какой объект изображен на плане «квасцовой плавильни»?

Обратимся к историко-техническому аспекту сюжета.

В нашем распоряжении имеются три документа, позволяющие в общих чертах реконструировать техническую сторону проекта: план квасцовой плавильни и две спецификации – краткая и более подробная. План содержит надписи, в своей совокупности составляющие еще одну спецификацию, что облегчает сравнение документов. План и одну из спецификаций опубликовал П. М. Лукьянов. Попробуем выяснить: а) что именно изображено на плане, б) как связаны план и спецификации, в) в связи с какими обстоятельствами потребовалось их составление.

П. М. Лукьянов при публикации плана интерпретировал его (в подрисуночной подписи) как «план Петербургского квасцового завода» [3. С. 496]. Между тем на самом чертеже словосочетания «квасцовый завод» нет. Имеется, причем повторенное дважды, другое – «квасцовая плавильня». Последнее с равной вероятнос-

тью может означать и завод (его производственное помещение), и помещение, в котором должна производиться квасцовая проба. По нашему мнению, в данном случае речь идет о последнем.

На плане показано оборудование, установленное на участке квасцовой плавильни [13. Л. 22]. Сравним его с тем, которое отвечает заводской технологии производства квасцов. За образец возьмем спецификацию (в оригинале – «спесификацию, что надобно на квасцовые заводы») из того же архивного дела, так же опубликованную П. М. Лукьяновым. Сравнение выявляет, что на плане отсутствуют упомянутые в спецификации «пробовальная» сковорода, емкости для жидкостей, трубы, желоба, бочки [3. С. 497]. (Отсутствуют также обручи и пруты, но их на плане изобразить невозможно. Почему на плане нет пробовальной сковороды, объясним дальше.)

Несовпадение плана и спецификации выявляется и при сравнении размеров. Постройка, изображенная на плане, представляет собой прямоугольник со сторонами 20 на 40 фут (6,1 на 12,2 м). Размеры постройки, в которой планируется разместить оборудование квасцового завода, в большой спецификации не указаны, но один из ящиков, которые должны были помещаться в ней, имеет размеры 20 на 10 фут, два других – 10 на 10 фут. Их совокупная площадь составляет 37,16 кв. м. – ровно половину площади плавильни, изображенной на плане. Разместить на оставшейся площади остальное оборудование при показанной планировке невозможно, при другой – может быть и можно, но проходов при этом уже не останется.

Единственное помимо изложенного объяснение несовпадения плана и большой спецификации можно найти, если зацепиться за присутствующую в доношении Челищева от 30 июня 1721 г. упоминание о внешней оценке имевшегося у него на руках проектного чертежа. Он (Челищев) «по оному чертежу призывал пробовального мастера Штифта и он, мастер, сказал, что по такому чертежу строить он не знает» [13. Л. 180 об.]. Получается, что этот, первоначальный, чертеж завода готовил не Штифт. Может быть, забракованный последним чертеж – и есть известный нам неподписанный и не датированный чертеж «квасцовой плавильни»?

Итак, Штифт фактически отказался от строительства квасцового завода по чужому, принесенному ему Челищевым, чертежу. Отменить последний в качестве обязательного для исполнения документа и передать дело разумению Штифта, по-видимому, не решились. Выбрали более осторожный путь. 6 июля 1721 г. в Артиллерии было получено ведение Берг-коллегии с просьбой «к строению на Выборской стороне квасцовых заводов для вспоможения капитану Челищеву в чертежах прислать из Артиллерии из кондукторов одного человека». 11 июля избранный для этого кондуктор Иван Дуров был в Берг-коллегию «на время до указу» послан [13. Л. 182]. Возможно, подразумевалось, что Дуров, Штифт и Челищев вместе решат, каким должен быть квасцовый завод и подготовят новую проектную документацию.

И все же этот вариант, подразумевающий, что первый, не понравившийся Штифту чертеж (в рамках этой версии – сохранившийся план квасцовой плавильни) был заменен новым, до нас недошедшим, кажется нам менее вероятным, чем вариант, в котором план изображает не завод, а участок, на котором заложена проба. К этому склоняет уже известный нам указ Челищеву от 1 августа 1721 г. «О сочинении квасному заводу чертежа и об отсылке оного в полицию» [13. Л. 174-174 об.]. Напомним, что было сказано в нем о чертеже. Предписывалось: после отвода земли строить завод «тебе, капитану, по данному чертежу». И далее: «к тому же заводу какова еще строения надобно… – о том тебе, капитану, дасться впредь чер-

теж» [13. Л. 174]. То есть, ранее данный чертеж не отменялся, новый, возможно, и собирались дать, но только в случае, если выявится необходимость «строения», ранее проектом не предусмотренного.

О тех, кто строил завод

Отложив на время вопросы, связанные с техникой и технологиями, которые с ее помощью предстояло реализовывать, присмотримся к тем, кто строил завод. Обратим внимание на двух человек.

П. М. Лукьянов особо выделял роль маркшейдера Штифта, и мы не собираемся это мнение оспаривать. Укажем, однако, на принадлежащее ему неоднозначное и этим смущающее нас следующее утверждение: «Для организации этого производства был приглашен иностранец Фридрих Штифт» [3. С. 495)]. Дело даже не с том, что здесь допущена ошибка в имени: Штифта звали не Фридрих, а Вильгельм Готфрид [7. Л. 185 об.]. И не в том, что считать его организатором работ по проекту можно только с большой долей условности – Штифту поручалось инженерно-техническое руководство, организационное обеспечение осуществляли другие. Не понятно, как понимать оборот «для… был приглашен». Если подразумевается, что как раз для организации данного завода он был приглашен в Россию или хотя бы в коллегию, то это для нас сомнительно, во всяком случае, требует доказывания. Если речь идет о том, что ему, служащему коллегии, среди прочих было дано и такое здание – то этот вариант приемлем. Действительно, именно Штифт в рассматриваемый период осуществлял техническое руководство работами по важнейшим проектам Берг-коллегии – в частности, готовил строительство квасцового завода. (Только вот корректно ли о даче ему очередного задания говорить как о «приглашении» этим делом заниматься?) Некоторые сведения об участии В. Г. Штифта в реализации другого важного проекта Берг-коллегии – создании лаборатории – приведены в нашей статье [18. С. 338, 339], к которой читателя и отсылаем.

Выделяя Штифта, не следует преуменьшать роль лиц, осуществлявших организационное руководство работами: комиссаров подпоручика Кондратия Елагина, поручика Романа Козлова, капитана Петра Челищева. Первые двое занимались заводом только на самой начальной и заключительной стадиях реализации этого проекта. Почти все время – без малого 17 месяцев – за него отвечал капитан Петр Челищев. (Сведения о его служебной карьере см. в нашей работе [18. С. 337].)

Челищев, как сказано в одном из документов, имел «к манифактурным делам некоторое искуство», на основании чего предполагаем, что он попал в Берг-коллегию не случайно. 11 июля 1720 г. Берг-коллегия обратилась в Военную коллегию с извещением, что по указу великого государя «капитану Петру Челищеву, которой прибыл в Санкт-Питербурх на галерах из Абова ис корпуса генерала и кавалера князя Галицына, велено быть при делах Берг-коллегии, понеже…» – далее следует ссылка на упомянутое выше «некоторое искуство». Берг-коллегию просила Военную коллегию «учинить» указ о присылке Челищева. Такой был дан. (В списке штата коллегии имеется уточняющая помета: «прислан из Военной коллегии Филлянского корпуса» [7. Л. 185].) 12 августа Челищев поступил в распоряжение Берг-коллегии для определения там к «манифактурным» делам [13. Л. 51]. Как уже говорилось, 22 августа определением Берг-коллегии был очерчен круг его обязанностей [13. Л. 37-37 об.] (все, что в этом документе касалось квасцового завода, рассмотрено выше). 30 августа Челищев просил коллегию об отведении ему в Петербурге квартиры, поскольку собственного жилья у него здесь не было. Коллегия 2 сентября обратилась по этому

поводу в Полицмейстерскую канцелярию [13. Л. 50, 51].

Челищев исправно трудился на важнейших петербургских объектах Берг-коллегии вплоть до конца 1721 г. 15 декабря коллегия вынесла определение об отсылке капитана в Москву «для употребления ево к делам Денежного двора» с передачей петербургских его дел поручику Р. Козлову [13. Л. 102-102 об.]. Отбывающего следовало «счесть», то есть провести финансовую проверку результатов его деятельности. Это несколько задержало переезд. В Москву Челищев приехал не позднее начала марта 1722 г. (4 марта последовало определение не взыскивать с него за нехватку серебра, посланного с ним из Петербурга [10. Л. 23 об.-24]). По прибытии был определен в Купецкую палату «у покупки золота и серебра за камисара». Получил штат: двух подьячих и пробовального мастера [10. Л. 46 об.].

(Обратим внимание на упоминание Купецкой палаты в сообщающем об этом документе от 6 апреля 1722 г. [10. Л. 46 об.]. Оно опровергает высказанное в литературе мнение, согласно которому это учреждение прекратило существование не позднее 1719 г. [1. С. 437].)

Карьера Челищева в Москве складывалась также вполне успешно – во всяком случае, в первое время после перевода, когда он находился в поле нашего зрения. Какое бы назначение от Берг-коллегии он здесь ни получал, всюду демонстрировал отличные организационные способности, а также знания и навыки, необходимые, чтобы понять, чего от него хотят технические специалисты. Мы не знает буквально ни одного задания, с которым он не справился или завел дело «не туда».

Техника и технология на заводе

Вернемся к технике и технологии. Попытаемся выяснить, каково «технологическое содержание» объектов, именуемых в документах квасцовой пробой и квасцовым заводом.

Описания методов, применявшихся в XVIII в. для испытания квасцовых руд, по работам М. В. Ломоносова, И. Г. Лемана и Т. Ловица приводит П. М. Лукьянов [3. С. 495]. Все они довольно просты, в особенности Лемановская проба, позволяющая проводить экспресс-анализ. Первый и третий методы представляют собой упрощение промышленной технологии: включают обжиг руды, его промывку водой, прибавку к раствору урины или соли щелочного металла и упаривание в несколько этапов, в ходе которого происходит кристаллизация конечного продукта. Вполне естественно, что производственный участок, изображенный на плане квасцовой плавильни, полностью или отчасти должен был повторять заводское производство.

На плане и в подробной спецификации перечислено следующее оборудование. На плане: сырцовые сковороды, очистная сковорода, ящик «шитенкастен», скамьи, «на которых мыть», яма на щелоки, «мушная» камора, восковая камора [13. Л. 22]. В «спесификации, что надобно на квасцовые заводы»: свинцовые сковороды, «в которых варить»; свинцовую сковороду, «в которой чистить»; свинцовую «пробовальную» сковороду; железные обручи, которые «подкладывать по сковороду»; железные пруты под сковороды; деревянные ящики, «которые бы воду держать могли»; ящик в плавильне, называемый «шитенкастен», в котором отделяют квасцовую муку; яму, двойную скамью, на которой квасцовую муку мыть и чистить; трубы и желобы, которыми щелок в воду лить; дубовые бочки, в которые квасцы сыпать; инструменты и приспособления [3. С. 497].

На основании этого списка можно реконструировать приблизительно следующую технологию. Руду промывают (возможно, в деревянных ящиках), раствор отстаивают, «варят» (упаривают) на сковороде, сливают и чистят (отделяют от осад-

ка), переливают в ямы или ящик, по трубам и желобу добавляют щелок, очищают от осадка, снова упаривают, отделяют в ящике готовые квасцы («квасцовую муку»), их промывают, ссыпают в бочки. Упоминание в спецификации глины позволяет предположить, что на каком-то этапе производили ее (глинистого сланца?) химическое разложение. Но не исключено, что она использовалась в другом своем качестве – как дешевый пластичный, огнестойкий, водоупорный материал.

В общих чертах оборудование квасцовой плавильни повторяет оборудование завода – оно только меньше по размерам. На плане нет пробовальной сковороды. Причина представляется очевидной: она была здесь не нужна, поскольку весь этот опытный участок создавался не для промышленного производства продукта, а именно для пробы, испытания.

Высокая степень совпадения плана и подробной спецификации обусловлена задачей, для решения которой «заводилась» квасцовая проба. Нужно было не просто качественно определить, есть ли в сырье «материя», из которой можно получать квасцы. Требовалось выяснить, каков выход продукта дает эта руда, соответственно, определить мощность производства и его рентабельность. А это можно было сделать только при довольно близком воспроизведении промышленной технологии.

Берг-коллегия сталкивалась с подобными задачами неоднократно и, судя по описываемому ниже случаю, адекватно на них реагировала. После того как купец Павел Прокунин в 1767 г. представил в коллегию некоторое количество квасцовой земли, обнаруженной им в Козельском уезде, она была опробована двумя специалистами: обер-берг-пробирером Беттигером (некогда работавшим в лаборатории М. В. Ломоносова) и профессором химии Академии наук И. Г. Леманом. Оба обнаружили присутствие в руде «квасцовой материи», но коллегию эти заключения не устроили, поскольку носили качественный характер. (Так, Беттигер ограничился сообщением о наличии в «земле» квасцов и других составляющих «по малой части»). Коллегия пожелала получить дополнительные сведения о месторождении руды и ее качестве, в частности, сколько квасцов «или чего другого» можно получить из пуда. Было решено отправить из Московской Берг-конторы берг-пробирера с поручением осмотреть те места «с достоверностью» и, выяснив, есть ли «надежда к дальнему той руды добыванию», получить ответы и на другие волновавшие коллегию вопросы [3. С. 467, 468].

При относительной простоте технологии (позволявшей без существенных искажений в малом масштабе моделировать ее при пробе) специалисты той эпохи в немалой степени опирались не на объективные знания из области химической технологии, а на практический опыт, эмпирические правила, рецепты, усвоенные ими в ходе учебы. У разных специалистов опыт мог не совпадать. По этой причине проект производственного объекта, созданный одним лицом, другим мог быть раскритикован и отвергнут. В этой связи останавливает внимание упомянутый выше факт: привлеченный к строительству завода Штифт отказался строить по чертежу, к реализации которого, не исключено, уже преступили.

Помимо сказанного, это свидетельствует о нехватке в петровской России технических специалистов, и, как следствие, о попытках «приспособить» тех, которые сюда приезжали, к решению остроактуальных задач, подчас существенно отличавшихся от тех, ради которых их «выписывали». Штифт отказывает работать по чужому чертежу. Но в именном списке состоявших при Берг-коллегии царедворцев и других чинов, "у каких дел и какими чинами определены, также и при них что где каких приказных служителей, и для посылок… других чинов» (октябрь –

ноябрь 1720 г.), Штифт записан как «пробовальщик» и маркшейдер [7. Л. 182, 185 об.]. Как к «пробному» (вариант «пробовальному», «пробирному») мастеру к нему в первые годы пребывания в России и относились, в этом качестве и использовали (см., например, документы коллегии января – мая 1722 г. [11. Л. 20, 21, 24, 24 об., 58 об., 63]). Решение задач в границах этих специальностей ему и следовало поручать. Обязать его выполнить пробу – могли, тогда как формальных оснований привлекать к строительству квасцового завода, тем более в качестве главного специалиста, не было.

Впору задаться вопросом, не потому ли попытка Берг-коллегии построить такой завод закончилась неудачей, что строить его поручили Штифту. Полагаем, что в данном случае ее причины были иными. Прослеживая дальнейшую его профессиональную деятельность в России, обнаруживаем, что он очень неплохо знал металлургические технологии. На Урале, куда вскоре приехал вслед за В. Генниным, Штифт обучал «плавилному переплавному макшеидерскому и пробирному делам» и показал себя в целом самым достойным образом [2. С. 113, 115-117, 160]. Так неужели он, справившись с плавкой чугуна и меди, не мог наладить производство квасцов, технология которого была неизмеримо проще?

Закрытие проекта

Документальные упоминания о Петербургском квасцовом заводе Берг-коллегии охватывают период с лета 1720 г. по декабрь 1721 г. Таким образом, история этого проекта длилась не менее полутора лет. Срок, чтобы задуманное исполнить, довольно значительный, особенно если учесть, что технологический цикл и обеспечивавшее его реализацию оборудование были просты. Правда, уже решенный вопрос о строительстве задержала технологическая проба, но и для нее полтора года – срок более чем достаточный.

Итак, за указанное время построить квасцовый завод было можно и, не исключаем, даже не один раз. Тем не менее, хотя в одном из коллежских документов (от 1 сентября 1720 г.) и сказано, что квасцовый завод «строитца ныне» [8. Л. 327], мы не нашли ни одного факта (включая косвенные – о покупке или изготовлении специального оборудования и инструментов), который неопровержимо свидетельствовал бы о строительных работах непосредственно на заводской площадке. Где именно был построен упоминавшийся сарай – неизвестно. Квасцовую пробу «завели» точно на другом участке. Никаких работ не велось даже в декабре 1721 г., когда проба, несомненно, была завершена. Об этом говорит выписка о расходовании суммы, полученной Челищевым 23 ноября этого года. Деньги, выданные ему «на покупку припасов к плавилному анбару и квасцовому заводу и на заплату мастеровым людем», Челищев расходовал, начиная с 1 декабря, и большую часть потратил за три недели [13. Л. 336]. В документе ни одной записи, которую можно было бы уверенно связать с заводом. С конца 1721 г. сведения о проекте из документов вообще исчезают, из чего уверенно заключаем, что работа по этому проекту была прекращена.

Мы уже упоминали, в декабре 1722 г. Челищева, который занимался заводом на протяжении большей части времени его строительства, от связанных с ним забот освободили и отправили в Москву. Формальную замену ему нашли. Но проект терял не только «исполнительного директора». Уезжал и его технический руководитель.

В конце 1721 – начале 1722 гг. часть аппарата центральных учреждений переводят из Петербурга в остающуюся крупнейшим городом империи Москву. 19 января 1722 г. был дан именной указ «на Москве быть для суда и управления из каждой Коллегии по одному Советнику,

и иметь Контору для управления дел по указам своей Коллегии…» [5]. Но Берг-коллегию ждал переезд более масштабный: ее давно решено было перевести в Москву почти в полном составе. Еще 17 ноября 1721 г. в коллегии решался вопрос о выделении подвод для перевозки дел и имущества ее сотрудников, об освобождении помещений на «Китайском» (Китайгородском) монетном дворе для отправления коллежских дел, о подборе мест под казенные квартиры [9. Л. 525 об., 526]. 15 декабря оформили выдачу прогонных денег асессору Аврамову, 21 декабря берг-советнику Зыбину, 27 февраля следующего года тайному советнику барону фон Любрасу [9. Л. 57, 58 об.; 10. Л. 17]. Запись протоколам Берг-коллегии, «сочиненным в Москве» велась в особой книге уже с начала нового года [10].

В мае 1722 г. собирался в Москву и Штифт [11. Л. 58 об.]. Перевод произвели по требованию В. Геннина. Как писал последний А. В. Макарову, ему (Штифту) «надлежало быть со мною в Сибирской губернии у рудных дел» [2. С. 35]. Единственным остававшимся в Петербурге сотрудником коллегии, который, может быть, мог заниматься заводом, был асессор Шлаттер. Но у него хватало и других дел: его оставили, чтобы он обеспечивал работу лаборатории (где, помимо прочего, надо было еще и готовить учеников) и чтобы «в колежских делех остоновки не было» [10. Л. 17]. Не имея квалифицированного персонала, разворачивать строительство завода (в лучшем случае только еще начатое) было невозможно.

Но это, как нам представляется, было не единственной причиной. В противном случае после удовлетворения кадрового голода естественно было бы ожидать возвращения к проекту. Однако у нас нет сведений об этом даже для периода, когда химическая промышленность в Петербурге уверенно стала на ноги. Причем в том, что касается местной квасцовой руды, нет данных не только о ее переработке, но даже о возобновлении добычи. Поэтому, более вероятным представляется другое объяснение отмены строительства. Предполагаем, что при пробе было установлено ненадлежащее качество руды: или, что она содержала слишком малое количество субстанции, которую перерабатывала эта технология, или, что этой субстанции в ней вообще не было.

Итак, промышленный опыт потерпел неудачу из-за ошибки, допущенной при оценке качества руды? То, что в дальнейшем подготовительная к заводскому строительству стадия занимала большее время, и то, что к проверке руды Берг-коллегия с самого начала старалась привлекать специалистов, говорит, как кажется, именно об этом.

Россия еще долго удовлетворяла свои потребности в квасцах посредством импорта. Но попытки запустить собственное их производство не прекращались. Почти одновременно с Петербургским квасцовым заводом, который казна строила своими силами, готовилось строительство квасцового завода для переработки руды, открытой в Козельском уезде на земле Я. В. Брюса комиссаром Василием Филипповым в 1720 г. [3. С. 467]. Его строительство разворачивалось еще медленнее, чем казенного. Лишь в 1722 г., 29 августа, коллегия приняла решение об отправлении Филиппова в Козельский уезд «для делания из минералу квасцовой пробы» [10. Л. 16]. В 1723 г., 29 октября, она вынесла определение «О построении квасцовых заводов камисару Василью Филипову в Козельском уезде». Спустя 10 дней туда был послан соответствующий указ. 21 декабря того же года в коллегии разбирался вопрос «о даче сроку в десятине для новаго квасцоваго завода камисару Филипову», то есть, о налоговой льготе заводчику (см. опись документов в [12]). Именно эти руды переоткроет в Екатерининскую эпоху купец П. Прокунин, а его открытие послужит точкой отсчета в истории Тамбовского квасцового завода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бабич М В. Купецкая палата // Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. – Кн. 2 (Д - К). – М.: Наука, 1999. – 447 с.

2. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост. М. О. Акишин. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. – 481 с.

3. Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века / Под ред. С. И. Вольфковича. – Т. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 732 с.

4. Миллер Г. Ф. Санкт-Петербург // Географический лексикон Российского государства. – М.: Янус-К, 2012. – С. 333-370.

5. О бытии в Москве Сенатской Конторе, также от Коллегии Конторам, а в них Коллежским Советникам с переменою погодно, и о сочинении им для управления делами инструкции // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Т. 6. – № 3887. – С. 485.

6. Об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Т. 5. – № 3464. – С. 760-762.

7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 1.

8. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 89.

9. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 90.

10. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 91.

11. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 92.

12. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 94.

13. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 622.

14. Смирнова Л. В., Платонова С. Э., Керзум А. П. Химические производства Санкт-Петербурга в дореволюционный период // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2. – С. 485-498.

15. Соловьев Ю. И. История химии: Развитие химии с древнейших времен до конца XIX в. – М.: Просвещение, 1983. – 368 с.

16. Фальковский Н. И. Москва в истории техники. – М.: Янус-К, 1997. – 340 с.

17. Щекатов А. Словарь географический Российского государства. – Ч. 5. Р - С. – М.: Университетская тип., 1807. – 1296 стлб.

18. Юркин И. Н. Первая (1720) химическая лаборатория Берг-коллегии: события и люди (научная работа в России в доакадемический период) // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 52: Петровское время в лицах – 2010 / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. – С. 333-340.

19. Юркин И. Н. Петербургские лаборатории Берг-коллегии в первые годы ее существования // Вопросы истории естествознания и техники. – 2013. – № 3. – С. 97-115.

20. Юркин И. Н. Художники и их ученики в петербургских проектах Берг- и Мануфактур-коллегии: персоналии, объекты, технология // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 73: Петровское время в лицах – 2014 / Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – С. 397-405.

21. Юркин И. Н., Калита С. П. События и деятели художественной культуры России Петровской эпохи в документах Берг- и Мануфактур-коллегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Всеобщая история. – 2013. – № 3. – С. 72-83.

УДК 94(47).05/07
ББК 63.3(2)51/52+63.211
Отечественная история

АНАЛИЗ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ РЯЗАНСКОГО ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ XVIII - XIX ВВ.

И. Ж. Рындин

Рассмотрение и анализ документов и источников по рязанскому дворянскому землевладению XVIII - XIX вв., в том числе введенных в научный оборот М. Б. Оленевым в 2000 - 2015 гг. Определение роли и значения комплексного исследования упомянутых документов для общего изучения рязанских дворянских родов.

Ключевые слова
Рязанское дворянство, дворянское землевладение, Дворянская родословная книга (ДРК), однодворцы, ревизские сказки, отказные книги, «жеребей».

Начало XVIII в. совпало с новым этапом развития землевладения в Рязанском крае, который уже давно перестал быть пограничным. С этого времени началось освоение т. н. «Дикого Поля» – обширных плодородных земель к югу от Ряжска и Скопина. В основном эти земли попали в руки в руки крупной дворянской аристократии – князьям Волконским, Долгоруковым, графам Толстым и др. Заметную роль в освоение Юга сыграли и однодворцы. К сохранению однодворческого земледелия правительство подталкивало неразрешенность крымского вопроса и необходимость сохранения однодворцев как платежеспособного населения, способного содержать ланд-милицию и служить в ее составе.

В начале XVIII в. крупнейшими центрами Центрально-Черноземного района по земле- и душевладению были Шацкий и Ряжский уезды [1. С. 82]. В XVIII в. на южных рубежах Рязанского края поместьями владели крупнейшие землевладельцы России: князья Черкасские, Нарышкины, князья Голицыны, князья Долгоруковы, Головины, Бутурлины, князья Волконские, князья Урусовы, князья Хованские, князья Барятинские и Волынские.

Основным источником по дворянскому землевладению рассматриваемого периода являются ревизские сказки. Однако необходимо отметить, что они дают наиболее полную картину экономического положения дворянства только тех дворян, которые владели каким-либо имуществом. Безземельные дворяне не попадали в эту систему учета. Таким образом, при обработке данного источника можно получить комплексную характеристику дворянского землевладения, но невозможно определить, кто из дворянских землевладельцев был причислен к рязанскому дворянству, а кто нет.

Важным дополнением к изучаемому вопросу является работа М. Б. Оленева, материалы которой позволяют получить представление о состоянии дворянского землевладения за достаточно широкий промежуток времени, в том числе предшествующий 1-й ревизии. Автор обобщил сведения о рязанских помещиках, содержащиеся в писцовых, межевых, переписных книгах и других документах Старорязанского и Окологородного станов (в дальнейшем Рязанского и Спасского уездов). Автор также использовал в своих трудах данные отказных книг, содержащие фамилии владельцев имений, по указанным станам (уездам) [2, 3]. Всего за исследуемый период (конец XVI - середина XVIII вв.) М. Б. Оленевым было установлено ровно 800 фамилий. При этом в Окологородном стане поместьями и вотчинами владели 397 фамилий, в Старорязанском – 551 фамилия. 145 фамилий (18,13 %) владели имениями как в Старорязанском, так и в Окологородном станах. Также по полученным данным можно установить практически всех владельцев и совладельцев сел и деревень упомянутых станов за 1594 - 1748 гг., в некоторых случаях до 1762 г.

Среди постоянных владельцев рязанских поместий, то есть владевших ими на всем исследуемом промежутке времени, можно отметить следующие дворянские роды:

Абловы (27 персоналий, 10 селений в Окологородном стане [4. С. 517]);

Бакшеевы (51 представитель этой фамилии в течение 1594 - 1748 гг. владел 4 деревнями и 9 пустошами в Окологородном стане) [Там же. С. 428-429];

Башневы (9 персоналий, 4 селения, 1 пустошь в Окологородном стане [Там же. С. 431]);

Вельяминовы (20 персоналий, 4 селения в Окологородном стане и 7 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 442]);

Вердеревские (53 персоналии, 22 селения в Окологородном стане и 7 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 443-444]);

Взметневы (11 персоналий, 4 селения в Окологородном стане [Там же. С. 445]);

Войниковы (39 персоналий, 19 селений в Окологородном стане и 2 в Старорязанском стане [Там же. С. 446-447]);

Волковы (13 персоналий, 1 селение в Окологородном стане и 9 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 448]);

Вороновы (23 персоналия, 4 селения в Окологородном стане и 2 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 449-450]);

Ворыпаевы (23 персоналия, 7 селений в Окологородном стане [Там же. С. 450]);

Востросаблины (20 персоналий, 6 селений в Окологородном стане [Там же. С. 451]);

Князья Вяземские (9 персоналий, 1 селение в Окологородном стане и 5 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 452]);

Говоровы (20 персоналий, 10 селений в Окологородном стане [Там же. С. 454-455]);

Григоровы (50 персоналий, 11 селений и пустошей в Окологородном стане и 3 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 459-460]);

Денисьевы (12 персоналий, 5 селений в Окологородном стане и 3 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 462]);

Житовы (17 персоналий, 4 селения в Окологородном стане и 13 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 468]);

Жуковы (6 персоналий, 6 селений в Окологородном стане [Там же. С. 469]);

Запольские (22 персоналия, 2 селения и 10 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 469-470]);

Зуевы (9 персоналий, сельцо Мордасово в Окологородном стане [Там же. С. 472]);

Измайловы (49 персоналий, 23 селения в Окологородном стане и 5 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 473-475]);

Казначеевы (61 персоналий, 23 селения в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 476-477]);

Калачевы (14 персоналий, 2 селения в Окологородном стане [Там же. С. 478]);

Карамышевы (13 персоналий, 1 селение в Окологородном стане) [Там же. С. 479];

Киселевы (14 персоналий, 3 селения в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 481-482]);

Кобяковы (37 персоналий, 17 селений, 1 пустошь в Окологородном стане и 6 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 482-483]);

Кожуховы (4 персоналия, 1 селение в Окологородном стане [Там же. С. 484]);

Колемины (25 персоналий, 3 селения в Окологородном стане и 5 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 485]);

Кореневы (16 персоналий, 11 селений в Окологородном стане [Там же. С. 488]);

Коробьины (22 персоналии, 17 селений в Окологородном стане и 3 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 489-490]);

Костюрины (13 персоналий, 4 селения в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 491]);

Князья Кропоткины (9 персоналий, 5 селений в Окологородном стане и 5 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 492]);

Левоновы (42 персоналии, 23 селения в Окологородном стане [Там же. С. 495-496]);

Лихачевы (16 персоналий, 6 селений в Окологородном стане и 9 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 499]);

Лунины (11 персоналий, 1 селение в Окологородном стане и 7 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 501]);

Лысцовы (14 персоналий, 3 селения в Окологородном стане [Там же. С. 501]);

Любавские (19 персоналий, 3 селения в Окологородном стане [Там же. С. 502]);

Мартыновы (50 персоналий, 15 селений и пустошей в Окологородном стане и 6 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 504-505]);

Матюнины (10 персоналий, 8 селений и пустошей в Окологородном стане [Там же. С. 506]);

Мельгуновы (39 персоналий, 11 селений и пустошей в Окологородном стане и 2 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 507-508]);

Микулины (Никулины) (13 персоналий, 5 селений в Окологородном стане и 3 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 516]);

Нарышкины (17 персоналий, 15 селений и пустошей в Окологородном стане и 4 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 514]);

Павловы (24 персоналия, 8 селений в Окологородном стане и 6 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 522]);

Петины (16 персоналий, 9 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 525]);

Подымовы (24 персоналии, 4 селения в Окологородном стане [Там же. С. 527]);

Пущины (14 персоналий, 8 селений в Окологородном стане и 5 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 530-531]);

Рахманиновы (40 персоналий, 23 селения в Окологородном стане и 5 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 532-533]);

Реткины (19 персоналий, 8 селений в Окологородном стане [Там же. С. 534]);

Ржевские (8 персоналий, 5 селений в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 535]);

Савостьяновы (13 персоналий, 5 селений и пустошь в Окологородном стане [Там же. С. 536]);

Сатины (24 персоналия, 6 селений в Окологородном стане и 4 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 537-538]);

Секиотовы (23 персоналия, 6 селений в Окологородном стане [Там же. С. 539-540]);

Селивановы (14 персоналий, 8 селений в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 540]);

Соловкины (25 персоналий, 7 селений в Окологородном стане [Там же. С. 545]);

Степановы (45 персоналий, 16 селений и пустошей в Окологородном стане и 3 се-

ления в Старорязанском стане [Там же. С. 548-549]);

Тарасовы (12 персоналий, 3 селения в Окологородном стане [Там же. С. 552]);

Тверитиновы (31 персоналия, 14 селений в Окологородном стане [Там же. С. 553]);

Терновские (29 персоналий, 2 селения и пустошь в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 555]);

Фроловы (28 персоналий, 10 селения в Окологородном стане [Там же. С. 561]);

Хирины (23 персоналия, 8 селений в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 561-562]);

Хлуденевы (17 персоналий, 1 пустошь в Окологородном стане и 3 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 562-563]);

Чеботаевы (12 персоналий, 2 селения и пустошь в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 564]);

Чересовы (10 персоналий, 3 селения и пустошь в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 566]);

Шехмановы (27 персоналий, 7 селений и пустошей в Окологородном стане [Там же. С. 571]);

Щетинины (17 персоналий, 9 селений в Окологородном стане и 11 селений в Старорязанском стане [Там же. С. 575-576]);

Якимовы (34 персоналия, 13 селений в Окологородном стане и 1 селение в Старорязанском стане [Там же. С. 577]);

Яковлевы (29 персоналий, 10 селений в Окологородном стане и 4 селения в Старорязанском стане [Там же. С. 578]);

Ясаковы (13 персоналий, 2 селения в селения в Старорязанском стане [Там же. С. 579]).

Как видно из приведенного списка, число персоналий и количество селений не зависят от времени владения ими. Так род Калачевых, имея всего 14 своих представителей, владел всего двумя селениями в течение всего рассматриваемого времени. Род Карамышевых, имея 13 представителей, в течение этого же периода владел всего одним селением, а Кожуховых показано в ревизиях только 4 человека, владевших одним селением. В то же время, некоторые многочисленные роды, владевшие десятками селений, не вошли в прилагаемый список, так как владели поместьями в течение достаточно короткого промежутка времени.

Исследования ревизских сказок и некоторые другие данные показали, что лишь небольшой процент рязанских селений имел одного владельца. Как правило, поместные земли делились на несколько долей («жеребьев»), принадлежащих разным помещикам. В начале XVIII века число жеребьев значительно увеличилось. В это время многие селения, до этого имевшие помещиков из одного дворянского рода, также были разделены по жеребьям между несколькими фамилиями помещиков. Так деревней Абловой Окологородного стана с 1594 г. единолично владели помещики Ахмыловы, но в 1748 г. у них появляются совладельцы – Петрово-Соловово и Лихачевы [5. С. 214]. Деревня Абрютино того же стана с 1594 г. показана во владении Тверитиновых, а в 1748 г. частью села уже владели Казначеевы и князья Волконские [Там же. С. 215]. Григоровы владели селом Альяшево того же стана с 1594 г. В 1748 г. вместе с ними владельцами села показаны Коробьины и Кондаковы [Там же. С. 219]. С 1748 г. совладельцами Рахманиновых села Городище того же стана стали Козловы и князья Волконские [Там же. С. 240 - 241], совладельцами Казначеевых деревни Кичкино – Абловы [Там же. С. 274-275], совладельцами Левоновых деревни Кураксино – Петрово-Соловово [Там же. С. 281-282], совладельцами Ворапаевых деревни Оленинской – Говоровы, Коробьины, Окороковы, Секиотовы и Левоновы [Там же. С. 306-307] и т.д. Единоличными владельцами своих сел и деревень в 1594 - 1748

гг. в Окологородном стане являлись: Востросаблины (деревня Берсенево), Вердеревские (деревня Божатково), Измайловы (сельцо Глубокое). Передача жеребьев другим дворянским родам, как правило, происходило путем выделения приданого дочерям, а также посредством купли-продажи. Тенденцию к измельчанию и делению на доли между несколькими фамилиями помещиков подтверждают материалы ревизий. Эти процессы охватили даже самые южные уезды Рязанской губернии, Данковский и Раненбургский, где доля крупных и средних помещиков была значительно выше остальных уездов.

Комплексное исследование упомянутых документов, а также писцовых и переписных книг, актовых материалов, дворянских сказок и т.д. позволяет выявить: во-первых, родственные связи внутри дворянского рода; во-вторых, родственные связи между различными рязанскими дворянскими родами; в-третьих, обнаружить и исправить, различные описки, опечатки в названиях фамилий и прочих данных, а иногда и восстановить поврежденный текст; в-четвертых, в случаях, когда данные из различных источников совпадают, констатировать высокую достоверность полученных сведений. Также по приведенным данным можно составить перечень рязанских дворянских родов Окологородного и Старорязанского станов, пресекшихся к началу XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черников С. В. Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века. – Рязань, 2003.

2. Оленев М. Б. История сел и деревень Рязанской области. Кон. XVI – 1-й пол. XVIII вв. / Сборник справочных материалов по истории Рязанского края // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Кн. 1. – Рязань, 2014. – С. 206-362.

3. Оленев М. Б. Рязанские землевладельцы кон. XVI - 1-й пол. XVIII вв. // Там же. С. 423-580.

4. Оленев М. Б. Рязанские землевладельцы… С. 517.

5. Оленев М. Б. История сел и деревень… С. 214.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 94(47).05/07
ББК 63.3(2)51/52
Отечественная история

РЯЗАНСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-СОСЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.

Доктор исторических наук В. Ф. Ершов
В. П. Нагорнов

В статье анализируются правовые и социально-экономические условия становления металлургической промышленности в Рязанском крае. Авторы раскрывают влияние политики государственного стимулирования горнорудного дела и роль частной предпринимательской инициативы в развитии железоделательной промышленности в Рязанской губернии в XVIII – начале XIX в., освещают важнейшие особенности функционирования металлургических предприятий в контексте общей картины социально-экономического развития Рязанского края в дореформенный период.

Ключевые слова
Рязанская губерния, XVIII век, металлургическая промышленность, промышленная политика Петра I, промышленная политика периода абсолютизма, частное предпринимательство, крепостная мануфактура

Актуальность темы исследования определяется растущим значением металлургической промышленности в процессе экономической и технологической модернизации современной России, включающей решение задач в сфере дальнейшего количественного и качественного роста индустриального комплекса страны. Президент России В. В. Путин, в своем выступлении в Магнитогорске на Совещании, посвященном перспективам развития российской черной металлургии, подчеркнул, что металлургическая отрасль является краеугольным камнем всей российской экономики [1].

Изучение опыта развития отечественной металлургии в различные исторические периоды способствует формированию эффективной стратегии создания системы высокотехнологичного промышленного производства, в том числе в масштабе региональных индустриальных комплексов. В данном контексте значительный научный интерес представляет история становления центра металлургической промышленности в Рязанском крае.

Появление первых металлургических предприятий на территории современной Рязанской области связано с приоритетами экономической политики Петра I, ха-

рактеризовавшейся стимулированием частных инвестиций в добывающую и тяжелую промышленность, основная часть продукции которой имела гарантированный сбыт благодаря государственным заказам. Важнейшей чертой российской горно-заводской индустрии XVIII в. являлась высокая степень участия государства в процессе ее развития и деятельности, что значительно облегчало процесс ее институционального и технологического развития. Высшие органы власти России уделяли большое внимание развитию отечественной металлургической промышленности, выделяя ее в качестве приоритетного направления общего экономического развития страны, повышения военно-технического потенциала и, в результате, укрепления геополитических позиций Российской империи в мире, превращения России в фактор международного влияния. Ключевые позиции государственной политики в сфере металлургической промышленности были определены указом от 10 декабря 1719 года, которым учреждалась Берг-коллегия как орган центрального управления и контроля за развитием горнорудной отрасли. С 1722 г. в Москве была учреждена Берг-контора, которая осуществляла контроль за геологоразведкой и горными заводами в центральных губерниях, получивших наименование замосковных, куда входила и Рязанская губерния [5. С. 118].

Одновременно с Берг-коллегией была провозглашена «Берг-привилегия», предоставлявшая право свободного поиска и разработки полезных ископаемых по всей территории Российской империи, независимо от правового статуса земель и сословной принадлежности промышленника. Тем самым был установлен т. н. принцип «горной свободы», отмененный только в 1782 г.

В начале XVIII века Рязанская земля, ставшая в административном отношении Переславльской провинцией Московской губернии в соответствии с новым губернским делением, вступила в эпоху модернизационного развития экономики. По частной инициативе стали создаваться предприятия мануфактурного типа, в частности, в металлургической и металлообрабатывающей сфере. Добыча и обработка железной руды уже в Петровскую эпоху стала основным направлением развития местной тяжелой промышленности. Рязанский край не только дал кадры квалифицированных рудознатцев, но и сам стал ареной развертывания строительства промышленных предприятий на базе собственных месторождений железной руды, особенно в чугунолитейной и железоделательной промышленности. Первым и самым крупным очагом металлургического производства стал Пронский уезд. Здесь были построены и стали функционировать – в 1715 г. Улусский металлургический завод, а в 1716 г. – промышленный комплекс, состоящий из Истьинского-Залипяжского металлургического завода, Коленцевской и Столпянской игольных мануфактур, принадлежавших «компанейщикам» братьям Рюминым и их сотоварищу Томилину. В 1717 г. был построен Истьинский-Гулынкинский металлургический завод Л.С. Логинова (позднее перешедший в собственность одной из ветвей рода Рюминых), в 1722 г. – Кирицкий металлургический завод мастера монетного двора Кондратия Семенникова. Особо подчеркнуть следует тот факт, что Улусский и Истьинско-Залипяжский металлургические заводы в кооперации с Коленцевской и Столпянской игольными фабриками образовали важный Пронско-Старожиловский центр железной промышленности России. Это был единственный в России мануфактурный изготовитель игольной продукции. Протекционистская промышленная политика Петра I, выразившаяся в указах о привилегиях Рюминым и Томилину, сделала эти предприятия монополистами в сфере изготовления иголок, спиц, булавок и аналогичной продукции [16, 17, 18]. Первый

в России таможенный тариф 1725 г. установил ввозную пошлину на железо и иглы в размере 75 %. В результате в Пронско-Старожиловской округе создается мощный промышленный комплекс, состоящий из двух металлургических и двух игольных мануфактур.

В 1730 – 1740-е гг. в Рязанской губернии начали действовать Истьинско-Бордаковский, Непложский, Голеновский и ряд других металлургических заводов. На базе месторождения железной руды на р. Иберди в 1760-1763 гг. был создан и в течение 100 лет функционировал Ибердский (Ибердецкий) металлургический завод с доменным и молотовым производством [6. С. 228-231].

Одним из факторов развития металлургии в Рязанском крае стал указ Елизаветы Петровны о запрете строить металлургические заводы в радиусе 200 верст вокруг Москвы, что, в частности, обусловило создание тульскими промышленниками Баташевыми цепочки из 13 металлургических заводов, размещавшихся в смежных уездах Владимирской, Нижегородской, Тамбовской и Рязанской губерний [14]. Промышленная империя Баташевых к началу XIX в. давала 10 % производства металла в России и 50 % – в европейской части страны, занимая третье место после Демидовских и Яковлевских заводов. На территории Рязанского края Баташевы владели Сынтульским, Унженским, Ермишинским, Мердущинским и Гусевским заводами. О роли рязанских предприятий в успехе металлургического дела Баташевых косвенно свидетельствует тот факт, что главной резиденцией Андрея Родионовича Баташева с 1783 г. стало село Веркуцы и усадебный комплекс при Гусевском заводе.

Следует отметить, что первые рязанские заводчики, в отличие от Демидовых или Шуваловых, не являлись фаворитами казны и не получали за бесценок земли или готовые предприятия. Их первоначальные капиталы формировались благодаря личной предприимчивости, главным образом, за счет винокуренных заводов. В то же время, Рюмины и Баташевы успешно воспользовались теми преимуществами, которые давало российское промышленное законодательство, прежде всего, возможностью получения государственных подрядов, на обеспечение которых выдавались крупные авансы [11. С. 195].

В середине XVIII столетия наращивание объемов металлургического производства являлось одной из базовых тенденций промышленно-экономического развития Российской империи: в 1780 г. Россия выплавляла 110 тысяч тонн чугуна в год, в то время, как Англия – только 40 тысяч тонн (значительное превосходство российской металлургии по данному показателю сохранялось вплоть до середины 1790-х гг. Важным фактором развития частного металлургического производства в России явилось государственное стимулирование заводчиков. Практика освобождения владельцев новых фабрик и заводов от налогов на 10 лет, существовавшая еще в эпоху Московского царства в первой половине XVII века, начиная с петровского времени, дополнялась предоставлением государственных кредитов и субсидий, а также выделением казенных земель для постройки промышленных объектов. Н. И. Павленко подчеркивал, что существенные преимущества, которые получали металлургические предприятия промышленности, стимулировали купечество к постройке и приобретению заводов соответствующего профиля. «Ни винокуры, ни подрядчики, ни купцы, торговавшие за границей, не пользовались такими привилегиями, которые были предоставлены владельцам металлургических заводов. Главная из них состояла в праве владеть крепостными. Имело также место освобождение мануфактуристов от постоев, подводной повинности, выборных должностей и солдатской службы»

[10. С. 492].

Законодательно подтверждались и налоговые льготы для новых промышленных предприятий. Так, в сенатском докладе 11 июля 1762 г. отмечалось, что освобождение их от уплаты в казну десятинной доли товара или его стоимости, обязательной для всех частных производителей меди, железа и чугуна, необходимо для того, чтобы «новые заводы употребленный в них капитал возвратили и чрез то не претерпели бы отягощения, и тем самым придается охота к заведению вновь заводов, которые, как казне, так и обществу небесполезны есть» [8. Л. 69]. В документах Берг-коллегии конца XVIII в. сохранились документы, свидетельствующие о том, что данные льготы применялись и к рязанским заводам. Так, например, в ведомости выплавки чугуна «при партикулярных горных заводах» с указанием сумм налоговых выплат в казну за 1795 г., отмечено, что Непложский завод вдовы Мосоловой «от платежа десятинных денег уволен на десять лет» [9. Л. 12-12об]. В ноябре 1762 г. вышел указ, отменявший обязанность испрашивать разрешение на открытие фабрик и заводов[2. С. 54].

Одним из ключевых аспектов промышленной политики России XVIII – начала XIX вв. было обеспечение частных заводов трудовыми ресурсами. Указом Петра I от 18 января 1721 г. было разрешено приобретение купечеством крестьян для работы на фабриках и заводах с прикреплением деревень к предприятиям, что способствовало интенсивному формированию крепостной мануфактуры, получившей наиболее широкое распространение именно в горнодобывающей и металлургической промышленности. Прикрепление «навечно» работных людей к мануфактурам было подтверждено в указе Анны Иоанновны в 1736 г. [12. С. 322-324].

На металлургических заводах Рязанской губернии вольнонаемный персонал в конце XVIII – середине XIX вв. составлял не более 5 % [19. С. 113]. Труд посессионных рабочих оплачивался в минимальном размере, при этом крестьяне имели подсобные хозяйства или занимались дополнительно каким-либо ремеслом. Хозяйственно-экономический облик Рязанского края в этот период характеризовался преобладанием сельскохозяйственного сектора и связанных с ним ремесленных промыслов, предприятий пищевой и легкой промышленности (винокурение, салотопное и свечное дело, производство пеньки, мыла, изделий из кожи и т.п.). В то же время, наличие металлургических заводов играло важную роль в становлении финансово-промышленных механизмов капиталистического типа на местном уровне и в развитии торговых и отраслевых связей рязанских промышленников с другими регионами Российской империи. Металлургические заводы, а также суконные и стекольные мануфактуры являлись наиболее крупными промышленными предприятиями Рязанской губернии. Семьи ведущих рязанских промышленников нередко создавали смежные производства разного профиля, что делало финансово-экономическую структуру их предприятий более устойчивой. Так, например, Кирицкий металлургический завод вместе с основанной его владельцем Боленсом в 1781 г. зеркальной фабрикой составлял единый комплекс, находящийся во владении единого хозяина [8. С. 77-80].

В 1811 г. Министерство финансов ввело два разряда промышленных предприятий: 1) владельческие – основанные по праву дворянства без пособий от казны; 2) посессионные – основанные по Берг-привилегии 1719 г. и владеющие крепостными в соответствии с петровским указом 1721 г. Металлургические заводы, действовавшие на основе посессионного права, получали поддержку от государства казенными землями, лесами и рудниками, а до 1851 г. и рабочей силой, которые подлежали целевому использова-

нию только в данном округе [13. С. 29]. При этом деятельность данных заводчиков облагалась более высоким налогом и контролировалась горным ведомством путем внедрения чиновников в штаты управления предприятиями. Раздел предприятий на разряды продолжался в течение длительного времени при «ощутимом сопротивлении» заводчиков недворянского происхождения [3. С. 69]. В 1843 г. заводы Баташевых, в том числе в Рязанской губернии, были официально отнесены к категории владельческих; на посессионном праве в Рязанском крае по данным на 1850 г. действовали предприятия Смольянинова и Полторацкого, имевшие соответственно, 1170 и 1060 душ рабочих мужского пола [3. С. 69]. Рязанская губерния в конце XVIII – XIX вв. имела высокую плотность населения, 90 % которого составляло крестьянство, в том числе, прикрепленное к фабрикам и заводам: в середине XIX в. начитывалось около 15 тысяч приписных и посессионных работников, проживавших в деревнях Пронского уезда – главного центра рязанской металлургии, а также Спасского (здесь находился Кирицкий чугоноплавильный завод) и Егорьевского уездов. В общей сложности на заводах в Истье, Коленцах и Столпцах было занято более тысячи посессионных работников.

В первой половине XIX в. Замосковный горный округ являлся одним из динамично развивавшихся промышленно-экономических регионов империи. При этом главным (и фактически единственным) преимуществом Замосковного горного округа являлось его географическое положение в центре России на пересечении транспортных путей. В то же время, по качеству и объему залежей руды и обеспеченностью источниками энергии для производства металла Замосковный горный округ, как и другие металлургические центры Европейской России, был несопоставим с Уральским регионом, заводы которого выплавляли основной объем железа и чугуна. В свою очередь, заводы Рязанской губернии в рамках округа занимали среднее положение по своим производственным показателям. Сравнительный анализ графиков выплавки чугуна российскими металлургическими заводами в различных промышленных районах России в первой половине XIX века позволяет сделать вывод, что металлургическое производство в Замосковном горном округе в этот период «развивалось под воздействием характерных для всей страны факторов» [3. С. 71]; данное положение можно в полной мере отнести и к рязанской металлургии.

Необходимо подчеркнуть, что дворянское предпринимательство, широко распространенное не только в России, но и в Западной Европе, Латинской Америке, странах Юго-Восточной Азии, на определенном этапе своего развития являлось ключевым компонентом экономических систем данных регионов [4. С. 16]. В том числе, не следует недооценивать его роль в развитии отечественной металлургической и металлообрабатывающей промышленности XVIII – начала XIX вв. Практически все предприятия российской металлургии в XVIII – середине XIX вв. в той или иной мере использовали крепостной труд, отказ от которого привел к закрытию большинства старинных заводов Рязанского края. В пореформенный период прекращают деятельность Непложский, Кирицкий, Ибердский металлургические заводы.

С 1840-х гг. в Рязанской губернии все более активно развивается хлопчатобумажная промышленность с центром в Егорьевском уезде. Династия текстильных магнатов Хлудовых и другие основатели ткацких и прядильных фабрик, благодаря применению паровых машин и вольнонаемной рабочей силы, к концу XIX в. превратили хлопчатобумажное производство в ведущую отрасль губернской промышленности, продукция которой заняла прочные позиции на российском рын-

ке. Соответственно, металлургия и металлообработка заняли более скромное место в экономике Рязанского края. Сказался на состоянии рязанской металлургии и общеотраслевой кризис второй четверти XIX в., который большинство современных исследователей связывает с экстенсивным, полуфеодальным характером производства и дефектами транспортной инфраструктуры [15. С. 224-226].

В то же время, еще до 1861 г. проявилось стремление ряда заводчиков к технологической и организационной модернизации производства; например, значительные преобразования были осуществлены в 1849 г. на заводе С. Д. Полторацкого. Кроме того, четко обозначилась тенденция развития металлообрабатывающей промышленности: так, бывшим крепостным Баташевых Д. С. Барковым был создан в г. Касимове железно-лудильный завод, производивший посуду и различный инвентарь из касимовского и пронского железа. Продукция завода Барковых высоко ценилась потребителями и считалась одной из лучших в России. Другим успешным предприятием данной отрасли стала фабрика по изготовлению различных режущих инструментов, основанный в 1803 г. графиней де Броглио в селе Яковлево Рязанского уезда. Продукция завода была удостоена малой золотой медали на выставке в Москве в 1843 г. и медали II степени на Всемирной выставке в Лондоне в 1851 г. [14]

С середины XIX в. динамика развития металлургической и металлообрабатывающей промышленности Рязанской губернии в значительной степени определялась процессом укрепления торгово-посреднических фирм, обеспечивавших, в том числе, сбыт продукции рязанских заводов на внутреннем рынке, преимущественно в Центральной России [3. С. 79]. Так, предприятия Полторацких и Баташевых в этот период находились в зависимости от крупного рязанского торгового дома Барковых, основанного вышеупомянутым Д. С. Барковым [14].

Таким образом, процесс становления и эволюции рязанского центра отечественной металлургической промышленности в XVIII – первой половине XIX века развивался под воздействием комплекса факторов общероссийского и регионального характера, среди которых наиболее существенными являлись:

1) Промышленная и торговая политика российского государства, в том числе, регулирование прав собственности предпринимателей на землю, недра, леса и крепостных рабочих, налогообложение металлургических заводов и таможенные тарифы на их продукцию, формирование системы управления металлургической промышленностью и др.

2) Наличие в рязанском крае разведанных запасов железной руды, а также каменного угля, рек и лесов, обеспечивавших энергетическую сторону производства на начальном этапе развития отечественной металлургии;

3) Социальная динамика, обусловившая формирование класса рязанских промышленников и эволюцию их сословной принадлежности.

Как для всей российской металлургии этого периода, для рязанских металлургических заводов было характерно сочетание наиболее эффективных для своего времени технологий производства с патриархальным укладом, определявшим использование принудительного труда вотчинных и посессионных крестьян.

Старт развитию металлургического производства в Рязанском крае в первой четверти XVIII в. дала частная купеческая инициатива. Процесс формирования капиталов и социальных сообществ рязанских промышленников, включая владельцев железоделательных заводов, происходил характерным для российского торгово-промышленного класса путем, на основе накопления средств через экономически выгодные отрасли производства, прежде всего, винокурение и торговые

подряды.

Во второй половине XVIII – начале XIX вв. процесс одворянивания крупного рязанского купечества проходит параллельно с выдвижением новых предпринимательских кадров из крестьянско-мещанской среды. Династии рязанских горнозаводчиков XVIII – середины XIX вв. (Рюмины, Хлебниковы, Барковы) осуществляли диверсифицированные вложения капиталов, участвуя в развитии не только металлургической, но также и сельскохозяйственной, текстильной и других отраслей промышленности Рязанского края, что оказывало позитивное воздействие на социально-экономическое развитие региона в целом.

Деятельность рязанских металлозаводчиков не только существенно повлияла на местную экономику дореформенной эпохи, но и явилась одним из ключевых факторов в формировании региональной элиты, в укреплении связей рязанского купечества и дворянства с деловыми кругами и высшим обществом Москвы, Петербурга и других экономических и культурных центров России.

В эпоху реформ 1860 – 1870-х гг. рязанская металлургическая промышленность вошла в состояние стагнации, характерной в этот период для отрасли в целом. При этом Рязанский край сохранял значительный экономический и кадровый потенциал для развития ряда конкретных предприятий и регионального металлургического производства в целом, модернизации его инфраструктуры и технологий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина в Магнитогорске 16 июля 2012 г. Электронный ресурс. – Код доступа: http://www.metalinfo.ru/ru/news/57218

2. Агарев А. Ф., Курышкин В. П. Рязанский край в составе Российской империи (XVIII век) // Рязанская история в событиях и лицах. – Рязань: Русское слово, 2011. –Вып. 3.

3. Арсентьев Н. М., Дубодел А. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковный горный округ в планах и чертежах. – М., 2004.

4. Гамаюнов С. А. Дворянское предпринимательство Волго-Вятского района в конце XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис.и канд. историч. наук. – М., 1990.

5. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700 - 1900 гг. – СПБ., 1900.

6. Нагорнов В. П. Ибердский металлургический завод // Ряжская энциклопедия / под ред. Б. В. Горбунова. – 2-ое изд., испр., перераб. и доп. – Рязань: Изд-во Ряз. обл. тип., 2007.

7. Нагорнов В. П. Основные вехи истории и описание Кирицкого металлургического завода Рязанской губернии // История и современность: новый взгляд: Тезисы докладов студенческой научной конференции, 3 апреля 2006 года / Отв. за выпуск О. И. Шмелёва; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2006.

8. ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея). – Ф. 395. – Оп. 1. – Ед. хр. 20.

9. ОПИ ГИМ. – Ф. 395. – Оп. 1. – Ед. хр. 24.

10. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. – М., 1962.

11. Павленко Н. И. О происхождении капиталов, вложенных в металлургию России XVIII в. // Исторические записки. – 1958. – Т. 62.

12. Перхавко В. Б. История русского купечества. – М.: Вече, 2008.

13. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997.

14. Социально-экономическое развитие Рязанской губернии в дореформенный период. Электронная публикация // Сайт «Родная сторона». 24.11.2013 г. – http://rodnaya-storona.ru/node/195

15. Тарасов Р.С. Некоторые аспекты формирования промышленной и таможенной политики в металлургии России середины XIX в. // Металлургическая промышленность России XVIII - XX веков. / Отв. ред. проф. Н. М. Арсентьев; проф. В. В. Запарий. – Саранск-Екатеринбург, 2007

16. Указ из Мануфактур-коллегии от 28 февраля 1723 г. «О запрещении ввозить в Россию из чужих краёв иглы» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – Т. VII. – № 4839. – С. 572-573.

17. Указ Петра I от 11 мая 1722 г. «О привилегии компанейщикам игольных заводов» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – Т. VI. – № 4006. – С. 676-677.

18. Указ Петра I от 8 августа 1719 г. «О пошлинах с иностранных игл» // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – Т. V. – № 3411. – С. 727.

19. Чекурин Л. В. Рязанские мануфактуры и рынки в конце XVIII в. // Труды Рязанского исторического общества / Отв. ред. Б. В. Горбунов. – Рязань, 1997. – Вып. 1.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. МОСКВА

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)531/532
Отечественная история

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ РОССИЙСКИХ ДУХОВНЫХ МИССИЙ ДЛЯ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Кандидат исторических наук К. В. Бирюкова

В статье исследуются периодические издания Российских духовных миссий на Дальнем Востоке (в основном в Китае и Японии). Предметом исследования стали такие издания, как «Китайский благовестник» (Китай), «Православный вестник» (Япония), «Духовное море» (Япония).

Миссионеры осознавали важность печатного слова для распространения православной веры. Периодические издания выходили на русском и на языках местных народов. Печатались переводы, материалы христианского и общекультурного содержания, официальные документы, научно-исследовательские работы, освещались актуальные проблемы. Периодические издания миссий способствовали проповеди православия среди местных народов и межкультурному диалогу.

Ключевые слова
Российские Духовные Миссии, православные периодические издания, православие на Дальнем Востоке, «Китайский благовестник», «Православный вестник» («Сэйкё симпо»), «Духовное море» («Син кай»)

Уточним, что предметом исследования стали миссионерские периодические издания для корейцев, китайцев и японцев.

На территории самой Кореи периодических изданий Российской Духовной Миссии не выходило, но Забайкальская миссия с 1911 г. выпускала журнал «Православие» на корейском языке для корейцев, проживающих на территории деятельности миссии.

Крещение корейцев в Забайкалье началось в начале 1900-х годов. После аннексии Кореи японскими властями (1910 г.) приток корейцев в восточные пределы России заметно вырос. Для религиозно-нравственного просвещения корейцев, а также для изучения корейцами русского языка была устроена катехизическая школа [1. С. 160].

Для более действенной христианизации корейцев, живших в восточных землях России, было решено издавать журнал под названием «Православие». Его редактором стал кореец Авраам Ефремович Кузнецов, человек с удивительной судьбой. Отправившись на заработки в Америку, он принял там христианство в Методистской Епископальной Церкви. Обосновавшись впоследствии в Чите, он перешел в Православие, взяв фамилию и отчество в честь своего крестного отца –

архимандрита Ефрема. Приступив к изданию журнала, Авраам Кузнецов столкнулся с непредвиденными трудностями. По тогдашним законам периодическое издание, выходящее в России, должно было подвергаться цензуре государственным чиновником, знающим соответствующий иностранный язык. А поскольку такого чиновника, владевшего корейским языком, в Забайкалье не оказалось, гражданские власти долгое время не соглашались дать разрешение на выход журнала. Вопрос был улажен лишь благодаря новому читинскому вице-губернатору М. И. Измайлову. Сочувствуя и содействуя миссионерскому делу, Михаил Иванович разрешил издание журнала под цензурой и под ответственность начальника Забайкальской миссии – о. Ефрема [1. С. 165].

С 1911 г. журнал «Православие» на корейском языке стал регулярно выходить тиражом 500 экземпляров. «После выхода первых же номеров спрос на журнал со всех мест Забайкалья, из Владивостока и Приамурья оказался так велик, что 500 экземпляров стало далеко не достаточно для удовлетворения всех подписчиков; увеличивать же количество экземпляров журнала не представляется возможным за отсутствием средств, – сообщалось в «Отчете Забайкальской Духовной Миссии в 1911 году». – По отзывам образованных корейцев, полученным из Владивостока и других мест, журнал «Православие» в принятом направлении и характере должен иметь громадное значение в деле православной миссии среди корейцев» [1. С. 166].

Сотрудники Российской духовной миссии в Китае выпускали журнал «Китайский благовестник» («Чжунго фуынь бао») на русском, английском и китайском языках. Изначально журнал назывался «Известия Братства Православной Церкви в Китае», а в 1907 г. был переименован в «Китайский благовестник». «Братство Православной Церкви в Китае» было учреждено в 1904 г. по инициативе владыки Иннокентия (Фигуровского) в связи с событиями Русско-Японской войны (1904-1905 гг.), при нем учредили комитет «для попечения о больных и раненых и нуждающихся воинах и их семей» [7]. Решено было издавать свой печатный орган – «Известия Братства Православной Церкви в Китае». «Это был самый ранний по времени основания русский журнал, издававшийся в Китае. Его первый номер вышел 25 марта 1904 г. Журнал открывался воззванием епископа Иннокентия» [7].

Первые три выпуска вышли в Харбине, в «Первой частной типографии» (братьев Скоблиных) [3]. Потом издание переместилось в Пекин, где существовала типография миссии в Успенском монастыре [10. С. 155].

В 1907 году журнал был переименован в «Китайский благовестник» в связи с подчинением храмов по линии Китайской Восточной железной дороги Владивостокской епархии и закрытием действовавших при них отделений Братства. [4].

В издание «Китайский благовестник» 1907 г., Вып. 56-57 вклеен тонкий узкий зеленый лист с текстом следующего содержания: «От редакции. В силу указа Святейшего Синода № 9015 о подчинении Владивостокской епархии церквей по линии Кит. Вост. ж.д., отделения Братства при сих церквах закрываются, а орган «Известия Братства» будет печататься под названием «Китайский Благовестник», при чем программа и условия подписки остаются те же. Статьи, сообщения и корреспонденция принимаются редакцией на прежних основаниях» [4]

С. Г. Андреева поясняет: «В 1907 г. в связи с переходом православных церквей, расположенных в Северной Маньчжурии (до линии Куаченцзы-Пограничная), в ведение Владивостокской епархии (указ Св. Синода за № 9015) миссия получила разрешение выпускать Китайский благовестник в Пекине. Он издавался почти все время существования РДМ в Китае. «Китайский благовестник» выходил два раза

в месяц и печатался в типографии Успенского монастыря РДМ» [2. С. 273].

В 1939 г. журнал «Китайский благовестник» писал: «В данное время «Китайский благовестник» является единственным русским журналом, сохранившимся с довоенного (имеется в виду Первая мировая война) времени и вообще старейшим изданием в зарубежье (январь-фераль. С. 43) [3].

К. Кепинг рассказывает об обложках. В 1912-1913 гг. рисунок, изображающий Храм Всех Святых Мучеников (в память православных китайцев, мученически погибших в ходе «боксерского» восстания 1900 г.), украшает титульный лист «Китайского благовестника» [3]. Изображение колокольни над Святыми воротами и идущего то неё моста, по обеим сторонам которого был установлен забор с красивой кованой решеткой, украшало титульный лист «Китайского благовестника» в 1914-1915 гг.» [3].

Редакторами журнала в разное время были: Архимандрит Авраамий (Часовников) 1907-1913 гг.; Архимандрит Симон (Виноградов), Вып. 1-6 1915 г.; 1915 – Вып. 7. 1917 – архимандрит Авраамий (Часовников); 1917 г. Вып. 4-13 выходят с пометкой «за редактора Епископ Иннокентий»; позже в качестве редактора вновь упомянут Архимандрит Авраамий (Часовников).

Стандартными рубриками журнала были «Корреспонденция» (в этой рубрике часто печатались письма из разных отделений миссии), «Оффициальный раздел», «Хроника церковной жизни» (позднее – «Из жизни Миссии»). Периодически включались статьи об истории инославных миссий в Китае, путевые записи миссионеров, заметки о праздновании православных праздников в станах миссии.

Миссионеры живо реагировали на происходящие в России события. Так, в номерах за 1914 г. с началом Первой Мировой большое внимание уделено теме войны. В № 13-14 от 15 авг. 1914 г. опубликованы Высочайшие манифесты о переводе армии и флота на военное положение (С. 1-2) и о том, что Германия объявила войну России (С. 2), а также несколько Слов императора: Слово императора к Совету Министров, Государственному Совету и Государственной Думе (3-4); Слово императора к представителям армии и флота на молебствии в Санкт-Петербурге 20 июля (С. 4); Слово императора к представителям дворянства, города, земства и купечества на Высочайшем выходе в Москве 5 августа (С. 4-5). В этом же номере опубликовано Послание Святейшего Синода (о начале войны) (С. 5-6). Военной теме посвящена и статья «Война» (№13-14, 1914 г., С. 7-9). Раздел «Война» продолжается в следующем №15-16 за 1914 год. В этом выпуске опубликованы: «Воззвание Верховного главнокомандующего к полякам» (С. 1-2); «Воззвание Верховного главнокомандующего к русскому народу» (С. 2-3); заметки «Размышления о войне», перепечатанная из «Le Journal de Pekin» (о том, что война вызвала «небывалый подъем в русском народе») и «Китай и война» со ссылкой на тот же источник (С. 3-6). В Вып. 17-18 от 15 окт. 1914 г «Воззвание Верховного главнокомандующего к народам Австро-Венгрии» (С. 1-2). В разделе «Война» в №19-20 за 1914 г. со ссылкой на «Колокол" опубликована статья «Небесное знамение победы» (С. 1-2), повествующая о чудесном видении в небе на том месте, где русскими войсками была одержана победа. В том же разделе, под заголовком «Высочайшая отметка» сообщается, что Начальник миссии доложил Обер-прокурору о том, что православные китайцы жертвуют в пользу больных и раненых воинов. Обер-прокурор подал о том доклад императору, который надписал на докладе «Прочёл с удовольствием» (С. 3).

О возрастании напряженности в китайско-японских отношениях свидетельствует заметка «Ответ Японии Китаю» (опубликована со ссылкой на «Le Journal de

Pekin») (№19-20 за 1914 г., С. 3). Выпуск 21-22 1914 г. открывается «Высочайшим манифестом» о том, что Германия и Австрия вовлекли в войну Турцию (С. 1-2). В выпуске так же опубликована информация о том, что служащие миссии решили отчислять ежемесячно из своего жалованья в пользу раненых и больных воинов и сирот. В конце выпуска приведен список жертвователей.

На последних страницах часто публикуется список жертвователей.

В «Китайском благовестнике» регулярно публиковались «Отчеты» о состоянии Пекинской Духовной Миссии. К такого рода публикациям относятся: «Миссионерская деятельность Пекинской Духовной Миссии за 1912-1913 год» (Вып. 7-8 за 1914 г., С. 2-29), с приложением сведений о личном составе миссии, её земельных владений и ризнице; «Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1913 год» (Вып. 1-2 от 15 янв. 1914 г., С. 7-10); «Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии за 1914 г.» (Вып. 1-2 за 1915 г., С. 27-30); «Отчет о состоянии Пекинской Духовной миссии в 1915 г.» (вып.1-2 за 1916 г., С. 20-23); «Отчет о состоянии Русской Духовной Миссии в Китае за 1916 год» (Вып.1-2 от 15 марта 1917 г., С. 1-3); «Отчет о состоянии Шанхайского отделения Духовной Миссии за 1916 г.» (Вып. 1-2 от 15 марта 1917 г., С. 6-9); «Личный состав Пекинской духовной миссии в 1 января 1917 г.» (Вып. 21-22 от 25 дек. 1916 г.).

Регулярно печаталась корреспонденция из отделений миссии: письма с рассказами о праздниках, миссионерских поездках, освящении храмов и богослужениях.

Некоторое время при миссии работала метереологическая станция, и в «Китайском благовестнике» регулярно публиковались метереологические сведения (№ 1-2 за 1914 г., С. 32; № 3-4 за 1914 г., С. 32; № 7-8 за 1914 г., С. 40; № 9-10 за 1914 г., С. 32).

Немало места в журнале уделяется материалам, посвященным различным аспектам жизни Китая: истории, религии, современной социально-политической ситуации.

В № 15-16 за 1914 г. появляется рубрика «Толкование Апостольских посланий», в указанном номере помещено толкование Соборных посланий (С. 6-9). В Вып. 19-20 за 1914 в этой рубрике выходит толкование на Соборное послание апостола Иакова (С. 25-28), продолжающееся в следующем Вып. 21-22 (С. 3-8). В 1915 г. в «Китайском благовестнике» №1-2 за 1915 г. опубликовано толкование на 1-е Послание св. апостола Павла (С. 5-12) с продолжением в №3-4 (С. 10-15).

В 1914-1916 гг. на страницах «Китайского благовестника» был опубликован ряд исследований об истории миссии.

Выпуски за 1917 г. пестрят заметками о готовящемся Соборе. Автор явно его не одобряет, считая не полезным столь широкое участи мирян (Вып. 4., С. 1-8; Вып. 11., С. 1-7; Вып. 13-14., С. 1-4).

В Вып. 13-14 за 1917 г. вышло «Сказание о мучениках. Пострадавших в Пекине в 1900 году» (во время «боксерского» восстания) (С. 5-8) – ценный источник информации для истории православия в Китае и последующей канонизации мучеников.

В настоящее время издание возобновлено. Два номера журнала вышли в 1999 г., один в 2000 и объединенный выпуск за 2003-2004 гг. В редакционный совет входят: свящ. Дионисий Поздняев, свящ. П. Иванов, А. Ломанов, М. Козлова. Традиционными рубриками издания, помимо официального отдела, являются «Из истории китайского православия», «Христианство и китайская культура», освещаются проблемы современной религиозной жизни Китая. Как и в прежнем издании, печатаются богослужебные и иные тексты на китайском языке.

Российская духовная миссия в Японии вела обширное издание православной пе-

риодики. Японский исследователь Прокл Ушимару свидетельствует: «Святитель Николай придавал большое значение печатному слову. По возвращении из России в 1880 году он начал выпускать журнал «Православные новости». Он выходил дважды в месяц и был посвящен религиозному наставничеству, богословию, новостям Православия в целом и жизни приходов в Японии. В первом выпуске журнала святитель Николай, указывая его цель, выразил в религиозных терминах стремления периода «Мейдзи» к просвещению «через изложение тайны Православия на основе вечного закона ради исправления и исцеления упадничества, вызванного коррупированными обычаями». Позже, в период митрополита Сергия, журнал стал называться «Православный вестник» («Ортодокс герольд»). Начиная с ноября 1912 года, он регулярно выходит под этим названием. Это старейший православный журнал в Японии» [6].

Вообще же за время своего существования Российская духовная миссия в Японии издавала четыре журнала. 15 декабря 1880 г. начал выходить дважды в месяц официальный орган миссии «Сэйкё симпо» («Православный вестник»), частью на русском, частью по-японски. Номера были объемом около 40 страниц. Газета «The Japan Daily Mail» ежемесячно печатала обзоры религиозной прессы стране, и часто высоко отмечала статьи, вышедшие в «Сэйкё симпо». В ноябре 1912 г. журнал сменил название, и выходит до сих пор как «Сэйкё дзихо» («Православный бюллетень») [8. С. 80].

При женской духовной школе издавался ежемесячный журнал «Уранисики» («Скромность»). Смысл названия объясняет Э. Б. Саблина. Дословный перевод – «подкладка из парчи». Согласно конфуцианскому мировоззрению, дорогая парчовая ткань, которую принято было носить покрытой тонким шелком, символизировала душу человека, которому надлежит прежде всего заботиться о внутренней чистоте, пренебрегая показной суетой. Эта мысль удивительно перекликается с христианской: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» – наставляет в Первом послании апостол Павел [8. С. 80].

Издание «Уранисики» началось 15 ноября 1892 г., и было прекращено в 1907 г. за недостатком средств. Печатались духовно-нравственные, практически-наставительные и художественные произведения, переведенные на японский фрагменты классической русской литературы (Пушкин, Гоголь, Тургенев и др.). «Уранисики» стал первым японским журналом для женщин [8. С. 80].

Миссия издавала ежемесячный апологетический журнал «Син кай» («Духовное море»), с сентября 1893 г. Он был органом семинарии, печатал переводы философских и богословских статей из разных российских журналов. Вышло 70 номеров, в 1899 г. издание прекращено за недостатком средств [8. С. 81].

Прокл Ушимару называет его самым влиятельным из периодических изданий миссии. Он издавался Сабуро Секитаке, который известен также по переводу работы Владимира Соловьева «Эссе о Богочеловечестве». Журнал был посвящен богословским и философским вопросам и оказал большое влияние на формирование мировоззрения японских христиан. Его авторами были выпускники Токийской Православной Семинарии: Кисабуро Исикава, Ичиро Исигаме, Кейзо Минамото, Тосихару Сато, Эносуке Хичуги, Масутаро Комиси, Какусабуро Сенума, Тойохику Ямада, Мичиро Мицуи [6].

Ежемесячно, с 1893 по 1918 г., выходил журнал «Сэйкё ёва» («Православная беседа» – проповеди, обсуждение религиозны вопросов.

«Нива» («Сад»), «Нироку симбун» («Круглосуточная газета»), «Симэй»

(«Предназначение») – в этих изданиях выходили религиозно-нравственные тексты, краткое изложение православных догматов, жития святых, иногда произведения светской литературы [8. С. 81].

С февраля 1970 г. издавался официальный печатный орган Японской Автономной Православной Церкви «Сейкё дзихо» («Православный вестник»). Бюллетень выходил на японском языке, ежемесячно, объемом 20 страниц среднего формата. Кроме него издавались небольшие обозрения при епархиях. Подворье Патриарха Московского в Токио, возглавляемое Преосвященным Николаем (Саяма), епископом Можайским, также печатал свой Информационный бюллетень. «Православный вестник» знакомил с официальными церковными документами, освещал Соборы и съезды Японской Церкви, содержал материалы о событиях международной религиозной жизни, материалы проповедей, статьи, изречения из Священного Писания и святоотеческих творений, отмечал праздники, помещал на своих страницах рецензии на выходившие книги [5. С. 55-56].

Периодические издания Российских Духовных Миссий способствовали не только проповеди православия среди местных народов, но и взаимному диалогу культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Августин (Никитин), архимандрит. Православие у корейцев Забайкалья и Приамурья // История российской духовной миссии в Корее. – М., 1999. – С. 150-170.

2. Андреева С. Г. Издательская деятельность Российской православной духовной миссии в Пекине (конец XIX – первая треть XX века) // Общество и государство в Китае. 29 конференция. – М., 1999. – С. 269-275.

3. Кепинг К. Храм Всех Святых Мучеников в Бэй-гуане (Пекин). Режим доступа. – http://fondiv.ru/articles/1/46

4. Китайский благовестник. – 1907. – № 56-57.

5. Православная периодика в Японии. «Сэйкё дзихо» («Православный вестник») // Журнал Московской Патриархии. – 1978. – № 10. – С. 79-80.

6. Прокл Ясуо Ушимару, протоиерей. Японское православие и культура периода «Мейдзи» // Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21-28 июля 1986 года. Режим доступа. – http://www.krotov.info/history/19/57/ushimaru.htm

7. Русская миссия в Харбине. Режим доступа. – http://tserkov.eparhia.ru/nubers/churchsociety/?ID=49

8. Саблина Э.Б. История Японской Православной Церкви и ее основатель архиепископ Николай. М.-Спб., 2006

9. Страницы жизни Японского Православия // Журнал Московской Патриархии. – 1979. – № 11. – С. 55-56.

10. Хисамутдинов А. К истории русской общины в Пекине // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 2. – С. 151-156.

БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН, г. УФА

УДК 94(47).084.6/8
ББК 63.3(2)614/62
Отечественная история

СНАБЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БАШКИРСКОЙ АССР В ПРЕДВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ [1]

Кандидат исторических наук И. З. Шаяхметова
Кандидат исторических наук А. И. Уразова

В статье рассмотрена проблема организации снабжения городского населения, начиная с этапа становления органов местного самоуправления и заканчивая периодом Великой Отечественной войны

Ключевые слова
Городское население, Башкирская АССР, Великая Отечественная война, органы местного самоуправления, городские советы

Практическая деятельность органов местного самоуправления была связана с планомерным решением насущных проблем повседневной жизни. Одной из них был вопрос обеспечения населения продовольствием. В Башкирской АССР в годы Гражданской войны этим вопросом занимались коммунально-хозяйственные отделы городских советов [2. С. 16-19]. Отделы подчинялись как горисполкомам, так и соответствующим наркоматам.

Трудности военного времени не позволили органам управления и самоуправления обеспечить должный уровень снабжения городов предметами первой необходимости. Продовольственный вопрос был частично решен в годы НЭПа [3. С. 81]. Специфической задачей горсоветов в этот период стала борьба с частным капиталом. Устанавливался контроль над деятельностью частников, в торговле и общественном питании [4]. В конце 1922 г. в г. Уфе 77,4 % розничного товарооборота было в руках частного капитала, 19,1 % – государства, 3,5 % – кооперации. В связи с этим Уфимским городским советом проводилась работа по увеличению государственного сектора в хозяйстве. С этой целью регулировались цены на промышленные и продовольственные товары, снижались розничные цены, для облегчения сбыта готовой продукции предприятиями фабрично-заводской промышленности создавались объединения государственных торговых заведений: «Башторг», «Башкнига», «Хлебопродукт» и объединения кооперативных заведений: «Железнодорожный кооператив», «Горпотреб» и др. [5]. В результате осуществленных мероприятий в 1922 – 1928 гг. государственно-кооперативная торговля в розничном товарообороте стала преобладать над частной: 66,0 % против 34,0 % [6].

В 1920 – 1930-е гг. произошел решительный поворот в сторону замены торговли тотальным распределением – одной из характерных черт утверждающейся команд-

но-административной системы. Важнейшим мероприятием в сфере распределения стало введение в 1928/1929 – 1935 гг. нормированного снабжения населения городов СССР. Начиная с 1929 г. становятся дефицитными продовольственные товары [7]. Вместо действовавших ранее магазинов стали работать закрытые распределители, закрытые рабочие кооперативы, отделы рабочего снабжения [8. С. 15]. Были установлены единые форма и порядок выдачи карточек. Если первоначально их выдавали органы потребкооперации, то впоследствии право выдачи продовольственных карточек было передано горисполкомам.

Сложившийся дефицит на многие товары, в том числе товары первой необходимости, вынудил наряду с государственной торговлей разрешить и коммерческую. Летом 1929 г. она появилась в качестве дополнения к закрытым формам распределения, составляя всего 3,0 % в товарообороте, к 1934 г. достигла 25,0 % [8. С. 47]. Ассортимент коммерческой торговли составляли товары повышенного потребительского спроса. Коммерческая торговля осуществлялась через государственные магазины по завышенным ценам.

Таким образом, снабжение городского населения было недостаточным. Существовал дефицит даже на предметы первой необходимости. Хотя в 1935 г. было отменено нормированное снабжение населения продовольствием и государство перешло к развернутой торговле, не удалось решить все проблемы потребления [9. С. 56]. Так, в феврале 1941 г. в г. Ишимбай открытый розничный товарооборот создавал проблемы со снабжением населения. В частности, были отмечены большие очереди и спекуляции. В связи с этим горсовет Ишимбая обратился в Башобком об открытии семи новых специализированных магазинов [10].

В целом розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли, включая общественное питание, в 1924 – 1940 гг. вырос в 10 раз, до 1390 млн. рублей. Незначительность этого показателя очевидна, поскольку в 1940 г. в городах Башкирской АССР было всего 929 предприятий общественного питания [11. С. 6]. К достижениям предвоенного времени следует отнести появление специализированных магазинов. Так, в г. Уфа появился универмаг на улице К. Маркса, магазины «Галантерея», «Детский мир», современные «Гастрономы» и магазины военторга на улице Ленина [12].

В начале 1930-х гг. правительство СССР стало поощрять развитие колхозной торговли в городах. В связи с этим горисполкомы издавали правила колхозной торговли в городах, обязательным пунктом которых было разрешение на продажу излишков сельскохозяйственной продукции по ценам, складывающимся на рынке. Налоги и сборы с такой торговли отменялись. Однако регламентировались сроки торговли: апрель – июль, то есть с момента окончания хлебозаготовок и до начала поставок зерна государству из нового урожая.

В годы Великой Отечественной войны в связи с прибытием в города Башкирской АССР эвакуированного населения из западных районов страны перед городскими советами наряду с необходимостью трудоустройства прибывшего населения и его размещения встала задача продовольственного обеспечения. С начала войны было введено нормированное снабжение населения: карточки на хлеб, мясо, жиры, сахар и некоторые другие продукты питания, а также на определенные промышленные товары [13. С. 53]. Производство продуктов питания уменьшилось вдвое, а по отдельным видам еще больше [14. С. 57-58]. Задачи горсоветов состояли в организации продовольствия и промышленных товаров среди населения в соответствии с установленными правительством нормами снабжения различных категорий населения. При горпромторгах были образованы Управления по нормированному снабжению, а на местах бюро продовольственных и промтоварных карточек. Была введена дополнительная продажа хлеба во всех про-

довольственных магазинах. На заседаниях горсоветов Башкирской АССР в 1941 – 1945 гг. неоднократно рассматривались вопросы торговли хлебом, деятельности хлебозаводов и хлебопекарен [15].

Парадоксально, но деятельность организаций торговли в военный период существенно способствовала расширению специализации магазинов. В годы Великой Отечественной войны повысилось значение обеспечения населения услугами общественного питания. Это было связано с недостатком продовольствия, трудностями с получением топлива для приготовления пищи, вовлечением в промышленность городов большого числа сельского населения, введением сверхурочных работ. Доля товарооборота общественного питания в рознице государственной и кооперативной торговли увеличилась в 1940 – 1944 гг. в 2 раза [16]. До войны существовали определенные сложности в становлении общественного питания в городах республики. В чрезвычайных условиях сеть общественного питания разворачивалась оперативно и преимущественно располагалась на действующих промышленных предприятиях городов. Безусловно, это способствовало превращению сети общественного питания из открытой розничной в стационарную при столовых промышленных объектов и городских учреждений.

Горсоветы обязаны были изыскивать дополнительные ресурсы для снабжения населения. Для увеличения местных источников производства продовольствия и промышленных товаров и повышения доступности населению товаров широкого потребления большое значение имело образование на предприятиях отделов рабочего снабжения (орсов) [17]. В их распоряжение были переданы магазины, столовые, сельскохозяйственные подсобные предприятия. Горсоветы отводили орсам земельные участки под посадки картофеля и других овощей, обеспечивали население продовольствием путем развития коллективного и индивидуального огородничества. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих» горсоветы обязаны были выделять под огороды пустующие земельные участки в городах, свободные земли государственного фонда вокруг городов Уфа, Баймак, Белебей, Белорецк, Бирск, Благовещенск, Стерлитамак и Ишимбай [18]. Для решения вопросов, связанных с развитием индивидуального огородничества и созданием подсобных хозяйств, при горисполкомах были созданы земельные отделы.

Большое внимание горсоветы уделяли колхозной торговле. В 1944 г. через колхозную торговлю население городов Башкирской АССР приобрело до 2/5 животного масла и картофеля, 1/3 мясопродуктов, 1/5 молока и овощей [19]. Таким образом, привлечение источников децентрализованного снабжения населения позволило несколько компенсировать значительно сократившиеся в годы Великой Отечественной войны государственные фонды продовольствия и сэкономить на транспортных расходах.

Отдельным направлением работы горсоветов Башкирской АССР в годы войны было снабжение семей начсостава военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны. На 1 сентября 1942 г. на территории республики проживало около 18 тысяч эвакуированных семей начсостава Красной Армии, из которых 8 тысяч были размещены в городах [20]. Они обеспечивались продовольствием через торговую сеть военторга. Семьи военнослужащих, которые не имели денежных аттестатов, были прикреплены к столовым военторга. В 1942 г. торгующими организациями было реализовано товаров среди эвакуированного населения на сумму в 6,5 млн. рублей.

22 января 1943 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». С этого времени при горисполкомах Башкирской АССР были созданы отделы по государ-

ственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Дополнительно была введена должность заместителя председателя горисполкома, на которого были возложены обязанности начальника управления или заведующего отделом по государственному обеспечению [21. С. 54]. Организованные отделы провели работу по учету семей военнослужащих, выплате им пенсий, пособий и т. п.

В целом отделами горисполкомов и постоянными комиссиями при горисполкомах Башкирской АССР были осуществлены мероприятия по организации торговли и снабжения населения. Вместе с тем практическая деятельность отделов торговли осложнялась как чрезвычайными условиями, так и ростом численности городского населения, зависимостью от централизованного снабжения населения. Некоторое улучшение работы отделов торговли горисполкомов Башкирской АССР было связано с появлением местных источников снабжения, помимо централизованных, например, орсов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья написана в рамках государственной программы: «Города и городское население Южного Урала в XVI – XX вв.: история, источниковедение, историография», код и шифр ГРНТИ 60.30.204, номер государственной регистрации 200004581.

2. Шаяхметова И. З. Становление органов управления и самоуправления в городах Башкирии в 1919 - 1922 гг. // Российский научный журнал. – 2015. – № 3(46). – С. 16-19.

3. Заикин В. Орган пролетарской диктатуры. Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов (Страничка истории) // Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. – Вып. 1. – Уфа, 1927.

4. ЦИАРБ. – Ф. Р-91. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 9.

5. ЦАООРБ. – Ф. 122. – Оп. 16. – Д. 84. – Л. 3, 7.

6. ЦАООРБ. – Ф. 122. – Оп. 2. – Д. 21. – Л. 30; Оп. 8. – Д. 9. – Л. 300.

7. ЦАООРБ. – Ф. 122. – Оп. 16. – Д. 84. – Л. 3, 7.

8. Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935 гг. – М., 1993.

9. Саяхов Ф. Л. Осуществление ленинского плана построения социализма в Башкирии (1926 – 1937 гг.). – Уфа, 1979.

10. ЦАООРБ. – Ф. 122. – Оп. 21. – Д. 106. – Л. 72.

11. Айрапетов В. Г. Подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся Урала в годы третьей пятилетки (1937 – июнь 1941) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937 – 1975). – Свердловск, 1981.

12. Краткий отчет Уфимского Городского Совета рабочих и красноармейских депутатов своим избирателям о годовой деятельности (март 1927 – март 1928). – Уфа, 1928.

13. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М., 1968.

14. Чернявский У. Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне (1941 – 1945). – М., 1964.

15. ЦАООРБ. – Ф. 122. – Оп. 22. – Д. 128. – Л. 78.

16. ЦИАРБ. – Ф. Р-933. – Оп. 1. – Д. 3016. – Л. 184-184 об., 185.

17. ЦИАРБ. – Ф. Р-933. – Оп. 3. – Д. 1983. – Л. 125 об.

18. ЦАООРБ. – Ф. 122. – Оп. 22. – Д. 124. – Л. 60.

19. Красная Башкирия. – 1944. – 10 ноября.

20. ЦАООРБ. – Ф. 122. – Оп. 22. – Д. 16. – Л. 404.

21. Аюпов Р. С. Советы Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны. – Уфа, 1989.

РЯЗАНСКИЙ ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(47).084.8/9
ББК 63.3(2)622
Отечественная история

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ОФИЦЕРА КРАСНОЙ АРМИИ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА

Доктор исторических наук Б. В. Горбунов

Статья посвящена рассмотрению военной службы А. И. Солженицына. В основе работы – анализ его «Послужного списка», хранящегося в архиве Рязанского областного военного комиссариата.

Ключевые слова
Солженицын А. И., офицер запаса, Красная Армия, Великая Отечественная война, военкомат, воинский учет, воинское звание, заключенный

А. И. Солженицын – крупнейший писатель современности, лауреат Нобелевской премии, один из тех, кто идейно подготовил так называемую «перестройку», обернувшуюся в итоге, по словам другого выдающегося писателя и публициста, А. А. Зиновьева, для России «катастройкой». Вероятно, сам А. И. Солженицын, судя по его выступлениям последних лет в прессе, на ТВ, в живом общении с читателями, отчетливо представлял негативные последствия «перестройки» для русского народа.

В свое время (начало 1990-х), работая по поручению главного редактора «Рязанской энциклопедии» В. Н. Федоткина, и сам, будучи членом редакции и активным автором этого многотомного справочно-исторического издания, над темой «Рязанцы – генералы Великой Отечественной» в архиве Рязанского областного военного комиссариата, мне попался любопытный документ – «Послужной список. Александр Исаевич Солженицын».

Дело обстояло следующим образом. В ухоженном красного кирпича старинном двухэтажном особняке, расположенном в нижней части улицы Фрунзе, напротив дома правящего архиерея, меня встретил полковник В. И. Канапатский – тогда заместитель областного военного комиссара; ему в общих чертах была известна цель моего визита. Он повел меня в архивную комнату, где стояли 3 или 4 стареньких письменных стола. На одном из столов лежала стопа папок числом 14. «Вот все дела генералов-рязанцев, которые удалось разыскать в нашем архиве» – произнес полковник. Я удивился такому малому количеству персоналий и подал ему свой список. Спросив о происхождении моего перечня, он попросил воспользоваться им. К следующему моему появлению в облвоенкомате на моем столе аккуратно лежали 65 папок с документами генералов-рязанцев. Еще через три дня нашлись два недостающих дела.

Я занимался в архиве две недели. Од-

нажды я обнаружил на своем столе тонкую красного цвета папку, оставленную другим, открыл папку и обомлел: в ней находился послужной список офицера запаса Советской Армии А. И. Солженицына. Почти целый день я списывал в свою рабочую тетрадь сведения из этой папки. И вот, поскольку на папке не было грифов «Для служебного пользования», «Секретно» и подобных им, я решил, спустя почти четверть века, опубликовать в научном издании изложение «Послужного списка» А. И. Солженицына со своими комментариями к нему. Сыгало роль в решении о публикации и то, что долгое время ходили разговоры о том, что дело Солженицына похищено из военкомата. Я не знаю, кто и зачем распространял эти слухи, но дело Солженицына сегодня находится в архиве Рязанского облвоенкомата. Оригинальный текст «Послужного списка» ниже дан курсивом, остальное – обычным шрифтом.

Представляется, что знакомство с Послужным списком офицера А. И. Солженицына будет весьма интересным и для ученых-специалистов, занимающихся исследованием творчества и биографии писателя, и для общественности.

«Послужной список» представляет собой документ, размещенный на 21 листе формата А 4. На **листе 1** сверху гриф «*Министерство обороны Союза ССР*». Ниже надпись от руки: «*Исключен с учета по болезни. Военком Октябрьского райвоенкомата гор. Рязани подполковник И. С. Кулинцев*». Чуть ниже – подпись военкома. Дата резолюции и подписи отсутствует.

Подполковника, позже полковника, И. С. Кулинцева я знал лично – Иван Степанович был сослуживцем моего отца, часто бывал у нас дома. Ниже надписи «*Послужной список*» от руки красивым почерком: «*Солженицын Александр Исаевич*». Ниже следует таблица, в ней – два столбца: «*Воинские звания*» и «*Дата и номер ... приказа по личному составу и чей приказ*». Ниже идут сведения о присвоении А. И. Солженицыну офицерских воинских званий: *лейтенант* «*1.11.1942 г. № 0274 ГУНАртил. КА*»; «*ст. лейтенант*» *15.09.1943 № 0198 63 Армии*»; *капитан* «*7.05.1944 № 0057 1 Белор. фронта*». В нижнем правом углу листа ниже таблицы сделана надпись от руки мелким почерком: «*В/билет сер. БМ № 005931 выдан Октябрьским РВК гор. Рязани 17.03.1958 г.*». Дата 1958 год указывает на время снятия с воинского учета А. И. Солженицына.

Лист 2 содержит анкету и ответы на поставленные в ней вопросы. Анкета очень напоминает современный «Личный листок по учету кадров», который сегодня дают заполнить каждому поступающему на работу или на службу.

1. Число, месяц и год рождения. *11 декабря 1918 года.*

2. Место рождения. *Гор. Кисловодск Ставропольского края.*

3. Национальность. *Русский.*

4. Социальное происхождение. *Из служащих. Преподаватель.*

5. Партийность. *Беспартийный.*

6. Состоит ли в ВЛКСМ. *Не состоит.*

7. Образование:

а) Общее: *10 кл. средней школы № 37 гор. Ростова-на-Дону в 1936 году.*

Ростовский государственный университет, физико-математический факультет в 1941 году.

б) Военное: *3-е Ленинградское артиллерийское училище с 14.04.1942 по 1.11.1942 года.*

8. Какими иностранными языками… владеет – *английским и немецким, читает и переводит со словарем.*

9. Ученая степень и ученое звание... *Не имеет.*

10. Какие имеет научные труды…. *Методика «артикуляции», Издание Номерного института МВД, 1949 г.*

11. Самостоятельная трудовая деятельность до службы в Советской Армии…

1.9.1936 – 20.8.1941. Ростовский государственный университет. Студент.

20.8.1941 – 18.10.1941. Средняя школа № 1 г. Морозовска Ростовской области. Преподаватель математики.

18.10.1941 – 21.3.1956. Служба в Советской Армии и отбывание наказания.

04.1956 – 21.8.1956. Средняя школа им. Кирова Коктерецкого р-на, Джамбульской обл. Преподаватель математики и физики.

21.8.1956 – 16.8.1957. Мезиновская средняя школа Курловского р-на, Владимирской обл. Преподаватель математики и э/техники.

Как видно, в п. 11 даны сведения, относящиеся ко времени не только до службы в армии, но и после нее. При этом служба в Советской Армии и отбывание наказания по приговору суда записаны одной строкой. Так записывали обычно после реабилитации осужденного. Обращает на себя внимание изданный в 1949 году научный труд А. И. Солженицына «Методика «артикуляции», притом не указан объем этого труда, тираж и другие его параметры, что бы можно было дать ему какой-либо комментарий. Судя по тому, что издание этого туда было осуществлено Номерным институтом МВД, заказчиком работы были соответствующие органы.

В п. 12 рассмотрено прохождение действительной военной службы в Советской Армии.

18.10.1941. Призван Морозовским РВК Ростовской области с должности преподавателя математики Морозовской средней школы № 21.

18.10.1941 – 14.4.1942. Ездовой. 74 Отдельный Гужтранспортный батальон. Ст. 130.

14.1.1942 – 1.11.1942. Курсант. 3 Ленинградское артиллерийское училище, г. Кострома.

1.11.1942 – 5.12.1942. В резерве. 9 Запасной разведывательный артиллерийский полк г. Саранск. ГУНАрт. № 027. 1.11.1942 г.

5.12.1942 – 5.4.1944. Командир батареи. 794 отд. Армейский разведывательный артиллерийский дивизион Северо-Западный, Брянский и Центральный фронт 48 армии. Пр. 48 Армии № 0272 5.4.1944 г.

5.4.1944 – 9.2.1945. Командир батареи. 68 Пушечно-артиллерийской бригады 1 Бел. фронт.

9.2.1945 – 03.1953. Находился в заключении.

03.1953 – 03.1956. На спецпоселении.

21.03.1956 г. Уволен в запас по статье 59 п. «а» (по выслуге установленных сроков действительной службы). Пр. № 0109 от 29.4.1957 г.

П. 13. Служба в Красной армии на фронтах Отечественной войны.

Северо-Западный, Брянский, Центральный фронты в составе 794 отд. Армейского разведдивизиона в должности ком. батареи звуковой разведки. 12.1942 – 4.1944.

1 Белорусский и 2 Белорусский фронт в составе 68 пушечно-артиллерийской бригады в должности ком. батареи звуковой разведки. 4.1944 – 2.1945.

П. 14. Ранения и контузии, полученные в боях. *Не имеет.*

П. 15. Какими орденами и медалями СССР награжден.

«Отечественной войны 2 степени». За боевые отличия. Пр. артил. 63 арм. От 12.8.1943.

«Красной Звезды». За боевые отличия. Пр. ком. 63 ПА бр.

Медаль «За победу над Германией». Указ от 9.5.1945 г.

Медаль «За взятие Кенигсберга». Указ от 9.6.1945 г.

мед.«50 лет Вооруженных Сил СССР». Юбилейная. Указ от 26.12.1967 г.

В п. 17. сообщается, что *в выборные партийные и советские органы А. И. Солженицын не избирался.*

П. 19 сообщает, что *А. И. Солженицын не был в плену.*

П. 20. *Отец – Солженицын Исаакий Семенович умер в 1918 г. в г. Георгиевске. Мать – Солженицына Таисия Захаровна*

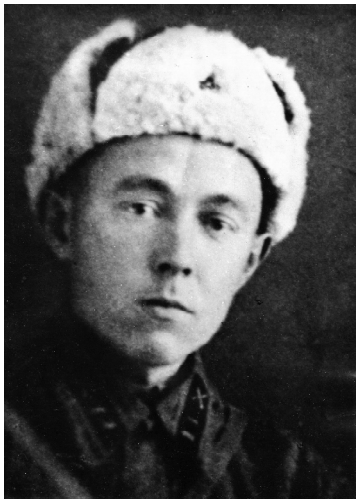
умерла в 1944 г. в г. Георгиевске.

Здесь обращает на себя внимание подлинное отчество А. И. Солженицына – **Исаакиевич**, что породило в свое время множество совершено необоснованных спекуляций о еврейском происхождении предков писателя. Непонятно все же, что стоит за отказом де-факто от имени отца.

Командир (начальник)
подполковник Гусев *Печать*

А. И. Солженицын на фронтах Великой Отечественной войны

А. И. Солженицын – ст. лейтенант (1943 г.)



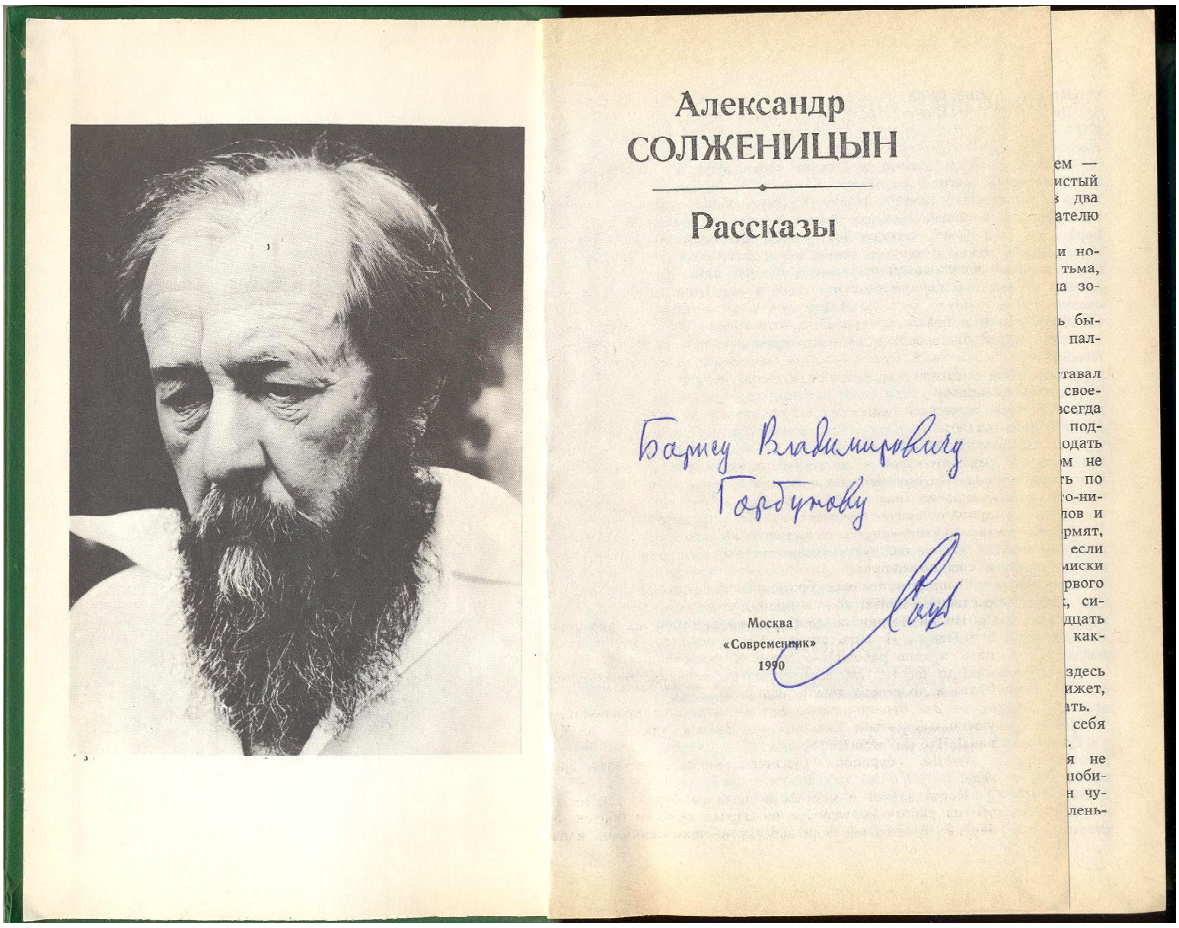
А. И. Солженицын – курсант (1942 г.)

А. И. Солженицын – красноармеец (1941 г.)

Командир звуковой батареи А. Солженицын и командир артиллерийского разведдивизиона Е. Пшеченко (февраль1943 г.) [2. С. 2]

А. И. Солженицын во фронтовых условиях (1943 г.)

А. И. Солженицын на встрече с жителями нашего города в октябре 1994 г.[1. Илл. 47]
Крайний слева – Горбунов Б. В. берет автограф у А. И. Солженицына.



Александр
СОЛЖЕНИЦЫН

Рассказы

Москва
«Современник»
1990

Автограф А. И. Солженицына на книге, принадлежащей Б. В. Горбунову [3].

Опись дополнительных материалов личного дела на тов. Солженицына

№	*№№ из документов*	*Наименование документов*	*Кол-во листов*	*Примечание*
1.		*Фотокарточка*	*2*	
2.		*Послужной список*	*6*	
3.		*Ответ на Запрос*	*1*	
4.		*Прохождение службы*	*1*	
5.		*Мед. справка*	*1*	
6.		*Копия справки*	*1*	
7.		*Отношение*	*1*	
8.		*Справка*	*1*	
9.		*Справка*	*1*	
10.		*Запрос в архив*	*1*	
11.		*Запрос в архив*	*1*	
12.		*Копия диплома*	*1*	
13.		*Справка мед. ком.*	*1*	
14.		*Справка врача*	*1*	
15.	*01093*	*Выписка из приказа*	*1*	
16.		*Запрос в архив*	*1*	
17.		*Запрос в архив*	*1*	

Начальник 3 части Октябрьского райвоенкомата гор. Рязани
майор Офицеров
Подпись. Печать.

Каждый из дополнительных материалов имеет самостоятельное значение; посвящены они в основном фиксации состояния здоровья писателя. Поэтому, учитывая совсем небольшое время, прошедшее со дня кончины А. И. Солженицына, я решил не публиковать эти документы по этическим мотивам.

В заключение выражаю благодарность Рязанскому Солженицынскому Обществу за фотографии А. И. Солженицына, отражающие его военную биографию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Потапов А. Н. Вековечный город. – Рязань: Новое время, 1995. – 40 с.: илл. – Илл. № 47: «Я привязался к Рязани…» Лауреат Нобелевской премии А. И. Солженицын на встрече с жителями нашего города в октябре 1994 г. ***Крайний слева – Горбунов Б. В. берет автограф у А. И. Солженицына.***

2. Солженицын А. И. Армейские рассказы. – М.: Русский путь, 2001. – 176 с.

3. Солженицын А. И. Рассказы. – М.: Современник, 1990. – [Книга из библиотеки Б. В. Горбунова с автографом А. И. Солженицына].

УДК 94(47).084.8/9
ББК 63.3(2)622
Отечественная история

МАТЕРИАЛЫ К АРМЕЙСКОЙ БИОГРАФИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В. П. Нагорнов

Излагаются факты армейской биографии А. И. Солженицына на основании его личных записей и официальных документов.

Ключевые слова
Солженицын Александр Исаевич, Великая Отечественная война 1941-1945 годов, армия, фронт, биография

Основным источником для печатаемого материала послужили личные записи А. И. Солженицына, сделанные в период его административной ссылки в с. Берлик Кок-Терекского района Джамбульской области. В тот период он разыскивал свое армейское личное дело, но дело тогда в Министерстве обороны СССР не удалось найти. Чтобы как-то зафиксировать свое участие на фронтах Великой Отечественной войны А.И. Солженицын составил на основании своей памяти небольшую справку. Свое изложение будем основывать на записях А. И. Солженицына, дополненных ссылками на официальные документы.

Как известно, А. И. Солженицын родился 11 декабря 1918 года в г. Кисловодске Терской области РСФСР. Под влиянием школы принял коммунистическую идеологию, в 1936 г. вступил в комсомол. После окончания школы в 1936 г. поступил в Ростовский н/Д государственный университет имени В. М. Молотова. Был сталинским стипендиатом. В 1941 году окончил полный курс наук университета по специальности математика и получил Диплом с отличием № 494022. Решением Государственной экзаменационной комиссии от 25 июня 1941 года ему была присвоена квалификация научного работника II разряда в области математики и преподавателя ВУЗов, ВТУЗов, техникумов.

Был распределен в среднюю школу № 1 г. Морозовска Ростовской области учителем математики [1].

18.10.1941 мобилизован Морозовским райвоенкоматом Ростовской области и был зачислен в 74-й отдельный гужтранспортный батальон Сталинградского военного округа красноармейцем-ездовым (рядовым).

Штабом Сталинградского военного округа направлен в 3-е Ленинградское артиллерийское училище (ЛАУ). 14.4.1942 зачислен курсантом 3-го ЛАУ, находившее в г. Костроме. После окончания 3-го ЛАУ приказом командующего Московского военного округа присвоено **звание лейтенанта** (по информации А. И. Солжени-

цына). Здесь память подводит А. И. Солженицына. На самом деле звание лейтенанта присвоено ему Приказом ГУНАрт КА №0274 от 1.11.1942 (ГУНАрт КА – Главное управление начальника артиллерии Красной армии). После окончания училища вышеприведенным приказом зачислен в резерв 9-го запасного разведывательного артиллерийского полка, дислоцировавшегося в г. Саранске и занимавшегося формированием дивизионов артиллерийской инструментальной разведки.

С 5.12.1942 назначен командиром 2-й батареи звуковой разведки (АИР) 794-го отдельного армейского артиллерийского разведывательного дивизиона (ОАР АД). В этой должности находился до конца службы на фронте, т. е. до 18.02.1945.

В составе этой части находился в действующей армии в составе 1-й Ударной армии Северо-Западного фронта (до апреля 1943 г.), 63-й армии Брянского и Центрального фронтов (лето 1943). 15 августа 1943 г. Приказом командующего артиллерии 63-й армии награжден **Орденом Отечественной войны 2-й степени.**

15.09.1943 приказом № 0198 по 63-й армии присвоено **звание старшего лейтенанта.**

7.05.1944 приказом № 0557 по 1-му Белорусскому фронту присвоено **звание капитана.**

С июня 1944 794 ОАР АД включен в состав 68 ПАБР (Севско-Речницкой пушечной артиллерийской бригады).

12 июля 1944 приказом по 68-й ПАБР награжден **орденом Красной Звезды.** Представление к ордену было подписано за боевые действия во время окружения его батареи в Восточной Пруссии (между Адлиг Швенкиттеном и Дитрихсдорфом) и выходу из него 26 января 1945 года [2].

9 февраля 1945 арестован, и 7 июля 1945 Постановлением Особого Совещания НКВД СССР по ст. 58 п. 10 ч. 2 и п. 11 УК за антисоветскую деятельность осужден на срок заключения 8 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и вечной ссылке по окончании срока заключения. Отметим тот факт, что, несмотря на осуждение, А. И. Солженицын не был лишен воинского звания и правительственных наград (хотя сайт Википедия утверждает, что А. И. Солженицын всё же был лишен воинского звания капитан). На момент ареста 68 ПАБР находилась в составе 48-й армии 2-го Белорусского фронта.

А. И. Солженицын полностью отбыл срок заключения. После окончания срока с марта 1953 административно сослан в Кок-Терекский район Джамбульской области.

6 февраля 1957 г. дело по обвинению А. И. Солженицына в антисоветской деятельности было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР. Постановление Особого Совещания НКВД СССР отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

В 1957 г. получил **медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»** (Указ от 9.5.1945 г.), в 1958 г. получил **медаль «За взятие Кёнигсберга»** (Указ от 9.6.1945 г.), в 1967 г. получил **юбилейную медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР»** (Указ от 26.12.1967 г.)

Армейская биография А. И. Солженицына закончилась с изданием Приказа министра обороны СССР по личному составу № 01093 от 29.04.1957 г., где значилось «капитана Солженицына А. И. считать уволенным из кадров Советской Армии в запас с 21 марта 1956 года по ст. 59 пункту «А» (по выслуге установленных сроков действительной службы). Календарная выслуга в Советской Армии с зачетом времени пребывания в заключении 14 лет 5 месяцев. Реабилитирован 6 февраля 1957 г.»

Реальный срок службы А. И. Солженицына в армии с 18 октября 1941 по 18 февраля 1945 г., из них в должности командира батареи звуковой разведки 794 отдельного армейского разведывательного артил-

лерийского дивизиона – с 5 декабря 1942 по 18 февраля 1945 г. Прошел боевой путь – от Орла до Восточной Пруссии.

По словам А. И. Солженицына, его личное дело находилось в 68-й Севско-Речницкой пушечной артиллерийской бригаде 48-й армии 2-го Белорусского фронта. Последующий розыск его дела в архиве Министерства обороны СССР не дал результатов. По всей видимости оно осело в недрах архива КГБ СССР.

В начале 1970-х автор статьи, будучи студентом технического вуза на Урале, хотел встретиться с А. И. Солженицыным. Приехав в Рязань, в адресном бюро узнал его адрес по ул. Урицкого, д. 17, но квартира оказалась запертой, в ней никого не было. В тот момент отношение к нему и его творчеству было благожелательным. Но с течением времени, с развертыванием современной исторической драмы СССР и России, современниками которой мы являемся, произошла значительная переоценка роли А. И. Солженицына в русской истории и литературе. Но, тем не менее, А. И. Солженицын остается заметным явлением в современной истории и литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крылов Владимир. Рязань помнит Солженицына. – Рязань: Поверенный, 2004. – 116 с.

2. Солженицын А. Адлиг Швенкиттен. Односуточная повесть // Новый мир: журнал. – 1999. – № 3.

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЭКОНОМИКИ И СЕРВИСА, г. ВЛАДИВОСТОК

УДК 94:656(571.6)
ББК 63.3(2)64+39.1
Отечественная история

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИКИ ТРАНСПОРТНОГО ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х – – НАЧАЛО 2000-Х ГГ.)

Кандидат исторических наук А. В. Лаврентьев

В статье рассматриваются главные направления государственной политики в области транспорта и их реализация на российском Дальнем Востоке. Предложена авторская периодизация транспортного развития региона в новейший период отечественной истории.

Ключевые слова
Транспорт, история, регион, государственная политика, соц.-экономические процессы

Общеизвестно, что основной мотивацией всех коренных российских преобразований в истории становилось техническое и экономическое отставание от западных цивилизаций. Опыт правительственной политики свидетельствует о первичности института государства как главного инициатора осуществления модернизаций. Этому способствовала объективная и не имеющая близких аналогов многофакторность (суровые природно-климатические условия, большие и остающиеся неосвоенными пространства, многочисленные геополитические вызовы, полиэтнический состав населения). Таким образом, сильное государство традиционно является «как бы противовесом несформированности самой цивилизационной базы и одновременно формирует сам субъект модернизации наряду с основными новациями» [1. С. 213].

Однако ретроспективный взгляд показывает, что этатистская модель их проведения в отличие от других стран оказывалась неустойчивой и непоследовательной в решении стратегических задач. Не случайно внимание специалистов акцентируется на перманентности тенденций усиления и ослабления функций государства (на первый взгляд, закономерной и универсальной в мировом цивилизованном масштабе) на различных этапах общественно-политического развития. В российском варианте подобные колебания приводили к незавершенности переходных периодов, оставляя большое количество системных пережитков. Сменяемость реформ контрреформами сопровождалась более жесткими средствами, которые позволяли достигнуть лишь краткосрочных целей и впоследствии заставляли вступать в очередную фазу подготовки к новым преобразованиям [13. С. 20].

Среди методологических изысканий относительно характера территориального освоения России и генезиса ее коммуникационной системы на дальневосточных рубежах, особый интерес вызывает применение регион-ориентированного подхода, сочетающего в себе отдельные постулаты евразийства и фронтирной трактовки российской модернизации. Восточные райо-

ны России в отличие от других (наряду с аналогичными территориями США, Канады, Австралии, Новой Зеландии) продолжали осваиваться и политически присоединяться в эпоху осуществления модернизации [10. С. 40]. Отсюда выводится и разная последовательность региональных индустриальных фаз и роль коммуникаций: в отличие от европейской России промышленный переворот за Уралом (как и стадия первичного освоения) начался с транспорта, который создал условия для других секторов (добывающего производства, сельского хозяйства, роста городов).

Однако незавершенность начинаний транспортного освоения, их дискретный характер осуществления негативно сказывались и продолжают сказываться на общей доступности и внутренней интегрированности дальневосточных районов. Пристальное внимание государства к развитию транспорта российского Дальнего Востока в последние годы обусловлено не только колоссальным значением, которое он имеет в системе жизнеобеспечения, но и геополитическими интересами России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Практически все планируемые в ближайшее время инновационные мега-проекты (территории опережающего развития, режим «порто-франко» во Владивостоке и др.) так или иначе связаны с совершенствованием дальневосточных коммуникаций.

В связи с этим, особенно актуальным является изучение опыта реформирования транспортной сферы региона в годы последних лет советской системы и перехода к либеральной, рыночно-ориентированной модели развития. Антикризисные мероприятия и попытки перевода ее на инновационные формы развития имели свои положительные и отрицательные последствия для экономики и жителей региона.

В развитии дальневосточной транспортной системы в исследуемый период можно выделить ряд различных по своим условиям и характеристикам этапов. Первый (середина 1980-х годов – 1991 г.) характеризовался изменением вектора региональной политики в годы «перестройки» в СССР, что способствовало некоторым позитивным сдвигам в дальневосточной системе транспортного обеспечения и обозначило качественно иные, чем прежде, варианты ее развития. Целевые инвестиции и реорганизация управления содействовали частичному техническому переоснащению, интенсификации сооружения коммуникаций, многообразию в сравнении с предыдущим этапом развития организационных форм деятельности транспортных предприятий.

Активизировалось строительство Амуро-Якутской магистрали. Началась реконструкция хабаровского завода по ремонту самолетов и вертолетов [4]. Попытки максимальной децентрализации управления предпринимались в сфере авиации. На конференции представителей трудовых коллективов, прошедшей в конце 1989 г., большинством голосов было принято решение об упразднении регионального государственного управления и создании Дальневосточной авиационной корпорации. Она предполагалась как коммерческая структура, возможные вмешательства которой в дела авиапредприятий строго оговаривались и ограничивались уставными документами [6. С. 2].

Получили развитие международные транспортные связи, основанные на новых политических и нормативно-правовых принципах; более разнообразными стали их география и способы осуществления. Помимо приграничных сообщений с КНР, налаживались контакты с ранее практически закрытыми для интенсивных сообщений Республикой Корея, Японией и США.

Однако планы территориального освоения помимо не совсем адекватной оценки местных возможностей теряли благоприятные перспективы своей реализации еще на начальных стадиях вследствие деструктивных колебаний и низкой эффективности общегосударственного экономического, а затем и политического курса. В частности, 2/3 предложений региональ-

ных экспертов по развитию железнодорожной инфраструктуры было исключено из программы развития Дальнего Востока, принятой в 1987 г. [3].

Основные инфраструктурные проблемы транспорта сводились к отставанию в техническом оснащении сортировочных и припортовых станций; недостаточным темпам электрификации участков Трансиба как основной железнодорожной магистрали Дальнего Востока; медленной реконструкции и строительству новых путей сообщения. По мере нарастания кризисных явлений прекратились государственные вложения в обустройство дальневосточной инфраструктуры БАМа. Наметилось заметное снижение перевозок по еще не достигшим необходимого функционального состояния его дальневосточным участкам. Неприспособленность мест для переработки перевозимых ресурсов, несвоевременность их прибытия, недостаток подъездных путей – все эти факторы назывались в отчетах основными причинами не выполнения общего плана перевозок за 1991 г. [12].

Низкая пропускная способность и узкая колея Сахалинской железной дороги сдерживали работу транспортного маршрута, соединяющего остров с материком паромной переправой Ванино-Холмск. За 1989 – 1990 гг. около 20 тыс. т груза на этой линии были доставлены заказчикам с большим опозданием [11. С. 3]. В результате и без того слабая и во многом односторонняя модель транспортного обслуживания Дальнего Востока, утрачивая дотационные инструменты поддержки, накапливала проблемы и противоречия.

В течение второго этапа (1991 г. – первая половина 1990-х гг.) обострялась региональная дезинтеграция, вызванная центробежными тенденциями после распада СССР и прекращением прямых материальных вложений. На дальневосточных пространствах ситуация усугублялась неурегулированной тарифной политикой государства, неразвитой схемой коммуникаций, плохим состоянием транспорта. Отсутствие дотаций на содержание инфраструктуры и осуществления социально-значимых сообщений в совокупности с поспешной приватизацией ряда ключевых объектов транспортной отрасли создавали весомые риски для безопасности населения Дальнего Востока. В условиях гиперинфляции и становления новых межбюджетных отношений антикризисные меры, предпринимаемые местной властью и руководством ведущих транспортных организаций, отягощались противоречиями их взаимодействия.

Поэтому основными задачами оставались поддержание в удовлетворительном состоянии, частичная реконструкция путей сообщения и транспортных средств за счет сформированной еще в советский период ресурсно-технической базы. Реальная угроза возможных аварийных ситуаций обусловила в 1992 г. начало реконструкции Хабаровского железнодорожного моста через р. Амур [5]. В рамках «Программы поэтапного технического перевооружения и решения социально-экономических вопросов Сахалинской железной дороги на период до 2000 года» с 1992 по 1995 гг. был заменен грузовой вагонный парк, постепенно выводились из эксплуатации устаревшие локомотивы. В распоряжение Сахалинской дороги поступило 25 рефрижераторных секций для перевозок скоропортящихся грузов. В 1993 г. 29 скоростных комфортабельных дизельных поездов безвозмездно передавались для пригородных сообщений на Сахалине Восточно-Японской железной дорогой [7. С. 177, 195].

Вместе с тем, при всех сложностях, вызванных недостатком средств и снижением внутреннего потребления услуг по грузопассажирским перевозкам, дальневосточный транспорт в первой половине 1990-х гг. продолжал играть большую роль для региона. Он позволил обеспечить население импортными продуктами и товарами первой необходимости, способствовал свободному туристическому и деловому общению с сопредельными государствами.

Третий период (середина 1990-х – ко-

нец 1990-х гг.) был отмечен возобновлением элементов централизованного управления социально-экономическим развитием региона на основе программно-целевых принципов. С середины 1990-х гг. принимается ряд узкоотраслевых программ, направленных на модернизацию транспорта и путей сообщения. Специальным направлением государственной политики, получившим законодательное закрепление, стало регулирование естественных монополий, к которым относились важные стратегические транспортные объекты.

Указанные мероприятия позволили более последовательно осуществлять дорожно-строительную деятельность. Возобновилось сооружение и реконструкция важнейших объектов федерального и местного уровня. Одним из пяти государственных приоритетов в программе «Дороги России» объявлялась трасса «Амур» (Чита-Хабаровск), соединившая впоследствии европейскую и азиатскую части страны. Продолжилась электрификация дальневосточных участков Транссиба. В связи с постоянной нехваткой средств она осуществлялось на основе краткосрочных планов.

Происходило совершенствование сферы финансовых обязательств между транспортниками и потребителями их услуг. В 1999 г. впервые за годы рыночных преобразований 60 % клиентов Дальневосточной железной дороги (ДВЖД) рассчитались за перевозки реальными денежными средствами, а не ставшими традиционными взаимозачетами [9. С. 7]. Дальнейшее развитие получила интеграция окраинных дальневосточных территорий с сопредельными странами. Состоялась реализация нескольких крупных международных транспортных проектов. В частности, благодаря усилиям администрации Приморского края, префектуры и мэрии Ниигаты одна из крупнейших азиатских инвестиционных компаний выделила долгосрочный кредит на строительство международного терминала в аэропорту Владивостока.

Вместе с тем, задачи восстановления и развития коммуникаций российского Дальнего Востока в обстоятельствах еще нестабильной экономики, несвоевременного пополнения государственной и региональной казны не имели достаточных ресурсных возможностей для их исполнения. Не оправдывался расчет на быстрое получение иностранных инвестиций в процессе создания территорий с особыми преференциями, что входило в противоречие с целевыми установками преобразований дальневосточного региона и международными вызовами.

Четвертый этап (конец 1990-х гг. – начало XXI в.) отличался тем, что произошло общее увеличение программ развития дальневосточных территорий. Вследствие смещения акцента международного сотрудничества в районы Азиатско-Тихоокеанского региона одним из приоритетных направлений объявлялось совершенствование транспорта. Средства федерального уровня в отличие от предыдущих лет были аккумулированы в единой программе по его модернизации. Четвертая часть бюджетных ассигнований, выделенных на осуществление программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», в 2008 – 2009 гг. направлялась на развитие транспортной инфраструктуры [8. С. 33]. При возведении коммуникаций и обновлении транспортной инфраструктуры принципиально новым являлось использование инструментов государственно-частного партнерства.

Более гибкими становились способы формирования тарифов на перевозки дальневосточного направления. Завершилась электрификация главного пути Трансиба. Производилась реконструкция и прокладка железнодорожных линий, соединяющих узловые транспортные пункты с центрами добычи полезных ископаемых. Увеличилась перевалка международных грузов через дальневосточные порты. Были введены в эксплуатацию перегрузочные комплексы и причалы в портах Восточный,

Находка, Владивосток, проведена реконструкция гидротехнических сооружений в Сахалинской области и техническое перевооружение нефтебункеровочной базы и пирсов в Ванинском порту.

Апробацию проходили новые транзитные схемы перемещений. На дальневосточных территориях предусматривалось совершенствование евро-азиатского транспортного коридора «Транссиб» и развитие устойчивых транзитных линий для перевозки китайского экспорта, условно названных «Приморье-1» (Харбин – Суйфэньхэ – Гродеково – Владивосток, Находка, Восточный – страны АТР) и «Приморье-2» (Чаньчунь – Хуньчунь – Камышовая – Посьет – Зарубино – страны АТР).

Однако преимущественно сырьевая ориентация государственной политики продолжала сдерживать создание всесторонней доступности и альтернативности использования транспортной системы региона. В Дальневосточном федеральном округе эксплуатационная длина железнодорожных линий общего пользования в период 2000-2012 гг. выросла лишь на 198 км. К 2014 г. только 65,8 % автомобильных дорог имели твердое покрытие [2. С. 40, 41].

Сохранение и некоторое усиление монополий на магистральные перевозки снижали конкурентные возможности, приводили к непаритетным условиям работы местных, центральных и зарубежных транспортных компаний. Противоречивый характер предоставления льгот в особых экономических зонах не способствовал притоку инвестиций. Вследствие недостаточной проработки мотивационных инструментов государственных проектов отечественный бизнес редко соглашался на участие в них.

Накопленный разнообразный опыт транспортной модернизации Дальнего Востока в столь еще непродолжительной новейшей российской истории между тем ярко отражает многие перипетии региональной политики переходного периода. Являясь определенного рода аналитическим материалом для улучшения ее концептуальных положений и технологических способов реализации он может быть использован в современных стратегиях развития дальневосточных территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Афонасова А. В. Роль государства в современной модернизации России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 211-213.

2. Бардаль А. Б. Транспортная инфраструктура Дальнего Востока: изменение условий для предприятий // ЭКО. Всерос. эконом. журнал. – 2015. – № 7. – С. 35-51.

3. ГАПК. – Ф. П-68. – Оп. 117. – Д. 587. – Л. 152.

4. ГАХК. – Ф. Р-2061. – Оп. 1. – Д. 114. – Л. 8.

5. ГАХК. – Ф. Р-2286. – Оп. 1. – Д. 241. – Л. 34-35.

6. Долматов В. Вот такие мы монополисты // Приамурские ведомости. – 19. 05.1992.

7. Костанов А. И. Самая восточная дорога России: Очерки истории Сахалинской железной дороги. – М., 1997.

8. Лаврентьев А. В., Медведева Л. М. Опыт реформирования морского транспорта на Дальнем Востоке России: некоторые аспекты социально-экономической безопасности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2014. – № 2. – С. 30-41.

9. Латыпов Д. Дорога жизни Дальнего Востока // Труд. – 4.02.2000.

10. Побережников И. В. Использование модерниз. парадигмы при изучении региональной истории (XVIII – начало XX в.) // Гуман. науки в Сибири. – 2011. – № 2. – С. 37-41.

11. Проказов Н. «Чертова мельница» // Советский Сахалин. – 22 .01.1991.

12. РГАЭ. – Ф. 1884. – Оп. 105. – Д. 14516. – Л. 28.

13. Шипулин В. О. Противоречия российских социальных трансформаций в контексте теории модернизации // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2006. – № 36. – С. 18-22.

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)6
Отечественная история

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Доктор исторических наук В. А. Змеев

В статье предпринята попытка рассмотреть влияние нормативно-правовой базы на процесс развития высшей школы в течение советского периода отечественной истории. Автор анализирует основные документы, которые определяли советскую образовательную политику в рамках семи исторических этапов развития высшей школы. На примере ведущих советских вузов показана деятельность профессорско-преподавательского состава, административного и учебно-вспомогательного персонала по реализации требований документов, регламентировавших обучение и воспитание студентов в 1917-1991 годах.

Ключевые слова
Советская высшая школа, государственная образовательная политика, нормативно-правовые акты

Советский период истории отечественной высшей школы (1917-1991 годы) был относительно непродолжительным, но весьма насыщенным и разнообразным. Партийно-государственное руководство РСФСР (СССР) уделяло высшей школе значительное внимание, понимая роль университетов, академий и институтов в деле подготовки квалифицированных кадров для народного хозяйства. На всех этапах развития системы советской высшей школы особое внимание уделялось университетам, как центрам образования, науки и культуры, которые готовили элитные кадры специалистов. Главным объектом деятельности советских вузов являлось студенчество.

Советское партийно-государственное руководство разрабатывало четкую образовательную политику, уделяя особое внимание высшему образованию. В основе этой политики лежали нормативно-правовые акты, которые обновлялись по мере необходимости. В органах управления высшей школой доминировала установка на необходимость строгого применения классового принципа при отборе молодежи в вузы и ее воспитания на идеях марксизма-ленинизма. Не меньшее внимание власть уделяла подбору профессорско-преподавательского состава, административного и учебно-вспомогательного персонала вузов.

Для лучшего понимания причин эволюции официальной образовательной политики и сложных процессов, происходивших в советской высшей школе, целесообразно выделить семь ее основных

исторических этапов. Автор предлагаемой статьи согласен с вариантом периодизации истории советской высшей школы, который предложил доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, историк образования К. В. Осколок [1, с. 65-69].

1. Исторический этап 1917-го года – начала 1920-х годов в целом характеризовался нестабильностью и упадком системы высшей школы России, дезорганизацией образовательной деятельности. События революции 1917 года и Гражданской войны нарушили традиционный ход учебного процесса, повлияли на качественные характеристики профессорско-преподавательского состава и студенческого контингента. Большая часть учащих и учащихся в вузах поддержала советскую власть, а другая оказалась в стане ее противников. Студенчество российской высшей школы вовлекалось в борьбу между различными политическими силами, что отвлекало молодежь от учебы. Советская власть, а также правительства «белых» и «зеленых» стремились привлечь на свою сторону студентов вузов подконтрольных им территорий. Ситуация в регионах бывшей Российской империи была сложной.

9 (22) ноября 1917 года был принят декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению». В документе сказано, что дело общего руководства народным просвещением поручается Государственной комиссии, представителем и исполнителем которой является народный комиссар. Все функции, выполнявшиеся прежде министром народного просвещения и его товарищем, возлагаются на Комиссию по народному просвещению [2, с. 19]. Вскоре Комиссия была преобразована в Народный комиссариат просвещения (НКП) РСФСР.

С 1918 года начинается кардинальное реформирование законодательной базы всей системы образования в Советской России на основе «пролетарского права», становление новой идеологии в деятельности учебных заведений. Одновременно предпринимаются первые шаги в области изменения структуры и специализаций высшей школы, оказавшие непосредственное влияние на становление советской системы университетского образования. Во главе этого многогранного процесса стоял НКП РСФСР, которым более 10 лет руководил А. В. Луначарский (1875-1933). Фактически, этот человек заложил основы советской образовательной политики и осуществлял общее руководство высшими учебными заведениями страны.

В 1918-1921 годах Советским правительством проводилась политика расширения сети высших учебных заведений, включая систему университетов. В тот период были открыты университеты в Нижнем Новгороде, Воронеже, Иркутске, Владивостоке, Смоленске, Екатеринбурге (Уральский университет). Новые университеты имели слабую учебную материально-техническую базу и малое число высококвалифицированных преподавателей и сотрудников, но они рассматривались в качестве интеллектуальной основы советской власти.

2 августа 1918 года вышел декрет СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения», который объявлял о праве каждого желающего стать слушателем любого вуза бесплатно и без предоставления документов об образовании. Так, осенью 1918 года в Московский университет было подано около 3000 заявлений граждан о приеме на медицинский факультет, более 700 – на физико-математический и столько же – на естественный факультет. Число абитуриентов значительно превышало количество вакансий. Согласно распоряжению НКП РСФСР от 24 октября 1918 года, среди тех, кто выдержал устные испытания по математике и физике, возможность поступления определялась по жребию, остальные зачис-

лялись в кандидаты [3, л. 2]. Новые правила приема в вузы вызвали одобрение в рядах рабоче-крестьянской молодежи, у которой открывались заманчивые жизненные перспективы. Но эйфория быстро прошла, поскольку красноармейцы, рабочие и крестьяне в массе своей не могли обучаться в вузах из-за низкого уровня образования.

Реалии эпохи военного коммунизма ослабляли энтузиазм молодежи, стремившейся к обучению в университетах и других вузах. Безработица и голод заставляли большинство студентов тратить значительную часть своего времени не на посещение занятий, а на добывание средств к существованию и налаживание быта. В аналогичной ситуации оказались профессора и преподаватели, месячного жалованья которых хватало лишь на два-три дня. В 1919-1920 годах ушли из жизни многие представители российского университетского сообщества, ставшие жертвами голода, тифа, трагических переживаний. Многие работники университетов уезжали в провинцию, где жизнь была дешевле, и проще достать продовольствие. Часть университетской профессуры по различным причинам эмигрировала за границу. Серьезной проблемой советской высшей школы был острый дефицит топлива.

Тем не менее, интерес к перспективному высшему образованию у российской молодежи в тот сложный исторический период был очень высоким. Примером может служить Московский университет, где в 1921 году было создано химическое отделение физико-математического факультета, которое сразу приобрело популярность среди молодежи. Число принятых на новое отделение студентов превысило 400 человек. На физико-математическом факультете университета действовал химический студенческий кружок, деятельность которого заключалась, в изучении научной литературы и подготовке рефератов. Здесь также проводились экскурсии на химические предприятия, мероприятия по пропаганде естественнонаучных знаний среди школьников и рабочей молодежи. В работе этого кружка принимали участие многие профессора и преподаватели химических кафедр [4, л. 9 об].

Новая социальная иерархия Советской России, утвердившаяся после 1917 года, позволяла студентам-выходцам из среды рабочих и бедных крестьян, командированным на учебу пролетарскими организациями, фабриками, заводами, воинскими частями Красной армии и флота – получать значительные льготы по социальному обеспечению, включая как материальные, так и нематериальные (поступление в вуз) возможности для учебы. Именно эта часть студентов бойкотировала занятия неугодных профессоров и преподавателей, стоявших на старых методологических позициях. Однако, несмотря на активное участие пролетарского студенчества в борьбе за культурную революцию в стране, в целом невысокий образовательный уровень многих из них мало повышался в результате учебы в вузе.

Окончание периода военного коммунизма и переход к новой экономической политике (НЭП) привели советское партийно-государственное руководство к мысли о необходимости реформирования и укрепления высшей школы. Для восстановления народного хозяйства Советской России нужны были квалифицированные специалисты с высшим образованием. Попытки приглашения таких специалистов из зарубежных стран не снижали остроту проблемы. В условиях НЭП существенные преобразования претерпела вся образовательная политика, благодаря которой удалось частично восстановить высшую школу и наладить выпуск необходимых специалистов.

2. Этап становления советской высшей школы проходил в 1921-1932 годах. Декретом СНК РСФСР от 2 сентября 1921 года было введено «Положение о вузах РСФСР». Этот документ сыграл положи-

тельную роль в становлении советской высшей школы и нового студенчества. В 1920-1921 учебном году в советских вузах обучалось 206,6 тысяч человек, из них 93,8 тысяч – в университетах [5, с. 77]. Однако состояние материально-технической и финансовой базы высшей школы не соответствовало задачам подготовки квалифицированных специалистов. Например, в 1922 году Правление 1-го МГУ сообщало председателю Моссовета Л. Б. Каменеву, что при постоянно растущем числе студентов «ряд учебных работ станет в ближайшем будущем вообще невыполнимым за отсутствием необходимых материалов и приборов» [6, л. 12]. В Московском университете многие помещения требовали ремонта и основательного переоснащения.

В условиях НЭП советское партийно-государственное руководство резко усилило идеологическое воздействие на молодежь, особенно на студенчество, где еще сохранялось значительное число «классово чуждых элементов», в том числе детей и внуков старой русской интеллигенции. С 1921 года в вузах РСФСР было введено обязательное изучение таких предметов, как развитие общественных форм, исторический материализм, история пролетарской революции, политический строй, организация производства и распределения в РСФСР. Русская история в конце 1920-х – начале 1930-х годов была заменена «Историей СССР», а историки, преподававшие русскую историю, стали обвиняться в «великодержавном шовинизме» и в симпатиях к монархизму.

Однако в 1920-е годы коренного изменения в содержании исторических дисциплин не произошло, во многом – из-за нехватки как «идеологически подкованных» педагогов, так и учебной литературы. Студенты набирались знаний из «передовых» газет и редких марксистских работ, а в начале 1920-х годов пользовались трудами С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова и П. Н. Милюкова. В 1923 году издается «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского, которая была оценена как большой успех советской историографии и рекомендована В. И. Лениным в качестве учебника. Концепция русской истории, сформулированная в этой работе, оказала большое влияние на формирование молодых историков-марксистов.

В рассматриваемый период были скорректированы учебные планы и программы ряда основных специальностей университетов. На совещании ректоров вузов РСФСР 3-5 июля 1923 года был заслушан доклад председателя научно-технической секции Главного ученого совета (ГУС) НКП РСФСР О. Ю. Шмидта, представившего новые учебные планы по основным специальностям высшей школы. Их составители исходили из принципа приближения образования к потребностям народного хозяйства в практических специалистах. В результате из учебных планов вузов была «изгнана многопредметность» и сокращены сроки обучения до 3-3,5 лет за счет снижения уровня теоретической подготовки студентов. Во всех вузах РСФСР был введен обязательный научный минимум по историческому материализму, а также по предметам «Капитализм и пролетарская революция» и «Политический строй и социальные задачи РСФСР». С осени 1922 года преподавание этих предметов в университетах занимало четыре часа в неделю в течение одного триместра [7, с. 7-8]. Важно отметить, что университеты имели возможность составлять собственные учебные планы, не противоречащие планам ГУС.

Начало разработки проблем высшего образования в советской историографии можно проследить в трудах партийно-государственных руководителей – В. И. Ленина, А. В. Луначарского, Н. И. Бухарина и других. Многочисленные статьи, памфлеты и очерки первого десятилетия Советской России демонстрировали силу

новой власти, которая шла на решительный слом образовательных принципов «старого мира», в том числе форм учебных занятий, ученых степеней и званий. Это требовалось для обеспечения доступности высшего образования рабочим и крестьянам, направленности высшего образования на практическое применение в жизни трудового населения. Руководителям советского государства наиболее острой проблемой высшего образования виделась «борьба за кадры», которая к концу 1920-х годов превратилась в борьбу с дореволюционной профессурой.

Одной из центральных идей вузовской реформы 1920-х – начала 1930-х годов был переход на непрерывный учебный год в целях обеспечения ускоренной подготовки квалифицированных кадров, а также обеспечение непрерывной производственной практики, которая должна была составлять не менее 40-50% учебного времени. В советских вузах насаждался так называемый «бригадно-лабораторный» («лабораторно-семинарский») активный метод преподавания, а экзамены и зачеты были заменены коллективными отчетами студенческих бригад о проработке ими основных тем учебных занятий. В этих условиях первостепенное значение приобретала самостоятельная работа студентов, включавшая элементы самообразования. Однако методические новации воспринимались без энтузиазма преподавательскими коллективами факультетов и кафедр, большинство которых составляли работники с дореволюционным педагогическим стажем. На практике университеты стремились сохранить традиционные формы обучения и контроля уровня знаний студентов, в том числе, курсовые и дипломные работы.

Проблемы развития высшего образования в СССР стали предметом обсуждения ноябрьского 1929 года Пленума ЦК ВКП(б). В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1930 года, принятом по итогам ноябрьского пленума, выдвигалась задача придания вузам, их отделениям и факультетам целевого назначения, исходя из потребности промышленности и сельского хозяйства в научно-технических кадрах [8, с. 7].

Постепенное свертывание НЭП и переход к разработке пятилетних планов развития народного хозяйства СССР внесли существенные изменения в жизнь высшей школы. Высокие темпы индустриализации, коллективизации и культурной революции требовали умножения числа специалистов с высшим образованием, их плановой подготовки. От студентов требовались конкретные знания, умения и навыки по основным специальностям, что обусловило переход к новой образовательной политике.

3. Начало этапу формирования системы высшей школы Советского Союза (1932-1941 годы) положило Постановление ВЦИК СССР от 19 сентября 1932 года «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» [9]. Документ вернул советскую высшую школу на путь развития и совершенствования традиционной отечественной системы подготовки кадров квалифицированных специалистов. Был отменен бригадно-лабораторный метод обучения студентов; в вузах восстановили в правах лекции, семинары и практические занятия. Среди студентов вузов возросла доля людей с полным средним образованием. Эти меры дали быстрый положительный эффект.

На этом этапе развернулась работа новых факультетов советских университетов (ранее недолгое время действовали отделения). Формально они начали формироваться еще осенью 1929 года, но проработали только до конца учебного года. Летом 1930 года начались радикальные преобразования советской университетской системы, в ходе которых на базе факультетов создавались мелкие учебные и исследовательские институты. Целью такой политики объявлялось «разукрупнение» традиционных университетов. К сча-

стью, этот разрушительный процесс был вскоре остановлен. На основании Постановления НКП РСФСР от 4 апреля 1933 года в МГУ и других университетах была восстановлена факультетская система. С нового 1933-1934 учебного года в Московском университете полноценно работали пять факультетов; были усовершенствованы их учебные планы. Серьезной проблемой Московского, Ленинградского, Казанского, Томского, Пермского и других университетов РСФСР продолжали оставаться недостаточное количество учебных площадей и лабораторного оборудования.

С Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [10, с. 270], вышедшего в мае 1934 года, начался новый этап в развитии высшего исторического образования. Именно в эти годы происходит осознание властью ценности истории, как средства формирования не только идеологии, но и национального самосознания, особенно важного в период утверждения Советского государства на международной арене. Осенью 1934 года исторические факультеты были восстановлены в Московском и Ленинградском университетах. Исторические факультеты Воронежского, Ростовского и Томского университетов должны были быть также сформированы в середине 1930-х годов, но из-за отсутствия кадров и помещений это сделали только в начале 1940-х годов.

Возрождение традиционной формы высшего исторического образования потребовало пересмотра его содержания. Историческая наука в 1934 году получила определенный импульс для своего развития, который, одновременно, сдерживался репрессивной машиной складывавшейся административно-командной системы. В содержании советского исторического образования, как и в исторической науке, в середине 1930-х годов единственно верным направлением был провозглашен формационный подход в рамках марксистско-ленинской теории. На этой методологической основе были пересмотрены учебники по истории. Публикация остро необходимых для студентов новых учебников для университетов и пединститутов шла крайне медленно, наталкиваясь на контроль со стороны партийных органов, цензуры, министерских чиновников. Примером может служить трудная судьба учебного пособия профессора МГУ В. С. Сергеева по истории Древнего Рима.

Под влиянием политических и идеологических процессов, в 1930-е годы постепенно менялся социальный облик студентов и преподавателей вузов. Складывавшаяся система советских праздников и ритуалов способствовала закреплению моделей лояльного поведения, унификации в быту и одежде, видах общественной работы и досуга, формированию советской идентичности. Принадлежность к Коммунистической партии и «правильные» политические взгляды на жизнь для университетского человека становятся гораздо значимей, чем принадлежность к определенным структурным подразделениям, научным школам, профессиональным группировкам и даже отдельным социальным слоям по происхождению. В этот период получают быстрое развитие просуществовавшие на протяжении всего советского периода лестницы социального восхождения – научная и политическая, причем вторая вскоре стала считаться для человека более значимой.

Начиная с 1930-х годов, значительную роль в формировании внутривузовских отношений стали играть партийная, комсомольская и профсоюзные организации, деятельность которых трудно оценить однозначно. С одной стороны, они способствовали консолидации внутривузовского сообщества, инспирировали новые для академической среды ритуалы, вводили коллективные формы деятельности и досуга. С другой стороны, общественно-политические организации способствовали установлению контроля не только за учебной, научной, но и личной

жизнью преподавателей и студентов, привносили новые формы советской морали, не всегда созвучные внутренним принципам и установкам университетского человека [11, с. 97-101].

В 1930-е годы формировалось новое социальное лицо советского студенчества: в вузы начали принимать молодежь по качеству и количеству знаний, а не только по социальному происхождению. Год от года возрастало количество студентов «из служащих», хотя во многих вузах грамотность и общая культура молодежи еще оставалась на низком уровне. В соответствии с партийными установками и массовыми «показательными» репрессиями изменялись поведенческие стратегии и отношение к советской власти преподавательской корпорации. На кафедры и в лаборатории приходят новые преподавательские кадры – убежденные комсомольцы и коммунисты, лояльные к советской власти и полностью оправдывающие ее действия.

Одновременно и старая профессура стала приспосабливаться к новой политической обстановке, к нередко малограмотным студентам, образовывая их и обучая самому необходимому. Несмотря на массовую политизацию общества 1930-х годов и тотальный идеологический контроль, в недрах повседневной жизни, медленно поддающейся влиянию социальных процессов, сохранились черты человечности, духовности и истинного патриотизма, которые и подняли многих преподавателей и студентов 1930-х – начала 1940-х годов на защиту страны в годы Великой Отечественной войны.

4. Великую Отечественную войну и послевоенное восстановление народного хозяйства (1945-1953 годы) целесообразно рассматривать как единый этап развития советского общества, высшего образования и студенчества. Главная причина такого подхода проистекала из начавшейся холодной войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, которая требовала от советского партийно-государственного руководства укрепления обороны страны. Другая причина заключалась в решении оставить в восточных регионах СССР часть вузов, эвакуированных в 1941 году из зоны боевых действий. Третья причина состояла в низком уровне финансирования советской высшей школы, что сказывалось на темпах ее развития.

В 1940-1941 учебном году в СССР действовало 30 университетов [12, л. 2-6]. С началом боевых действий часть из них (Белоруссия, Украина и Прибалтика) была закрыта, часть эвакуирована на восток страны. Фашистскими варварами были сожжены или взорваны корпуса ряда факультетов Днепропетровского, Киевского и Воронежского университетов, из лабораторий Тартуского и Львовского университетов вывезено все имущество. Было разграблено и уничтожено оборудование лабораторий ряда факультетов Харьковского университета. Этот скорбный перечень можно продолжать.

Война и оккупация значительной части территории страны изменили планы советского правительства: в течение 1942-1943 учебного года было закрыто 60 вузов, а московские и ленинградские – эвакуированы в другие районы, 6 вузов (Камышинский, Тульский, Рязанский, Ростовский пединституты, Ростовский университет и Елецкий учительский институт) были эвакуированы осенью 1941 года, а затем вновь возвращены. Ростовский университет и Ростовский пединститут в июле 1942 года были вторично эвакуированы и слиты в одно учебное заведение. Эвакуация позволила усилить кадровый потенциал провинциальных институтов и университетов, укрепить местное научное сообщество, а также сохранить инфраструктуру вузов.

Во многих вузах СССР 1941-1942 учебный год был сорван в связи с их эвакуацией в восточные регионы страны и обустройством на новых местах. Тогда

некоторые вузы и факультеты не проводили выпуски специалистов, отменили прием в аспирантуру. Однако, 2 января 1944 года был издан приказ Всесоюзного Комитета по делам высшей школы (ВКВШ) «О мероприятиях по улучшению подготовки аспирантов в высших учебных заведениях» [13, с. 180-182]. В 1944 году ряд университетов возобновили набор в аспирантуру.

Большинство университетов, особенно из западных регионов СССР, эвакуировались без учебного оборудования, литературы и необходимого имущества. Обеспечение учебного процесса ложилось на принимавшие их вузы, местные органы власти и общественные организации восточных районов Советского Союза. Самоотверженно работали сотрудники, студенты и преподаватели эвакуированных университетов. Воронежский университет переместился в город Елабугу (Татарская АССР), Киевский и Харьковский университеты были размещены в городе Кзыл-Орда (Казахстан), Одесский университет – в городе Байрам-Али (Туркмения). Белорусский университет действовал в районе станции Сходня в Подмосковье.

20 августа 1943 года ВКВШ издал приказ «О мерах усиления самостоятельной работы студентов в 1943/44 учебном году». В документе были предусмотрены меры по усилению самостоятельной работы студентов. Требовалось осуществить равномерное распределение домашних заданий в семестре и увязать их по трудоемкости с бюджетным временем студента, исходя из 20-25 часов его внеаудиторной работы в неделю. Преподавательскому составу вузов вменялось в обязанность организовать в новом учебном году систематический контроль за работой студентов. Упражнения и домашние задания нужно было сопровождать обязательной проверкой теоретических знаний студента по пройденному разделу курса. Директорам (ректорам) вузов предоставлялось право, в случае невыполнения студентами по неуважительным причинам учебных обязательств и нарушения учебно-трудовой дисциплины, временно снимать их с дополнительного питания, выдаваемого сверх норм продовольственных карточек [14, с. 11].

В послевоенный восстановительный период советская высшая школа обрела новый вектор своего развития. Существенно изменился студенческий контингент за счет демобилизованных воинов. В 1940-1950-е годы организация учебного процесса в вузах РСФСР приобрела единообразный характер. Занятия со студентами проводились в форме лекций, семинаров и лабораторной практики; проверка знаний включала зачеты, экзамены, курсовые и дипломные работы. В 1950-х годы значительное внимание уделялось привлечению студентов университетов к научной работе кафедр.

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии, усиление позиций СССР в мире способствовали развитию советского государства и общества. Начавшаяся холодная война требовала существенного усиления оборонного потенциала Советского Союза, создания новейших средств уничтожения врага, в том числе оружия массового поражения. Перед советской высшей школой были поставлены сложные задачи по развитию ряда научных направлений и подготовке высококвалифицированных кадров. Эти и другие обстоятельства требовали коренного изменения образовательной политики, прежде всего в сфере высшего образования.

5. Этап демократизации советской высшей школы (1953-1964 годы) существенно отличался от предшествующих, но не получил своего логического завершения из-за личностного фактора – многих решений и действий высших советских руководителей. В середине 1950-х годов в органах управления высшей школы СССР были проведены принципиальные кадровые изменения, радикально об-

новился ректорский корпус вузов, в том числе университетов. Повысилась роль ученых советов высших учебных заведений и факультетов, как органов коллективного руководства. Прошла реабилитация и освобождение из мест лишения свободы многих ученых и специалистов, часть которых была восстановлена на работу в вузы. Демократизация высшей школы способствовала ее развитию, но было и много проблем, особенно в регионах.

30 августа 1954 года принято постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним образованием». В нем отмечалась необходимость пересмотра учебных планов, устранения перегрузки студентов учебными занятиями, зачетами, экзаменами. Отмечалось, что в подготовке кадров допущена чрезмерная дробность специальностей, которая не вызывается потребностями отраслей народного хозяйства и культуры, затрудняет использование специалистов и искусственно увеличивает потребность в них. В документе были указаны определенные недостатки в работе физического факультета МГУ. Установлено, что молодые специалисты после окончания вузов обязаны проработать не менее 3 лет в определенных населенных пунктах непосредственно на производстве [15, с. 372].

Так, к концу 1950-х годов число технических вузов на Дальнем Востоке СССР увеличилось в четыре раза (с 3 до 12). Количественный рост и расширение географических рамок высшего технического образования (втузы появились в Якутске, Благовещенске, Комсомольске-на-Амуре, Уссурийске) проводились без должного материально-технического обеспечения. В своем исследовании историк Н. В. Хисамутдинова прослеживает меры, которые в условиях ухудшения демографической ситуации предпринимались для привлечения во вновь созданные втузы абитуриентов: расширение вечерней и заочной форм обучения, льготы производственникам и воинам запаса, открытие периферийных учебно-консультативных пунктов и филиалов. Наряду с организационно-структурным обновлением высшей школы Дальнего Востока показано влияние на ее характер наследия 1930-х годов: возвращение к рабочим факультетам из-за выполнения планов набора и приема абитуриентов со слабыми знаниями; регулярное отвлечение студентов на хозяйственные работы; сокращение фундаментальной и гуманитарной составляющих содержания учебного процесса в пользу узкоспециальных дисциплин; открытие новых вузов и факультетов без тщательно продуманных планов [16, с. 38].

Тяжелые последствия войны сказались на материальном и бытовом положении университетского человека: неустроенность или отсутствие жилья, одежды, самых необходимых в обиходе вещей, перебои с продовольственным снабжением, голод или недоедание, болезни – влияли как на уровень жизни, который и в конце 1950-х годов оставался невысоким, так и на возможности работы, научно-исследовательской деятельности, учебы. В послевоенные годы наблюдается рост дифференциации доходов преподавателей и студентов, что влекло постепенное социальное расслоение даже внутри каждой из этих групп. В сложном материальном положении находились молодые специалисты – ученые, сотрудники, преподаватели. Возможность плодотворной научной работы для них была нередко сопряжена с посредственной общественной, учебной деятельностью, отказом от личной жизни.

24 декабря 1958 года Верховный Совет СССР принял «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В статье 32 Закона СССР записано следующее: «Признать необходимым дальнейшее развитие университетского

образования, в частности, значительно увеличить выпуск специалистов по новым разделам математических, биологических, физических, химических наук, усилить теоретическую и практическую подготовку студентов, значительно поднять роль университетов в решении важнейших проблем естественных и гуманитарных наук. Комплектование университетов и сочетание в них обучения с трудом должны быть организованы таким образом, чтобы студенты в процессе обучения получали навыки работы по специальности, а специалисты по гуманитарным наукам (экономисты, философы, юристы и др.), кроме того, имели бы определенный опыт общественно полезного труда».

Доктор исторических наук В. В. Петрик отмечает, что новый порядок комплектования вузов, введенный в 1959 году, в целом сыграл положительную роль в укреплении связей высшей школы с жизнью. Значительная часть студентов, пришедших с производства, для которых пребывание в институтах и университетах явилось продолжением приобретения знаний по ранее избранным специальностям, не только ответственно относились к учебе, но и проявляли активность во внеучебной работе. Как показало его исследование, деятельность высшей школы в конце 1950-х – начале 1960-х годов выявила и негативные моменты. Они состояли в следующем. По правилам, утвержденным Минвузом СССР в 1959 году вузам предоставлялось право приема до 80% студентов-производственников. Это не могло не отразиться на качестве конкурсного отбора, требования которого оказались сниженными. Практически без конкурса принимались стажисты, сдававшие все вступительные экзамены на «удовлетворительно», в то же время выпускники общеобразовательных школ, сдававшие экзамены на «хорошо» и «отлично», отсекались [17, с. 28].

На рубеже 1950-х – 1960-х годов советская высшая школа существенно расширила свои международные связи. Профессорско-преподавательский коллектив Университета дружбы народов (УДН), созданного в 1960 году в Москве, вел учебную работу с представителями различных стран и народов, многие из которых не только испытывали трудности при обучении на русском языке, но и имели недостаточную общеобразовательную подготовку (нередко на уровне 8 класса советской средней школы). Успеваемость советских студентов УДН, в целом, была выше, чем у контингента иностранных учащихся. Это обстоятельство определило задачу создания адаптированных учебных программ и курсов, а также разработки дополнительных мер по обеспечению качества образования.

Интерес иностранных студентов к естественным наукам реализовывался помимо основных форм занятий, в научных кружках, организованных на профильных кафедрах с учетом практических потребностей учащихся. Так, студенты из Аргентины, Бразилии, Индонезии, Индии, ряда африканских государств предпочитали специализироваться в области химии редких и цветных металлов, в соответствии с характером добывающей промышленности своих стран. Для многих студентов и аспирантов УДН представляли интерес сельскохозяйственные науки, поэтому в 1960-е годы на соответствующей кафедре специализировалось более 20 человек [18, л. 37]. Студенты посещали передовые предприятия Москвы и Подмосковья.

Пересмотр концепции развернутого строительства коммунизма в СССР и переход к созиданию развитого социализма благотворно повлияли на высшую школу, дали ей новый импульс развития с учетом отечественного и мирового опыта. В советском партийно-государственном руководстве возобладали политика и практика мирного сосуществования двух социальных систем при достижении военно-стратегического паритета. В этих условиях ставка делалась на развитие образова-

ния и науки, как гарантов национальной безопасности.

6. Этап бурного развития системы высшей школы СССР и ее студенчества (1964-1985 годы) создал интеллектуальные предпосылки для превращения нашей страны в могучую сверхдержаву, которая достигла военно-стратегического паритета с США. Экономические реформы, начавшиеся в Советском Союзе во второй половине 1960-х годов, требовали качественно новых специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Период с 1965 по 1974 год ознаменовался дальнейшим развитием системы высшей школы СССР. За эти годы было открыто и восстановлено 20 университетов в различных регионах РСФСР и пять – в союзных республиках: Гомельский (Белоруссия), Донецкий, Симферопольский (Украина), Карагандинский (Казахстан) и Нукусский (Узбекистан). В том числе, были восстановлены в университетском статусе реорганизованные в довоенный период Самарский (Куйбышевский), Ярославский, Кубанский университеты.

18 июля 1972 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшей школы в стране», в котором говорилось: «Уровень теоретических и профессиональных знаний выпускников некоторых вузов не отвечает возросшим требованиям науки и производства. Все еще медленно разрабатываются и применяются современные научные методы организации учебно-воспитательного процесса, а также технические средства обучения. В отдельных учебных планах, программах и учебниках не находят должного отражения новейшие достижения науки и техники. Не всегда предъявляются высокие требования к студентам в отношении качества учебы и соблюдения дисциплины. Нуждаются в совершенствовании заочная и вечерняя формы высшего образования».

Отдельным пунктом в этом документе выделялись задачи по развитию университетской системы. Подчеркивалась необходимость повысить роль университетов в системе высшего образования страны, превратить их в ведущие учебно-методические центры высшей школы. Далее в постановлении требовалось: «Направить усилия университетов на подготовку квалифицированных кадров педагогов и научных работников для общеобразовательной школы, вузов и научно-исследовательских учреждений, на дальнейшее развитие исследований в области фундаментальных наук» [19, ст. 73]. В соответствии с этим постановлением партии и правительства, университеты должны были провести работу по модернизации учебных планов так, чтобы усилить подготовку по общенаучным дисциплинам.

19 июля 1972 года 6-я сессия Верховного Совета СССР приняла документ под названием «Основы законодательства Союза ССР об образовании», в котором также подчеркивался научный характер советской высшей школы и необходимость его совершенствования с использованием достижений науки и техники. Соответствующие решения, направленные на повышение качественного уровня работы вузов, были приняты союзными и республиканскими органами управления образованием. В том числе, осуществлялось обновление учебных планов и программ по общеобразовательным и специальным дисциплинам, перерабатывались схемы проведения студенческой практики [20, с. 5]. Предполагалось расширение производства учебно-лабораторного оборудования для вузов и технических средств обучения, обеспечение их новейшими приборами и оборудованием, электронно-вычислительной техникой.

Основные принципы функционирования советской системы высшего образования нашли отражение в статье 45 Конституции (Основном Законе) СССР 1977 года, в которой (помимо общих положений о праве граждан на образование), го-

ворилось о связи школы с жизнью и производством, развитии вечерней и заочной форм обучения и о государственных льготах и стипендиях для студентов. К сожалению, не все конституционные нормы подкреплялись необходимым финансированием и организационными мероприятиями, но уровень образования советских людей был существенно повышен.

Процесс организации новых университетов, формирования корпуса профессорско-преподавательских кадров и учебных подразделений, становления учебной и научно-исследовательской работы имел ряд общих черт. В большинстве из них изначально или вскоре после открытия действовали естественные факультеты, для которых подготовка исследователей была главным или одним из профильных направлений. Многие из вновь создававшихся университетов были организованы на базе педагогических или технологических институтов, в которых уже имелся определенный опыт преподавания естественных дисциплин. Однако качество образования в новых университетах не в полной мере соответствовало требованиям времени.

В конце 1970-х – начале 1980-е годов руководством СССР была принята серия решений, направленных на модернизацию высшей школы, которая, как отмечалось на апрельском 1984 года Пленуме ЦК КПСС, «существенно влияет на темпы нашей экономики, социального и духовного процесса» [21, с. 19]. В ряде официальных документов подчеркивалось, что главной задачей высших учебных заведений СССР является подготовка для народного хозяйства специалистов-организаторов производства, способных к разработке и внедрению в экономику достижений научно-технического прогресса. Так, в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР (1983 года) выдвигалась задача по углублению интеграции вузовской науки и учебного процесса с промышленным и сельскохозяйственным производством [22, с. 8].

В первой половине 1980-х годов учебно-методические проблемы обучения студентов являлись предметом внимания со стороны педагогических коллективов университетов. Наряду с сохранением традиционных форм учебной и воспитательной работы со студентами (прежде всего, схемы «учитель – ученик», опиравшейся на научный и личный авторитет профессоров и преподавателей и совместную исследовательскую деятельность) от факультетов и кафедр требовалось внедрение новых педагогических технологий. По проблемам совершенствования методики университетского образования было проведено несколько научных конференций и семинаров с участием представителей Московского, Ленинградского, Киевского, Белорусского, Иркутского и других университетов страны.

Чрезмерные траты на развитие советского военно-промышленного комплекса, непомерно большие обязательства перед союзниками снизили расходы на образование и науку. Застойные явления в экономике, ошибки во внутренней и внешней политике привели партийно-государственное руководство СССР к мысли о целесообразности коренной перестройки советского общества и демократизации социальной жизни. В этот период советская высшая школа поверглась серьезной внутренней трансформации.

7. Этап перестройки системы высшей школы Советского Союза и демократизации студенческой жизни (1985-1991 годы) осуществлялся без должной научной проработки и не достиг обещанных целей. Новое партийно-государственное руководство СССР с 1985 года начало проводить спонтанную перестройку политической, экономической и социальной структуры советского общества, которая закончилась развалом государства. Вместе с тем, ректорский корпус и научно-педагогическая общественность советской высшей школы делали все возмож-

ное для ее сохранения и развития. Политика Министерства высшего и среднего специального образования СССР была направлена на более широкое вовлечение республиканских и региональных университетов в решение задачи обновления отечественной высшей школы. Обучение иностранных студентов оставалось одним из направлений образовательной политики в 1980-е годы. В вузах РСФСР в 1987 году обучались иностранные граждане из 120 стран мира, а межвузовское сотрудничество на договорной основе велось с 62 зарубежными вузами [23, с. 4].

Во второй половине 1980-х годов руководством Советского Союза предпринимались попытки модернизации образовательной системы. XXVII съездом партии и февральским (1988 года) пленумом ЦК КПСС был выдвинут стратегический план создания в стране системы непрерывного образования советской молодежи. Но этот план не был подкреплен необходимой организаторской работой. В докладе председателя Государственного комитета СССР по народному образованию Г. А. Ягодина на XIX Всесоюзной конференции КПСС 1988 года обличались «формализм, процентомания, авторитарные методы обучения и воспитания» в высшей и средней профессиональной школе страны [24, с. 3-5]. Но дальше взаимных обвинений, дискуссий и кадровых перемещений дело не шло.

20-21 декабря 1988 года состоялось Всесоюзное совещание работников образования, по итогам которого были сформулированы основные принципы реформирования отечественной образовательной системы. Хотя его участники не могли оказать реального влияния на ситуацию в высшей школе, совещание имело широкий резонанс в научно-педагогическом сообществе, поскольку стало одной из первых площадок свободного обсуждения проблем состояния и развития отечественного образования.

Смена методологической парадигмы, поиск моделей и ориентиров развития России в конце 1980-х – начале 1990-х годов стали достаточно сложным и длительным процессом. При перестройке преподавания в вузе следовало отказаться от многих догм и стереотипов, что часто оборачивалось либо механической сменой названий курсов и дисциплин, либо, наоборот, революционным отказом от любых, даже ценных наработок советской высшей школы. Наиболее слабым звеном в процессе преподавания учебных курсов в этот и последующий период являлось их недостаточное методологическое и методическое обеспечение. Проблема подготовки качественных учебников по ряду университетских курсов и сегодня продолжает оставаться «открытой».

В период перестройки научно-педагогические коллективы университетов и других вузов связывали перспективы развития высшего образования с созданием эффективных моделей интеграции учебного и научно-исследовательского процессов. Так, в монографии 1990 года, посвященной истории Уральского университета, говорилось: «Стратегически нам нужно продолжить линию на фундаментальное университетское образование с узкой специализацией выпускников на филиалах кафедр в институтах Уральского отделения АН СССР, на предприятиях, в школах, в других учреждениях науки и культуры. Только так сегодня можно разрешить диалектическое противоречие между усилением как фундаментальной, так и специальной подготовки выпускников университета» [25, с. 13].

Таким образом, на протяжение всего советского периода отечественной истории партийно-государственное руководство страны уделяло должное внимание разработке нормативно-правовой базы образовательной политики. Эта политика в полной мере отвечала теории и практике марксизма-ленинизма, которые являлись идеологическим оружием правящей коммунистической партии. Органы управ-

ления советской высшей школой всех уровней отвечали перед ЦК партии и правительством за точное и полное исполнение нормативно-правовых актов. Высокая исполнительская дисциплина органов управления образованием и руководителей вузов обеспечивала функционирование высшей школы в рамках советской административно-командной системы. На этапе перестройки эта система была сломана, что привело к глубокому кризису отечественного образования, в том числе высшего. Вместе с тем, многие нормативно-правовые акты, отражавшие советскую образовательную политику, имеют не только историческую ценность. Их глубокое изучение позволит органам управления системой образования современной России при разработке образовательной политики не допускать прежних ошибок.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Осколок К. В. О периодизации истории советского университетского химического образования // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы V Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 12 июня 2015 года). – Чебоксары, 2015. – С. 65-69.

2. Об учреждении Государственной комиссии по просвещению: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 9 ноября 1917 года // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.). – Л., 1968. – С. 19.

3. О порядке приема в вузы: распоряжению НКП РСФСР от 24 октября 1918 г. // Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). – Ф. 1609. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 2.

4. Отчет 1-го МГУ за 1921/22 уч. год // ЦГАМ. – Ф. 1609. – Оп. 1. – Д. 1079. – Л. 9 об.

5. Бейлин А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. – М., 1935. – С. 77.

6. Отчет 1-го МГУ за 1921/22 уч. год // ЦГАМ. – Ф. 1609. – Оп. 1. – Д. 1079. – Л. 12.

7. О введении в вузах РСФСР обязательного научного минимума: распоряжение НКП РСФСР от 17 января 1922 г. // Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного комиссариата просвещения РСФСР. – 1922. – № 1. – С. 7-8.

8. О подготовке технических кадров для народного хозяйства СССР: Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1930 г. // Материалы по реорганизации вузов, втузов, техникумов и рабфаков СССР: Сборник постановлений и распоряжений ЦИК и СНК СССР и список учебных заведений. – М., 1930. – С. 7.

9. Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах: Постановление Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета СССР от 19 сентября 1932 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1932. – 20 сентября.

10. О преподавании гражданской истории в школах СССР: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. // Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917-1947 гг. – Вып. 2. – М.-Л., 1947. – С. 270.

11. Ушмаева, К. А. Советские преподаватели и студенты 1930-х гг.: историко-социальный портрет // Научные проблемы гуманитарных исследований / Гл. редактор А. В. Казначеев. – Вып. 3. – Пятигорск, 2011. – С. 97-101.

12. Характеристика материально-технической базы университетов РСФСР // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-8080. – Оп. 2. – Д. 274. – Л. 2-6.

13. О мероприятиях по улучшению подготовки аспирантов в высших учебных заведениях. Приказ ВКВШ от 2 января 1944 г. // Высшая школа. Основные постановления, приказы, инструкции. – М., 1945. – С. 180-182.

14. О мерах усиления самостоятельной работы студентов в 1943/44 учебном году.

Приказ ВКВШ от 20 августа 1943 г. // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР. – 1943. – № 9. – С. 11.

15. Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним образованием: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 августа 1954 года // Высшая школа. Сборник основных постановлений, приказов и инструкций. – М., 1978. – Т. 1. – С. 372.

16. Хисамутдинова Н. В. Русское высшее техническое образование на Дальнем Востоке: Исторический опыт (1899-1990 гг.): Автореф. дис. ... д-ра историч. наук. – СПб., 2011. – С. 38.

17. Петрик В. В. Развитие высшей школы Сибири в конце 1950-х – начале 1990-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра историч. наук. – Кемерово, 2009.– С. 28.

18. Отчет УДН за 1963/64 учебный год // ЦГАМ. – Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 891. – Л. 37.

19. О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июля 1972 г. // Собрание постановлений СССР. – 1972. – № 14. – Ст. 73.

20. О мерах по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июля 1972 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране». Приказ Министерства просвещения СССР от 21 августа 1972 г. – М., 1972. – С. 5.

21. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г. – М., 1984. – С. 19.

22. О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 августа 1983 года. – М., 1983. – С. 8.

23. Высшее образование в РСФСР. – М., 1987. – С. 4.

24. Ягодин Г. А. Выступление на XIX Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) // Бюллетень Государственного комитета СССР по народному образованию. – М., 1989. – № 9. – С. 3-5.

25. Уральскому университету – 70 лет. / Под ред. М. Е. Главацкого и В. Е. Третьякова. – Свердловск, 1990. – С. 13.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УрО РАН
г. ЕКАТЕРИНБУРГ

УДК 94(47): 904: 930.85
ББК 63.3(2)+79.04
Отечественая история, историография, источниковедение
и методы исторического исследования

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Е. Курлаев

Рассматриваются этапы формирования статуса индустриального наследия в отечественной историко-культурной сфере и реализации мер по его сохранению. Делается вывод о том, что, несмотря на необходимость комплексной музеефикации цельных промышленных комплексов ландшафтов, законодательные, институциональные механизмы историко-культурной сферы оказались не в состоянии решить вопросы сохранения индустриального наследия. Проявляющиеся на сегодняшний день положительные тенденции, в том числе распространение современных междисциплинарных методов, позволяют говорить о перспективах возникновения на основе индустриального наследия новой, синтетической – научно-исследовательской, общественной, творческой среды, которая окажется в состоянии решать актуальные задачи сохранения памятников промышленности.

Ключевые слова
Индустриальное наследие, историко-культурное наследие, индустриальный ландшафт, музей-завод, ревалоризация, охрана и сохранение памятников, Урал, промышленный музей

Материальная база промышленности, постоянно устаревающая физически и морально, подвергается множеству факторов её уничтожающих: разрушающему воздействию времени, выборочной замене её частей. Лишь часть остатков промышленной деятельности прошлых столетий, преодолевшая в течение десятилетий разнообразные риски исчезновения, сохранив историко-культурную значимость, получила шанс преодолеть решающий этап отбора. Став подлинными памятниками промышленной эпохи, такие объекты должны получить статус, обеспечивающий их дальнейшее существование как памятников истории и культуры.

Формирование современного историко-культурного статуса памятников индустриального наследия пережило несколько ключевых стадий, которые можно выделить на примере памятников Урала. Статус памятников государственного значения был присвоен наиболее исторически ценным промышленным сооружениям уже в 1970-х гг., когда по инициативе свердловских архитекторов реализовывались теоретические и прикладные проекты,

направленные на изучение и сохранение промышленной архитектуры Урала [1]. Помимо научно-исследовательской составляющей, реставрационных работ, были проведены мероприятия по оформлению охранных обязательств на промышленные сооружения – в списки объектов, подлежащих охране, оказались внесены не только памятники промышленной архитектуры, но и металлические конструкции доменных печей, находящиеся на территории действующих заводов [2, 3].

Основным ресурсом сохранения памятников индустриального наследия была определена музеефикация, и следующим важнейшим этапом стало создание Музея истории архитектуры и промышленной техники Урала, разместившегося в зданиях бывшей Екатеринбургской механической фабрики. Экспозиции музея дополнило также устаревшее промышленное оборудование, что позволило успешно сохранить эти, безусловно, уникальные артефакты истории промышленности Урала. В ходе работ была определена необходимость музеефикации объектов непосредственно на территории действующих заводов, а также комплексной работы по реконструкции, реновации целых предприятий и их исторических территорий [4. С. 105-106]. Именно этот способ позволял в полной мере сохранить историко-культурную специфику промышленного производства.

Идея создания музейного комплекса на базе промышленного предприятия была реализована на исторической территории Нижнетагильского металлургического завода музея и стала важнейшей вехой в деле сохранения индустриального наследия Урала. Проект стал обретать свои осязаемые очертания в 1979 г., когда был дан старт разработке концепции музея-завода. Концепция была утверждена в 1987 г, и предусматривала объединение в рамках музейного комплекса 30 специализированных музейных объектов в Нижнем Тагиле и других городах Урала [5]. При проектировании коллектив авторов опирался на оригинальную схему, по которой развивались многие заводские города Урала. Строительство завода начиналось с плотины и пруда, в непосредственной близости которых располагались цеха, и далее, вокруг – жилые кварталы [6]. Сформированный таким образом индустриальный ландшафт является залогом уникальности наследия металлургической промышленности Урала, и его комплексное сохранение являлось одной из концептуальных основ создания музейного комплекса.

Разработанный проект стал одним из наиболее прорывных в этой области не только в России, но и в мире. Значимость проекта обусловлена следующими факторами. Во-первых, в рамках перспективного проекта предполагалась музеефикация как самого предприятия и относящихся к нему сооружений, так и всего горнозаводского комплекса, сформировавшегося на близлежащей к городу территории. Во-вторых, горно-металлургический комплекс, центром которого являлся Нижнетагильский завод, к моменту своей музеефикации производил продукцию на протяжении двух с половиной веков. Близкие по масштабу музеефикации металлургические заводы в немецких гг. Фёлклинген, Дуйсбург имеют более короткую историю деятельности: на момент музеефикации они проработали 113 лет и 84 года соответственно. В-третьих, завод был передан под нужды музея сразу после остановки производства в 1987 г. Поэтому промышленное оборудование и сооружения сохранили следы производственного процесса, которые неизбежно пропали бы при применении традиционных методов музеефикации.

Достигнутые в течение нескольких десятилетий результаты, тем не менее, не позволили обеспечить гарантии сохранности памятников для будущих поколений. Под государственную охрану была взята

лишь небольшая часть из исторически значимых индустриальных объектов. Системная работа по постановке на учет памятников промышленности проводилась лишь на территории Свердловской области, в результате чего на учет было поставлено несколько десятков промышленных объектов. В то же время число исторических предприятий на Урале исчисляется сотнями. Кроме того, даже подлежащие охране памятники утрачены или постепенно разрушаются, теряя свои конструктивные качества . Состояние многих памятников плачевное и с трудом поддается контролю, учитывая их расположение на территории предприятий, а официальный статус памятника истории и культуры становится лишь одним из факторов, определяющих его будущее .

Недостаточно эффективными оказались и мероприятия по музеефикации промышленных объектов. С одной стороны, сложившаяся в России система промышленных (заводских, отраслевых) музеев не сохраняет в полной мере историко-культурные особенности индустриального производства, с другой – концепция комплексной музеефикации промышленных пространств не смогла стать органичной частью системы охраны памятников, о чем можно судить, опираясь на текущие итоги реализации проекта музея-завода. Предусмотренные государством механизмы сохранения историко-культурных памятников оказались не в состоянии решать специфические вопросы индустриального наследия.

Отсутствие предпосылок для комплексного сохранения индустриального наследия проявлялось уже в самых основах историко-культурного законодательства. Закон 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» недостаточно полно и не всегда адекватно учитывал особенности меняющейся социально-экономической действительности и не предусматривал соответствующего промышленной специфике вида историко-культурного наследия [7. С. 1]. Например, в соответствии со ст. 5 данного закона выделялись следующие виды памятников: истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства, что не позволяло однозначно отнести к одному из них комплекс промышленных сооружений. В результате в Свердловской области в рамках одного постановления к памятникам истории был отнесен комплекс зданий и сооружений Екатерининского завода «Монетка», а к памятникам архитектуры и градостроительства – комплексы Билимбаевского, Сысертского заводов [3]. Категория историко-культурного ансамбля, более соответствующая специфике исторических промышленных комплексов и ландшафтов, появилось в историко-культурном законодательстве лишь в 2002 г. [8]. Но изменения в законодательстве лишь осовременили его и, при отсутствии иных организационных мер и реформ в историко-культурной сфере, не привели к качественным изменениям в сфере сохранения индустриального наследия.

Применение общих с иными категориями историко-культурного наследия критериев градации и оценки промышленных памятников ставило их в заведомо невыгодное положение. Расположенные в удалении от людных мест, чаще всего на действующих предприятиях сооружения, многие из которых сделаны полностью из ржавеющего металла, подвержены значительно большему числу рисков уничтожения, чем иные историко-культурные объекты. Работы по их музеефикации, реставрации или даже консервации требуют непропорционально больших для музейной системы трат. В условиях общей нехватки финансирования промышленные памятники нередко оказываются в тени памятников городской архитектуры, культовых сооружений и прочих объектов, также требующих значительных затрат на содержание и реставрацию.

Не способствует формированию специальных подходов к сохранению индуст-

риального наследия и управленческая структура сферы охраны памятников историко-культурного наследия. Сформированная в СССР система, состоящая из музеев, научно-исследовательских учреждений, центров по охране памятников, имеет общие черты высокой степени централизации и унификации структуры, испытывает сложности при реализации нетипичных решений. Эти черты также характерны для важного участника историко-культурной деятельности – общественных организаций. Но на сегодняшний день, в силу сложившейся ещё в СССР практики, ключевую роль в ней выполняет лишь одна организация – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), образованное в 1965 г. В настоящее время системная деятельность ВООПИК в сфере охраны и сохранения памятников индустриального наследия, несмотря на наличие в её структуре секции памятников науки и техники, ограничивается единственным примером специализированного отделения организации в г. Санкт-Петербурге в лице исследователя М. С. Штиглиц [9]. На территории Урала деятельность ВООПИК сосредоточена на решении наиболее резонансных проблем городской архитектурной среды и не проводит специальной деятельности в сфере индустриального наследия.

В то же время именно различные неправительственные общества и ассоциации стали главной движущей силой возникновения и развития международного движения за сохранение индустриального наследия. Многочисленные общества индустриальных археологов Великобритании образуют основу системы изучения и сохранения памятников промышленности этой страны [10]. Разнообразно представительство неправительственных организаций и в других странах мира: Германии, Франции, США и др. Среди наиболее известных организаций можно выделить Международный комитет по сохранению индустриального наследия (TICCIH), имеющий также и российское представительство. Показательно, что, исчерпав первоначальный импульс в начале 1990-х гг., комитет так и не смог оказать какое-либо влияние на сохранение памятников промышленности России, оказавшись вне сложившейся в России структуры охраны и сохранения памятников [11. С. 211-212].

В то же время примеры различных успешных инициатив по сохранению памятников индустриального наследия в России и за рубежом говорят о доста-точной степени зрелости предпосылок для структурных изменений в сфере сохранения индустриального наследия. В первую очередь следует выделить финансовые предпосылки. Поддержка историко-культурного наследия промышленного предприятия на сегодняшний день становится выгодным имиджевым ресурсом, а презентация наследия – обязательным атрибутом деловых контактов крупного бизнеса, общественным и политическим гарантом долгосрочной деятельности, компонентом социальной ответственности предприятия.

На территории Урала таковыми примерами являются музеи, принадлежащие крупным промышленным компаниям. Одним из них является Музейный комплекс «Северская домна» – корпоративный музей Трубной Металлургической компании, расположенный на территории Северского трубного завода в г. Полевской. Основным экспонатом является доменная печь, которая оказалась в наилучшем состоянии среди памятников индустриального наследия, попавших в списки памятников государственного значения в 1974 г. Музей занимает значительное экспозиционное пространство. Основное помещение, вдоль стен которого размещены витрины с экспонатами, выполняет также функцию зала приема делегаций, проведения встреч и банкетов. Комплекс является важным компонентом

корпоративной политики предприятия: он является символом и центром поддержки ветеранов завода, привлечения молодежи, создания имиджа предприятия и его руководства.

Примечателен пример музея военной техники, расположенного в г. Верхняя Пышма. Музей принадлежит Уральской горно-металлургической компании (УГМК), а его зарождение и развитие – личная инициатива генерального директора компании А. А. Козицына. Фонд экспонатов музея представляет коллекцию военной техники и гражданских транспортных средств А. А. Козицына. Музей занимает значительную территорию, имеет новый выставочный павильон и крупную реставрационную мастерскую. На основе музея в г. Верхняя Пышма, градообразующим предприятием которого является УГМК, ежегодно проводятся мероприятия и парад, приуроченные к Дню Победы.

Масштаб деятельности и качество организации экспозиций позволяют говорить о беспрецедентных для музейной сферы средствах, вкладываемых в данные объекты. Корпоративные музеи Урала финансируются целиком за счет компании-владельца, и преследуют цели продвижения коммерческого и социального имиджа предприятия. Кроме того, корпоративный музей является одной из форм проявления «социальной ответственности» бизнеса, одним из важных элементов российской политики в сфере крупного бизнеса. От других заводских музеев Урала их отличает более высокая посещаемость. Успех реализации проектов двух музеев позволяет рассматривать направление корпоративного музея как одно из действенных направлений сохранения индустриального наследия Урала, отвечающих специфике социально-экономической ситуации в регионе. Перспективы обретения покровителя в лице крупной корпорации имеет и Нижнетагильский музей-завод, отдельные работы по разработке концеп-ции которого были профинансированы компанией Евразхолдинг.

Во вторую очередь следует выделить группу теоретико-методологических предпосылок. Успешная, отвечающая современным общественным тенденциям реализация проектов по сохранению индустриального наследия требует более гибких, творческих методологических основ. В настоящее время на стыке архитектуры, урбанистики, социологии, экономики, культурологии возникают понятия ревалоризации (валоризации) и ревитализации, которые заостряют внимание на вопросах существования памятников в современных общественно-экономических реалиях, а также акцентируют внимание на ментальных аспектах восприятия остатков индустриальной культуры [12. С. 156].

Наиболее универсальной из представленных категорий может являться ревалоризация, определяемая как возвращение историко-культурному объекту ценности, утраченной под воздействием времени и/или других разрушительных факторов [13. С. 60]. Ревалоризация предполагает восстановление, как физического состояния объекта, так и его ценности в сознании социума, что позволяет выделить функциональную и ценностную ревалоризацию. Функциональный смысл ревалоризации может быть раскрыт как упоминаемый в историко-культурном законодательстве этап «Приспособления объекта культурного наследия для современного использования» [8]. Ревалоризация, в обозначенном ракурсе, имеет общие основания с понятием реконструкции, и предполагает поиск и реализацию такой формы дальнейшего существования памятника, которая позволила бы, не утрачивая историко-культурных качеств, интегрироваться в окружающие социально-экономические реалии, таким образом, достигнув цели сохранения историко-культурного объекта.

В терминологии музейной сферы ре-

конструкция определяется как научно обоснованное восстановление утраченного/руинированного культурного или природного объекта либо его частей [13. С. 60]. Используются такие возможные формы реконструкции как выполнение чертежа, макета, модели, виртуаль-ная (компьютерная) реконструкция. Термин противопоставляется реставрации и консервации, так как предполагает одновременное воссоздание и обновление, что более характерно для реновации.

Актуальность применения реконструкции как более эффективной альтернативы реставрации и консервации обуславливается возникшим на стыке архитектуры и урбанистики термином ревитализация. Наиболее активно термин используется при концептуализации проектов по преображению городской и архитектурой среды. Ревитализация индустриального наследия в данном ракурсе может обозначаться как «реконструкция промышленных зданий и сооружений с изменением функции самого объекта, то есть того назначения, которое вызвало причину строительства» [14]. Идеи ревитализации приняли более строгие формы в музейной сфере, определяющей ревитализацию как «оживление», восстановление способности объекта к функционированию и самовоспроизведению [13. С. 60].

В ином, ценностном смысле, ревалоризация направлена на преображение общества и его отношения к историко-культурному объекту. В процессе ревалоризации общество формирует ценностное отношение к потенциальному памятнику, попутно наделяя его соответствующими свойствами и атрибутами: юридическим статусом, связанными с ним общественными инициативами. Основным результатом социальной ревалоризации является дальнейшее устойчивое восприятие памятника как компонента истории и культуры в сознании тех общественных групп, от которых зависит его будущее, а также массовом сознании. Наиболее желательным итогом успешной социальной ревалоризации является актуализация ценностного статуса памятника традиционными для сферы историко-культурного наследия способами: музеефикацией, реставрацией.

Ракурс ценностной ревалоризации на примере индустриальных памятников Урала позволяет трактовать благоприятную ситуацию в формировании общественного восприятия ценности индустриальной культуры как третью предпосылку. Вопросы охраны и сохранения памятников промышленности Урала все чаще формируют повестку дня в средствах массовой информации, например, в связи с освоением территории Екатеринбургского мукомольного завода, некоторые здания которого являются памятниками. В научно-популярных и художественных проектах Урал все чаще позиционируется как регион – родоначальник «горнозаводской цивилизации», а её атрибуты, такие как фамилия Демидовых, уральский металл, стали признанными брендами.

Актуальной становится проблема сохранения наследия советской промышленности. Так, общественность поднимает вопросы сохранения исторических объектов на территории Уральского завода тяжелого машиностроения, являющегося одним из символов города и испытывающего серьезные экономические проблемы. Индустриальная архитектура периода 1920-1930-х гг. сформировала непривлекательную часть городского ландшафта, и совсем недавно лишь изредка рассматривалась в историко-культурном контексте. Такие сооружения лишены стилеобразующих признаков промышленных зданий XIX – начала XX вв. Нужды ускоренной индустриализации обусловили применение железобетона и типового проектирования в промышленном строительстве. В то же время, советская промышленная архитектура, наряду с уже повсеместно признанной культурным наследием советской архитектурой авангар-

да, конструктивизма, формирует целостный образ большинства крупных уральских городов.

Общественные настроения выражает также пример ещё одного памятника архитектуры и промышленного строительства г. Екатеринбурга – «Белой башни». Башня выполняла функции водоснабжения жилого района Уралмаша, и являлась неотъемлемой частью индустриального комплекса соцгорода. Уже к 1960-м гг., когда отпала необходимость в использовании водонапорной конструкции, башня была официально признана памятником архитектуры, являясь уникальным сооружением эпохи конструктивизма. Однако за признанием статуса не последовало конкретных мер по сохранению, и в течение многих лет башня постепенно ветшала. Задачу сохранения этого памятника взяло на себя гражданское общество. Группа энтузиастов сформировала общественно-научный проект, независимый от государственного финансирования, действующий на основе самых прогрессивных методов организации общественных инициатив: использование интернета и социальных сетей для привлечения к работам добровольцев, в том числе научных специалистов и инженеров, а также для сбора добровольных пожертвований на проект – краудфандинга [15].

Схожим образом, усилиями общественности таких стран, как Великобритания, Франция, переживших послевоенный период восстановления промышленности, сформировались соответствующие институты гражданского общества, способные встать на защиту уничтожавшихся памятников промышленной истории. Именно акции гражданского протеста, независимо от государственных ресурсов, положили начало общемировому признанию историко-культурного значения промышленного периода истории, ценности его наследия, а также деятельности организаций, занимающихся изучением и сохранением памятников индустриального наследия.

Предпосылки к формированию новых структур, способных эффективно содействовать сохранению памятников индустриального наследия, планомерно создавались трудом нескольких поколений специалистов. Благодаря работе, проделанной коллективами многих учреждений все ещё можно восторгаться богатством промышленной истории. Однако, как показывает практика и зарубежный опыт, для более успешного выполнения функции сохранения индустриального наследия требуются идейно и организационно обновленные структуры, занимающиеся, в первую очередь, сохранением, а не охраной памятников промышленности. Оба эти компонента, безусловно, важны для решения поставленных задач, однако подразумевают два разных фронта работ, закрепленных в историко-культурном законодательстве. В то время как охрана памятников – принятое государством на себя обязательство, связанное в первую очередь с правоприменительной деятельностью, то сохранение историко-культурного наследия – обширная как институционально, так и методологически сфера, непрерывно предлагающая решать все новые и новые задачи. Даже один из полноправных компонентов историко-культурной сферы – индустриальное наследие, включает в себя категории совершенно разного порядка: материальных и нематериальных ценностей, механизмов и недвижимых объектов, различного рода продукции и целых предприятий, индустриальных ландшафтов. Справляться с функциями сохранения столь разнообразных по свойствам памятников под силу лишь коллективам энтузиастов своего дела, действующих в такой среде, которая способствует принятию самостоятельных решений, планомерной работе без непрерывной оглядки на загромождение устаревших стандартов и изживших себя традиций. Индустриальное наследие формирует вокруг себя синтетическую – на-

учно-исследовательскую, общественную, творческую среду, сплочение и развитие которой обуславливает перспективы сохранения индустриального наследия, а также представляет потенциал для всей историко-культурной сферы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коротковский А. Э., Заикин Г. С., Стариков А. А. Каменный пояс. – Часть II. – Свердловск, 1978. – 56 с.

2. О состоянии и мерах улучшения охраны и пропаганды памятников истории и культуры в области. Решение исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся № 636 от 5 августа 1971. – URL: http://www.patrimony.ru/page3/page26/page85/page86/ (дата обращения: 08.06.2014)

3. О дополнении и частичном изменении постановления совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Постановление Совета министров РСФСР N 624 от 4 декабря 1974 г. – URL: http://kulturnoe-nasledie.ru/documentations.php?id=13 (дата обращения: 08.06.2014)

4. Холодова Л. П. Заводы Урала // Архитектура СССР. – 1988. – № 2. – С. 100-107.

5. Семенов И. Г., Устьянцев С. В., Хлопотов С. И. Концепция музеефикации Нижнетагильского металлургического завода // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700-1950 гг. Доклады участников и официальные материалы Международной научной конференции, г. Нижний Тагил, 15-18 августа 1996 г. – Т. 2. – Екатеринбург, 1997. – С. 83-109.

6. Национальный Горнозаводской парк Среднего Урала: зонирование, памятники промышленности, архитектуры, истории и культуры, музейное строительство. – Екатеринбург, 2000. – 168 с.

7. Веденин Ю. А. Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия. – М., 1999. – 96 с.

8. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации N 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – N 26. – Ст. 2519.

9. Штиглиц М. С. История охраны индустриального наследия Петербурга. Санкт-Петербург, 2011. – URL: http://voopik.spb.ru/index.php?view=category&id=138%3A2011-11-21-22-38-57&option=com_content&Itemid=100005 (дата обращения: 24.01.2014).

10. Лахтионова Е. С. История развития международного движения за сохранение индустриального наследия // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – № 3(103). – С. 196-203.

11. Запарий В. В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) // Экономическая история. Обозрение. – М., 2007. – С. 211-217.

12. Чугунова А. В. Реконструкция памятников культурного наследия как на-правление современной музейной архитектуры // Вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 1(10). – С. 156-158.

13. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – № 5. – С. 47-68.

14. Красильникова Н. Лофт и ревитализация как методы сохранения и усовершенствования архитектурной среды города в XXI веке. – URL: http://archnest.com/nadia_c/blog/1722/. (дата обращения: 27.01.2014).

15. The White Tower Project. [сайт]. – URL: http://save-the-tower.ru/ (дата обращения: 24.03.2014).

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН, г. МАХАЧКАЛА

УДК 327: 910
ББК 66.4(0),03
Геополитика, политология

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ГЕОПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кандидат исторических наук Р. А. Абдуразаков

В статье рассматривается проблема фундаментального дуализма в современных российских учебных пособиях по геополитике. Изучению были подвергнуты все основные и наиболее известные современные издания. Автор выявляет две основных тенденции в исследуемом вопросе в русле классической и ревизионистской геополитики. Делается вывод о необходимости обязательного изучения основного закона геополитики для геополитической социализации российского общества и как основы современных геополитических исследований.

Ключевые слова
Геополитика, основной закон геополитики, континентально-океаническая дихотомия, фундаментальный дуализм, теллурократия, талассократия

Сегодня трудно найти политолога, учёного, занимающегося проблемами внешней политики, международных отношений, который бы не употреблял термин «геополитика». При этом мало найдётся людей, в том числе и в научной сфере, которые могли бы дать чёткое определение этой отрасли знания, обоснованно разграничив предметные области геополитики, политической географии, теории международных отношений и т. д. Ещё сложнее обстоит дело со знанием методологии геополитического анализа.

Автор данной статьи не собирается вносить свою лепту в решение этих важных проблем, тем более, что на страницах современной периодики и академических изданий эти вопросы уже нашли отклик и ведётся плодотворная дискуссия. Представляется интересным взглянуть на освещение ряда теоретических вопросов геополитики в современной отечественной учебной литературе, тем более, что уже такие попытки предпринимались [5]. Геополитическая грамотность населения становится сегодня важнейшим фактором патриотического воспитания молодёжи, мобилизации общественного мнения в поддержку проводимого руководством страны внешнеполитического курса.

Сегодня в России периоду геополитического невежества постепенно приходит конец, появляются все более квалифицированные издания. Курс геополитики присутствует практически во всех высших учебных заведениях России. Значительный вклад в популяризации

этой науки, подготовки учебников и учебных пособий внесли Дугин А. Г., Гаджиев К. С., Мунтян М. А, Тихонравов Ю. В., Нартов Н. А., Исаев Б. А., Колосов В. А., Мухаев Р. Т., Маринченко А. В. и др. Интерес к преподаванию геополитики неуклонно возрастает.

Важность преподавания геополитики в высших учебных заведениях была отмечена ещё К. Хаусхофером в 1930-е гг. в Германии, который добился включения этого курса в учебные планы немецких вузов. Целью этих мероприятий было геополитическое воспитание немецкого народа [20. С. 186]. Его программа тогда была направлена на осознание всеми слоями немецкого общества необходимости преодоления унизительных для Германии последствий Первой мировой войны, способствуя росту реваншистских настроений [21. С. 107]. Поэтому относится к копированию немецкого опыта необходимо осторожно и с учётом интернациональных традиций и истории России.

Проблема геополитической социализации и геополитического воспитания сегодня уже нашла отклик у некоторых отечественных учёных [1, 6] и неразрывно связана с пристальным вниманием к преподаванию курса геополитики в учебных заведениях России. Важнейшим вопросом является внимание в учебниках по геополитике к инструментарию геополитического анализа. Одним из непреложных законов геополитики является закон фундаментального дуализма, отраженного в географическом устройстве планеты и в типологии цивилизаций. Как отмечала Михеева Н. М., «методология геополитических исследований заключается в применении принципов дуализма к более локальным категориям, при этом планетарная модель должна оставаться основополагающей при анализе ситуации любого масштаба» [15. С. 52].

Ниже приводится отрывок, характеризующий основной закон геополитики, который практически дословно кочует из одного учебника в другой, а также представлен в большинстве диссертации и монографий по геополитике.

«Главным законом, который более всего привлекает внимание исследователей этой науки, является закон фундаментального дуализма, проявляющийся как в географическом устройстве планеты, так и в исторической типологии цивилизаций. По мысли родоначальников геополитики, особенно А. Мэхэна и Х. Маккиндера, этот дуализм изначально несет в себе семена враждебности, которые, падая на хорошую политическую и военную почву, дают плоды непримиримой вражды двух стихий, двух типов культурно-исторических цивилизаций (демократии и идеократии).

Сухопутное могущество, или теллурократия, характеризуется четко обозначенными границами, фиксированным пространством, способами жизнедеятельности населения, устойчивостью его качественных ориентаций: оседлость; ограниченность в выборе приложения труда; консерватизм; строгие нравственные или юридические нормы и законы, которым подчиняются все индивиды, группы людей, роды, племена, народы, страны, империи. Суша – то, что всегда прочно, устойчиво, твердо. Такая твердость формирует твердость морали и закона, твердость традиции. Нравы закрепляются в общественном сознании, передаются по наследству, формируется кодекс этических норм, принципов. Это проявляется, в частности, и в том, что сухопутным народам, особенно оседлым, близко чувство коллективизма, а не индивидуализма, чужд дух предпринимательства, наживы.

Морское могущество, или талассократия, по мнению автора этой концепции Мэхена, – совершенно противоположный тип цивилизации. Талассократия, или торговая цивилизация, более динамична и восприимчива к техническому прогрессу. Ей присущ дух индивидуализма, наживы, предпринимательства. Эти и другие каче-

ства индивида или группы предопределяет море, требующее такого типа личности, который может выжить в экстремальных условиях. Поэтому индивидуум, способный на предприимчивость и нестандартные решения, представляет высшую ценность. Следовательно, в такой цивилизации нравственные и юридические нормы, принципы, законы становятся относительными. Подобный тип цивилизации развивается активнее, чем теллурократический, легко меняет нравственные и культурные ценности, признаки, сохраняя только одну основную установку – стремление вперед, к новым открытиям, приключениям, наживе» [14. С. 15-16; 18. С. 26-26].

Нами был проанализирован ряд наиболее распространённых учебников и учебных пособий известных авторов на предмет отношения к основному закону геополитики. Практически невозможно объективно взглянуть на интерпретацию фундаментального дуализма в отрыве от общей методологической картины геополитики, изложенной в учебной литературе.

Рассмотренную литературу можно условно разделить на две группы.

К первой можно отнести учебные пособия, в который закон фундаментального дуализма является или основой геополитического анализа (Дугин А. Г.), или одной из главных основ такового (Трубникова Н. В., Мунтян М. А. и др.). В них подчеркивается идеологический характер геополитики как системы интерпретаций общества и истории, мира в целом.

Учебные пособия А. Г. Дугина, впрочем, как и его монографии, всегда задавали тон в популяризации и развитии классической геополитики в России. С его точки зрения противостояние «Суши» и «Моря» носит сакральный характер и по своей значимости сопоставимо с законом всемирного тяготения в физике. Исходя из того, что геополитика – это мировоззрение, основанное на тезисе «географический рельеф как судьба» [9. С. 8, 10], он основные концепты фундаментального дуализма (такие, как «Sea Power», «Land Power», «Heartland», «Rimland» и т. д.) рассматривает как элементы базовой матрицы геополитических исследований [8. С. 4].

По мнению Дугина А. Г., Х. Маккиндер вывел грандиозное по значимости заключение – о двойственности цивилизаций, о неминуемом противостоянии «теллурократии» и «талассократии» не только в стратегическом и конкретном ключе, но и с точки зрения принципиального различия и непримиримого противоречия в глубинных ценностных и культурных ориентирах. Исходя из этого, геополитика представляет собой комплексный подход к интерпретации международных отношений на основе принципиального и неснимаемого цивилизационного дуализма – «Суша» vs «Море», «теллурократия» vs «таллассократия». Другие определения геополитики, в которых она интерпретируется лишь как учение о связях государства с пространством и т. п., без указания на принципиальный цивилизационный дуализм, не вскрывают ее сущности как научного метода.

Менее категоричны в этом плане в своих учебных пособиях Мунтян М. А., Трубникова Н. В., Порцель и Нартов Н. А., в целом признавая за основным законом геополитики одну из главных ролей в геополитическом анализе. Так, Мунтян М. А. употребляет термин «геополитический дуализм»: «Геополитический дуализм – один из основных принципов геополитики, заключающийся в том, что в перманентных схватках государств-представителей Моря и Суши за преобладание в мире рождается система международных отношений с ее конкретно-исторической структурой и балансом сил. Сквозь призму этого дуализма геополитики рассматривают по существу все стороны жизни государственно организованных социумов» [16. С. 108].

Трубникова Н. В., отмечая, сложный интегральный характер предмета геополитики, подчёркивает, что «все государства подчиняются закону фундаментального дуализма, то есть неизбежного противостояния двух типов общества – континентального и морского» [22. С. 12]. Она является одним из немногих авторов, которые попытались систематизировать отличительные стороны теллурократии и талассократии. К признакам первой она отнесла: четко обозначенные пространственные границы; консерватизм, уважение к традициям; строгие нравственные и юридические нормы; господство коллективизма; иерархическое социальное устройство; военно-авторитарная цивилизация. К признака второй были отнесены: отсутствие четких границ, растянутость территории через морские коммуникации; динамизм, изменчивость; относительность нравственных и юридических норм; господство индивидуализма; договорное социальное устройство; торговая цивилизация [22. С. 13].

Учебное пособие Нартова Н. А. и Нартова В. Н. пользуется известностью и выдержало несколько изданий. Основной закон геополитики не обойдён в нём стороной, однако его интерпретация, несмотря на свою подробность, не отличается большой оригинальностью [18. С. 26-27]. В отличие от него учебник Порцеля А. К. уделяет рассматриваемому предмету не так много места, зато сама интерпретация хоть немного отличается от общепринятой: «Государства, как и цивилизации, разделяются на морские и континентальные. Морские державы более динамичны, ориентированы вовне, активно ведут торговлю и т. д. Континентальные государства более устойчивы, самодостаточны, ориентированы на развитие собственных ресурсов и т. д. Поскольку все жизнеспособные государства стремятся к росту, к расширению территории, то рано или поздно происходит столкновение между державой Суши и державой Моря. Эта борьба и определяет характер международных отношений. Суша и Море находятся в состоянии динамичного равновесия: они не могут уничтожить друг друга, но стремятся друг друга подчинить» [19. С. 9].

Вторая группа учебных пособий оказалась гораздо более многочисленна и отражает ревизионистское направление в геополитике, а отсюда – и иное отношение к предмету нашего внимания. В первую очередь это учебные пособия Гаджиева К. С., Мухаева Р. Т., Василенко И. А., Макошева А. П., Тихонравова Ю. В., Исаева Б. А., Лукъяновича Н. В., Колосов В. А. и Мироненко Н. С., Туровского Р. Ф., Ашенкампфа Н. Н. и Погорельской С.В. Общим для них является желание по-новому интерпретировать первую составную часть самого термина «геополитика», поскольку в современном мире географические и пространственно-территориальные параметры мирового сообщества подверглись существенной трансформации. Исходя из этого, основной закон геополитики не предстаёт уже как основополагающий элемент геополитического анализа. Под «геополитикой» у перечисленных авторов понимается «стратегический анализ международных отношений» без учета базового дуализма Суша/Море.

Гаджиев К. С. [4. С. 14], Ашенкампф Н. Н. [2. С. 4], Макошев А. П. [13. С. 29] вскользь отмечают методологические аспекты классической геополитики и не упоминают закон фундаментального дуализма. Основное внимания у них уделено цивилизационным различиям Запада и Востока. Мухаев Р. Т. [17. С. 26-47], Тихонравов Ю. В. [21. С. 70-93], Исаев Б. А. [10. С. 132], Колосов В. А. и Мироненко Н. С. [11. С. 19], Василенко И. А. [3. С. 52], Лукъянович Н. В. [12. С. 12], Туровский Р. Ф. [23. С. 22] также не упоминают термин «основной закон геополитики», а термины «теллурократия» и «талассократия» употребляются в контексте изложения различных геополити-

ческих доктрин, не имея собственной интерпретации авторов в разделе о методологии геополитики.

По мнению Колосова В. А. и Мироненко Н. С., «История развития геополитического пространства показала, что только теоретически допустимо существуют «стерильные» морские и континентальные державы» [11. С. 51]. Василенко И. А считает, «что после окончания холодной войны геополитика оказалась перед необходимостью определения новой парадигмы, способной объяснить геополитическую картину мира. Это место заняла цивилизационная парадигма» [3. С. 53]. Лукъянович Н. В. вообще раскритиковал географический детерминизм, определяющий в классической геополитике континентально-океаническую дихотомию и высказал предположение, что «причиной разделения государств на морские и континентальные было не географическое положение, а скорость протекания социальных, политических, экономических процессов, которые на ранних этапах человеческой истории, и в XXI в. не пространство будет определять скорость общественных процессов, а новые технологии, прежде всего информационные и энергетические» [12. С. 13]. Туровский Р. Ф. подверг сомнению тезис об извечной борьбе талассократий и теллурократий, мотивируя это тем, что «практически невозможны идеальные типы этих государств, … а история показала: в чистом виде морские и континентальные державы недолговечны и неконкурентоспособны» [23. С. 22-23].

Итак, можно констатировать, что в современных отечественных учебниках по геополитике постепенно стала доминировать тенденция на ревизию традиционных методологических основ геополитической науки, где закон фундаментального дуализма играл определяющую роль. Представляется, что такая тенденция глубоко ошибочна. Геополитика после Х. Маккиндера – это дисциплина, основанная на методологии цивилизационного, политико-стратегического и ценностно-культурного (социологического) дуализма, который является не частностью и отдельной темой в геополитике, но сутью и смыслом геополитики как таковой. Все геополитические школы – и англо-саксонская, и германская, и французская, и российская – строятся и строились исключительно на признании фундаментальности этого дуализма. Как отметил Дугин А. Г., если мы попытаемся пренебречь этим дуализмом, мы тут же оказываемся вне проблематики, методологии и теории геополитики как таковой [7. С. 37].

На наш взгляд, учебная литература должна в первую очередь давать базовые принципы науки. Знание, понимание, правильное применение основного закона геополитики во многом должно помочь актуализации теории и практики евразийства – идейной основы национально-государственной стратегии России в обозримом будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдуразаков, Р. А. Геополитическая социализация вчера и сегодня: к постановке проблемы / Р. А. Абдуразаков // Вестник ДГУ. Серия История. – Махачкала, 2015.

2. Ашенкампф, Н. Н., Погорельская, С. В. Современная геополитика России: учебное пособие / Н. Н. Ашенкампф, С. В. Погорельская. – М.: Академия ГПС МЧС России, 2005. – 102 с.

3. Василенко, И. А. Геополитика современного мира: учеб. пособие / И. А. Василенко. – М.: Юрайт, 2010. – 395 с.

4. Гаджиев, К. С. Геополитика: учебник / К. С. Гаджиев. – М.: Юрайт, 2011. – 479 с.

5. Дворников, Ю. В. Современный курс «Геополитика» в высшей школе: основные

проблемы и подходы к решению / Ю. В. Дворников // Современное образование: традиции и инновации (СПб.) – 2014. – № 1. – С. 38-45.

6. Дугин, А. Г. Геополитика как эффективный метод современной российской политической теории и практики / А.Г. Дугин // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 3. – С. 5-13.

7. Дугин, А. Г. Геополитика России: Учебное пособие для вузов / А. Г. Дугин. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. – 424 с.

8. Дугин, А. Г. Геополитика: Учебное пособие для вузов. / А. Г. Дугин. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. – 583 с.

9. Дугин, А. Г. Основы геополитики / А. Г. Дугин. – М.: Арктогея-центр, 2000. – 928 с.

10. Исаев, Б. А. Геополитика: Учебное пособие / Б. А. Исаев. – СПб.: Питер, 2006. – 384 с.

11. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.

12. Лукьянович, Н. В. Геополитика: учебник для бакалавров по направлению «Экономика» / Н. В. Лукьянович. – М.: Юрайт, 2011. – 304 с.

13. Макошев, А. П. Политическая география и геополитика. Учебно-методическое пособие / А. П. Макошев. – Горно-Алтайск: РИО, 2006. – 103 с.

14. Маринченко, А. В. Геополитика: учебное пособие / А. В. Маринченко. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 429 с.

15. Михеева, Н. М. Геополитические аспекты проблемы Кипра: Дис. ... канд. политических наук: 23.00.04. – СПб., 2000. – 200 с.

16. Мунтян, М. А. Геополитика: история и современность. Курс лекций. – Т. 1, 2 / М. А. Мунтян. – М.: НП «Центр общественных экспертиз», 2009. – 960 с.

17. Мухаев, Р. Т. Геополитика: учебник для студентов вузов / Р. Т. Мухаев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 839 с.

18. Нартов, Н. А., Нартов В. Н. Геополитика: учебник для студентов вузов / Н. А. Нартов, В. Н. Нартов; под ред. В. И. Староверова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Единство, 2007. – 527 с.

19. Порцель, А. К. Основы геополитики: учебное пособие для специальности 030701.65 «Международные отношения» / А. К. Порцель. – Мурманск: Изд-во МГТУ, 2012. – 156 с.

20. Рукавицын, П. М. Немецкая классическая геополитика и её вклад в развитие политической науки / П. М. Рукавицын // Вестник МГЛУ. – 2013. – № 2. – С. 182-191.

21. Тихонравов, Ю. В. Геополитика: учебное пособие / Ю. В. Тихонравов. – М.: ИНФРА-М., 2000. – 269 с.

22. Трубникова, Н. В. Геополитика и международные отношения современного мира: учебное пособие / Н. В. Трубникова. – Томск: Изд-во ТПУ, 2005. – 91 с.

23. Туровский, Р. Ф. Политическая география: учебное пособие / Р. Ф. Туровский. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. – 381 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. П. ОГАРЕВА

УДК 32
ББК 66.4(2Рос),3
Политология

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Безкади Фади

В данной статье рассматриваются приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке. Описывается отношение внешней политики России по таким важным для нее вопросам как терроризм, ядерное оружие, агрессия США в Ираке, сотрудничество в военной сфере с арабскими странами, установление однополярной системы и доминирование Америки, а также геополитике на Ближнем Востоке. Приводится несколько различий между внешними политиками Соединенных Штатов и Российской Федерацией.

Ключевые слова
Внешняя политика РФ, Ближний Восток, гегемония США, ядерное оружие, терроризм, война в Ираке, ХАМАС, Хезболла

Надежные и постоянные друзья России на Ближнем Востоке не помеха для серьезных изменений во внешней политике. Поэтому мы видим, что национальные интересы государства остаются превыше соображений прагматизма [2], но изменения часто сталкиваются с этими интересами. Обязательства, которые Москва, унаследовала от советской эпохи, иногда ограничивают ее действия в этом. И чтобы сохранить свою репутацию и международное положение ей приходится выполнять их.

В изменениях Россия имеет правовые и политические основы для ведения различных вопросов на международной арене, то есть на так называемом уровне «войны с террором», ядерной гонки, нефтегазового или арабо-израильского конфликтов. Все это в международной обстановке не имеет достаточной степени стабильности. Так, например, мы не видим кто победит в ядерной гонке, результатом которых, будет то что мировая система станет однополярной, а также в гонке на мировом рынке вооружений. В силу своего геополитического положения, роль России не может быть проигнорирована, потому что она включает в себя часть Европы и Азии, и имеет большое влияние не только рядом со своими границами, но и далеко за их пределами.

Правовые и политические основы

Россия реалистично решает ближневосточные проблемы, которые имеют международные размеры, в соответствии с ее политическими и экономическими интересами. В последние годы она пыталась

сохранить свой международный статус, не будучи в каких-либо военных альянсах [10]. И, следовательно, российская дипломатия активно ищет мирные решения в соответствии со стандартами международного права в конфликтах региона, без вмешательства в их внутренние дела.

Далее мы рассмотрим российские правовые и политические основы внешней политики на примере некоторых важных международных региональных темах.

1. *Проблема терроризма*

Россия дает другое определение терроризма, отличающееся от даваемого Западом и Америкой. В то время как Вашингтон считает терроризмом «насильственные действия, совершаемые с определенной целью государством или группой людей». Тогда как российское видение этого определения совершенно другое. Так, например, мы можем привести в пример сопротивление, существующее в Палестине и Ливане против израильских оккупационных движений, в России воспринимается как оппозиция и, следовательно, это выражается в сотрудничестве с этими движениями (например, как Хамас и Хезболла), в то время Вашингтон рассмотрел эти движения как террористические организации, и не желает с ними вести переговоры.

Однако, после чеченского конфликта на юге России, она начала менять свою точку зрения в связи с так называемым «исламским терроризмом». Данные изменения склонялись в сторону западного направления, и произошли они для того чтобы Запад закрыл глаза на действия России в Чечне. Такие действия для сделали отношения Москвы с исламскими арабскими странами очень напряженными. Однако, Путин для налаживания отношений попросил вступления России в Организацию Исламская конференция в качестве наблюдателя, что было выполнено в 2003 году [11].

Затем Москва продолжала пересматривать концепции терроризма, а именно предпринимала попытки отделить терроризм от ислама. Но экстремизм продолжал расти, особенно после американской и израильской агрессии в ближневосточном регионе. Из-за этого некоторые исламские группы начали снова выступать за исламский халифат на всей земле, населенной мусульманами. И такое требование вызвало у Москвы большой страх.

В связи с этим министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что Россия и арабский народ договорились о борьбе против терроризма и о религиозной и политической терпимости. Однако, Москва не признает ситуацию, в которой жизненно важные интересы ее страны находятся под угрозой из-за критики израильской стороны, которая обвинила Россию в поддержке терроризма путем предоставления Ирану и Сирии оружия, которые в свою очередь передают его ХАМАС и Хезболла, находящихся в списке террористических организаций США и Израиля [6].

Из написанного выше ясно, что Москва не принимает западные определения терроризма, потому что данные оппозиционеры держат американцев под давлением. Но в то же время, Москва воздерживается от действий в ситуациях, связанных с безопасностью и терроризмом, угрожающим национальным интересам внутри России.

2. *Американская агрессия в Ираке (20 марта 2003 года)*

Существуют достаточное количество различий и противоречий во взглядах между Москвой и Вашингтоном по поводу введения экономических санкций в отношении Ирака, длящихся с девяностых годов прошлого века. Это происходит потому что Россия знает, что США желает навязать свое господство силой на Ближнем Востоке в общем, и в частности, в странах-производителях нефти. Зная это, Москва стремится помешать планам США, путем использования права вето в

Совете Безопасности, или идти в ногу с этими планами, чтобы не упустить в любом случае свои национальные интересы [4].

Несмотря возражения Москвы против плана США вторгнуться в Ирак, и попытки применить право вето по этому проекту в Совете Безопасности, прошедшего в феврале 2003 года, она не предприняла больше никаких действий против, и приняла это как свершившийся факт для того, чтобы быть партнером в бедующем американском присутствии в Ираке, при условии, что будет оговорена и назначена дата вывода войск из Ирака [7].

Российская политика стала более очевидной, после того как Москва во главе с Путиным объединилась с Берлином – Герхардом Шредером и Парижем – Жаком Шираком, чтобы создать ось противодействия американской гегемонии на европейском континенте. Но к сожалению данная коалиция не показала никаких значительных результатов, только сформировала значительную нагрузку на Лондон – Тони Блэра и Вашингтон – Джорджа Буша, и дала послание миру, что то, что происходит в Ираке не «международный» проект, а план «доминирования США» [5].

Следует отметить, что у России в союзе с данными европейскими странами, можно отметить два варианта сотрудничества:

Первый: призвать участвовать в военной коалиции против президента Ирака Саддама Хусейна, во главе с Соединенными Штатами Америки, и получать прибыль от Ирака в эпоху после Саддама Хусейна, который все рано или поздно уйдет из власти.

Второй: призвать дистанцироваться, чтобы не мешать планам США, но при этом сохраняя за собой возможность для маневра, когда это потребуется, либо через использование права вето в Совете Безопасности, или через применение военной силы в соответствии с условиями, которые возникнуть после войны в Ираке.

Но Россия пошла на обмен интересами с Вашингтоном. Это стало ясно, когда на новооткрытом месторождении иракской нефти контракт получила российская компания в 2009 году [9]. Данные события были истолкованы как уступка Москве в Ираке. Для того чтобы Вашингтон получил благосклонность от России в политике США в Афганистане и Иране.

Ядерные и военные соглашения

Москва рассчитывает на ключевую роль в решении проблем контроля над вооружениями на Ближнем Востоке, в частности ядерного оружия. С другой стороны, Россия, хочет сохранить эту область жизнеспособного рынка для экспорта оружия, потому что русская экономика базируется на промышленном экспорте, особенно учитывая то, что Ближний Восток наиболее важный для России в этой области.

1. *Проблема ядерного оружия на Ближнем Востоке*

Россия последовательно выступает против распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке. И публично поддерживает пункт Договора о европейской безопасности, призывающий предотвратить развитие ядерного оружия, и уважать нормы международного права [3]. В связи с этим во время своего визита в Каир 21 июня 2009 года, экс-президент России Дмитрий Медведев выразил поддержку египетской инициативы, сделать Ближний Восток зоной, свободной от ядерного оружия. Москва также приняла эту позицию в ходе визита экс-президента Ливана Мишеля Сулеймана в Москву 25 февраля 2010 года.

2. *Вопрос о военном сотрудничестве с арабскими странами*

Россия не ведет политику с арабскими странами через прямое военное вмешательство, как это делают Соединенные Штаты. Она представляет себя как госу-

дарство, которое стремиться расширить все дипломатические, военные и экономические линии с арабскими странами. Потому что Москва считает, что Ближний Восток является самым важным рынком для России, и сотрудничает с ним во всех областях [13].

Россия стремиться укрепить свою роль в арабском регионе, но несмотря на всю ее важность еще не дошла до уровня, который нужен Москве, потому что из-за увеличившихся трудностей арабские страны не дали должного внимания укреплению отношений с Россией. Но если они будут обращаться к России, как к партнеру это будет очень большой плюс. Такое партнерство может быть достигнуто при активном взаимодействии России с арабскими странами в вопросах важных для обоих сторон, что улучшит отношения между ними. Так как они обладают двумя третями запасов нефти и природного газа в мире, это представляют собой место для международных амбиций.

Несмотря на недовольство уровнем отношений между Россией и арабскими странами, был подписан широкий диапазон соглашений, связанных с покупкой российского оружия и создание ядерных реакторов в мирных целях [14].

В данное время Россия в состоянии глубоко проникнуть в арабский рынок по продаже оружия. С этой целью был подписан широкий ряд соглашений в области экспорта различных вооружений в страны Персидского залива, таких как Саудовская Аравия, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты. В связи с этим отношения между Россией и Сирией и Ливией наладились, и нет особого различия в отношениях с данными странами.

Политическая география на Ближнем Востоке и международный конфликт

Россия считает, что географический район Ближнего Востока, прилегающий к южной границе, является очень важным для национальных интересов и оказывает значительное влияние на национальную безопасность и ее экономику одновременно. Москва видит этот регион в качестве постоянного места связи с соседним евразийским пространством и постоянно ищет с ними контакта.

1. *Вопрос о территориальной смежности России с Ближним Востоком*

Существует ряд факторов, влияющих на движение российской политики. Вот несколько из этих факторов: водные пути, сухопутные коридоры, экономические соображения и в дополнение религиозный фактор. Эти факторы пробудили российскую озабоченность южным регионом, разнообразному в культурном и религиозном плане, для политических интересов. Потому что многие миллионы детей России мусульмане, что служит внутренней причиной для улучшения связи со странами Ближнего Востока [1].

Например, Россия пыталась воспользоваться геополитическим положением Ирана, чтобы прекратить проникновение ваххабизма и влияния Турции, а также финансирование исламских террористических групп среди республик Центральной Азии. Россия и Иран стремились предотвратить аннексию стран Центральной Азии в альянсы, которые не имеют добрых чувств по отношению к ним. Они касаются так называемой «Большой Турции», что может привести к контролю НАТО в регионе, потому что она активный член данного союза на протяжении десятилетий. [12]

Другой пример, российско-турецкие отношения в настоящее время испытывают своего рода сближение, сотрудничество с взаимной осторожностью, в связи с исторически накопленными обоюдными конфликтами и конкуренция до сих пор бросает тень на эти отношения.

Со своей стороны, Россия, с начала девяностых годов прошлого века, пытается воспользоваться географическим положением Турции. Для того чтобы от-

крыть выход к морю для экспорта России в страны Ближнего Востока и Европы, в частности, природного газа. Потому что около 50% внешней торговли России проходит через турецкие проливы.

Россия считает, что арабский регион является соседним регионом и передним краем евроазиатского региона. Эти области, важны для России, и, следовательно, давно имеют приоритет во внешней политике Москвы.

2. *Вопрос об отказе Москвы от американской версии судьбы региона*

Россия почувствовала уменьшение своей роли после распада Советского Союза и рождение нового международного порядка во главе с Соединенными Штатами Америки, которые по-прежнему выступают в качестве единственной сверхдержавы в мире. Очевидным это стало, после того как России была бессильна повлиять на ход международных событий, особенно в девяностые годы прошлого века, а также из-за внутреннего экономического и социального кризиса.

Тем не менее, с начала текущего столетия, когда, Владимир Путин пришел к власти впервые, облака начали рассеиваться над российскими мечтами, которые невозможно скрыть или игнорировать. Потому что существуют российские национальные интересы, которые не могут быть не приняты во внимание, и многие из них связаны с международными вопросами, от которых зависит безопасность и внешний статус России.

Однако, роль и влияние США увеличивались на Ближнем Востоке и за последние десятилетия это стало стимулом для российской внешней политики, чтобы получить больше власти и влияния в качестве мировой державы перед лицом Соединенных Штатов Америки. Таким образом, политика России перешла к укреплению партнерских связей и альянсов с арабскими странами [8].

Ближний Восток, как уже было написано выше стал областью, в которой Россия не отказывается от своего влияния и не желает господства в данном регионе США.

Поэтому не удивительно видеть на Ближнем Востоке четкий контраст по горячим вопросам между Россией и западными странами во главе с США. Особенно разные мнения по Ирану, Ираку, Ливану, Палестине, а также Сирии, которые Россия поддерживает через вооружение и защиту в Совете Безопасности не позволяя наложить дополнительные санкции на них.

Российская Федерация никогда не применяла силу на Ближнем Востоке, поэтому известно, что Москва, использует мирные средства для достижения своих интересов, без использования других методов.

Также Россия отказывается от контроля Франции, США или НАТО над событиями на Ближнем Востоке. В доказательство этого Президент Путин отправил письмо в Лигу Арабских Государств о том, что не приемлет контроля Запада во главе с США в ближневосточном регионе. Данное письмо было направлено на заседание ЛАГ, состоявшееся в Дамаске 29 марта 2008 года.

Из написанного выше мы можем подвести итоги:

Во-первых, Ближний Восток занимает очень важное место в российской политике.

Во-вторых, Россия всегда использовала только мирные средства для достижения своих целей в ближневосточном регионе.

В-третьих, российская политика против доминирования США и стран Запада на Ближнем Востоке.

В-четвертых, России и арабским странам необходимо сотрудничать друг с другом, независимо от различных интересов любого из них.

Так последнее десятилетие стало свидетелем позитивного развития арабо-российских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Авксентьев В. А.** Этническая конфликтология. – Ставрополь: СГУ, 2006. – 315 с.

2. **Алкснис В.** Единственный способ обеспечить свои интересы – это прагматизм во внешней политике. «Русская народная линия» [Электронный ресурс]. – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/04/24/edinstvennyj_sposob_obespechit_svoi_interesy_eto_pragmatizm_vo_vneshnej_politike/ (дата обращения: 10.05.2015).

3. **Арбатов А.** Распространение ядерного оружия: Новые угрозы, новые решения // Ежегодник СИПРИ. 2004. – М., 2005.

4. **Бессмертных А.** Иракская война и ее возможные последствия // Международная жизнь. – 2003. – № 7.

5. **Бжезинский З.** Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М., 1998.

6. **Борьба с международным терроризмом:** Сб. документов / Сост. К. А. Бекяшев, М. Р. Авясов. – М., 2005.

7. **Веремеев Ю.** Геополитические аспекты войны в Ираке. АНАТОМИЯ АРМИИ [Электронный ресурс]. – URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/usa-irak.shtml (дата обращения: 04.05.2015).

8. **Гидеон Рахман.** Доминирование Запада на Ближнем Востоке заканчивается. The Financial Times. [Электронный ресурс]. – URL: http://inosmi.ru/world/20130619/210205269.html (дата обращения: 21.03.2015).

9. **Ключкин А.** «Курна» заветная. «Лента.Ру», [Электронный ресурс]. – URL: http://lenta.ru/articles/2009/12/15/kurna/ (дата обращения: 24.05.2015).

10. **Концепция внешней политики Российской Федерации.** Утверждена Президентом Российской Федерации от 28 июня 2000 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 01.05.2015).

11. **Львов В.** Россия в Организации Исламская Конференция. «Голос Америки». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-and-organization-islamic-conference-basil-lvov-2010-07-15-98491984/186614.html (дата обращения: 04.04.2015).

12. **Мирзеханов В. С.** Восприятие Россией политики Турции в Центральной Азии и перспективы российско-турецкого сотрудничества в регионе. Международный институт развития научного сотрудничества. [Электронный ресурс]. – URL: http://mirnas.ru/Vospriyatie_Rossiey_politiki (дата обращения: 21.05.2015).

13. **Подцероб А. Б.** Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами, Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/11-01-09.htm (дата обращения: 24.03.2015).

14. **Юрченко В. П.** Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами: состояние и перспективы. Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/20-05-03.htm (дата обращения: 24.05.2015).

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, г. ЕКАТЕРИНБУРГ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ
КАФЕДРА ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 62: 001.894
ББК 30р+71.0+72.3
Культурология

ИСТОРИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кандидат технических наук В. А. Дорошенко
Доктор исторических наук В. В. Запарий
Кандидат исторических наук М. Р. Москаленко

В статье обосновывается важность изучения истории научно-технического творчества для подготовки современных инженерно-технических кадров, а также анализируются некоторые концептуальные подходы к проблеме инновационной модернизации нынешней российской индустрии. Рассматриваются основные положения историографии научно-технического творчества как направления исторической науки и выявляются основные моменты, которым, на взгляд авторов, следует уделить особое внимание при преподавании этой дисциплины. Утверждается, что история научно-технического знания является перспективным направлением научных исследований и для самой исторической науки, способным придать большую социально-прикладную значимость. Оно охватывает широкий спектр общественно-политических институтов, способствует ускорению модернизации промышленности, формированию ее социокультурного содержания, что имеет существенное значение для подготовки будущих инженеров, руководителей производства, бизнеса.

Ключевые слова
История научно-технического творчества, научно-технические открытия, модернизация промышленности, техническое образование и обучение

Необходимость модернизации инженерно-технического образования (без которой России угрожает деиндустриализация и потеря статуса мировой державы), делает актуальным изучение исторического опыта научных достижений, научно-технических открытий (НТО), технологических прорывов и революций. История научно-технического творчества и изобретательства является достаточно специфической областью исторического и социально-культурного знания, в которой сочетаются особенности и гуманитарных, и технических наук. В данном аспекте образовательные дисциплины исторического плана приобретают особое значение. Это касается, прежде всего, курсов «История науки и техники» [15], «История техники и технологии» [14], читаемых в ряде политехнических вузов России.

Обращение к истории научно-технического творчества (НТТ) также представляет интерес с точки зрения актуализации исторического знания, придания ему большей прикладной направленности.

Во-первых, может быть востребован исторический опыт формирования в различных обществах социокультурных условий для появления и внедрения различных промышленных изобретений и ноу-хау. Во-вторых, целесообразно ретроспективно изучать опыт создания в различных государствах (развитых и «догоняющих») организационных структур, занимающихся вопросами внедрения НТО и подготовкой кадров для промышленности, поскольку именно их деятельность во многом способствовала успешности (или неуспешности) индустриализации, реализации тех или иных аспектов промышленной модернизации. В-третьих, очень важен исторический опыт формирования адекватного образовательного пространства, необходимого для подготовки специалистов, способных к НТТ (в педагогическом и методологическом аспектах).

В странах, берущих курс на индустриализацию или модернизацию промышленности, изучению истории научного знания и технических изобретений всегда уделялось пристальное внимание. При этом обычно ставилась прагматическая задача проанализировать генезис научных изобретений и открытий для того, чтобы сделать научно-техническое творчество более массовым и эффективным [4]. Изобретения и открытия (в особенности национальных ученых) в государствах этого периода всячески поощрялись и пропагандировались. А если какое-либо из них было спорным с точки зрения приоритета и авторства, или появлялось в нескольких странах одновременно (например, радио или двигатель внутреннего сгорания), то утверждался приоритет отечественных ученых. Яркое выражение это нашло, например, в СССР 1940 – 1960-х гг., когда из пропагандистских соображений делались попытки доказывать свое первенство во всем [9]. Для формирования патриотизма и национального самоуважения такой подход, возможно, полезен, но зачастую (в пропагандистских целях) исторические факты подтасовывались, что не давало возможности осуществлять объективный научно-исторический анализ реальной подоплеки НТО, их истоков и динамики [11].

На начальных этапах индустриализации в СССР одной из важнейших задач изучения истории науки и техники было приобщение населения к ценностям научно-рационального мышления и техногенной цивилизации, поэтому место и роль техники зачастую фетишизировалась и идеологизировалась. Так, высказывание И. В. Сталина о том, что «техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна делать чудеса» [2], стало базовой идеологемой для партработников и пропагандистов. При этом в агитработе рекомендовалось «особенное внимание обратить на пропаганду естественно-научных знаний и антирелигиозную пропаганду» [27]. То есть овладение научно-техническими знаниями приравнивалось к формированию у советских людей марксистско-ленинского, материалистического мировоззрения.

Одновременно создавались организации и общественные объединения по содействию практическому внедрению изобретений и ноу-хау в экономику. Самой влиятельной из них было Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР), основной задачей которого было содействовать «дальнейшему подъему технического прогресса» [8]. В крупных городах периодически проводились собрания активов ученых, инженеров и техников, новаторов производства [9], основной задачей деятельности которых было «ускорить технический прогресс во всех областях народного хозяйства» [6]. Исторический опыт работы этих и других организаций вполне может быть востребован и в настоящее время для создания механизмов внедрения новых технологий в экономику, создания системы послевузовского непрерывного обучения инженерно-технических работников.

Преподавание истории НТТ призвано решать несколько важных проблем, стоящих сейчас перед обществом в целом, и инженерным образованием в частности.

Во-первых, перед российской системой профессионального образования остро стоит задача подготовки для народного хозяйства инженерно-технических кадров современного уровня, а без знания основных аспектов истории и методологии НТТ квалифицированный специалист, способный к нестандартному подходу в решении актуальных инновационных задач, неполноценен и неконкурентноспособен.

Во-вторых, процесс индустриальной модернизации выдвигает и новые требования к управленцам и менеджерам. Для грамотной разработки стратегии развития предприятия, отрасли, региона руководитель должен разбираться в основных тенденциях модернизации, учитывать исторический опыт предыдущих модернизаций, владеть навыками сравнительно-исторического подхода к оценке инновационных процессов.

В-третьих, современная Россия столкнулась с обвальным падением научной культуры общества, что выражается в опасном распространении заблуждений, мифов и ненаучных представлений, как относительно тех или иных аспектов исторического развития нашего государства [20], так и его положения в будущем мироустройстве [2].

Из перечисленного наиболее важными нам представляются два первых аспекта, непосредственно связанные с подготовкой специалистов по техническим и управленческим специальностям. Причем, если для первых педагогические и методологические наработки достаточно обширны, апробированы [18], то для менеджеров в сфере промышленного производства они практически отсутствуют. В итоге нынешние управленцы не умеют даже корректно ставить задачи для инженеров, исследователей и изобретателей.

Учебно-методический комплекс по истории НТТ, намечаемый для подготовки на кафедре Истории науки и техники УрФУ, очевидно, должен реализовывать своего рода педагогическую триаду «*история – теория – методология*». Содержание ее элементов для студентов разных направлений будет базироваться как на профессиональных, специальных знаниях, так и на историко-философских оценках, сравнительном науковедческом и социологическом анализе развития техники и технологий.

Историческая хронодинамика открытий и изобретений обычно излагается как последовательность событий во времени [5, 22, 23] или как в справочниках – в алфавитном порядке [13]. Такой «перечислительный» подход в образовательном процессе малопродуктивен и не эффективен. Исторические научно-технические факты и события являются отражением определенных законов, трендов, иллюстрируют общие тенденции, которые необходимо установить и показать обучаемым. Такая выявленная «идейная связь времён» указывает и на будущие перспективы, возможные (или ожидаемые) научно-технические события, с которыми столкнутся нынешние студенты в своей профессии.

В таком контексте хронодинамика научно-технических открытий и изобретений представляется как иерархическая - от простейшего к сложноорганизованному – последовательность уровней творчества в сфере техники и технологии [3], а реальные факты лишь подтверждают ее.

Обозначим некоторые уровни развития НТТ: *примитивно-орудийный*: усовершенствование природных возможностей человека, прежде всего руки (по мнению немецкого философа техники Эрнста Каппа, первым орудием человека была его рука; она и стала прообразом первых технических орудий – каменного молота, скребка и др.). Готовые природные объекты вначале случайно используются в качестве орудий, затем совершенствуются, модифицируются и постепенно создают-

ся целенаправленно, в целях общественного использования; *орудийный уровень*: число различных орудий растет, улучшается их качество, изобретательство (на примитивно-ремесленном уровне) становится общественно значимой функцией людей; *создание простейших механизмов*: рычагов, мотыг, весел и др. для увеличения или преобразования силовых возможностей человека; *машинный уровень*: энергетические, подъемно-транспортные, строительные и др. устройства, заменяющие людей и животных; *кибернетико-машинный*: управляемые машинные комплексы и системы с распределением уровней управления: машине, энергоустановке – исполнение силовых операций, человеку – управление и контроль; *системно-машинный*: тотальное, функционально-оперативное управление технологическим процессом, производством, социально-технической системой.

Несмотря на некоторую условность данной градации уровней НТТ, она позволяет выявить основное направление технико-технологической эволюции (сходную с биологической [12]) – *от орудия к техническому объекту (ТО), от ТО – к управляемой технической системе(УТС); от УТС – к самоуправляемому техническому комплексу – биотехносистеме (БТС).*

Она достаточно очевидна, но подобные перспективы НТТ многим ученым представляются весьма мрачными. Проф. А. П. Ляликов считает, что «если попытаться предельно сжать исторические события материальной культуры, то получится опасная в своей простоте схема: вначале Человек Изобретающий усовершенствовал (по сравнению с естественным, природным уровнем) свой личный опыт на уровне гомеостаза (курсив наш, *В. Д., В. В., М. М.*); затем он же образовал общественное бытие, надежно обеспеченное не только гомеостатически, но и на более высоком уровне привлечения ресурсов природы; выход на глобальный уровень взаимодействия с природой, на котором возникают ограничения (последствия!?) в виде реакций среды обитания, угрожающих гомеостазу общества» [18, 96].

Формирование новых уровней сопровождается совокупностью важных процессов (на которые следует обращать внимание обучаемых): переход от использования энергии низкого уровня (механической) к энергии высокого уровня (химической, электрической); «сциентизация» (онаучивание) техники; переход от штучного изготовления к массовому производству – серийное производство, копирование и тиражирование и др. Важна и количественная оценка интенсивности изобретательства (например, плотность распределения НТО в определенные исторические эпохи: по тематике (орудия, машины, устройства), по сфере применения (военные, аграрные, бытовые и т. д.), по новизне (революционные, расширительные и т. д). Для оценки социальной среды, способствующей или тормозящей НТТ, можно использовать наглядную временную диаграмму – *появления, признания, внедрения и распространения НТО.* Как показывает анализ этих процессов два последних этапа – наиболее трудные.

Великий Томас Эдисон утверждал: «Легко делать удивительные открытия, но трудность состоит в усовершенствовании их настолько, чтобы они получили практическую ценность» [23, 6]. Важно показать и исторические тренды в трансформации характера самой научно-изобретательской деятельности: от индивидуализма – к коллективной, командной работе; от свободного поиска – к целенаправленному проектированию результатов и др.

Теоретический базис подготовки студентов по специфике НТТ, по нашему мнению, должен содержать достаточно утилитарные сведения о физических, химических, энергетических явлениях и процессах, действующих в технических объектах, а также о типах связей в управлении техническими системами. Из наи-

более подходящих пособий здесь можно указать «Справочник изобретателя» В. И. Дикарева [10], в котором не только даны научные основы изобретений, но и приведены многочисленные примеры их реализации в самых различных устройствах, механизмах и процессах. Сама же теория творческого мышления пока остается больше ареной психологических поисков и дискуссий, чем алгоритмически сформулированной закономерностью. Особенно это видно на примере попыток решения нестандартных задач, требующих творческого подхода, с помощью ЭВМ. Зачинатели эвристического программирования Ньюэлл, Шоу и Саймон, определяя творческую деятельность как «вид деятельности по решению специальных задач, которые характеризуются новизной, нетрадиционностью, устойчивостью и трудностью в формулировании проблемы [24]», полагают, что все зависит от того, насколько широко или узко интерпретируется термин «творческий». Класс задач, которые доступны машинному моделированию и расчету, не являются творческими, к последним могут быть отнесены лишь те, которые не поддаются расчету на компьютере. Расплывчатость такого определения «творческой задачи» очевидна, и студенты должны отличать подлинное НТТ от запрограммированной на заданный результат проектной деятельности.

Тем не менее, компьютеризация НТТ активно развивается и совершенствуется. Так в Минске создано целое семейство «Изобретающих машин», включающее в себя три системы: ИМ-Приемы (ИМ-П), ИМ-Стандарты (ИМ-С) и ИМ-Эффекты (ИМ-Э) [25], разработанные на основе изучения более 400 тысяч изобретений и патентов. И хотя создатели проекта «ИМ» предупреждают, что его использование «не дает окончательного решения, а лишь является интеллектуальной поддержкой изобретателю, особенно начинающему» [21, 81], его практическое применение оказалось достаточно эффективным, не только в технико-технологическом аспекте, но и в сфере экономической оптимизации производства новой техники. Например, входящая в этот проект система «Функционально-стоимостного анализа» (ФСА) представляет собой универсальный инструмент оптимизации производства, объединяющий экономические, организационные и творческо-поисковые приемы решения задач совершенствования качества техники.

Метод ФСА успешно применялся в электротехнической промышленности Белоруссии. В работе [19] дана методика применения его на всех этапах жизненного цикла технического изделия (главным образом, при разработке новых изделий или при существенной модернизации уже выпущенных марок). Несомненно, что освоение этого метода студентами-менеджерами может кардинально повысить уровень их подготовки и квалификации.

Методическая оснащенность НТТ отличается большим разнообразием как в процедурном, так и в инструментальном плане. Обусловлено это тем, что в СССР повсеместно проводилась большая и целенаправленная работа по интенсификации изобретательства и рационализации на заводах, в НИИ и в вузах. Многие активные инженеры-изобретатели и ученые, обобщая собственный опыт, а также опыт своих коллег, создавали ценные пособия по организации НТТ, способам решения изобретательских задач, рекомендации по созданию творческих коллективов и др. [1, 17, 18]. К сожалению, эта традиция утрачена и вероятно навсегда. Во всяком случае, если она и возродится, то на ином организационном уровне. И истоки этого возрождения видятся, естественно, в системе технического образования.

Прежде всего, следует вернуть или ввести заново в учебные планы инженерных специальностей дисциплины «Методология технического творчества» или «Основы инженерного творчества» и т. п. В за-

падных, японских и китайских технических вузах это – обязательный предмет, включенный в программы подготовки более тридцати лет назад. Термин «инженер» в переводе с латинского и означает «изобретатель». В силу своего статуса каждый инженер должен создать в своей профессии что-то новое, усовершенствовать действующее оборудование. Но даже в СССР, занимавшем ведущее место в мире по числу инженеров, на 300 инженеров (1992 г.) приходилось лишь одно изобретение (!?).

Иностранные фирмы, если у них сотрудник-инженер ничего не изобретает, вначале переводят его на техническую должность, а затем и вообще увольняют [10, 17]. Такое отношение к статусу инженера и должно воспитываться у российских студентов с первых курсов, а может быть и начиная с профильных классов школы. Для этого студентов следует активно привлекать к научно-исследовательской и инженерно-творческой работе. Техническое творчество студентов важно как для их профессионального самоутверждения, так и для дальнейшего роста. Оно побуждает их подняться над узко-школярским уровнем, увидеть перспективы выбранной профессии, приобрести бесценный опыт самостоятельной научно-исследовательской работы. Наконец, такие работы студентов повышают и престиж самой выпускающей кафедры, ее конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. В связи с переходом вузов на «индивидуальную траекторию обучения», когда выбор будущей профессии осуществляется после двух первых курсов обучения по общим программам для всего института – по желанию самого студента, реклама научно-технических достижений выпускников кафедры может оказаться жизненно важной для ее существования и развития.

При ведении данных учебных курсов необходимо, естественно, привлекать специалистов по истории НТТ, чтобы знакомить учащихся с историческим опытом всевозможных изобретений и открытий, расширять их научно-исследовательский кругозор, помогающий избегать «изобретения велосипеда заново».

Наряду с этим нужно возрождать и студенческое научно-техническое общество, как организатора и координатора научно-исследовательскую работу студентов (НИРС). Единственная сейчас молодежная общественная структура – профком студентов пока вообще не занимается такой деятельностью.

В заключение укажем на некоторые концептуальные моменты преподавания истории НТТ для студентов технических и управленческих специальностей.

Во-первых, на примере развития конкретных стран важно выявить совокупность факторов, влияющих на развитие в них науки и технологий, включая такие, как создание соответствующих социальных институтов; формирование адекватной образовательной среды и т. д. Например, в средневековом Китае множество изобретений (книгопечатание, прививки и др.) были сделаны на несколько веков раньше, чем в Европе, но затем, в XVIII-XIX вв, произошло серьезное отставание. Или, другой пример: в промышленности СССР 1970 – 1980-х гг. (за исключением ВПК) не осваивалось множество важнейших изобретений, сделанных инженерами и изобретателями, хотя общество было нацелено на модернизацию, а ценности науки и прогресса в нем были приоритетными. Объективный исторический анализ причин «невосприятия» новаций различными обществами на определенных этапах развития может дать достаточно богатую пищу для анализа и предложений студентам не только инженерно-технических, но и экономико-управленческих специальностей, способствовать выработке конкретной стратегии модернизации и т. д.

Во-вторых, большое внимание следует уделять изучению особенностей твор-

ческого пути выдающихся изобретателей и конструкторов. Мировая и советская (российская) историческая наука создала достаточно широкий спектр работ, посвященных описанию творчества выдающихся ученых и изобретателей прошлого (это, прежде всего, популярная серия «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). Однако, в большинстве из них отсутствует комплексный анализ деятельности ученого во взаимосвязи с историческими условиями, дается лишь увлекательное описание итогов его поисков и деятельности.

Во-третьих, необходимо ознакомление студентов с концепциями, в которых научно-техническое развитие и изобретения рассматриваются во взаимосвязи с социально-экономическими, культурными и духовными реалиями эпохи. В мировой исторической науке это направление анализируется, например, научной школой Ф. Броделя. Что касается современной истории НТТ, можно указать, что на кафедре Истории науки и техники УрФУ работают исследователи, которые также предлагают интересные и всеобъемлющие концепции технологического развития общества: это, прежде всего, С. А. Нефедов, В. В. Запарий, Б. В. Личман и; их труды признаны научным сообществом [24]. В дисциплине для аспирантов «История и философия науки» чрезмерно много внимания уделяется философской проблематике техносферы [16, 25], тогда как главная цель курса – привитие обучаемому инженерно-творческого подхода к проблемам современной модернизации промышленности.

Включение историков в подготовку таких дисциплин и курсов могло бы существенно повысить их прикладной и познавательно-исторический уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Альтшуллер Г. С.* Алгоритм изобретения. – М.: Московский рабочий, 1973.
2. *Бабраков О. А.* Будущее России. Алгоритм переворота. – СПб.: Питер, 2012.
3. *Боголюбов А. Н.* Роль изобретений в Эволюции Машин // ЭКО. – 1989. – № 11, 12.
4. *Ваганов А.* Неразрывность и правопреемство. Кому и зачем нужна сегодня история науки и техники // Независимая газета (М.). – 2012. – 22 февраля.
5. Всеобщая история изобретений и открытий /Авторы-составители И. Ачкасова, Е. Левинштейн, М. Татаринова, Н. Черкашина. – М.: Эксмо, 2011.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 2701 р. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 1
7. ГАСО. – Ф. 2107 р. – Оп. 1.
8. ГАСО. – Ф. 1949 р. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 12
9. Дело техники. История науки ждет своих Шекспиров // Российская газета. – 2012. – 8 февраля. – №5715(42).
10. *Дикарев В. И.* Справочник изобретателя. – СПб.: Лань, 2001.
11. *Дорошенко В. А.* К вопросу о «запаздывании» и «опережении» научно-технических открытий // Российский научный журнал. – 2013. – № 7(38). – С. 103-109.
12. *Дорошенко В. А., Запарий В. В.* К методологии технико-исторических исследований // Российский научный журнал. – 2014. – № 3(41). – С. 76-88.
13. *Дятчин Н. И.* История развития техники: Учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2001.
14. *Зайцев Г. Н.* История техники и технологий: Учебник / Г. Н. Зайцев, В. К. Федюкин, С. А. Антрошенко; под ред. проф. В. К. Федюкина. – СПб.: Политехника, 2007.
15. *Запарий В. В.* История науки и техники: Учебное пособие / В. В. Запарий, А. В. Бармин, В. А. Дорошенко, Вас. В. Запарий, А. И. Кузнецов, С. А. Нефедов; под ред.

проф. В. В. Запария. – 4-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: УрФУ, 2014.

16. *Котенко В. П.* История и философия технической реальности: Учеб. пособие для вузов. – Академический Проект; Трикста, 2009.

17. *Литвинов Б. В.* Основы инженерной деятельности. – Екатеринбург, УГТУ, 2000.

18. *Ляликов А. П.* Трактат об искусстве изобретать. – СПб.: Политехника, 2002.

19. *Мандрыка Е. А., Муштаев В. И.* Основы инженерного творчества и технологии интеллектуальной деятельности. – М.: Изд-во МГУЭИ, 2003.

20. *Мединский В. Р.* Мифы о России в 3-х томах. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013.

21. *Муштаев В. И., Токарев В. Е.* Основы инженерного творчества: учеб. пособие для вузов. – М.: Дрофа. 2005.

22. *Надеждин Н. Я.* История науки и техники. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.

23. Наука и техника: большая иллюстрированная энциклопедия / Пер. с англ. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002.

24. *Нефедов С. А., Запарий В. В., Личман Б. В.* Технологическая интерпретация новой истории России // Многоконцептуальность в науке /под ред. проф. В. В. Запария. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2011. – С. 4-10.

25. *Пономарев Я. А.* Психология творчества. – М.: Наука. 1976.

26. *Попкова Н. В.* Философия техносферы. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.

27. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 322. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 42.

28. ЦДООСО. – Ф. 4361. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 5.

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

УДК 172.15: 316.454.5: 316.7
ББК 71.083+87.751
Философия

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЭТИКА КАК СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ РЕСУРС ДЕЛОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Кандидат философских наук И. И. Замощанский

Статья посвящена раскрытию связи национальной культуры и системы управления и коммуникации в бизнесе с точки зрения бессознательных коммуникационных схем и задаваемых культурой метапрограмм, техник тела и габитусов.

Ключевые слова
Коммуникации, бизнес, система управления, менеджмент, техника тела, габитус, этика, корпоративная культура, национальная культура, социальный порядок, повседневность

Значимость коммуникационных аспектов современного менеджмента все возрастает. Умение управлять людьми, искусство администрирования ценится все больше и больше в современном бизнесе. При этом внимание уделяется таким аспектам управления, которые позволят запустить механизм самоорганизации, функционирования системы с точки зрения ее постоянного обновления. Естественно, что, любая компания – это часть социальной системы и представляет собой объединение человеческих индивидов для определенной цели. Поиск оптимального фактора, который бы позволил настраивать систему управления компанией, воспроизводить и определять ее устойчивость не прекращаются уже давно.

При этом в современном менеджменте и маркетинге происходит обращение к более глубинным аспектам человека, интерес к фундаментальным аспектам бытия человека, глубинным основаниям его психологии и коммуникации. Осуществляется поиск такого социального порядка, который, не давая сбоев, функционировал бы в строгом соответствии с планируемыми целями, при этом, не подавляя творческий потенциал личности и энтузиазм, удовлетворяя не только экономические (физиологические) потребности индивида, но и экзистенциально-духовные его устремления. Такаятенденция выразилась в желании многих западноевропейских руководителей построить корпоративную культуру и внутреннюю систему этических ценностей компании, которая позволяла бы без непосредственного подчинения работника оказывать на него благотворное влияние с точки зрения соотношения целей и ценностей компании. Работник – это не просто человек, который осуществляет определенную функцию, но целостный человек, который отождествляет себя и собственную жизнь

с целями и ценностями компании, добровольно принуждая себя к выполнению определенного долга. Успешность построения такой социальной системы управления, как правило, зависела от того, насколько ценности компании совпадали с ценностями и этическими установками самого индивида. Коммуникации организации демонстрируют свою функциональную значимость и потенциал при условии соблюдения ценностей корпоративной этики. Такой вывод позволяет говорить о том, что ценностно-символический горизонт общества, в котором существует та или иная компания, представляет собой потенциал для развития и обретения максимальной устойчивости организации, придавая поведению людей в фирме искомую слаженность, координированность и цельность.

Устойчивость и успешность бизнеса базируется не на сиюминутной выгоде и постоянном желании накопления, которые без сомнения являются одними из основных драйверов развития и мотиваторов действий того или иного работника. Самовопроизводимость и самоорганизация социальной системы «бизнес-компания» зиждется на возможности построения такой системы внутреннего и внешнего взаимодействия, в которой принятия решений основывается на фундаментальных ценностях, инкорпорированных в деятельность. Инкоропорированность в тело индивида, естественность выполнения определенных операций – это один из самых совершенных способов достижения эффективности и осуществления коммуникационных процессов.

Такая направленность организационных коммуникаций обычно критиковалась с позиции бездумного автоматизма и отчуждения личности работника от продукта труда, от собственной деятельности и собственной природы, которая состоит, помимо всего прочего в стремлении к самоосуществлению в процессе свободного деятельного акта. Человек в организации не должен воспринимать себя в качестве винтика некоторого социального механизма. Ведь в этом случае участвовать в процессе деятельности будет только его тело, но не его духовность, не его сознание и собственная решимость. Построение системы управления, основанное на принципах, относящихся к общечеловеческим ценностям,преследует своей целью возможность наиболее полно раскрыть потенциал человека, его стремление к самореализации. При этом, мы не отрицаем, что организация коммуникационных систем социального управления может носить характер манипуляции человеком, подмены его целей целями компании. Поэтому, идеальным вариантом сотрудничества человека и фирмы является сходство систем ценностей, моделей управления и ключевых целей, что порождает творческую страсть к деятельности, не укладывающуюся в трезвый расчет коэффициента полезного действия или расчет среднестатистической производительности труда. Проще говоря, работник выполняет свою работу тем лучше, чем он лояльнее к компании, оперативные, тактические и стратегические интересы которой совпадают с целями сотрудника.

Коммуникации, система управления, опирающиеся на то, что принято называть духовной культурой, истинными ценностями демонстрируют эффективность, стабильность и потенциал для дальнейшего развития. Переход к этичному управлению на основе ценностей – это вопрос роста компании, возможности ее трансформации в более сложную социальную систему. Если организация идет по пути формализованных регламентов, то это приводит к стагнации и бюрократической системе управления.Необходимо создание такой корпоративной культуры, которая бы развивала индивида, но при этом и дисциплинировала его действия. «Объединив эти две взаимодополняющие силы – культуру дисциплины и этику предпринимательства, вы получите волшебную

смесь для достижения исключительных результатов и долгосрочного успеха» [1, с. 105].

Объединение слаженности и предсказуемости с творческим подходом и инновационностью стало краеугольным камнем успешности и эффективности бизнеса. «Компании, которые добились выдающихся результатов, создали последовательные системыс четкими ограничениями, но они также предоставили людям свободу и ответственность врамках этих систем. Они наняли дисциплинированных людей, которые не нуждались внепосредственном руководстве, и направили все свое внимание на управление системой, а нелюдьми» [1, с. 108].

В управлении организацией и коммуникациями культура демонстрирует скрытый потенциал для развития компании. «Бизнес и культура предполагают и дополняют друг друга, немыслимы в современном обществе друг без друга. Как в масштабах отдельной фирмы, так и в масштабах целого общества пренебрежение социально-культурными предпосылками, национально-культурными особенностями и условиями управленческой деятельности и деловой активности может приводить и приводит к краху замечательных проектов и программ, реформ и нововведений» [2, с. 15].

При этом, под термином «культура» чаще всего понимаются сознательно принятые на себя ценности, ограничения и нормы. И в определенной мере такое понимание совершенно справедливо. Но, мы должны осознать действие скрытых культурных механизмов и кодов, которые являются вполне бессознательными и настойчиво регулируют и определяют то, что думает носитель данного культурного кода, субъект определенного социального порядка. Мы обращаем внимание на культуру как телесно-бессознательную и символическую основу коммуникационных актов, обуславливающую их эффективность. Именно на такой основе и существуют бизнес-модели всех преуспевающих компаний.

Социально-философские исследования повседневности приоткрыли другую сторону социального и культурного воспроизводства. Оказалось, что культура существует не столько на уровне рациональном. Гораздо интереснее эффекты культурного и социального воздействия, которые происходят на уровне бессознательном. В этом смысле культура понимается как социальность, которая воплощается в бессознательном и общепринятом поведении, схематизме и моделировании жестов, слов и установок индивида. Культура основывается на базовых архетипах, которые выступают формой восприятия действительности, задают специфику социального взаимодействия и функционируют с автоматической точностью. Понимание культуры и этики как неосознаваемых метапрограмм, как коллективных архетипических образцов и систем символов позволяет говорить о процессах самоорганизации и самоуправления, которые скрыто управляют коммуникациями. Это этика, но в более фундаментальном, бытийно-телесном смысле, когда ценности функционируют на уровне естественного жизненного ритма индивидов, в качестве базовых телесных техник, габитусов. Единство этического и телесного (поведенческого) компонентов дублируется, к примеру, в китайском языке, «где различные душевные и моральные свойства и качества выражаются словами, обозначающими те или иные внутренние органы человеческого тела» [3, с. 149].

Культура как коммуникационный ресурс представляет собой бессознательное («неявное знание»), которое мы делим на ряд важнейших элементов, играющих исключительную роль в менеджменте и общении. Именно в силу этого качества культура и может давать те потрясающие результаты, которые мы видим, к примеру, в экономической сфере Китая или

Японии.

Телесные техники, посредством которых существуют коммуникации в любой культуре, представляют собой привычный и социокультурно обусловленный и вместе с тем бессознательный способ действия, дающий определенный результат. «Я называю техникой традиционный действенный акт (и вы видите, что в этом отношении он не отличается от акта магического, религиозного, символического). Необходимо, чтобы он был традиционным и действенным» [4, с. 244].

Непосредственно техника тела связана с эффективностью, так как она не только входит в некоторый ритуал, но и позволяет определенным образом достигать результата. Это особенно наглядно демонстрирует спорт, особенно футбол, и такие феномены, к примеру, как культура паса в Испании, строгая дисциплина в Германии, филигранная техника в Бразилии и т. д. Техники тела наполняют социальные практики, то есть определенные устойчивые виды деятельности, к которым, без сомнения относится и деловое общение, менеджмент.

Итак, телесные техники существуют как неявное знание, традиционные способы осуществления действия, которые дают желаемый результат и образуют собой социальное поле коммуникаций. Непосредственно, управление в бизнесе зачастую есть стремление его собственников к созданию такой системы, которая бы была стройным порядком, осуществляющимся в наибольшей степени автоматически, через набор определенных регламентов. И лишь небольшое, но, безусловно, существенное значение, придается в таких процессах творчеству и принятию решений, которые однозначно зависят от их организации, планирования в качестве социально структурированной практики: мозговой штурм, система сбора обратной связи, ритуалы поощрения авторов творческих идей и т. д.

Не случайно, многих потрясает эффективность японских и китайских компаний, которые на основе традиционных вербальных и невербальных коммуникаций, показывают впечатляющие результаты. Национальная культура как бессознательный коммуникативный ресурс придает менеджменту компании внутреннюю целостность и устойчивость. Культура выражается в том, что индивид неосознанно пользуется техникой тела, вступая в рабочие процессы, которые в этом смысле становятся продолжением его социальной и культурной среды, и более того, становятся теми практиками, на которых и основывается воспроизводство определенной социальной и культурной повседневности. «Практическое чувство – социальная необходимость, ставшая природой и преобразованная в моторные схемы и телесные автоматизмы – позволяет практикам, в том и через то, что остается в них неясным с точки зрения их производителей и в чем обнаруживают себя принципы интерсубъективности их производства, быть осмысленными, а иначе говоря – наполненными здравым смыслом. Именно потому, что агенты никогда до конца не знают, что они делают, – то, что они делают, обладает большим смыслом, чем они знают» [5, с. 134].

Техники тела и социальные практики, обусловленные культурными традициями, задают метапрограммы, в соответствии с которыми коммуникационные процессы приобретают вид естественных действий, характеризующихся устойчивой эффективностью. Этика, совпадающая с этикетом, культура поведения, искусства держать себя, проявляющаяся в ритуалах, жестах и вербальных клише придает социальной системе особую устойчивость и координированность. Именно поэтому этический элемент здесь выступает в качестве заменителя инстинкта и превращается в неосознанную автоматическую программу деятельности. Этикет и этика в таком рассмотрении культуры (система жестов и высказываний) полностью со-

впадают и являются схемами жестко предполагающими друг друга. «Все существующие социальные порядки постоянно извлекают выгоду из предрасположенности тела и языка функционировать как кладовая отсроченных мыслей, которые могут активированы на расстоянии и спустя какое-то время простым действием перемещения в некое общее положение, способное вызвать чувства и мысли, ассоциированные с ним, т. е. в одно из тех индуцирующих состояний тела, которое – как об этом хорошо знают актеры – вызывает определенное состояние духа» [5, с. 134].

Как же такая система функционирует и определяет эффективность управленческого механизма, когда культурная основа, воплощаясь в коммуникациях, позволяет ее носителям действовать успешно и при этом реализовываться, развиваться?

Мы не будем вдаваться в особенность символических порядков, которые незримо выступают горизонтом социальной деятельности в обществах Востока и Запада. Восприятие пространства и времени (хронотоп), мироощущение, особенности представлений о мире в целом и другие фундаментальные элементы социального и культурного воспроизводства это не «третий мир», а то, что воспроизводится посредством коммуникаций. Феномен японских и китайских компаний показывает то, каким образом национальная культура становится основой выстраивания системы управления и дает свои результаты. В этом смысле можно сказать, что успешность системы управления компанией производна от исторически сложившейся формы социальности, воплощенной в коммуникации. Проверить данный тезис доказывается достижениями японского менеджмента, который сполна использует культурный базис восточного мироощущения.

Отметим некоторые черты, которые определяют конкурентные преимущество организации деятельности японских компаний. Неслучайно культура как бессознательно структурированный образец демонстрирует поразительную цельность, касается ли это продуктов искусства, мироощущения отдельного человека или способа производства.

Любая восточная культура, будь то японская или китайская, обычно характеризуется коллективизмом, отсутствием концентрации на индивидуальных достижениях и индивидуальной инициативе. Зачастую такая черта прочитывается как пассивность или реактивность, то есть зависимость человека от контекста, невозможность рассчитывать на собственные силы и организовывать свою деятельность исходя из собственной свободы, возможностей и воли. Дихотомический подход, который обычно используют для понимания особенностей межкультурных коммуникаций, не позволяет понять тонкости бессознательного структурирования человека посредством культурных кодов и моделей. Социальное конструирование реальности и устройство повседневности не предполагает выбора агентом принципа собственных действий. Общий социальный и культурный контекст достаточно жестко задает сами модели выбора. Поэтому «свобода выбора» не менее императивна и категорична, чем ориентация на мнение малой социальной группы.

Так, отсутствие концентрации на собственном «Я», позволяет преодолевать отрицательные черты эгоцентризма, который присущ западноевропейскому предпринимательскому поведению, тогда как японский национальный характер ориентирован на то, чтобы «видеть не себя, а Другого, искать другого в себе, а не себя в другом» [6, с. 164]. Это не означает отсутствие личности в восточной культуре, а свидетельствует о другой концентрации человеческих черт, о другом соединении базовых элементов существования человека в мире. Отсутствие концентрации на самом себе может давать отрицательные результаты в социальном взаимодействия

только тогда, когда все социальное поле взаимодействия структурировано данной идеей, когда ею наполнена вся ткань повседневности. Желание полагаться на обстоятельства может трактоваться как отсутствие свободы и невозможность быть творцом собственной судьбы негативно воспринимается западноевропейской бизнес-психологии. Китайские или японские бизнесмены не менее активны и предприимчивы, но их активность исходит из других культурных моделей и метапрограмм.

Коллективизм восточной культуры, воплощаемый в современном бизнесе имеет, своим источником бессознательную социально-культурную метапрограмму, в основании которой заложена идея «Мы», а не «Я». К примеру, слово «нингэн», обозначающее «человек», этимологически состоит из двух частей: «нин» – «человек» и «гэн» – «промежуток», «интервал», «среди», «между». Смысловые оттенки «нингэн» включают в себя три значения, а именно, «человек среди других вещей и людей»; «группа людей в социальном контексте»; «совокупность людей, человечество как форма взаимодействия человека с человеком». Также, слова, указывающие на личность, имеют дополнительные значения, связанные с социальным статусом, социальным контекстом, изначальностью «мы». К примеру, слово «мибун» обозначает личность с оттенком социального происхождения и буквально переводится как «телесная часть», что означает «участие телом в чем-то большем, целом, частью которого является индивид [6, с. 167]. Культурная априорность данной идеи присутствует даже в способах творчества, характерных для Востока.

Априорность идеи «мы», заложенная в коммуникативные структуры, оформляет конкурентные преимущества данной модели, проявляющиеся в управлении и бизнесе. «Поэтому умаление собственной индивидуальности, что являлось непременным условием коллективного творчества, отнюдь не было насилием над собой. Более того, если личность не аутоцентрирована и ее основная структура находится вне индивида и выступает в виде «соотнесенности», сфокусированной на пространстве между индивидами, то именно совместная работа может обеспечить реализацию латентных возможностей человека» [6, с. 170]. «Мы» – это структура, которая более прочная, чем «я». «Мы» есть результат культурной работы, осуществленной в рамках многовекового социального взаимодействия и складывания общества равновесия, спокойствия, порядка. Социальный порядок здесь важнее, чем временные блага, полученные человеком.

Построение модели социальной совместности на основе культурных кодов обеспечивает поразительные успехи японского и китайского менеджмента. В ее основе заложен культурный образец, который позволяет преодолевать конфликтные ситуации другим способом, чем это принято в западноевропейской предпринимательской культуре. Конфликт с точки зрения восточной культуры – это отхождение от естественного хода вещей, хаотичность, привнесенная эгоцентризмом. Характерный для китайской философии принцип «У вэй», переводимый как «недеяние», позволяет прочувствовать самую сердцевину поведения восточного человека в конфликтной ситуации. «Недеяние» – это не бездеятельность и не пассивность. Это пассивная активность («вэй у вэй» – «осуществление недеяния»), которую, в качестве ближайшего примера, можно наблюдать у опытных в какой-либо сфере деятельности людей. Их богатый опыт в определенной сфере деятельности организует их мышление и телесность таким образом, что активность распределяется равномерно и квантируется соразмерно ожидаемой ситуации. Когда тело предуготовлено к ситуации, не требуется лишний расход энергии. Такое поведение удачно совмещает собственные энергети-

ческие траты с тем участием, которое привносят сами вещи, сама объективная реальность.

Характер социальной совместности, обусловленной культурной моделью, задающей метапрограммы и телесные техники, вывели на поверхность особенности системы управления, которые сейчас пытаются воспроизводить западноевропейские предприниматели. К примеру, такие формы управления качеством и персоналом как «кружки качества», система коллективного принятия решений «ринги», которые непосредственно воспроизводят базовые схемы восточного мировосприятия.

Так, с точки зрения японского менеджмента работник – есть важный элемент структуры фирмы, поэтому, важными качествами зачастую считаются деликатность, доброжелательность, улыбчивость, способность к самоорганизации и саморазвитию. При этом управление персоналом, равно как и деятельность фирмы имеет явный нравственный аспект, заключающийся в самопожертвовании, внесении вклада в процветание компании и Японии, отношение к компании как большой семье и т. д. Такие установки близки к мировоззрению и традициям, воспроизводимым русской культурой. Как отмечают специалисты по управлению персоналом, «мы близки по духу с японцами. В нас тоже живет коллективизм. Мы тоже ориентированы на мнение окружающих, вежливы, тоже боимся сделать больно другому. У нас тоже формируется чувство принадлежности, гордости за работу именно в этой компании. В этом мы сходны» [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коллинз Дж. От хорошего к великому. Почему одни компании совершают прорыв, а другие нет… – Издательство: Манн, Иванов и Фебер, 2008.

2. Ульяновский А. В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. – СПб.: Питер, 2005.

3. Рубец М. В. Восприятие тела в китайской традиции // Телесность как эпистемологический феномен / Отв. ред. И. А. Бескова. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 147-161.

4. Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества, обмен, личность. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996. – С. 242-263.

5. Бурдье П. Верование и тело // Бурдье П. Практический смысл. – М., 2001.

6. Штейнер Е. С. Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М., 1990. –С. 164-190.

7. Управление персоналом и трудовыми отношениями в Японии // Управление персоналом. – 2001. – №7. – http://hrm.ru/db/hrm/3F18D24FFC8534C1C3256AAE003DA78D/category.html

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ
КОНТРОЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

УДК 316.77
ББК 60.521.2+60.524.224.1
Социология управления

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РИСКОВ: ЖИЗНЬ АКТОРОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ СОЦИУМЕ

Е. Е. Жуковская

В статье анализируется феномен «информационного риска» с точки зрения возникновения в современном информационном обществе различных ситуаций, связанных с такими факторами, как виртуализации общественных процессов, усложнения влияния информации на современных граждан, изменение информационного пространства под влиянием информационно-коммуникационных технологий. Дается обоснование нового подхода к изучению информационных рисков не только как обстоятельств, связанных с информационной безопасностью и компьютерными системами, но как единичного социального факта или их совокупности, коренным образом влияющих как на отдельных членов общества, так и на деятельность социальных организаций и институтов.

Ключевые слова
Информационное общество, информационный риск, общество риска, информационные процессы

Когда в современной научной литературе используется термин «информационный риск», в него, как правило, вкладывается понятие «информационная безопасность», появление различных нестандартных ситуаций в работе технических средств, функционировании компьютерных сетей, информационных систем. С информационным риском подчас соотносят возможное наступление случайного негативного события во внутренней (например, утечка конфиденциальной информации) или внешней (скажем, обнародование данных, компрометирующих деятельность руководства или компании) информационной сфере организации, в результате которого изменится состояние организации или ее руководящего звена, будут произведены какие-либо действия, ранее несовершаемые, в публичном пространстве сформируется новое представление об этом объекте [1].

При этом из поля зрения современных исследователей уходит проблема возникновения информационных рисков, порождаемых современным информационным социумом. С каждым этапом развития виртуального пространства, усложнения сетевых процессов, вовлечения в информатизацию все большего количества людей, информационные риски выходят за границы информационной безопасности одной отдельно взятой социальной организации или даже социального института. Сама информация, ставшая основным игроком в социуме XXI века, несет в себе определенные риски, которыми невозможно управлять только с помощью технических

устройств. Хотя специалисты в области кибернетики и программирования делают ставку в основном на них, аппараты и их производные сигналы – только элементы в управлении, защите информации, они лишь инструменты для определения границ обитания информации и ее распределения по социальным каналам.

Соглашаясь с мнением немецкого социолога и основателя термина «общество риска» У. Бека о том, что риски не исчерпываются уже наступившими следствиями и нанесенным ущербом, что они находят реальное отражение и влекут серьезные последствия в будущем, российский социолог С. А. Кравченко приходит к выводу: «Парадоксальное единство разрывов и синтезов увеличивает неопределенность рисков. Практически невозможно калькулировать риски, являющиеся следствием парадоксальности общественного сознания или же риски глоболокальных разломов и синтезов» [2, с. 56-57].

Таким образом, видится целесообразнымпри изучении феномена «информационный риск» проанализировать его в контексте двух классификаций. К первой имеет смысл отнести те риски, которые связаны с самой информацией, смыслом, идеей и производны информационным пространством как системой символов, сигналов. Ко второй – те информационные риски, которые связаны с развитием информационно-коммуникационных технологий, с техническими системами, каналами связи, инструментами коммуникации. Первую условно можно обозначить как «информационные риски концептуальной направленности», вторую – как «информационные риски технократического характера».

1.1. Информационные риски концептуальной направленности

Виртуализация реальности. Переход от традиционных средств массовой информации к системе горизонтальных информационных сетей, пронизывающей весь интернет, а также возможность беспроводной передачи информации привнес в ментальность современного человека многообразие моделей коммуникации. Виртуальность стала неотъемлемым измерением нашей реальности. Возникла новая культура, основанная на многомодальной коммуникации и обработке цифровой информации. Она может стать причиной образования разрыва между поколением тех, кто сложился до эпохи интернета (1969), и тех, кто вырос в цифровую эру [3. P. xvii-xix].

Французский социолог Ж. Бодрийяр убежден, что медиаобразы становятся реальнее самой реальности, после чего наступает время, когда «вы не смотрите больше ТВ, это ТВ смотрит вас (как вы живете)». Различение пассивного и активного уничтожено, отсутствует и императив подчинения модели, или взгляду: «Вы есть модель!», «Это Вы – большинство!» [4].

Возникает информационный риск смешения реальности реальной с реальностью виртуальной. «Таков аспект гиперреалистичной социальности, когда реальное смешивается с моделью… или с медиумом... Такова последующая стадия общественных отношений. Это больше не стадия убежденности (классическая эра пропаганды, идеологии, рекламы и т. д.), это стадия разубеждения: «Вы есть информация, вы есть социальное, это вы являетесь событием, это вас касается, у вас есть слово». Возврат, из-за которого становится невозможно локализовать инстанцию модели, власти, взгляда, самого медиума, потому что вы всегда уже по другую сторону. Больше никакого субъекта, никакой фокусной точки, ни центра, ни периферии: чистый изгиб или круговое отклонение. Больше ни жестокости, ни надзора: только «информация», тайная вирулентность, цепочечная реакция, медленная имплозия и симулякры пространств, в которых еще играет эффект реального», – заключает Ж. Бодрийяр [4].

Включить потребителя информации в гиперреальность, сделать его ее соавтором стало возможным в эру развития информационно-коммуникационных технологий – во времена широкого распростра-

нения интернета. Взрывообразное становление «мировой паутины» [5, с. 119] позволило выйти из общества спектакля и его жанра специфичного отчуждения и репрессии, сделало медиа неощутимыми, смешало их сообщением, рассеяло и преломило его в реальном и исказило [4], поскольку за несколько лет миллионы людей получили доступ к обширным сетевым информационным ресурсам.

Данный риск ставит перед современным человеком вопрос дальнейшего бытия: оно должно идти так, как протекало в предыдущие столетия – в реальной жизни? Или настоящая, интересная, увлекательная жизнь сосредоточена в другом месте – в виртуальном пространстве? Где человек истинный – вне онлайна или в интернете? Вот почему Ж. Бодрийяр в своей статье, а потом и книге «Войны в Заливе не было» обосновывает идею о том, что изображение события на телеэкране словно заменяет собой саму реальность, делает излишним само изображаемое событие. Достаточно только получить этот инструмент в свои руки. Таким образом, доступ к средствам массовой коммуникации – сердцевина коммуникативного действия. Отсутствие его, как и существование в информационном пространстве, несут в себе информационные риски.

Целостность личности. Проникновение информационно-коммуникационных технологий в разные части социума, скорость распространения информации поставили современного человека перед информационным риском «целостности личности». Сегодня мышление современников фрагментарно, все чаще внимание сосредотачивается на одной вырванной из контекста детали, а экспозиция игнорируется.

Посмотрим на программы телевещания. Время поделено на относительно небольшие по времени отрезки, причем с расширением телевидения они сужаются. Рубленый жанр подачи информации присутствует в демонстрации фильмов, в телепрограммах. Даже если на показ отведен час, трансляция идет не моноблоком, а разбита рекламой минимум на четыре «паузы». В прайм-тайм рекламный пульс значительно учащается, как сокращается и длительность других программ. Все реже серии телефильмов программируются за пределами 40-50 минут, в основном они по 30-45 минут. Практически ушел с телевидения такой жанр, как документальное кино, ведь подобные киноленты трудно расчленить, они связаны единой нитью повествования. Точечно передают информацию новостные и даже аналитические передачи. При подготовке телесюжета съемочной группой выбирается конкретный объект и угол зрения, оператор включает камеру в заранее определенном направлении и двигается по продуманной траектории. При просмотре репортажа зритель получает сигнал, облеченный в ту форму, которую придумал автор сюжета. Не успев самостоятельно осмыслить данную информацию, телеведущий предлагает познакомиться с другим материалом, нередко совершенно на иную тему. Далее, согласно сценарию, его также сменит очередной телеобраз, созданный редакцией.

Безусловно, в прежние столетия любые произведения авторы закладывали в основу свои оригинальные идеи. Они были режиссерами и транслировали свое видение, сообщали историю по-своему, – будь то картина на холсте, скульптура в камне, литературный опус. Однако у реципиента была возможность самостоятельно поразмыслить над увиденным, услышанным или прочитанным. Он владел своим временем и сам решал, когда ему остановиться, когда обратить внимание на одну деталь, когда на другую, когда воспринять объект целиком. Чтение газет или книг, скорее, настраивают на спокойное течение времени. Прослушивание радиоканала или просмотр телепередачи не подразумевает длительного вещания на одну и ту же тему, так как основной принцип подачи информации здесь – динамичность, стремительность, быстрота. Чтение наделяло человека энциклопедическим мышлением. Электрические же средства коммуникации за-

тачивают людей под клиповое восприятие действительности, под тотальное вовлечение во «всепоглощающую сейчасность» (по М. Маклюэну). Он естественным образом впитал в себя неудержимую страсть к глубокому вовлечению, заставляющему все отдаленные визуализированные цели обычной культуры казаться не только нереальными, но и нерелевантными, и даже безжизненными [6, с. 137].

Риск целостности личности является интеллектуальным, психологическим и отчасти психическим вызовом для социальных акторов и ставит проблему управляемости сознанием.

Свобода. По мнению испано-американского ученого М. Кастельса, тотальная информатизация атакует свободу. С одной стороны, она дает возможность любому человеку участвовать в общественной жизни и осуществлять свое право на свободу убеждений, свободу слова. С другой стороны, «политики и государства не любят интернет», поскольку он высвобождает человеческий разум, который «должен быть под контролем» [7]. Исследователь современных процессов прогнозирует, что в ближайшие годы социум ждет эпическая битва интернета и традиционной правительственной системы. Широкое информационно-коммуникационное покрытие позволило людям сформировать свои «автономные сети связи» и стать противовесом «мейнстримным медиа, правительству, глобальным корпорациям» [7].

Что же это за «сети связи»? Совпадают ли их границы с границами социальных институтов? Или это новые образования внутри социума? М. Кастельс выдвигает гипотезу о том, что во всем мире накопился дефицит демократии, то есть две трети граждан мира не доверяют своим представителям, а, значит, они управляют не на демократических основах. Сложившаяся ситуация спровоцировала возникновение стихийного движения в интернете – без лидеров, без политических организаций, состоящее из самих людей, которые больше не могут принимать несправедливость в обществе [8].

Интернет и свобода в коммуникации, доступность информации для людей разных интересов и разных стран могут стать системообразующим фактором появления и формирования новых социальных объединений и организаций. Однако сейчас эти социальные движения, выросшие из виртуального мира, не имеют регламентирующих норм, социальных предписаний. Нет у них и никаких поведенческих стереотипов, не наблюдается пока и их интеграции в социальную систему государств. Благодаря средствам массовой коммуникации, в основном социальным интернет-сетям, они заявили о себе, противопоставили себя ряду социальных институтов (государственной власти, правоохранительным органам). У этих сетевых активистов есть отличительная – обобщающая – особенность: и они имеют очень похожие лозунги, формы организации. В основе этих движений лежит устойчивый, регулярный характер взаимоотношений между определенным кругом людей. Постоянные контакты, осуществляемые посредством интернета, способствуют формализации коммуникации и, следовательно, возникновению некоего единого стабильного социального круга. И хотя М. Кастельс не исключает участия в подобных движениях политиков [8], пока избыточная социальная интернет-активность для государственной власти, скорее, информационный риск, а не коммуникационный прорыв в демократической реализации прав и свобод граждан.

Российский интернет-аналитик И. С. Ашманов полагает, что «у интернета… в обозримом будущем [должны] появиться некие внутренние региональные границы и методы контроля или ограничения доступа к контенту. Это неизбежность» [9]. Для устранения этого информационного риска «государство должно контролировать то, что происходит на его территории в информационном пространстве». Эксперт убежден, что интернет-пространство

поддается описанию, в него входят не только сайты, которые вещают внутри физических границ страны или которые управляются живущими в одном государстве людьми. По его мнению, информационное пространство – это все то, что влияет на граждан, поэтому введение идеологического контроля в интернете вполне оправдано.

В настоящее время государство в реальности не владеет своим информационным пространством, и это похоже на «господство в воздухе»: если его у тебя нет, можно проиграть любую войну [9]. В этом же ключе размышлял У. Бек, подчеркивая, что доступ к средствам информации играет центральную роль. «Убедительные или, по крайней мере, приемлемые для общественного мнения аргументы», он называл «производственным шансом», «условием делового успеха» [10, с. 53]

Качество информации. В сложном обществе центром развития стала информация, особенно время ее передачи . Жизнь отдельных граждан, групп, коллективов и организаций все в большей степени начинает зависеть от их информированности и способности эффективно использовать имеющуюся информацию. Сегодня все чаще, прежде чем предпринять какие-то действия, сначала требуется отфильтровать полученные сведения, а затем их осмыслить и проанализировать. Для активизации данных процессов невозможно обойтись без привлечения специальных технических средств, то есть без информационно-коммуникационного прогресса, что, естественно, отражается на всех областях социальной жизни и производственной деятельности. Таким образом, «не собственность, а информация и знание являются главными признаками социальной дифференциации» [11, с. 538], и информационная среда становится средоточием социальной жизни, а, значит, является средой рискогенной.

Российский исследователь В. В. Завгородний считает, что качество информации – это совокупность следующий факторов: достоверность, актуальность, полнота, избыточность, своевременность получения, форма представления, готовность к применению [1]. К снижению качества информации могут приводить «алгоритмические и программные ошибки», а также «сбои и отказы технических средств» или «ошибки субъектов информационных процессов». Помимо этого на качество информации влияют источники ее получения. Например, «использование недостоверных и неполных данных, другие причины могут не отражаться на безопасности информации, но приводить к снижению качества информации». Подчас «не принимается в расчет возможность снижения качества информации в результате наступления событий, не связанных с нарушением безопасности информации» [1]. Среди значительного числа членов современного общества наблюдается тенденция некритичности к восприятию поступающей информации и неумения сопоставлять полученные сообщения с фактами. В связи с этим распространены тиражирование мифов, домыслов, конструирование ситуаций, которых не наблюдается в реальной жизни.

Данный информационный риск провоцирует развитие некритичного мышления и в конечном счете может привести к дисфункции организации или человека. Качество информации напрямую зависит от степени проработки проблемы, от суммы знаний, полученных при изучении предмета, от адаптации более ранней информации к нынешним реалиям, от способности верифицировать и детализировать информационные потоки. Таким образом, «динамика организационных знаний и базирующихся на них способностей (потенций) системы иллюстрирует диалектику количественно-качественных изменений» [12, с. 2].

В своей работе, посвященной основным фазам и воздействующим факторам на трансфер знаний на предприятии, Г. Крог отмечает, что «возможность восприятия знания, способность к его переработке и

желание учиться» зачастую сопряжены с тем базисом, которым обладает реципиент. Вот почему при передаче информации «важны разнообразие, объем и глубина знаний» [13]. Чем глубже попала информация, тем эффективнее ее обработка, тем выше степень ее качества. Качество информации становится информационным риском в том случае, когда наличествует доступность и избыточность информации, когда информационное пространство переполнено информацией и для определения ее достоверности, актуальности, своевременности необходимо – причем как на потребительском, так и на институциональном уровнях – применять методы проверки, верификации, анализа, вне зависимости от того, касается эта информация микро- или макропроцессов.

1.2. Информационные риски технократического характера

Автоматизация и компьютеризация. Внедрение технических устройств в деятельность организаций и жизнь людей, с одной стороны, исключает допущение ошибок в результате человеческого фактора, с другой стороны, ставит вопрос о программировании и кодировании машин, об утере людьми навыков физической работы и в какой-то степени ограничении в умственном развитии (скажем, переписки в социальных сетях и увлечение упрощенной письменной речью снижают способность передавать чувства, мысли словами, это заменяется знаками, смайлами). Перевод процессов в автоматическую плоскость ставит перед нами следующие вопросы: кто будет этим заниматься, кто будет отвечать за технические сбои, можно ли восстановить, сохранить и передать следующим поколениям информацию, если она исчезнет в результате техногенной аварии?

Социолог М. Кастельс называет информационную технологию нынешним эквивалентом электричества в эпоху индустриализации, а современный интернет уподобляет энергетической системе и электродвигателю, так как он способен поставлять «информационную энергию» для любых сфер человеческой деятельности. Более того, в связи с тем, что новые способы производства и распределения электроэнергии превратили промышленные предприятия и крупные корпорации в организационную основу индустриального общества, интернет стал выполнять роль технологического базиса для организационной разновидности информационной эры – сети [14]. Подобно тому, как М. Маклюэн окрестил эпоху книгопечатания «галактикой Гутенберга», М. Кастельс именует нынешнее время «галактикой Интернета».

Интернет в масштабах всей планеты становится средством хранения информации об экономической, общественной, политической, культурной, научной и иной деятельности. Возникновение интернета и его бурное развитие, становление новых средств передачи информации – информационно-коммуникационных технологий видимым образом изменили конфигурацию медиаландшафтов практически всех стран мира [15, с. 330].

Разнообразные формы коммуникации вносят свой вклад в усложнение социума. Информационно-коммуникационная система пронизывает общественные процессы, позволяя людям работать и жить в интернете, быть основной средой обитания, источником сообщения и развлечения. Этому способствует распространение таких технологий, как Web 2.0 и Web 3.0, которые, по М. Кастельсу, позволяют каждому, у кого есть доступ к интернету стать участником массовой самокоммуникации [3. P. xvii-xix]. В XXI веке члены обществ построили собственные системы массовой самокоммуникации, используя продукты интернета и мобильной связи, в результате чего SMS, блоги, видеоблоги, подкасты, вики-страницы, соучастие в жизни другого пользователя в форме «лайков», активное расширение файлообменников и пиринговых сетей – не просто современные виды коммуникации. Вся их совокупность – это основа, позволяющая индивидам в условиях сложного общества

работать с любым видом информации, становиться коммуникации актором социального действия [3. P. xvii-xix].

Однако автоматизация не только позволяет человеку повышать свою социальную активность. Она уводит нас из реального мира в виртуальную среду. Компьютеризация, гаджетомания влияет на сознание современных людей, атрофирует речевое общение, в результате чего развивается способность использовать вместо слов сторонние символы, картинки, снижается способность передачи информации лично, без внешних шумов. Через автоматизацию человек рискует стать техническим элементом, сигналом компьютерной машины, а не творческой единицей, рожденной природой.

Информационная безопасность. По мнению российского исследователя С. А. Петренко, в общепринятой международной практике под термином «информационная безопасность» понимается «защищенность информации и поддерживающей инфраструктуры от случайных и преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера, приводящих к нанесению ущерба владельцам и пользователям информации, а также поддерживающей инфраструктуре в целом» [16, с. 17].

Включение значительного числа членов социума в информационно-коммуникационные процессы, доступность и популярность технических средств передачи информации обнажают перед акторами риск информационной безопасности. Хранение в сети на различных ресурсах информации личного, конфиденциального характера делает уязвимым практически каждого. Достоянием общественности могут стать интимные стороны жизни, интеллектуальные наработки, финансовые документы. Современный человек фактически прозрачен перед технократической реальностью. Если будет поставлена такая задача, с помощью тех устройств, которые используются человеком, можно собрать на каждого полное досье. Подобное обстоятельство вынуждает на общегосударственном уровне вырабатывать законодательные меры по защите личной информации граждан. В организациях создаются системы информационной безопасности, конфиденциальности, программируются экраны защиты от хакерских атак и виртуальных преступников.

Тотальный контроль. В определенной мере научно-технический прогресс провоцирует появление такой угрозы, как тотальный контроль над человечеством посредством сетевых связей, заключенных в руках одного или нескольких людей. В связи с этим остро стоит вопрос развития социального управления, в котором участвуют те люди, для решения проблем которых оно создано. Если происходит отчуждение со стороны граждан, социальное управление «просто перестает быть управлением и становится элементарной и беззастенчивой манипуляцией людьми, фактором отчуждения людей от общих задач и интересов», предостерегает российский социолог А. В. Тихонов [17, с. 61]. «В условиях распространения новейших сетевых коммуникационных технологий медийная «демассификация» может трансформироваться в индивидуализацию, когда потребитель сам формирует свое информационное меню, самостоятельно выбирая интересующие его текстовые материалы, аудиозаписи и видеофильмы, передачи интернет-вещания», – подчеркивает российский ученый И. Н. Панарин [5, с. 119].

С проблемой тотального контроля связаны такие фобии отдельных представителей общества, как чипизация населения, присвоение электронных номеров гражданам, без которых люди не смогут пользоваться материальными и социальными благами. Не все люди готовы к тому, чтобы с помощью электронных устройств кто-то следил за их перемещениями и тем, что они покупают в магазинах, с кем общаются и как проводят время. Кроме того, в отдельных странах все чаще стали звучать предложения по сбору биометрических данных о человеке. Введение людей в электронную систему учета в конечном счете может по-

ставить вопрос об ограничении свободы граждан, поражении их прав.

Таблица 1.

Вышеприведенные информационные риски потенциально имеют разные перспективы развития в жизни человека и в деятельности организации, но на члена социума влияние оказывают все описываемые здесь информационные риски. Причем если «целостность личности» и «виртуализация реальности», скорее, несут в себе больше негативных последствий, то «свобода» и «качество информации» – позитивных изменений. Первые провоцируют человека внимательнее относиться к своему психическому здоровью, выстраиванию коммуникации, а вторые дают ему возможность реализовывать свои потребности в общении, участии в жизни общества, повышении своего образовательного ценза. «Автоматизация и компьютеризация» в бытовом преломлении также способствует активизации социальных ролей индивида, снимает социальные барьеры, вовлекает его в общественно значимые проекты, упрощает его взаимодействие с акторами социальной системы разных уровней (от государства до других граждан). В то же время информатизация пространства провоцирует появление информационных рисков информационной безопасности и тоталитарного контроля в отношении членов социума. В конечном счете это вместе с очевидными благами – электронным документооборотом, виртуализацией денежных отношений, доступностью передачи и получением информации – может привести к видоизменению человеческой цивилизации, к насаждению таких стандартов поведения, которые не заложены природой, к порабощению личности.

Рассмотренные в данной статье информационные риски отличным образом могут влиять на деятельность социальных институтов. В частности, в глобальном плане их не затрагивает риск «целостности личности», а «виртуализация реальности» и «свобода» способствует формулированию новых инструментов и методов для их использования в своих целях. Особого внимания со стороны социальных институтов требует информационный риск «качество информации», так как в эпоху сложного общества именно овладение нужной информацией позволяет быть адекватным времени и ситуациям. Упрощают институциональные процессы «автоматизация и компьютеризация», однако при этом важно формулировать решения с учетом информационных рисков «информационная безопасность и «тотальный контроль». Вот почему для социальных институтов сфера управления рисками будет базироваться на информационных рисках второй классификации, а уже на следующем этапе – на управлении

рисками первой классификации.

Подводя итог анализу феномена «информационный риск», попытаемся дать определение этому термину. Информационный риск – это возможное возникновение ситуации, связанной с изменением функционирования отдельных акторов или целой системы под воздействием информационной среды, интенсивности информационных потоков, качества передаваемой информации. Информационные риски могут спровоцировать потерю данных, разрушение общественных связей, нанесение вреда социальной системе или ее отдельным частям путем распространения недостоверной информации, манипуляции общественным мнением, уничтожения информации. Информационные риски связаны с правами граждан на свободное получение информации и использование ее в своих целях. При этом в результате наступления информационного риска может возникнуть угроза использования этих прав и свобод одним человеком или группой лиц в корыстных и преступных целях. В то же время информационные риски могут привести к положительным последствиям, наступившим в результате сложных и кризисных ситуаций под воздействием информационной сферы или в самой медиасреде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Завгородний В. В. Системное управление информационными рисками. Выбор механизмов защиты // CONTROL SCIENCES. – 2009. – № 1.

2. Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М.: Анкил, 2009.

3. Castells M. The Rise of the Network Society. – Wiley-Blackwell, 2010.

4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodr_sim/

5. Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика. Учебное пособие для высших учебных заведений. – М.: Горячая линия-Телеком, 2006.

6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТОО ТК Петрополис, 1998.

7. Кастельс М. До интернета поп-культуры не существовало! // Interview, 2012. – http://interviewrussia.ru/life/950

8. Кастельс М. Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства // РИА Новости, 2012. – http://fmf.ria.ru/news/20120622/368091606.html

9. Мацан К. В 2014 году Интернет не умрет // Foma.ru, 2013. – http://www.foma.ru/v-2014-godu-internet-ne-umret.html

10. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

11. Кравченко С. А. Социологический толковый англо-русский словарь. Справочное издание. – М.: МГИМО-Университет, 2012.

12. Карпенко Е. М., Комков С. Ю., Драгун Н. П. Краткий анализ сущности процессов формирования организационных знаний. – Гомель: УО «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь, 25.09.2002.

13. Крог Фон Г., Кёне М. Трансфер знаний на предприятии: основные фазы и воздействующие факторы // Управление предприятием. – 1999. – № 4.

14. Кастельс М. Галактика Интернет. – http://i-u.ru/biblio/download.aspx?id=4290

15. Лукина М. М. Российский медиарынок в интернете // Национальные модели информационного общества. – М.: ИКАР, 2004.

16. Петренко С. А., Симонов С. В. Управление информационными рисками. Экономически оправданная безопасность. – М.: Компания АйТи; ДМК Пресс, 2004.

17. Тихонов А. В. Социология управления. – Издание 2-е, доп, и перераб. / А. В. Тихонов. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2007.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА[1]
МОСКОВСКИЙ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ), г. ДОЛГОПРУДНЫЙ[2]

УДК 316.343
ББК 60.54
Социология

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: РОЛЬ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРЕОДОЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНФАНТИЛИЗМА

Доктор социологических наук М. В. Рыбакова[1]
Кандидат философских наук Л. П. Зернова[2]

В статье рассматриваются проблемы, связанные с ограничением выполнения «социального заказа» общества. Социальный инфантилизм студенческой молодёжи является основным фактором противодействия модернизации общества и осложняет поставленные перед вузами задачи. Общекультурные компетенции и качество их формирования является механизмом преодоления социального инфантилизма студентов. Основная роль по качеству усвоения общекультурных компетенций отводится социально-гуманитарному блоку подготовки студентов в рамках практико-ориентированной социокультурной среды современного технического университета.

Ключевые слова
Студенческая молодежь, социальный инфантилизм, модернизация общества, общекультурные компетенции, социокультурная среда

Последствия международных экономических санкций, необходимость модернизации российского общества требуют особого внимания государства к проблеме выхода из создавшегося кризиса. Основная созидательная роль в данном процессе отводится новому поколению, которое несет ответственность за будущее страны в условиях необходимых перемен. Как крупная социально-демографическая группа, молодежь является участником процесса реформирования общества, выхода из экономического и социально-культурного кризиса, духовно-нравственного и политического обновления России.

Задача масштабного реформирования, по мнению авторов, может быть решена при условии эффективной деятельности образовательных институтов, и, прежде всего, национальных технических университетов, выпускающих лучшие профессиональные кадры для осуществления необходимых преобразований. По мере развития производства и создания новых рабочих мест, выпускники, окончившие технические ВУЗы России, наиболее востребованы на рынке труда.

Поскольку конечная цель получения высшего образования – это овладение специальностью и возможность построения успешной карьеры, то востребованность выпускников конкретного ВУЗа работодателями – это важнейший критерий оцен-

ки их деятельности. На сегодняшний день наиболее востребованными являются технические специальности, и безусловный лидер данного рейтинга – МГТУ им. Н. Э. Баумана. Второе место занимает МГУ им. М. В. Ломоносова, который, хотя и не является узкоспециализированным техническим ВУЗом, однако традиционно подготавливает специалистов широкого профиля, способных работать и в сугубо прикладных областях, и заниматься научной или преподавательской деятельностью [10]. На третьем месте – МФТИ, на четвёртом – РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, на пятом – НИИ ядерный университет «МИФИ».

По словам Алексея Ходырева, директора агентства «Эксперт РА», усилилась конкуренция среди ведущих ВУЗов РФ за последний год. Если в 2013 году у участников рейтинга, входивших в топ-100, усредненный балл ЕГЭ в расчете на один экзамен составлял 70,4, то сейчас этот показатель вырос до 74,5. Также среди топ-100 ВУЗов РФ выросло и среднее финансирование на студентов. Кроме того, рейтинговое исследование вновь подтвердило различия между потребностями современного работодателя и предпочтениями абитуриентов. Работодателям по-прежнему в большей мере требуются сотрудники «технических» специальностей, однако среди абитуриентов наблюдается спрос на управленческие и экономические специальности. Данное несоответствие порождает недостаток кадров на технические должности и способствует стремительному росту стоимости контрактного обучения среди экономической и управленческой направленности [9]. В свете современных требований к выпускникам технических вузов и таких процессов, как ускорение темпов развития общества и повсеместной информатизации среды, авторитарно-репродуктивная система обучения устарела. Практика выявила существенные минусы прежней системы: сложилась ситуация, когда появилось огромное количество специалистов с высшим образованием, и в то же время, экономика стала испытывать нехватку квалифицированных практико-ориентированных кадров.

В качестве пути решения проблем был выбран Болонский процесс – процесс гармонизации систем высшего образования стран Европы, с целью создания единого европейского пространства высшего образования. 29 стран выразили свою готовность взять на себя обязательство повысить конкурентоспособность высшего образования, подчеркивая необходимость сохранения независимости и самостоятельности высших учебных учреждений. Все положения Болонской декларации были установлены как меры добровольного процесса согласования, но не как жесткие юридические обязательства [3].

С темой Болонского процесса тесно связана тема компетентностного подхода в образовании. Компетентностный подход в профессиональном образовании является попыткой привести российское образование в соответствие с потребностями рынка труда. В ФГОС ВПО нового поколения выделены общекультурные и профессиональные компетенции. Следует отметить, что общекультурные компетенции принципиально не различаются между условными «гуманитарием» и «технарем», поскольку главная цель образования – трактуемое в широком смысле обучение навыкам социальной и культурной жизни, которые являются основой для профессиональных знаний и навыков.

К общекультурным относятся те компетенции, которые связаны с социальной и культурной жизнью в целом и не имеют прямой связи с профессиональной деятельностью. В ФГОС ВПО общекультурные компетенции определены как компетенции <u>социального взаимодействия, самоорганизации и самоуправления, компетенции системно-деятельного характера</u>. Практико-ориентированное (компетентностное) образование предполагает изу-

чение традиционных для российского образования фундаментальных дисциплин в сочетании с прикладными дисциплинами технологической или социальной направленности. Обновленное таким образом высшее образование призвано сыграть ключевую роль в сохранении фундаментальной науки, развитии прикладных наук, формировании гармонично развитых личностей, необходимых для стабильного развития российского общества. Овладение индивидом конкретными компетенциями приводит к формированию компетентности человека в определенной области – предметной, социальной, личностной. Компетентность – это новое качество целостной личности, встроенное в ее идентичность. В отношении формирования определенной компетентности у конкретной личности это означает, что на первое место выдвигается человеческий фактор, возможности отдельного человека. Компетентный человек – это тот, который обладает определенными квалификациями и в состоянии успешно применять их на практике. Компетентность – это то, что позволяет находить верные решения в ситуации, результат развития которой заранее неизвестен. Можно быть хорошо квалифицированным, но некомпетентным [5].

Стандарты вузовского образования европейских стран предполагают, что помимо развития интеллекта и профессиональной компетенции, необходимо воспитание социальной ответственности выпускников и высоких нравственных качеств. Например, сформированные во время обучения в вузе общекультурные компетенции в дальнейшем способствуют становлению организационной культуры поведения, коммуникативной мобильности и толерантности. Общекультурные компетенции, по оценке работодателей, не менее важны, чем знания по специальности. Наибольшую значимость приобрели такие общекультурные компетенции, как аналитическое мышление, умение быстро осваивать новую информацию, вести переговоры, работать в стрессовой ситуации, эффективно использовать рабочее время, работать в группе, грамотно выражать свои мысли, генерировать новые идеи.

Современное молодое поколение способно оказывать различное влияние на ход общественных преобразований: **выступая их субъектом, оно может ускорить или затормозить общественный прогресс.** Многие руководители образовательных учреждений, часто негативно оценивают такие качества молодых специалистов, как отсутствие навыков трудовой жизни и построения взаимоотношений в коллективе, излишнюю эмоциональность, слабую теоретическую и практическую подготовку, отсутствие стремления к саморазвитию. Как раз то, что напрямую относится к несформированной социальной и психической зрелости человека и характеризуется понятием инфантильность. На сегодняшний день феномен инфантилизма стал тенденцией подрастающих поколений в целом, отличительной особенностью современной молодежи, в том числе, и студенческой.

В ряде научных статей социальный инфантилизм молодежи рассматривается как основной фактор противодействия модернизации общества и осложняет поставленные перед вузами задачи по формированию инновационного личностного ресурса, способного осуществить технологический прорыв. В условиях ориентации российского общества на приоритетное инновационное развитие и формирование личностной конкурентоспособности [2], социальный инфантилизм молодежи особенно опасен. В процессе образования социальный инфантилизм проявляется в отсутствии мотивации к обучению, пассивности, равнодушном отношении к собственной успеваемости, конфликтности в коллективе, в потребительских настроениях по отношению к окружающим людям и обществу в целом.

Общество сформулировало «социальный заказ» на творческую личность, обладающую такими качествами, как предприимчивость, готовность к взаимодействию различных культур, инновационность, на ярких представителей креативного класса, способных самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность [8].

Инфантильность молодого поколения возникает в результате объективных и субъективных причин, и классифицируется по своему проявлению как: психологический, психический, социальный, физиологический. Психический инфантилизм – отставание, задержка в развитии психики ребенка, из-за чего поведение ребенка и позже взрослого человека не соответствует возрастным требованиям к нему. Преимущественно отставание проявляется в развитии эмоционально-волевой сферы и сохранении детских качеств личности у взрослых. С точки зрения социологии, инфантилизм конкретной социальной группы является социальной характеристикой личности, и напрямую связан с процессами первичной и вторичной социализации, а также влиянием на индивида всего спектра социальных институтов. В настоящее время все больше молодых людей не хотят взрослеть и принимать на себя ответственность в решении важных социальных, политических, экономических вопросов. Очевидно, что любой человек может проявлять социальный инфантилизм в отдельных сферах жизни, но общественно значимым он становится тогда, когда проникает в жизненно важные сферы (семейно-бытовая, учебно-профессиональная и пр.)

На основании имеющихся научных исследований можно утверждать, что социальный инфантилизм является видом социальной деформации личности. В то же время, нельзя не отметить того, что это следствие влияния социально-культурной среды, реакции психики на длительное существование в условиях системного кризиса и необходимо для выживания индивида.

Можно сказать, что инфантильность современного поколения является отражением общественной инфантильности последних десятилетий. В этой связи возникает вопрос о том, какова современная молодежь, и каких действий может ждать от нее общество. Насколько оправданы надежды государства на новое поколение выпускников вузов? Для ответа на этот вопрос приведём результаты недавнего исследования.

В период с 20 декабря 2013 года по 10 марта 2014 года в Тюменском государственном университете проводилось социологическое исследование для выявления уровня социального инфантилизма среди старшеклассников, будущих абитуриентов [1]. Сотрудники социологической лаборатории опросили 1502 школьника из числа учащихся 10 и 11 классов общеобразовательных учреждений Тюменской области.

Задавался вопрос о значимости для конкретного школьника общественно-полезного труда. Положительно ответил каждый четвертый старшеклассник (24%), категорически отрицательно на данный вопрос ответили (33 %), остальные затруднились с ответом (43 %). Полученные данные свидетельствует о достаточно большом количестве потенциальных социальных иждивенцев, ориентированных на ценности потребления, а не созидания. Исследование позволило составить социально-психологический портрет потенциального «бездельника». Среди подростков, планирующих поступление в вуз, на иждивенчество ориентирован лишь каждый пятый респондент (22 %) – это минимальное значение по сравнению с иными категориями; среди старшеклассников, планирующих после окончания школы трудоустроиться и не продолжать дальнейшего образования, их в два раза больше (46%). Количество потенциальных социальных иждивенцев одинаково среди учащихся 10 и 11 классов.

Две трети респондентов-юношей хотели бы жить, не занимаясь общественно-полезным трудом (61 %), среди девушек таковых лишь 39 %, что свидетельствует об их большей социальной ответственности. Потенциальные «бездельники» имеют плохую успеваемость. Среди них, каждый второй (49 %), получает оценки «хорошо» и «удовлетворительно». Вариант ответа «преимущественно удовлетворительно», выбрал каждый восьмой. Для сравнения были приведены данные старшеклассников, отрицающих перспективу жизни без общественно-полезного труда: соответственно 36 % и 8 %. Результаты социологического исследования профессионально-образовательных ориентаций старшеклассников (в том числе будущих студентов вузов) показало, что большой процент молодежи ориентирован на иждивенческую позицию, он еще выше среди школьников, не нацеленных на продолжение образования.

Таким образом, большинство выпускников средних школ поступают в высшие учебные заведения, как правило, с уже «выученной беспомощностью», неподготовленностью к совершению осознанных социальных действий. Совокупность таких характеристик вычеркивает личность из спектра социальных взаимодействий как активного субъекта, оставляя ему лишь роль объекта для стороннего воздействия. Среди характеристик социального инфантилизма – чувство незащищенности, завышенные требования к окружающим в заботе о себе, демонстративные проявления эгоцентризма, низкая мотивация к карьере и самореализации. Результаты данного исследования являются социальным фактом инфантилизма, так как именно такого «качества» абитуриенты становятся студентами вузов. Возникает тупиковая ситуация. С одной стороны, вузовское образование нацелено на выпуск активных, самостоятельных профессионалов, с другой стороны, в качестве обучаемых поступают инфантильные дети, нуждающиеся в опеке.

Например, работая непосредственно в студенческой среде, авторы отметили следующие особенности поведения студентов первого курса во время занятий по гуманитарным предметам: невнимательность, не концентрированность на работе, отсутствие навыков делового общения, лидерских качеств, как раз того, что требуется для взаимоотношений человека с обществом [6].

По мнению психологов, индивидуально-психологические особенности студентов технических вузов отличаются некоторыми свойствами, ограничивающими свободное общение и межличностное взаимодействие во время занятий. Например, из 80 человек, являющимся слушателями одного из элективных гуманитарных курсов (из числа опрошенных студентов), лишь 15% обладают хорошими коммуникабельными способностями и стабильным характером.

Профессорско-преподавательскому составу вузов приходится дорабатывать промахи воспитания на уровне среднего специального образования, опираясь на образовательные технологии, заложенные в Российском стандарте ФГОС третьего и четвёртого поколения.

Новые образовательные стандарты нацелены на выпуск компетентных и самостоятельных специалистов-профессионалов, в то время как социально-психологический портрет студентов-первокурсников напоминает инфантильного ребёнка, который требует «родительского» внимания и опеки. На формирование общекультурных компетенций у студентов технического профиля оказывают влияние четыре фактора:

– содержание программ обучения и методика преподавания фундаментальных естественнонаучных и технических дисциплин (необходимость разработки компетентностно-ориентированных образовательных программ);

– содержание программ обучения и

методика преподавания гуманитарных дисциплин;

– общая социокультурная среда вуза;

– деятельность психологической службы вуза;

– студенческое самоуправление [4].

Большую роль в формировании общекультурных компетенций студентов играют гуманитарные дисциплины, хотя на мировоззрение личности студента оказывает весь образовательный процессе в целом. В одном из интервью, ректор СПбПУ Андрей Иванович Рудской, на вопрос журналиста «Важно ли инженерам нового типа получать гуманитарные знания, и есть ли для этого условия в Политехническом университете? – ответил так: «Технический вуз должен выпускать интеллигентов, а без гуманитарной составляющей это невозможно». Рудской А.И. перечислил также «гуманитарные адреса» Политехнического университета: лекции и концерты в знаменитом Белом зале, обязательные культурологические программы для 1-2 курсов, творческие студии, хор, программы по изучению английского языка, другие гуманитарные программы, спортивные достижения [11].

Изучение гуманитарных дисциплин является незаменимым педагогическим средством формирования ценностно-смысловой базы будущего специалиста, социально важных свойств личности. Цель преподавания гуманитарных дисциплин, несомненно, состоит не только в передаче знаний, умений, навыков, но и в расширении интеллектуального кругозора, критического мышления и самостоятельности, что и составляет специфику компетентностного подхода. Важную роль в формировании общекультурных компетенций оказывает в процессе обучения личность преподавателя, его профессиональное мастерство и владение инновационными методами обучения и воспитания. Гуманитарные дисциплины способствуют формированию следующих общекультурных компетенций: культурно-ценностной и личностной ориентации, компетенции гражданственности и патриотизма, компетенции социального взаимодействия, коммуникации, компетенции грамотности и критического мышления.

С целью диагностики усвоения общекультурных компетенций, авторами было проведено пилотажное исследование (опрошено 300 студентов третьего и четвёртого курсов) [7]. В опросе участвовали студенты естественно-научных факультетов РХТУ им. Д. И. Менделеева, МГУ им. М. В. Ломоносова, Московского Физико-технического института (технический университет). Основное внимание было уделено отношению студентов к социально-гуманитарному образованию, оценке значимости компетенций, сформированных в результате посещения гуманитарных курсов по выбору. Студенты полагают, что гуманитарные дисциплины полезны для формирования мировоззрения, гражданской позиции (28 %) в определении нравственного, морального выбора (16 %), для расширения образовательного горизонта (15 %), социальных связей (9 %), активного участия в жизни общества (8,4 %), принятия верных социально-экономических решений (7 %). Лишь 3 % студентов говорят о том, что гуманитарные знания могут быть полезны в качестве основы профессиональной деятельности. Данные результаты показывают, что такой выбор сделан, прежде всего, из-за технической специализации студентов, что, несомненно, сказалось на общих результатах. Есть вероятность, что выбор предлагаемых спецкурсов для студентов технических специальностей чаще имеет историко-философский характер и ограничивает тематику курсов по социальному управлению и другим социально-психологическим проблемам организационного взаимодействия.

Многие студенты, обучающиеся по техническим специальностям, несмотря на то, что считают свои знания приемлемыми, нацелены на их совершенствова-

ние. Второй по значимости для студентов гуманитарной дисциплиной (после иностранного языка) была названа психология. Студенты напрямую связывают знания по психологии человека с конкурентноспособностью на рынке труда, понимая, что эффективно управлять людьми в современных организациях может только тот специалист, который обладает базовыми знаниями психологии людей и коммуникативной компетентностью.

Различия в отношении студентов технических и гуманитарных специальностей к образованию в социально-гуманитарной сфере незначительны. Большинство студентов как гуманитарных, так и технических специальностей считает, что не только специалистам-гуманитариям желательно быть широко образованным в социально-гуманитарной сфере.

У студентов рассматриваемых университетов, в силу преобладания технических дисциплин над гуманитарными, наблюдается недооценка роли гуманитарных знаний, так как общекультурные компетенции сформированы на недостаточном уровне. Большинство студентов оценивают общекультурные компетенции как сформированные средне: оценка варьируется от 2,85 до 4, 27 по 5-балльной шкале. В то же время, почти половина опрошенных студентов полагает, что неспециалист в гуманитарной сфере должен быть широко образованным человеком.

По результатам исследования можно сказать, что гуманитарные курсы по выбору в технических вузах должны соответствовать запросам современного рынка и содержать помимо необходимых базовых дисциплин историко-философского характера, дисциплины, формирующие общекультурные компетенции социально-культурной направленности. Воспитание социально и профессионально активной личности требует от педагогов современной высшей школы применения совершенно новых методов, приемов и форм работы. Недостаточно сформированными оказались компетенции социального взаимодействия, тогда как от сформированности данных компетенций зависит самооценка и карьерное продвижение выпускников, преодоление социального инфантилизма.

В заключение отметим, что, не смотря на влияние социального инфантилизма, как следствия воздействия на личность целого комплекса факторов (семья, школа, общество), технические университеты справляются с задачей по подготовке лучших профессиональных кадров модернизации общества, развивая компетентностный подход. Овладение конкретными компетенциями приводит к формированию компетентности человека в определенной области – предметной, социальной, личностной. Сформированные во время обучения в вузе общекультурные компетенции являются фактором преодоления социального инфантилизма, способствуют становлению организационной культуры поведения, самостоятельности, коммуникативной мобильности и толерантности. Снижению доли социального инфантилизма в среде студенческой молодежи также способствует комплексная работа со студентами (образовательная, научно-исследовательская и вне учебная деятельность).

На основе изученного материала, авторы рекомендуют следующее:

– повысить качество отбора абитуриентов в национальные технические университеты, принимая в стены вуза тех, кто имеет определённые склонности и способности к выбранной специальности, выявленные в результате собеседования. Таким образом, доступность образования будет осуществляться через коммерческие вузы, а качество абитуриентов в элитных университетах повысится;

– включить в образовательные стандарты нового поколения социально-гуманитарные спецкурсы, предлагающие студентам практико-ориентированные социально-психологические знания;

– включить в содержание обучения и методику преподавания фундаментальных естественнонаучных и технических дисциплин компетентностно-ориентированные образовательные программы;

– общая социокультурная среда вуза должна стать демократической внутрикорпоративной структурой, способной к пониманию новых критериев образованности личности, преодоления традиционной разобщенности естественно-научного, технического и гуманитарного.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ефимова Г. З. «Социальная скорость» как ключевая характеристика актора инновационной экономики // Образование и наука. – 2011. – № 4(83). – С. 78-90 .

2. Ефимова Г. З. Социальный инфантилизм студенческой молодёжи как фактор противодействия модернизации современного российского общества // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 6(25). – Электронный источник: https://www.mgpu.ru/materials/34/34192.pdf

3. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А. В. Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007. – 327 с.

4. Леонова Е. В. Формирование общекультурных компетенций у студентов технического вуза // Высшее образование в России. – 2010. – № 2. – С. 41-43.

5. Попова М. В. Проблема компетентности в исследованиях датских ученых // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». – 2014. – № 1. – С. 30-32.

6. Рыбакова М. В., Зернова Л. П. Гуманитарные дисциплины как средство формирования общекультурных компетенций студентов // Сб. ст. по материалам XXXVII междунар. науч.-практ. конф. – № 5(37). – Новосибирск: Изд. «СИБАК», 2014. – С. 34-50.

7. Рыбакова М. В., Зернова Л. П. Социально-культурные компетенции как фактор личностной зрелости специалиста // Российский научный журнал. – 2014. – № 4(42). – С. 62-66.

8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2007. – 432 с.

9. Электронный ресурс: Источник: Рейтинг вузов России 2014-2015 года. – сайт bs-life.ru.

10. Электронный ресурс. – http://beta-ege.ru/abiturientam/rejting-luchshix-vuzov-rossii/.

11. Электронный ресурс. – http://onti.spbstu.ru/public/news/?ELEMENT_ID=1646.

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ[1]
РОССИЙСКИЙ НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ[2]

УДК 316.77
ББК 60.524.221.026
Социология коммуникации

МОНИТОРИНГ В КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Доктор социологических наук Э. Н. Рычихина[1]
В. А. Рыбаков[2]

В статье рассматриваются подходы к определению результативность коммуникационной политики таможенных органов на основе системы мониторинга показателей и индикаторов. На основе проведенного социологического исследования определяются основные показатели мониторинга внутренних и внешних коммуникаций таможенных органов.

Ключевые слова
Коммуникационная политика, мониторинг, таможенные органы, информационные технологии

Процесс управления связан с тем, чтобы получать информацию о состоянии объекта управления, а затем, переработав ее, перенаправить в виде управленческого воздействия на управляемую подсистему. Повышение эффективности управления во многом определяется качеством коммуникационного взаимодействия в системе управления. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий в последнее время усилило внимание к проблемам информационного обеспечения управления. Результаты коммуникационного процесса в современных организациях, в том числе и таможенных органах, находятся под постоянным контролем со стороны управленческих структур.

Федеральная таможенная служба последовательно реализует принципы информационной открытости, понятности, подотчетности гражданам нашей страны и участникам внешнеэкономической деятельности, а также вовлеченности гражданского общества в деятельность федеральных органов исполнительной власти [1].

Заинтересованность управленческих структур в результативном процессе передачи информации требует формирования целостной коммуникационной политики таможенных органов, под которой понимаем совокупность норм, правил и методов, направленных на осуществление информационных связей между внутренней и внешней средой организации для решения стратегических целей таможенных органов на основе современных инновационных технологий.

Реализация коммуникационной политики опирается на совокупность принципов:

– открытостии доступа к информации, если это не запрещено нормативными ак-

тами РФ;

– конфиденциальности;

– модификации с учетом инновационных достижений;

– своевременностиь передачи информации;

– системности и регулярности;

– персонифицированности;

– адекватности использования каналов коммуникации;

– эффективности коммуникационного взаимодействия со всеми участниками коммуникационного процесса.

Осуществление обозначенных принципов базируется на учете структурного взаимодействия всех участников коммуникаций таможенных органов. Данная структура, представленная на рисунке 1, акцентирует внимание на составляющих участников внутренних и внешних коммуникаций.

Показателем эффективности таможенной службы любого государства в настоящее время является наличие в её потенциале развитой системы социальных коммуникаций, как по горизонтали, так и по вертикали, а также состояние ее информационной базы, необходимой для разработки и реализации управленческих решений. Грамотная и научно обоснованная информационная политика, направленная на обеспечение взаимопонимания и партнерского взаимодействия между населением и властью, формирование гражданского общества и информационно открытой (в пределах, определяемых требованиями национальной безопасности) государственной границы, должна стать одним из ключевых инструментов управления процессом перехода России к правовому демократическому государству с рыночной экономикой.

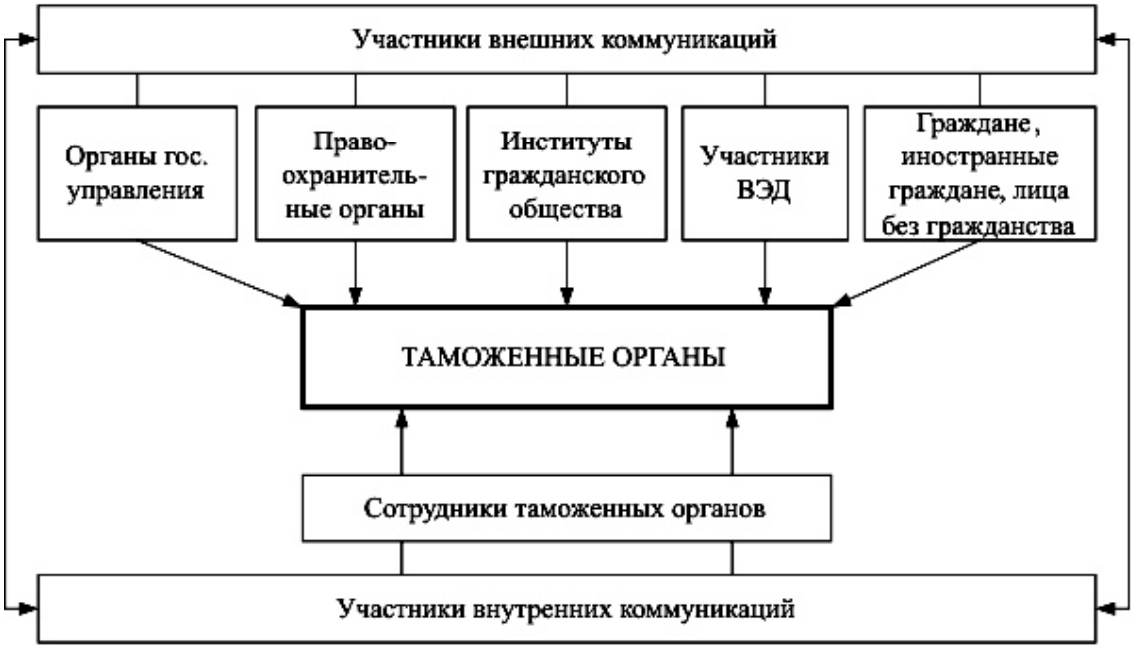


Рис. 1. Структура участников коммуникационного взаимодействия таможенных органов

Коммуникация выступают регулирующим и координирующим механизмом в отношениях государства и общества, которая обеспечивает стабильность и эффективность функционирования общественного организма в целом, а также его отдельных социальных институтов, в том числе и таможенных органов.

Совершенствование управления социальными коммуникациями предполагает широкое применение информационных технологий. В настоящее время бытует

мнение, что информационные технологии являются основным двигателем, который подталкивает процесс развития общества. Действительно, применение информационных технологий является катализатором развития таможенной деятельности: появляются новые математические методы и алгоритмы обработки информации для ее анализа, прогнозирования, оценки рисков недостоверного декларирования; создаются системы онлайновой (в режиме реального времени) аналитической обработки информации (OLAP-систем). Тем не менее, анализ деятельности таможенных органов показывает, что управление таможенной деятельностью в России в настоящее время все еще носит традиционный характер: основывается на неизменном следовании формальным правилам и процедурам. Оценка действий сотрудников таможни производится руководителями по критериям того, насколько четко были соблюдены существующие инструкции, но не населением, для защиты интересов которого и были созданы таможенные органы. Контакты с населением, особенно с нарождающимися институтами гражданского общества, сведены к минимуму или вообще отсутствуют. Представляется вполне естественным, что при таком подходе в общественном сознании возникают искаженные представления о деятельности таможни и стереотипы, что значительно снижает эффективности деятельности таможни как социального института. Вместе с тем, в органах управления растет понимание того обстоятельства, что в современных условиях невозможно повысить результативность деятельности таможенных органов без популяризации работы таможни, показа ее управленческого потенциала и совершенствования системы социальных коммуникаций.

Внедрение системы мониторинга таможенной деятельности началось еще в 2002 году. Сейчас к ней подключено более 5,5 тыс. пользователей по всей территории Российской Федерации. Эта система позволяет не только видеть в реальном времени информацию о грузе, который оформляется в любой точке РФ, но и определять, какой инспектор его оформляет, какие параметры в данный момент введены, какой идет этап оформления и т.д.

В настоящее время применяются мониторинговые отслеживания деятельности таможенных органов в электронном виде на основе программы «Мониторинг Анализ», однако данная база имеет свои существенные недостатки, которые отмечаются участниками внешнеэкономической деятельности (ВЭД) [6]. Кроме того, не сформирована система мониторинговых отслеживаний коммуникационных взаимодействий, их результативности.

Анализ показателей мониторинга работы таможен и таможенных постов, выделенных в Постановлении Правительства РФ от 29 сентября 2012 года № 994 «Об утверждении Положения о системе показателей работы таможенных органов Российской Федерации, порядке и методике их мониторинга» [3], позволил сделать вывод о том, что коммуникативное взаимодействие не выступает в качестве необходимого для отслеживаний показателя.

Развитие системы информирования граждан дает возможность для повышения общественного доверия, которое необходимо для эффективного функционирования таможенной службы. В этом плане создание устойчивой обратной связи особенно необходимо. Вэтом, с одной стороны, играет значительную роль Интернет, который создает условия для интерактивного взаимодействия. Не только граждане получают достаточно полную информацию о деятельности таможенных органов, но и у руководства организацией появляется дополнительный канал для получения важной информации для управления, что в итоге повышает степень взаимного доверия. В этом контексте получило широкое развитие информационная

инфраструктура таможенных органов, которая включает в себя пресс-центры, службы связей с общественностью, социальная реклама и т. п.). Важной составной частью осуществления обратной связи являются опросы как участников внешних коммуникаций, так и внутренних.

Практика убеждает, что Управление по связям с общественностью объективно необходимо таможне, поскольку меняется не только внутренняя (переход на государственную гражданскую службу, вступление в силу нового Таможенного кодекса), но и внешняя среда (экономические и демократические перемены в обществе, грядущее возможное вступление в ВТО, глобализация), соответственно должна трансформироваться структура организации. В основу реорганизации должны быть положены современные тенденции менеджмента и управленческий опыт, накопленный Всемирной таможенной организацией, адаптированные к происходящим в стране социально-экономическим переменам [7].

Тем не менее, первые годы работы Управления по связям с общественностью не дали того результата, который ожидали его создатели и, прежде всего, потому, что какой-либо орган невозможно создать на пустом месте. Нужна стратегия и специалисты высокой квалификации. Однако первые шаги уже сделаны и получены некоторые результаты, на основании скрупулезного анализа которых необходимо уточнить задачи и функции Управления.

В целях интенсификации этой деятельности был создан Общественно-консультативный совет по таможенной политике при ФТС России [4]. Однако анализ показал, что за три года его функционированияне произошло существенных позитивных изменений во взаимоотношениях общество и государства (населения и таможенных органов). К тому же создание новых бюрократических структур совершенно бесполезно, если у руководителей таможенных органов отсутствует заинтересованность в тесном сотрудничестве с населением, необходимые знания и навыки.

Анализ первых лет функционирования органов по связям с общественностью, дает основания полагать, эффективность их деятельности все еще остается низкой, а намеченные цели не достигнуты. К тому же в ряде случаев создается впечатление, что эти органы созданы лишь формально и нужны только для отчета перед руководством.Нельзя говорить об эффективности, если работники не имеют элементарной социологической подготовки, не могут грамотно организовать мониторинг общественного мнения и даже разработать анкету или опросный лист, не говоря уже о применении коэффициентов корреляции при обработке результатов опроса. Все эти факторы негативно сказываются на качестве реализации коммуникативной политики.

В частности, проведенный опрос среди 382 сотрудников таможенных органовтрех региональных таможенных управлений: Центрального, Северо-Западного и Южного, показал, что для опрошенных в значительном большинстве (81 % или 309 респондентов) считают, что необходимо повышать качество коммуникаций с населением. Результаты ответов на вопрос о необходимости повышения качества коммуникаций с населением представлены на рисунке 2. Выбор такого варианта ответа свидетельствует о том, что сотрудники таможенных органов оценивают качество коммуникаций как недостаточное и требующее совершенствования.

Результативность внешних коммуникаций влияет на имидж таможенных органов, что можно определить по тому, какие были получены ответы на вопрос о том, «какой, по Вашему мнению, престиж сотрудников таможенной службы в настоящее время?». Распределение полученных ответов отражено на рисунке 3.

Высокую и скорее высокую оценку дали только 16 % респондентов. При этом низко и скорее низко престиж своей дея-

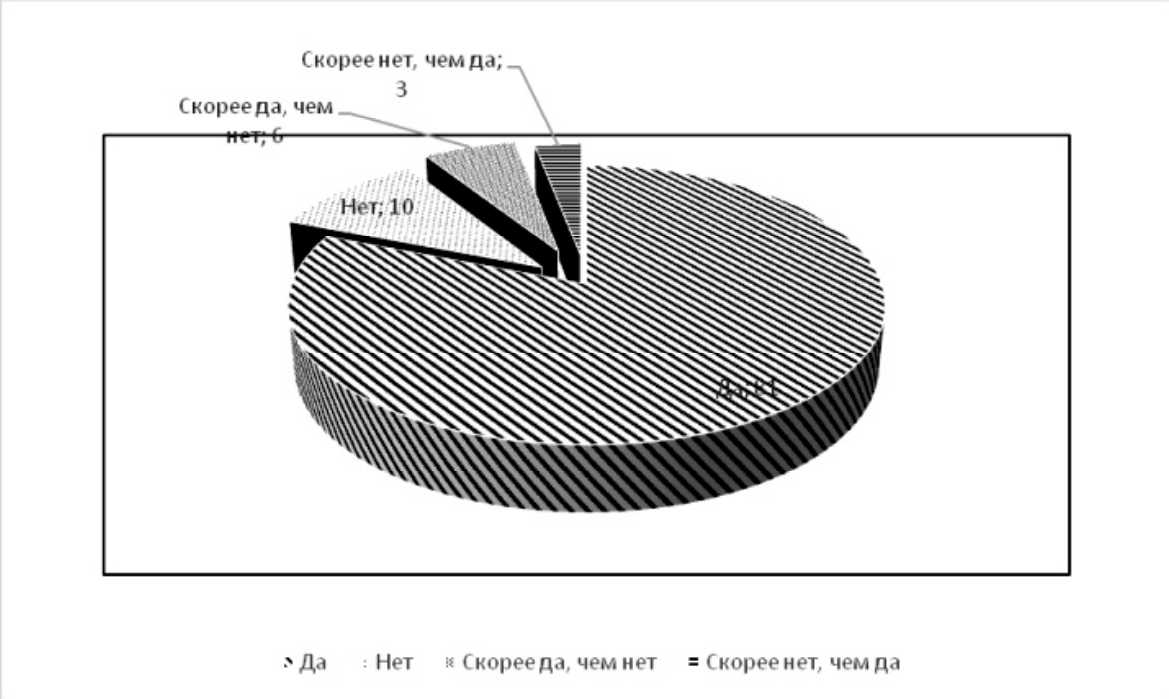


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Важно ли для Вас повышение качества коммуникаций с населением?»

тельности оценили более половины опрошенных сотрудников таможенных органов (58 %).

С другой стороны, был проведен опрос внешних коммуникантов – участников внешней экономической деятельности (ВЭД). В ходе исследования удовлетворенности участников ВЭД деятельностью таможенных органов автором была проведена оценка их работы при осуществлении экспортных и импортных операций, что в совокупности позволило сделать вывод об эффективности их функционирования. Опрос проводился среди респондентов – участников ВЭД двух регионов: Центрального (г. Москва и Московская область) и Северо-Западного (г. Санкт-Петербург, г. Выборг, г. Петрозаводск). Общая выборочная совокупность составила 1562 респондента.

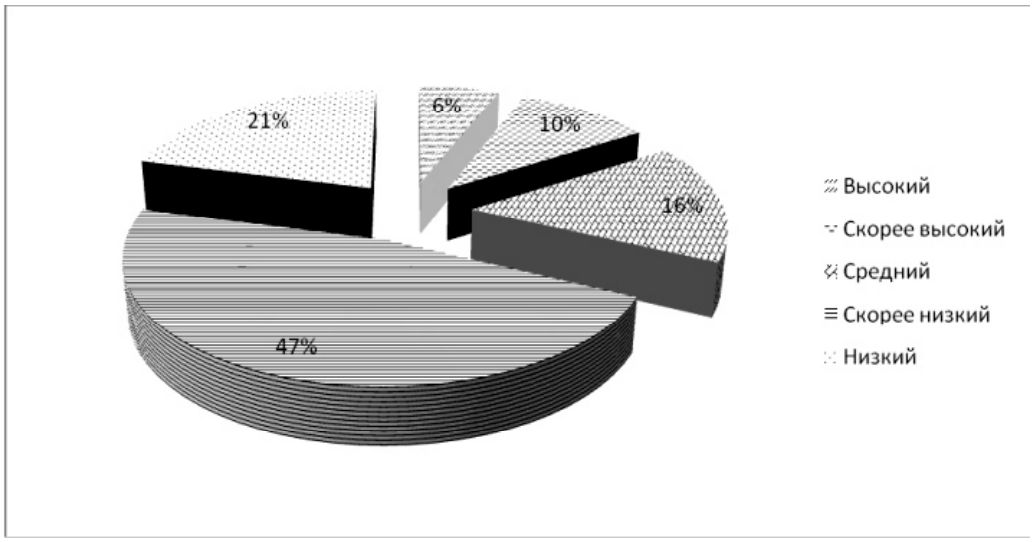


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о престиже сотрудников таможенных органов

В ходе анализа ответов, было установлено, что, большинство респондентов в целом позитивно оценивают происходящие изменения в работе таможенных органов. Причем, это касается практически всех аспектов, затронутых в рамках опроса. Различия касаются лишь степени позитивных изменений отдельных процессов. Так, существенные позитивные изменения в связи с реформированием таможенных органов респонденты отмечают в информационном взаимодействии таможни с участниками ВЭД. Причем, в оценках этого аспекта деятельности наблюдается как увеличение (с 31% до 40%) числа тех, кто считает, что практически не сталкивались с ситуацией, при которой сотрудники таможенных органов отказывали в предоставлении необходимой информации, так и сокращение числа тех, кто указывал на то, что такие ситуации бывают часто (с 28% до 25%) или всегда (с 11% до 7%).

Результативность коммуникационной политики и ее оценка внешними коммуникантами также может определяться по тому, как влияет на их деятельность таможенные процедуры. Опрос участников ВЭД проводился непосредственно на таможенных постах. Респондентам-участникам ВЭД предлагалось оценить, как таможенные процедуры влияют на их текущую деятельность и возможность развития предприятий и каким образом осуществляемые в ходе реформирования изменения в работе таможенных служб способствуют положительным изменениям в повышении эффективности. Распределение ответов на вопрос «Как влияют таможенные процедуры на Вашу деятельность?» показано на рисунке 4.

Основная часть респондентов считает, что проблемы при взаимодействии с таможенными органами у них возникают. Без проблем взаимодействие осуществлялось только у 15 % опрошенных. Причинами возникающих противоречий часто становятся неудовлетворительные коммуникации, что отмечают 49 % опрошенных участников ВЭД.

Традиционные подходы в государственном управлении концентрируют основное внимание на вопросе о том, сколько потрачено государственных средств на осуществление таможенных операций, при этом измерение реального результата остается в тени. Главной тенденцией современных теорий оценки результатив-

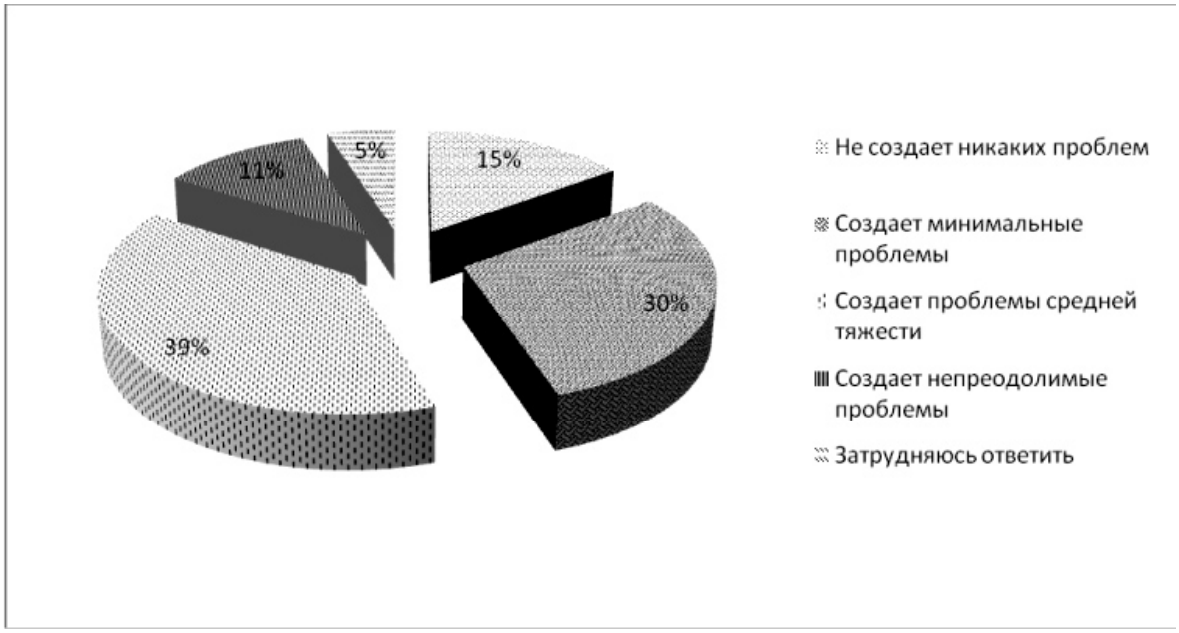


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как влияют таможенные процедуры на Вашу деятельность?»

ности является смещение акцента от измерения затрат на мониторинг результатов. Как отмечает А. Л. Гапоненко: «Переход менеджмента в государственной службе от традиционной бюрократической модели к новой модели управления, ориентированной на поиск эффективного решения постоянно нарождающихся проблем, характеризуется ориентацией на цели и миссию по сравнению с ориентацией на правила и процедуры» [2, с. 33].

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что сохраняются проблемы коммуникационного взаимодействия. Поэтому возникает необходимость корректировать основные составляющие коммуникационной политики таможенных органов. Для выявления необходимых направлений совершенствования целесообразно наладить систему мониторинговых отслеживаний внутренних и внешних коммуникаций, их результативность.

Под управленческим мониторингом мы понимаем деятельность по систематическому наблюдению, сбору, обработке, сохранению, использованию и распространению информации в различных системах с целью более эффективного управления [5, с. 90].

Особенностью коммуникационных процессов внутри организации становится информационная база, построение которой должно опираться на мониторинговое основание. Основной целью мониторинга в таможенной организации является определение наметившихся изменений и управленческое воздействие для направления их в необходимое для системы управления русло. Мониторинг создается для формирования информационной базы для руководства организацией и становится одним из инструментов, способствующих ее развитию.

Реализация коммуникативной политики таможенных органов должна корректироваться с учетом показателей монито-

Рис. 5. Типология показателей реализации коммуникативной политики для организации мониторинга

ринга, который становится основой информационного обеспечения управления. Проведенный анализ показал, что для организации подобного мониторинга необходимо создание системы показателей, которые условно можно разбить на пять групп в зависимости от критериев и соответствующие им показатели, что отражено на рисунке 5.

Предложенные показатели могут лежать в основе формирования системы мониторинга результативности коммуникационной политики, они позволяют определить те направления деятельности таможенных органов или объекты, деятельность которых будет систематически отслеживаться.

Формирование системы подобного мониторинга предполагает определение критериев (индикаторов), которые будут лежать в основе сравнения полученной управленческой информации. Следующим этапом в процессе создания системы мониторинга становится определение методов сбора информации о коммуникационных процессах. Полученные результаты преобразуются в удобную для использования руководством таможенных органов.

Следующим этапом осуществляется анализ и прогнозирование развития коммуникаций организации и на этой основе формируется план деятельности по достижению тех направлений, которые представляются наиболее оптимальными. При этом мониторинговая информация выступает в качестве управленческого контроля, которая позволяет сравнивать реально полученные показатели состояния коммуникаций в таможенной организации с запланированными.

Система информационного обеспечения управления только тогда будет полной и надежной, когда налажены коммуникационные каналы, устраняются барьеры коммуникации. Поэтому сбор, обработка и анализ информации о процессе внутренних и внешних коммуникаций будет проводиться регулярно на мониторинговой основе, т. е. мониторинг должен стать особым элементом в управляющей подсистеме таможенной организации, которая позволит решить проблему получения качественной и своевременной информации руководителями всех уровней управления таможенных органов. Охватывая показатели как внешних и внутреннихкоммуникационных потоков, мониторинг отражает ситуацию в динамике.

В свою очередь, полученная мониторинговая информация о состоянии и проблемах коммуникации должна распространяться по определенным каналам.Решение о каналах получения и распространения информации должно определяться Управлением по связям с общественностью Федеральной таможенной службой, которая определяет основные каналы распространения мониторинговой информации, ее получателей, формируется система циркуляции коммуникационных потоков, которые позволяют быстро и без искажений поставлять адресату, уточняет коммуникационные каналы и связи. На практике этому процессу не всегда уделяют необходимое внимание, а часто просто игнорируются. Значимую роль в этом играет налаженность коммуникационных каналов распространения данных мониторинга, которые должны быть не загруженными. В итоге сформированная система коммуникаций доводится до сведения сотрудников таможенных органов.

Чтобы система мониторинга работала, руководству организации необходимо включать в планирование вопросы сбора и анализа информации с целью систематизации своей работы и всей системы в целом. Наибольшее количество времени займет процесс построения такой системы. Но, сформировав ее, руководство организации в последующем сэкономит гораздо больше времени при поиске информационных данных, их качественного состава.

Для того чтобы результаты управлен-

ческого мониторинга сохраняли высокую эффективность, необходимо иметь определенный период времени его проведения, то есть длительность наблюдения. Продолжительность мониторинга должна соотноситься с регулярностью сбора мониторинговых данных. При этом, чем больше объем отслеживаемых параметров, тем выше результативность. Результативность управленческого мониторинга поэтому зависит от двух составляющих: времени его проведения (длительность) и масштаб объемов показателей. Соотношение этих показателей и возможности мониторинга при сложившихся условиях отражено на рисунке 6. Руководствуясь предложенной на этом рисунке матрицей, руководитель может определять необходимые действия по совершенствованию управленческого мониторинга и разрабатывать стратегию действий по использованию его показателей для реализации общих функций управления муниципальным образованием [7].

Время

	Низкая	Средняя	Высокая
Высокая	Формирование системы контроля сбора данных	Анализ действующей системы показателей	Максимальная эффективность мониторинга
Средняя	Налаживание регулярности сбора данных	Возможность использования мониторинга для оперативного управления	Ограничение возможностей мониторинга для прогнозирования
Низкая	Минимальная эффективность мониторинга	Разработка дополнительных показателей	Включение показателей всех подсистем организации

Объем

Рис. 6. Определение возможностей использования мониторинга в управлении

При незначительном объеме мониторинговых показателей, но сборе их достаточно длительное время, необходимо наладить регулярность сбора данных и формировать систему их контроля с целью получения максимально достоверной и оперативной информации. При низкой и средней продолжительности сбора данных управленческого мониторинга применение их для прогнозирования не даст высоких положительных результатов. Поэтому максимальную эффективность от применения результатов системы управленческого мониторинга можно получить только через определенный промежуток времени. По основным показателям это может быть год, а для формирования стратегии развития и прогнозирования желательно, чтобы этот временной отрезок был продолжительнее.

Таким образом, результативность реализации коммуникационной политики

таможенных органов требует создания системы мониторинга, который позволит выявлять динамику в коммуникациях и целенаправленно их корректировать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Интернет-ресурс. – http://www.customs.ru/index.php

2. Общий и специальный менеджмент [Текст]: Учебник / Общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухин. – М.: Изд-во РАГС, 2001. – 568 с.

3. Постановление Правительства РФ от 29.09.2012 № 994 «Об утверждении Положения о системе показателей работы таможенных органов Российской Федерации, порядке и методике их мониторинга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudact.ru/law/doc/koAx1S10M8UP/002/

4. Регламент Общественно-консультативного совета по таможенной политике при ФТС России // Приложение № 2 к приказу ФТС России от 14 июня 2007 г. № 725.

5. Рычихина, Э. Н. Мониторинг в системе социального управления муниципальным образованием [Текст] / Э. Н. Рычихина: Дис. … д-ра социол. наук. – М., 2011. – 378 с.

6. Таможенный барьер для честных участников ВЭД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.denils.spb.ru/novosti/tamozhennyj-barer-dlya-chestnyx-uchastnikov-ved/

7. Шлямина Е. PR как оптимальная модель коммуникативного взаимодействия таможенного ведомства с общественностью. – http://donrta.ru/sno/Articles/2009/

УДК 159.92
ББК 88.41
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ: РОЛЬ ОТЦА В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ В ДЕТСТВЕ

Доктор психологических наук Н. Л. Васильева

Фокус эго-психологии последних десятилетий на роли матери в развитии личности ребенка оставлял роль отца в тени. Актуальность данной статьи – в том, что она посвящена значению отца для формирования личности ребенка. Основная цель – рассмотрение роли отца для формирования личности ребенка в различные периоды детства. Статья является теоретическим исследованием психоаналитических работ в данной области.

Ключевые слова
Роль отца, развитие личности, ранние периоды детства

Психологическая помощь начинается с психопрофилактики. Гармоничное воспитание детей и подростков позволяет, во многом, предотвратить возникновение у них психопатологии и в детстве, и во взрослом возрасте.

Личность человека закладывается и формируется в контексте ранних отношений, и потому сущность происходящего в начале жизни, заслуживает самого пристального внимания. В фокусе данной статьи – отношения ребенка с отцом и к отцу в различные периоды детства.

Вопросы социально-эмоционального развития личности подробно изучены и разработаны в психоаналитической традиции, и в своем теоретическом исследовании мы будем опираться на эти изыскания.

Если проследить историю рассмотрения психоанализом роли отца в развитии ребенка, то изначально Зигмунд Фрейд (Freud, 1924; Freud, 1925) делал акцент на подавляющих, наказующих аспектах репрезентации отца, и кульминацией этого был эдипальный отец. Правда уже в 1951 году Ханс Левальд (Loewald, 1980) расширил этот взгляд, указав на то, что роль отца значительно более обширная, и что он служит буфером между ребенком и матерью для детей обоих полов.

Во второй половине XX века можно было наблюдать фокус эго-психологии на «единении диады» матери и ребенка (Mahler, 1975). Такой акцент отводил отцу второстепенную роль в раннем развитии. В 1966 г. Филлис Гринэйкр предположила, что пренебрежение ролью отцов в первые два года жизни ребенка произошло потому, что экспериментальные условия, в которых изучались мать и ребенок, исключали отцов, неосторожно, хотя и непреднамеренно (Greenacre, 1971).

Попробуем восстановить справедливость и рассмотрим роль отцов в развитии детей.

До рождения и сразу после рождения ребенка

Уже при подготовке к появлению младенца отец является обеспечителем надежной среды для будущей пары мать-младенец. Дональд Винникотт писал о том, что мать может создать полноценную среду для своего младенца только, если присутствует третий человек, – человек, который отвечает за безопасность окружающей среды и который охраняет материнско-детскую диаду (Винникотт, 2004). Только в этом случае женщина сможет полностью «погрузиться» в отношения с младенцем. В большинстве случаем таким человеком является отец ребенка. Таким образом, при поддержке отца, пара мать-ребенок начинает свое существование.

Также существует мнение, что отец важен не только для охраны диады мать-младенец, но и для «охраны» младенца в этой диаде. Так, Алессандра Лемма считает, что отец должен «присматривать» за отношениями между матерью и младенцем и попытками младенца найти себя в её глазах (Lemma, 2009). Отец обеспечивает наличие еще одной «пары глаз», которые смотрят на самого ребенка. Когда отцовские глаза отсутствуют или «слепы» в отношении того, что происходит между матерью и младенцем, то это может поставить ребенка в группу риска. Младенец тогда имеет только один единственный взгляд на себя, и впоследствии может испытывать большие трудности отделиться от ранней картинки себя, которую он видел в глазах матери.

Но только ли опосредованно, через мать, отец оказывает влияние на младенца?

Роль отца для становления личности ребенка в младенчестве

Классическая психоаналитическая точка зрения заключалась в том, что в младенчестве отец воспринимается ребенком как вариант материнской фигуры; важной фигурой в жизни ребенка отцу предстоит стать позже, когда ребенок станет старше. Однако многие исследователи более поздних периодов высказывали мнение о том, что отношения ребенка с отцом отличаются от отношений с матерью уже с первых дней жизни. Так, Дороти Бурлингем в 1973 году писала, что «материнский уход – более мягкий, успокаивающий и нежный, в то время, как отцовское участие – более активное, эмоционально возбуждающее и стимулирующее, а временами даже вызывающее у ребенка дискомфорт и тревогу» (Burlingham, 1973, стр. 44).

В 1984 году Джеймс Герцог описывал различия в материнском и отцовском взаимодействии с ребенком по наблюдениям за детьми 1-2 лет. Однако смысл этих различий как во взаимодействии с младенцем, так и с ребенком постарше остается тем же самым. Матери имели тенденцию присоединяться к ребенку в его текущей игре, в то время, как отцовский подход типично являлся более нарушающим, отец обычно склонял ребенка присоединиться к нему в какой-то новой деятельности (Herzog, 1984). Герцог заключает, что гомеостатическая настроенность матери на ребенка может вносить вклад в непрерывность и объединение импульсов ребенка от его опыта, в то время, как активно внедряющаяся настроенность отца может расширять и углублять опыт ребенка.

Несмотря на равенство полов в современном мире, многие женские или мужские характеристики родительских фигур, все-таки остаются, и в ответ на них, будет различаться эмоциональная реакция и получаемый ребенком опыт удовольствия.

Именно взаимоотношения ребенка с другим человеком, чем мать, с отцом, помогают ребенку двигаться по направлению к обретению собственного «я».

Роль отца для становления личности ребенка в возрасте 1-3 года

Обретение собственного «я» становится особенно активным и заметным для окружающих, когда ребенок выходит за границы младенческого возраста. Процесс психологического рождения ребёнка, описан в концепции «отделения-индивидуации» (Mahler, Pine, Bergman, 1975). Начало процесса отделения-индивидуации относится к возрасту 4-6 месяцев, когда младенец впервые начинает проявлять интерес к окружающему миру за рамками диалога с матерью, и заканчивается примерно к трем годам, когда ребенок ощущает себя и мать отдельными индивидуумами: и физически, и психологически.

Отец способствует выходу ребенка из симбиотической материнской орбиты. Так считал Эрнст Абелин, чьи работы были основаны на экспериментальной методологии и прямом наблюдении за детьми, и которые явились результатом сотрудничества автора с Маргарет Малер (Abelin, 1971, 1975). Взаимодействия младенцев с отцами и мужчинами-исследователями позволили Абелину сформулировать следующую гипотезу. Узнавание отца начинается еще в период симбиоза с матерью, правда, несколько позже, чем узнавание матери. Реакции на него как на незнакомца постепенно уменьшаются, пока в период отделения-индивидуации отец не становится незаменимым и интересным. В этот период отец приобретает для ребенка особую привлекательность, еще и потому, что его активность гораздо более яркая, сильная и чудодейственная, чем обыденные и знакомые дела матери. Отец становится отличным от матери родителем, который занимает «не-материнское место», в то время, как мать продолжает оставаться «базой» (home base), где можно эмоционально «подзарядиться» (refueling).

Именно отличное от матери «место» делает отцовскую фигуру столь важной для успешного психологического отделения ребенка от матери. Когда в процессе отделения (в период кризиса «возвращения» (rapproachement)), ребенок сталкивается с дилеммой интенсивных амбивалентных чувств и несовместимых целей, то отец представляет собой надежный оплот, на который можно опереться в своих попытках отделения от матери. При наличии отца и его активной роли во взаимодействии, ребенок «уходит» от матери не в пустоту, которая страшит, а к кому-то близкому и привлекательному. В это время отец помогает ребенку укрепить ощущение устойчивости и неизменности своего «я» (self-constancy) (Ross, 1979). Кроме того, отец служит ребенку примером более зрелого отношения к матери. Он предоставляет модель ролевого поведения, показывающую ребенку, что можно находиться с матерью не в слитных, а в партнерских взаимоотношениях. Путем идентификации с отцом ребенок открывает для себя возможность нового, не симбиотического контакта с матерью (Фигдор, 1995).

Итак, взаимодействия отца и ребенка становятся особенно активными в третий год жизни, Именно тогда дети «продвигаются» от матерей к отцам.

Кроме того, отец является представителем реальности, и растущему ребенку, вступающему в «самостоятельную» жизнь, необходимо этот аспект освоить (Meissner, 2009).

Пока что мы описывали отношения отца и ребенка вообще, независимо от его пола. Следует, однако, остановиться на разнице взаимоотношения отцов с сыновьями и дочерями.

Различие в отношениях с отцом у девочек и мальчиков в раннем возрасте

Уже в самом раннем возрасте и девочки, и мальчики, получают от отцов сообщения о том, что те признают и учитывают их гендерную идентичность. Это проявляется в том, как отцы по-разному реа-

гируют на сына или на дочь. В 1973 Дороти Бурлингэм писала, что «от девочек отец хочет получить (и ищет этого) «чувства любви», а в мальчике он хочет увидеть свой воплощенный телесный идеал» (Burlingham, 1973, стр. 23).

Девочки привязываются к отцам раньше, чем мальчики, утверждал Эрнст Абелин (Abelin, 1971), хотя изначально они относятся к незнакомым мужчинам более настороженно. Уже ко второму году девочки ищут телесного контакта с отцами, чем стимулируют нежную привязанность тех к дочерям.

Работы Питера Блоса (Blos, 1985, 1987) показали значимость ранних отношений отец-сын для развития мальчика. Сын постоянно ищет отцовского одобрения и похвалы, и степень отцовского одобрения связана со способностью сына быть уверенным в себе. Соперничество с отцом возникает в более позднем развитии, оно предполагает наличие эмпатии с соперником, которому позже ребенок станет завидовать.

Роль отца в развитии девочек и мальчиков в возрасте 3-6 лет

В возрасте 3-6 лет, на фаллической фазе развития, отец играет важную роль социализирующего начала для ребенка. Образ «хорошего отца» важен как для формирования чувства мужественности у мальчика, так и для укрепления уверенности в своей женственности у девочек.

Для мальчиков. В ранние периоды этой фазы идентификация с мужчиной, с «подобным себе», усиливает у мальчика чувство маскулинности

Телесный образ мальчика становится более стабильным. Приняв мужскую роль, мальчик хочет быть похожим на отца во всем. А это значит, что и отношения с матерью у него должны стать похожими на те, что существуют у отца. Вместо того, чтобы быть ребенком своей матери в зависимых отношениях, как было раньше, теперь мальчик хочет быть более мужественным в отношениях с ней. Он хочет занять место своего отца именно потому, что стремится во всем быть таким же, как отец.

В психоанализе этот внутренний конфликт описан как составляющая часть нормального развития ребенка, то есть он возникает у любого ребенка, и носит название Эдипова комплекса. Эдипов конфликт отражает острое желание ребенка занять взрослое партнерское положение в отношениях с родителями, а также его переживания по поводу своего подчиненного положения в семье. Разные школы психоанализа по-разному оценивают качество переживаний ребенка в этот период. Психоанализ Фрейда рассматривает влечение к родителю противоположного пола как чувственно окрашенное. Школа Лакана относится к этому влечению, скорее, как к метафоре, отражающей желание ребенка стать для матери «всем». Стать «всем» для другого – значит воплотить в себе всё, что только другой может захотеть. Мечты ребенка относятся больше к идее экзистенциального воссоединения и неизбежно не выполнимы. Однако как бы психологи ни интерпретировали происходящее с ребенком на этой фазе, факт появления нового качества отношений ребенка к родителям невозможно не заметить. Отношение мальчика к матери окрашивается, скорее, тоном партнерства, нежели инфантильной зависимости, а в отношении к отцу появляется элемент соперничества. Эти изменения отражают глубинный внутренний конфликт ребенка на пути осмысления нового измерения мира отношений (Тайсон Р., Тайсон Ф., 1998).

Зигмунд Фрейд описывал роль идентификации с отцом и как шаг к Эдипову комплексу, и одновременно, как средство его разрешения (Freud, 1924). Постепенно мальчик отказывается от собственнических желаний, направленных к матери, и идентифицируется с родительскими правилами. Отцовские моральные стандарты

все более идеализируются и интернализуются, и постепенно становятся собственными стандартами мальчика.

Итак, для мальчиков в возрасте 3-6 лет отец выполняет роль «представителя» требований общества, а также показывает образец контроля за импульсами.

В своих исследованиях детей, чьи отцы отсутствовали в семейном союзе, Анна Фрейд описывает два типа реакций (Freud, 1973). С одной стороны, – дети, которые имеют тенденцию к невротической пассивности, которые подавляют инстинктуальные цели до степени их полного исключения. С другой стороны, – дети, у которых развивается импульсивное поведение, и разрядка напряжения происходит хаотично и без достаточного ограничения. Анна Фрейд заключает, что, если отцовская функция, обслуживающую потребности развивающихся Эго и Суперэго, отсутствует, то повышается уязвимость мальчика, поскольку возрастает опасность быть затопленным силой своих влечений.

Для девочек: В начале возраста 3-6 лет желание расширить свою женскую роль усиливает фантазию девочки быть избранной отцом. По мере того, как девочка приобретает способность к триадным объектным отношениям, она утрачивает свою эксклюзивную привязанность к матери. Она не отвергает ее; она хочет, чтобы отношения с отцом были не такими, как с матерью. Эдипово развитие у девочки предполагает все большее и большее восприятие отца как объекта любви и создание разработанных фантазий о «чарующей фигуре ее фаллического отца», по выражению Эдит Якобсон (Jacobson, 1964, стр.114). Девочка, которая это переживет, сделает первый и главный шаг на пути к окончательной гетеросексуальной ориентации.

Роль отца в дальнейшем развитии детей

В возрасте детей 7-11 лет, в латентный период, нормы, запреты и правила в отношениях и поведении, ранее вводимые родителями и обществом постепенно всё больше интериоризируются, и независимость от родителей в суждениях «хорошо» – «плохо» проявляется всё отчетливее по мере прохождения ребёнком латентной фазы. Однако, несмотря на растущую внутреннюю независимость, роль отца продолжает оставаться для ребенка, чрезвычайно важной.

Для мальчика идентификация с идеальным образом отца обеспечивает надёжный источник позитивной самооценки. Кроме того, отец служит для мальчиков в этот период моделью поло-ролевого поведения и показывает образец того, как быть мужчиной (Trowell, Etchegoyan, 2002).

Девочкам отец также предоставляет возможность для развития поло-ролевого поведения и принятия своей женской роли. Марджори Леонард подчеркивала, что принципиально важным является столкновение эдипального отца с его контр-эдипальной ориентацией по отношению к дочери (Leonard, 1966). Она считала, что «десексуализированное отношение к отцу», и «любовь без соблазнения» в латентный период, необходима для того, чтобы девочка приняла свою «женскую роль» без вины или тревоги.

Отец позволяет девочке постоянно тестировать свои фантазии в реальности. Если отцовская функция отсутствует, то образ мужской фигуры теряет свои нюансы и становится черно-белым. Если у девочки нет возможности находиться в реальности участливого, устанавливающего границы отцовского присутствия, то это часто приводит её к уходу в фантазии, где фантазии об идеальном отце сочетаются с фантазиями об отце пугающем и агрессивном (Magagna, Goldsmith, 2009). У такой девочки формируется искаженный образ отца, и в дальнейшей жизни это приводит к трудностям поддержания ею стабильных отно-

шений с реальным мужчиной.

По мере развития ребенка взаимоотношения с отцом (так же, как и с матерью) интернализуются и становятся неотъемлемой принадлежностью внутреннего мира личности. В бессознательном взрослого они продолжают существовать как внутренние образы и репрезентации. Характер интернализованных образов родителей отражается в специфике личностных паттернов взрослого человека.

Итак, отношения с отцом играют важную роль в становлении личности ребенка, как мальчика, так и девочки. В различные возрастные периоды роль отца меняется, однако остается неизменно важной в течение всего периода развития личности. Таким образом, несмотря на то, что в современном обществе ценность «полной» семьи постепенно девальвируется, и «материальный достаток» рассматривается как основное условие гармоничного развития ребенка, независимо от наличия обоих родителей, данное исследование подкрепляет высокую значимость отца в развитии личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Винникотт Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. – Екатеринбург: Литур, 2004. – 400 с.

2. Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 528 с.

3. Фигдор Г. Дети разведённых родителей: между травмой и надеждой. – М.: Наука, 1995. – 376 с.

4. Abelin, E. The role of the father in the separation-individuation process // McDevitt J. B. & Settlage C. F., eds. Separation-individuation. – New York: International Universities Press, 1971. – P. 229-252.

5. Abelin, E. Some further observations and comments on the earliest role of the father // International Journal of Psychoanalysis. – 1975. – No 56. – P. 293-302.

6. Blos, P. Son and father: Before and beyond the Oedipus complex. – New York: Free Press, 1985. – 223 p.

7. Blos, P. Freud and the father complex // Psychoanalytic Study of the Child. – 1987. – No 42. – P. 425-441.

8. Burlingham, D. The Preoedipal Infant-Father Relationship // Psychoanalytic Study of the Child, – 1973. – No 28. – P. 23-47.

9. Freud, A. Infants without Families: Reports on the Hampstead Nurseries, 1939-1945. The Writings of Anna Freud. – New York: International Universities Press., 1973. – Vol. III. – P. 211-235.

10. Freud, S. (1924). The dissolution of the Oedipus complex. // J. Strachey, ed., The standard edition of the complete psychological works of Sigmund. Freud, 24 vols. – London: Hogarth Press, 1953-1974. – T. 19. – P. 173-179.

11. Freud, S. (1925). Some psychological consequences of the anatomical distinction between the sexes // J. Strachey, ed., The standard edition of the complete psychological works of Sigmund. Freud, 24 vols. – London: Hogarth Press, 1953-1974. – V. 19. – P. 243-258.

12. Greenacre, P. Problems of overidealization of the analyst and analysis: their manifestations in the transference and countertransference relationship // Greenacre P. Emotional Growth. – New York: Int. Univ. Press, 1971. – P. 87-101.

13. Herzog, J. M. Fathers and young children: Fathering daughters and fathering sons // J. D. Call, E. Galenson, & R. L. Tyson, eds., Frontiers of infant psychiatry. – New York: Basic

Books. – V. 2. – 1984. – P. 335-342.

14. Jacobson E. The self and the object world. – New York: International University Press, 1964. – 288 p.

15. Lemma A. Being seen or being watched? A psychoanalytic perspective on body dysmorphia // International Journal of Psycho-Analysis. – 2009. – No 90. – P. 753-771.

16. Leonard, M. Fathers and daughters: the significance of 'fathering' in the psychosexual development of the girl. International // Journal of. Psychoanalysis. – 1966. – No 47. – P. 325-341.

17. Loewald, H. W. (1951). Ego and reality // Papers on psychoanalysis. – New Haven, CT: Yale University Press, 1980. – P. 3-20.

18. Magagna, J. and Goldsmith, T. P. Complications in the development of a female sexual identity // Journal of Child Psychotherapy. – 2009. – No 35. – P. 62-80.

19. Mahler M. S., Pine F., Bergman A. The Psychological Birth of the Human Infant. – New York: Basic Books, 1975. – 308 p.

20. Meissner W. W., The Genesis of the Self: II. The Developmental Progression from Infancy to Rapprochement // Psychoanalytic Review. – 2009. – V. 96. – P. 219-259.

21. Ross, J..M. Fathering: A Review of Some Psychoanalytic Contributions on Paternity // International Journal of Psychoanalysis. – 1979. – No 60. – P. 317-327.

22. Trowell, A. Etchegoyan, A. The Importance of Fathers. – London: Routledge 2002. – 198 p.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМЕНИ С. И. ВАВИЛОВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК[1]
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХОАНАЛИЗА[2]

УДК 316.648: 316.35
ББК 88.5
Социальная психология

ПСИХОЛОГИЯ

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ УСТАНОВКА

Доктор психологических наук Е. А. Володарская[1]
Л. В. Кондратова[2]

В статье анализируются психологические подходы к феномену конкурентоспособности личности на основании его устойчивости и динамичности, фокуса интереса отдельных дисциплин (общая, педагогическая, социальная психология). Выделены особенности рассмотрения конкурентоспособности личности как социальной установки.

Ключевые слова
Конкурентоспособность личности, социальная установка, структура конкурентоспособности, профессиональная сфера

Социально-психологический подход к характеристике интерактивной стороны общения предполагает выделение двух основных видов взаимодействия: кооперация, сотрудничество и конкуренция, конфликт. Первый тип связан с согласованием целей и интересов участников взаимодействия, позитивного характера межличностного или межгруппового способа организации совместной деятельности. Второй тип взаимодействия отражает рассогласование, диссоциацию, противопоставление индивидуальных усилий участников совместной деятельности, образно говоря, расшатывающих совместную деятельность. Современный этап изучения интеракции предполагает акцент на конкурентном характере социального взаимодействия различных субъектов совместной деятельности, что связано с конкурентным характером экономических отношений, в которых проявляет себя личность, группа, общество.

Внимание к конфликтному взаимодействию, к интеракции в конкурентной среде влечет за собой анализ такого признака личности и группы, как конкурентоспособность. Если первоначально конкурентное взаимодействие рассматривалось как условный отрицательный полюс совместной деятельности, то теперь конкурентоспособность описывает признак или совокупность признаков, способствующих достижению успеха, выигрыша личностью или группой. Иными словами, произошло смещение акцентов в социально-психологической трактовке базовых категорий, что связано с изменением особенностей социальной реальности, объяснение и прогнозирование динамики которой является существенной методологической и прикладной задачей социальной психологии.

Несмотря на относительно недолгий временной отрезок доминирования конкурентного типа интеракции как базового условия межличностных и межгрупповых отношений в системе взаимодействия субъектов современной экономики, можно говорить о многомерности трактовок, разнообразии научных подходов, богатой эмпирической базе прикладных исследований при отсутствии единого определения феномена конкурентоспособности. Это можно объяснить, во-первых, новизной данного научного понятия, во-вторых, его прикладным характером, и, в-третьих, междисциплинарным содержанием, что выражается в интересе к концепту конкурентоспособности как со стороны экономических дисциплин, так и со стороны педагогики, социологии, а также психологии.

Многоаспектность содержания понятия конкурентоспособности личности можно описать через введение внешнего и внутреннего аспектов проявления в деятельности. Внешний аспект, связанный с общественными отношениями в рамках экономической реальности, определяется рынком труда, экономическими показателями эффективности деятельности. Выделение внутреннего аспекта конкурентоспособности личности определяется социально-психологическим пониманием соотношения общественных и межличностных отношений. Как подчеркивает Г. М. Андреева, «природа межличностных отношений может быть правильно понята, если их не ставить в один ряд с общественными отношениями, а увидеть в них особый ряд отношений, возникающий внутри каждого вида общественных отношений (идеологические, политические, социальные), а не вне их. Существование межличностных отношений внутри различных форм общественных отношений есть реализация безличностных отношений в деятельности конкретных личностей, в актах их общения и взаимодействия» [2, с. 62].

Внимание в работе будет сосредоточено на внутреннем, личностном уровне трактовки феномена конкурентоспособности, в котором реализуется психологическая сущность данного социального феномена. Исследования в области конкурентоспособности личности можно описать по разным основаниям, в частности, с акцентом на устойчивость или динамичность этой личностной характеристики. Подход к описанию устойчивости конкурентоспособности, предполагающий либо наличие, либо отсутствие этого признака, нацелен на описание конкурентоспособности как интегрального качества личности, имеющего относительно стабильный характер системы способностей и качеств личности, внутренняя динамика которой выражается в поддержании существующего уровня конкурентоспособности личности в изменяющихся условиях внешней среды на основе динамики соподчинения внутрисистемных параметров [22].

Рассмотрение конкурентоспособности как *динамичного феномена* допускает возможности и разнообразные направления формирования данного качества, повышения уровня выраженности признака. Подобный угол зрения представлен в исследованиях по описанию и моделированию условий, факторов, стратегий, способствующих тому, что личность становится конкурентоспособной [7].

Неоднозначность описания конкурентоспособности личности проявляется в рассмотрении этого феномена, с одной стороны, как проявляющегося в разных аспектах жизнедеятельности личности, а, с другой стороны, связанного только с профессиональной сферой. Например, конкурентоспособность личности определяется как «комплекс индивидуально-психологических свойств личности, дающих ей возможность саморазвиваться в изменяющихся и нестандартных условиях жизнедеятельности, находить оптимальные, гуманистические способы достиже-

ния поставленной цели и быть востребованной и успешной как личностно, так и профессионально» [21, с. 3]

Другое описание конкурентоспособности личности раскрывает ее следующим образом: «Развитие конкурентоспособной личности – это развитие рефлексивной личности, способной организовывать свою деятельность и поведение в динамических ситуациях, обладающей новым стилем мышления, нетрадиционными подходами к решению проблем, адекватным реагированием в нестандартных ситуациях» [11, с. 115].

Выделение профессиональной среды как сферы проявления конкурентоспособности личности достаточно полно проработано в рамках акмеологии. Акмеология есть «достижение вершин собственного самосовершенствования наиболее оптимальным путем, который позволяет выйти на более высокий уровень профессионализма и развивать собственный творческий потенциал, используя данное стремление на основе самообразования, самоорганизации и самоопределения» [9, с. 104]. В частности, показано, что успешность профессиональной подготовки будущих специалистов-психологов с целью обеспечения их высокой квалификации и конкурентоспособности должна быть основана на акмеологическом подходе, стратегии самоорганизации в вопросах профессионального и личностного роста будущего специалиста, системе представления профессиональных и учебных достижений студентов [23].

Как полагают некоторые авторы, конкурентоспособность есть качественное эффективное выполнение профессиональной деятельности в условиях противоборства с конкурентами и преодолении трудностей в процессе ее осуществления [14]. В данной системе координат конкурентоспособность обусловлена личностным потенциалом субъекта профессиональной деятельности, представленным в высоком уровне интеллектуальных, лидерских, волевых, организаторских, коммуникативных способностях и направленностью на их дальнейшее развитие.

Исследователи подчеркивают, что конкурентоспособность есть интегральное качество личности, включающее в себя систему способностей и личностных свойств. Но содержательная наполненность набора необходимых и достаточных характеристик, списки черт достаточно разнообразны. Например, выявлено сочетание таких общих психологических свойств личности, обладающей высокой степенью конкурентоспособности, как сангвинический тип темперамента, настойчивость, лидерские качества, профессиональная компетентность и творческая инициатива, гибкость в принятии решений и уверенность в их правильности, целеустремленность и активность в деятельности, готовность к оправданному риску, независимость мнения и действий, умение общаться и быть авторитетом для окружающих ее людей [16].

Для максимального расширения собственных возможностей с целью реализации себя личностно, профессионально, социально, нравственно предлагается работать с такими элементами конкурентоспособности, как профессиональная направленность личности, компетентность, гибкость, целеполагание, самосознание личности как представителя определенной профессиональной общности [10]. Представлена модель конкурентоспособности, состоящая из десяти важнейших качеств личности, к которым отнесены четкость целей и ценностных ориентаций, трудолюбие, творческое отношений к делу, способность к риску, независимость, способность быть лидером, стремление к непрерывному саморазвитию, стрессоустойчивость, стремление к непрерывному профессиональному росту, к конечному качеству продукта труда [1]. В перечень личностных свойств и характеристик конкурентоспособности включаются качество работы и надежность (тщательность и точность вы-

полнения работы, ответственность), глубина профессиональных знаний, этапов выполнения работы, инициатива, творчество, заинтересованность, стремление к успеху, высокая работоспособность, выдержка, целеустремленность [19].

Многообразие предложенных индивидуально-личностных параметров свидетельствует об отсутствии единого подхода к анализу феномена конкурентоспособности личности.

Одним из критериев рассмотрения понятия конкурентоспособности личности выступает угол зрения отдельных психологических дисциплин, связанный с предметом анализа. Можно говорить о выделении общепсихологического, психолого-педагогического и социального-психологического срезов описания конкурентоспособности личности.

В рамках *общепсихологического подхода* конкурентоспособность личности связывают с параметром самоактуализации как процесса актуализации личностью собственного конкурентного потенциала, собственных возможностей, проявляющегося в стремлении к наиболее полной реализации человеком способностей и возможностей, заложенных в виде потенциала в структуре личности, в стремлении перевести этот потенциал в актуальное состояние осуществляемой деятельности для достижения личностно значимого результата [12]. Также к ключевым индивидуально-психологическим характеристикам проявления конкурентоспособности относят интернальность, характеризующую ориентацию личности на принятие ответственности за события, происходящие в жизни, на себя, исходя из своего поведения, характера, способностей [17].

Психолого-педагогический подход к описанию конкурентоспособности личности связан с изучением условий, стратегий, приемов, способов развития конкурентоспособности у формирующейся личности в процессе обучения в школе или вузе. Акцент переносится на описание педагогических факторов, особенностей организации образовательного пространства, составление психологических программ сопровождения обучающегося с целью выработки у них соответствующих компетенций, который могли бы обеспечить выпускнику высокий профессиональный статус, возможность занять более высокую позицию на карьерной лестнице, предполагающие профессиональную самореализацию на основе соответствия полученных за время обучения знаний, умений и навыков специалиста требованиям рынка труда, профессионального сообщества [3, 5, 8].

Таким образом, конкурентный характер межличностных и межгрупповых отношений в социальной среде становится непременным условием функционирования современного общества, что определяет рассмотрение конкурентоспособности не столько как достижения высокого качества результатов деятельности, сколько способность личности выстоять и победить в конкурентной борьбе [18]. Межличностное взаимодействие как условие проявления конкурентоспособности личности в социальном контексте с необходимостью предполагает выделение *социально-психологического подхода* к пониманию феномена конкурентоспособности личности. Некоторые исследователи связывают конкурентоспособность с понятием жизненной успешности в разных сферах деятельности и делают акцент на внутреннем настрое, направленности личности на достижение успеха [4].

Существует подход к конкурентоспособности как готовности к конкурентной деятельности, в частности, в условиях предпринимательства [15]. Понятие готовности к деятельности достаточно хорошо изучено. Выделяют инструментальную (знания, умения, навыки) и психологическую (мотивация достижения, уверенность в своих силах, настрой на успех) виды готовности [6]. В социальной пси-

хологии понятие готовности связано с понятием социальной установки или аттитюда, мотивированной предрасположенности личности действовать определенным образом, сформированное на основе прошлого опыта.

Структура социальной установки определяется наличием когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов. Близость понятий конкурентоспособности личности и аттитюда прослеживается в выделении структурных компонентов конкурентоспособности воспитанника учреждения дополнительного образования детей, а именно: когнитивный компонент (включает знания воспитанника, владение понятиями, терминами, методами конкретной образовательной области, рефлексия овладения воспитанником содержательной и процессуальной сторонами познания); мотивационно-ценностный компонент (отражает ценностные ориентации воспитанника, стремление к нравственному самосовершенствованию, позитивную установку на различные виды социально значимой активности, потребности самоактуализации, самоутверждения, самовыражения, саморазвития); операциональный компонент (составляет умения и навыки познавательного, коммуникативного, регулятивного характера, определяющие успешность конкурентоспособного поведения); эмоционально-волевой компонент (включает ответственность, самостоятельность, инициативность, уверенность в себе, сопереживание, самоконтроль) [20].

Выделяют самосознание личности как базового условия развития ее конкурентоспособности, а в качестве одного из ее структурных компонентов предложены интеллектуальная, эмоциональная и поведенческая гибкость [13]. При этом эмоциональная гибкость отражает оптимальное сочетание эмоциональной экспрессивности и эмоциональной устойчивости. Интеллектуальная гибкость указывает на целесообразное варьирование способов деятельности. Поведенческая гибкость определяет способность отказываться от несоответствующих ситуации способов деятельности и разрабатывать оригинальные способы, приводящие к разрешению проблемных ситуаций.

Мы полагаем возможным говорить о том, что конкурентоспособность личности есть социальная установка, связанная с готовностью личности вступать в конкурентные отношения в различных социальных сферах с целью достижения благоприятного результата. При этом сфера рассмотрения конкурентоспособности личности сужена до ее проявления в профессиональной среде. В соответствии с общей теорией установки при рассмотрении конкурентоспособности личности как социальной установки мы полагаем возможным говорить о проявлении готовности осуществлять определенные действия или систему действий под воздействием мотивации достижения в профессиональной ситуации (рисунок 1).

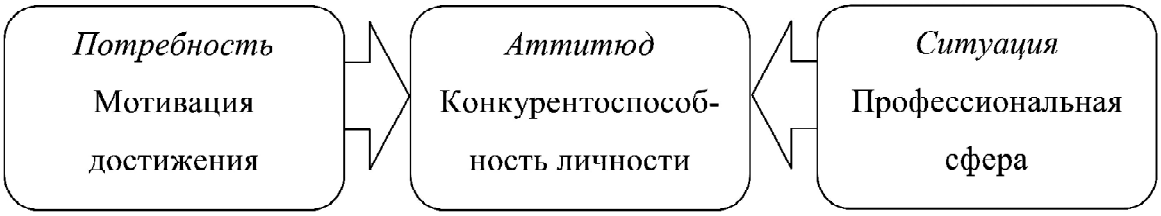


Рис. 1. Структура конкурентоспособности личности как социальной установки

Факторы, влияющие на своеобразие конкурентоспособности личности как социальной установки, определяются уровнями социального контекста, на которых проявляется характеристика. Можно выделить три уровня:

1) микроуровень, связанный с индивидуально-психологическими характеристиками личности;

2) мезоуровень, включающий в себя социально-психологические признаки, определяемые включенностью личности в социальную группу;

3) макроуровень, уровень общества, отражающий усвоение личностью экономических характеристик.

Содержательная наполненность разных уровней отражается следующим образом:

– уровень личности – мотивация достижения, профессиональные компетенции – знания, умения, навыки, определяющие качество подготовки специалиста в вузе;

– уровень группы – требования к должности, стиль управления профессиональной группой;

– уровень общества – государственная политика в области занятости, престиж профессии (ее привлекательность, востребованность).

Традиционно социальная установка включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческие компоненты. Подобные структурные элементы отражают своеобразие конкурентоспособности личности.

Таким образом, модель психологического конструкта «конкурентоспособность личности» как социальной установки отражена в таблице 1.

Таблица 1

Модель конкурентоспособности личности как социальной установки

Компоненты / Уровни	Когнитивный	Эмоционально-оценочный	Поведенческий
Микроуровень	Знание своих способностей, их соответствие профессиональным запросам, желание развиваться, учиться	Оценка себя как будущего профессионала	Навыки самообучения, самоорганизации, открытость новому, целеполагание, креативность
Мезоуровень	Представление о будущих местах работы, требования к должности	Оценка возможных мест работы	Приемы установления и поддержания профессиональных и межличностных отношений
Макроуровень	Рефлексия экономической востребованности, понимание требований к специалисту	Оценка престижности профессии, экономических факторов рынка труда	Умения строить карьеру исходя из государственной политики в сфере труда и занятости

Важным аспектом анализа конкурентоспособности личности как аттитюда, нацеленного на достижение профессиональной успешности, заключается в выделении возможных направлений формирования и развития конкурентоспособности в условиях овладения субъектом будущей профессией в рамках обучения в вузе. Влияние на социальную установку возможно через изменение каждого из

трех ее компонентов: когнитивный, аффективный и поведенческий.

Представляется, что особенности образовательного пространства подготовки студента к работе в конкурентной среде могут быть исследованы на основе описания и оценки программ вузовских дисциплин с точки зрения формируемых профессиональных компетенций. Если студент овладел основными профессиональными компетенциями, то значит он обладает соответствующими способностями к профессии. Поэтому важно анализировать соответствие заявленных в образовательных программах вуза компетенций признакам модели конкурентоспособности личности.

Признаки востребованности рынком труда, престижности будущей профессии в целом и высшего учебного заведения, в частности, накладывают отпечаток на их привлекательность в процессе профессионального выбора будущего студента, опосредуя готовность овладевать определенной профессией в конкретном вузе на основе реализуемости запроса на необходимость формирования конкурентоспособности личности, способной к эффективной самореализации в конкурентной профессиональной среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андреев В. И. Конкурентология: учебный курс для творческого развития конкурентоспособности. – Казань, 2006,

2. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Наука, 1994.

3. Бегидова С. Н., Хазова С. А., Мозгат В. Г. Развитие конкурентоспособности личности учащихся как целевой ориентир системы общего образования. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология. – 2012. – № 3.

4. Биркенбиль В. Ф. Как добиться успеха в жизни. – М.: СП Интерэхксперт, 1992.

5. Дарманская И. В. Формирование конкурентоспособности учащихся профессионального училища средствами дополнительного образования: Дис. ... канд. пед. наук. – Вологда, 2003.

6. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях (психолого-акмеологические основы). – М.: Изд-во РАГС, 2003.

7. Жданко Т. А., Чупрова О. Ф. Образовательно-профессиональное пространство вуза как педагогическое условие формирования конкурентоспособности личности студента. – Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2012.

8. Ильковская И.М. Формирование конкурентоспособности выпускника современной школы: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Саратов, 2003.

9. Лаптев Л. Г., Михайлов Г. С. О месте и миссии социальной акмеологии, как инновационной отрасли психологической теории и практики // Человеческий капитал. – 2014. –№ 7.

10. Личность и профессия: психологическая поддержка и сопровождение. Учебное пособие / под ред. Л.М. Митиной. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.

11. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. – М.; Воронеж, 2002.

12. Перлз Ф., Гудмен Ф., Хефферлин Р. Практикум по гештальттерапии. – СПб., 1995.

13. Подосинников С. А. Психологический анализ основных принципов исследования конкурентоспособности личности // Российский научный журнал. – 2011. – № 1(20). – С. 152-156.

14. Посохова А. В. Конкурентоспособность предпринимателей: психолого-акмеологический взгляд на проблему // Человеческий капитал. – 2014. – № 7. – С. 84-85.

15. Посохова А. В. Психологическая готовность к предпринимательской деятельности как условие конкурентоспособности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2015. – № 1(5).

16. Посохова А. В. Психолого-акмеологические основания проблемы полипрофессионализма // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2014. – № 2(2). – С. 84-88.

17. Салливан Г., Роттер Дж., Мишел У. Теории межличностных отношений и когнитивные теории личности. – М.: Прайм-Еврознак, 2007.

18. Смотрова Д. В. К вопросу об определении понятия конкурентоспособности личности // Magister Dixit. – 2012. – No 2 (16).

19. Сочилова А. А., Резник С. Д. Основы личной конкурентоспособности. – М.: ИНФРА-М, 2010.

20. Строилова А. С. Формирование конкурентоспособности воспитанника в учреждении дополнительного воспитания детей: Дис. канд. ... пед. наук. – Оренбург, 2006.

21. Токарева Е. В. Индивидуально-психологические особенности развития конкурентоспособности личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2007.

22. Шаповалов В. И. Формирование конкурентоспособности личности в условиях школьного дополнительного образования. – Сочи: Сочинский государственный университет туризма и курортного дела, 2008.

23. Шехтер М. М. Акмеологический подход к формированию конкурентоспособности будущего специалиста-психолога в условиях вуза: Дис. канд. ... психол. наук. – М., 2004.

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ СВЯЗИ ИМЕНИ С. М. БУДЁННОГО[1]
КИРОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ[2]
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ МЧС РОССИИ[3]

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ

Доктор педагогических наук О. Ю. Ефремов[1]
Кандидат сельскохозяйственных наук Л. А. Копысова[2]
Кандидат юридических наук Л. С. Муталиева[3]
Л. В. Тарасова[2]

В статье с педагогических позиций рассмотрены возможностисоциального проектированиядля развития мотивации к профессиональной деятельности.

Ключевые слова
Социальное проектирование, мотивация к профессиональной деятельности, обучающиеся в вузах

В современном мире возрастает ценность и значимость высшего образования, компетентности личности. Особое значение это имеет для специалистов, чья деятельность связана с обеспечением безопасности и благополучия российских граждан [1]. Именно поэтому на передний план в настоящее время в вузовской подготовке таких специалистов выходит формирование и развитие не только собственно профессиональных, но и личностных качеств – гуманности, духовности, нравственной и социальной зрелости, гражданственности и патриотизма, высокого профессионализма, чувства долга, готовности к служению людям, профессии, российскому обществу и государству [2].

В связи с этим возрастает значимость реализации мотивационной составляющей в обучении, воспитании, личностном развитии обучающихся в вузах, обеспечивающих рациональный состав, высокий профессиональный уровень и качество подготовки кадров в области обеспечения национальной безопасности. Следует заметить, что к таким вузам следует отнести как собственно вузы силовых ведомств, так и другие вузы, готовящие специалистов, оказывающих посредством своей профессиональной деятельности влияние на обеспечение национальной безопасности [3].

В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) практически по всем специальностям чётко обозначены современные требования к высшим учебным заведениям по формированию социокультурной среды и созданию условий для всестороннего развития личности обучающихся: «Вуз обязан

способствовать развитию социально-воспитательного компонента учебного процесса, включая развитие студенческого самоуправления, участие обучающихся в работе общественных организаций, спортивных и творческих клубов, научных студенческих обществ». Кроме того, в ФГОС ВПО отмечено, что реализация компетентностного подхода в вузах должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся.

При этом в документах, регламентирующих реализацию основных направлений молодежной политики, определены следующие приоритеты: духовно-нравственное развитие и гражданско-патриотическое воспитание, вовлечение молодых людей в социальную практику, развитие созидательной активности, поддержка талантливой и инициативной молодежи, формирование ценностей здорового образа жизни, поддержка молодых семей.

По результатам наших исследований, основными факторами, влияющими на мотивацию обучения в вузе и получения профессии являются:

– организация обучения в вузе, воспитательная работа – 35 %

– преподаватели – 29 %

– учебно-материальная база вуза – 25 %

– положение выпускника вуз в обществе – 25 %

– технологии обучения в вузе – 17,5 %

– материальные факторы – 11,5 %

– взаимодействие, отношения преподавателей и студентов – 8 %

Соответственно, развитие мотивации к профессиональной деятельности у обучающихся в вузе призвано обеспечить их компетентное вхождение в профессию с прочно сформированными потребностями в профессиональном развитии, самообразовании и выполнении своего профессионального и гражданского долга [2]. Для этого необходимо использовать возможности социального проектирования, особенно, с учетом происходящих в настоящее время интенсификации социальных процессов, повышения динамизма общественного развития, возрастанием значения общекультурных компетенций в подготовке современных специалистов.

В свою очередь, современный подход к высшему образованию позволяет определить одной из его целей не только профессионально-личностное развитие и саморазвитие, но и формирование способности личности к социальному взаимодействию, развитию проектного потенциала выпускника образовательной организации [4].

Освоение обучающимися в вузе социальных ролей, их вовлечение в деятельность различных социальных институтов обусловливает необходимостьформирование и развитие у них способности и готовности к осуществлению социального проектирования, деятельного участия в нем и посредство этого продуктивного включения и взаимодействия с социальной средой.

Отмеченные обстоятельства подчеркивают актуальность поиска и реализации современных подходов и инструментов в подготовке специалистов, обладающих не только профессиональными, но и общекультурными компетенциями к каковым, безусловно, необходимо отнести социальное проектирование.

Научные исследования проблемы социального проектирования отражены в работах И. В. Бестужева-Лады, О. И. Генисаретского, Т. М. Дридзе, В. И. Курбатова, Л. Н. Когана, В. А. Лукова, Э. А. Орловой, С. Г. Пановой и др. Проблеме социального проектирования посвящены работы, исследующие социальное прогнозирование, конструирование будущего, моделирование социальных процессов, социальное управление.

В целом, социальное проектирование рассматривается как деятельность, включающая в себя процедуры исследования, конструирования, и, собственно, проектирования.

Современное понимание социального проектирования отражает его технологичность и социальную направленность. В педагогическом плане социальное проектирование может выполнять следующие функции: обучающую, воспитательную, развивающую, диагностическую [4].

При этом следует отметить, что социальное проектирование непосредственно связано (и взаимосвязано) с организацией и реализацией проектной деятельности, оно активизирует творческое мышление, помогает сформировать умение решать проблемы (в том числе социально значимые) и способствует более продуктивному формированию общекультурных и профессиональных компетенций.

Педагогический анализ современного состояния процесса социального проектирования (анализ результатов конкурсов социальных проектов, участия молодежи в их разработке и реализации, поддержки инициатив студентов со стороны администрации вузов и органов по делам молодежи) позволяет рассматривать участие студентов в социальном проектировании как условие развития мотивации к профессиональной деятельности у обучающихся в вузах.

Развитие мотивации обучающихся к профессиональной деятельности в огромной степени зависит от организации воспитательной работы в вузе. В основе организации воспитательной деятельности в вузедолжны лежать направления, определенные на федеральном уровне в концепциях и программах воспитания, в Стратегии и Основах государственной молодежной политики в Российской Федерации. При этом особо необходимо выделить: вовлечение молодых людей в социальную практику, развитие созидательной активности, формирование ценностей служения Родине и здорового образа жизни. Важную роль при этом может и должно сыграть применение в вузе педагогической технологии социального проектирования.

Для развития мотивации к профессиональной деятельности у обучающихся в вузе с применением технологий социального проектирования, в процессе исследования, проведенного авторами, была разработана педагогическая программа. Данная программа включает разделы:

1) мероприятия по развитию мотивации к профессиональной деятельности у студентов;

2) повышение психолого-педагогической компетенции и воспитательной активности управленческого и преподавательского состава вуза;

3) совершенствование учебно-материальной базы образовательного процесса, организация педагогической среды, жизни и деятельности в академии.

В разработанной программе развития мотивации к профессиональной деятельности у студентов, наряду с социальным проектированием, были выделены следующие пути развития мотивации:

– психолого-педагогические воздействия и взаимодействия по развитию мотивации к профессиональной деятельности;

– стимулирование в целом образовательной и непосредственно профессиональной деятельности у студентов вузов;

– формирование положительного социально-психологического климата в коллективе;

– тренинговые технологии развития мотивации;

– совершенствование материально-технической базы.

В процессе исследования был проведен анализ экспериментальной реализации разработанной программы развития мотивации к профессиональной деятельности у студентов вузов на примере Кировской государственной медицинской

академии.

Для реализации технологии социального проектирования в Кировской государственной медицинской академии активно поддержали инициативу обучающихся по созданию органов студенческого самоуправления, организовали серию выездных семинаров для лидеров студенческой среды, совместно с педагогами и студентами создали «Школу социального проектирования», которая работает круглый год.

В рамках обучающих семинаров студентов научили грамотно оформлять проектные заявки, формулировать цели, задачи, четко планировать реализацию и смету расходов проектов и, что немаловажно, находить средства на воплощение задуманной идеи в жизнь, т. е. основам фандрайзинга.

Итогом двухгодичной работы «Школы социального проектирования» стали более 30 социальных проектов, ряд из которых поддержаны на федеральном, региональном и местном уровнях. Один из первых проектов, разработанный студентами – проект «Ключик к сердцу». В рамках проекта студенты посещают маленьких пациентов Кировской областной детской клинической больницы и НИИ гематологии и переливания крови. В свободное от лечебных процедур и медицинских манипуляций время пациенты под руководством волонтеров Кировской ГМА оформляют открытки, рисуют цветным песком, лепят из пластилина и теста, вырезают, раскрашивают и многое другое. Кроме того, для ребят постарше волонтеры проводят семинары в игровой форме, на которых рассказывают о правилах и необходимости личной гигиены, об уходе за зубами, отдыхе для глаз, зарядке и т. д. Еще один студенческий проект – «Как устроен человек» – также направлен на информирование и обучение правилам личной гигиены воспитанников детских садов г. Кирова. Волонтеры рассказывают детям о вреде и пользе микробов, демонстрируют наглядные материалы кафедры микробиологии и вирусологии академии, рассказывают о видах и воздействии на организм со стороны микроорганизмов, организуют конкурс рисунков.

Примером социальных проектов, погружающих студентов в будущую профессию, являются проекты студентов стоматологического факультета «Здоровая улыбка» и «Стоматологи – детям», в рамках которых волонтеры рассказываютдетям и их родителям правила чистки зубов, ухода за полостью рта, выбора зубной щетки, а также знакомят с основами профилактики кариеса и болезней десен. Важно, что рассказ сопровождается практическим закреплением умения чистить зубы и ухаживать за полостью рта. С этими проектами студенты выезжают в санатории, детские дома и интернаты, а также торговые центры и городские площади.

На занятиях «Школы социального проектирования» особое внимание уделяется грамотному оформлению проектной заявки на конкурсы различных уровней. Так, в 2014 году студенческий проект «Территория здоровья» стал победителем городского конкурса социальных проектов в сфере территориального общественного самоуправления и получил поддержку со стороны муниципалитета и депутата городской Думы в размере 150 тыс. рублей на реализацию. Благодаря привлеченным средствам студентам удалось создать в студенческом городке спортивную площадку с уличными тренажерами и спортивным комплексом.

На федеральном уровне поддержку получил проект «Студенческий спортивный клуб», который стал победителем конкурса молодежных проектов Федерального агентства по делам молодежи и получил финансирование в размере 100 тыс. рублей. В рамках данного проекта студентами были организована серия спортивных встреч любительских сборных команд академии по футболу и во-

лейболу со сборными командами организаций здравоохранения. Это позволило студентам встретиться с практикующими врачами в неформальной обстановке и ещё раз убедиться в правильности поговорки «В здоровом теле – здоровый дух!». В целом, в 2014-2015 учебном году 5 студенческих волонтерских проектов получили финансовую поддержку различного уровня: от муниципального до федерального.

Среди студенческих проектов особую роль в развитии мотивации к будущей профессиональной деятельности играет созданный в академии добровольческий центр «Благодарю». Центр занимается серьезной профилактической, антинаркотической и волонтерской работой, сотрудничая с Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков Кировской области, Управлением по делам молодежи, физической культуре и спорту г. Кирова, детскими домами и санаториями. Одним из реализуемых ими проектов является социальный проект «Двуликая энергия», в рамках которого волонтеры рассказывают обучающимся средних, средних профессиональных и высших учебных заведений о вреде энергетических напитков, о воздействии каждого их компонента на организм. Данный проект поддержан городской администрацией и пользуется большой популярностью в школах г. Кирова.

Большое количество социальных инициатив со стороны студентов побудило нас рассмотреть возможность организации собственного «грантового» конкурса. Ректором академии данная инициатива была поддержана, и в 2014 году состоялся первый конкурс социальных проектов Кировской ГМА, главным призом которого стало реальное финансирование студенческих проектов. По итогам конкурса 7 молодежных проектов были поддержаны на сумму более 350 тысяч рублей.

Проведенный теоретический анализ и накопленный практический опыт позволяет сделать вывод, что социальное проектирование является эффективным механизмом формирования и развития у обучающихся в вузах мотивации к дальнейшей профессиональной деятельности.

Социальное проектирование позволяет включать обучающихся в вузе в созидательную, социально-ориентированную работу, развивать личностные качества, необходимые современномуспециалисту: гуманизм, инициативность и самостоятельность, содействует их социальной активности, мотивации к будущей профессиональной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баскин Ю. Г., Ефремов О. Ю., Осипов Д. Л. Инновационное образование в вузах силовых ведомств: тенденции становления и развития // Проблемы управления рисками в техносфере. – 2012. – № 4(24). – С. 97-104.

2. Ефремов О. Ю., Копысова Л. А. Система управления качеством образования в современном вузе // Российский научный журнал. – 2014. – № 4(42). – С. 83-89.

3. Ефремов О. Ю., Сулейманов А. М. Педагогические сущность и условия применения опыта боевых действий и ликвидации чрезвычайных ситуаций в подготовке офицерских кадров и сотрудников силовых ведомств // Российский научный журнал. – 2014. – № 4(42). – С. 90-95.

4. Бахмутский А. Е., Писарева С. А. Проектирование системы оценки достижений образовательных результатов школьников: Учебно-методическоепособие. – СПб., 2014. – 85 с.

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ СВЯЗИ ИМЕНИ С. М. БУДЁННОГО[1]
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА[2]

УДК 378
ББК 74.480.281.21
Педагогика

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕСТИРОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПРАКТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Доктор педагогических наук О. Ю. Ефремов[1]
Доктор психологических наук А. И. Худяков[2]
Ж. Е. Гаррас[2]

В статье с позиции педагогической диагностики рассмотрены основные теоретические положения и эмпирические основания применения тестирования в педагогических исследованиях и образовательной практике.

Ключевые слова
Педагогическая диагностика, педагогическое тестирование, педагогические исследования, практика образования

Эмпирические методы исследования – приемы, процедуры и операции практического познания и изучения явлений действительности, способы решения научно-исследовательских задач, обеспечивают непосредственное восприятие (сбор) информации, накопление, классификацию и обобщение исходного материала по исследуемой проблеме. Эти методы всё активнее применяются в образовании, они используются на всех этапах педагогической деятельности, они применяются как в концептуальных исследованиях, так и для решения частных педагогических задач. Эмпирические методы играют особо важную роль как в педагогических исследованиях, так и в практике образования, позволяя обеспечить непосредственно познание участников педагогического процесса, распознавание, анализ иучет педагогических фактов и явлений для последующего теоретического анализа и применения в педагогическом процессе. Основными эмпирическими методами, применяемыми в педагогике и образовании являются: педагогическое наблюдение, опрос (разновидности опроса: беседа, анкетирование, тестирование, интервью), педагогический эксперимент, анализ документов [2].

В настоящее время проблематика теоретического анализа и практического применения эмпирических методов в педагогических исследованиях и образовательной деятельности приобретает особую актуальность в контексте современных тенденций развития образования, педагогической науки, образовательных технологий [3, 5]. Одним из важнейших аспектов рассмотрения указанной проблематики является обращение к анализу теоретических и эмпирических оснований применения тестирования (тестологии) в педагогических исследованиях и практике образования. В процессе своего развития каждая область научного знания проходит три

стадии: несистематического накопления эмпирических данных; поиска простых эмпирических закономерностей в данных; формулировки выраженных языком математики гипотез о природе исследуемой реальности. Формулы для предсказания эмпирических данных, выводимые из такого рода гипотез обычно сложнее a posteriori сформулированных закономерностей на второй стадии, но они сводят исследуемый предмет к взаимодействию его более простых компонент, описываемому фундаментальными законами и в этом смысле объясняют реальность [7].

Предметом педагогического тестирования является взаимодействие педагога (преподавателя, учителя, исследователя, воспитателя) с человеком (обучающимся, учащимся, воспитанником, экзаменуемым) посредством теста (набором вопросов, заданий, задач). Типичный тест для проверки знаний состоит из вопросов, к каждому вопросу прилагаются варианты ответа, один из которых правильный, а остальные отвлекающие – так называемые дистракторы. Тест предъявляется выборке экзаменуемых, а результат тестирования выборки представлен таблицей, где строкам соответствуют испытуемые, а столбцам – экзаменационные задания. Если i-й испытуемый ответил правильно на j-й вопрос, клетка – пересечение i-той строки и j-того столбца заполняется единицей; если ответ был неправильный, клетка заполняется нулем.

По такой таблице (матрице ответов) для каждого испытуемого можно подсчитать первичный балл испытуемого – число правильных ответов. Представляется необходимым, чтобы испытуемый с большим уровнем знаний имел больший первичный балл. Также можно подсчитать первичный балл задания – число испытуемых в выборке, верно ответивших на данное задание. Задание с меньшим первичным баллом является более трудным (т. к. на него смогли правильно ответить меньше испытуемых). Таким образом, может быть введена характеристика испытуемого – уровень знаний и характеристика задания – трудность. Однако первичные баллы как средство измерения указанных характеристик имеют несколько недостатков: 1) Рассмотрим две гипотетические выборки студентов: 20 человек, обучающихся на «отлично», и 20 человек, обучающихся на «удовлетворительно». Очевидно, что на один и тот же вопрос в первой выборке правильные ответы будут даваться чаще, чем во второй, то есть задание для первой выборки будет иметь меньшую трудность, чем для второй; 2) Аналогичная ситуация с оценкой уровня знаний первичными баллами. Пусть есть 20 трудных (по оценке преподавателя) вопросов и 20 легких. Очевидно один и тот же студент в первом тесте наберет меньше первичных баллов, чем во втором. То есть по результатам первого теста студент будет расценен как обладающий более высоким уровнем знаний, чем по результатам второго тестирования.

Кроме балла трудности задание можно более полно описать с помощью так называемой характеристической «кривой задания». Исторически, такие кривые были впервые построены эмпирически, в конце 40-х – начале 50-х годов XX века [1]. Для этого опросу по тесту подвергалась большая группа людей (более 1000 человек). Далее для каждого испытуемого вычислялось число правильных ответов (первичный балл), а исходная большая выборка разбивалась на подвыборки. Каждую подвыборку составляли люди, получившие один и тот же первичный балл. Таким образом, имелись подвыборки лиц, ответивших только на один вопрос, только на два вопроса, только на три вопроса и т. д. Для каждой подвыборки вычислялся процент лиц, получивших данный первичный балл и правильно ответивших на определенный вопрос, Далее для каждого вопроса строилась характеристическая кривая, абсцисса которой – первичный балл испытуемых данной

подвыборки, а ордината – процент испытуемых данной подвыборки, правильно ответивших на данный вопрос. Этот процент рассматривается как оценка вероятности того, что ответивший на два (три, четыре и т. д.) вопроса ответит на данный вопрос. Американский институт тестирования коллекционирует такие кривые уже более 50 лет. Хотя в некоторых случаях встречаются «нетипичные» кривые (например, U-образные, такие что на вопрос способны ответить только те, кто дает мало правильных ответов и те, кто дает правильные ответы на большинство вопросов), большинство вопросов характеризуется тем, что вероятность правильного ответа монотонно возрастает по мере того как мы рассматриваем все более способных испытуемых (с большими первичными баллами). Отсюда утверждение: характеристические кривые заданий – монотонно возрастающие. Формулировка этого утверждения была сделана уже на следующей стадии в развитии педагогического тестирования – стадии поиска регулярности в данных. Уже Ф. Гальтон заметил, что если измерить у выборки людей определенную характеристику (например, массу), гистограмма частоты встречаемости того или иного значения данной характеристики колоколообразна и описывается формулой нормального распределения. Распределение первичных баллов испытуемых в выборке тоже часто колоколообразно и описывается нормальным законом [6]. Очевидно, что варианты колоколообразных кривых многообразны, а их форма (в случае оценки уровня знаний) определяется двумя основными параметрами: средним значением уровня знаний в выборке (локализация центра «колокола» по оси абсцисс) и дисперсией уровня знаний. Дисперсия характеризует разброс уровня знаний от человека к человеку, степень «растянутости» колокола.

Оценки дисперсии и среднего значения могут быть получены из выборочных данных. При этом вместо дисперсии обычно приводят квадратный корень из дисперсии, т. к. дисперсия измеряется в квадратах баллов, а стандартное отклонение в баллах, то есть в тех же единицах, что и исходные измерения. Показатели дисперсии и среднего значения первичных баллов испытуемых позволяют вычислить уровень знаний испытуемого. Для этого необходимо вычесть из первичного балла данного испытуемого средний первичный балл, полученный по группе испытуемых, и разделить полученную разность на стандартное отклонение первичного балла в группе (изменчивость числа первичных баллов от человека к человеку). Полученная величина отражает степень отклонения данного испытуемого от «среднего» уровня знаний. Деление отклонения от среднего на меру изменчивости обосновывается тем, что такая операция позволяет выразить результаты двух разных тестов в одинаковых единицах – единицах стандартного отклонения и так сделать результаты сравнимыми. Подобное преобразование используется в том случае, если отсутствуют другие возможности привести данные к единой шкале [4]. Результат любого теста, выраженный в единицах стандартного отклонения, можно преобразовать в процент испытуемых исходной выборки, имеющих еще лучший результат, чем данный испытуемый. Это удобно для целей отбора в образовании и в трудовой деятельности.

Возвращаясь к примеру со студентом, «уровень знания» которого зависит от того, дали ему трудные или легкие вопросы, следует отметить, что выражение уровня знаний как отклонения от среднего решает эту проблему. При тестировании одной и той же выборки и легким и трудным наборами вопросов первичный балл каждого испытуемого, набранный в тесте с трудными вопросами, будет скорее меньше его же первичного балла, набранного в легком тесте. Соответственно, средний балл выборки испытуемых, вычисленный по результатам трудного тес-

та, будет меньше среднего балла, вычисленного по результатам легкого теста. В том случае, если обучающийся в трудном тесте наберет меньше баллов, чем в легком, отклонение от среднего для обоих тестов может быть примерно одинаковым из-за разницы в средних значениях. Соответственно, если стандартные отклонения баллов в трудном и легком тестах одинаковы, то по двум тестам у данного студента будет определен одинаковый уровень знаний.

В действительности, такие идеальные результаты получаются достаточно редко. Кроме того, оценка уровня знаний в этом случае определяется характеристикой выборки испытуемых (какова та выборка, по которой оцениваются среднее и дисперсия). Один и тот же студент получит разные оценки уровня знаний, если сравнивать его с разными выборками. Объем выборки, по которой оценивается среднее и стандартное отклонение первичных баллов испытуемых по данному тесту, всегда конечен. Возможности формирования идеально репрезентативной выборки ограничены, например, в нее могут не попасть люди определенного социального статуса. Кроме того, через несколько (десятков) лет оценки среднего и стандартного отклонения, полученные по такой выборке, могут уже не соответствовать результатам, полученным на новом поколении людей. Наконец, остается сформулированная ранее проблема относительности оценки трудностей заданий (первичные баллы заданий продолжают зависеть от того, по какой выборке испытуемых они рассчитаны). Эти проблемы попытался решить датский математик Г. Раш, работы которого перевели тестологию на третью – гипотетико-дедуктивно-экспериментальную стадию развития. Фактически переход тестологии на эту стадию развития связан с первыми попытками смоделировать процесс ответа на вопрос. Исторически первой теорией ответов на вопросы можно считать шкалограммный анализ Гуттмана [8]. Гуттман предположил (применительно к ситуации оценки знаний), что каждый человек характеризуется прямо не наблюдаемой (латентной) величиной уровня знаний. Каждому вопросу соответствует определенный порог сложности. Для того чтобы правильно ответить на вопрос, величина уровня знаний испытуемого должна превышать порог сложности данного вопроса. При этом если уровень знаний опрашиваемого выше порога сложности данного вопроса, вероятность того, что данный человек правильно ответит на данный вопрос, принимается равной единице. Если уровень знаний ниже порога сложности вопроса, вероятность того, что данный человек правильно ответит на вопрос, принимается равной нулю. Точка, в которой уровень знаний испытуемого равен порогу вопроса с точки зрения математики представляет собой бесконечно малый интервал. Данный испытуемый со своим уровнем знаний не может попасть в бесконечно малый интервал, а только в интервал конечной длины. Поэтому совпадение уровня знаний испытуемого и порога вопроса математически невозможно. Соответственно и вопрос о том, как испытуемый отвечает, если уровень знаний совпадает с порогом вопроса, оказывается математически некорректным.

Если предъявлять испытуемому вопросы в порядке нарастания трудности, испытуемый в ходе тестирования преодолевает пороги сложности один за другим. Достигнув порога, который не преодолевается с наличествующим уровнем знаний, испытуемый ошибается, а также ошибается при попытках дать ответ на вопросы с еще более высоким уровнем трудности.

Таким образом, строка, описывающая ответы испытуемого, должна иметь вид: 1 1 1 1 1 1 1 1 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0.

В действительности, даже при упорядоченных по сложности вопросах такие

строки встречаются редко. Вместе с тем, даже несмотря на неточность модели Гуттмана, она содержит важные компоненты, такие как сложность задания и способность (уровень знаний) испытуемого. Заметим, что способность человека и сложность задания измеряются на одном латентном континууме (шкале) и значит, выражаются в одних единицах. Еще одна важная идея, введенная Гуттманом, – моделировать основной формулой вероятность, с которой на вопрос ответит один конкретный индивидуум и на этой основе рассчитывать матрицу групповых результатов, считая величины знаний индивидуумов и величины трудностей вопросов неизвестными параметрами, подлежащими оценке по данным.

В рамках модели Раша для конкретного человека существует определенная вероятность ответить на конкретный вопрос. Аналогично подходу Гуттмана вводится две величины: уровень знаний данного испытуемого θ, и трудность данного задания δ. Сложность пункта δ соответствует такому уровню знаний испытуемого, при котором он отвечает на пункт правильно с вероятностью 50 %. Пользуясь моделью Раша, можно по результатам тестирования выборки оценить уровень знаний каждого человека θ и трудность каждого задания δ, причем θ и δ откладываются на единственной латентной шкале.

Классическая модель Раша (как и модель Гуттмана), кроме основной формулы содержит еще несколько допущений: 1) одномерность латентного континуума. Если континуум, на котором откладываются величины уровня знаний и сложности реально существует, то он одномерен. Модель Раша в классической формулировке не охватывает ситуаций, в которых один вопрос апеллирует сразу к двум видам знаний (политематичен), например, к знаниям по физике и по биологии; 2) независимость ответов на вопросы. Вероятность того, что данный человек ответит на данный конкретный вопрос, не зависит от того как он ответил на другие вопросы. Модель Раша успешно описывает ответы на такие вопросы, где правильный ответ успешно находится по ассоциативной связи между вопросом и ответом. Так что, если, например, для правильного ответа на вопрос № 5 необходимо знать правильный ответ на вопрос № 3, модель Раша не сможет описать вероятности ответов, порождаемые таким, состоящим из последовательной активации двух ассоциативных связей, процессом поиска.

Двухпараметрическая модель Бирнбаума позволяет преодолеть некоторые недостатки модели Раша и позволяет строить характеристические кривые для политематичных вопросов. Важная характеристика характеристической кривой вопроса – крутизна или дискриминативность вопроса. Она показывает, насколько быстро изменяется вероятность правильного ответа по мере роста уровня знаний (например, в процессе обучения или когда менее способный испытуемый заменяется более способным). Если крутизна кривой вопроса мала (пологая кривая), вероятности правильного ответа на вопрос у обучающихся с низким и высоким уровнем знаний различаются незначительно. Следовательно, если обучающийся правильно ответил на вопрос, это не позволяет достаточно точно определить, каков уровень его знаний. Наоборот, для вопроса с высокой дискриминативностью вероятности правильного ответа на вопрос у обучающихся с разным уровнем знаний существенно различаются. Значит, если обучающийся правильно ответил на вопрос, можно обоснованно утверждать что он имеет высокий уровень знаний. Если не ответил – высока вероятность, что его уровень знаний низок. Очевидно, что высокая дискриминативность вопроса является желательным качеством. В рамках же модели Раша дискриминативность предполагается одинаковой у всех вопросов.

Основным фактором, снижающим дискриминативность вопросов, является по-

литематичность вопросов. Это обстоятельство в частности иллюстрируют в своем примере М. Фером и В. Бакарак [8]. Допустим, есть два вопроса на знание математики: Сколько аршинов в 3 саженях? Каков квадратный корень из 10 000? Для ответа на второй вопрос необходимы познания в математике. Для ответа на первый вопрос необходимо некоторое знание математики и знание того, сколько аршин содержится в одной сажени. Иван может не знать, как умножать на три (низкий уровень знаний) и не знать, сколько аршин в одной сажени. Он, скорее всего не ответит на вопрос правильно. Мария может знать, как умножать на три (высокий уровень математических знаний), но не знать, сколько аршин в сажени. Мария тоже, скорее всего не ответит на вопрос. Итак, величины уровня математических знаний сильно различаются, а вероятности правильного ответа на вопрос почти не отличаются. То есть ответ на политематичный вопрос не позволяет сделать вывод о том, что уровень знаний по какой-то из входящих в вопрос тем высок или низок. Характеристическая кривая такого вопроса, построенная по выборке, состоящей из «иванов» и «марий», будет обладать малой дискриминативностью (малой крутизной).

Модели Гуттмана, Раша и Бирнбаума представляют собой разные реализации подхода, называемого Теорией ответов на пункты (Item Responce theory или IRT) [1]. Одно из основных предназначений науки – предсказание. Применительно к моделям педагогического тестирования это означает, что математическая модель должна позволять по части точек характеристической кривой предсказать остальные точки. Для этого число оцениваемых параметров (значение θ для каждого испытуемого и значение δ для каждого вопроса) должно быть меньше числа наблюдений. Наблюдениями в данном случае являются вероятности, образующие характеристические кривые заданий. Из этих вероятностей можно составить таблицу – матрицу. Этих вероятностей больше, чем подлежащих оценке параметров, однако можно доказать, что, складывая строки матрицы друг с другом, можно всегда получить матрицу меньшего размера. «Меньшего размера» в данном случае означает, что в преобразованной матрице число ненулевых элементов даже на один меньше чем число подлежащих оценке параметров. В том случае когда наблюдаемых величин меньше чем параметров модели, оценка значений параметров не может быть произведена. Параметры θ и δ выражены в теории на абсолютной шкале. Это значит, что $\theta=0$ означает, что индивидуум вообще ничего не знает. $\delta=0$ – вопрос, для ответа на который не нужно вообще никаких знаний. Более слабый тип шкалы (позволяющий делать меньше выводов) – интервальная. На интервальной шкале 0 это произвольно выбранная точка, соответствующая определенному уровню знаний.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрены основные результаты проведенного анализа применения тестирования в педагогических исследованиях и практике образования. Педагогическая тестология прошла большой путь развития. Накопленные тестологами знания и методические приемы возможно применять для оценки знаний. Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий снимает ограничения, ранее мешавшие внедрению сложных методов и моделей педагогического тестирования.Развитие математической основы современной тестологии связано с переходом на гипотетико-дедуктивно-экспериментальную стадию развития и попытками смоделировать процесс ответа на вопрос. Модель Раша является адекватной задачам мониторинга уровня знаний и компетенций.В современных условиях на первый план выходит проблематика диагностики компетенций, с учетом чего следует заметить, то существует множество

методов оценки и формирования профессиональных навыков, но моделирование профессиональной деятельности, целесообразно, определять как ключевой метод диагностики сформированности профессиональных компетенций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аванесов В. С. Item Response Theory: основные понятия и положения: Статья первая // Педагогические измерения. – 2007. – № 2. – С. 3-28.

2. Ефремов О. Ю. Теория и практика педагогической диагностики в высшей военной школе России: Дис. … д-ра пед. наук. – СПб., 2000.

3. Ефремов О. Ю. Педагогическая диагностика в современном образовании: системный подход к познавательно-преобразовательной деятельности педагога // Развитие педагогической науки в современной России: результаты исследований аспирантских школ. РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб.: Свое издательство, 2013. – С. 46-49.

4. Кричевец А. Н., Шикин Е. В., Дьячков А. В. Математика для психологов. – М.: МПСИ, Флинта, 2006. – 371 с.

5. Марков А. С. Психодидактический подход в военном образовании // Российский научный журнал. – 2013. – № 2(33). – С. 144-155.

6. Фер Р. М., Бакарак В. М. Психометрика: введение. – Челябинск: «Изд. Центр ЮУрГУ», 2010. – 445 с.

7. Худяков А. И. Психология измерений [Текст] / А. И. Худяков. – СПб.: Копи-Р Групп, 2013. – 220 с.

8. Sedow H., Petzold P. Matematische Psychologie: Matematische Modellierung und Skalierung in der Psychologie. – Berlin, 1981.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ[1]
ДИМИТРИЕВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ СКОПИНСКОЙ ЕПАРХИИ[2]

УДК 37.032
ББК 74.20
Педагогика: история педагогики и образования

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В ЛОНЕ ПРАВОСЛАВИЯ ЗА РУБЕЖОМ В XX В.

Доктор педагогических наук Т. А. Костюкова[1]
В. В. Калабухов (Игумен Амвросий)[2]

В статье рассматривается одно из приоритетных направлений в деятельности зарубежной Русской православной церкви по формированию установок, содержания и форм работы с молодежью. Цель статьи состоит в историко-педагогическом анализе опыта РПЦ по поиску продуктивных путей работы с молодежью в период с 1920-х гг. по настоящее время. Методологическим базисом статьи являются принципы объективности и системности. Научная новизна состоит в систематизации и анализе современных путей работы с молодежью в рамках культурных ценностей православия за рубежом.

Ключевые слова
Русская православная церковь, молодежная политика, традиционные духовные ценности, молодежь, государственно-церковные взаимоотношения

В последнее время все чаще стали появляться статьи, посвященные исследованию духовной жизни подрастающего поколения в разных государствах мира [5, 6, 7]. Поиск своего пути в новых социально-экономических условиях, определяемых модернизационными процессами, быстрым внедрением в жизнь коммуникативного способа мышления, стремлением к ускоренному статусному продвижению, турбулентными ценностными ориентациями, религиозным и культурным плюрализмом – все это обусловливает специфический характер культурной идентификации молодого человека, остро ставит вопрос его культурного самоопределения. В этих условиях актуализируется и возрастает сложность воспитательной работы по формированию мировоззренческих позиций, духовной культуры молодежи.

Целью данной статьи является анализ установок, содержания и форм организации работы с молодежью в лоне православия в XX веке за рубежом.

Начало XX века в России характеризуется как «смутное» время, в котором особенно непросто было сориентироваться подрастающему поколению. Образование первых организованных молодежных общин в России в те годы стало итогом действия на территории страны представителей Всемирного христианского студенческого союза (ВХСС), который являлся частью Христианского союза молодых людей России. В то время в странах Западной Европы, куда после октябрьского переворота 1917 года и гражданской вой-

ны перебралось немало русских, в среде эмигрантов зародилось Русское христианское студенческое движение (РХСД). В становлении РСХД участвовало несколько «сил»: молодежь, в основном студенческая, объединявшаяся в кружки разного характера, христиане-протестанты, которые основную деятельность направили на миссионерское служение, священники, богословы, религиозные писатели и философы, оказавшиеся в эмиграции [1].

В 1923 году на съезде русских христианских организаций в Чехословакии (г. Пшеров) было объявлено о внеполитической и церковно-православной ориентации движения. Но на самом деле это движение официально не было подвластно никакой церковной власти и, следовательно, не подпадало ни под какую юрисдикцию. До Учредительного съезда Русского Студенческого Христианского Движения в Пшерове уже существовало несколько молодежных христианских конференций – как международных, так и русских. Это было место встреч для представителей студенческих кружков из разных регионов русского рассеяния. Перед молодежью выступали известные русские религиозные мыслители и лекторы, а чуть позже стали появляться и священнослужители.

В организации съезда в Чехословакии (г. Штернберг) в июле 1923 года из священников принимали участие отец Сергий Булгаков и отец Сергий Четвериков, впоследствии активно содействовавшие становлению и развитию РСХД за рубежом. Так, упомянутое РСХД – православное и церковное по существу, о котором с полным правом можно говорить, как о религиозно-педагогическом течении, проявившем себя с 1926 года теоретически и практически, начало формировать принципы религиозно-педагогической работы. Кроме В. В. Зеньковского, с этим течением связаны протоиерей С. Четвериков, Л. А. Зандер, И. А. Лаговский, А. С. Четверикова, отец Н. Афанасьев, С. С. Шидловская-Куломзина и др. [2. С. 197].

Тем, кто, родился вдали от исторической родины, постигать основы православия пришлось за границей. Для этого при храмах создавались приходские школы для детей, летние епархиальные и скаутские лагеря, многочисленные молодежные кружки, общественные и благотворительные организации, русские магазины, издавались газеты и журналы. Одной из ключевых задач для русских переселенцев было сохранение для потомков православной веры и родной культуры.

Иерархи Зарубежной Церкви высказывали тревогу и проявляли заботу о нравственном состоянии молодежи и считали, что церковь должна выступить в защиту молодежи от губительного влияния окружающей их среды. Поэтому на приходах пастыри взяли на себя миссию не только просвещения молодежи, но и ее духовного воспитания, ограждения от чуждого влияния в незнакомых условиях новых стран проживания.

В 1950-х годах в Русской Зарубежной Церкви началась большая, кропотливая работа по составлению единого Положения и правил для приходских школ. При этом ставилась задачи не только устройства школ, но и создания приходских библиотек, издания книг, журналов и приходских листков. В русских церковно-приходских школах за границей, обучая детей словесности, учили любить и беречь православие, церковь, Россию и ее историю.

Весьма продуктивным направлением работы с молодежью русской церковной эмиграция стало воцерковление студенческого движения, воспитавшее несколько поколений русской молодежи на чужбине. Цели и задачи Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД) были сформулированы на форумах, где продолжительное время председательствовал его бессменный лидер прот. В. Зеньковский. Одной из основополагающих задач РСХД, им сформулированных, было сохранение русской культуры, ее

творческое продолжение, невозможное без Православия. Необходимо добавить, что прот. Василий стремился к тому, чтобы православная церковь не была последним жизненным утешением для людей только преклонного возраста, а была бы той силой, где и молодежь черпала бы силы для построения всей своей жизни [3]. Во всех своих работах прот. Василий Зеньковский акцентирует внимание на теоретическом обосновании проблем христианского воспитания, ставяего целью оказать помощь молодым людям преодолеть соблазны современного атеизма, уберечься от моральных ошибок в юности.

Благодаря общим усилиям эмиграции, работа РСХД широко развернулась во Франции, Германии, Англии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии, где устраивались съезды, летние лагеря, кружки по изучению православия, русской культуры, воскресно-четверговые школы, работа с юношеством [3]. Молодежь, которая участвовала в жизни и работе Русского Студенческого Христианского Движения, получила возможность приобщиться к богатству Православной Церкви и почерпнуть в христианстве методологические основы для построения своей жизни.

В 1940 году в Белграде иеромонах (в последствии архиеп. Сиракузский и Троицкий) Аверкий (Таушев) организовал четыре кружка для молодежи. Кружки получили название «Религиозно национальных кружков имени святого Владимира». Отец Аверкий вспоминает: «В основу моей работы с этими кружками была положена идея Святой Руси и заветы св. князя Владимира, которые естественно вытекают из молитвы святому. Идеи эти приняты были молодежью с увлечением, и работе моей не помешала даже война, начавшаяся 6 апреля 1941 года ожесточенной бомбардировкой Белграда. Многие из членов моих кружков с успехом окончили открывшиеся потом в Белграде миссионерские курсы, изучили богослужебный устав, стали читать и петь на клиросе» [4]. По сути, Свято-Владимирские кружки – это, собственно, не организация, а форум молодежи вокруг Русской Православной Церкви для духовного возрастания на фундаменте православия, исторического национального пути, предначертанного святым равноапостольным князем Владимиром. Свято-Владимирские молодежные кружки не только формировались сверху – официальными указами, но организовывались при храмах, как важная их часть. Пастырским долгом священников было сконцентрировать молодежь вокруг прихода для просвещения, служения и дел благотворительности. Лидеры кружков понимали, что необходимо заботиться не только о старшеклассниках, но и учащихся начальных классов, для того, чтобы дети к 16-17 годам по окончании школы не утратили связи с церковью и русской церковной молодежью, так как в этом возрасте, даже получив начальные знания, юноши и девушки еще не готовы оказать сопротивление соблазнам внешнего мира. Как часть дополнительного церковного образования, «для старшей молодежи были учреждены Высшие общеобразовательные курсы, где два раза в неделю проходили лекции по православному христианскому веро - и - нравоучению, истории русской церкви, истории России в рамках всеобщей истории, русской культуре и литературе XIX века, истории искусства, литургике с практическими занятиями по церковному чтению и пению» [5. С. 84]. Замыслом курсов было сформировать грамотное представление о своей исторической родине, показать красоту ее культуры и искусства.

В 1927 году в Париже при Русском Студенческом Христианском Движении (РСХД) Н. Ф. Федоров, участвовавший в Белом Движении во время Гражданской войны, создал первую дружину «Витязей», как инвариант скаутского движения. В октябре 1934 года «Витязи» вышли из РСХД и стали независимой организаци-

ей во главе с Н. Ф. Федоровым. В 1954 году дружины «Витязей» возникли в Марокко, Аргентине, в 1958 году – в Бельгии, в 1959 году – в Австралии. Тысячи детей, подростков, юношей прошли через дружины «Витязей», где им прививалась любовь к России, ее истории и культуре, укреплялась их вера. Лагеря Национальной организации русских скаутов (НОРС) особое распространение получили в 1930-х годах в Маньчжурии, Китае, Югославии, Франции, Польше, Латвии, Эстонии и других странах, собирая тысячи русских скаутов. В 1979 году произошло объединение ОРЮР и НОРС.

Для объединения скаутского движения в 1997 г. в Афинах была создана Международная сеть православных скаутов «Десмос (пер. с греч. – единство), в которую первоначально вошло 8 стран (ныне – 25 стран-членов: Балканские страны, Европа – Финляндия и Украина, страны Евразийского региона, Ближний Восток, США, а также Африка). Приоритетными направлениями деятельности организации стали, во-первых, объединение всех скаутов «православного мира», во-вторых, организация мероприятий по развитию духовно-нравственных качеств молодых людей-скаутов, в-третьих, укрепление дружественных отношений между Православными Церквями в тех странах, где существует скаутское движение [6]. На 2014 год 80 % членов Всемирной организации скаутского движения более чем в 150 странах(а это около 32 миллионов человек) – дети и молодежь: от 8-ми до 11-13-ти лет – «кап-скауты», у них занятия проходят только в виде игры; дети 11-15-ти лет – скауты, которые развиваются интеллектуально, духовно, морально и физически по специальным образовательным программам; а скауты 15-18 лет – это «роверы», они уже создают собственные образовательные программы и вовлечены в ту работу, которая приносит пользу обществу [6].

Формы работы с молодежью, которые были представлены в русском зарубежье в 1950-1960-е годы, в основном, Свято-Владимирскими кружками, позже стали трансформироваться в собрания, более масштабные по численности – съезды, собиравшие молодежь из разных епархий, разных стран и континентов. Так, в 1953 году в Париже видными русскими богословами было создано Всемирное братство православной молодежи Синдесмос (греч. Συνδεσμοζ – «Союз»). В настоящее время это братство объединило более 200 православных организаций и богословских школ из более 60 стран. В нем состоят 11 молодежных организаций и духовных школ Русской Церкви. С 1989 года «Синдесмос» ежегодно проводит съезды, конференции, паломничества, семинары и совещания в России, на Украине и в Беларуси [7]. Синдесмос реализует разнообразные формы работы с молодежью: это международные лагеря (в том числе на Святой Горе Афон), семинары, консультации и конференции на актуальные для молодежи темы (биоэтика, экология, современное состояние экуменического движения, православное богослужение, богословское образование, подготовка руководителей молодежных организаций и многие другие). Открытые дискуссии наиболее острых проблем современности позволяют молодежи сформировать свое мировоззрение, а также учат давать ответы на вызовы секулярного сознания с позиций православной церковности. Синдесмос осуществляет также миссионерскую деятельность: организует педагогические курсы для катехизаторов, руководителей программ молодежных лагерей и т. п. Особое место занимает активная издательская деятельность по выпуску литературы для православной молодежи на русском, греческом, английском и арабском языках [7].

В июле 2014 года в г. Сан-Франциско (США) состоялся XIII Всезарубежный съезд православной молодежи, главным выводом которого стало осознание не-

обходимости объединения православной молодежи вокруг дел благотворительности и милосердия. Съезд поставил задачи создания банка православных проектов для укрепления и развития единого информационного пространства молодежных отделов и отделов по социальному служению при помощи передовых информационно-коммуникационных технологий для последующей реализации новых идей в работе с молодежью в разных странах и различных условиях существования. Резюмируя, следует подчеркнуть, что анализ исторического опыта организации работы с молодежью в лоне православной церкви, убедительно показывает, что для эффективного воздействия на молодое поколение нужно выстраивание жизни, не исключающей религиозные начала. В глубине нынешней молодежной культуры необходимо формировать островки христианской культуры, которая способна соединить свободу, созидательный дух и благотворный традиционализм. Сегодня по-прежнему актуально высказывание прот. Василия Зеньковского: «Нам, православным, молодежное движение особенно дорого и близко потому, что… мир может напитаться духовно лишь у Православия – и не только для своей внутренней жизни, но для своей исторической жизни. Христианская молодежь во всем мире ставит проблему, которая ныне может быть решена лишь на почве Православия – с его органическим сочетанием свободы и строгой церковности, космизма и аскетической традиции, соборности и творческой силы» [8. С. 87].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кырлежев А. Юбилей РСХД (1923-1998) // Русская мысль. – 1998. – №№ 4206-4207.

2. Зеньковский В. В., прот. Педагогика. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002.

3. Морозов И. В. Отец Василий – друг молодежи // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. (Париж – Нью-Йорк). – 1962. – № 66-67.

4. Таушев Аверкий, архиеп. Современность в свете Слова Божия. – М: Институт русской цивилизации, 2012.

5. Соммер Андрей, прот. От Запада до Востока. Опыт молодежного служения в Русской Зарубежной Церкви. – Нью-Йорк: МОСТ, 2012.

6. Международная сеть православных скаутов «Скаут с детства – скаут навсегда»: православные скауты со всего мира в Киеве: [Электронный ресурс]. – http://2010.orthodoxy.org.ua/node/45696 (Дата обращения 20.08.15).

7. Решетников Евгений, архиеп. Синдесмос – православная молодежная организация // Церковный вестник. – 2002. – № 11(240).

8. Зеньковский В. В., прот. Факты и наблюдения (психология современной молодежи) // Путь. – №8.

АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ ФСИН РОССИИ, г. РЯЗАНЬ

УДК 378.147
ББК 74.48
Педагогика

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ НА БАЗЕ СРЕДСТВ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Кандидат педагогических наук Т. Е. Алексеева

В статье рассматриваются различные аспекты оптимизации учебного процесса с использованием средств информационных и коммуникационных технологий. Под оптимизацией понимается целенаправленный выбор наилучшего построения учебного процесса, позволяющий добиться максимально возможных для конкретных условий результатов. Критериями оптимальности являются эффективность, качество обучения и расходы времени и усилий обучаемых и преподавателей. Использование средств информационных и коммуникационных технологий предоставляет возможности для оптимальной организации учебного процесса, поскольку позволяет выбирать методы, средства и организационные формы обучения, создает условия для активизации учебной деятельности и осуществления дифференцированного подхода к обучаемым. При этом учебный процесс на базе средств информационных и коммуникационных технологий и сами электронные средства обучения должны отвечать определенным требованиям, в частности соответствовать целям и задачам обучения, целям конкретного занятия и уровню подготовки обучаемых. Основными направлениями оптимизации процесса обучения с использованием средств информационных и коммуникационных технологий являются создание оптимальных условий для учения и обучения, создание комплекса электронных средств для конкретной предметной области, разработка организационно-методических подходов к использованию этих средств и подготовка преподавателей к методически обоснованному их применению в учебном процессе.

Ключевые слова
Оптимизация, учебный процесс, средства информационных и коммуникационных технологий, эффективность обучения

Невозможно представить современный образовательный процесс без использования средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), которые могут применяться при изучении практически всех дисциплин, на различных видах занятий, для решения самых разнообразных учебных задач.

Цель использования средств ИКТ, как и любого другого средства обучения, состоит, прежде всего, в повышении эффективности обучения, в создании условий для оптимальной организации учебного процесса. На наш взгляд, именно оптимизация образовательного процесса является задачей, которая может быть успешно ре-

шена на базе использования средств ИКТ.

Определим, что мы понимаем под терминами «оптимизация» и «оптимальный» в педагогическом аспекте, опираясь на работы Ю. К. Бабанского [1, 2, 3]. Под оптимизационным подходом в обучении будем понимать достижение максимально возможных для конкретных условий результатов на базе экономных затрат времени и усилий обучаемых и преподавателей, а оптимизация рассматривается нами как целенаправленный выбор педагогами наилучшего варианта построения учебного процесса, позволяющий добиться максимальной эффективности за отведенное время. В данном контексте понятие «оптимальный» означает «наилучший для данных условий с точки зрения определенных критериев».

Важнейшими критериями оптимальности являются эффективность, которая определяется по результатам успешности учения, воспитания и развития обучаемых; качество обучения, которое определяется степенью соответствия результатов обучения требованиям целей и задач, и расходы времени и усилий обучаемых и преподавателей, которые не должны превышать существующие нормативы.

Педагогическая эффективность оценивает степень реализации учебных целей по сравнению с заданными (В. М. Блинов) и предполагает наиболее рациональные пути достижения результатов. В. П. Симонов [11, с. 93] отмечает, что для объективной оценки эффективности совместной деятельности преподавателя и обучаемых необходимо определить, насколько целесообразным, эффективным и оптимальным было применение определенных методов обучения, наглядности, технических средств обучения, в нашем случае – электронных средств учебного назначения (ЭСУН). На эффективность обучения оказывает влияние качество учебной деятельности: продуманная, качественная организация процесса обучения, учет взаимосвязи всех его компонентов и условий протекания ведет к достижению успешных результатов при наименьших затратах времени, сил, здоровья обучающихся и преподавателей, то есть к оптимизации учебного процесса.

Качество обучения определяется качеством знаний, умений и навыков, получаемых обучающимися в ходе учебной деятельности. Под качеством знаний на основании работы В.П. Симонова [11, с. 114] будем понимать их прочность, глубину, осознанность и системность.

По мнению О. И. Околелова [7, 8] оптимизационные методы дидактики, имеющие целью повысить педагогическую эффективность при сокращении затрат времени обучающимися и преподавателями, должны удовлетворять следующим критериям:

– гарантировать достижение каждым обучающимся более высоких результатов в учебной деятельности по сравнению с традиционными системами;

– сокращать нормы времени на аудиторную и самостоятельную работу, отводимые на изучение тем;

– создавать реальные условия, способствующие личностному развитию обучающихся;

– не допускать психической и физиологической перегрузки обучающихся и преподавателей.

Мы полагаем, что использование средств ИКТ для обучения создает предпосылки для организации учебного процесса таким образом, чтобы соответствовать вышеназванным критериям оптимальности, поскольку предоставляет следующие возможности:

– выбора методов, средств и организационных форм обучения и их сочетаний в зависимости от целей и задач конкретного этапа обучения или вида занятий;

– оптимизации структурирования и представления учебной информации средствами информационных и коммуникационных технологий;

– создания условий для активной самостоятельной учебной деятельности, в том

числе творческой, всех обучающихся;

– осуществления дифференцированного и индивидуализированного подхода к обучаемым с учетом их личностных особенностей и уровня подготовки, включая выбор оптимального темпа и траектории обучения;

– повышения мотивации и интереса обучаемых к материалу, изучаемому с помощью средств ИКТ, и к предмету в целом.

Для того чтобы оптимизировать процесс обучения за счет использования средств ИКТ, необходимо, чтобы этот процесс соответствовал определенным требованиям, среди которых выделим следующие [6, 9, 13]:

– соответствие целей и задач обучения, физических и психических возможностей обучаемых и дидактического потенциала средств ИКТ;

– обоснованный выбор рациональных методов, приемов и средств обучения, стимулирования и контроля (как традиционных, так и компьютеризированных), обеспечение их оптимального взаимодействия;

– рациональное сочетание групповых и индивидуальных способов организации обучения с использованием средств ИКТ;

– оптимальное сочетание ведущей роли преподавателя, организующего и направляющего учебный процесс в целом, и самостоятельной работы обучаемых с компьютером;

– оптимальное соотношение времени работы с компьютером, которое должно соответствовать установленным нормативам, с выполнением традиционных упражнений и заданий;

– оптимальную частоту использования программных средств, особенно одного типа, в учебном процессе;

– надлежащие эргономические условия работы с компьютером, а именно соответствие самого компьютера и рабочего места требованиям безопасности и санитарно-гигиеническим нормам.

Исследование педагогических подходов к оптимизации учебного процесса с использованием средств ИКТ [5, 6, 10 и др.] позволило выделить следующие требования к электронным средствам учебного назначения:

– соответствие государственным образовательным стандартам, целям и задачам обучения, учебной программе, целям конкретного занятия, уровню подготовки обучаемых по предмету;

– соответствие современному состоянию научных и педагогических знаний;

– представление учебного материала в систематизированном и структурированном виде;

– обеспечение оптимальной взаимосвязи между формой представления учебного материала и его содержанием;

– сочетание различных видов наглядности: визуальной и слуховой, образной и вербальной, статической и динамической;

– обеспечение интерактивности обучения и наличие обратной связи;

– предоставление возможности выбора стратегии обучения, уровня сложности, самостоятельного определения формы помощи при возникновении затруднений;

– эргономичность экранного дизайна, интуитивная ясность и дружественность интерфейса, удобства навигации и удобство сервиса пользователя.

Соответствие или несоответствие выделенным выше требованиям, предъявляемым как к процессу обучения с использованием средств ИКТ, так и к самим электронным средствам учебного назначения, позволяет судить об оптимальности учебного процесса на базе применения средств ИКТ.

Выделим основные условия, необходимые для оптимизации процесса обучения с использованием средств ИКТ:

технико-технологические:

– наличие комплекса технических, программно-аппаратных, программных средств, систем и устройств, функционирующих на базе вычислительной техники;

– наличие комплекса средств ИКТ, ориентированного на конкретную предмет-

ную область;

организационно-методические:

– разработанность методических подходов к использованию электронных средств учебного назначения для обучения данному предмету, наличие методических разработок и рекомендаций;

– повышение информативности, привлекательности учебного материала за счет структуризации, формализации, компьютерной визуализации представляемой информации;

– повышение информативной ёмкости занятий за счет сокращения времени на рутинные операции, подачи материала укрупненными блоками, с выделением того, что обучаемый должен понять и запомнить глубоко и прочно, концентрации внимания на усвоении наиболее сложных понятий и тем, быстрого поиска информации в большом массиве;

психолого-педагогические:

– осуществление деятельностного подхода к обучению, то есть организация интенсивной, постоянно усложняющейся деятельности;

– индивидуализация учебного процесса за счет снабжения обучаемых индивидуальными заданиями в соответствии с их способностями и уровнем знаний по предмету;

– активизация работы каждого обучаемого в группе путем предоставления ему возможности изучения учебного материала в своем режиме, по своей траектории;

– организация управляемой и контролируемой самостоятельной работы обучаемых;

– проверка уровня усвоения знаний по значительному объему учебного материала с обеспечением заданий, отличных по содержанию и порядку следования;

– готовность преподавательского состава к оптимальной организации и проведению занятий с использованием средств ИКТ.

Исходя из вышеизложенного, выделим основные направления оптимизации процесса обучения с использованием средств ИКТ в вузе:

– создание оптимальных условий для учения и обучения: оснащение кафедр современными компьютерными классами, соответствующими эргономическим требованиям; соблюдение санитарно-гигиенических норм работы с компьютерной техникой при проведении занятий;

– создание комплекса средств ИКТ, покрывающего потребности всего курса обучения в данной предметной области, что позволит преподавателям осуществлять обоснованный выбор методов и средств обучения, обеспечивая оптимальную интеграцию средств ИКТ в учебный процесс конкретного вуза;

– разработка организационно-методических подходов к использованию программных средств в обучении для обеспечения целесообразного, педагогически обоснованного применения информационных и коммуникационных технологий в образовании;

– подготовка преподавателей к оптимальному использованию средств ИКТ для обучения, поскольку процесс внедрения информационных технологий в учебный процесс требует от преподавателя компьютерной грамотности, соответствующей дидактической и методической подготовки, практического опыта работы с информационными технологиями, опыта экспертной оценки электронных средств учебного назначения.

Анализ работ [4, 7, 9, 12 и др.], а также проведенное исследование позволили нам выделить в качестве дидактического принципа принцип оптимального использования средств ИКТ. Мы полагаем, что данный принцип определяет стратегию применения информационных и коммуникационных технологий в образовательных целях. Он должен стать основополагающим при выборе, создании и применении электронных средств учебного назначения с учетом их дидактического назначения, целей и задач обучения. В соответствии с принципом оптимальнос-

ти преподаватель сам определяет наилучшее в конкретных условиях сочетание средств и методов обучения в зависимости от целей и задач занятия [12, с. 57]. Соблюдение принципа оптимального использования средств ИКТ требует от преподавателя знаний дидактических возможностей и назначения каждого программного средства (ЭСУН, информационно-справочных систем и так далее) и педагогически целесообразного применения этих средств в обучении.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что использование средств ИКТ позволяет оптимизировать процесс обучения за счет расширения возможностей выбора методов, средств и организационных форм обучения; создания условий для активной самостоятельной учебной деятельности всех обучаемых; осуществления дифференцированного и индивидуализированного подхода к обучаемым с учетом их личностных особенностей и уровня подготовки и т.д. При этом и процесс обучения, и сами электронные средства учебного назначения должны отвечать определенным требованиям, а именно, соответствовать целям и задачам обучения, физическим и психическим возможностям обучаемых и т. д. при соблюдении некоторых технико-технологических, организационно-методических и психолого-педагогических условий. Именно создание оптимальных условий для учения и обучения является основным направлением оптимизации образовательного процесса на базе использования средств ИКТ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бабанский Ю. К. Закономерности, принципы и способы оптимизации педагогического процесса // Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1989. – С. 262-272.

2. Бабанский Ю. К. Оптимизация процесса обучения (Общедидактический аспект) // Избранные педагогические труды. – М.: Педагогика, 1989. – С. 16-189.

3. Бабанский Ю. К. Система способов оптимизации обучения // Избранные педагогические труды. – М.: Педагогика, 1989. – С. 272-283.

4. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании: учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 192 с.

5. Коротков А.М. Компьютерное образование с позиций системно деятельностного подхода // Педагогика. – 2004. – № 2.

6. Кречетников К. Г. Методология проектирования, оценки качества и применения средств информационных технологий обучения: монография. – М., 2001. – 244 с.

7. Околелов О. П. Новые образовательные технологии в вузе // Педагогика. – 2000. – № 6. – С. 103-105.

8. Околелов О. П. Оптимизационные методы дидактики // Педагогика. – 2000. – № 3. – С. 21-26.

9. Панюкова С. В. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании: учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Академия, 2010. – 221 с.

10. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. – М.: Школа-пресс, 1994. – 205 с.

11. Симонов В. П. Диагностика личности и деятельности преподавателя и обучаемых: учебное пособие. – М., 2004. – 173 с.

12. Софронова Н. В. Программно-методические средства в учебном процессе общеобразовательной школы. – М.: ИИО РАО, 1998. – 178 с.

13. Warschauer M. Computer-Assisted Language Learning: An Introduction // Fotos D. (Ed), Multimedia language teaching. – Tokyo: Logos International, 1996. – PP. 3-20.

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
г. НАЛЬЧИК

УДК 159.97: 376
ББК 88.532
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ГЕНЕЗИСУ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Кандидат психологических наук А. Д. Вислова

В статье рассматриваются основные подходы к проблеме девиантного поведения и ключевые вопросы, связанные с его возникновением. Анализируются теоретические воззрения ученых, принадлежащих к различным научным направлениям, что позволило выявить концептуально-понятийные основания, базирующиеся на понятии «девиантное поведение».

Ключевые слова
Девиантное (отклоняющееся) поведение, норма, биологический подход, психологический подход, социологический подход

В настоящее время проблема девиантного поведения является одной из наиболее актуальных и занимает центральное место в психологии, философии, социологии, педагогике, медицине, юриспрунденции и других дисциплинах. Во многом это объясняется нарастанием процессов глобализации и динамизмом преобразований, происходящих в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни российского общества, которые привели к росту различных проявлений девиантного поведения.

Термин «девиантность» происходит от латинского слова «deviatio» (отклонение) и означает характеристику поведения, не совпадающего с социальными нормами и ценностями, принятыми в обществе. Понятие «девиантное (отклоняющееся) поведение» сопряжено с понятием «норма», поскольку оценка поведенческой девиантности детерминирована нормативными требованиями. Следует отметить, что границы «нормального» и «ненормального» поведения являются относительными.

Понятием «девиантное поведение» пользуются многие отрасли науки и в зависимости от определенной области научного знания, получает специфически содержательное наполнение.

Проблема девиантного поведения впервые начала исследоваться социологами и криминалистами. Однако в настоящее время существует несколько основных подходов к данной проблеме: биологический, психологический и социологический.

В рамках биологического подхода особое внимание обращается на факторы антропо-биологического характера (Ч. Ломброзо, Э. Кречмер, У. Шелдон и др.) [1]. Однако попытки установления приоритета антрополого-конституциональ-

ных параметров в качестве факторов детерминации девиантности поведения не увенчались успехом в силу научной несостоятельности. Вместе с тем, биогенетические аспекты девиантного поведения нашли отражение в работах отечественных ученых (П. К. Анохин, В.К. Вилюнас, В. В. Ковалев, В. Д. Менделевич, В. Н. Мясищев).

Психологический подход к проблеме девиантности представлен психоанализом, когнитивно-бихевиоральным и экзистенциально-гуманистическим направлениями. С экзистенционально-гуманистической позиции (В. Франкл, К. Роджерс, А. Маслоу и др.) девиантное поведение можно трактовать как уменьшение возможностей для самовыражения, как следствие блокирования, подавления переживаний и результат отчуждения индивидуума от себя, своего общества. Согласно А. Маслоу, самоактуализация – потребность стать тем, кем в действительности можешь стать, – является основной целью жизни человека. В силу того, что человеку приходится соответствовать общепризнанным нормам поведения, он вынужден подавлять в себе потребность в самоактуализации. Стремление к самореализации связано с преобладанием метапотребностей, а их отсутствие ведет к ослаблению человека и продуцирует различные патологии – отчуждение, депрессии и другие нарушения. Таким образом, можно утверждать, что норма и ненорма располагаются в континууме того, кем человек стремится быть и кем в реальности может стать. В психоаналитических теориях неадаптивность человека объясняется существованием антагонистического конфликта между социальными нормами и биологически заданными инстинктами. Согласно взглядам З. Фрейда, человеку свойственны девиантные наклонности. Э. Фромм и другие последователи З. Фрейда (Э. Эриксон, К. Лоренц, А. Адлер, К. Хорни), находят ошибочным мнение о том, что девиантное поведение является следствием деформаций психики человека и игнорировать присущие человеку любовь, созидательность и сотрудничество. В бихевиоральных теориях значительная роль отводится неправильно сформированным навыкам поведения. Отклонение от поведенческих норм рассматривается как результат плохого научения. Сторонники социально-когнитивной теории (А. Бандура, Дж. Келли) уверены, что недостаточная адаптивность поведения связана с чрезмерной регламентацией норм самооценки и неуверенностью в себе. В отечественной психологии особое место занимают работы, посвященные особенностям проявления отклонений в подростковой субкультуре, роли ближайшего окружения и информационной среды в формировании различных форм девиаций (А. Е. Личко, В. С. Битенский). В дебюте девиантности поведения обращается внимание на возрастно-психологические особенности подростничества (Ю. В. Антонян, Б. С. Братусь, В. С. Собкин, В. В. Гульдан, Д. В. Колесов, А. А. Реан, А. Д. Вислова, Л. А. Цветкова) [1; 2; 8; 9]. Е. В. Змановская рассматривает девиантность как устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией [7]. Девиантное поведение – это поступки (или готовность к их совершению), противоречащие общепринятым культурно-нравственным ценностям, а также социально-психологическим и правовым нормам, в том числе злоупотребление алкоголем, наркотиками и другими психоактивными веществами [3].

В целом, психологические теории и подходы характеризуются разнообразием интерпретаций генезиса девиантного поведения. Общим для психоаналитиков и бихевиористов в понимании отклонений от нормы является постулирование несовершенства и деструктивности человека,

которые связаны с его зависимостью от прошлого опыта.

Социологическому подходу свойственна ориентация на анализ группы «риска» возникновения девиантного поведения. В наиболее полной форме смысл девиантного поведения как поведения, не согласующегося с признанными в обществе нормами, раскрыт в теории аномии Э. Дюркгейма [6]. Известный социолог и его последователи (Р. К. Мертон, А. Коэн) рассматривают нормальное состояние общества как социальное равновесие, являющееся следствием высокой степени солидарности и социальной поддержки, основанной на единстве системы норм и ценностей. Причиной девиантного поведения является структурный сбой и нарушение механизмов морального регулирования в социальной жизни. В условиях социальных преобразований устаревают ценности, что обусловливает снижение солидарности и возникновение аномии, т. е. беспорядка и хаоса. Происходит отчуждение людей друг от друга. Заметно утрачиваются ценности, нормы и социальные связи или становятся неустойчивыми и противоречивыми. Последователи теории конфликта (Тейлор, С. Холл, Р. Дарендорф и др.) в объяснении причин девиантности поведения аппелируют терминами власти, неравных возможностей и борьбы социальных групп. Они рассматривают общество как разделенное на тех, кто правит и тех, кем управляют. С этой точки зрения, девиантное поведение является осознанным протестом недовольных слоев населения на неравенство и несправедливость. Представители теории контроля (Т. Хирши) убеждены в тесной взаимосвязи человека и общества. Эта связь обеспечивается факторами привязанности, обязательства, вовлеченности и веры. Неадекватная социализация ведет к ослаблению данных факторов и развитию девиантного поведения. Согласно теории стигматизации (наклеивания ярлыков) американского социолога Г. Беккера и его сторонников (М. Вебер, Э. Х. Сазерленд, Э. Лемерт), социальные установки, наиболее распространенные в конкретном обществе, определяют выбор человека в пользу нормального или отклоняющегося поведения. Он отмечает, что влиятельные группы общества могут навязывать людям те или иные модели поведения. Разрабатывая правила поведения, отступление от которых рассматривается как проявление девиантности, они занимаются «навешиванием ярлыков» девиантов на других людей. Из этого следует, что девиантное поведение является результатом применения социальных правил и санкций относительно их нарушителей. Утверждается, что люди могут подвергаться стигматизации необоснованно [4]. Различные аспекты социологического анализа девиантного поведения нашли отражение в трудах отечественных исследователей (В. С. Афанасьев, В. М. Бехтерев, Д. И. Гилинский, Ю. С. Гуров и др.), которые рассматривали данный феномен как следствие нарушения процесса социализации [5].

Трудно не согласиться с тем, социологическая наука в настоящее время располагает большим арсеналом теоретических воззрений на проблему девиантного поведения. Объяснительные теории, используемые в социологическом подходе, вносят определенный вклад в осмысление генезиса девиантного поведения. Однако следует подчеркнуть, что ни одна из них не охватывает всю совокупность проблем, связанных с возникновением девиаций и не отражает в полной мере многосложность рассматриваемого феномена. Из этого следует, что социологические теории являются взаимодополняющими и высвечивают разные стороны, детерминирующие процесс генезиса и эволюции девиантности поведения в современных условиях социокультурных трансформаций.

Таким образом, сущность девиантности поведения и критерии его определения

различны в зависимости от парадигмы анализа. Очевидно, что для понимания особенностей формирования девиантного поведения недостаточно ограничиваться рассмотрением психологического, социологического или биологического подхода. Существующие в настоящее время теории и концептульные походы к генезису девиантного поведения позволяют раскрыть разные аспекты проблемы, но не дают полного представления о феномене. Недостаточно изученными остаются социально-психологические особенности формирования девиантного поведения. Вместе с тем, опыт изучения феномена в русле различных направлений науки позволяет составить системное представление о генезисе девиантного поведения и учитывать их в исследовательской деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антонян Ю. М. Криминология. – М.:ЛОГОС, 2004. – 448 с.
2. Вислова А. Д. Психолого-педагогические и социальные аспекты формирования и профилактики наркотической зависимости у детей и подростков: Дис. ... канд. психологич. наук. – М., 2001. – 168 с.
3. Вислова А. Д. Модели формирования и профилактики наркозависимого поведения. – Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. – 208 с.
4. Волков Ю. Г. Социология молодежи: Учеб. пособие. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 576 с.
5. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. – СПб.: Изд. «Юрид. центр Пресс», 2004. – 520 с.
6. Дюркгейм, Э. Самоубийство / Под ред. В. А. Базарова. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.
7. Змановская, Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие. – М.: ИЦ «Академия», 2008. – 288 с.
8. Цветкова Л. А. Социальная психология наркотизма в студенческой среде. – СПб.: Коло, 2011. – 320 с.
9. Собкин В. С. Проявления девиации в подростковой субкультуре // Вопросы психологии. – 2004. – N 3. – С. 3-19.

РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. Ф. МАРГЕЛОВА

УДК 37.013
ББК
Педагогика

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПОДКАСТОВ

Кандидат педагогических наук Л. Б. Иванова

В статье раскрываются значения терминов «подкаст» и «подкастинг», предлагается классификация подкастов при обучении иностранному языку, рассматриваются критерии отбора подкастов, умения говорения и аудитивные умения, формируемые на основе подкастов, сайты подкастов для изучающих английский язык.

Ключевые слова
Информатизация образования, инновационные информационные и коммуникационные технологии, подкастинг, подкасты, развитие умений аудирования и говорения

В настоящее время перед образованием поставлена непростая задача – формирование личности, способной адаптироваться в условиях динамичного, технологичного, информационно насыщенного поликультурного современного мира. Информатизация образования представляется как «целенаправленно организованный процесс обеспечения сферы образования методологией, технологией и практикой создания и оптимального использования научно-педагогических, учебно-методических разработок, ориентированных на реализацию возможностей средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), применяемых в комфортных и здоровье сберегающих условиях» [7, 106].

Основные изменения по модернизации и информатизации образования повлияли на динамику развития лингвистического образования. За последние годы появились монографические и диссертационные исследования, в которых авторами разрабатывались методики обучения аспектам языка, видам речевой деятельности, а также формирования социокультурной и межкультурной компетенций на основе инновационных информационных и коммуникационных технологий [1-8]. Кроме этого, английский язык, став общепринятым языком межкультурной коммуникации, мировым языком науки и техники, требует поиска нового методического арсенала для преподавателя, иных подходов к процессу обучения. Необходимо научить человека XXI века ориентироваться в потоке иноязычной информации, работать с аутентичными текстами и информационными источниками Интернет.

Существует большое количество образовательных сайтов, которые могут сделать урок иностранного языка увлекатель-

ным и более продуктивным. Интернет способен предоставить учебный материал для решения образовательных задач на любой ступени обучения. Это электронные книги, энциклопедии, словари, online версии газет и журналов, разнообразный текстовый материал по языковым уровням, лексические и грамматические упражнения, игры, песни, рифмовки, тесты для подготовки к экзаменам, видео, интервью и подкасты, которые могут служить стартом для серьёзного обсуждения.

Если в начале подкасты были только звуковыми и в основном были рассчитаны для прослушивания на IPod-ах или других портативных плеерах, то в настоящее время явление подкастинга сильно эволюционировало. Это привело к тому, что подкасты стали не только звуковыми, но и видео, а прослушивать или просматривать их стали чаще прямо на сайте (обычно на блоге) или скачивать на свой компьютер, а также загружать в портативный плеер.

Итак, *подкастами* называют аудиоблоги или передачи, выкладываемые в сети в виде выпусков, которые можно легко скачать на MP3-плеер и слушать в любое удобное для пользователя время. Это отдельные файлы, либо регулярно обновляемая серия таких файлов, публикуемых по одному адресу в сети Интернет. Слово подкаст (podcast) происходит от слов iPod (mp3-плэйер фирмы Apple) и broadcast (повсеместное широкоформатное вещание). Таким образом, термин «*подкастинг*» (podcasting) приобрел следующее значение: «это способ распространения звуковой или видеоинформации в Интернете» [4, 50]. Подкастинг означает одновременно производство и предложение подкастов или видеокастов. Это выгодная альтернатива радиовещанию и телевидению, поскольку он не требует лицензирования частоты и доступен в любое удобное для слушателя время. Свои подкасты предлагают сегодня наряду с обычным вещанием радио и телестанции, печатные издания, сайты институтов, университетов, образовательных центров, а также подкаст-терминалы.

Технически подкастинг представляет простое внедрение мультимедиа-контента в rss-канал. Являясь синтезом преимуществ интернета и радио (телевидения), подкастинг открывает невероятные возможности для тех, кто желает слушать речь на иностранном языке и совершенствовать свои речевые навыки.

Предлагается следующая классификация *подкастов при обучении иностранному языку* по ряду признаков:

1. По технической платформе: 1) автономный подкаст (создан с помощью автономного программного обеспечения, например, программа «Audacity», URL: http://www.audacity.ru); 2) интегрированный подкаст (создан в рамках определенного сайта, например, www.podomatic.com).

2. По типу мультимедиа: 1) аудио подкаст; 2) видео подкаст; 3) скринкаст – новое явление, которое упростило обучение людей через Интернет. Суть скринкаста заключается в том, что с помощью специальной программы записываются действия на экране компьютера вместе с аудио-комментариями, что идеально подходит для объяснений по компьютерным программам.

3. По количеству авторов: 1) индивидуальный подкаст (создан одним автором); 2) коллективный подкаст (создан двумя и более авторами).

4. По авторскому составу: 1) преподавательский подкаст; 2) подкаст обучающихся.

5. По жанру: 1) учебный подкаст; 2) развлекательный подкаст; 3) общественно-политический подкаст.

6. По цели обучения: 1) формирование навыков; 2) развитие умений.

Предложенная классификация подкастов достаточно полно отражает богатое разнообразие данной технологии и, соответственно, широкие возможности ее применения при обучении иностранно-

му языку.

Использование подкастов должно быть методически обосновано, в противном случае они будут носить развлекательный характер. Для этого необходимо определить *критерии отбора подкастов*: 1) источник информации – степень авторитетности и компетентности автора сайта; 2) надежность и достоверность информации – степень соответствия представленных данных объективной действительности; 3) актуальность и новизна информации – степень современности информации и представления новых фактов и сведений; 4) объективность информации – степень независимости информации от индивидуального мнения автора; 5) речевая ценность – степень демонстрации функционирования языковых единиц в речи; 6) аутентичность – степень приближенности речи к естественной речи носителя языка; 7) социокультурная ценность – степень демонстрации культурных аспектов жизнедеятельности людей; 8) информативность – степень освещенности рассматриваемой проблемы; 9) доступность – соответствие языковому уровню и уровню знаний по рассматриваемой проблеме.

Рассмотрим умения говорения и аудитивные умения, формируемые на основе подкастов.

Умения говорения:

– делать сообщения, содержащие важную информацию по теме;

– кратко передавать содержание полученной информации;

– рассказывать о себе, своем окружении, своих планах, обосновывая свои намерения и поступки;

– рассуждать о фактах и событиях, приводя примеры, аргументы, делая выводы;

– описывать особенности жизни и культуры своей страны и страны изучаемого языка;

– обмениваться информацией в процессе диалогического общения в связи с содержанием прослушанного текста;

– порождать реплики (ответы на вопросы, комментарии, замечания, выражение отношения к репликам).

Аудитивные умения:

– определять информационную нагрузку смыслового ударения в предложениях;

– узнавать сокращенные лексические и грамматические формы;

– определять порядок слов в различных типах предложений;

– определять активную лексику при аудировании текста по определенной тематике;

– определять ключевые слова в аудиотексте;

– определять значение незнакомых слов из контекста;

– определять слова связки в аудиотексте;

– воспринимать на слух аудиотекст имеющий разную скорость звучания и начитанный носителями разных акцентов и диалектов;

– определять и интерпретировать варьирование языкового оформления высказывания в зависимости от принадлежности говорящего к определенной социальной / культурной группе (возрастной, социальной, этнической и т. п.);

– понимать цель общения /аудиотекста;

– понимать тематику аудиотекста;

– определять участников общения / говорящего;

понимать логику изложения информации или аргументации (последовательность фактов, событий);

– понимать взаимозависимость между фактами, причинами, событиями и т. п.;

– определять отношение говорящего к предмету и обсуждения;

– прогнозировать развитие событий;

– выражать свое суждение, мнение об услышанном.

Подкасты для изучающих английский язык можно найти на следующих сайтах: BBC Learning English в России считается самым известным ресурсом аудиоматериалов. Подкасты 6 минут английского со-

провождаются скриптами, даются объяснения слов и выражений и ссылки на статьи по той же теме. British Council предоставляет подкасты для разных уровней, по общему и бизнес английскому, для детей, истории и стихи. Подкасты VOA (Voice of America) делятся на записи радиопередач и на специальные программы для изучающих английский язык. Сервис подкастов с короткими беседами по темам на английском языке: www.englishconversations.org.

Таким образом, в процессе обучения иноязычной речи возможно максимально полное раскрытие возможностей технологии подкастинга, потому что язык как средство передачи информации в этом контексте является и объектом изучения. Использование подкастов в обучении различным видам деятельности способствует: повышению мотивации к изучению иностранных языков; появлению выбора в отборе интересующего фонетического материала; формированию навыков аудирования и способности воспринимать различные стили речи с разными акцентами и интонациями; совершенствованию навыков говорения. Принимая во внимание все вышесказанное, можно заключить, что подкаст как медианоситель информации является, наряду с другими ресурсами, неотъемлемым техническим средством обучения иностранному языку, позволяющим решать комплексные задачи иноязычного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аникина Ж. С. Развитие умений учебной автономии у студентов вуза при обучении иностранному языку с использованием подкастов [Текст]: Автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / Ж. С. Аникина. – Нижний Новгород, 2013. – 26 с.

2. Денисова Г. И. Использование подкастов в обучении немецкому языку студентов-бакалавров лингвистики [Текст] // Перевод в меняющемся мире: материалы Международной научно-практической конференции (г. Саранск, 19-20 марта 2015 г.) / Г. И. Денисова, И. А. Маскинскова; редкол.: Н. В. Буренина и др. – М.: Азбуковник, 2015. – С. 775-780.

3. Капранчикова К. В. Методика обучения иностранному языку студентов на основе мобильных технологий (английский язык, направление подготовки «юриспруденция») [Текст]: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / К. В. Капранчикова, ТГУ им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2014. – 220 с.

4. Ковалёва Т. А. Дидактический потенциал подкастов и методика их использования в дистанционной форме обучения иностранному языку [Текст] // Иностранные языки дистанционном обучении: Материалы III Международной науч.-практ. конф., 23-25 апреля 2009 г. / Пермь. – Т. 2. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. – С. 48-55.

5. Протазанова Н. Г. Использование социального сервиса подкастов в обучении иностранным языкам [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. II (Психолого-педагогические науки). – № 3. – С. 95-97.

6. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования [Текст] / под ред. Е. С. Полат. – М.: Академия, 2002. – 272 с.

7. Роберт И. В. Основные направления информатизации образования в отечественной школе [Текст] // Вестник Московского городского университета. Серия: Информатика и информатизация образования. – 2005. – № 5. – С. 106-114.

8. Сысоев П. В. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий [Текст] / П. В. Сысоев, М. Н. Евстигнеев. – М., Ростов-на-Дону, 2010. – 182 с.

РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. Ф. МАРГЕЛОВА

УДК 37.035.6
ББК 74.200.51
Педагогика

НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Кандидат педагогических наук М. Н. Коцина

Статья посвящена организованному процессу педагогического воздействия по формированию у детей и молодёжи нравственности, патриотического сознания, любви и преданности к большой и малой Родине. На примере опыта педагогической практики представлены современные условия эффективной работы по нравственно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Ключевые слова
Родина, общечеловеческие ценности, нравственно-патриотическое воспитание, дети, подрастающее поколение, молодёжь

«Если нация утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, всё и так развалится само по себе»
В. В. Путин [10]

Актуальность нравственно-патриотического воспитания детей и молодёжи в современных условиях особенно была выделена Президентом России Владимиром Путиным во время обращения с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию: «На улицах наших городов и поселков мы видим сегодня результаты того, что происходило в государстве, в обществе, в школе, в СМИ, да и в наших головах в последние, в предыдущие 15-20 лет. Это и понятно. Тогда были отброшены все идеологические штампы прежней эпохи. Но, к сожалению, тогда, же были утрачены и многие нравственные ориентиры. Мы в известном смысле вместе с грязной водой и ребенка выплеснули… Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность… Мы должны действовать не путём запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества… пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного граждани-

на России» [10].

И такое внимание к нравственно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения у первых лиц государства и социума в целом не случайны, т. к. именно сущность человека, даже неосознанно для него самого, проявляется в том, что для него дорого, к чему он стремится, без чего он не мыслит своей жизни. Поэтому, каковы ценности, которым подчинил свою жизнь человек, таков и он сам, таковы его сущностные характеристики, которые он и проявляет в жизни. Именно ценности характеризуют личность как живую реальность и побуждают человека к определенному роду действий, т. к. в процессе развития человека, в его духовной сфере формируется сложная иерархия ценностей, которая проявляет себя как реальная сила, служащая главным регулятором психофизиологических особенностей личности и поступков [4. С. 44].

М. Н. Коцина [3. С. 215-216] рассматривает общечеловеческие ценности как важный фактор реализации патриотического воспитания подрастающего поколения, где в организационный аспект автором предлагается включить – научно-методическое обеспечение процесса формирования у школьников патриотических ценностей; в содержательный аспект – обновлённое направление патриотического воспитания (мировоззренческая подготовка школьников; формирование толерантного сознания и поведения; воспитание демократической культуры); в практический аспект – использование народных традиций и средств государственной музыкальной символики Российской Федерации и систему критериев оценки эффективности патриотического воспитания учащихся школы (ценностный критерий, который характеризует сформированность иерархии ценностных ориентаций ученика и поведенческий критерий, характеризующий готовность школьников к участию в общем деле).

Важность воспитания нравственности и патриотизма в государстве через систему ценностных ориентаций была Владимиром Путиным показана по случаю тысячелетия преставления святого равноапостольного князя Владимира, при обращении к представителям других традиционных для России религий: «Хочу особые слова благодарности обратить представителям других традиционных религий России за то, что вы сегодня вместе с нами. Нас ничего не разделяет, а объединяет очень многое: единство нравственных ценностей и общее любимое нами Отечество» [1].

Таким образом, система ценностных ориентаций, составляющая ядро нравственно-патриотического воспитания, определяет содержательную сторону направленности личности и основу её отношений к окружающему миру, к обществу, к себе самой.

Под нравственно-патриотическим воспитанием А. А. Куделич [5. С. 194] подразумевает формирование эмоционального мира ребёнка в процессе систематического целенаправленного воздействия на него. Автор трудов рассматривает ориентацию на нравственные и патриотические ценности как сложный, поэтапный процесс приобщения субъектов жизнедеятельности к общечеловеческим ценностям в процессе обучения, общения, труда в разных видах деятельности, обеспечивающий позитивные результаты возвышения личности, её интересов, потребностей, стремлений к нравственным идеалам человеческой культуры, к сохранению традиций взаимоуважения, к улучшению нравственного микроклимата, готовность к преодолению негативных явлений в окружающей среде [5. С. 101].

Нравственно-патриотическое воспитание обучающихся в высших учебных заведениях понимается А. В. Осиповой [7. С. 6] как когезивное единство воспитания патриотизма, гражданственности, верности Отечеству, высоким нравственным идеалам; как культура межнационально-

го поведения; как толерантность и этикет; как программа нравственного единения на основе национальной идеи.

Р. Ш. Гизатуллин под нравственно-патриотической направленностью личности в своих научных трудах [2. С. 17] понимает наличие в её самосознании идейно-нравственных установок на исполнение гражданских обязанностей, наличие патриотических чувств, стремления быть полезным в делах для своих соотечественников и видеть в себе активного защитника национальных интересов Родины, в том числе на поприще военной службы. Немаловажным элементом нравственно-патриотической направленности школьника, по мнению автора, следует считать его привязанность к «малой родине», уважение к своим национальным корням, героическим деяниям своих земляков.

Нравственно-патриотическое воспитание подрастающего поколения, по мнению З. М. Харисовой [11], ставит своей целью различными педагогическими средствами пробудить у детей интерес к окружающему миру, любовь к Родине и ее героическому прошлому. Автор исследования считает, что одна из задач нравственного воспитания – воспитание патриотических чувств, включающая в себя воспитание любви к близким людям, к родному посёлку и к родной стране, а важной частью нравственного воспитания является приобщение ребёнка к культуре своего народа, поскольку раскрытие личности в ребёнке полностью возможно только через включение его в культуру собственного народа. Приобщение детей к отеческому наследию, показывает нам Харисова З. М., воспитывает уважение, гордость за землю, на которой живёшь, т. к. для школьника Родина начинается с родного дома, улицы, на которой живёт он и его семья, в семье начинает «расти» будущий гражданин своей страны.

Ю. Б. Соколовская в диссертационном исследовании показала, что целенаправленная система нравственно-патриотического воспитания школьников в качестве основополагающих моментов своего функционирования предполагает: соответствие целей воспитания тем требованиям, которые предъявляет общество; единство и взаимосвязь нравственного и патриотического компонентов, их взаимообусловленность, что позволяет регулировать отношения между субъектами одной социальной общности [9. С. 106]. Формирование нравственно-патриотических качеств личности, по мнению автора, возможно при условии функционирования в обществе в целом и образовательной среде, в частности, продуктивной, продуманной системы воспитательной работы, охватывающей все социальные институты общества и реализующейся на всём протяжении жизни индивида [9. С. 105].

А. А. Куделич, исследуя формирование ценностных ориентаций нравственно-патриотической направленности у представителей юношеского возраста, показывает нам систему ценностных ориентаций личности, в структуре которых можно выделить внутренние и внешние черты. К внутренним автор относит сущностно-образующие ценности: вера, надежда, любовь, доброжелательность, верность, преданность. К внешним относятся ценностные характеристики патриотизма: героизм, гражданственность, национальная идентичность, доблесть. Кроме этого, исследователь считает, что эмоционально-чувственный, рассудочно-мыслительный и духовный уровни патриотизма проявляют себя в виде чувства любви к родному, родовому, кровному, национальному [5. С. 193-194].

Источниками формирования нравственно-патриотической направленности личности школьника через героические традиции российского офицерства, по мнению Р. Ш. Гизатуллина, выступают: освоение учащимися исторических знаний о них (реализация воспитательно-патриотического потенциала преподавания истории и художественной литературы); воспита-

ние на примере героической личности исторической персоны, а также воина-современника; приобщение к практическим делам на пользу «малой родины»; физическое и нравственное самосовершенствование в освоении военно-прикладных умений; создание школьных ритуалов, моделирующих воинские традиции российского офицерства и др. [2. С. 22].

Выделяя значимость нравственно-патриотического воспитания в жизни школьников, Т. А. Петрова в своём исследовании [8] показывает, что это воспитание является важной задачей становления личности и выступает одним из главных условий ее жизнеспособности в обществе. По мнению автора, в нравственно-патриотическом воспитании огромное значение играет пример взрослых близких людей, поэтому необходимо на конкретных примерах из жизни старших членов семьи прививать детям такие важные понятия, как «долг перед Родиной», «любовь к Отечеству», «ненависть к врагу», «трудовой подвиг» и т. д., т. к. для воспитания нравственно-патриотических чувств важно показать учащимся, что Родина чтит своих героев, что деятельность одного человека связана с жизнью всех людей. В научных трудах Петровой Т. А. универсальным способом нравственно-патриотического воспитания личности является традиция, выступающая в качестве средства духовного совершенствования, культурного восприятия и актуального приобщения личности к достоянию своего рода, Отечества, той социальной среды, которая является для него корневой.

В. А. Куличкова [6] также считает важным в нравственно-патриотическом воспитании школьников – тесную взаимосвязь с родственниками, где на примере жизненного опыта дедушек и бабушек, их фронтовых и трудовых подвигов, необходимо прививать детям общепринятые государственные ценности. Автор научных трудов считает, что важно подрастающее поколение подвести к пониманию, что мы победили потому, что любим свою Отчизну, что Родина чтит своих героев, отдавших жизнь за счастье людей, что их имена увековечены в названиях городов, улиц, площадей, а в их честь воздвигнуты памятники. Куличкова В. А. показывает нам, что прикосновение к истории своей семьи вызывает у ребенка сильные эмоции, заставляет сопереживать, внимательно относиться к памяти прошлого, к своим историческим корням, способствует бережному отношению к традициям, сохранению вертикальных семейных связей, а также воспитанию любви к своему городу и своей стране. Исследователь убеждён, что воспитывая у детей любовь к своему городу, необходимо подвести их к пониманию, что их город – частица Родины, поскольку во всех местах, больших и маленьких, есть много общего: повсюду люди трудятся для всех, (учителя учат детей; врачи лечат больных; рабочие делают машины и т.д.); везде соблюдаются традиции: Родина помнит героев, защитивших ее от врагов; повсюду живут люди разных национальностей, совместно трудятся и помогают друг другу; люди берегут и охраняют природу; есть общие профессиональные и общественные праздники и т. д.

Важнейшей составляющей нравственно-патриотического воспитания школьников, по мнению Л. Д. Яковлевой [12], являются школьный музей и краеведческая работа, которая предусматривает формирование и развитие социально значимых ценностей. По мнению автора, героические события отечественной истории, выдающиеся достижения страны в области науки и культуры ещё сохранили качества нравственных идеалов, дефицит которых очевиден у современных школьников, а дети, прошедшие через серьёзный опыт социально значимой краеведческой работы, – это качественно другие люди, не только обладающие новыми знаниями, умениями, навыками. Проводя исследовательскую и краеведческую работу в

школьном музее, по убеждению Яковлевой Л. Д. как важнейшем факторе нравственно-патриотического воспитания учащихся, автор показывает главный результат этой деятельности – это обогащение внутреннего мира подростков, обретение ими системы ценностей, в которой понятия «малая Родина», «история Отечества», «созидатели города» становятся важными составляющими их внутреннего «Я», их картины мира.

Ю. Б. Соколовская считает, что в формировании будущего высоконравственного гражданина и патриота должны участвовать следующие основные виды совместной воспитательной деятельности школьников и преподавателей: формирование активной жизненной позиции, этического сознания и морально-этической убеждённости; воспитание любви к семье, готовности к будущей роли семьянина, носителя, хранителя и создателя семейных традиций; формирования гражданственности, уважения к правам и свободам человека, твёрдых убеждений и необходимости соблюдения правовых норм, уважительного отношения к законам РФ, Конституции РФ; формирование у школьников разумных потребностей, развития таких качеств личности, как бережливость, чувство хозяина по отношению к материальным ценностям, смещение приоритетов от сугубо материальных к постепенному формированию таких качеств, как предприимчивость, организованность, новаторство и т. д.; воспитание любви к окружающей природе, любви к Родине, патриотического отношения к её истории, уважения к её национальной культуре народов России; формирование у школьников глубокого понимания своего гражданского долга – быть готовым в любое время встать на защиту Отечества и др. [9. С. 86-87].

По выбору нравственно-патриотических приоритетов в ходе практической профессиональной деятельности А. В. Осиповой предложен прогностический педагогический комплекс развития и саморазвития военной молодёжи с использованием алгоритма следующего вида: изучение концепции нравственно-патриотического воспитания курсантов на основе приоритетно-ориентированного подхода; встреча с участниками Великой Отечественной войны и боевых действий с целью развития нравственной памяти; изучение подвигов военнослужащих, вошедших в летопись Великой Отечественной войны и современных локальных войн; составление перечня «нравственных табу» (общечеловеческих ценностей); приобретение опыта выстраивания отношений в воинском коллективе в ходе выполнения боевых задач [7. С. 23-24].

Выводы

1. Нравственно-патриотическое воспитание подрастающего поколения, особенно в современных условиях, играет очень важную, даже стратегическую роль в благосостоянии и развитии нашего общества, в дальнейшей реализации демократических и правовых основ государства, в могуществе нашего Отечества. И от того, какое начальное воспитание, особенно в нравственном и патриотическом направлениях, получат дети и молодёжь, будет зависеть будущее целостности и независимости Российской Федерации.

2. Нравственно-патриотическое воспитание – это организованный процесс педагогического воздействия всех социальных институтов общества по формированию у детей и молодёжи интересов, потребностей, стремлений к нравственным идеалам человеческой культуры; идейно-нравственных установок на исполнение своих гражданских обязанностей; верности Отечеству и высоким нравственным идеалам в образовательной и трудовой деятельности; сознания активного защитника национальных интересов Российской Федерации на основе нравственного единения различных национальных (региональных) культур, любви и преданности к большой и малой Родине.

3. Для реализации нравственно-патриотического воспитания детей и молодёжи необходимы следующие педагогические условия: формирование нравственно-патриотических качеств, национального самосознания, способности жить с людьми других культур, языков и религий; пример героической личности исторической персоны, других значимых людей в различных видах деятельности; приобщение подрастающего поколения к практическим делам на пользу малой и большой Родины; формирование и развитие социально значимых ценностей; нравственное и физическое самосовершенствование в освоении военно-прикладных умений по защите Отечества; создание школьных ритуалов, моделирующих воинские традиции, для подготовки молодых людей к службе в Вооруженных Силах РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Владимир Путин. Крещение Руси – ключевой поворот в истории государства и культуры [Электронный ресурс]. – http://www.pravda-tv.ru

2. Гизатуллин, Р. Ш. Нравственно-патриотическое воспитание старшеклассников на героических традициях российского офицерства [Текст]: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Р. Ш. Гизатуллин; Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань, 2005. – 24 с.

3. Коцина, М. Н. Понятие и сущность патриотического воспитания в современных педагогических исследованиях [Текст] / М. Н. Коцина // Российский научный журнал. – 2015. – № 2(45). – С. 211-216.

4. Коцина, М. Н. Принцип природосообразности в условиях реформирования военного образования [Текст]: монография / М. Н. Коцина; науч. ред., доктор пед. наук, проф. Л. А. Байкова. – Рязань: РВВДКУ, 2011. – 162 с.

5. Куделич, А. А. Формирование ценностных ориентаций нравственно-патриотической направленности у детей старшего школьного возраста [Текст]: Дис. ... канд. пед. наук / А. А. Куделич; Смол. гос. ун-т. – Смоленск, 2008. – 225 с.

6. Куличкова, В. А. Гражданское и нравственно-патриотическое воспитание младших школьников [Электронный ресурс] / В. А. Куличкова. – http:// festival.1september.ru

7. Осипова, А. В. Нравственно-патриотическое воспитание обучающихся современных высших военных учебных заведений на основе приоритетно-ориентированного подхода [Текст]: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. В. Осипова; Юж. федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2011. – 25 с.

8. Петрова, Т. А. Нравственно-патриотическое воспитание школьников [Электронный ресурс] / Т. А. Петрова. – http://io.nios.ru

9. Соколовская, Ю. Б. Педагогические аспекты формирования нравствен-но-патриотических качеств у старших школьников [Текст]: Дис. ... канд. пед. наук / Ю. Б. Соколовская; Саратовский гос. ун-т. – Саратов, 2001. – 130 с.

10. Текст послания президента Федеральному собранию на 2015 год [Электронный ресурс]. – http://importozamechenie.ru/tekst-poslaniya-prezidenta-federalnomu-sobraniyu-na-2015-god

11. Харисова, З. М. Нравственно-патриотическое воспитание как педагогическое понятие [Электронный ресурс] / З.М. Харисова. – http:// nsportal.ru

12. Яковлева, Л. Д. Исследовательская и краеведческая работа в школьном музее как важнейший фактор нравственно-патриотического воспитания учащихся [Электронный ресурс] / Л. Д. Яковлева. – http://io.nios.ru

БАРАНОВИЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ, г. БАРАНОВИЧИ

УДК 3786 37.018.46
ББК 74.48
Педагогика высшей школы

ВОЗМОЖНОСТИ КОНСАЛТИНГА В РЕАЛИЗАЦИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГА

Кандидат педагогических наук З. В. Лукашеня

Консалтинг профессиональной деятельности педагога является одной из эффективных образовательных форм, реализующей гуманистические принципы современного обучения и его личностную ориентацию. Он использует консультационные техники, базирующиеся на концепции рефлексивно-творческой психологии и педагогики. Они реализуются через интенсивно-игровые методы, обеспечивающие непрерывность подготовки к инновационной деятельности в образовании.

Ключевые слова
Непрерывное образование, консалтинг профессиональной деятельности педагога, игротехническое моделирование, самоопределение, самореализация

Современный человек обречен на необходимость непрерывного общекультурного и профессионального образования как способа быть востребованным в современном социуме. Концепция непрерывного образования, принятая ЮНЕСКО и действующая со времени создания ООН, понимается как весь процесс формирования человеческой личности от рождения человека до конца его жизни [8, с. 17].

Согласно нашим исследованиям, консалтинг предполагает оказание образовательных услуг, удовлетворяющих не только потребностям государства и общества, но и потребностям личности в развитии её способностей в постоянно меняющихся условиях жизни. Непрерывное образование рядовых педагогов системы «учреждение образования», реализуемое в форме консалтинга, способствует разработке комплекса управленческих решений, которые обеспечат качественную реализацию процессов продуктивного управления, функционирования и развития всей организации [4].

Проблемам непрерывного образования посвящены исследования многих российских педагогов (И. В. Бестужев-Лада, Л. П. Буева, А. А. Вербицкий, С. Г. Вершловский, А. П. Владиславлев, Б. С. Гершунский, А. В. Даринский, Г. П. Зинченко, О. В. Купцов, Ф. И. Перегудов, В. Н. Турченко, Ф. Г. Филиппов, В. Г. Онушкин и др.). Однако, проблема практической реализации имеющихся теоретических наработок по реализации непрерывного образования в сфере повышения квалификации педагогических кадров остается актуальной и востребованной. Консал-

тинг, как форма оказания помощи рядовому педагогу системы «учреждение высшего образования» для обеспечения процесса его непрерывной подготовки, по нашему мнению, находится в рамках данного проблемного поля.

Согласно нашим исследованиям, в качестве консультанта выступает коллективный субъект, который формируется под каждую конкретную проблему конкретного педагога из числа кадрового ресурса учреждения образования. Данный кадровый ресурс создается из числа сотрудников вуза, которые прошли специальную игротехническую подготовку [5].

Непрерывное образование по своей природе ориентировано на выполнение социальных функций, реализуемых на основе значимых ценностей, которые находят свое отражение в принятых на каждом историческом этапе парадигмальных основаниях. Определенные образовательные парадигмы, которые доминируют в разные периоды развития человеческого сообщества, определяют выбор содержания, форм, методов и средств обучения, позицию педагогов и обучающихся, уклад жизни учебных заведений и т. п. [6, с. 78].

Развитие современного общества характеризуется специальным вниманием к миру личности. Понимание личностной ориентации в непрерывном образовании является для нас исходным в конкретно-содержательном плане современной образовательной парадигмы. Преемственность ступеней образования предполагает устремленность личности на самореализацию средствами образования. Исходя из этого, нами предполагается направленность непрерывного образования на актуальные образовательные потребности личности в процессе ее самоопределения, самореализации и саморазвития.

В основе реализации непрерывной профессиональной подготовки специалиста лежит идея соединения профессионального образования с общим через повышение квалификации. Согласно мнению исследователей, для обеспечения единства в организации обучения в рамках многоуровневой системы важно обеспечить взаимосвязь и преемственность трех систем: подготовки специалистов – профессиональной деятельности – переподготовки и повышения квалификации [3, с. 206]. Консалтинг профессиональной деятельности специалистов вуза непосредственно на рабочем месте в данном случае может стать связующим элементом системы кадрового обеспечения. В таком случае, качественные изменения профессиональных компетенций специалистов учреждений образования перестают быть прерогативой сферы системы повышения их квалификации истановятся непосредственной задачей системы «учреждение высшего образования». Осуществление образовательных и технико-технологических инноваций может идти параллельно с развитием кадров, функционирующих в рамках этой же системы. Учреждения высшей школы в данном случае становятся не только потребителем специалистов определенного качества, а одним из агентов их формирования.

Технология обучения взрослых предполагает учет накопленного ими профессионального опыта, их интеллектуального и общекультурного потенциала в рамках максимальной степени индивидуализации. Интеграция трудовой деятельности педагогического работника с процессом его обучения представляется нам возможным через консалтинг, как форму реализации непрерывного педагогического образования. Консалтинг профессиональной деятельности является одной из эффективных образовательных форм, реализующей гуманистические принципы современного обучения и его личностную ориентацию. Как нами указывалось ранее, он использует консультационные техники, базирующиеся на концепции рефлексивно-творческой психологии и педагогики, которые реализуются через интенсивно-игровые методы, обеспечивающие ин-

новационную деятельность в образовании [4, 5].

Мы опираемся на понимание консалтинга как процесса осознания противоречий и конфликтов, сопутствующих любой деятельности человека, который рефлексивными механизмами обеспечивает выход в инновацию. Реализация его как совокупности игромодельных событий предполагает использование серии сменяющихся и взаимопересекающихся проблемно-конфликтных ситуаций (И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов, М. И. Найденов и др.), в которые вовлекаются участники путем постановки и решения творческих задач профессионально-личностного содержания [7, с. 30-75].

При осуществлении консалтинга профессиональной деятельности педагогических кадров используются имитационные и организационно-деятельностные игры, которые составляют его структуру. Они построены на техниках организации рефлексивных процессов и направлены на изменение методов мышления и профессионального самоопределения личности. Рефлексия обеспечивает критическое отношение к существующим стереотипам педагогической деятельности, поиск новаций, их обобщение в технологическую систему, распространение в виде новаторского опыта. Адекватноеразвитие практики осуществления непрерывного образования в форме консалтинга невозможно вне развития рефлексивной культуры педагогических кадров.

Большинство зарубежных рефлексивно-образовательных технологий акцентируется на мотивационно-самооценочных аспектах личности и контрольно-критических свойствах мышления и характеризуется стихийным проявлением рефлексии. В рамках нашего исследования рефлексия трактуется как активность сознания личности, а не осознание оснований поведения и деятельности. Используемые нами консультативные техники нацелены на обеспечение инновационного развития рефлексивно-методологических средств мышления консультируемых педагогов. Это подразумевает формирование приемов рефлексивной, содержательно-смысловой саморегуляции. Процесс рефлексии при реализации консалтинга профессиональной деятельности представляет собой самонаблюдение, результатом которого выступает самоотчет участника. В результате происходит культивирование креативно-смысловых свойств личности, ее коммуникативно-эмпатийных возможностей в общении и кооперативно-конструктивном взаимодействии с коллегами.

В качестве объектов рефлексивного анализа в процессе реализации консалтинговых процедур выступают реальные ситуации профессиональной практики, взятые из опыта участвующих. В процессе осуществления процессного консалтинга профессиональной педагогической деятельности они могут разворачиваться спонтанно. При реализации обучающего консалтинга они создаются целенаправленно в виде соответствующих компонентов непрерывного образования. Консалтинг, как форма непрерывного обучения заинтересованных в профессиональном развитии педагогических кадров, является средством развития нового профессионального опыта.

Реализация непрерывной профессиональной подготовки педагога в форме консалтинга может быть представлена последовательностью следующих этапов и процедур:

1. Подготовка консалтинга в предметно-проблемном и материально-техническом плане, которая включает разработку его основных проблемных точек в рамках заявленной для консультирования тематики, проектирование системы консультативных техник и проблемно-ориентируемых групп участников, формирование коллективного субъекта «консультант», методологическое и материально-техническое обеспечение консалтинговых процедур.

2. Непосредственное осуществление консалтинговых процедур реализуется через поэтапное прохождение каждым участником стадий самоопределения по вопросу участия вообще и по конкретной позиции своего участия (зритель, актер, сценарист) [5, с. 160-167]. В качестве основных инструментов их реализации используются игромоделирование и схемотехника, которые способствуют организации рефлексии средств и способов работы и общих смыслов профессиональной деятельности участников [4, с. 332-351].

3. Разработка теоретической модели оптимальных управленческих решений в профессиональной деятельности рядового педагога. Факты расхождения расчетной (схематизированной) и наблюдаемой (видеозапись) информации могут скрывать факторы, определяющие профессиональную деятельность педагога, которые до сих пор не выступали на первый план в аспекте непрерывности подготовки. На основе имеющейся информации консультанты излагают проекты инновационного изменения профессиональной деятельности педагога, которые подвергаются рефлексивной оценке в индивидуальном, групповом и коллективном режиме, что способствует их конкретизации и оптимизации. Окончательной рефлексивной оценке предшествуют многочисленные процедуры проектирования схем изменения деятельности, сценарирование и проигрывание этих изменений. Схемы помогают участникам прийти к новым решениям и результатам в исследовательской деятельности через мотивационно-самоопределенческий процесс. Проигранные группами игромодельные взаимодействия педагогического опыта подвергаются коллективному рефлексивному анализу, который совмещаясь с аналитической работой коллектива консультантов, позволяет абстрагировать консультируемую проблему и способы ее решения. Сценарирование полностью должно быть подчинено ответу на исследовательские вопросы участников игромодельного события.

4. Процесс экспериментального моделирования необходим для проверки теоретически наработанной в консалтинге схемы изменения профессиональной деятельности консультируемого педагога с целью превращения ее в фактический алгоритм его деятельности. На данном этапе обеспечиваются возможности творческого самовыражения и саморазвития консультируемого. Экспериментальное моделирование считается законченным только при условии полного соответствия теоретической схемы и схемы, полученной в результате процессуальной реконструкции [1, с. 261]. По результатам осуществления данного этапа, на основе выявленного у консультируемого педагога уровня способностей к самореализации, консультантом принимается решение по периодичности оказания консалтинговых услуг данному педагогу.

Самореализация конкретного педагога в непрерывном образовании нами трактуется как предельное выражение гуманистической идеи реализации консалтинговых процедур. Гуманистическая тенденция осуществления консалтинговых процедур имеет особое значение для развития непрерывного образования как системы, предполагающей возможность удовлетворения и направленного формирования всех основных образовательных потребностей личности.Реализация личностной ориентации непрерывного педагогического образования способствует утверждению в системе профессиональной подготовки общечеловеческих и гуманистических ценностей. Она призвана обеспечить переориентацию реализуемых в его рамках образовательных процессов на самого субъекта и на способы его саморазвития путем самоактуализации педагогом своих ценностей и культивирования творческого потенциала в раскрепощенном общении и профессиональном самосовершенствовании.

Высокая степень вовлеченности учас-

тников консалтинга в рефлексивное развивающее взаимодействие является одним из основных условий продуктивности его реализации. Для того, чтобы состоялось принятие личностью рефлексивно-инновационного взаимодействия как ценности, необходимо актуализировать это принятие, позволяя участникам самоопределиться к позиции участия в консалтинге. Игромодельная ситуация, организуемая в рамках консалтинга, становится моментом жизни личности консультируемого педагога. В нормы ее осуществления входит необходимость для консультируемого органично вписаться в контекст ее бытия и, одновременно, реализовывать потенциал развития отношений субъекта. Консалтинговая игромодельная ситуация способствует расширению пространства самоосуществления ее участников, новому пониманию ими смыслов реальности.

Реализация консалтинговых процедур непрерывного профессионального образования предполагает формирование организованности и дисциплинированности мышления, систематизации информации и последовательное структурирование выхода из консультируемой проблемно-профессиональной ситуации. Формирование предметной позиции требует включения эмоционально-мотивационного компонента консультирования, чему способствует использование в консалтинге креативных консультативных техник. Данные техники способствует формированию таких качеств, как способность к символизации, метафоризации, установлению новых контекстов, которые позволяют освоить необходимые рефлексивные действия, лежащие в основе предметной гибкости.

Немаловажным является формирование в процессе консалтинга навыков коллективной деятельности творческой направленности у различных специалистов. Они базируются на основе организации рефлексивных процессов и предполагают выработку общего языка и взаимопонимания, овладения современными формами методологической рефлексии и использовании их в групповой работе [2, с. 340-419]. При организации и реализации консалтинговых процедур используются современные методологические средства работы, как на стадии проектирования, так и на стадиях обсуждения. В рамках осуществления консалтинговой консультативной практики наработано множество приемов рефлексивной соорганизации коллективного мыследействия и формирования рефлексивного компонента профессиональной деятельности. По признанию участников, они видят целесообразность использования многих из них в собственной педагогической практике.

Согласно результатам проведенных нами социологических опросов участников консалтинговых процедур (выборка по 221 респонденту), переосмысление профессиональной деятельности приводит к весьма разнообразным индивидуальным результатам. Для одних участников (115 чел. или 52 % участников опроса) консалтинг стал условием для порождения уникальной концепции профессиональной деятельности в актуальных обстоятельствах (открытие новой модели проведения занятий, методов работы с обучающимися, диагностических методик и т. п.). Для 51 участника опроса (23 %) – начальным толчком в открытии внутренних, скрытых до сих пор для осознания личностных проблем, ступенькой к личностному росту. Этапом самоопределения, уточнением смыслов жизни и профессии считают консалтинг 31 его участник (14 %); 24 педагога (11 %) – способом овладения культурой целостной интеллектуальной деятельности.

Приведенные данные свидетельствуют о том, чтоосуществление непрерывного образования через консалтинг соответствует признакам элитарной, индивидуальной, претендующей на исследования процесса уникализации человека, формы образования. Ей чужды типологические

схемы, универсальные методы и технологии передачи ценностей культуры. В то же время, она реализуется в коллективном режиме и может быть признана массовой формой осуществления непрерывного образования педагогов. По способу приобретения профессиональных компетенций данная форма реализации непрерывного образования предполагает использование методов активного обучения, что означает включение участников в позицию активного поиска проблем и способов их решения. По глубине протекания процессов она может характеризоваться, как реализующая интенсивные методы. По характеру реализуемых процедур консалтинг предполагает совмещение игровых, социально-психологических, интеллектуально-поисковых, театрально-педагогических консультативных техник.

Использование консалтинга профессиональной деятельности педагога как формы осуществления непрерывного образования позволяет сформировать его творческую позицию по отношению к профессиональному росту в интеллектуально-познавательном плане, содействует становлению его как управленца собственной деятельностью, обладающего компетенциями свободы и ответственности в принятии судьбоносных для своей практики решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Анисимов О. С. Игромоделирование. Игротехника. Развитие. – М.: Изд-во ФГОУ Рос. АКО АПК, 2009. – 520 с.

2. Анисимов О. С. Педагогическая деятельность: игротехническая парадигма. В 2-х томах. – Т. 1. – М., 2009. – 485 с.

3. Зинов В. Г. Менеджмент инноваций: Кадровое обеспечение. – М.: Дело, 2005. – 496 с.

4. Лукашеня З. В. Консалтинг как форма сопровождения инновационной деятельности педагога // В мире научных открытий. Гуманитарные и общественные науки: Научный журнал (Красноярск: Научно-инновационный центр). – 2012. – № 7.1(31). – С. 332-351.

5. Лукашеня З. В. Технологические характеристики консалтинга педагогической деятельности // Образование в создании современной действительности. Возможности и ограничения: Сборник статей в 2 т. – Т. I. – Седльце: Седлецкое Научное Общество, 2013. – С. 160-167.

6. Люрья Н.А. Ценностно-деятельностная природа образованности и культурно-исторические условия изменения ее типа // Социально-философские проблемы образования. – М.: ИЦПУКПС, 1992. – 178 с.

7. Семенов И. Н. Методологические проблемы обеспечения непрерывного образования взрослых (взаимодействие психологии, акмеологии, конфликтологии и педагогики). – Бийск: БиГПИ, 1994. – С. 30-75.

8. Тезисы Международной конференции, посвященной 50-летию ЮНЕСКО. – Новосибирск, 1996. – 392 с.

МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
г. КОЛОМНА

УДК 159.942
ББК 88.50
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ СОТРУДНИКОВ МВД С НАСЕЛЕНИЕМ

Кандидат психологических наук О. И. Одарущенко

Представлена работа, раскрывающая проблему профессионального общения сотрудников МВД с населением, методологию современного делового общения. Рассмотрены основные методы воздействия в процессе профессионального общения. Даны рекомендации по повышению коммуникативной компетентности сотрудников МВД.

Ключевые слова
Сотрудники МВД, общение, коммуникативная компетентность, профессиональное общение

В рамках проводимого в настоящее время реформирования системы Министерства внутренних дел (МВД) России психологическое обеспечение сотрудников рассматривается руководством МВД России в качестве одного из приоритетных направлений работы с личным составом. Следовательно, одной из основных задач психологической работы в структуре МВД России является помощь в осознании необходимости позитивного взаимодействия с населением, так как полиция нуждается в смене своего имиджа, необходимости сотрудничества между обществом и органами внутренних дел. В своем выступлении на заседании «круглого стола» «Психологические последствия закона «О полиции» – новейшая проблематика юридической психологии», проходившего в Институте психологии РАН в декабре 2010 года, Дмитрий Владиславович Сочивко (д. псих. н., профессор Академии права и управления ФСИН РФ) подчеркнул, что основная направленность нового закона предполагает формирование партнерских отношений между обществом и полицией, а Александр Валерьевич Пищелко (д. пед. н., профессор, заместитель начальника Всероссийского института повышения квалификации работников МВД России, вице-президент Международной юридической академии) предложил отказаться от присущей России исторической традиции противостояния власти и общества (Круглый стол «Психологические последствия закона «О полиции» – новейшая проблематика юридической психологии» // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 6. – С. 79-85). В связи с этим возникает актуальная потребность более глубокого изучения проблемы профессионального общения сотрудников МВД с населением с тем, чтобы расширить систему представлений о феномене «общение» и взаимосвязи с профессиональной деятельностью современного полицейского.

Профессиональное взаимодействие с другим предполагает повышение комму-

никативной компетентности – это общие задачи для всех видов профессий, связанных с непосредственным контактом с людьми [1].

Формирование коммуникативной компетентности – важнейшее направление в современном образовании сотрудников МВД. Коммуникативная компетентность состоит в умении использовать психологические методы управления, владеть эффективными технологиями общения и искусством управленческого воздействия.

Существуют различные подходы к определению понятия «общение». Мы будем рассматривать общение как особый вид взаимодействия между людьми, содержанием которого являются обмен информацией, оказание воздействия друг на друга, реализация взаимоотношений с помощью речевых и неречевых средств.

Однако профессионала в области коммуникации интересует не столько теория общения, сколько методология, сфера практического применения знаний, т. е. технологии эффективного (а значит, успешного) делового общения.

Технологии эффективного делового общения – система методов, способов и приемов, обеспечивающая решение различных практических задач, связанных с межличностным взаимодействием.

Профессиональное общение сотрудников МВД предполагает владение умениями и навыками осуществления конкретных коммуникативных действий, а именно:

– в ситуациях делового общения ставить перед собой комплексные цели и осмысливать полученные результаты;

– продумывать, создавать сценарии возможного поведения людей в сложных и экстремальных ситуациях общения;

– выстраивать взвешенную стратегию выхода из конфликтных ситуаций;

– правильно строить личностно ориентированное общение с различными категориями людей;

– эффективно использовать все средства психологической защиты от всевозможных уловок-манипуляций, используемых партнерами по общению;

– взвешенно и разумно вести переговоры с различными категориями людей;

– правильно выстраивать и психологически оптимизировать общение с представителями СМИ, государственных и общественных организаций;

– эффективно выстраивать деловые и субординационные взаимоотношения с начальниками и подчиненными;

– создавать здоровые морально-нравственные отношения в коллективе, побуждать коллег к безупречному выполнению своих должностных обязанностей;

– во всех ситуациях взаимодействия с населением соблюдать этикет и нравственные нормы поведения, такие как вежливость, корректность, тактичность, скромность, честь и достоинство и т. д. [5].

Таким образом психологическая работа в системе МВД предполагает повышение коммуникативных способностей современного полицейского и обеспечение его методами и технологиями межличностного взаимодействия, что в свою очередь обеспечит доверие населения к полиции.

Эффективность межличностного взаимодействия современного полицейского во многом зависит от умения эффективно использовать различные виды психологического воздействия.

К основным видам психологического воздействия в межличностном общении относят: убеждение и внушение.

Убеждение представляет собой воздействие на собеседника с целью изменить его отношение к чему-либо, когда он придерживается иного мнения. Цель убеждения: трансформировать свое собственное желание: «Я хочу, чтобы вы…» в желание убеждаемого это сделать: «Я тоже теперь так считаю, потому что…». Однако для того чтобы собеседник захотел сделать то, чего хотите вы, необходимо сначала достичь взаимопонимания.

По утверждению ряда отечественных психологов основная роль во взаимопо-

нимании отводится, существующим в общении коммуникативным барьерам [2].

Коммуникативные барьеры – это психологические препятствия на пути адекватной передачи информации между партнерами по общению. Коммуникативные барьеры могут быть трех типов: понимания, социально-культурного различия и отношения.

Возникновение барьера понимания может быть вызвано рядом причин: фонематическое непонимание, семантический, стилистический, логический барьеры. Феномен фонематического непонимания проявляется в результате использования коммуникатором невыразительной быстрой речи, речи-скороговорки или с большим количеством звуков паразитов. Семантические барьеры понимания связаны с тем, что участники общения используют различные значения слов. Например: «Убери свою ручку». Значение слова «ручка» может пониматься как «рука человека» или «авторучка». Стилистический барьер обычно возникает при несоответствии речи говорящего и ситуации общения или стиля речи и состояния того, кто в данный момент слушает. Наконец, логический барьер непонимания происходит, когда логика рассуждения говорящего либо слишком сложна для понимания слушающего, либо противоречит присущей ему манере доказательств. Нельзя забывать, что когда полицейский взаимодействует с детской аудиторией, то детская логика существенно отличается от взрослой.

Нередко причиной барьера понимания могут служить социально-культурные различия между полицейским и партнером по общению (социальные, политические, религиозные, профессиональные различия). Говоря о социальных различиях, можно вспомнить поговорку: «Сытый голодному не товарищ». Политическое непонимание лучше всего демонстрируют те конфликты, которые возникают между представителями различных партий. Религиозные войны возникают в результате трудностей в общении с людьми, исповедующими разные религии. Иногда препятствием может стать само восприятие партнера по общению как представителя определенной профессии. Так барьер отношения возникает при недоверии к собеседнику. Это существенно влияет на восприятие информации, исходящей от него.

Психологи показали, что коммуникативные барьеры тем меньше, чем выше значимость говорящего в глазах слушающего, а это согласно представлениям отечественной психологии, не только статус власти полицейского, т. е. властные полномочия, но и авторитет, качества личности, помогающие окружающим полагаться на его компетентность, принципиальность и справедливость, практическую целесообразность принимаемых решений, а также эмоциональный статус, его способность вызывать симпатию.

Приведенные ниже рекомендации помогут сотруднику МВД существенно повысить эффективность убеждающей коммуникации в различных ситуациях:

– сформируйте положительное отношение к собеседнику, т. к. эффективность убеждения определяется не только логикой и мощью аргументов, но и положительным настроем по отношению к собеседнику;

– используйте потенциал личного обаяния. Обаятельным людям свойственны выразительность (много ярких, живых эмоций), внимательность (искреннее, а не деланное внимание к окружающим), высокоразвитая коммуникативная культура (умение слушать и слышать собеседника, смотреть на него и видеть его настрой, профессионально задавать вопросы);

– будьте доброжелательны, это поможет создать необходимую для убеждения обстановку доверительности, которая вызывая положительные эмоции, будет способствовать созданию положительной психологической установки, способствующей взаимопониманию;

– не забывайте о роли приема «эффект края» в повышении убедительности, который состоит в том, чтобы нужную ин-

формацию, наиболее сильные аргументы приводить в начале и в конце диалога. Экспериментально установлено, что именно тогда информация воспринимается и запоминается лучше всего [5].

Принципиально другим приемом воздействия является внушение. Цель внушения состоит в том, чтобы собеседник твердо поверил во что-либо или в кого-либо, не слишком задумываясь над истинностью аргументов. С точки зрения этики внушение во многом представляет собой манипулятивное воздействие на психику человека. Сущность внушения – в его воздействии на подсознание человека (на эмоции и чувства). У человека, воспринимающего внушающие мысли, ослабевает контрольно-регулятивная функция поведения. В этом и состоит особое «коварство» данного вида психологического воздействия [5].

Приемы внушения должны быть направлены на снижение активности понимания, осмысления и оценки происходящего.

Ниже предлагаются некоторые правила суггестивного речевого внушения:

– внушение во многом зависит от образности ключевых слов, влияющих на воображение. В качестве примера можно привести цитату из стихотворения А. Блока: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека…». Несколько слов вызывают в воображении картину, полную внутреннего драматизма;

– сила внушения во многом зависит от особого эмоционально-чувственного отношения к передаваемой информации. Ваше положительное отношение к обсуждаемой проблеме может передаться вашему партнеру по общению (механизм заражения).

Очень эффективное средство для передачи своего отношения – умелое использование суффиксов: уменьшительно-ласкательных («-очк», «-ечк», «-ок», «-ек»), превосходных («-ейш», «-айш») и т. д., которые способны придавать словам различные оттенки значений. Сравним, например: «грибы – грибочки», «вкусный – вкуснейший» и т. д. Различие очевидно: в первых словах из приведенных пар содержится лишь информация, во-вторых – особое эмоциональное отношение, которое легко передается партнеру;

– сила внушения повысится если избегать слов «нет» и «не». Речь должна состоять исключительно из положительных высказываний. Экспериментально установлено, что, когда в чьей-либо речи часты «нет» и «не», у окружающих невольно возникает отрицательное отношение к сказанному. Подобная речь воспринимается как желание поставить их в подчиненно зависимое положение.

Для наглядности приведем следующие примеры: «Вы не можете не знать» – «Вам, конечно же известно»;

– необходимо полнее использовать возможности речевой динамики – это прежде всего: мягкость и сила голоса, выразительность пауз, интонационное выделение отдельных слов, неожиданное выделение отдельных звукосочетаний [5].

Профессиональное развитие человека сегодня и особенно современного полицейского неотъемлемо связано с компетентностью в общении. Так Л. М. Митина, выдающийся российский психолог, рассматривая профессиональный труд, как сложнейшую психическую реальность, включает в него такие важные компоненты как личность, деятельность и общение [4].

В заключение нашего анализа проблемы профессионального взаимодействия сотрудников МВД с населением хочется отметить, что для повышения эффективности межличностного взаимодействия современного полицейского, помимо приемов и способов, повышающих возможности воздействия, необходимо учитывать и другие аспекты общения.

Анализируя события, произошедшие в московском аэропорту Домодедово 24 января в 2011 г., когда произошел теракт – смертник взорвал себя в толпе людей, можно говорить о необходимости для полицейского иметь как можно раньше информацию о дислокации пособников. Как собрать «максимальную» информацию, не нарушая

прав граждан на личную (частную) жизнь?

В задаче предупреждения терроризма перед стражем порядка в вопросах общения с людьми стоят задачи:

– установления доброжелательных отношений с людьми;

– выявление их общих нужд и чаяний;

– определение озабоченности человека ситуацией в доме и прилегающих территориях;

– уточнение признаков имевших место правонарушений или потенциальных возможностей проявления злого умысла;

– выяснение мнений людей о том, что, по их мнению, стоит улучшить в своей работе;

– и, наконец, предложение помощи, в том числе в вопросах обучения людей главным правилам предупреждения проявлений терроризма и экстремизма.

В этой связи уместно вспомнить положительный опыт советской милиции. Не нынешней, «крышующей» на паях с прокуратурой игорный бизнес в Подмосковье, а именно советской, когда люди видели в участковом друга и не шарахались от милиции как от чумы. Советский опыт работы милиции с людьми блестяще описан братьями Вайнер в романе «Эра милосердия» и вошел в классику как шесть правил Глеба Жеглова (работа со свидетелем).

«Затверди как строевой устав» – учил Жеглов Шарапова.

Первое: «Когда разговариваешь с людьми, чаще улыбайся. Люди это любят».

Второе: «Умей внимательно слушать человека и старайся подвинуть его к разговору о нем самом».

Третье: «Как можно скорее найди в разговоре тему, которая ему близка и интересна».

Четвертое: «С первого мига проявляй к человеку искренний интерес – понимаешь, не показывай ему интерес, а старайся изо всех сил проникнуть в него, понять его, узнать, чем живет, что собой представляет».

Пятое: «Даже «здравствуй» можно сказать так, чтобы смертельно оскорбить человека».

Шестое: «Даже «сволочь» можно сказать так, что человек растает от удовольствия».

Все вроде бы просто, как у Юлия Цезаря:? «Veni, vidi, vici?» («пришёл, увидел, победил»). На самом деле, это требует ясного осознания сотрудниками МВД необходимости позитивного взаимодействия с населением и понимания того, что только простые человеческие отношения с населением позволят полиции сменить свой имидж, дадут возможность органам внутренних дел сотрудничать с обществом.

Формирование коммуникативной компетентности сотрудников МВД, помощь в овладении умениями использовать психологические методы управления и эффективными технологиями общения – это та психологическая работа, которую могут осуществлять психологи в структурах МВД.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Базаркина И. Н., Донцов Д. А., Донцова М. В., Сокуренко М. Б. Социально-психологические эффекты общения, влияние их на взаимодействие и применение в обучении // Вестник практической психологии образования. – 2013. – № 4(37). – С. 82-88.

2. Ефимова Н. С. Психология общения. Практикум по психологии: Учебное пособие / Н. С. Ефимова. – М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2006. – 192 с.

3. Материалы «круглого стола» «Психологические последствия закона «О полиции» – новейшая проблематика юридической психологии» // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 6. – С. 79-85.

4. Митина Л. М. Психологические закономерности целостной профессиональной эволюции человека // Российский научный журнал. – 2015. – № 2(45). – С. 144-161.

5. Панкратов В. Н. Эффективное общение: правила игры: Практическое руководство / В. Н. Панкратов. – М.: Психотерапия, 2007. – 256 с.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. МОСКВА

УДК 159.9
ББК 88.522
Психология, Религиоведение

психология

ТЕМА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Кандидат богословия Э. Г. Попов (Иеромонах Максим)

Статья посвящена проблеме формирования нового типа сознания человечества во второй половине XX века в связи с образованием трансперсональной психологии. В статье рассматривается проблема взаимоотношения психологии, религии и духовности. Особое внимание уделяется исследованию вопросов религиоведения, в том числе духовных феноменов трансперсональной психологии и влияния методологии внеконфессиональной религиозности на сознание человека.

Ключевые слова
Трансперсональная психология, религия, духовность, культура, мистические переживания

Одним из значимых событий второй половины XX века является создание трансперсональной психологии (ТП). Трансперсональная психология занимается проблемой изучения изменённых состояний сознания (ИСС) человека, в которых возможно наиболее эффективное воздействие на его психику, сознание и душу, а также раскрытие резервных возможностей человека.

Рассмотрим некоторые предпосылки возникновения ТП. Развитие науки и секуляризация культуры привели в 60-е годы XX века к бунту молодежи по отношению к классической культуре. Особенностью этого времени стало «паломничество в страну Востока», которому способствовал ряд факторов. Первый – это складывание глобальной цивилизации и связанных с ней процессов мирового масштаба: экономических, политических, культурных, информационных, когда благодаря системе глобальной коммуникации, впервые в истории становятся доступны все религии мира: их мудрость и их практики [13. С. 21]. Второй – стимулирование интереса к восточным философским учениям, в частности, к дзен-буддизму, который подогревался в определенной степени американскими поэтами А. Гинзбергом и Дж. Керуаком. Третий фактор – феномен слияния практики индивидуального совершенствования с практикой социального преобразования [12].

В науке формой протеста стал бунт основателей ТП против «репрессивной» психиатрии, в отношении которой С. Гроф высказывает ряд критических замечаний:

1) важной переменной психиатрического диагноза является культурный контекст: понятия нормального и приемлемого широко меняются в зависимости от социального класса, этнической группы, религиозной общины, географического региона и исторического периода;

2) по причине отсутствия объективных критериев психиатрия остается под глубоким влиянием социальной, культурной

и политической структуры общества [5. С. 352-353];

3) западная психология и психиатрия огульно отвергают любую форму духовности как ненаучную [5. С. 358];

4) психиатрия и психология под влиянием механистического мировоззрения не способны отличить ограниченность и поверхностность верований главенствующих доктрин многих религий от глубины подлинных мистических традиций и великих духовных философий (например, различных школ йоги, ваджраяны, дзен-буддизма, даосизма, гностицизма и др.) [5. С. 358].

Утрата базовых смыслов рационалистической культуры привела к поиску новой антиинтеллектуальной парадигмы, в основе которой стали выкристаллизовываться душевные и духовные потребности человека, его уникальный чувственный и психический опыт. В данном случае актуальной является проблема взаимоотношения психологии, религии и духовности, о чем пишет ряд авторов. Например, Х. Феррер считает, что решающим значением для возникновения ТП явилось приравнивание А. Маслоу пиковых переживаний к «центральному религиозному опыту» [14. С. 53]. Заслуживает внимания мысль Гэри Т. Александера о том, что главным вопросом трансперсональной перспективы являются взаимоотношения между психологией и религией. В работах основателей ТП эта проблема была проигнорирована [1. С. 191-205].

Следует отметить, что не была решена *терминологическая проблема* ТП. В частности, в отношении понятий «религия» и «духовность», хотя для ТП это имеет первостепенное значение. В книге «Психология будущего» С. Гроф рассматривает определение термина «духовность»: «Истинная духовность является всеохватывающей и основывается на личном мистическом переживании, а не на догмате или религиозных писаниях» [8. С. 264]. Он подчёркивает, что слово «духовный» относится не только к религиозным переживаниям, но и ко всем состояниям *осознавания*, всем человеческим функциям и проявлениям, общая черта которых – отношение к более высоким ценностям, чем обычные. Высокие ценности следующие: этические, эстетические, героические, гуманистические или альтруистические [4. С. 287].

Р. Ассаджиоли, основатель трасперсональной теории психосинтеза, определяет значение слова «духовный»: «…не только собственно религиозный опыт, но любые состояния сознания, любые психические функции и формы психической деятельности, ценность которых превышает средний уровень» [2].

Э. Ласло, ведущий специалист в области системного мышления, говорит: «Религия – также общественное явление, связанное с коллективной самоидентификацией. <…> Принадлежность к религиозной группе или конгрегации обеспечивает ощущение идентичности только ограниченному количеству людей. И уж совсем мало общего такая принадлежность имеет с обретением доступа к некой конечной истине» [9. С. 71].

П. Рассел полагает, что мы сегодня являемся свидетелями зарождения новой духовности. У нее нет пока названия, конкретной формы и лидеров. Но уже видна возникающая новая перспектива, хорошо согласующаяся с вечной философией, на которую указывал Олдос Хаксли [9. С. 74].

Рассмотрим, как ТП решает задачи *религиоведения*. С одной стороны, трансперсональная психология не признает традиционных вероисповеданий. Это подтверждается высказыванием о том, что трансперсональные дисциплины не поддерживают какую-либо веру или догму, не требуют религиозных убеждений, только предполагают непредвзятую эмпирическую, научную и философскую проверку любых утверждений [11. С. 19-20]. Из работ специалистов ТП видно, что они не пытались проводить научную проверку каких-либо утверждений в области возникновения и функционирования религии.

С другой стороны, С. Гроф делает попытку дать определение «настоящей религии», которая является «вселенской, всепринимающей и всеохватывающей». Эта религия «…должна превосходить конкретные культурно ограниченные архетипические образы и сосредоточиваться на первичном истоке всех образов», так как «самым важным вопросом в мире религии является вопрос о природе высшего начала вселенной» [8. С.335]. У него таким высшим началом является Абсолютное Сознание. Будущая религия – одна вера (конфессия), синкретизм вер под руководством Абсолюта [10. С. 97-98].

Не разрешая своего противоречия к проблеме подхода к традиционным вероисповеданиям, С. Гроф связывает возникновение мировых религий с нахождением их основателей в измененных состояниях сознания (ИСС), в которых ими были получены все откровения. Он не приводит ни одного доказательства своей идеи о том, что «визионерские переживания основоположников послужили живым источником, вдохновившим эти религии» [7. С. 236].

Представители ТП попытались научно изучить феномены, связанные с психикой человека, но отвергавшиеся официальной наукой как повреждения и психические расстройства. Однако они не разделяли категорий таких явлений с позиции религиозности: одинаково были интересны и общение с НЛО, и практика шамана [10. С. 88]. Для описания исследовательского поля, которое отвергается официальной наукой, была создана картография сознания ТП. В этой картографии С. Гроф (её автор) выделяет трансперсональные переживания, в состав которых входят *мистические*. Х. Феррер указывает, что духовные феномены ТП – это индивидуальные внутренние переживания, которые невозможно абсолютизировать [10. С. 107]. Эти феномены рассматривались С. Грофом сугубо с позиций ИСС, не имея ничего общего с темой религии.

Никто из энтузиастов ТП не пытался реализовать идею, предложенную К. Уилбером: провести исследования феноменологических описаний структур или состояний созерцания. Следует добавить, что ни С. Гроф, ни другие «пионеры» ТП не занимались кросс-культурным и экстралингвистическим анализом. С. Гроф размывает тему сакрализации культуры: он не отрицает связь культуры и религии, но и не подтверждает эту связь в предметном поле конкретной религии. Ссылаясь на связь древних духовных практик с культурой, он не приводит ни одного доказательства в защиту своей мысли.

При попытке создания научной парадигмы ТП С. Гроф, как и ряд других авторов, рассматривает идеи культурно-религиозного аспекта с позиций космического измерения, что находит предметный отклик в интерпретации образов Абсолютного Сознания, творения мира, божественной игры или парада архетипов. Он открыто признает, что ряд событий из его профессиональной деятельности и личной жизни послужили основой для отказа от материалистического подхода и *принятия восточных философских и мистических учений* в качестве картины окружающего его мира [6].

Основанием концепции С. Грофа о ценностях является учение об Абсолютном Сознании, которое, с одной стороны, является истоком и началом творения, с другой - представляет собой смысл духовного странствия. Для такого странствия необходимо серьезно отнестись к мистицизму и следовать путем духовного раскрытия, препятствием которому могут стать организованные религии: они мешают установлению связи с Богом. Для привлечения представителей других вероисповеданий была создана «универсальная» методология внеконфессиональной религиозности ТП, претендующая стать основой «религии будущего». Результатом «исследований» специалистов ТП стало использование внеконфессионального мистицизма, который понимается как способ достижения мистических переживаний в ИСС с помощью психотехник вне религиозного вероучения [10. С.

33]. При этом была допущена *ошибка*: за религиозные (мистические) переживания принимались архетипы и деструктивные образы, в основе которых, по К. Г. Юнгу, лежит демоническая духовность.

Одним из первых серьезной критике трансперсональную теорию подверг Гэри Т. Александер. Он отмечает ряд важных положений:

1) с позиции ТП, психология сознания является наилучшей заменой традиционных религиозных систем;

2) трансперсональные теоретики оказались не в состоянии критически оценить ситуацию, которая возникает вследствие того, что духовные методики Востока применяются без их религиозных и теологических оснований [1. С. 191-205].

В противовес ТП, православный исследователь А. А. Гостев предлагает проблему состояний сознания, в том числе измененных, рассматривать с позиции духовности через призму богословия и веры. Феномен веры человека в Бога свидетельствует о ее специфическом познавательном потенциале, когда вера понимается не как доверие чему-то, не как непроверенное знание, а как особое восприятие, таинственное и непостижимое в человеке, не сводимое к остальным формам познания [3. С. 23]. Такой подход предполагает то, что методы научного познания не могут автоматически переноситься на познание вопросов веры, когда одной из центральных групп понятий, с которыми соприкасается теология, – являются понятия духовности, религиозности, мистичности. Отраженные в этих понятиях особые психологические реалии уловить традиционно научным эмпирическим познанием не удавалось [3. С. 23].

Отметим пример У. Джеймса, который не пытался применять психологию в качестве основания для теологии. Он также понял, что никакой смысл, даже религиозный, не может возникать из науки или применяемого метода [1. С. 191-205].

С. Гроф говорит о том, что для описания переживаний в холотропных состояниях [10. С. 70-72], открытие которых является *новейшей разработкой* в западной психиатрии, используются именно понятия санкритские, тибетские, китайские или японские. Эти языки содержат специальные понятия, особым образом описывающие тонкости мистических переживаний. Причину использования восточных языков указывает Р. А. Макдермотт в статье «Исторические и философские размышления о формах трансперсонального мировоззрения». Он поясняет, что трансперсональное движение наиболее естественно чувствует себя в области буддийской теории и практики [11. С. 237]. Поэтому логичным является обращение ТП к духовным практикам, в первую очередь, *восточных философских учений*.

Утверждение С. Грофа о том, что холотропные переживания открыли существование священных измерений действительности и послужили источником жизненной силы всех религиозных движений, является недоказанным. Изначально постановка вопроса аналогии и тождества трансперсональной психологии и духовных состояний является неверной. Вследствие вышеуказанного возникает *иллюзия* того, что ИСС – это основа мистических переживаний. Следует отметить другое заблуждение – уверенность в том, что состояние религиозности – это ИСС, связанные с психикой человека. Хорхе Феррер пишет о том, что «неясно, переживают ли испытуемые Грофа мистические состояния во всей полноте и обретают ли они полное понимание традиционных духовных смыслов» [14. С. 225].

Выводы

1. Трансперсональная психология не занималась и не занимается проблематикой религиоведения.

2. Применение методологии внеконфессиональной религиозности трансперсональной психологии не является обоснованным ни с богословской, ни с научной точки зрения.

3. Рассматривая развитие культуры без связи с религией, ТП предлагает ущербный и примитивный подход к ценностной оценке жизни человека как личности.

4. Вместо изучения религиозных феноменов была создана картография сознания ТП, необходимая для описания любых состояний психики человека.

5. С точки зрения С. Грофа, измененные состояния сознания ТП тождественны религиозным переживаниям.

6. С. Гроф строит свою методологию на основе внутреннего эмпиризма, низводя духовную сферу к эмпирической.

7. ТП допускает и поощряет безоценочное принятие всего потока духовного опыта с его последующей псевдорелигиозной интерпретацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александер Гэри, Т. Уильям Джеймс, страждущие души и негативные стороны сознания: частная критика трансперсональной психологии [Электронный ресурс] / Т. Александер Гэри // Журнал Американской академии религии. – 1980. – Т. XL VIII (2). – С. 191-205 / Перевод: А. Ильченко. – М., 2010. – URL: http://vivos-veritas.ru/orientations/kritikatp.html

2. Ассаджиоли, Р. Самореализация и психические нарушения. [Электронный ресурс]. – URL: http://psylib.org.ua/books/grofs02/txt10.ht

3. Гостев, А. А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов /А. А. Гостев. – М.: Изд-во Ин-т психологии РАН, 2001. – 85 с.

4. Гроф, С. Духовный кризис: когда преобразование личности становится кризисом / С. Гроф [и др.]; пер. с англ. А. С. Ригина; под ред. С. Грофа, К. Грофа. – М.: Изд-во АСТ и др., 2000. – 285 с.

5. Гроф, С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф; пер. с англ. А. Андрианова, Л. Земской, Е. Смирновой; под общ. ред. А. Дегтярева. – М.: Изд-во АСТ и др., 2001. – 497 с.: ил. – (Тексты трансперсональной психологии).

6. Гроф, С. Когда невозможное возможно: приключения в необычных реальностях [Электронный ресурс] / С. Гроф. – URL: http://knigosite.ru/library/read/889 (15.09.2011).

7. Гроф, С. Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания / С. Гроф; пер. с англ. О. Цветковой. – М. : Изд-во АСТ и др., 2004. – 249 с. – (Тексты трансперсональной психологии).

8. Гроф, С. Психология будущего: уроки современных исследований сознания / С. Гроф; пер. с англ. С. Офертаса; науч. ред. В. Майков. – М.: Изд-во АСТ и др., 2001. – 457 с. – (Тексты трансперсональной психологии).

9. Гроф, С. Революция сознания: трансатлантический диалог / С. Гроф, Э. Ласло, П. Рассел; пер. с англ. М. Драчинского. – М.: Изд-во АСТ и др., 2004. – 248 с. – (Philosophy).

10. Максим (Попов Э. Г.), иеромонах. Анализ и критика внеконфессионального мистицизма как методологической основы трансперсональной психологии. Богословский аспект: монография / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2012. – 138 с.

11. Пути за пределы «эго»: трансперсональная перспектива: сб. ст. / под ред. Р. Уолша, Ф. Воон; пер. с англ. М. Папуши [и др.]. – М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996. – 317 с. – (Тексты трансперсональной психологии).

12. Становление трансперсональной психологии [Электронный ресурс]. – URL: http://www.atpp.ru/library/articles/transpersonal-psycology.php (дата обращения: 26.03.2011).

13. Уолш, Р. Основания духовности: семь главных практик для пробуждения сердца и ума / Р. Уолш; пер. с англ. А. Кисилева. – М.: Изд-во АСТ и др., 2004. – 383 с.

14. Феррер, Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию: человеческая духовность с точки зрения соучастия / Х. Феррер; пер. с англ. А. Кисилева. – М.: Изд-во АСТ и др., 2004. – 397 с.

РОССИЙСКИЙ НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, г. МОСКВА

УДК 37
ББК 79.18+74.202.69
Педагогика

МУЗЕЙНАЯ МЕДИАЦИЯ В МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКЕ: ОПЫТ, ВЫЗОВЫ, РЕШЕНИЯ

Кандидат психологических наук А. А. Тыртышный
Кандидат педагогических наук В. Л. Климентов

В статье анализируются современное состояние музейной медиации как инновационной социокультурной и образовательной технологии преодоления коммуникативных барьеров. Рассматриваются психолого-педагогические и социально-правовые условия внедрения музейной медиации в образовательную и просветительскую деятельность музеев и образовательных организаций. Показаны возможности музейной медиации в реализации задач интеграции музейного дела, образования и просвещения с учетом актуальных изменений в социокультурных условиях современного общества.

Ключевые слова
Музейная медиация, принципы музейно-педагогического взаимодействия,технология музейной медиации, ситуация музейной коммуникации

Основной тенденцией современной музейной парадигмы является необходимость принятия музеями внутреннего решения по изменению своей социокультурной позиции. Музеи должны дополнять традиционные компетенции культурологического менеджера, музейного дидакта новыми – современного музейного модератора и медиатора.

В Национальной доктрине образования отмечается, что образование должно стать основой социально-экономического и духовного развития России [10]. Динамичность процессов в жизни общества, в системе образования и в сфере культуры диктует необходимость дальнейшей разработки и внедрения положений педагогики применительно к сферам образования и культуры. Примечательно, что в Законе «Об образовании в Российской Федерации» (статья 15) [16] особо выделяется сетевая форма реализации образовательных программ на основе использования для освоения обучающимися образовательных программ ресурсов нескольких организаций как образовательных, научных, так и организаций культуры. Появление новых функций современного музея способствует формированию новой точки роста в развитии музейного дела и музейной политики, а также движения в сторону европейских и мировых стандартов культурных услуг. Инновационный вектор современной музейной политики направлен на приобретение музеями функции социального модератора, адаптера и интегратора.

Реализация этой новой социальной функции музея требует серьезного переосмысления принципов и технологий под-

готовки и переподготовки музейных и педагогических кадров. Ключевой компетенций современных музейных сотрудников и педагогов становится овладение ими медиативными техниками и приемами. Такую новую задачу для музеев определяют Основы государственной культурной политики, которые утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808, где отмечается задача интеграции музейного дела и образования: «В число задач государственной культурной политики также входят: систематизация, расширение и развитие существующего опыта использования объектов культурного наследия, предметов Музейного и Архивного фондов, научного и информационного потенциала российских музеев и музеев-заповедников в образовательном процессе» [14].

Таким образом, анализ становления, развития и современного состояния музейной педагогики показывает, что сегодня, в контексте широкого спектра задач, стоящих перед культурой и образованием в современном мире, *специалистам и исследователям музейной педагогики необходимо решить ряд научно-практических* ***проблем***.

Первую из них можно обозначить, как *определение границ образовательных возможностей музея* по отношению к другим музейным функциям. Эта важнейшая теоретическая проблема, решение которой поможет в конечном итоге определить роль музеев в современном обществе.

Следующая проблема – *результативность коммуникационной составляющей музейно-педагогической деятельности.* Как максимально эффективно донести информацию, как показать музейный предмет? С помощью каких средств, способов, технологий? И где «пределы» все нарастающей «мультимедийной атаки» на музейное пространство?

Еще одной проблемой, требующей своего решения, является *определение «современного музейного зрителя».* То есть выявления и характеристики – кто и зачем ходит сегодня в музей. И не мене важна другая сторона этой проблемы – почему те или иные социальные, половозрастные и даже национальные группы в музеи практически не ходят. Каковы общественные ожидания от музея? Насколько они оправданы сейчас и могут быть реализованы в дальнейшем?

Так же важной проблемой является *соотношение и соразмерность ролей учителя и музейного работника*, музейного педагога – то есть, по сути, решение вопроса – кто из них должен проводить урок в музее.

Ну и пятой, обобщающей, проблемой является в целом *формирование современного понимания музейной педагогики как теории и практики*, как важного условия совершенствования систем образования и культуры на основе их педагогической интеграции, интегрированного понимания, обоснования и реализации целей, содержания и технологий музейной педагогики в многоуровневой системе непрерывного образования посредством формирования и развития образовательной деятельности музеев и содержания музейной педагогики как научной основы этой деятельности.

Представляется, что решение выделенных проблем может и должно опираться на ведущую идею о том, что в современных условиях возрастает значимость целостного антропосообразного, природосообразного и культуросообразного развития личности. Такое развитие должно происходить в интегрированной системе непрерывного образования и мира культуры на основе понимания и освоения ценностей культуры, содержания и смыслов учебной, познавательной, профессиональной деятельности, социального взаимодействия и общения.

Соответственно, все выделенные проблемы имеют свое решение лишь в контексте осмысления опыта, накопленного предыдущими поколениями музееведов,

педагогов, представителей музейной педагогики. Вместе с тем, эти проблемы для своего разрешения требуют поиска и применения современных подходов и всего широкого спектра социокультурных, гуманитарных знаний и технологий.

Определение объекта музейной педагогик [9] и связано с культурно-образовательными аспектами музейной коммуникации, то есть особым подходом к происходящим в музее диалоговым процессам, ставящим и решающим задачу участия музея в формировании свободной, творческой, инициативной личности, способной стать активным участником познания, деятельности, общения, саморазвития.

То есть *объектом музейной педагогики*, по сути, выступает сам музей, музейная среда. В то же время, представляется, что в качестве такого объекта можно рассматривать *музейно-педагогическое взаимодействие в условиях музейной среды*.

Субъектами музейной педагогики – с позиций современных педагогических подходов – являются все участники музейно-педагогического процесса, музейно-педагогического взаимодействия. Основными среди них являются: музейные работники, педагоги, обучающиеся.

При этом в качестве предмета музейной педагогики рассматриваются проблемы, связанные с содержанием, методами и формами педагогического воздействия музея, с особенностями этого воздействия на различные категории населения, а также с определением музея в системе образования. По большому счету, предметом музейной педагогики выступает *знания и свойства (качества) личности, формируемые у обучающихся в условиях музейной среды*.

Музейная коммуникация представляет собой обмен информацией в условиях музея, обеспечивающий необходимое согласование определённых позиций и в целом существование музейной культуры [2].

При этом можно выделить следующие *позиции участников процесса музейной коммуникации*:

– позиция творца (художника, писателя, учёного, политика), производителя, создателя элементов культуры, претендующих на статус музейных предметов;

– позиция воспринимающего (зрителя, слушателя, посетителя) музейные предметы;

– позиция музейного педагога, который должен не только сообщать посетителям определённый набор знаний в связи с находящимися в экспозиции предметами, но и вступать в диалог с ними, побуждать к самостоятельному творческому поиску, в некоторых случаях играть роль посредника между посетителем и музейным предметом. Кроме того, важно отметить, что музейный педагог выступает и как организатор самой музейной коммуникации между творцом и посетителем, воспринимающим данный музейный предмет.

Взаимодействие участников музейной коммуникации, выделенных позиций, их динамика и задаёт *ситуацию музейной коммуникации.*

Музейно-педагогическое взаимодействие строится на следующих принципах:

– принцип активного отношения к музейному пространству, что означает необходимость формирования позиции интерпретатора;

– принцип толерантности, который предполагает возможность видеть многообразие форм жизни, традиций, признавать их равное право на существование;

– принцип авторства – диалогичность культурного (музейного) пространства возможна лишь в том случае, если человек, входящий в это пространство, действует соразмерно культурным и историческим персонажам.

При разработке и проведении мероприятий и культурно-массовых дел в рамках музея, в музейной среде, необходимо учитывать следующие психолого-педагогические принципы:

– повышение доли усвоения информа-

ции в зависимости от включения в процесс восприятия органов чувств, каналов поступления информации, репрезентативных систем, их взаимодействия, активности и комплексности;

– интерактивность – человек наиболее продуктивно воспринимает то, что сам делает, в чем принимает участие;

– программность – обеспечение усвоения информации и приобретения знаний, навыков и умений на основе специально разработанных программ;

– индивидуальный и дифференцированный подход к учащимся, учёт интересов и возможностей каждого ученика и их групп.

Ведущей деятельностью музейного педагога выступает приобщение человека к музейным ценностям, интегрирующее такие разнообразные действия как ознакомление, рассказ, показ и т. д.

Приобщение представляет собой качественную характеристику диалогического метода, приоритетного для музейно-педагогического процесса.

Музейные ценности, как второй структурный компонент предложенного понимания ведущей деятельности музейного педагога, обладает широким спектром значений, в который включены сами музейные памятники, научная логика и эстетика экспозиции, эмоционально-духовная атмосфера музея и исторически сложившиеся особенности музейной культуры посетителя, а также многое другое.

Приобщение к ценностям музейной среды основано на способности участников музейно-педагогического процесса «выбрать в музейной среде такие доминанты, которые развертываются в духовное пространство личности». Сам же переход от внешнего к внутреннему совершается в том случае, если человек переживает его как свое собственное событие.

Понятие события стало особенно актуальным в современных междисциплинарных гуманитарных исследованиях, что, скорее всего, связано с некоторой усталостью гуманитарной мысли от стертого, бескрайне-равнинного ценностного ландшафта постмодернистской картины мира и с потребностью в таких прорывах «информационной паутины», которые бы поддержали стремление человека к обретению смысла жизни и творческой самореализации.

Ориентация на внутренне-личностную событийность музейно-педагогического процесса требует обновления методики образовательной деятельности музея в контексте таких гуманитарно-научных представлений, как «культура и взрыв» (Ю. М. Лотман [6, 7]), «поступающее сознание» (М. М. Бахтин [1]) и других.

По мнению авторов, в современных условиях музейная педагогика, в целом отказавшись от знаниевых приоритетов музейного просветительства в пользу личностно-развивающего общения в музейной среде, тем не менее, еще не освободилась от выработанного на просветительском этапе стереотипа о равномерно ускоренном изменении внутреннего мира человека в ходе музейной коммуникации.

Вместе с тем, в практике работы музейных сотрудников в настоящее время начинает складываться пространственно детерминированная и личностно ориентированная методика образовательной (музейно-образовательной) деятельности, которая создает условия для того, чтобы музейный зритель испытал «вершинное переживание» (А. Маслоу [11]), почувствовал и отрефлексировал экзистенциальный смысл своего пребывания в музее. Это состояние означает «переживание полное, живое, беззаветное, с полной концентрацией и полным впитыванием» и, испытывая его, мы становимся глубоко вовлеченными, взволнованными миром и связанными с ним. Именно «вершинное переживание» в музейной среде и его последующее осмысление человеком и становится событием во внутреннем мире личности. Событие во внутреннем мире человека, свершающееся в ходе музейно-

педагогического процесса – фактор развития данной личности. При этом согласимся с утверждением: «акт развития и событие – синонимы».

Таким образом, музейная педагогика в настоящее время является достаточно сложившейся и признанной областью науки и практики. Дальнейшее развития теории и практики музейной педагогики является важным условием совершенствования систем образования и культуры посредством их образовательной, социокультурной интеграции.

Термин «музейная коммуникация» давно используется в научной литературе, но до сих пор не стал устойчивым понятием. Еще более инновационным, но уже признаваемым Международным советом музеев (ИКОМ) является понятие «музейная медиация».

По нашему мнению, музейная медиация представляет собой специально организованную социально-образовательную коммуникацию между музейным работником и массовым музейным зрителем. Музейная медиация позволяет решить ряд социально-психологических и педагогических задач, включая следующие:

– ликвидация социокультурной разрозненности между поколениями;

– согласование культурной картины мира музея и посетителя;

– установление доверительных отношений с учреждением культуры;

– развитие мотивации к получению знаний музейными средствами;

– формирование новой коммуникативной компетенции;

– снятие напряжения от посещения культурного учреждения;

– присоединение музейного зрителя к достижениям культуры, науки и образования музейными средствами.

Очень активно в музейном сообществе обсуждается вопрос, который старается разрешить технология музейной медиации – почемув музеях так мало представителей поколения 20-30 летних. Еще меньше неорганизованных в школьные группы подростков. Одна из гипотез, объясняющих такие музейные предпочтения, заключается в том, что молодое поколение хочет познавать мир, рефлексируя с собой и такими же, как они. По крайней мере, они хотят, чтобы старшее поколение говорило с ними на одном языке, либо хотя бы пыталось быть в одном с ними коммуникативном поле.

К сожалению, в музеях, воспроизводится традиционная для этих учреждений культуры коммуникативная модель – с посетителями не разговаривают. Это не принято – здесь молча созерцают или слушают и созерцают. В очередной раз и в очередном месте им предлагается принять некий социокультурный образец и согласиться с мнением музейного сотрудника, представляющего этот образец. Такой способ коммуникации является по своей сути прямо конфликтным, так как не учитывает социальные позиции, духовные потребности, психологическое состояние, гендерные и демографические особенности современного участника музейного диалога.

Таким образом, в 21 веке перед музеями как учреждениями культуры, наряду с традиционными задачами, встают новые – выступать социальным коммуникатором, модератором, просветителем. Потребность в социально-культурном диалоге всё больше осознается музейным сообществом и постепенно формируется понимание необходимости обретения музеями новой роли – социального педагога и даже медиатора.

Как известно, юридическая медиация представляет собой посредничество в урегулировании спора, конфликта с участием третьей, незаинтересованной и не ангажированной участниками спора, стороны [3, 5, 13, 15]. В рамках этой, относительно новой для отечественной юриспруденции процедуры, участники разрешения правового спора концентрируют своё внимание не на формально-юридических

аспектах своих позиций, а на социально-психологическом и нравственном поле гармонизации взаимных интересов. Через диалог, через коммуникацию постепенно начинает рождаться восприятие ранее не признаваемого и не принимаемого. Постепенно возникает понимание интересов другой стороны, а понимание по знаменитому высказыванию Спинозы, начало согласия. Практика реализации процедуры медиации в России в течение 5 лет показала, что искусство общения в наших краях, как оказалось, вообще не освоено.

Социолог Борис Гладарев говорит о «коммуникативных поломках» и «публичной немоте», существующих в нашем обществе [12]. По его мнению, мы не можем договариваться. В течение нескольких лет он изучал современные общественные движения, наблюдал за десятками городских инициативных групп в Петербурге, в ходе которых выяснил, что люди у нас просто не умеют вести дискуссии. С советских времен в России, по его словам, осталось два коммуникативных языка – кухонный и заштампованный официоз. Мы так и не выработали нового, эффективного. Каждый слышит себя и убежден, что есть лишь два мнения: мое и неправильное. Участник дискуссии привык обесценивать другого, он считает, что лучший отклик – опровержение. К сожалению, это реально действующая в нашем обществе коммуникативная стратегия поведения, которую конфликтологи называют конфронтационной [13]. А компромисс воспринимается как частное поражение, а не как общий выигрыш, что является ведущей стратегией медиации [3, 5, 13].

Музейная медиация в современной российской практике ставит больше вопросов, чем дает ответов. Поле музейной медиации содержит много неопределенностей. Ключевой проблемой музейной медиации является решение субъектно-объектной ролевой позиции участников музейного диалога.

Кто с кем общается в музее? С одной стороной как бы все понятно – главный в музее это музейный зритель. А со стороны музейного профессионального сообщества главный всегда музейных сотрудник, по крайней мере оберегаемая и представляемая им часть музейной экспозиции. Для восстановления социально-коммуникативного доверия необходимо чётко транслировать участникам музейного диалога ответы на следующие вопросы:

1. С кем человек, пришедший в музей, вступает в коммуникационный процесс: с авторами экспозиции, а музейный предмет лишь посредник в этом диалоге?
2. Непосредственно с музейным экспонатом, с экскурсоводом, с инсталляцией?
3. Кто в ответе за эффективность музейной коммуникации – сам зритель, экскурсовод, экспозиционер?
4. Какие просветительские и образовательные задачи решаются в ходе музейной коммуникации и многие другие вопросы.

Представляется, что главная задача музейной коммуникации – это установление непосредственной связи между посетителем и представителями иных поколений или культур, образовательных парадигм.

Опрос проведенной авторами в Московском музее космонавтики – ведущем историко-техническом музее страны показал, что музейная коммуникация, как диалог содержит предпосылки и условия возникновения коммуникативных познавательных барьеров. Это барьеры понимания, охрана «я-концепции» всех участников диалога, познавательные, лингвистические и кроскультурные барьеры. Осознавая или не осознавая эту данность, опрошенные сотрудники музея отмечали необходимость преодоления подобных барьеров в ходе музейной коммуникации, а некоторые опрошенные демонстрировали потребность в получении новых коммуникативных компетенций для преодоления таких барьеров. Особенно ярко эти запросы проявились при подготовке и

проведении музейных занятий (уроков, образовательных конференций, познавательных и интерактивных игр).

Медиация, как технология преодоления коммуникационных барьеров, предполагает наличие определенных медиативных компетенций у участников социальной коммуникации. Музейная коммуникация в свою очередь, представляет собой специально организованное культурно-образовательное взаимодействие музейных сотрудников и посетителей музея. Результаты упомянутого выше опроса подтвердили предположение о слабом развитии медиативных компетенций у участников музейной коммуникации.

Возникает закономерный вопрос о месте и роли медиации в современном музейном деле. В своей статье «Музей как социальный модератор, или зачем музею нужна общественная дискуссия» Наталья Копелянская ставит вопрос о роли музея, как социального модератора: «Поскольку дискуссия – это социальная технология, несвойственная музею, без прояснения основных понятий которой музею будет непросто, и он будет все время скатываться в уже привычное положение менеджера или координатора культурных (социокультурных) проектов и программ» [4]. И далее музеевед Н. Копелянская отмечает, что новая роль социального модератора ложится на такие учреждения культуры, как музеи, библиотеки, клубы. По ее мнению, необходимость принятия музеями такой новой для себя роли определяется рядом факторов.

Во-первых, нейтральностью и не ангажированностью музеев, библиотек, клубов, как территорий, на которую «вступить может каждый» и куда принципиально предоставляется доступ всем. Учреждения культуры, как правило, не ввязаны в политические баталии и олицетворяют все разумное, доброе, вечное, т. е. уважение к вечным ценностям, что нечасто встречается в наше прагматичное время. Иными словами, учреждения культуры имеют потенциал выступать идеальными коммуникативными пространствами – ведь всем с детства понятно, что такое музей или библиотека.

Во-вторых, приоритетностью позиции современного музея, как социально-коммуникативного и социально-адаптивного агента. Одним из ведущих направлений деятельности которого является работа с реальными и потенциальными аудиториями. Главной особенностью подобной работы является сбор информации об эффективности такой обратной связи. Дискуссия для целей сбора информации об обратной связи дает мгновенный и, как правило, неожиданный ответ.

В-третьих, сопротивлением инновациям со стороны музейного сообщества. Анализ публикаций на эту тему показывает, что современное музейное сообщество воспринимает дискуссию, как вещь бесполезную и формальную. Иными словами, подобная функция не свойственна традиционно сложившейся музейной парадигме.

В-четвертых, осознанием необходимости дискуссионной музейной практики, которая только складывается в ряде музеев страны. При этом функция социального модератора воспринимается, как самими музейными работниками, так и посетителями, как необходимая и полезная.

Так, например, анализ работы Манифесты 2014 в Эрмитаже проводившейся в социально-дискуссионном формате показал, как зачастую модератор дискуссий работал как вещество, замедляющее взрыв неприятия и не восприятия ряда экспонируемых работ современных западных авторов. Модератор выступал в определенном смысле, как регулятор уровня накала страстей, и строитель конструктивного решения разворачивающееся музейной дискуссии. В этом случае, по мнению авторов, модератор выполняет более технологизированную функцию – функцию музейного медиатора.

Таким образом, музейная медиация,

как современная инновационная музейно-образовательная технология, представляет собой специально организованную социально-образовательную коммуникацию между музейным работником и массовым музейным зрителем в условиях музейной среды.

Основными принципами музейной медиации можно назвать следующие [5, 13, 15]:

– опосредование – перевод знаково-символьной информации музейной среды в смысловую словесную форму по изучаемой теме;

– присоединение – приобщение обучаемых к достижениям науки, культуры и технического прогресса;

– согласование – нахождение медиабельной позиции между возможностями обучаемых и новизной, сложностью изучаемой темы;

– ассертивность – снижение уровня агрессии обучаемых через перенос энергии преодоления познавательного барьера на музейную коммуникационную среду;

– равенство сторон – музейная среда выступает равным и нейтральным участником процесса преодоления коммуникативно-познавательных барьеров.

Музейная медиация есть активный процесс мягкого перехода от общения с материальной (музейной) ценностью к общению с ценностями нематериальными (Я-мир). Музейная медиация позволяет решить ряд социально-психологических и педагогических задач. При этом важным качеством специалиста в области музейной медиации является педагогическая компетентность.

Осмысление медиации, реализуемой в различных областях, в том числе и на личном опыте авторов, позволяет выделить категорию *педагогической компетенции медиатора*.

Семантически данная категория восходит к понятиям «компетенция» и «компетентный». Компетенция (от лат. Competentia принадлежность по праву) – круг полномочий какого-либо органа или должностного лица; – круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями и опытом.

Компетентный (от лат. Competenten – соответствующий, способный): обладающий компетенцией; знающий, сведущий в определенной области.

Следовательно, педагогическая компетентность медиатора есть по существу обладание специальной образовательно-коммуникативной компетенцией: педагогическими знаниями, позволяющими судить об образовательном предмете, навыки установления и поддержания эффективной коммуникации, а также способность и готовность к социальному взаимодействию. В нашем случае наличие педагогической компетенцией означает обладание специфическими знаниями, позволяющими проектировать, активизировать и реализовывать взаимодействие участников музейной коммуникации.

Как показывает практика работы медиатора, владение компетенциями в области педагогических знаний является залогом успешности коммуникации. Овладение подобными компетенциями достаточно сложный процесс.

Как уже отмечалось выше, в России понятие медиация, как инновационная социальная парадигма известна в первую очередь, как технология урегулирования споров в социально-правовой сфере.

Нормативно определены место, полномочия и порядок подготовки медиаторов, уже имеются несколько профессиональных сообществ (Саморегулируемых организаций и Некоммерческих партнерств) медиаторов. Но при этом, в экспертной среде до сих пор нет единого мнения о базовой образовательной квалификации медиаторов. Дискуссии о приоритетности высшего профессионального образования (психологического, юридического, педагогического, культурологического) продолжаются в научно-профессиональ-

ной среде по сей день.

Как известно, согласно Федеральному закону от 27.07.2010 г. № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [15] уже после прохождения первой части Программы подготовки медиаторов «Медиация. Базовый курс» слушатель может самостоятельно осуществлять профессиональную деятельность. При этом законом нормативно не определено на базе какой специальности (направления) высшего профессионального образования должны готовиться профессиональные медиаторы.

Представляется, что педагогическая компетентность музейного медиатора должна включать в себя определенные компоненты [8]. Такие как – самоорганизованность, общая культура, компетентность в предмете (музейное дело и медиация) и методах передачи знаний, умение учитывать половозрастные, национальные, гендерные, религиозные особенности сторон при передаче знаний в ходе осуществления музейной коммуникации. Традиционно к сфере основных медиативных техник относят: вопросно-ответные техники, эмпатию, рефлексию, навыки организации переговоров, техники и приемы невербальной коммуникации, способы преодоления коммуникативных барьеров и другие.

Эмпатия, как одна из техник медиативного процесса включает способность точно определить эмоциональное состояние другого человека на основе мимики, поступков, жестов и т. д. Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого человека, понимать его и относиться к нему бережно. Для медиатора развитость данной личностной характеристики означает, что он способен ощущать переживания сторонников конфликта, понимать причины их переживаний. Эмпатия – понимание эмоционального состояния другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир. Именно эмпатийность медиатора дает возможность участникам музейной коммуникации безбоязненно обращаются к медиатору за помощью.

Наиболее показательно педагогическая компетенция медиатора проявляется при необходимости использовать в процедуре особые приемы, которые Кристофер Бесемер называет инструментарием [5]. Именно с помощью такого инструментария происходит присоединение участников музейной коммуникации к техникам и приемам эффективной коммуникации.

Например, одним из инструментов, которым активно пользуются медиаторы и, который хорошо известен психологам, называется «активное слушание». Медиатор не просто слушает, а слышит, что говорят стороны. Недаром в медиативном сообществе любят метафору (присказку) о том, что Бог создал человека только с одним языком и двумя ушами. Активное слушание подразумевает проникновенное и очень внимательное слушание, которое подразумевает обращение внимания на все вербальные и невербальные проявления участников музейной коммуникации для достижения согласования позиций участников музейной дискуссии.

Если медиатору удается «активно слушать», то стороны как бы поощряются к более детальному и подробному участию в музейном взаимодействии, подсознательно и, всё более осознанно, сближая свои познавательные позиции. В частности, такому сближению способствует и усвоение участниками процедуры медиации других инструментов (активное слушание, эхо техника, отражение, «адвокат дьявола» и т. п.), которые использовал сам медиатор. Применение медиатором техник способствует переходу сторон к прямому общению, которое было невозможно в ситуации обострённой фазы коммуникативного конфликта.

Технология музейной медиации активно обсуждалась и применялась в ходе ев-

ропейской бьеннале современного искусства «Манифеста 10», основной проект которой был выставлен в Эрмитаже. Медиаторы МАНИФЕСТА 10 – в буквальном смысле посредники между собственным видением, замыслом куратора и восприятием посетителей, которое складывается в ходе совместной прогулки по выставке. Предполагается, что арт-медиация провоцирует интеллектуальное и чувственное общение с работами художников, обмен мнениями, оставляет пространство для эмоционального переживания искусства.

При этом исходят из того, что обычные человеческие реакции неизбежны, позволить им проявиться – лучшее, что может сделать экскурсовод, медиатор, гид, прежде чем дополнить увиденное фактами из биографии автора и учебников по эстетике. Современное искусство предполагает активное соучастие зрителя в художественном процессе, помощником в этом и выступает медиатор, корректирующий информацию и даже интонацию в зависимости от особенностей конкретной группы, что называется работает в «прямом эфире».

Как это эффективно сделать? Для этого в международной практике работы со зрителем была придумана пока еще новая и в определенной степени необычная для нас форма, которую называют «медиация» или «арт-медиация». В этой технологии экскурсовода, который ведет публику по залам от произведения к произведению по отработанному маршруту, хуже или лучше, интереснее или скучнее что-то рассказывает, заменяет медиатор. Его главная задача – не заложить в головы зрителей определенную дозу готовой информации, а вступить в живой диалог с музейной публикой.

Задать ей вопрос, что вы думаете об этом произведении, какие мысли и эмоции оно у вас вызывает. И только в ходе общения что-то важное рассказать. Небольшой опыт реализации технологии музейной медиации имеется в ряде отечественных музеев, в то время как за рубежом вот уже несколько десятилетий – это распространённая и востребованная музейная практика.

Разумеется, медиация имеет свои недостатки и ограничения. Осенью 2014 года в Эрмитаже состоялся «Диалог 8» – восьмая встреча профессионалов из разных стран со всеми, кому интересна «Манифеста 10» и ее программы. Он был специально посвящен медиации.

Алексей Бойко, известный музейный педагог из Русского музея, заметил, что большинству наших зрителей еще не понятно абстрактное искусство, с которого начинался XX век. А он, как известно, давно закончился, и в том столетии было много и других направлений в искусстве. Даже самое краткое их изложение – добрая сотня страниц. Поэтому задачи просвещения по-прежнему важны.

Тем интереснее эксперимент «Манифесты 10». За два месяца до открытия основного проекта были отобраны 16 медиаторов –- студенты петербургских и московских вузов. Они никогда не работали в музеях и прошли интенсивный курс тренингового обучения по навыкам коммуникации с публикой. Но главное – в процессе подготовки «Манифесты 10» они общались с куратором основного проекта Каспером Кенигом и его ассистентами, с художниками, которые приезжали на монтаж своих произведений.

А затем они выбрали свои индивидуальные маршруты по выставке в Главном штабе. Ни один из них не похож на другой и ни один не охватывает всю выставку целиком. Кто-то сфокусировался на проблеме цвета у Матисса и современных художников – Оливье Моссе и Анны Янсенс. Кто-то остановился на теме большой и малой истории на примере гигантского объекта «Срез» Томаса Хиршхорна и инсталляции «В подвале» Эрика ванЛисхаута об эрмитажных кошках.

В такой технологии готовить методичку и заучивать ее текст бессмысленно.

Ведь аудитория очень разная – такие же студенты, как сами медиаторы, юные парочки, музейные смотрительницы, сотрудники службы охраны. Часть зрителей пришли на «Манифесту 10», заранее заказав экскурсию на 10-25 человек. Другие попали на открытую экскурсию, просто придя в Главный штаб.

Александр Иванов, культуролог, работающий в образовательном департаменте «Манифесты 10», сообщил в интервью, что по первым сотням анкет стало понятно: положительно воспринимают медиацию около 60% зрителей. Остальным ближе привычные экскурсии. В сентябре и октябре («Манифеста 10» была открыта по 31 октября 2014 года), медиаторы принимали петербургских школьников, потенциальную аудиторию любого большого музея. От их интереса и активности зависит музейное будущее.

Как показывает анализ результатов представленных исследований и практики реализации музейного дела в современных условиях, музейная педагогика в целом отказывается от знаниевых приоритетов музейного просветительства в пользу личностно-развивающего общения в музейной среде. Тем не менее, она еще не освободилась от выработанного на просветительском этапе представления о равномерно ускоренном изменении внутреннего мира человека в ходе музейной коммуникации. Вместе с тем, музейная педагогика в настоящее время является достаточно сложившейся и признанной областью науки и практики. Дальнейшее развития теории и практики музейной педагогики является важным условием совершенствования систем образования и культуры посредством их образовательной, социокультурной интеграции. Представляется, что одной из инновационных технологий музейной педагогики и музейной коммуникации может и должна стать музейная медиация.

Внедрение музейной медиации в современное музейное дело России позволит на системном уровне решить проблему преодоления различных социально-коммуникативных барьеров в условиях музейного взаимодействия. Основными трудностями на пути внедрения музейной медиации выступают сложившиеся стереотипы профессионального мышления музейных сотрудников, непонимание школьными и вузовскими педагогами возможностей музейной среды для решения просветительских и образовательных задач, отсутствие системы подготовки музейных медиаторов и не разработанность научно-методических аспектов музейной медиации как образовательной и социокультурной технологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бахтин М. М. Философия поступка. – М., 1995.

2. Дукельский В. Ю. Музейная коммуникация: модели, технологии, практики. – М., 2010.

3. Климентов В. Л. Медиация в схемах и таблицах: Учебное пособие. – М., 2011.

4. Копелянская Н. Музей как социальный модератор или зачем музею нужна общественная дискуссия // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики. – М., 2010.

5. Бессемер Кристоф. Медиация. Посредничество в конфликтах. – М., 2004.

6. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн, 1992. – 39 с.

7. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М.: Гиозис, 1992.

8. Климентов В. Л., ТыртышныйА. А. Музейная педагогика: традиции и инновации: Монография. – М., 2014.

9. Педагогический энциклопедический словарь. – М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2003.

10. Постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации».

11. Психологический словарь / Н. М Кондаков. – М., 2000.

12. Сварливая немота. Почему российское общество боится говорить и не умеет договариваться. – http://www.kommersant.ru/doc/2578267

13. Тыртышный А. А. Компромиссное правосознание как средство снижения конфликтности в обществе // Актуальные проблемы становления альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника (процедуры медиации) в Российской Федерации: Коллективная монография. – М., 2012.

14. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» Федеральная программа развития образовании в Российской Федерации.

15. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»

16. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации».

РЯЗАНСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА АРМИИ В. Ф. МАРГЕЛОВА

УДК 378
ББК 74.48
Педагогика

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ

Кандидат педагогических наук Н. В. Фомашина

В данной статье рассматриваются основные вопросы определения педагогических условий повышения эффективности организации самообразовательной деятельности курсантов, являющейся обязательным элементом процесса образования, предусмотренного учебными планами и особенностями организации обучения и воспитания в военном заведении. Организация самообразовательной деятельности будущих военных специалистов сопряжена с необходимостью изменений в организации учебного процесса, а именно переносе центра тяжести с заучивания информации на приобретение умений и навыков ее добывания самостоятельным путем.

Ключевые слова
Курсант, педагогические условия, самообразовательная деятельность курсантов, дифференциация и интенсификация обучения

Современный этап реформирования Вооруженных сил Российской Федерации предъявляет качественно новые требования к организации и содержанию военно-профессионального образования курсантов и слушателей в военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации. Необходимость коренных перемен в системе высшего военного образования вызвана возрастанием сложности решаемых армией учебно-боевых задач и реальными возможностями государства и его Вооруженных сил.

В педагогике высшей военной школы наблюдается увеличение количества исследований по проблемам военно-профессионального образования и образовательного процесса. Конструктивные изменения, как в теории, так и в практике военно-профессионального образования, обусловлены объективной необходимостью. Будущему военному специалисту необходимы знания, чтобы определить проблему, найти пути ее решения и самостоятельно восполнять недостающие знания и умения. Одна из задач повышения эффективности военно-профессионального образования заключается в эффективной организации самообразовательной деятельности курсантов военно-учебных заведений. К основным направлениям решения данной проблемы относится создание педагогических условий повышения эффективности организации самообразовательной деятельности курсантов военных вузов.

Как отмечает Г. К. Селевко, педагоги-

ческим условием активизации и интенсификации процессов перехода развития в творческое саморазвитие является такое образование, которое способствует тому, что личность учащегося сама все более осознанно и целенаправленно овладевала методологией и технологией самопознания, творческого самоопределения, самоуправления, самосовершенствования и творческой самореализации. Образование можно считать образованием гарантированного качества только в том случае, если оно переходит в самообразование, а обучение – в самообучение, личность из состояния развития – в фазу творческого саморазвития. Повышение эффективности самообразования – процесс трудоемкий и долговременный [5. С. 131].

При определении педагогических условий мы исходили из того, что в современной психолого-педагогической литературе педагогические условия эффективности деятельности трактуются как субъективные и объективные требования и предпосылки, реализуя которые обучающийся добивается достижения поставленной цели в своей работе при наиболее рациональном использовании сил и средств. Главным объективным требованием к самообразовательной деятельности является достижение успеха в формировании у курсантов потребности и способности самодвижения к вершинам профессионализма, их готовность к труду после окончания вуза. Субъективными предпосылками эффективности деятельности обучающегося являются его знания, умения, навыки, психические процессы, состояния, свойства, обеспечивающие выполнение педагогических задач.

В результате исследования были выявлены и обоснованы следующие условия организации самообразовательной деятельности курсантов: формирование положительной мотивации учебной деятельности; дифференциация и индивидуализация обучения; обновленное содержание обучения иностранному языку; наличие учебно-методического комплекса и научно-методических рекомендаций по развитию знаний, умений и навыков организации самообразовательной деятельности; целенаправленное управление и самоуправление познавательной деятельностью и активностью курсантов с учетом специфики обучения в военном вузе; обновленное содержание обучения иностранному языку; сотрудничество и взаимодействие преподавателей и курсантов в самообразовательной деятельности.

Ведущий вид деятельности курсанта – это его учебная деятельность. Обучение в военном заведении влечет за собой изменение смысла и функций обучения. Главное, что определяет особенности обучения курсантов, заключается в изменении его личностной позиции. Выступая активным субъектом общественной и служебной деятельности, курсант и в обучении видит себя самостоятельным субъектом, поэтому процесс учения приобретает в его глазах смысл самообразовательной деятельности, в которую он включается по внутреннему побуждению и в которой он избирателен и оказывается способным к самоуправлению и саморегуляции.

Учебные действия могут перерастать в методы научного познания, способствуя смыканию учебной деятельности с элементами исследовательской. Общественная и служебная деятельность, непосредственным участником которой является курсант, формирует его потребность в знаниях, его познавательные интересы и запросы, его цели и мотивы учения. Потребность в знаниях у курсанта – это отражение тех проблем, которые он решает как субъект общественной и служебной деятельности; потребность эта вырастает из его жизненных планов, из стремления к личностному развитию, к совершенствованию профессионального мастерства и культурного уровня. Педагоги, занимающиеся проблемой обучения взрослых (С. И. Змеев, И. А. Колес-

никова, Ю. Н. Кулюткин и др.) [1], неизменно отмечают, что взаимосвязь теоретических знаний с их жизненным и практическим опытом, с одной стороны, содействует повышению качества усвоения теории (поскольку она опирается на уже выработанные практические представления и понятия, значимость которых для их носителей очевидна), а с другой – ведет к обогащению личного опыта, перестраивает, систематизирует, изменяет и углубляет старые представления, повышая тем самым значимость изучаемых теоретических положений.

С момента поступления в вуз, принятия воинской присяги, подписания на втором курсе контракта, выполнения служебной деятельности у курсанта меняется отношение не только к знаниям, но и к познавательному процессу, методам и приемам. Анализ работы показывает, что у взрослого человека процессы запоминания основываются на использовании разного рода логических вспомогательных приемов. Такая организация запоминания является для курсанта несравненно более ценной, чем механическое заучивание, исходя из того, что его позиция есть позиция активного субъекта, самостоятельно принимающего решения в соответствии со своими внутренними ценностями, мотивами и убеждениями, которые вырабатываются в процессе деятельности. Именно поэтому учение выступает для него в качестве избирательно-активной познавательной деятельности, которая включена в контекст решения жизненных проблем и которую он старается самостоятельно направлять и контролировать в той мере, в какой способен к саморегуляции как личность. Чтобы в своем учении он оставался его субъектом, необходимы такие условия, которые позволили бы ему активно включаться в решение учебных задач, а сами эти задачи воспринимались бы им как лично для него значимые.

Курсант получает из разных источников большое количество информации, в связи с чем у него возникают многочисленные проблемы, требующие ответа для разрешения этих вопросов, и ему приходится обращаться к различным дополнительным источникам и средствам удовлетворения познавательных потребностей и интересов, и в частности к самообразованию.

Следовательно, познавательная потребность, побуждающая к самообразованию, формируется в активной самостоятельной познавательной деятельности курсантов, которая должна быть для них общественно и личностно значимой. Успешное решение познавательных задач, снискавшее к тому же похвалу преподавателя и одобрение товарищей по учебе, вызывает положительные интеллектуальные чувства. Повторяющееся переживание удовлетворения интеллектуальной деятельностью становится устойчивой потребностью в знании, имеющей внутренний характер самодвижения и саморазвития. Эта потребность и выступает специфической побудительной силой самообразования.

Таким образом, в психологическом отношении подготовка курсантов к самообразованию состоит, прежде всего, в формировании у них действенной потребности в знаниях. При ее формировании необходимо учитывать и создавать соответствующие условия.

Во-первых, чтобы знания приобрели личностно значимый характер для курсанта, их значение должно быть признано первичными коллективами, в которых живет курсант. Наиболее существенной особенностью курсантов является стремление к самоутверждению, то есть стремление занять определенное место в коллективе (прежде всего – во взводе и роте), среди окружающих людей, что свидетельствует о наличии у них потребности в личностном самоопределении. Отдельные курсанты стремятся утвердить себя в новой позиции, показывая глубину и обширность своих знаний, умение их ис-

пользовать в жизни и служебной деятельности.

Во-вторых, в процессе всего обучения у курсантов должна складываться устойчивая установка на необходимость овладения знаниями в течение всей жизни независимо от того, какой деятельностью в будущем они будут заняты. Важным условием самообразовательной деятельности курсантов является твердо укрепившаяся привычка к систематическому умственному труду, которая складывается постепенно на протяжении всего периода их обучения. Формирование этой привычки тесно переплетается с развитием саморегуляции поведения, которая выражается в определении действий и поступков в зависимости от поставленных целей и свидетельствует о высокой активности в решении задач, выдвигаемых жизнью, и высокой степени владения собой.

В-третьих, потребность в знаниях и некоторые формы самообразовательной деятельности обучаемых необходимо развивать на каждом этапе обучения с учетом их возрастных особенностей.

Чтобы самостоятельно ставить познавательную задачу, найти способ ее решения, проконтролировать и оценить результат своей познавательной деятельности, обучаемый должен овладеть умением оценить собственные мысли и действия с точки зрения их соответствия замыслу и условиям деятельности, отчетливо осознавать собственные интеллектуальные операции и управлять ими.

Применение тестовых задач и специальных тестовых заданий, раскрывающих актуальный и потенциальный уровни развития знаний, умений и особенно творческих способностей и других личностных качеств обучающихся, побуждение курсантов к творческой рефлексии, к нахождению собственных ошибок, их анализу и осмыслению, создание ситуаций успеха, в которых курсант реально осознал бы потенциальный уровень своих способностей, обеспечивает глубокое овладение материалом. Творческому самоопределению способствуют предоставление заданий по выбору; предоставление прав выбора кружков и других форм организации деятельности, где они могли бы максимально проявить себя; организация учебной, творческой и других видов деятельности обучаемых с учетом их интересов и склонностей; беседы с курсантами об их профессиональном выборе, профессиональном будущем, приобщение курсантов к видам деятельности, которые соответствуют их склонностям и профессиональным интересам.

Запланированный эффект обучающего воздействия оказывается достижимым только при условии, если будет организована деятельность самого курсанта. Поэтому основная задача, встающая перед педагогом, заключается в том, чтобы включить курсанта в самостоятельную учебную деятельность, поставить его в позицию субъекта этой деятельности, направить и организовать эту деятельность таким образом, чтобы курсант сам приходил к открытию тех или иных фактов, зависимостей и законов, вырабатывал убеждения и оценки, овладевал методами решения задач, предлагаемых ему при изучении иностранного языка.

Осуществляя свое обучающее воздействие, педагог должен учитывать ряд условий, важнейшими из которых являются:

1) объект обучающего воздействия, то есть курсант с исходным состоянием его готовности к обучению;

2) содержание и средства обучающего воздействия, то есть передаваемые курсанту знания и имеющиеся в наличии дидактические материалы, технические средства обучения и т. п.;

3) условия и формы организации обучения.

Управление познавательной деятельностью взрослого человека, который сам способен к самоуправлению, с точки зре-

ния Ю. Н. Кулюткина, заключается, по существу, в том, чтобы создать условия для самоорганизации этой деятельности самим ее субъектом, а именно:

1) внутреннюю мотивацию самообразовательной деятельности, в процессе которой цели обучения становились бы собственными целями взрослого ученика, принимались как цели лично для него значимые и необходимые;

2) формирование ориентировочной основы самообразовательной деятельности, то есть передача средств достижения поставленных целей – информации о свойствах и отношениях изучаемых объектов, об их общественной ценности, о способах практического действия с ним;

3) формирование самоконтроля, когда оценки успешности учебной деятельности человека интериоризуются и становятся его собственными самооценками» [4. С. 10-11].

Условиями, способствующими творческой самореализации обучаемых, считаются:

– периодическая организация учебно-творческой и другой деятельности курсантов на пределе их сил и способностей;

– постепенное увеличение трудности, проблемности заданий;

– чёткое ограничение сроков (времени) на выполнение задач и заданий;

– специальное обучение учащихся мобилизации и релаксации;

– организация конкурсов, соревнований, олимпиад;

– показ значимости того вида творческой деятельности, где личность стремится максимально реализовать себя;

– создание для курсантов ситуаций успеха;

– похвала, поощрение курсантов в случае его особых творческих достижений.

В процессе обучения функция непосредственной передачи преподавателем знаний учащимся должна последовательно уменьшаться, а доля самостоятельности обучаемых в овладении знаниями – соответственно расти. Высшим результатом обучения считается достижение такого уровня развития познавательной деятельности учащихся, когда они могут самостоятельно ставить познавательную задачу, находить способы ее решения, контролировать и оценивать результаты своей познавательной деятельности, а затем формулировать следующие задачи, то есть когда обучаемые овладевают всеми компонентами рационально организованной структуры познавательной деятельности, характерной для самообразования.

Активизация познавательной деятельности курсантов зависит от такого важнейшего фактора, каким является оценка эффективности учения. Сам факт познавательного продвижения – на основе усвоения понятий, формирования умений, развития взглядов и отношений – выступает для курсанта в качестве основания внутренней оценки успешности своей деятельности.

Изменение относительной роли обучения и самообразования предполагает и изменение типа отношений между преподавателями и курсантами. Эти отношения не могут быть не чем иным, как отношениями сотрудничества, взаиморегуляции, взаимопомощи равных. В процессе учения преобладающим становится творческое начало, личностное своеобразие подхода к проблеме, к способу ее решения. Наиболее эффективным типом взаимодействия преподавателя с курсантами является учебное сотрудничество. В результате такого рода взаимоотношений выигрывают оба его участника. Обогащается субъектный опыт как курсанта, так и преподавателя, но на разных уровнях. Курсант приобретает новые знания, умения, навыки, открывает себя в новых видах деятельности. При этом он испытывает глубокое самоудовлетворение, активизируется познавательная мотивация, повышается самооценка, приобретается опыт общения со старшим по социально-культурному статусу. Для пре-

подавателя такое сотрудничество несет новый контент знаний, положительные эмоции от общения, от результатов своего педагогического труда. Развитие обучающегося через постоянное самосовершенствование преподавателя, которое является условием развития обучающегося, – основное приобретение для образовательной среды. Таким образом, учебное сотрудничество как гуманистическая идея совместной деятельности обучающихся и преподавателей сообщает развивающий эффект образовательной среде вуза. Важнейшее условие взаимодействия субъектов образовательной среды в форме взаимного сотрудничества – это признание изменяющейся природы обучающихся и понимание их индивидуальных познавательных потребностей.

Исследование проблемы организации самообразовательной деятельности показало, что основными педагогическими условиями организации самообразования курсантов в ходе обучения служат: формирование положительной мотивации учебной деятельности; дифференциация и индивидуализация обучения; обновленное содержание обучения иностранному языку; наличие учебно-методического комплекса и научно-методических рекомендаций по развитию знаний, умений и навыков организации самообразовательной деятельности; целенаправленное управление и самоуправление познавательной деятельностью и активностью курсантов с учетом специфики обучения в военном вузе; сотрудничество и взаимодействие преподавателей и курсантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Змеев, С. И. Андрагогика: основы теории и технологии обучения взрослых. – М., 2003. – 208 с.

2. Кулюткин, Ю. Н. Психология обучения взрослых. – М.: Просвещение, 1985. – 128 с.

3. Селевко, Г. К. Энциклопедия образовательных технологий // НИИ школьных технологий. В 2 т. – М., 2006. – Т. 1. – 816 с.; Т. 2. – 816 с. – (Серия «Энциклопедия образовательных технологий»).

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
г. КРАСНОДАР

УДК 159.9
ББК 88.3
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ЦЕННОСТНАЯ СФЕРА ОФИЦЕРОВ-РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВОЕННОГО ВУЗА С ПОЗИЦИЙ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

К. С. Вызулина

В статье рассматривается взаимосвязь управленческих компетенций и жизненных ценностей офицеров-руководителей военного вуза. Установлено, что выполняемая ими управленческая деятельность требует высокого развития всей совокупности психологических компетенций, в том числе умений формировать личные цели и ценности. Показано, что имеются расхождения в структуре компонентов, формирующих компетентность офицера в области личных целей и ценностей, что рассматривается как психологический конфликт, требующий конструктивного разрешения. Выделена иерархия терминальных ценностей офицеров и установлено, что она вступает в определенное противоречие с компетенциями, владение которыми является необходимым условием их воинской службы. Полученные данные позволяют выделить направления личностного и профессионального роста офицеров-руководителей.

Ключевые слова
Личные цели, личные ценности, управленческие компетенции, офицеры-руководители, курсанты военного вуза, профессиональная деятельность

Подготовка офицерских кадров в военных училищах представляет собой сложный психологический процесс. Современный офицер-командир должен быть не только профессионалом в военной деятельности, но и уметь использовать знания из различных областей психологии, педагогики и менеджмента. Специфика подготовки будущих офицеров предполагает развитие у курсантов управленческих компетенций, которые необходимы для дальнейшей службы, в частности, для выполнения руководящих функций, являющихся неотъемлемой частью труда кадровых офицеров. В современной интерпретации управленческие компетенции характеризуются наличием навыков и способностей эффективного руководителя.

Как показывает анализ литературы, высшим компонентом личности является профессиональная компетентность. Под профессиональной компетентностью принято понимать интегральную характеристику деловых и личностных качеств специалистов, отражающую уровень знаний, умений и навыков, опыта, достаточных для осуществления определенного рода деятельности, которая связана с принятием решений [10, с. 22]. Различные

аспекты проблемы компетентности рассматриваются в работах А. В. Аронова [2], В. А. Беляева, Л. К. Гребенкиной [3], А. Г. Бермуса [4], Е. Зачесовой [6], И. А. Зимней [7], А. С. Маркова [9], А. К. Марковой [8], Ю. Г. Татура [11].

В системе управленческих компетенций особое место занимают психологические компетенции. В них содержится совокупность требований к личности руководителя, ее социальным способностям, навыкам и умениям, которые необходимы для успешного выполнения менеджерских функций. Следует отметить, что при многообразии имеющихся подходов наиболее привлекательным с точки зрения практического применения выделяется подход, изложенный в концепции М. Вудкока и Д. Фрэнсиса [5]. Анализ управленческой деятельности любого уровня, позволил авторам выделить наиболее актуальные проблемы, с которыми может сталкиваться руководитель. Среди них: неумение управлять собой; размытые личные ценности; смутные личные цели; остановленное саморазвитие; недостаточность навыка решения проблем; недостаток творческого подхода; неумение влиять на людей; недостаточное понимание особенностей управленческого труда; слабые навыки руководства; неумение обучать; низкая способность формировать коллектив. Эти проблемы выступают главными ограничениями (барьерами) для эффективной деятельности, препятствуют успеху и личному росту руководителя. Путь преодоления барьеров лежит через систему самоменеджмента – инструмента личностного роста, предлагаемого М. Вудкоком и Д. Фрэнсисом. Высокую практическую значимость данной концепции придает наличие психодиагностических методов, позволяющих определить профессионально востребованные компетенции и их наличие у субъекта. Методики основаны на диагностике одиннадцати компетенций, оказывающих влияние на деятельность современного управленца: умение управлять собой; наличие разумных ценностей; четкие личные цели; упор на постоянный личный рост; навыки решения проблем; изобретательность и способность к инновациям; высокая способность влиять на окружающих; понимание особенностей управленческого труда; способность к руководству; умение обучать; способность формировать и развивать рабочие группы. Перечисленные качества могут, во-первых, иметь индивидуальные отличия, во-вторых, быть в разной мере востребованными в конкретной управленческой деятельности [5].

В составе компетенций особое место занимают способности руководителя формировать разумные цели и иметь жизненные ценности. М. Вудкок и Д. Френсис рассматривают их как способность прояснять свои жизненные ценности и умение четко определять собственные и рабочие цели.

В психологии личности ценности являются одним из важных объектов исследований. Наличие ценностей оказывает значительное влияние на успешность реализации руководящих функций. Б. С. Братусь определяет личностные ценности как «осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни» [1, с. 279]. В период офицерской службы у субъекта происходит самоопределение в построении воинской карьеры. Военнослужащий, опираясь на приобретенные ценностные ориентиры, строит жизненные планы, определяет уровень притязаний для дальнейшей деятельности, что особенно важно для офицеров-командиров, ответственных за подготовку достойной смены элитных подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации.

Цель проведённого исследования состояла в выявлении управленческих компетенций офицеров, включенных в образовательный процесс военного вуза и установлении взаимосвязи компетенций с подструктурой ценностей личности.

Решались следующие задачи:

1) провести анализ соотношения управленческих компетенций, требуемых от офицеров-руководителей, деятельность которых заключается в управлении коллективом курсантов военного вуза, и самооценкой уровня владения этими компетенциями;

2) проанализировать иерархию жизненных ценностей офицеров;

3) определить взаимосвязь самооценки управленческих компетенций «четкие личные ценности» и «четкие личные цели» со значимыми жизненными ценностями офицеров.

Организация и методы исследования

Выборку испытуемых (13 человек) составили офицеры, осуществляющие руководство учебными группами курсантов военного вуза. Использованы методики: тест «Ценностные ориентации» (М. Рокич), опросники М. Вудкока и Д. Френсиса «Вы сами», «Ваша профессиональная деятельность». Применены методы параметрической (расчет средней арифметической, дисперсии) и непараметрической (ранговая корреляция по Спирмену) статистики.

Опросник «Ценностные ориентации» М. Рокича основан на прямом ранжировании 18 терминальных ценностей, которые нельзя обосновать другими, более общими или более важными ценностями [12].

Инструмент диагностики управленческих компетенций М. Вудкока и Д. Френсиса представлен двумя опросниками: «Моя профессиональная деятельность» и «Вы сами». Проанализировав с помощью данного пакета тестов уровень востребованности каждого вида способностей в исполняемой деятельности в качестве руководителя, а затем, заполнив опросник «Вы сами», офицер-руководитель может увидеть свои ограничения, определить индивидуальный уровень владения качествами, необходимыми для исполнения должностных обязанностей. На основании данных, полученных по двум методикам, составляются профили компетенций: личностный и профессионально востребованный. Существенные расхождения точек графиков показывают, насколько руководитель чувствует себя самореализующимся, какие качества необходимо развивать, чтобы они приблизились к требуемому уровню. Авторы предлагают методы самоменеджмента, применение которых в самостоятельной целенаправленной работе позволяет значительно оптимизировать компетентностную готовность личности к реализации управленческих функций [11].

Результаты и их обсуждение

Анализ управленческой компетентности офицеров показал, что они считают себя компетентными в ведении групповой работы (М=8,15), умении обучать (М=7,27), оказывать влияние на окружающих (М= 7,19) и имеют выраженные личные ценности (М=7,19). В то же время офицеры считают себя недостаточно компетентными в способности управлять собой (М=4,96), в творческом подходе и наличие четких целей (М=5,27 и 5,08 соответственно).

Выявлены различия в «профилях» базовых компетенций военнослужащих: личностном и профессионально востребованном (рис. 1). Профиль «Моя профессиональная деятельность» находится выше профиля «Вы сами». Максимальная разница связана с оцениванием показателей: «способность управлять собой» (М=9,15 и 4,96 соответственно); «четкие личные цели» (М=9,31 и 5,08); «творческий подход» (М=7,92 и 5,27); «способность руководить» М=9,46 и 7,27).

Главная задача офицеров-командиров – сформировать ценности, навыки и умения у будущего поколения офицеров Российской армии. Для успешной службы офицерам необходимо четко формулировать цели выполняемой работы и иметь сформулированные личные ценности, соответствующие морально-нравственным

нормам российского офицера. От хорошо развитых компетенций «Четкие личные цели» и «Четкие личные ценности» зависит способность офицеров эффективно справляться с повседневными обязанностями, а также быть грамотными и компетентными руководителями. Именно поэтому, в соответствии с поставленными задачами исследования, мы проанализировали ответы респондентов на утверждения обоих опросников, относящиеся к данным компетенциям.

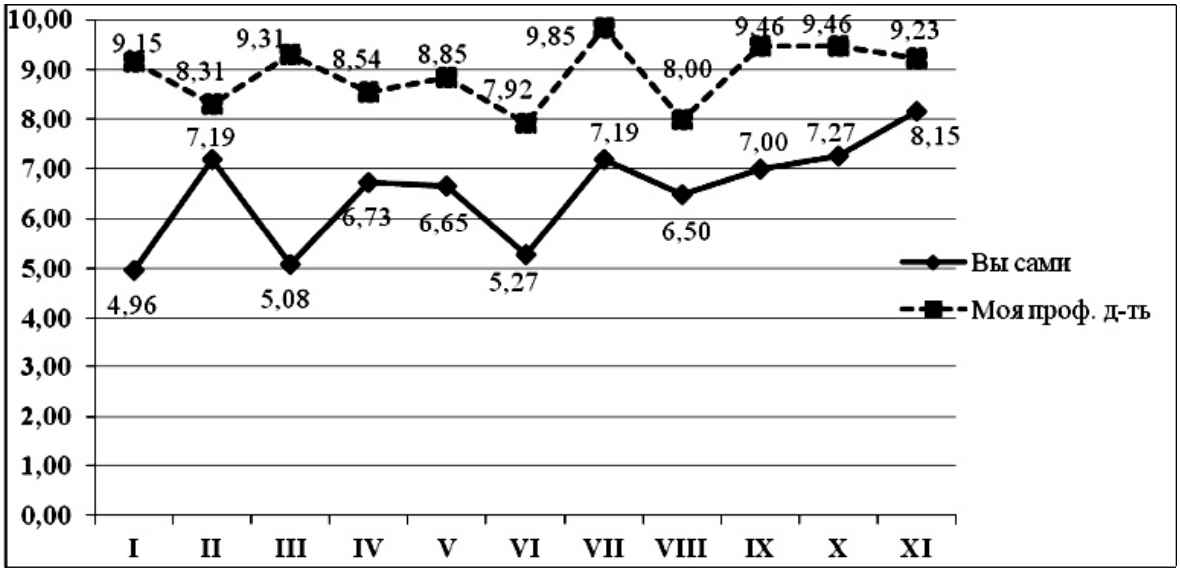


Рис. 1. «Профили» базовых компетенций офицеров-руководителей

Примечание: I – способность управлять собой; II – четкие личные ценности; III – четкие личные цели; IV – продолжающееся саморазвитие; V – хорошие навыки решения проблемы; VI – творческий подход; VII – умение влиять на окружающих; VIII – понимание особенностей управленческого труда; IX – способность руководить; X – умение обучать; XI – умение наладить групповую работу.

Как видно из данных, приведенных в таблице 1, оценивая компетенцию «Личные цели», по тесту «Моя профессиональная деятельность», на четыре из десяти утверждений все офицеры дают согласие, то есть считают эти элементы деятельности высоко значимыми. Так, все офицеры отмечают, что в работе приходится ставить задачи перед сотрудниками и оценивать результаты работы подчиненных; участвовать в перспективном планировании. Только один респондент считает, что работа не дает возможностей для личного роста.

Важной особенностью отдельных утверждений является их очевидное противоречие с истинными личными целями респондентов. Так, 38,5 % опрошенных (5 чел.) считают, что нечасто имеют возможность анализировать задачи совместно с другими людьми; 46,2 % (6 чел.) утверждают, что работа часто мешает личной жизни.

Оценивая уровень обладания компетентностью в наличии четких личных целей (Тест «Вы сами»), все респонденты отметили, что они действуют решительно, когда необходимо принимать важные решения в жизни; что имеют хорошие взаимоотношения с коллегами; работа приносит чувство удовлетворения (утверждения № 3, 6, 7). При этом по ряду составляющих имеется выраженное расхождение оценок по двум тестам. Это, в частности, относится к утверждениям под № 2, 4, 6, 10.

Таблица 1

Оценивание респондентами компонентов структуры компетенции «Личные цели»

	Утверждения теста «Моя деятельность»	К-во положит. ответов	Утверждения теста «Вы сами»	К-во положит. ответов
1	Я ставлю задачи перед своими сотрудниками	13	Когда необходимо принимать важные решения в моей жизни, я действую решительно	13
2	Я не считаю, что моя работа приносит мне удовлетворение	3	Если бы меня спросили, я смог бы описать, что я хочу сделать в своей жизни	12
3	Работа часто мешает моей личной жизни	6	Моя работа и личные цели во многом дополняют друг друга	13
4	У меня нечасто есть возможность анализировать задачи совместно с другими людьми	5	При первой возможности я стараюсь объективно оценить свои достижения	11
5	Работа часто захватывает часть моей личной жизни	8	Моя работа помогает получать удовольствия от жизни. Я не забываю о личной жизни.	11
6	Работа не дает мне возможностей для личного роста	1	Работа приносит мне чувство удовлетворения	13
7	Мне приходится оценивать результаты работы подчиненных	13	У меня хорошие взаимоотношения со своими коллегами	13
8	Мне нужно ясно ставить задачи своим подчиненным	13	У меня имеется четкий план личной карьеры	9
9	Я участвую в перспективном планировании	13	Я обсуждаю с коллегами долгосрочные планы	13
10	Работа часто приходит в противоречие с моими личными амбициями	3	Я обычно достигаю того, к чему стремлюсь	13

При детальном анализе оценивания структуры компонентов, образующих компетенцию «Личные ценности», установлено, что исполняемая деятельность требует от офицеров в принципиальных вопросах занимать четкую позицию и отстаивать ее, быть справедливым, уметь улаживать принципиальные вопросы, влиять на принятие ключевых стратегических решений (утверждения № 1, 4, 7, 8, 9) – Таблица 2.

Оценивая уровень развития собственных ценностей как управленческих компетенций, офицеры показали, что обладают достаточно ясной позицией по принципиально важным вопросам, проявляют твердость в принципиальных вопросах, анализируют влияние личного роста и развития на изменение подчиненных (утверждения № 1, 4, 8). Вместе с тем видна тенденция к проявлению интолерантного отношения к мнению других (утверждение «Я иногда прошу других высказать свое мнение о моих взглядах на жизнь вообще и работу, в частности» положительно оценили только 6 респондентов, т. е. 46,2 %). При этом очевидно противоречие: сами офицеры не скрывают ни от кого свою жизненную философию, но другим иметь личное мнение о ней и высказывать его не позволяют. Подобные расхождения отмечаются также по утверж-

Таблица 2

Оценивание респондентами компонентов структуры компетенции «Личные ценности»

	Утверждения теста «Моя деятельность»	К-во положит. ответов	Утверждения теста «Вы сами»	К-во положит. ответов
1	В принципиальных вопросах я должен занимать четкую позицию	13	У меня достаточно ясная позиция по принципиально важным вопросам	13
2	Я ни от кого не скрываю свою жизненную философию	13	Я иногда прошу других высказать свое мнение о моих взглядах на жизнь вообще и работу в частности	6
3	Мне часто приходится высказывать свое личное мнение	11	Я редко предпочитаю легкие решения верным	4
4	Я должен твердо стоять на принципиальных вопросах	12	Я обычно тверд в принципиальных вопросах	13
5	Я принимаю решения, которые затрагивают человеческие ценности	5	Я редко поступаю в разрез со своими убеждениями	12
6	Мои ценностные установки часто ставятся другими под сомнение	4	Время от времени я тщательно пересматриваю свои жизненные цели и ценности	9
7	Я должен казаться другим людям справедливым	13	Я почти всегда действую в соответствии со своими убеждениями	11
8	Я влияю на принятии ключевых стратегических решений	12	Я анализирую влияние личного роста и развития на изменение своих подчиненных	13
9	Я вынужден улаживать принципиальные вопросы	12	Я рад обсуждать с другими свои взгляды и убеждения	9
10	Мне приходится давать советы и консультировать людей по личным вопросам	12	Мои ценности совпадают с ценностями организации в целом	12

дениям № 3, 5, 6.

Таким образом, анализ управленческих компетенций офицеров-руководителей показал, что, с одной стороны, необходимо развитие всех компетенций, в том числе умений формировать личные цели и ценности, а с другой – имеются расхождения в структуре компонентов, формирующих эти компетенции. Это наблюдение обусловило необходимость рассмотрения структуры и иерархии жизненных ценностей офицеров как сложного личностного образования.

Исследование иерархии терминальных ценностей, проведенное с применением методики Рокича, обнаружило, что первые пять мест у всех офицеров заняли ценности: «счастливая семейная жизнь» (M=15,8±1,8); «здоровье» (M=14,6±2,5); «наличие верных друзей» (M=14,0±2,8); «уверенность в себе» (M=12,2±1,7); «материальная обеспеченная жизнь» (M= =11,4±2,6) – Таблица 3.

Военнослужащим, для сохранения аутентичности, личностной и социальной адаптированности, значимы витальные (здоровье, семья, друзья) и материальные ценности. Они ощущают необходимость в жизненной и эмоциональной поддержке со стороны близких (семья и друзья).

Субъективно мало значимыми ценностями являются: «свобода» (М=6,2±3,7); «общественное признание» (М=4,8±2,5); «равенство» (М=3,8±4,5); «творчество» (М=15,8±1,8); «удовольствия и развлечения» (М=2,2±4,5); «красота» (М=1,8±1,3).

Таблица 3

Результаты ранжирования офицерами терминальных ценностей

Ранг	Название жизненных ценностей	Значения	
		М	σ
1	Счастливая семейная жизнь	15,8	1,8
2	Здоровье (психическое и физическое.)	14,6	2,5
3	Наличие хороших и верных друзей	14,0	2,8
4	Уверенность в себе	12,2	1,7
5	Материально обеспеченная жизнь	11,4	2,6
6	Любовь	10,9	4,1
7	Жизненная мудрость	10,6	2,6
8	Самостоятельность (как независимость в суждениях)	8,8	3,0
9	Интересная работа	8,5	2,1
10	Познание (возможность расширения своего образования)	8,2	2,7
11	Уважение окружающих	7,0	2,0
12	Активная деятельная жизнь	6,7	3,2
13	Свобода (как независимость в поступках и действиях)	6,2	3,7
14	Общественное признание	4,8	2,5
15	Равенство (равные возможности для всех)	3,8	4,5
16	Творчество (возможность творческой деятельности)	3,8	2,4
17	Развлечения, удовольствия	2,2	2,0
18	Красота	1,8	1,3

Корреляционный анализ показал наличие определенных связей разной направленности между ценностями офицеров и управленческими компетенциями «Четкие личные цели», «Четкие личные ценности» (Таблица 4).

При анализе корреляций с компетенцией «Четкие личные ценности» обнаружена устойчивая положительная связь компетентности в этой сфере с ценностью здоровья, что подчеркивает специфику воинской службы (r_s=0,66). Отрицательно связаны с управленческой компетентностью ценности «Наличие хороших и верных друзей» и «Материально обеспеченная жизнь» (r_s=-0,39 и -0,38 соответственно). Такая связь может интерпретироваться как обратное влияние на компетентностный уровень офицера, исполняющего управленческие функции в вузе, наличие большого круга близких друзей и чрезмерной сосредоточенности на материальном достатке.

Компетентность, обозначенная как «Четкие личные цели» имеет тесную взаимосвязь с ценностью материально обеспеченной жизни (r_s=0,45), что полностью соответствует и данным, полученным в процессе анализа результатов диагностики. Вместе с тем отмечается, что имеется ряд специфических корреляций компетенций с ценностями, занимающими низшие ранговые места в иерархии. Так, компетенция «Четкие личные ценности» тесно связана с ценностями «общественное признание» (r_s=0,73), «уважение окружающих» (r_s=0,52), «познание» (r_s=0,82), «равенство» (r_s=0,44). Возможность творческой деятельности, стремление к переживанию чувства прекрасного – ценности,

Таблица 4

Матрица (r_s) ранговой корреляции взаимосвязей «профилей» компетенции офицеров и их ценностей по Рокичу

Ранг	Название жизненных ценностей	Компетенции	
		Четкие личные ценности	Четкие личные цели
1	Счастливая семейная жизнь	0,016	0,24
2	Здоровье (психическое и физическое)	**0,66****	-0,036
3	Наличие хороших и верных друзей	**-0,39*****	-0,11
4	Уверенность в себе	-0,19	-0,18
5	Материально обеспеченная жизнь	**-0,38*****	**0,45*****
6	Любовь	-0,05	0,21
7	Жизненная мудрость	0,23	-0,01
8	Самостоятельность (как независимость в суждениях)	**-0,55****	0,14
9	Интересная работа	0,21	0,28
10	Познание (возможность расширения своего образования)	**0,82***	0,28
11	Уважение окружающих	**0,52****	-0,09
12	Активная деятельная жизнь	-0,17	0,20
13	Свобода (как независимость в поступках и действиях)	-0,21	-0,18
14	Общественное признание	**0,73***	0,08
15	Равенство (равные возможности для всех)	**0,44*****	0,19
16	Творчество (возможность творческой деятельности)	-0,17	**0,30*****
17	Развлечения, удовольствия	**-0,38*****	-0,14
18	Красота (переживания чувства прекрасного)	0,019	**0,39*****

Примечания: обозначены корреляционные связи по критерию силы: «*» – сильная; «**» – средняя; «***» – умеренная.

занимающие 16 и 18-й ранги в иерархии, положительно связаны со способностями формировать четкие личные цели в совокупности управленческих компетенций офицеров-руководителей. Отмечается, что снижение компетентности в сфере четких личных ценностей связано с ростом значимости материального достатка, наличия хороших и верных друзей, самостоятельности, независимости в суждениях.

Таким образом, корреляционный анализ подтвердил наблюдаемый феномен специфического конфликта между жизненными ценностями как личностным образованием офицеров и совокупностью психологических компетенций, которыми они должны обладать для успешного исполнения служебных обязанностей в качестве руководителей групп курсантов военного вуза.

В целом результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

Управленческая деятельность, выполняемая офицерами-руководителями, требует высокого развития всей совокупности психологических компетенций, в том числе умений формировать личные цели и ценности.

Имеются расхождения в структуре компонентов, формирующих компетентность офицера в области личных целей и ценностей, что можно рассматривать как специфический внутренний конфликт, требующий конструктивного разрешения.

Иерархия терминальных ценностей офицеров вступает в определенное противоречие с компетенциями, владение которыми является необходимым условием их воинской службы. Ценности, занимающие в психологическом мире офицеров первые места, в отдельных случаях имеют конфликтные отношения с компетентностными требованиями.

Результаты, полученные в исследовании, позволяют выделить направления личностного и профессионального роста офицеров-руководителей, что может способствовать улучшению показателей их социальной адаптации и тенденций самореализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авдеева Т. Г. Особенности ценностно-смысловой ориентации руководителей образовательных учреждений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена «Аспирантские тетради»: Научный журнал. – 2008. – № 23(54). – С. 278-285.

2. Аронов А. В. Методология компетентностного подхода в высшем образовании // Сб. докладов Отделения философии образования и теоретической подготовки РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.

3. Беляев В. А., Гребенкина Л. К. Проектно-творческая деятельность студентов как средство формирования общекультурных профессиональных компетенций // Российский научный журнал. – 2014. – № 2(40). – С. 125-131.

4. Бермус А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании // Эйдос. – 2005. – URL: http// eidos.ru/ journal/ htm.

5. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. – М.: Дело, 1991.

6. Зачесова Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. – 2004. – № 5.

7. Зимняя И. А. Проектирование и обоснование актуальных социальных компетенций в составе ООП ВПО нового поколения: установ. орг.-метод. м-лы тематич. семинар. цикла. – М.: Исслед. Центр проблем качеств подготовки специалистов, 2010.

8. Маркова А. К. Психологический анализ профессиональной компетентности учителя // Советская педагогика. – 1990. – № 8. – С. 7.

9. Общая и профессиональная педагогика: Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Профессиональное обучение»: В 2-х книгах / Под ред. В. Д. Симоненко, М. В. Ретивых. – Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2003. – Кн. 1. – 174 с.

10. Татур Ю. Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования. 6 авт. версия: материалы по второму заседанию методологического семинара // Труды методологического семинара. – М., 2004. – С. 9.

11. Ясько Б. А. Введение в организационную психологию: Учеб. пособ. – 2-е изд., испр. и доп. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013.

12. Rokeach, M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. – N.Y.: Free press, cop., 1973. – 438 p.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

УДК 159.942
ББК 88.912
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИАГНОСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. Ф. Гасимов

В статье рассматривается фотография как один из возможных инструментов психологического исследования эмоциональной компетентности личности. Описывается авторская методическая разработка по анализу практического проявления эмоционального интеллекта личности. Приводятся данные серии эмпирических исследований, показавших эффективность предлагаемой методики. Обосновываются возможности использования авторского инструментария в различных сферах психологической практики.

Ключевые слова
Эмоциональный интеллект, FaceReader, базовые эмоции, социальная перцепция

Интерес к невербальным проявлениям человека возник в глубокой древности и сохранил актуальность до сегодняшнего дня. В период античности у человекавыделялись пропорции лица и тела, мимические проявления, жесты, позы, осанка и т. д. Наблюдая разнообразие поведения и переживаний людей, древние философы пытались найти порядок среди множества единичных проявлений, сходных между собой по физическим и психическим свойствам [8].

В дальнейшем внимание стали привлекать особенности формирования образа другого человека и познание его личности. Изучаются влияние пола, возраста, профессии и этнической принадлежности человека к той или иной социальной группе на его представления о других людях, ошибки, которые допускает субъект в процессе социальной перцепции.

Далее, в контексте целостного отражения одним человеком другого или других психика рассматривалась как система, включающая следующие компоненты: ощущения, восприятие, память, представления, воображение, мышление, эмоции и воля в социально-перцептивном процессе. Значительные результаты были получены при изучении психологических механизмов выразительного поведения человека и «прочтения» его окружением при выделении, в частности, вербального и невербального компонентов общения [1].

Изучение эмоционального состояния и его роли в мыслительной деятельности субъекта всесторонне исследовано представителями научной школы О. К. Тихомирова. Так, например, О. К. Тихомиров проводил анализ связи между состоянием эмоциональной активности и нахождением основного принципа решения за-

дачи [10]. Работа Ю. Е. Виноградова раскрыла роль эмоциональной активации в структуре решения шахматных задач [2]. Особенности эмоциональной регуляции мыслительной деятельности в условиях различной мотивации были изучены О. С. Копиной [4].

Процесс познания людьми друг друга осуществляется на двух уровнях отражения социальной реальности: чувственном (восприятие человека человеком) и рациональном (понятие о другом человеке как личности). Обязательным компонентом этого процесса является актуализация субъектом знаний, накопленных им в ходе общения и совместной деятельности, опора на обобщения, сформировавшиеся в ходе познания других людей.

Одним из возможных способов анализа познания выступает метод фотографии. Использование визуальной составляющей при диагностике и коррекции психоэмоционального состояния личности широко применяется, в частности, в фототерапии, под которой понимают лечебно-коррекционное применение фотографии, ее использование для решения психологических проблем, а также развития и гармонизации личности [5, с. 9]. Основным содержанием фототерапии является создание и/или восприятие клиентом фотографических образцов, дополняемое их обсуждением и разными видами творческой деятельности, направленными на формирование, изменение, укрепление с помощью фотографии отношений с миром и самим собой. «По своей природе фотография социальна: она связана с контактами между людьми и передачей значимых для них чувств и представлений. Ее можно рассматривать как своего рода ритуал, обеспечивающий социализацию и формирование идентичности, включение в разные группы людей с характерной для них системой ценностей, а также ролевое развитие и трансформацию» [5, с. 12].

На возможность использования фотографии в психологической практике неоднократно указывалось исследователями в области психологии рекламы и маркетинга [6].

Отечественные и зарубежные центры психологических исследований создают свои базы фотоизображений лица человека, выражающие различные эмоционально-лицевые экспрессии в разной степени выраженности (например, база Пола Экмана, база RaFD) [14; 15].

Очевидно, что наравне с вопросом генерации изображений стоит вопрос распознавания эмоциональных выражений на фотографии. Одним из наиболее распространённых инструментов по диагностике эмоционально-лицевой экспрессии является разработанный голландской фирмы Noldus программный комплекс FaceReader, который может распознать шесть базовых эмоций: радость, грусть, злость, удивление, испуг, чувство отвращения, а также нейтральное состояние испытуемого. Помимо этого, FaceReader способен различать открытое и закрытое состояние глаз, рта человека, положение бровей, ориентацию головы и направление взгляда.

В указанной программе реализованы технологии компьютерного зрения, включающая, в частности, метод ActiveTemplate, заключающийся в наложении на изображение лица деформируемого шаблона, а также метод ActiveAppearance Model, с помощью которого можно создавать искусственную модель лица с учетом контрольных точек и деталей поверхности и сравнивать ее с образцами, заложенными в память [16].

На сегодняшний день существует ряд работ, подтверждающих эффективность применения FaceReader в научных исследованиях. В частности, разработка измерительных процедур, позволяющих распознавать эмоции, описанные П. Экманом как базовые [14]; изучение связи эмоциональных реакций с концентрацией внимания в контексте культурных особенностей [11]; исследование роли лица и контекста в распознавании эмоций [12]. Про-

анализированы данные FaceReader и лицевой электромиографии при демонстрации эмоции «радость», показавшее высокий уровень корреляции [13].

Используя общие методологические принципы построения баз данные для изучения различных психологических характеристик личности на основе восприятия лица незнакомого человека по его фотографии, в нашем исследовании предпринята попытка разработки собственного стимульного материала, который бы отвечал требованиям FaceReader, для оценки способности субъекта воспринимать различные эмоции. Стимульным материалом выступают фотографии человека, изображающего одну из шести базовых эмоций: радость, печать, гнев, удивление, страх, отвращение.

Нами была создана авторская методическая разработка «Оценка восприятия и воспроизведения эмоций» с использованием аппаратных программных комплексов NoldusFaceReader и SMIRED [3], с целью оценки эмоциональной компетентности субъекта по следующим параметрам: уровень эмоционального интеллекта, глазодвигательная активность как предиктор восприятия выражения лица, и способность к воспроизведению эмоционально-лицевых выражений.

Качество изображения было обеспечено в условиях профессиональной фотосъемки. Человек, изображенный на фотографиях стимульного материала, проходил предварительную тренировку с помощью программного комплекса FaceReader для обеспечения соответствия между называемой и демонстрируемой эмоциями. С целью отбора необходимых для исследования фотографий, полученные в ходе фотосъемки фотографии были проанализированы с помощью FaceReader. В качестве базового стимульного материала были отобраны 6 фотографий лица одного и того же человека с изображением одной из шести базовых эмоций: радость, печаль, гнев, удивление, страх, отвращение. При выборе фотографий мы ориентировались на общепринятый стандарт 65-ти процентного порога достоверности выраженности мимических проявлений эмоций, фиксируемый программой Face Reader. Показатели эмоциональной экспрессии каждого изображения представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Выраженность экспрессий на стимульном материале

Стимульный материал	Экспрессия					
	Радость	Печаль	Гнев	Удивление	Страх	Отвращение
Радость	**0,98**	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02
Печаль	0,00	**0,71**	0,22	0,00	0,00	0,00
Гнев	0,00	0,01	**0,82**	0,00	0,00	0,01
Удивление	0,00	0,00	0,00	**0,97**	0,01	0,01
Страх	0,00	0,00	0,00	0,13	**0,68**	0,17
Отвращение	0,00	0,02	0,06	0,00	0,00	**0,92**

В ходе пилотажного исследования респондентам (31 человек в возрасте 20-22 года – студенты московских ВУЗов) было предложено определить, какие эмоции продемонстрированы на фотографиях. В результате исследования 90 % испытуемых сходным образом назвали эмоции, запечатленные на фотографиях. Получен-

ные данные свидетельствует о том, что в ходе социализации у испытуемых сформировались единые представления о значении мимических проявлениях человеческого лица, которые стали общей социокультурной нормой. Разделяемый членами социальной группы смысл знаков человеческого тела дает основание полагать, что смещение результатов эксперимента из-за незнания визуального кода будет незначительным.

Базовый стимульный материал был применен в исследованиях, направленных на изучение практических аспектов конструкта эмоционального интеллекта. Установлено, что эмоциональный интеллект субъекта влияет на восприятие и воспроизведение эмоций. Респонденты с более высоким уровнем эмоционального интеллекта демонстрируют более высокие результаты воспроизведения эмоций и контроля эмоциональных экспрессий. Кроме того, показано, что уровень эмоционального интеллекта респондентов связан с их способностью определять соответствие и несоответствие между эмоциональной экспрессией и вербальными выражениями.

На основном этапе изучения особенностей восприятия и воспроизведения эмоционально-лицевых экспрессией субъектами с разным уровнем эмоционального интеллекта на примере студентов различных специальностейбыли сконструированы авторские варианты базового стимульного материала, отражающие возможные сценарии эмоционального поведения партнера в ситуации межличностного взаимодействия.

С помощью графического редактора на нижнюю четверть фотографий было нанесено слово, обозначающее одну из 6 базовых эмоций. Таким образом были созданы три блока фотографий-стимулов. Первый блок – «Соответствие» – наименование эмоции и экспрессия на лице совпадают. Второй блок – «Несоответствие» – наименование эмоции и экспрессия на лице противоположны друг другу. Третий блок – «Текст» – на стимульном материале имеется только наименование эмоции, фотография отсутствует [5].

Возможности применения созданной методики были продемонстрированы на выборке 66 студентов математических и психологических факультетов в возрасте от 19 до 22 лет. Предварительно у участников исследования с помощью тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0 [9]) и теста «ЭмИн» Д. Люсина [7] был определен уровень эмоционального интеллекта. Для дальнейшей обработки полученных результатов было произведено медианное разделение респондентов на высокую и низкую группу по каждой из шкал двух тестов. Далее участники исследования должны были продемонстрировать эмоционально-лицевую экспрессию, соответствующую названию эмоции, которая была указана на предъявляемом стимульном материале.

В результате проведенного исследования была выявлена требующая дальнейшего изучения интересная тенденция, согласно которой во всех ситуациях демонстрации стимульного материала респонденты-психологи с высоким уровнем эмоционального интеллекта воспроизводят эмоции хуже по сравнению с респондентами, обладающими низким уровнем эмоционального интеллекта. Хотя, казалось, профессиональные компетенции психологов предполагают наличие таких качеств, как, в частности, эмпатия и атракция.

В то же время студенты-математики показали ожидаемую зависимость между уровнем эмоционального интеллекта и правильностью воспроизведения эмоции. Сходная закономерность отмечены при изучении проявления гендерного фактора.

Таким образом, созданная авторская методическая разработка «Оценка восприятия и воспроизведения эмоций» показала свою прогностичность и эффективность как средство анализа эмоционального интеллекта. Дальнейшие перспекти-

вы использования фотографии в психологической практике связаны с учетом специфики переговорного процесса на примере рассмотрения творческого самовыражения, эмоциональной компетентности и рефелексивности участников конфликтного взаимодействия.

Диагностика и развитие эмоциональной компетентности субъекта с помощью описанной методической разработки может быть включена в программы психологического сопровождения при работе с представителями помогающих профессий, входящих в группу «человек-человек».

В данной системе координат перспективным представляется диагностика и развитие умения людей адекватно распознать эмоциональное состояние и уровень его выраженности у собеседника для повышения эффективности используемой стратегии взаимодействия на основе создаваемого образа партнера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бодалев А. А. История разработки проблемы познания людьми друг друга в СССР – России // Имиджелогия-2004: состояние, направления, проблемы / Под ред. Е. А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2004. – С. 21-32.

2. Виноградов Ю. Е. Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека: Автореф. дис. …канд. психол. н. – М., 1972.

3. Гасимов А. Ф. Технология оценки восприятия и воспроизведения эмоционально-лицевых экспрессий с использованием аппаратных программных комплексов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2015.

4. Копина О. С. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности в условиях различной мотивации: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1978.

5. Копытин А., Платтс Лж. Руководство по фототерапии. – М.: Когито-Центр, 2009. – 184 с.

6. Лебедев-Любимов А. Н. Психология в маркетинге. COOLBRAND-стратегия. – СПб.: Питер, 2008. – 192 с.

7. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3-22.

8. Марцинковская Т. Д. История психологии. – М.: Академия, 2004. – 544 с.

9. Сергеенко Е. А., Ветрова И. И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0): Руководство. – М.: Ин-т психологии РАН, 2010.

10. Тихомирова О. К. Психология мышления. – М.: Академия, 2005. – 288 с.

11. Chentsova-Dutton Y. E., Tsai J. L. Self-focused attention and emotional reactivity: the role of culture // Journal of Personality and Social Psychology. – 2010. – V. 98(3). – PP. 507-519.

12. Choliz M., Fernandez-Abascal E. G. Recognition of emotional facial expressions: the role of facial and contextual information in the accuracy of recognition // Psychological reports. – 2012. – V. 110(1). – PP. 338-350.

13. D'Arcey T., Johnson M., Ennis M. Assessing the validity of FaceReader using facial electromyography // Proceedings of APS 24th annual meeting. – 2012.

14. Ekman P. Emotions revealed. – N.Y.: An owl Book, 2004.

15. Ekman P., Friesen W. Unmasking the face. – N.Y.: Prentice-Hall, 1975.

16. Loijens L. FaceReader Reference Manual Version 4 – Noldus Information Technology, 2011.

БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.9.
ББК 88
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

ЛИЧНОСТНОЕ ПРОЕЦИРОВАНИЕ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ

М. А. Канищева

В статье анализируются подходы к изучению проблемы образа будущего. Приведены результаты эмпирического исследования личностного проецирования в образе будущего у людей с разным уровнем субъективного контроля. Показано, что личностное проецирование является важной частью образа будущего, а ответственное отношение к жизни располагает к представлению о будущем как насыщенном различными возможностями для личностного роста и самореализации.

Ключевые слова
Личностное проецирование, локус контроля, интернальность, экстернальность, образ будущего

Современные тенденции развития науки привели к тому, что в последнее время в сфере внимания многих отечественных и зарубежных ученых (К. А. Абульханова-Славская, М. Р. Гинзбург, К. Муздыбаев, К. Левин, Ж. Нюттен, и др.) находятся проблемы, которые связаны с построением человека собственного будущего.

Психологическое содержание данного феномена детально представлено в теории М. Р. Гинзбурга, который отмечает, что в его структуре нужно различать временное будущее и смысловое будущее, а также указывает на некоторую ограниченность исследований, в которых психологическое будущее, накладываясь на хронологическое время, мыслится линейно. В своем исследовании М. Р. Гинзбург устанавливает, что смысловое будущее принципиально отличается от жизненных планов, программ и выступает для человека как область, ценностно мотивирующая личностное развитие и как идеальное проецирование себя в будущее [3].

Большинство ученых сходится во мнении, что выступая структурным компонентом психологического времени, будущее является результатом внутренней проективной деятельности человека, вследствие которой создается образ будущей жизни. В последнее время в психологии разрабатывается личностно-временная проблематика. Ряд психологических исследований обнаруживает наличие взаимосвязи основных параметров будущей временной перспективы с такими личностными особенностями, как тревожность, самооценка, локус контроля и др.

Осуществляя содержательный анализ

ориентации на будущее К. Левин, показал, что наличие ясных целей, временной перспективы на будущее, положительно коррелирует с активностью человека и продуктивностью его деятельности в настоящем. Отсутствие или ограниченность временной перспективы приводит к дезорганизации, пассивности, а также неэффективности деятельности. По мнению К. Левина психологическое будущее оказывается частью психологического поля в настоящем и влияет на поведение человека [5].

Изучая категорию будущего Ж. Нюттен отмечает, что одни люди видят его как детерминированное шансом, в то время как другие склонны рассматривать будущее как область, зависящую только от собственных действий и находящуюся под собственным контролем [7].

Изучением взаимосвязи уровня субъективного контроля и временной ориентации занимались также многие отечественные ученые, такие как К. Муздыбаев, К. А. Абульханова-Славская и др. Они утверждают, что локализация субъективного контроля положительно коррелирует с построением модели будущего, осознанием человеком целей собственной жизни [1; 6]. Исследуя переживание времени в период кризисов К. Муздыбаев, приходит к выводу, что наличие уверенности в том, что все зависит от собственных способностей и усилий взаимосвязано с осмысленностью жизни и способностью построить модель будущего [6].

Несмотря на то, что имеются определенные наработки в изучаемой сфере психологического знания, в настоящее время отсутствуют исследования непосредственной связи личностного проецирования в образе будущего с уровнем субъективного контроля. Вместе с тем данная область психологии представляется достаточно значимой, т.к. открывает возможности человека для саморазвития и самореализации в будущем.

В связи с актуальностью и практической значимостью данной проблемы было организовано и проведено исследование при участии студентов НИУ «БелГУ» в возрасте от 17 до 22 лет в количестве 335 человек. Целью исследования являлось выявление особенностей личностного проецирования в образе будущего у людей с разным уровнем субъективного контроля. В качестве критерия для деления испытуемых на группы в исследовании выступает локус контроля, для изучения которого была использована методика исследования уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд). Участвовавшие в исследовании респонденты распределились на группы следующим образом: 57,6 % студентов характеризующихся высоким или средним уровнем субъективного контроля с тенденцией к высокому уровню вошли в состав группы I. 42,4 % студентов, характеризующиеся низким уровнем или средним с тенденцией к низкому уровню субъективного контроля вошли в состав группы II. Для студентов группы I большинство значимых событий в жизни свойственно интерпретировать как результат своих собственных действий, усилий, компетентности и целеустремленности. Они чувствуют собственную ответственность за эти события, а также за то, как складывается в целом их жизнь. Студенты, которые вошли в состав группы II не видят взаимосвязи между важными событиями, происходящими в их жизни, и своими действиями. Они полагают, что происходящее с ними не зависит от них, являясь результатом действия таких внешних причин как вмешательство других людей, стечение обстоятельств или случайность.

Для качественного понимания личностного проецирования, которое целесообразно рассматривать как один из параметров ценностно-смыслового компонента образа будущего, был проведен анализ описаний будущей жизни в сочинениях испытуемых. Было установлено, что в

группе I процент студентов проецирующих себя в будущее – 93,8% достоверно выше, чем в группе II – 85,9% (φ= 2,401; p<0,01). Соответственно в группе I процент студентов, не проецирующих себя в будущее – 6,2% достоверно ниже, чем в группе II – 14,1% (φ= 2,401; p<0,01). Особый интерес представляет содержательная наполненность личностного проецирования в образе будущего, т.е. какими интерналы и экстерналы хотят видеть себя в будущем.

Таблица 1

Особенности личностного проецирования в образе будущего в группах с разным уровнем субъективного контроля (%)

№	Представления	Группы, %		φ* критерий Фишера	Уровень значимости
		1-я группа (n=193)	2-я группа (n=142)		
1.	Описание себя	7,25	6,34	0,329	p>0,05
2.	Ответственность за свою жизнь	13,5	5,63	2,463	p<0,01
3.	Личностный рост, саморазвитие	28	17	2,418	p<0,01
4.	Самореализация, самоактуализация	21,2	8,45	3,330	p<0,01
5.	Решение проблем и сложностей	14	8,45	1,599	p>0,05
6.	Достижение целей	18,7	8,45	2,743	p<0,01
7.	Приносить пользу, делать мир лучше	10,4	7,75	0,827	p>0,05
8.	Жизненный опыт	17,1	12	1,320	p>0,05
9.	Удовлетворенность жизнью	14	12	0,543	p>0,05
10.	Удовлетворенность работой	39,4	47,9	1,554	p>0,05
11.	Удовлетворенность семейной жизнью	21,2	20,4	0,183	p>0,05

Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют, о том, что 13,5% интерналов готовы нести ответственность за свою жизнь, что достоверно больше, чем процент экстерналов – 5,63% (φ=2,463; p<0,01). Этот факт можно расценивать как отражение взаимосвязи уровня субъективного контроля с образом будущего. В сочинениях студентов с экстернальным локусом контроля редко встречаются такие описания: «человек сам хозяин своего будущего и жизни в целом, а те препятствия, которые мешают реализовать себя, это всего лишь нежелание каждого из нас, признаться себе, что ты это можешь сделать, дать своему потенциалу шанс, возможность»; «мое будущее только в моих руках и оно напрямую зависит от того, что я знаю, умею, и хочу здесь и сейчас»; «я буду прикладывать все усилия для получения желаемого результата, ведь все зависит только от меня»; «я хочу в этой жизни добиться всего сама и я это сделаю, как бы это было не трудно, я готова бороться. А мое будущее все зависит только от меня самой».

Результаты исследования личностного проецирования, указывают на то, что представителей группы II упоминающих в своих сочинениях о личностном росте и саморазвитии – 17%, а также о самореализации и самоактуализации – 8,45% значительно меньше, чем представителей группы I – 28% (φ=2,418; p<0,01) и соответственно – 21,2% (φ=3,330; p<0,01). Это свидетельствует о том, что последние в

большей степени заинтересованы в самосовершенствовании и реализации своего внутреннего потенциала в будущем. Данный факт находит отражение в их сочинениях: «работа с людьми даст мне хороший толчок к развитию, ведь человек всегда развивается и требует чего-то нового»; «хочется вести активную деятельность, заниматься саморазвитием, познанием себя и окружающего мира»; «35 – это начало более продуктивного периода жизни, я начинаю самореализовываться семейном и профессиональном плане»; «а главное – самоактуализация. Самоактуализация в любви, работе, дружбе»; «хочу найти себя, то занятие, ту профессию, которая поможет мне реализовать весь свой внутренний потенциал»; «достаточно полно смогу реализовать свои навыки и развить способности, потому как самореализация должна проявляться в творческом, интеллектуальном и эмоциональном плане».

Проведенный анализ показывает, что процент студентов с интернальным локусом контроля, которые стремятся к достижению поставленных целей, составляет 18,7%, что достоверно выше соответствующего показателя студентов с экстернальным локусом контроля – 8,45% (φ=2,743; $p<0,01$). Позиция интерналов чаще выражается в сочинениях следующими высказываниями из описаний образа будущего: «благодаря моим личностным характеристика, моим качествам, я думаю, что в будущем я добьюсь всех поставленных перед собой целей»; «не хочу оставаться на достигнутой цели, хочу добиваться и расти дальше»; «каждый новый день приближает меня к моим целям и позволяет попробовать что-то новое»; «я добьюсь, о чем мечтала, потому что я добиваюсь чего хочу и делаю для этого все, прикладывала и приложу все усилия»; «я буду стремиться к осуществлению всех задумок и целей».

Для более глубокого понимания отличий личностного проецирования между группами с разным уровнем субъективного контроля обратимся к анализу различий в уровне исследуемого признака с помощью U-критерия Манна-Уитни, который отражен в таблице 2.

Таблица 2

Показатель личностного проецирования в образе будущего в группах с разным уровнем субъективного контроля

№	Параметр	Группы		U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости
		1-я группа (n=193)	2-я группа (n=142)		
1.	Личностное проецирование себя в будущее	182,23	148,66	10957,00	$p<0,01$

Сравнительный анализ полученных эмпирических данных представленных в таблице 2. показывает, что по данному параметру были обнаружены статистически значимые различия (U=10957; $p<0,01$). Это указывает на то, что представители группы I имеют более подробное, полное и детальное представление о том, какими они видят себя в будущем, чем представители группы II.

Таким образом, личностное проецирование является очень важной частью образа будущего, так как в его направлении будет развиваться человек и его жизнь и это поможет ему действовать в правильном направлении. Оно способно побуждать к активности и вызывать сильные положительные эмоции. Личностное проецирование в образе будущего предполагает, что человек должен в основном рассчитывать на свои силы, а не на внешние обстоятельства, так как невозможно пред-

ставить, что человек самореализуется, развивается в личностном плане, чувствует удовлетворенность работой или семейной жизнью благодаря счастливому случаю или везению.

На основе анализа полученных данных, можно говорить, что студенты представляют самих себя в будущем удовлетворенными жизнью, работой и семейной жизнью. Исследование показало, что личностное проецирование в образе будущего взаимосвязано с уровнем субъективного контроля. Ответственное отношение к жизни располагает к представлению о будущем как насыщенном различными возможностями для личностного роста, саморазвития, самореализации и самоактуализаци, а также готовности в будущем нести ответственность за свою жизнь, добиваться поставленных целей, а столкнувшись с проблемами и сложностями решать их.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.

2. Бажин Е. Ф. Метод исследования уровня субъективного контроля / Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд // Психологический журнал. – 1984. – № 3. – С. 152-162.

3. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43-52.

4. Карнаухов В. А. Особенности эмоционального отношения к возможному будущему у людей с разным локусом контроля / В. А. Карнаухов, М. А. Канищева // Российский научный журнал. – 2015. – № 3(46). – С. 135-139.

5. Levin K. Time perspective and morale / K. Levin // Resolving social conf-licts. – Durham (N. C.): Duce Univercity press, 1973.

6. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов / К. Муздыбаев // Психол. журнал. – 2000. – Т. 21. – № 4. – С. 5-21.

7. Nuttin J., Lens W. Future time perspective and motivation: Theory and Research Method. – Leuven: Leuven University Press; Hillsdale. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1985.

БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 159.923
ББК 88.3
Психология

ПСИХОЛОГИЯ

СИСТЕМА ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ПАЦИЕНТА В СРЕДЕ ЛЕЧЕБНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Ю. Ю. Ковтун

В структуре социального компонента среды лечебного учреждения важную роль выполняет пациент как субъект, вступающий во взаимодействие с этой средой и другими ее субъектами. При разном уровне субъектности пациента складывается определенный тип экопсихологического взаимодействия в системе «среда лечебного учреждения (или «медицинский работник» как субъект среды) – пациент». Субъект-субъектный тип экопсихологического взаимодействия рассматривается как наиболее перспективный для эффективного лечения и реабилитации пациента.

Ключевые слова
Экологическая психология, экопсихологическое взаимодействие, среда лечебного учреждения

Слово «пациент» происходит от латинского «patiens» – страдающий, терпящий. Пациенты медицинских учреждений, действительно, страдают не только от своего недуга, но и от различных видов психологических и социальных проблем. Они не просто больны, они часто находятся в беде. Люди, нуждающиеся в долговременной госпитализации, могут переживать опыт нахождения в больнице с ужасом или даже отчаянием. Физическая боль, возможность хирургического вмешательства, социальная изоляция, потеря трудоспособности, инвалидизация, – все это вызывает тревогу и опасения за свое будущее. В большей степени это относится к хроническим заболеваниям или тяжелым заболеваниям, приковывающим к постели, отрывающим от обычного образа жизни. Смена привычной среды, обеспечивающей человеку уверенность, спокойствие, является дополнительной нагрузкой. Еще одним аспектом госпитализации является снижение и даже потеря социального статуса. На время пребывания в больнице у человека появляется определенная роль – «роль больного» или «носителя болезни». Он вынужден подчиняться правилам, режиму. В течение длительного времени он находится в палате с незнакомыми людьми, которые оказались в подобной ситуации, каждый из которых реагирует на нее по-своему. Такое соседство не всегда бывает приятным и часто требует выстраивания новых социальных связей. Отношения внутри коллектива медицинских работников также могут быть значимыми для пациента.

Совокупность этих факторов делает

больничную среду холодной, обезличенной и небезопасной. Тем не менее, A. R. Henderson (1976) указывал, что многие пациенты испытывают опасения, покидая больницу. Это может быть связано с тем фактом, что во время госпитализации человек позволяет себе регрессировать к роли, в которой о нем заботятся и защищают. И впоследствии ему трудно от этого отказаться [8].

Среда лечебного учреждения представляет собой часть жизненной среды человека в целом, в которую он попадает при определенных условиях, если он нуждается в медицинской помощи.

Исследование основано на положении, что среда лечебного учреждения выступает фактором изменения и развития психики пациента и методологических основаниях экологической психологии, изучающей психологические аспекты взаимодействий в системе «человек – окружающая среда» (Гибсон Дж., 1988; Pawlik K., Stapf K., 1992; Дерябо С. Д., Ясвин В. А., 1996; Дерябо С. Д., 1999; Панов В. И., 2004, 2006; и др.). Под экопсихологическими взаимодействиями понимается совокупность взаимодействий человека с окружающей средой, способствующих или препятствующих объединению «человека» и «среды» в онтологическое образование «человек – жизненная среда» [6].

Психическое развитие человека происходит во взаимодействии с его жизненной средой, включающей как внешнее жизненное пространство индивида, так и его внутреннюю среду (представления о мире и о себе, ценности и т. д.). Многочисленные исследования психологических особенностей пациента сконцентрированы в большей степени вокруг внутренней среды. Безусловно, восприятие среды лечебного учреждения (и взаимодействие с данной средой как с внешним жизненным пространством) может быть опосредовано отношением человека к своему здоровью и своей болезни, которые зависят от личностных особенностей, мировоззрения, возраста, пола и т.д.

Важным аспектом взаимодействия пациента со средой лечебного учреждения является взаимодействие с другими субъектами этой среды. К особенностям взаимоотношений врача и больного в условиях стационара относится тот факт, что постоянный непосредственный контакт медицинского персонала с больным осуществляется в течение длительного времени. Установление психологически правильных взаимоотношений в этих условиях играет особенно важную роль. Результат лечения всегда зависит от совместных усилий медика и больного, т. е. от их взаимодействия. Когда происходит клиническая встреча врача и пациента, ответственность за исход болезни разделяется между ними. Таким образом, взаимоотношения врача и пациента в большой степени определяют успех медицинской помощи.

Наиболее ранняя типология взаимоотношений «врач-пациент» принадлежит T. S. Szasz и M. H. Hollender (1956). Авторы описали три модели взаимоотношений: 1) активность – пассивность; 2) руководство – сотрудничество; 3) взаимное участие [16]. В последующих исследованиях обсуждалось превосходство одних моделей взаимоотношений над другими. R. M. Veatch (1972, 1981) и E. J. Emanuel (1992) критически описывали «пасторскую (или патерналистскую) модель» взаимоотношений между врачом и пациентом, восходящую к традиции Гиппократа, согласно которой врач принимает все решения, касающиеся медицинской помощи на основе своих представлений об интересах пациента, а тот, в свою очередь, дисциплинированно выполняет предписания. Противоположной является «инженерная модель» (по R. M. Veatch, 1972) или «информационная модель» (по E. J. Emanuel, 1992), в которой полный контроль и ответственность за здоровье лежит на пациенте. Обязанности врача ограничиваются обеспечением информацией о вари-

антах и возможностях лечения, а пациент выбирает то, что отвечает его потребностям и интересам.

Дальнейшее осмысление этических принципов и норм медицины, а также растущее признание важности автономии пациента в принятии решений, касающихся лечения, привели к обсуждению новых моделей взаимоотношений «врач – пациент». Эти модели отражают тенденцию к более тесному взаимодействию и диалогу между пациентом и врачом. В качестве компромисса между «патерналистской» и «инженерной» моделями R. M. Veatch (1972) постулировал «контрактную модель» сотрудничества между врачом и пациентом как путь открытого обсуждения и обмена мнениями. В основе договорных отношений лежат принципы автономии и справедливости.

C. Fried (1974) утверждал, что при обращении пациента к врачу, должны учитываться его следующие права: 1) ясность (право на доступ к соответствующей информации); 2) автономия; 3) верность своим интересам; 4) гуманизм (право на обращение с состраданием и уважением) [11].

«Конвенциональная модель» была разработана для преодоления недостатков «контрактной модели» (May W. F., 1975, Campbell A., 1991). Взаимоотношения врача и пациента строятся на основании нравственных ценностей, учитывающихся обоюдно и взаимно (в отличие от обоюдной выгоды как условия отношений в контрактной модели).

Наиболее гармоничным путем взаимодействия, согласно R. M. Veatch, является «коллегиальная модель», предоставляющая врачу и пациенту равные права во взаимодействии, которое подчинено их общим целям.

Автор «эссенциалистской модели», E. D. Pellegrino (2006) полагает, что модель взаимоотношений врача и пациента должна соответствовать этическому принципу благодеяния, в противоположность патернализму как ограничению свободы человека в его собственных интересах [15].

E. J. Emanuel, L. L. Emanuel (1992) охарактеризовали «совещательную модель» взаимоотношений «врач – пациент», цель которой помочь пациенту определить и выбрать ценности, связанные со здоровьем, которые могут быть реализованы в его клинической ситуации [10].

В экопсихологической системе «человек – жизненная среда» взаимодействие осуществляется исходя из активной (субъектной) или пассивной (объектной) позиции ее социального компонента. Тип экопсихологического взаимодействия определяется отношениями, заданными ролевыми позициями субъектов системы «человек – жизненная среда». В онтологическом подходе сущностной характеристикой субъекта является активность, предполагающая, что источник развития субъекта находится в нем самом. Способность человека – субъекта к саморазвитию реализуется только через взаимодействие с окружающей средой.

В лечебном учреждении система «человек – жизненная среда» представлена в виде отношения «человек (пациент) – среда лечебного учреждения». Тип экопсихологического взаимодействия в этом случае определяется ролевой матрицей «врач – пациент – медицинская сестра».

В обзоре экопсихологических исследований (Панов В. И., 2004) при анализе системы «человек – природная среда» (т. е. в рамках одного вида взаимодействий) были описаны следующие типы взаимодействия: объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный, субъект-субъектные, включая субъект-обособленный, субъект-совместный, субъект-порождающий типы взаимодействия.

Экопсихологические взаимодействия могут быть охарактеризованы как взаимодействия индивида или группы индивидов по таким различным позициям (взаимодействие с разными видами окружаю-

щей среды, с разными компонентами среды; взаимодействия, специфические для определенного этапа онтогенеза; взаимодействия, которые обусловлены типом экологического сознания).

Система экопсихологических взаимодействий пациента лечебного учреждения представлена следующим образом:

• Пациент как субъект среды лечебного учреждения вступает во взаимодействие с компонентами данной среды: социальным, пространственно-предметным и деятельностным. В том числе пациенты устанавливают различные типы экопсихологических взаимодействий с другими субъектами среды (врачи, медицинские сестры, администрация больницы, пациенты). Эти взаимодействия осуществляются в рамках лечебного процесса. При разном уровне субъектности пациента складывается определенный тип взаимодействия со средой лечебного учреждения (Панов В. И.).

• Значимые для пациента варианты взаимодействий с другими субъектами среды лечебного учреждения: «пациент – медицинский работник», «пациент – пациент», «медицинский работник – медицинский работник», «пациент – родственники».

• Пациент устанавливает взаимодействие со средой лечебного учреждения как социальной составляющей его жизненной среды. Жизненная среда индивида включает как его внешнее жизненное пространство, так и внутреннюю среду (представления и мире и о себе, ценности). Объединение человека и среды в единую систему «человек – жизненная среда» обеспечивается системой экопсихологических взаимодействий.

• Взаимодействия пациента со средой лечебного учреждения и субъектами этой среды на когнитивном, поведенческом и аффективном уровнях опосредованы типом экологического сознания.

Анализируя варианты взаимодействий в среде лечебного учреждения, приходит понимание того, что медицинский работник (по отношению к пациенту) имплицитно имеет высокий уровень субъектности. Это обусловлено самой ситуацией и средой, в которой это взаимодействие происходит. Именно от врача или медицинской сестры зависит, какое взаимодействие будет установлено в каждом конкретном случае. Огромная часть людей испытывает дискомфорт, обращаясь за медицинской помощью, связанный с взаимодействием с персоналом лечебных учреждений. Попадая в среду лечебного учреждения, в которой он является объектом воздействия, пациент чувствует себя заложником системы, где от него ничего не зависит. В нем видят не личность, а носителя болезни, объект для медицинских манипуляций. Это усиливает тревогу и страх, которые уже возникли вместе с мыслями о болезни, и порождает нежелание обращаться за помощью. Некоторые люди годами не ходят к врачу, и гордятся этим. Последствия такого ухода от проблем могут быть неблагоприятными.

Если медицинский работник строит взаимодействие по субъект-субъектному типу, он вежлив, внимателен в обращении к пациенту и дает ему понять, что видит в нем субъекта. Пациент, занимая субъектную позицию, становится сам источником активности и чувствует ответственность за состояние своего здоровья. Он может осознанно доверять медикам в вопросах лечения, не теряя при этом своей субъектности, делая все, что от него зависит для борьбы с недугом. Ведь лечение и реабилитация не заканчиваются в тот момент, когда пациент покидает стены кабинета врача или территорию больницы. Больному важно понимать, какой вклад он сам должен внести в восстановление своего здоровья, а не механически выполнить предписания врача. Таким образом, субъект-объектный тип взаимодействия медицинского работника и пациента программирует на выздоровление, тогда как субъект-субъектный вариант настраивает

больного на выздоровление, что на наш взгляд повышает эффективность, особенно в тех случаях, где необходимо не только лечение как таковое, но и реабилитация. Кроме того, у пациентов, занимающих субъектную позицию во взаимодействии с медиками, исчезнет нежелание обращаться за медицинской помощью из-за неприятия объектной позиции.

Развитие субъектности участников взаимодействия в среде лечебного учреждения, понимание перспективности взаимодействия с пациентами по субъект-субъектному типу и отказ от субъект-объектных типов в конечном итоге улучшает качество медицинского обслуживания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.

2. Гольдшейдер А. Боевые вопросы врачевания / А. Гольдшейдер: пер. с нем. – Л.: ГИЗ, 1929. – 95 с.

3. Дерябо С. Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. – 310 с.

4. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. – Ростов-н/Д: Феникс, 1996. – 342 с.

5. Лурия Р. А. Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания / Р. А. Лурия. – 3-е изд. – М.: Медгиз, 1944. – 96 с.; 4-е изд. – М.: Медицина, 1977. – 112 с.

6. Панов В. И. Введение в экологическую психологию: Учебное пособие. – 2-е изд. (перераб. и доп.). – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – 164 с.

7. Панов В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. – М.: Наука, 2004. – 197 с.

8. Arthur R., Henderson M. D. Psychology of Hospitalized Patients // Journal of the National Medical Association. – 1976. – Vol. 68. – No. 5 . – P. 378-383.

9. Campbell A. Dependency revisited: The limits of autonomy in medical ethics // Brazier M., Lobjoit M., (eds.) Protecting the vulnerable: autonomy and consent in health care. – London; New York: Routledge, 1991.

10. Emanuel E. J., Emanuel L. L. Four models of the physician-patient relationship. – Jama, 1992. – P. 267.

11. Fried C., Medical experimentation: personal integrity and social policy. – Amsterdam: North-Holland Pub. Co., 1974.

12. Leape L., Shore M., Dienstag J., et al. Perspective: A culture of respect, part 1: The nature and causes of disrespectful behavior // Acad Med. – 2012. – P. 845-852.

13. May W. F. Code, Covenant, Contract, or Philanthropy // The Hastings Center Report. – 1975. – № 5. – P. 29-38.

14. Pawlik K., Stapf K. OekologischePsychologie: Entwicklung, Perspektive und AufbaueinesForschungprogramms // Umwelt und Verhalten. – Bern, 1992. – P. 9-24.

15. Pellegrino E. D. Toward a Reconstruction of Medical Morality // American Journal of Bioethics. – 2006. – № 6. – P. 65-71.

16. Szasz T. S., Hollender M. H. A contribution to the philosophy of medicine; the basic models of the doctor-patient relationship // AMA Arch Intern Med. – 1956. – № 97. – P. 585-592.

17. Veatch R. M. A theory of medical ethics. – New York: Basic Books, 1981. – 387 p.

18. Veatch R. M. Models for Ethical Medicine in a Revolutionary Age // The Hastings Center Report. – 1972. – № 2. – P. 5-7.

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
г. МОСКВА

УДК 81'373.21
ББК 81.2-3
Языкознание, ономастика, археология

филология

СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ СРЕДНЕГО (РЯЗАНСКОГО) ПООЧЬЯ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ТИПЫ НА *-УР, -ОР, -АР (-МАР), -ЕР, -МА*

Кандидат филологических наук Ю. Ю. Гордова

В статье рассматриваются субстратные (дославянские) топонимы Среднего Поочья пяти типов: с формантами -ур, -ор, -ар (-мар), -ер, -ма. Целью исследования является описание каждого типа посредством выявления и характеристики его ареала, лингвистической интерпретации данных, совмещения выявленных топонимических ареалов с ареалами археологических культур. Установлено, что ареалы всех пяти типов приурочены к северо-восточной части рязанского Поочья. Топонимы на -ур, -ма образуют самые значительные ареалы. Лингвистические и археологические данные подтверждают принадлежность типов на -ур -ор, -ар, -ер народам финно-угорской языковой семьи. В составе некоторых названий обнаружены балтийские элементы. Формирование ареалов отнесено ко вт. пол. I тысячелетия н. э. и связано с племенными группами мещеры, мордвы. Названия с финалью -ма допускают объяснение и на базе финно-угорских, и на базе балтийских языков, ареал типа сопоставим как с ареалами мещеры и муромы, так и с ареалом более ранней фатьяновской культуры.

Ключевые слова
Топонимика, топонимический тип, топонимический ареал, субстратная топонимия, происхождение географических названий, сопоставление топонимических и археологических данных

Настоящее исследование посвящено субстратной (дославянской) топонимии Среднего Поочья. Под Средним Поочьем подразумевается территория современной Рязанской области, которая является одной из областей Центральной России (по административному делению 2000 года Центрального Федерального округа). Область расположена в центре Восточно-Европейской равнины, занимает площадь 39 605 км^2. Главная река региона – Ока (п.п. Волги) – течёт с северо-запада на северо-восток через центр области и условно делит её на левобережную и правобережную часть. В левобережной части находится Мещёрская низменность (зона смешанных лесов), в правобережной – Среднерусская возвышенность и Окско-Донская равнина (зона лесостепи). И левобережное и правобережное Поочье является зоной присутствия или массового распространения субстратной топонимии. Ареалы многих типов продолжаются в соседних ре-

гионах: в Московской (на северо-западе), Владимирской (на севере), Нижегородской (на северо-востоке), Пензенской (на юго-востоке), Тамбовской и Липецкой (на юге), Тульской (на юго-западе) областях и республике Мордовии (на востоке).

Субстратная топонимия рязанской территории представлена более чем 40 структурными типами. В настоящей статье рассматриваются географические названия пяти типов: с регулярными финальными элементами (формантами) *-ур, -ор, -ар (-мар), -ер, -м*а. Целью исследования является описание каждого типа посредством выявления и характеристики его ареала, лингвистической интерпретации имеющихся данных и совмещения выявленных топонимических ареалов с ареалами археологических культур.

Описание каждого типа начинается с представления корпуса топонимов, подробного описания зоны их распространения, особенностей распределения названий по территории (локальное, одиночное, сплошное, прерывистое), а также характеристики географических объектов (денотатов имён) и ближайшего топонимического окружения.

Далее даётся интерпретация топонимического типа на основе этимологического и историко-лингвистического анализа и с учётом данных археологии. Приводятся наиболее вероятные этимологии названий, существующие на сегодняшний день в науке и не противоречащие выявленным в ходе проводимого исследования и картографирования ономастическим фактам (прежде всего учитывающим ареал данного типа, смежные ареалы, особенности района локализации).

Для получения более объемной научной картины топонимический ареал совмещается с археологическими ареалами, на основе чего высказываются предположения о времени формирования типа и его принадлежности той или иной материальной культуре древности. Отсутствие этих данных в описании некоторых групп топонимов говорит о том, что в силу неполноты лингвистических или археологических сведений межнаучная корреляция пока невозможна.

Названия всех формантных групп представлены на специальных картах. Карты наглядно показывают территорию распространения типов, особенности распределения топонимов, локальность или неопределенность ареалов, количество названий, входящих в ареал и локализующихся вне ареала, вид картографируемых топонимов (ойконим, гидроним, микротопоним). Карты снабжены простой системой условных знаков, что обеспечивает легкость их прочтения. В работе демонстрируются и археологические карты, использованные для корреляции данных топонимики.

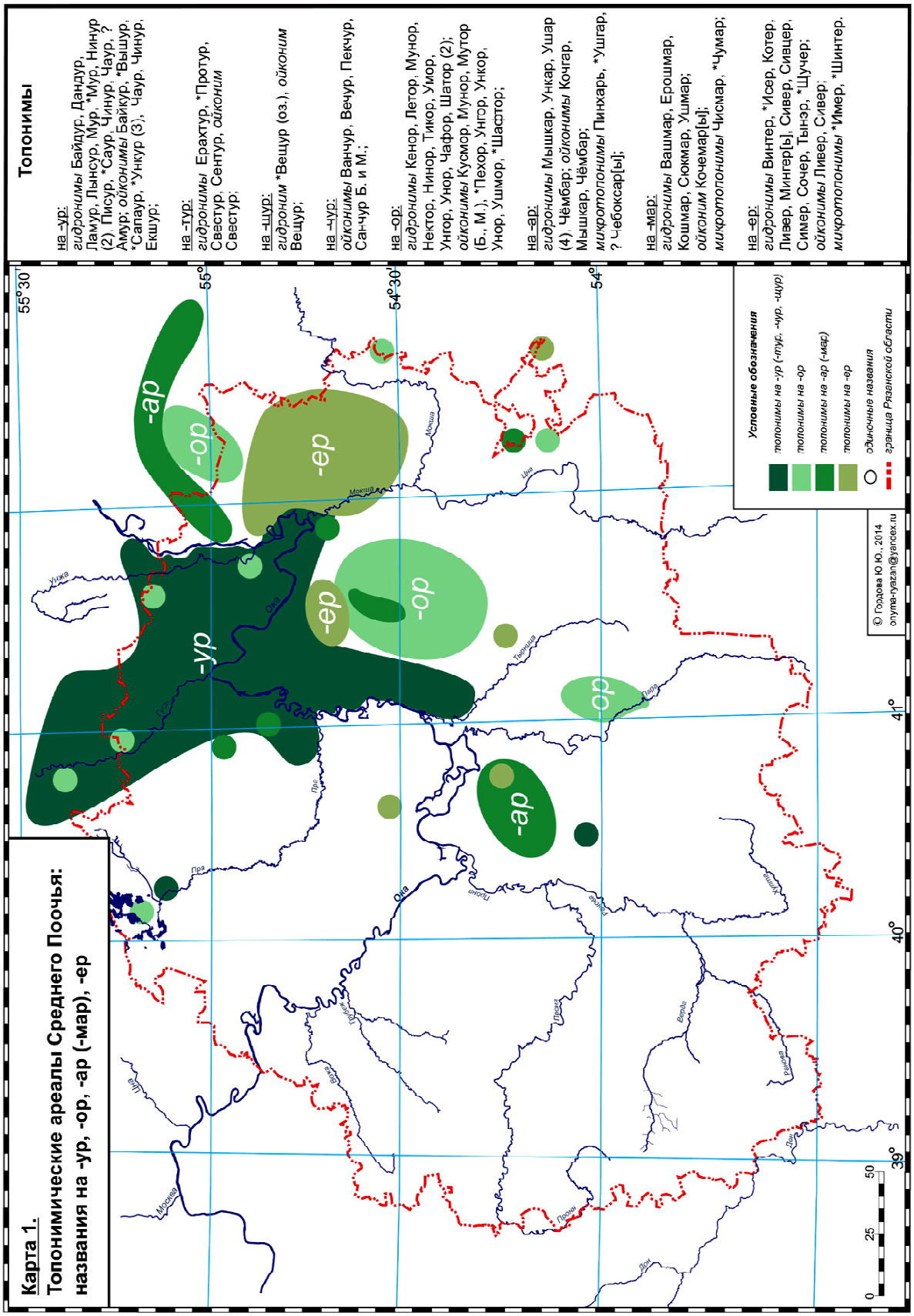
1. Топонимы на *-ур*

Характеристика ареала. Данный ареал образуют: (гидронимы) ***Байдур***, ***Дандур***, ***Ламур***, ***Лынсур***, ***Мур***, ****Мур*** (совр. форма ***Мурка***), ***Нинур*** (2), ***Писур***, ****Саур*** (совр. форма ***Саурки***), ***Чинур, Чаур***; (ойконимы) ***Байкур***, ****Вышур*** (совр. форма ***Вышуры***), ****Салаур*** (совр. форма ***Салауры***), ****Ункур*** (совр. форма ***Ункура***) (3), ***Чаур***, ***Чинур***. Вне основного ареала локализуются топонимы ***Амур***, ***Екшур***.

В границах ареала находятся топонимы, иногда выделяемые в отдельные типы: на *-тур* (гидронимы ***Ерахтур***, ****Протур***, совр. форма ***Протуры***), **Свестур**, ***Сентур***, ойконим ***Свестур***; на *-щур* (гидроним (оз.)****Вещур***, совр. форма ***Вещурки***), ойконим ***Вещур***; на *-чур* (ойконимы ***Ванчур***, ***Вечур***, ***Пекчур***, ***Санчур Б***. и ***М***.) (Карта 1).

Денотаты гидронимов: преимущественно небольшие или совсем маленькие речки, редко озёра.

Ареал находится в северо-восточной части рязанского Поочья, причем как на левобережье, так и на правобережье, ограничен руслами рек Тырница и Сноведь. На левобережье названия сконцентрированы в нижнем течении реки Гусь (*Гус),


Топонимы
на -ур:
гидронимы Байдур, Дандур, Ламур, Лынсур, Мур, *Мур, Нинур (2), Писур, *Саур, Чинур, Чаур, ? Амур; ойконимы Байкур, *Вышур, *Сапаур, *Ункур (3), Чаур, Чинур, Екшур;
на -тур:
гидронимы Ерактур, *Протур, Свестур, Сентур, ойконим Свестур;
на -шур:
гидроним *Вещур (оз.), ойконим Вещур;
на -чур:
ойконимы Ванчур, Вечур, Пекчур, Сан-чур Б. и М.;
на -ор:
гидронимы Кенор, Летор, Мунор, Нектор, Нинор, Тикор, Умор, Унгор, Унор, Чафор, Шатор (2); ойконимы Кусмор, Мунор, Мутор (Б., М.), *Пехор, Унгор, Ункор, Унор, Ушмор, *Шастор;
на -ар:
гидронимы Мышкар, Ункар, Ушар (4), Чёмбар; ойконимы Кочгар, Мышкар, Чёмбар; микротопонимы Пинхарь, *Ушгар, ? Чебоксар[ы];
на -мар:
гидронимы Вашмар, Ерошмар, Кошмар, Сюкмар, Ушмар; ойконим Кочемар[ы]; микротопонимы Чисмар, *Чумар;
на -ер:
гидронимы Винтер, *Исер, Котер, Ливер, Минтер[ы], Сивер, Сивцер, Симер, Сочер, Тынэр, *Щучер; ойконимы Ливер, Сивер; микротопонимы *Имер, *Шинтер.
Условные обозначения
топонимы на -ур (-тур, -чур, -щур)
топонимы на -ор
топонимы на -ар (-мар)
топонимы на -ер
одиночные названия
граница Рязанской области
© Гордова Ю.Ю., 2014
onyma-ryazan@yandex.ru
-ар
-ор
-ер
-ер
-ор
-ар
-ур
-ор
55°30'
55°
54°30'
54°
41°
40°
39°
0
25
50
Ока
Мокша
Цна
Тырновка
Пара
Проня
Ужна
Ворша
Ветвь
Ранова
Прони
Дон
Лесная
Пра
Пра
Пра
Пра
Ужа
Ужна
Ужна
Ужна

больше на правой стороне и одиночно на левой. На правобережье ареал особенно плотен в междуречье Мокши и Ермиши (приток Мокши) и равномерен вдоль течения Оки, вплоть до течения Тырницы. Южная изоглосса соприкасается с ареалом топонимов на *-ор*. По краю основного ареала, словно опоясывая его, располагаются топонимы на *-чур*.

Одиночные названия локализуются чуть западнее ареала: в бассейнах рек Пра (на левобережье) и Ранова (на правобережье).

2. Топонимы на *-ор*

Характеристика ареала. Данный ареал образуют: (гидронимы) ***Кенор***, ***Летор***, ***Мунор***, ***Нектор*** (руч.), ***Нинор***, ***Тикор***, ***Умор***, ***Унгор***, ***Унор***, ***Чафор***, ***Шатор*** (2); (ойконимы) ***Кусмор***, ***Мунор***, ***Мутор*** (***Б***., ***М***.), ****Пехор*** (совр. форма ***Пехорка***), ***Унгор***, ***Ункор***, ***Унор***, ***Ушмор***, ***Шафтор*** (совр. форма ***Шафторка***) (Карта 1).

Так же, как и в группе на *-ур*, названия относятся преимущественно к небольшим и совсем маленьким речкам (часть из них ныне представляют собой ручьи), что говорит об относительно позднем появлении гидронимов.

Ареал, северной и северо-западной границей соприкасаясь с ареалом на *-ур*, тянется по правой стороне Оки, плавно повторяя линию ее русла, от реки Пара (на юго-западе) до реки Виля (на северо-востоке), прерываясь течением р. Тырница и районом компактного сосредоточения названий на *-ур* в междуречье Мокши и Ермиши.

Отдельными вкраплениями названия данного типа присутствуют в зоне топонимов на *-ур* в левобережной части Поочья (в районе рек Гусь и Унжа, в Клепиковском Поозерье), а также в среднем течении Цны, в зоне доминирования иных гидронимических типов (на *-ша*, *-га*, *-ля* и проч.)

3. Топонимы на *-ар* (*-мар*)

Характеристика ареала. Данный тип представляют: (гидронимы) ***Мышкар***, ***Ункар***, ***Ушар*** (4), ***Чёмбар***; (ойконимы) ***Кочгар***, ***Мышкар***, ***Чёмбар***; (микротопонимы) ***Пинхарь*** (уроч.), ****Ушгар*** (совр. форма ***Ушгарка***) (уроч.), ? ***Чебоксар[ы]*** (уроч.) (Карта 1).

В районе распространения топонимов на *-ар* находятся топонимы на *-мар*, что заставляет рассматривать их как одну группу: (гидронимы) ***Вашмар***, ***Ерошмар***, ***Кошмар***, ***Сюкмар***, ***Ушмар*** (оз.); (ойконим) ***Кочемар[ы]***; (микротопонимы) ***Чисмар*** (уроч.), ****Чумар*** (совр. форма ***Чумаровский***).

Топонимы не образуют чётко очерченного непрерывного ареала, а равномерно опоясывают зоны распространения типов на *-ур*, *-ор* или обнаруживают себя (в виде небольших островков и отдельных вкраплений) внутри их ареалов.

Большинство названий локализуются в правобережном Поочье. Здесь выделяется отдельный район сосредоточения топонимов данного типа – в междуречье Прони и Пары (***Мышкар*** (2), ***Чёмбар*** (2), ***Ерошмар***), на юго-западе условного ареала. Северо-восточную часть этого ареала на рассматриваемой территории замыкают названия ***Ушмар***, ***Кошмар***, ***Кочгар***. Далее, по всей видимости, ареал продолжается в Нижегородской области.

4. Топонимы на *-ер*

Характеристика ареала. Данный тип представляют: (гидронимы) ***Винтер*** (оз.), ****Исер*** (совр. форма ***Исерская***), ***Котер***, ***Ливер***, ***Мингер[ь]***, ***Сивер***, ***Сивцер***, ***Симер***, ***Сочер***, ***Тынэр***, ****Щучер*** (оз.) (совр. форма ***Щучерка***); (ойконимы) ***Ливер***, ***Сивер***; (микротопонимы) ****Имер*** (совр. форма ***Имерка***) (уроч.), ****Шинтер*** (восстановлен из ***Шинтер Бор***) (Карта 1).

Как и в предыдущих формантных группах, названия относятся преимущественно к небольшим или совсем мелким водным объектам, часть гидронимов дублируется в названиях поселений, расположенных близ рек, и смежной микротопонимии (леса, урочища).

Следует предполагать в финали топонимов [э], то есть твёрдость предыдуще-

го согл., что и передает современная орфография одного из гидронимов – ***Тынэр***.

Названия локализуются только в северо-восточной части Среднего Поочья, в основном на правобережье. Здесь выделяется один район сосредоточения топонимов данного типа – в верхнем течении р. Ташенка и среднем течении р. Пет, которые образуют своеобразную зону перехода от ареала на *-ур* к ареалам на *-ор, -ар*.

На остальной территории топонимы встречаются преимущественно одиночно, но равномерно: от крайнего (на юго-западе) района на *-ар* (1) (бассейн Прони), вдоль течения Тырницы (1), в бассейне Мокши и её притоков (4) и далее вдоль основного течения Оки (2), не выходя за пределы ареалов *-ор*, *-ар*. Всё это дает основание предполагать родство картографируемых типов.

Интерпретация данных (*типы на -ур*, *-ор*, *-ар* (*-мар*), *-ер*). Структурная близость типов на *-ор*, *-ар* и *-ур* при учете близости и территориальной «перманентности» их ареалов позволяет рассматривать эти типы как родственные и синхронные. Очевидно, что они отражают распространение на данной территории двух близких языков или двух диалектов одного языка.

Г. П. Смолицкой высказано предположение, что элементы *-ур*, *-ор* в этом сегодня неизвестном языке (или языках) могли иметь семантику, связанную с понятиями «вода», «река» [7. С. 105]. Финаль *-ар* известна в исторически обозримой мордовской (а также марийской) топонимии как речной термин, который, судя по всему, сохранился в мордовском языке со времён существования языка-основы.

Согласно исследованиям А. К. Матвеева, названия на *-ар*, *-ор*, *-ер*, *-яр* образуют плотный ареал в северных областях Центральной России (Архангельск и сопредельные земли), преимущественно в северо-западной части – в зоне прибалтийско-финской и саамской топонимии; по мнению исследователя, они соотносятся с фин. *järvi*, саам. *jawre*, мар. *ер* (*Колмар*, *Кывер*, *Шидьяр*, *Шубор*) [1. С. 35].

Названия рассматриваемых типов плохо поддаются этимологизации, лишь некоторые из них допускают связь с апеллятивной и ономастической лексикой.

Чебоксар[ы] – топоним сопоставим с названием столицы Чувашии, которое известно с XV в. в форме ***Чебоксар***. Считается, что город получил имя по одноименной реке, в составе гидронима – распространенное у марийцев и мордвы личное имя *Чебак* (*Чебакса*) и древний финно-угорский речной термин *-ар* («река Чебака»); форма мн. ч. закрепилась за ойконимом только в XX в. [4. С. 458]. Та же и, по всей видимости, тоже позднейшая форма у рязанского названия, относящегося ныне к урочищу.

Шатор – п.п. Мокши; ср. окские реки *Шат*, *Шатец*, *Шатура*, на берегу последней г. *Шатура* (моск.); названия могут быть рассмотрены в связи с лит. *Sata*, *Sātupis* [7. С. 387-388]. Рязанский гидроним *Шатор* находится в ареале топонимии на *-ур* (к которому относится и *Шатура*). Можно предполагать позднейшее дооформление изначально балтийского названия финно-угорским формантом – явление, распространённое в топонимии рязанского Поочья.

Совмещение с ареалами археологических культур. Гидронимы на *-ур* соотносят с культурой рязанских финнов, отмечая совпадение гидронимического ареала с ареалом ранних мордовских могильников, относящихся к перв. пол. I тысячелетия н. э. [7. С. 105]. Согласиться с этим мешает то обстоятельство, что раннемордовские памятники (если относить к таковым памятники городецкой культуры позднего времени и памятники культуры рязано-окских могильников) приурочены к долине Оки, много их в южной части правобережного Поочья, а в Мещере они почти не встречаются (Рис. 1, 2), то есть более логично соотнесение памятников

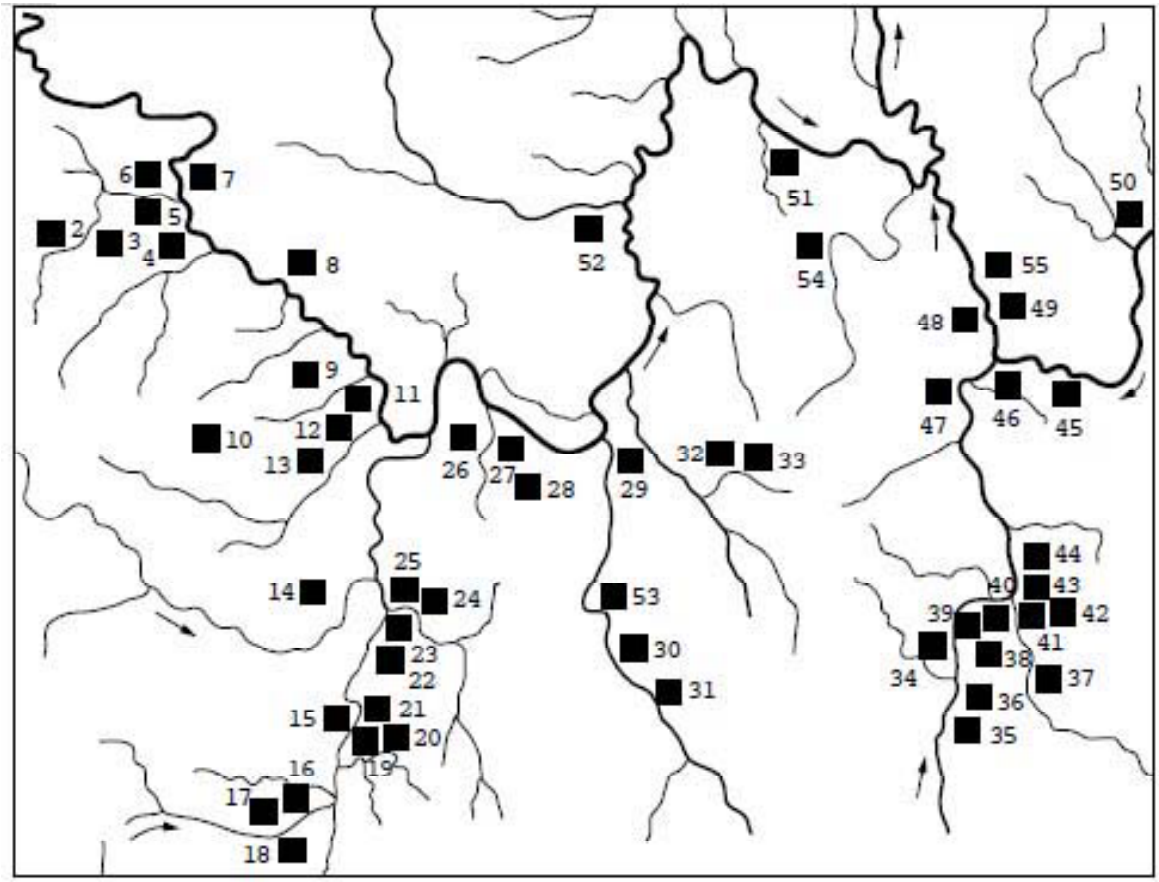


Рис. 1. Памятники городецкой культуры на территории Рязанской области (сост. В.П. Челяпов, В.М. Буланкин)

Из статьи: Челяпов В. П., Буланкин В. М. Городища раннего железного века на территории Рязанской области (М-лы к Своду памятников) // Памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья: Сб. науч. тр. – Рязань, 1993. – С. 24.

древней мордвы с ареалом *-ор* (*-ар*) правобережного Поочья.

На Карте 1 видно, что ареал на *-ур* сосредоточен в районе реки Гусь (левобережное Поочье). Судя по результатам других региональных исследований, далее он уходит на север, захватывая Владимирскую и соседние с ней области. На этой территории локально обнаружены грунтовые могильники мещеры, а также характерные для неё этнические украшения [9. С. 92, Карта]. К сожалению, малочисленность и плохая изученность артефактов мещерской культуры не позволяют определить точные границы ее распространения по археологическим данным.

Здесь уместно обратиться к дискуссии археологов о том, какие местные племена приняли участие в формировании нового населения Среднего Поочья середины и второй половины I тысячелетия н. э. (оставивших культуру рязано-окских могильников, в которой прослеживаются и черты предыдущей городецкой культуры). «А. П. Смирнов полагал, что это население было мещерой, другие исследователи относят среднеокские племена… к мордве. Вполне определенно утверждать, что это были мордовские или мещерские племена, нельзя» [9. С. 97].

Нам представляется, что два связанных топонимических района – ареала типа на *-ур*, с одной стороны, и ареалов типов на *-ор*, *-ар* и, возможно, *-ер* – с другой, как раз и показывают границу распространения указанных племенных групп: ареал на

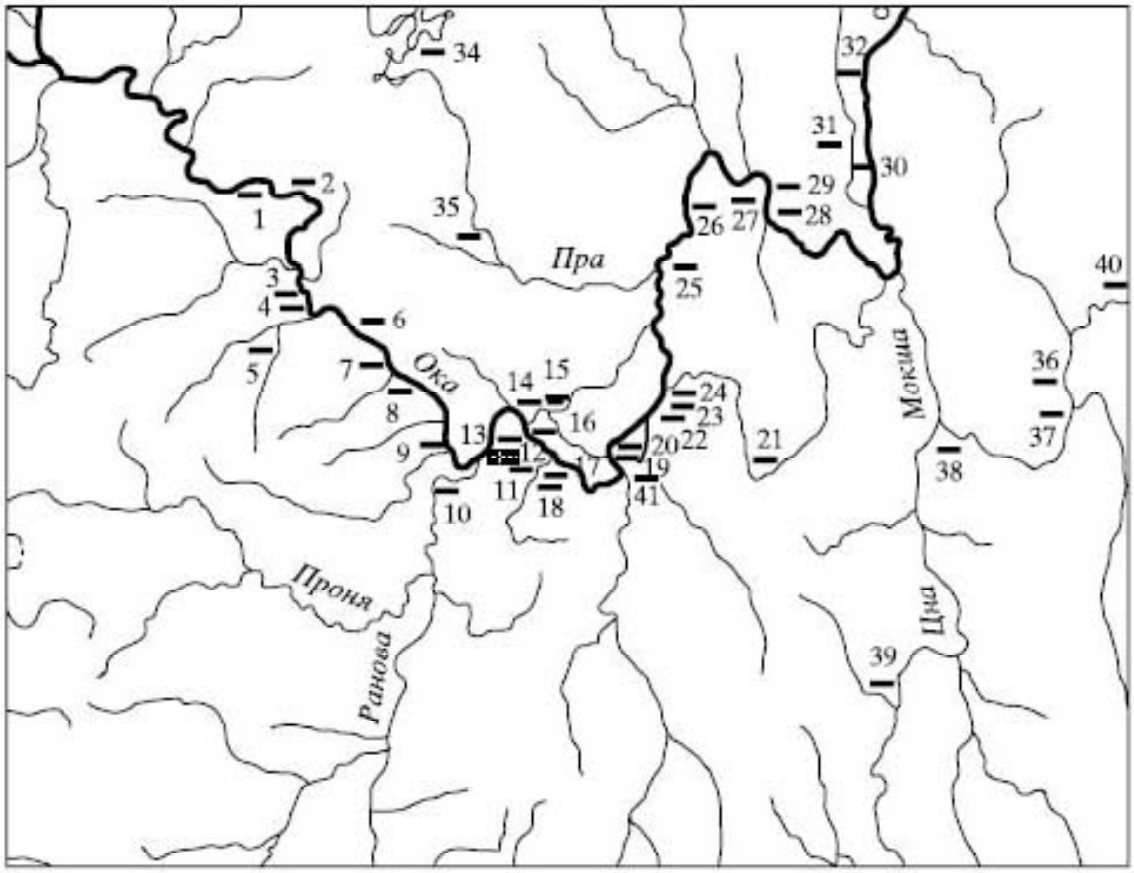


Рис. 2. Памятники культуры рязано-окских могильников

1 – Вакинский, 2 – Кузьминский, 3 – Фефеловский, 4 – Борковской, 5 – Дашковский, 6 – Дубровичский, 7 – Кораблинский, 8 – Гавердовский, 9 – Троице-Пеленицкий, 10 – Заречье IV, 11 – Еремеевский, 12 – Никитинский, 13 – Шатрищенский, 14 – Киструсский, 15 – Дегтяновский, 16 – Облачинский, 17 – Бортниковский, 18 – Дуброво-Срезневский, 19 – Кулаковский, 20 – Ундрих, 21 – Мелеховское погребение, 22 – Тереховский, 23 – Тырновский, 24 – Тырновский 2, 25 – Куземкинский, 26 – Курманский, 27 – Бабенское местонахождение, 28 – Поповский, 29 – Старо-Посадский, 30 – Мишуковский, 31 – Фоминский, 32 – Михайловский, 33 – Глушицкий, 34 – 2-й Шагарский, 35 – Деулинский, 36 – Кокуй, 37 – Старокадомский, 38 – Кошибеевский, 39 – Польно-Ялтуновский, 40 – Шокшинский, 41 – Борок 2.

▬ – Могильник Никитино **:Из материалов отдела археологии РИАМЗ «Рязанский Кремль».**

-ур – населения, сформировавшегося с участием мещеры, ареалы на *-ор*, *-ар*, ? *-ер* – населения, сформировавшегося с участием мордвы (Рис. 3; см. также Карту в книге: 9. С. 92). И в том, и в другом районе присутствовал большой процент балтийского населения, на что также указывают топонимические ареалы и отдельные топонимы финно-угорского формантного типа, но с балтийскими элементами в составе (в том числе *Шатор*).

Отметим, что названия обоих типов относятся к небольшим и мелким водным объектам, то есть по логике формирования топонимического ландшафта утвердились относительно поздно, во всяком случае позднее названий основных окских притоков исследуемого района (*Гусь*, *Нарма*, *Мокша*). Формирование ареалов топонимов на *-ур* и *-ор*, *-ар* может быть связано с последним периодом существования культуры рязано-окских могильников – периодом существования самостоятельных племенных групп мещеры, мордвы и датировано второй половиной I тысячелетия н. э.

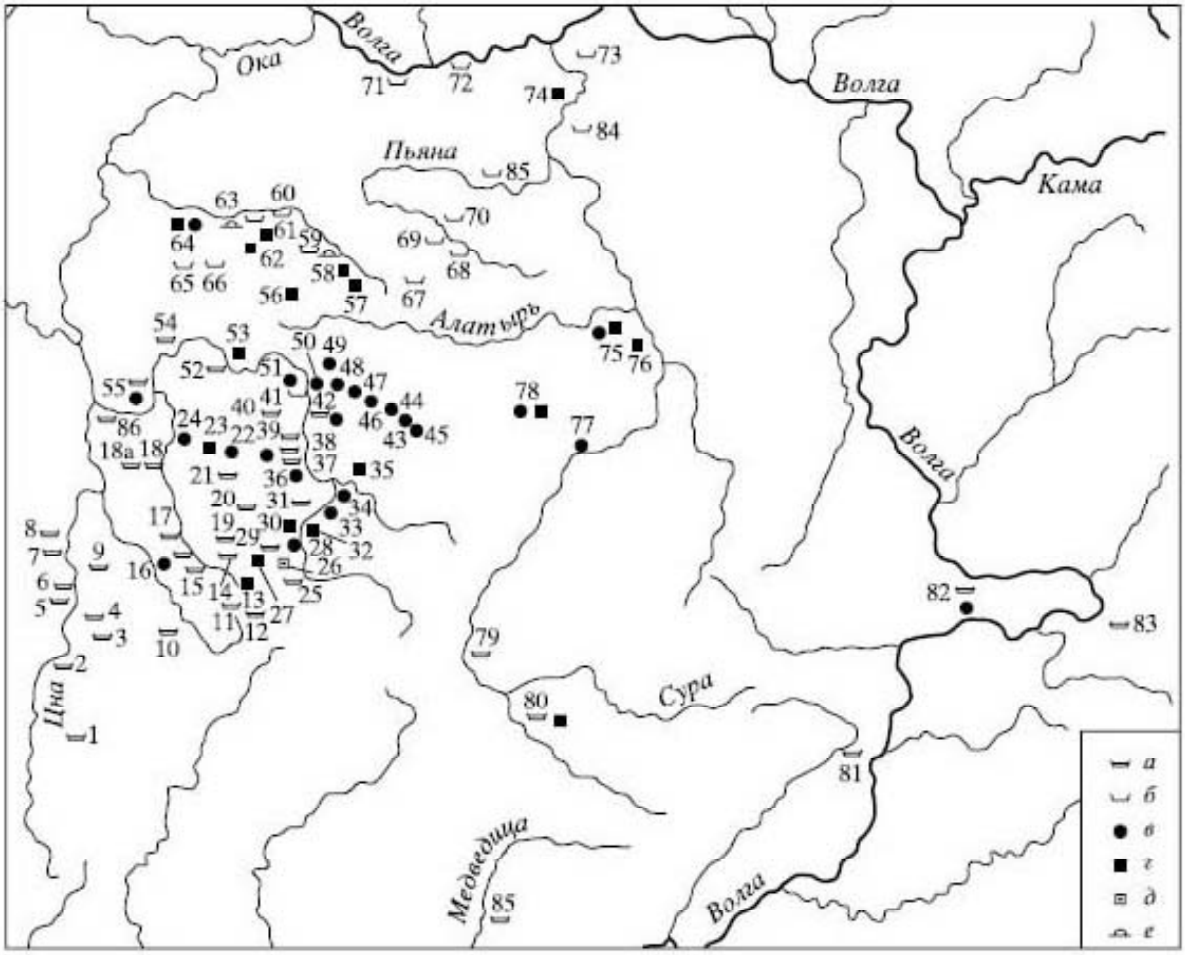
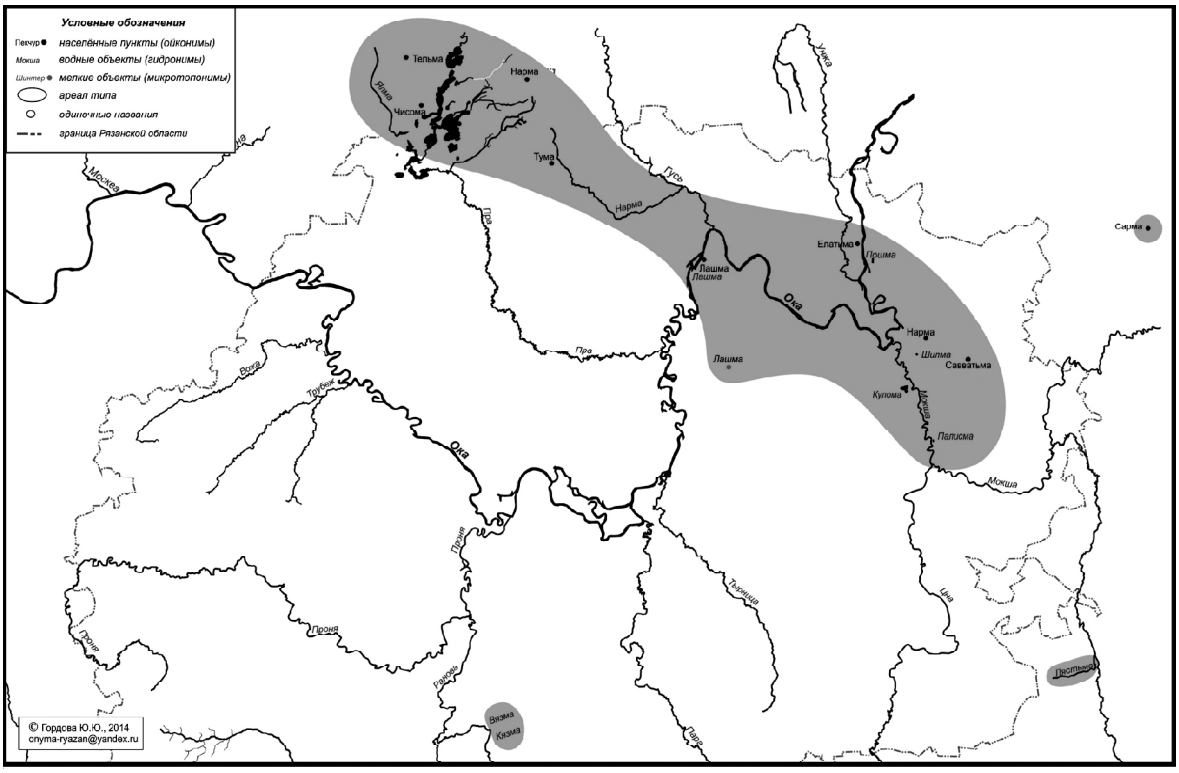


Рис. 3. Археологические памятники мордвы VI – XV вв.

Из книги: Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. – М.: Наука, 1987. – С. 99.

а – могильники с северной ориентировкой; *б* – могильники с южной ориентировкой; *в* – селище; *д* – город; *е* – курганы; *1* – Ляда; *2* – Кулеватово; *3* – Паново; *4* – Елизавет-Михайловка; *5* – Крюково-Кужново; *6* – Моршанск; *7* – Давыдово; *8* – Томниково; *9* – Серпово; *10* – Мало-Ажмирское; *11* – Большое Луговое; *12* – Кармелейка; *13* – Жуковка; *14* – Калиновка; *15* – Старое Бадиково I; *16* – Старое Бадиково II; *17* – Журавкино; *18*, *18а* – «Заря»; *19* – Пичпанда; *20* – Кельгинино; *21* – Куликово; *22* – «Чертово селище»; *23* – Кудеярово; *24* – Ново-Четовское; *25* – Старая Сотня; *26* – Наровчат; *27* – Ошкень-Ланце; *28* – Полянки; *29* – Пальжа; *30* – Самозлейское; *31* – Красный Восток; *32* – Ковыляйское; *33* – Покровка; *34* – Токмово; *35* – Ново-Пшеново; *36* – Троицк; *37* – Черемис; *38* – Ефаево; *39* – Мордовские Парки; *40* – Мордовская Козловка; *41* – Мешанский лес; *42* – Тенишево; *43* – Староизморгское I; *44* – Староизморгское II; *45* – Староизморгское III; *46* – Хитровское; *47* – Красный городок; *48* – Клюковка 2; *49* – Клюковка 3; *50* – Клюковка 4; *51* – Старо-Девичье; *52* – Нароватово; *53* – Итяхово; *54* – Шокша; *55* – Старый Кадом; *56* – Хозино; *57* – Федоровка; *58* – Понетаево; *59* – Корино; *60* – Абрамово; *61* – Хохлово; *62* – Надеждино; *63* – Погиблово; *64* – Сакон; *65* – Младшее Кужендеево; *66* – Старшее Кужендеево; *67* – Перемчалок; *68* – Гагино; *69* – Борнуково; *70* – Ичалки; *71* – Сарлей; *72* – Волчихино; *73* – Иваньково; *74* – Ножа-Вар; *75* – Ош-Пандо; *76* – Ашпа-Пандо; *77* – Мартьяновка; *78* – Кигалычево; *79* – Малый Селиксенский могильник; *80* – Армиево; *81* – Черемшанский; *82* – Муранский; *83* – Барабошинский; *84* – Таутово; *85* – Сергач; *86* – Кошибеево



Карта 2. Топонимы на *-ма*

5. Топонимы на *-ма*

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Нарма***, ***Палисма*** (оз.), ***Шилма*** (оз.), ***Ялма***; (ойконимы) ***Нарма***, ***Сарма***, ***Тельма***, ? ***Тума*** (Карта 2).

Внутри типа выделяются разновидности на *-шма*, *-тьма*, *-ома*: (*-шма*) (гидроним, ойконим, микротопоним) ***Лашма***, ***Пошма*** (оз.); (*-тьма*) (гидроним) ***Лястьма***, (ойконимы) ***Елатьма***, ***Савватьма***; (*-ома*) (гидроним) ***Кулома*** (оз.), (ойконим) ***Чисома***.

Все три подтипа находятся в границах ареала типа на *-ма*, но первые два районированы, а тип на *-ома* отдельного района не образует.

Ареал топонимии на *-ма*, один из самых значительных на исследуемой территории, находится в северо-восточной части рязанского Поочья, он тянется сплошной полосой от верховий реки Пры (район Клепиковского Поозерья) на левобережье до среднего течения Мокши на правобережье, вплоть до места впадения в неё реки Цны. «Брызги» ареала обнаруживаются и далее к юго-востоку, в бассейне реки Вад. Отдельный островок образуют пронские названия ***Вязма*** и ***Кязма*** в юго-западной части картографируемой территории.

Среди денотатов имён – в основном небольшие водные объекты, в том числе озёра, а также поселения, что выдаёт относительно поздний характер топонимии на *-ма*.

Интерпретация данных. Топонимы на *-(о)ма*, вместе с топонимами на *-(е)га*, *-(о)га*, относят к мерянским, или северно-финским. Подобная топонимия, согласно исследованиям А. К. Матвеева, встречается на огромной территории от Кольского полуострова до Печоры и от Белого моря до Подмосковья; традиционна она для Костромской, Архангельской и Вологодской областей России [1. С. 38]. С финно-угорскими племенами связывала топонимию на *-ма* Г. П. Смолицкая [7. С. 167].

Однако этимология отдельных названий группы не даёт уверенности в столь однозначной интерпретации типа, а в ис-

следованиях 2000 – 2010 гг. всё сильнее звучит идея о его возможном балтийском (прабалтийском) характере или же о балтийской (прабалтийской) апеллятивной основе появления типа.

Лашма – пос. XIX в., названный по местности близ старицы Оки [8. С. 137], рядом – ***Ламша***. Существует ли связь между этими названиями, не вполне ясно. С одной стороны, топонимы находятся рядом и поэтому могут быть истолкованы как варианты (фонетические или орфографические) одного имени. С другой стороны, каждый из топонимов находится в границах ареала своего типа: соответственно на *-ма* и на *-ша*.

Топоним ***Лашма*** обычно объясняют через морд. (эрз.) *лашмо* «низина, болотистая низменность», «долина» [7. С. 183; 8. С. 137]. Однако Ю. В. Откупщиков относит данный апеллятив к ранним заимствованиям из балтийского, а образованный от него окский гидроним сопоставляет с лит. гидронимом *Lašmuõ* (*lašmuõ* «место на озере, откуда вытекает речка») [3. С. 107, 86]. Таким образом, речь может идти о субстратном (дофинно-угорском) происхождении названия или его происхождении на базе заимствованного апеллятива.

Балтийское объяснение предлагается и для гидронима ***Вярсма*** (в верховьях Мокши): через лит. *versmẽ* «источник» и в связи с литовским гидронимом *Versmẽ* [3. С. 86].

Вязма, ***Кязма*** – п.п. Иберди [6. С. 183, 184], гидронимы известны из исторических источников, но на современных географических картах уже не показаны. Ср. ***Вязьма*** (3) в бассейне Днепра [2. С. 92]; значительные по протяженности реки ***Вязьма***, ***Клязьма*** в верховьях Оки, п.п. ***Клязьмы*** – оз. ***Вязовское*** и рядом оз. ***Клязьма***; р. ***Клязьма*** и её л.п. ***Вяземка***; р. ***Клязьма*** (л.п. Оки) и рядом р. ***Вязь*** (л.п. Оки) [6. С. 308, 339].

Этимология названий не установлена. Ранее высказывалось предположение о связи ***Вязьма*** с русск. «вязкий» [2. С. 92; 4. С. 108], и это подкреплялось наличием в топонимическом окружении разнооформленных названий с *вяз-* (*вез-*) (ср. русские апеллятивы *вязь*, *вязель* «болото, топь»): ***Везское*** (оз.), ***Везовец*** (верх), ***Везовка*** (р.), ***Везовенка*** (р.), ***Вязырь*** (лоск) [6. С. 179, 180]. Однако в исследованиях нач. XXI в. В. Н. Топорова, Ю. В. Откупщикова топонимы ***Вязьма*** и ***Клязьма*** трактуются уже как вероятные балтизмы.

Новые возможности для понимания происхождения типа открывает сопоставление рязанских названий на *-ма* с топонимией той же формантой группы северных областей Центральной России (костр., иван., владим. и др.). Примечательно, что в ней представлены те же разновидности: *-шма* (***Толшма***, ***Кинешма***), *-тьма* (***Тотьма***), *-ома* (***Кострома***, ***Вохтома***, ***Кондома***); ср. также ***Желема*** (моск.).

Гидронимы получают неоднозначную трактовку у исследований. С одной стороны, формант *-ма* дает основание видеть в перечисленных примерах названия финно-угорского типа. С другой стороны, некоторые топонимы имеют нетипичный для финских названий морфемный состав. В связи с этим обстоятельством Е. М. Поспелов в отношении гидронима ***Кострома*** поддерживает версию славянского происхождения: от *костра* «луб, волокно» или диал. *кострома* «прутья, солома» [4. С. 217-218]. Это кажется маловероятным при учете позднего времени формирования славянской топонимии на указанной территории, значительности самого водного объекта и невозможности объяснения через славянские апеллятивы других названий того же ряда. Однако реконструкция праслав. **kostr* «вид травы», к которому возводит гидроним Ст. Роспонд (гипотеза поддержана Г. П. Смолицкой [7. С. 167]), даёт возможность осмыслить оним как ещё более раннее образование, которое, при известности соответствий в балтийских языках, возможно, могло бы иметь отношение к периоду

существования балто-славянского языка-основы.

Совмещение с ареалами археологических культур. Археология связывает гидронимы на *-ма* с древним финно-угорским населением. В. В. Седов соотносил этот тип (вместе с типами на *-ньга*, *-кша* / *-кса*, *-га*, *-важ*) с ареалом культур текстильной керамики раннего железного века или даже кон. III – нач. II тысячелетия до н. э. [5. С. 3].

Г. П. Смолицкая рассматривала тип на *-ома*, *-ема* в связи с типом на *-ша*, оба типа она также связывала с культурой сетчатой (дьяковской) и рогожной (городецкой) керамики, отмечая совпадение в общих чертах их ареалов [7. С. 183].

В рязанском Поочье ареал топонимии на -ма хорошо сопоставим с поздним ареалом мещеры, сформировавшейся на базе городецкой культуры во вт. пол. I тысячелетия н. э., и частично с ареалом муромы [9. С. 83, 84, Карты].

Гипотезы о возможном индоевропейском (прабалтийском) происхождении некоторых гидронимов заставляют обратить внимание и на совместимость топонимического ареала с ареалами других древних археологических культур, не связываемых с финно-уграми. В частности, территория локализации перечисленных выше гидронимов, в том числе и северных областей Центральной России, находится не только в границах распространения культур текстильной керамики, но и в ареале фатьяновской культуры более ранней эпохи бронзы (Рис. 4).

С учетом указанных обстоятельств возможны следующие варианты интерпретации типа.

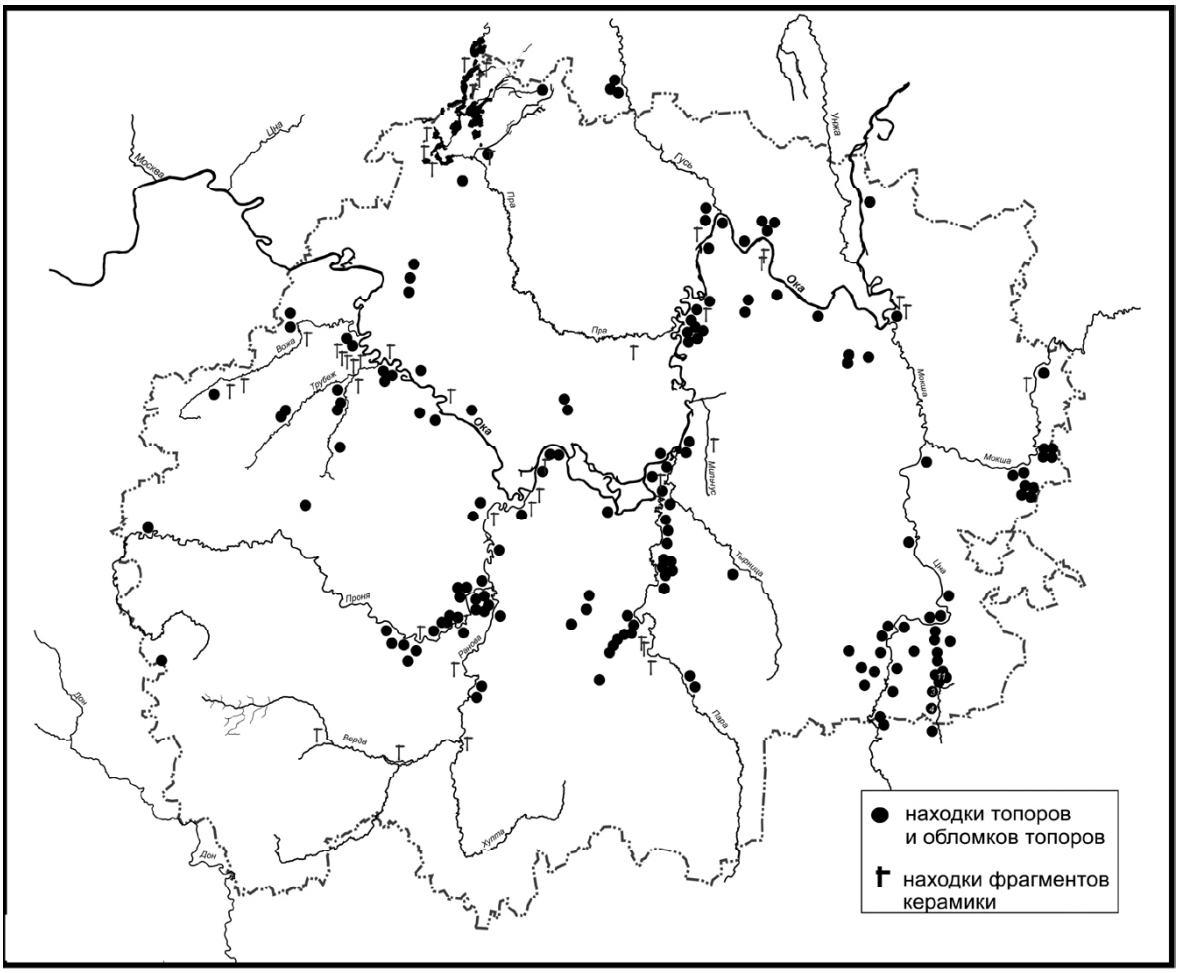


Рис. 4. Памятники фатьяновской культуры в Среднем Поочье (Карта создана автором на основе материалов, предоставленных отделом археологии РИАМЗ «Рязанский Кремль»).

1) Топонимия на *-ма* является финно-угорской, она оставлена племенами мери, мещеры, муромы.

2) Топонимия на *-ма* является прабалтийской, она принадлежала фатьяновскому населению.

3) Топонимия на *-ма* имеет древнюю индоевропейскую (прабалтийскую) основу и финно-угорский формант более позднего происхождения.

4) Топонимия на *-ма* не является однородной, а объединяет близкие по формантному типу топонимы, часть из которых оставлена балтийским населением, часть – дьяковским и городецким населением и их потомками вт. пол. I тысячелетия н.э. (мерей, мещерой, муромой).

Итак, описание типов на *-ур*, *-ор*, *-ар* (*-мар*), *-ер*, *-ма* показало, что каждый из них имеет свой ареал. Ареалы всех рассмотренных типов приурочены к северо-восточной части рязанского Поочья. Самые значительные ареалы образуют топонимы на *-ур*, *-ма*. Названия всех типов относятся преимущественно к сельским поселениям и небольшим природным объектам: озёрам, болотам, мелким притокам.

Топонимы на *-ор*, *-ар* и *-ур* близки не только в структурном отношении, но также и территориально, эти типы рассмотрены как родственные и синхронные. Этимология названий, а также археологические данные, использованные для корреляции данных топонимики, говорят о принадлежности типов на *-ур*, *-ор*, *-ар*, *-ер* народам финно-угорской языковой семьи. В составе некоторых названий присутствуют балтийские элементы. Формирование ареалов может быть отнесено ко второй половине I тысячелетия н. э. и связано с последним периодом существования культуры рязано-окских могильников – периодом существования самостоятельных племенных групп мещеры, мордвы.

Интерпретация топонимов с финалью -ма затруднительна и допускает несколько вариантов. С одной стороны, топонимический ареал сопоставим с поздним ареалом мещеры, сформировавшейся во вт. пол. I тысячелетия н. э. на базе городецкой культуры, и (частично) с ареалом муромы, с другой – с ареалом фатьяновской культуры более ранней эпохи бронзы. Этимология топонимов или отдельных морфем в их составе допускает объяснение и на базе финно-угорских, и на базе балтийских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Матвеев А. К. К лингвоэтнической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // Балто-славянские исследования 1988-1996. – М.: Индрик, 1997. – С. 30-39.

2. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. – М.: Наука, 1966.

3. Откупщиков Ю. В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. XVI. – М., 2004. – С. 83-114.

4. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Астрель, 2002.

5. Седов В. В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Топонимия Центра (Тезисы докладов) / Отв. ред. Е. М. Поспелов. – М.: Географическое общество СССР (Московский филиал), 1972. – С. 3-4.

6. Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озёр. – М.: Наука, 1976.

7. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. – М.: Армада-пресс, 2002.

8. Топонимический словарь Рязанской области / Под ред. А. А. Никольского; Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2004.

9. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. – М.: Наука, 1987.

МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 80: 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)6
Филология

филология

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ПРИРОДЫ «БЕЗ ПРИКРАС»: ПЕЙЗАЖ И ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ ГЕННАДИЯ СУЗДАЛЕВА

Кандидат педагогических наук Л. В. Рыжкова-Гришина

Современные поэты не утратили интерес к натурфилософской и пейзажной лирике, но пейзаж все более приобретает созвучные своему времени черты, он все реже бывает самодостаточным, и его изобразительно-повествовательная и художественно-эстетическая функции становятся менее значимыми. Некоторые исследователи и поэты считают, что сегодня пейзажная лирика, если не исчезает из литературы, то по крайней мере, отходит на задний план, уступая место другим жанрам. Однако, несмотря ни на какие процессы, пейзажная лирика продолжает развиваться и по-прежнему связана со сложными философскими вопросами. По-своему эта тема решается поэтом Геннадием Суздалевым, автором многих поэтических книг, лауреатом престижных литературных премий.

Ключевые слова
Природа, российская поэзия, натурфилософия, Геннадий Суздалев, тема времени, драматизм

Природа в стихах Геннадия Суздалева естественна и непорочна, он воспринимает ее как сельский и городской житель одновременно. Кажется, именно природа – хранительница истин и клад мудрости:

Бубнит оса над частоколом
О вечной жизни без прикрас... [5, с. 56].

О природной жизни «без прикрас» в XX веке задумывались такие поэты, как Леонид Мартынов, Николай Тряпкин и, как ни покажется это странным, Андрей Вознесенский.

Разные художники по-разному вглядываются в природу, их ощущения всегда окрашены неповторимой авторской индивидуальностью. Одни видят в природе торжество гармонии и вечной красоты (А. С. Пушкин), другие замечают в ней натурфилософские аспекты (Ф. И. Тютчев), третьи открывают в ней огромный мир противоречий, нестихающую борьбу добра и зла (Н. А. Заболоцкий). Один художник может поместить пейзаж в «золоченую раму», «чтоб сравнивать луга с коврами и с бриллиантами росу», другой изображает ее «без прикрас» и открыто заявляет об этом миру:

Березки не рядите в ряски,
Чтоб девичью хранить их честь.
Оставьте! Надо без опаски

Увидеть мир, каков он есть!» [2, с. 127].

Эти строки принадлежат поэту Леониду Мартынову («Я понял»), но вот и в поэзии А. А. Вознесенского картины природы находили свое образное воплощение, и его пейзаж также выглядел очищенным от грима и целомудренным, подобный тому, какой декларировал поэт в стихотворении «Париж без рифм»:

И я изрек: «Как это нужно –
содрать с предметов слой наружный,
увидеть мир без оболочек,
порочных схем и стен барочных» [1, с.163].

Это стремление увидеть мир «без прикрас» и «без оболочек» – традиционное для русской лирики, таким образом, налицо – мировоззренческая перекличка совершенно разных по форме выражения, стилистике, характеру, авторскому видению художников слова, но их роднит и сближает отношение к природе, их одинаково волнует ее первозданная чистота, которая не нуждается ни в «оболочках», ни в «рясах»; по их мнению, мир прекрасен без многослойного грима, природа – сокровищница образов и красок, и поэты заимствовали у нее эти живые сочные краски, естественные, «неподрумяненные», целомудренные, натуральные.

Природный мир Геннадия Суздалева изображен «*без прикрас*», но его оса, что бубнит о «вечной жизни», на первый взгляд кажется странной и необъяснимой. Собственно, почему она об этом «бубнит», и что она вообще знает о вечном? Она – насекомое, крошечное живое существо, почти несопоставимое по своим масштабам с Вечностью. Однако погодим делать выводы.

Более того, в представлениях поэта природа целительна («врачует море», «тишина целительных берез»); она часто возвращает его к детству, как в стихотворении «Петрушин березник», где несколько десятков берез, росших за речкой и по каким-то причинам исчезнувших, остались в его памяти живым и волнующим воспоминанием.

Его *природный мир настолько естественно-гармоничен*, что даже почти лишен метафор, между тем он полон живых образов, красок и звуков: здесь слышны «сусличьи посвисты», расцветают репьи, «речка камушки считает», раздается пастуший окрик, кричит где-то «за выпасом коростель». Кажется, природа почти всегда ассоциируется у поэта с самой Вечностью: «Буду плыть в бесконечности / И глядеть на луну. / На поруках у вечности / Незаметно усну» [5, с. 64].

Его природа не кричит, не вопиет, она живет в нем, и он – в ней, она просто растворена в нем, ее дороги и перевалы, овраги и буераки, небесные выси и земные дали, «наговорная» трава и далекая река в его лирическом пространстве существуют как-то обыденно и просто, но при этом они приближают его к постижению ее вечных и незыблемых законов, к размышлениям, как было принято раньше говорить, «о времени и о себе». Так, уходящая вдаль дорога заставляет его задуматься о том, много ли им сделано за прожитые годы.

Да, его *природа лишена декларативности* и нарочитой эпатажности, она не кричит о себе и своих бедах, хотя поэт прекрасно осознает ее уязвимость: «Как хрупки тополя и березы! / Как беспомощны травы и реки…» [5, с. 170]. И лишь иногда он позволяет себе в ее адрес откровенные восторги, хотя и по-мужски сдержанные: «Да здравствуют / Поле и лес! / Воды молчаливая сила. / Высокая тайна небес. / Веселая сила светила» [5, с. 172]. И хотя стихотворение «Все вижу давно. Не слепой», откуда взяты эти строчки, посвящены другой теме (теме поэта и поэзии), они лишь подтверждают нашу мысль о присутствии в его творчестве пейзажа как органической составляющей его поэтической материи.

Тесно примыкает к пейзажной лирике и *тема времени*, натурфилософская суть которого в разные времена по-разному осмысливалась философами и поэтами. Восприятие времени у поэта драматично, он порою даже забывает, в каком веке живет («А я на время забываю, / В каком году и где стою...»). Его хронотопическая модель индивидуальна, он умеет в конкретном увидеть общее, во временном – приметы вечного: «Стою у края колеи, / А кажется, у края века...» [5, с. 92]. Это строки из стихотворения «Проводы русской зимы».

Драматизм времени обнаруживается и в стихотворении «Осеннее»: «Крадутся по полю позёмки / К моим непреклонным годам...» [5, с. 99]. И хотя года здесь названы «непреклонными», но воспринимаются они скорее как преддверие «преклонных», не зря же здесь появляются образы опавших листьев и соловьев, которые «устали». Все это относит нас к ассоциативно-метафорическому миру, в котором слово «непреклонный» имеет еще один смысл, равнозначный стойкости духа, непреклонности воли, мужества перед жизненными испытаниями.

В стихотворении «Как медленно листья осенние падают...» – тот же драматизм, здесь возникает образ речки, «бегущей за вечностью весело», хотя в данном случае он рожден горестным чувством от расставания с любимой женщиной, последней встречей с ней.

Время отчасти осмысливается поэтом и в стихотворении «Маленькая сказка», в котором лирический герой признается, что он «годы, словно горы, / Пытался обойти...» [5, с. 125]. Но годы, течение времени неумолимо и неостановимо, оно не зависит от воли и желаний человека, не зря над его загадками бились лучшие умы человечества – философы, натурфилософы, естествоиспытатели, физики, астрономы, так и не поняв ни его сути, ни значения. Кажется, чем больше ученые бьются над проблемами времени, тем все более его природа остается невыясненной. Загадок, связанных с ним, не становится меньше, особенно после того, как выдающийся русский математик Н. И. Лобачевский доказал, что явленный мир может быть совсем не таким, каким кажется, и что параллельные прямые в силу искажения пространства могут пересекаться в необозримых пространствах Вселенной. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению о том, что такое время, почему оно «течет», линейно ли оно или все же циклично, как утверждали древние? В 1991 году вышла книга доктора медицинских наук Н. И. Моисеевой «Время в нас и время вне нас», посвященная вопросу времени и различным его характеристикам. Она, в частности, отмечает: «Чем теснее связь человека с природой, тем он больше выделен из нее, тем в большей мере протекание времени должно восприниматься им как регулярное чередование таких явлений, как день и ночь, зима и лето, произрастание и увядание, рождение и смерть. Значит, и понимание человеком времени должно соотноситься с природными или жизненными циклами» [3, с. 32].

При разговоре о времени всегда и неизбежно возникают сложные философские вопросы, непостижимая суть времени всегда привлекала поэтов, ведь его движение приближает человека к концу его земного пути, и это не может их не волновать. Таким образом, эта тема самым тесным образом связана с другой, не менее важной *темой жизни и смерти*, *бессмертия и вечной жизни*. Более того, «Тема жизни и смерти так или иначе несет в себе натурфилософский подтекст, и любой творческий человек, даже не испытывая к ней особого пристрастия, рано или поздно, обращается к ее осмыслению» [4, с. 251].

Мысли о смерти посещают поэта Геннадия Суздалева как о естественно-природном конце пути, в разных вариациях тема эта встречается в таких стихотворе-

ниях, как «Полынным зноем улица прогоркла…», «Ветряная мельница», где Млечный Путь видится ему лишь обычной «сельской дорогой», а сам поэт, подобно ветряной мельнице, когда-нибудь устанет «перетирать му́ку в муку́», и тогда случится то, что неминуемо должно случиться:

И жизнь я до отчаянья любя,
Отринуть не смогу
Надгробный камень.
И на груди
Скрещенными руками,
Как ты крылами,
Зачеркну себя [5, с. 59].

В стихотворении «Оттрубят городские рассветы...» он вновь задумывается о том, что когда-нибудь «замолчит мое горькое слово», потому что «Вечный суд по кривой не объедешь». Подобные мысли приходят к нему и в стихотворении «В больнице». Несмотря на все бывшие и настоящие невзгоды, земная короткая жизнь видится ему желанной, пронзительны строки об этом.

Настанет рассвет… И снова
Послышится песня ветра.
Веселая сила солнца
Мученья мои затмит.
Не знает никто на свете,
Как хочется мне остаться
Среди этой жадной жизни,
Опасной, как динамит [5, с. 178].

Невольно вспоминается образ осы, что «бубнила» над частоколом о вечной жизни. И думается о том, что, может быть, она все-таки есть, эта вечная жизнь, ведь природа, в данном случае, в облике этой загадочной осы, сознательна, мудра и чувствует все жизненные процессы и явления не меньше человека. Вспомним, что Н. С. Гумилев однажды обронил странную фразу: «Я знаю, что деревьям, а не нам дано величье совершенной жизни». Он объяснил причину этого, поскольку, по его мнению, деревьям земля - отчизна, а человеку – чужбина. Возможно, современникам поэта эта мысль казалась странной, тем не менее она отражает одну из концепций происхождения жизни на Земле, так называемую теорию панспермии, то есть занесения ее из космоса. Эту мысль поддерживал К. Э. Циолковский, о том же писал и В. И. Вернадский. В настоящее время эта идея также поддерживается некоторыми учеными, например, академиком РАН А. Ю. Розановым. Удивительно, но в 2014 г. ученые получили доказательство выживаемости молекулы ДНК в самых невероятных и сложных космических условиях; это говорит о том, что она могла быть занесенной на Землю из вселенских просторов, претерпев все испытания в «пути». Быть может, Н. С. Гумилеву была известна эта теории и он лишь отразил ее в творчестве. Как бы то ни было, но мир природы в его представлении становился вровень с человеком.

Так и суздалевская оса, будучи миниатюрным, но живым творением Природы, занимает свое место в мироздании, выполняя положенную ей роль. При этом сам человек, давно оторванный от природы, отстраненный от ее тайн, отчужденный от ее лона, сегодня чувствует себя растерянным в этом огромном просторе, заброшенным сюда неизвестно для какой цели, блуждающим в поисках вечных истин и ответов на «детские» вопросы: как возник мир, что такое жизнь и что такое смерть, является ли она концом бытия или сознание продолжает свое существование в иной форме?

Что-то подсказывает нам, что где-то там, за границами внешнего мира, человеческое сознание вовсе не метафорически продолжает жить, совершенствоваться и радоваться, и что вечная жизнь существует, но она гораздо более сложная, насыщенная и многогранная и, видимо, далеко не такая, какой ее себе представляют умозрительные «мыслители». На-

верное, не зря об этом во все времена задумывались философы и поэты, например, Николай Заболоцкий писал об этом в письмах К. Э. Циолковскому, задавая великому ученому сложные вопросы и пытаясь найти у него ответы. Так, например, поэт утверждал, что атомы, составляющие его тело, когда-нибудь распылятся, разбредутся по Вселенной и даже вступят в другие структуры и организации. Странным кажутся эти естественнонаучные размышления поэта, тем не менее они говорят о важности для каждого человека поднимаемой темы и её нерешенности на современном этапе.

Для Геннадия Суздалева эта тема не менее важна, и потому его размышления обретают вид отточенных рифмами поэтических формул о сути земного бытия человека, и его стихи живут в пространстве современной российской лирики, напоминая нам о самом главном в метафорических образах, в том числе и в образе хитроумной осы «над частоколом».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вознесенский А. А. Собрание сочинений в 3-х т. – Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Мне четырнадцать лет. Рифмы прозы / Вступ. статья Л. Озерова. – М.: Художественная литература, 1983. – 463 с.

2. Мартынов Л. Н. Золотой запас. Книга стихов. – М.: Советский писатель, 1981. – 248 с.

3. Моисеева Н. И. Время в нас и время вне нас. – Л.: Лениздат, 1991. – 156 с. – (Раскрывая тайны психики).

4. Рыжкова-Гришина Л. В. «Стекла вечности...». Натурфилософия жизни и смерти в творчестве О. Э. Мандельштама // Российский научный журнал. – 2015. – № 1(44). – С. 251-254.

5. Суздалев Г. М. Феникс: Стихотворения, поэмы, переводы, песни. – Смоленск: Смоленская городская типография, 2012. – 128 с.

МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЯЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

УДК 80: 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)6
Филология

ПРИРОДА КАК ПРЕДМЕТ ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКИХ РАЗДУМИЙ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Кандидат педагогических наук Л. В. Рыжкова-Гришина

Человек в мире природы – одна из вечных тем, занимающая человечество на протяжении его существования, волнующая воображение поэтов, требующая осмысления философов, взвешенного опытно-экспериментального подхода естествоиспытателей. Если XX век лишь обострил противоречия между человеком и природой, то век XXI довел их до кульминации, требуя немедленного разрешения, ибо в противном случае они грозят невосполнимыми утратами, стихийными бедствиями, природными катаклизмами, экологическими катастрофами. Ситуация грозит выйти из-под контроля, системный кризис налицо, в результате чего человечество сегодня стоит перед выбором: разрушение либо выживание при условии, если не гармонизации, то хотя бы приведения своих отношений с природой в относительную норму.

Будучи всегда очень чуткой к общественной жизни, поэзия откликнулась на этот конфликт, привлекший к себе пристальное внимание мастеров слова, среди которых был и А. А. Вознесенский. Современное бытие позволяет нынешней поэзии конкретизировать, художественно осознавать все более ускоряющийся процесс постижения законов природы, внося свои характерные особенности в понимание вечной лирико-натурфилософской темы.

Ключевые слова
Поэзия, природа, тема Родины, натурфилософский и экологический аспекты, А. А. Вознесенский

Современная поэзия решает тему взаимоотношений человека и природы новаторски, где активная и преобразующая деятельность Homo sapiens становится не только лирико-философской, но и остро социальной проблемой. В русской дореволюционной классике природа, как известно, решала активную роль в поэзии, но уже тогда она была не только фоном действия, но и средством поэтики, основой для натурфилософских раздумий. Однако если раньше природа, вселяя в человека умиротворение и покой, все же в большей степени порождала созерцательное отношение к жизни, то впоследствии появились иные мотивы – мотивы экологической обеспокоенности. Художники слова понимают всю противоречивость научного прогресса, разнообразные и непредвиденные опасности техногенной цивилизации, сложность и неоднозначность проблем современного мира. Обращение к ним такого «городского» поэта, как А. А. Вознесенский, было закономерно, так как он понял насущность проблемы построения взаимоотношений с природой с уче-

том этики и морали. Подход поэта к данной теме выявляет традиционные и новаторские черты в ее трактовке; показывает, какие основные функции выполняет пейзаж в его лирических стихотворениях; убеждает в натурфилософской направленности его поэтического мышления.

Критик и литературовед В. В. Дементьев писал: «Его поэзия настолько органично связана с глобальной проблемой существования человека в современном мире – и современного мира в человеке, что в эстетическом освоении этой проблемы подчас бывает трудно выделить, как некий чистый элемент из сплава других, отдельные вопросы сегодняшнего бытия. Можно говорить только о доминанте» [8, с. 159]. Такой доминантой становится для А. А. Вознесенского тема природы, и появление у него лирического героя, глубоко осознающего свою ответственность за ее судьбу, не случайно. Экологические коллизии существуют в поэзии А. А. Вознесенского не отдельно, они становятся фоном, на котором отражается нравственная сущность человека, его внутреннее совершенство или, напротив, несовершенство. Он развивает мысль о человеке-творце и преобразователе природы, имеющем право активно вторгнуться в ее пределы, но при этом не стать ее поработителем и врагом. Утверждая право человека быть хозяином в мире природы, поэт вместе с тем отстаивает разумное к нему отношение.

Сейчас принято говорить о техногенном характере цивилизации, современном мире нанооткрытий, но в XX веке вели речь об НТР – научно-технической революции, в ходу была именно такая аббревиатура. И уже тогда, когда в жизнь только входили автоматизация, компьютеризация, стандартизация, А. А. Вознесенский задавался вопросами, а не обеднеют ли от этого чувства человека, не уведет ли его технический прогресс от природы? Он прямо высказывал свои опасения («все прогрессы реакционны, если рушится человек») и не желал этого разрушения, понимая и утверждая высокое предназначение человека. Вместе с тем, неразрывность с эпохой технического прогресса – стержень поэтики А. А. Вознесенского, ведь он понимал его необходимость и необратимость, его поступательный характер и принимал его. Но принимая, не мог не видеть, что техногенный вектор развития общества не только изменяет облик внешней жизни, но и влияет на внутренний мир человека, и чем дальше он удаляется в свой урбанизированный мир, тем глубже становились опасения поэта. Уже давно приходится признать, что прогресс науки и техники, век новых технологий, информационная безопасность человека, смелые опыты с геномом – явление сложное и противоречивое, но вместе с тем движение науки остановиться нельзя, по мнению поэта, ее открытия и достижения не должны уничтожать в человеке человека и не ослаблять его привязанности к родной земле и природе. Еще в «Озе» А. А. Вознесенский задавался вопросом: «Техника в добрых руках добра. Бояться техники? / Что же, назад в пещеру?» [1, с. 395]. Изменилось само выражение этих чувств – оно стало не благоговейно-сентиментальным, а высоконравственным и созидательным.

В стихотворении «Париж без рифм» поэт писал: «И я изрек: «Как это нужно – / содрать с предметов слой наружный, / увидеть мир без оболочек, / порочных схем и стен барочных» [2, с. 163]. Это стремление «увидеть мир без оболочек» – традиционное для русской лирики, но разные художники по-разному вглядываются в природу, их ощущения окрашены неповторимой авторской индивидуальностью. Одни видят в природе натурфилософские аспекты (Ф. И. Тютчев), другие замечают в ней торжество гармонии и вечной красоты (А. С. Пушкин), третьи открывают в ней огромный мир противоречий, нестихающую борьбу добра и зла (Н. А. Заболоцкий). Один художник может поместить пейзаж в золоченую раму, «чтоб сравнивать луга с коврами и с бриллиантами росу»,

другой изображает ее без прикрас и открыто заявляет об этом миру: «Березки не рядите в ряски, / Чтоб девичью хранить их честь. / Оставьте! Надо без опаски / Увидеть мир, каков он есть!» [10, с. 127].

Эти строки принадлежат поэту XX столетия Леониду Мартынову (стихотворение «Я понял»), налицо – мировоззренческая перекличка двух совершенно разных по форме выражения, стилистике, характеру художников слова, но их роднит и сближает отношение к природе, их одинаково волнует ее первозданная чистота, которая не нуждается ни в «оболочках», ни в «рясках», ведь мир прекрасен без многослойного грима, природа – сокровищница образов и красок, и поэты заимствуют у нее эти живые сочные краски, естественные, «неподрумяненные», целомудренные, натуральные. Значит, само стремление поэта «увидеть мир без оболочек» традиционно, но видение А. А. Вознесенским этого мира разрушает понятие традиционности, именно покушение на традиции, ставшие в какой-то момент консервативными – лейтмотив не только пейзажной лирики А. А. Вознесенского, но и всего его творчества. Почему у А. А. Вознесенского появились «электроэлегантные города», а не патриархальная деревня, можно объяснить условным разделением литературы на городскую и деревенскую, и тем, в окружении какой природы родился и вырос поэт. Любой поэт выражает это подсознательно. Безусловно, А. А. Вознесенский – урбанист, он писал о том, что лучше всего знал. Для С. А. Есенина, например, природа неразрывно связана с деревней, он здесь родился и вырос, становление его жизненных позиций как человека и как художника происходило на фоне сельского пейзажа. Когда-то А. М. Горький увидел трагедию С. А. Есенина именно в бунте против города («разбив о город некрепкое сердце свое, погиб»). Болея душой за «уходящую Русь», он провозгласил себя «последним поэтом деревни»; понимая близость к земле и природе, он тосковал по деревенской Руси. Но вывод А. М. Горького о том, что трагедия поэта в бунте против города, видимо, категоричен, ведь он отказался от этого бунта, хотя преодолеть антипатию к городу так и не смог.

А. А. Вознесенский «вырос» на городском асфальте, и тем не менее его тяга к природе вполне закономерна. У С. А. Есенина природа есть точка отправления и точка прибытия. Поэзия свершает свой метафорический круговорот вокруг природы, мир которой является объектом изображения и материалом его. Любимый образ у С. А. Есенина – березка – приобретает значение символа, это сама Русь, сотканная из множества голубых, синих, зеленых оттенков, характерных для русской природы. Поэт создает цветовой символ родины – голубую Русь. У А. А. Вознесенского рядом с березкой могут очень уверенно соседствовать модные в свое время «синхрофазотроны», и это не пародия, не гротеск, это – современное, новое видение природы; новая психология человека, сформировавшаяся под влиянием бурного темпа жизни промышленных городов, прогресса прагматико-технического мышления, иного понимания таких натурфилософских категорий, как время, пространство, скорость на фоне огромного потока информации. Говоря о России, создавая свой пейзаж, А. А. Вознесенский тоже не избегает зелено-голубой палитры. В стихотворении «Васильки Шагала» читаем: «Сирый цветок из породы репейников, / но его синий не знает соперников» [1, с. 24]. В стихотворении «Вечер в обществе слепых» Россия поэту видится как «зеленая, голубая, розовая на вид», и это цветовое сочетание – своеобразная гамма российской гармонии, с постижением которой связано понимание природы в пейзажной лирике.

Гармонию в природе искали и находили многие поэты. Так для поэта Н. А. Заболоцкого смыслом и целью творчества стали напряженные поиски истины во взаимоотношениях человека и природы. Природа – натурфилософский предмет позна-

ний Н. А. Заболоцкого во всех е проявлениях и состояниях. Именно в ней поэт находил желаемую гармонию, несмотря на противоречивые высказывания: «Я не ищу гармонии в природе...». У Н. А. Заболоцкого природа подобна органу, звучащему величественно, поэт видит в ней «прививку, предохраняющую от уродливого мира». Ту же гармонию видел в природе и С. А. Есенин, пейзаж у него приобретает обобщающее значение: художественное, социальное. Вся пейзажная лирика С. А. Есенина – это «роман его собственной жизни, ее трагических срывов и взлетов, борения с самим собой и мучительных поисков душевной гармонии» [7, с. 14].

А. А. Вознесенский искал свою гармонию, которая имела новую палитру, отвечающую духу его времени, его даже называли «певцом НТР», не зря он писал: «Да здравствует Научно-техническая, перерастающая в Духовную!» [1, с. 100]. Каждый художник вкладывает в понятие «современность» свое понимание, А. А Вознесенского современным считали, как нам думается, все. По отношению к поэту это может означать обращение к злободневным темам, использование неологизмов, модной терминологии, что и было характерно его поэтическому языку, «но и Андрею Вознесенскому обращение к такой извечной детали поэтического реквизита, как «свеча» не мешает оставаться современным, обнаруживая вполне современный строй мыслей и чувств» [12, с. 6]. Свеча упоминается автором, например, в стихотворении «Я загляжусь на тебя, без ума...». Между поэтом и объектом его видения возникает связь – сопонимание, и читатель становится участником поэтического чуда: женщина гасит свечу, будто ловит бабочку, поэт видит это чудо в повседневности и естестве. «Лирическая художественная дерзость – это дерзость свободной совести поэта, ее воли к поэтической истине, но не свобода от совести с ее волей к самоутверждению собственного «я» [11, с. 66]. А. А. Вознесенскому как раз очень свойственна эта «свободная совесть», которая становится у поэта кричащей «полоской света». Совесть – это свет, идущий изнутри, проникающий сквозь разноцветные стекла его поэтических витражей, ведь не зря он один из своих сборников назвал «Витражных дел мастер». Именно совесть предопределила появление таких эпитетов, как «девственная чащоба», «гибнущее озеро», «каждодневная стихия», «почерневшая чаща», которые говорят о серьезной озабоченности поэта за судьбу природы. Его мир природы – это мир, который «сбросил избы» и живет в «электроэлегантных городах», но в нем есть место восхищения «золотой луной», рощей, сиренью, вербой, акацией, «музыкой июля». «Нету тщеславия в наших лесах, / Виснут черемухи свежие стружки. / Только за то, что от них ты в слезах, / радуют глаз, радуют душу» – писал он в стихотворении «Груша, заглохшая в чаще одна...» [3, с. 276].

Это сложный и противоречивый мир - мир контрастов и неожиданностей, но вместе с тем он полон истин, которые не могут обмануть. А. А. Вознесенскому не нужно было писать декларативно: я люблю родину, он делал это иначе, как, например, в стихотворении «Ночь», состоящем всего из четырех стихов-слов: «Выйдешь – / дивно!.. / Свитязь / видно» [3, с. 291]. Достижения науки и техники, таким образом, не удаляют человека от природы, видимо, новое время формирует новое к ней отношение. Обновленный ландшафт давно стал привычен взору человека, он ему близок и говорит столь же много, как и традиционный сельский пейзаж. Поиски иных, современных средств выражения естественны, так как усложняется сам человек, с одной стороны, расширяются его представления о мире и растут духовные запросы, с другой стороны, наблюдается процесс снижения нравственной планки, обесценивание традиционных ценностей, и потому ему сегодня живется непросто. Отражая свое время,

меняется и угол зрения поэта, и вот у него появляются «персты» и «пилигримы», но в этом нет ничего от ветхой старины, несмотря на то, что горят свечи и поют соловьи так же, как и в предыдущих веках. У читателя не возникает ощущения банальности от использования этих привычных атрибутов поэтического языка, ибо они наполнены духом своего времени. У А. А. Вознесенского могут соседствовать «бестолковые ангелы», «транзисторные пилигримы» и «праздные персты». Конечно, сегодня «транзиторные пилигримы» тоже воспринимаются как архаика, они ушли в прошлое, став приметой шестидесятых, семидесятых годов XX века.

Мир природы помогает поэту вызвать к жизни целую вереницу сложных поэтических ассоциаций, где соединяются воедино реальное и условное, воспоминания детства и взгляд в будущее, где события прошлого и настоящего тесно переплетены, взаимообусловлены и неотрывны. А. А. Вознесенского не случайно в свое время называли поэтом-синтезатором, но именно такой синтез и повышенная чуткость к жизни природы – примета времени. Все традиционное, прочно устоявшееся когда-то становится привычным и утрачивает новизну, нуждаясь в обновлении – такова природа поэзии, отражающей жизнь, и такова поэзия природы.

Художник М. С. Сарьян, кисти которого принадлежат солнечные, полные оптимизма и жизнеутверждающей силы пейзажи, в свое время говорил, что «раскрытие красоты, величия родной природы – характерная особенность именно нашего пейзажа», и А. А. Вознесенский по-своему раскрывал это величие. Ощущение родины у него возникало от непосредственного общения с природой, а потом – уже через историю поэт приходил к постижению себя как гражданина: «Я счастлив, что я русский: / Так вижу, так живу. / И воздух, как краюшку / Морозную жую», – писал он в стихотворении «Март» [4, с. 322]. Таким образом, тема природы в его решении традиционно становилась аспектом темы России. Несмотря на то, что ассоциации поэта, главным образом связаны с цивилизацией, природа так же органично входит в его поэзию, как и созвучные его времени «циклотроны». Он чувствовал, что «рожден под хрустальною синью» не случайно, а для того, «чтоб транслировать звон небосклонов России» («Эпилог из поэмы Доктор Осень»). Образ России в его стихах появляется постоянно и даже в таких, которые по сюжету не имеют к этой теме, казалось бы, никакого отношения, но ее черты словно вкрапливаются в стихи: березки – «как портики храма», «люблю их невесомость, их величавый строй», «проверяю совесть белой чистотой». В стихотворении «Васильки Шагала» поэт восклицал: «Кто целовал твое поле, Россия, / Пока не выступят васильки? / Твои сорняки всемирно красивы, / Хоть экспортируй их, сорняки» [1, с. 25], и это по праву можно назвать лирической дерзостью. Индивидуальность рождается там, где есть место цельному самовыражению, полному разжатию внутренней пружины. В этой дерзости – гордость за свою страну, когда без прямолинейных слов о преданности Родине поэт образно и убедительно доказывал это.

Сам поэт ассоциативными нитями связан с традиционным образом соловья. В стихотворении «Соловей-зимовщик» он писал: «Этим лугом сердце разорвано, / Лишь на родине ты поешь» [3, с. 135]. Когда-то С. А. Есенина озаряло нечто подобное: «Быть поэтом – значит петь раздолье, / Чтобы было для тебя известней. / Соловей поет – ему не больно, / У него одна и та же песня» [9]. Поэт, казалось, нарочно отстранялся от образа соловья и уже в другом стихотворении приходил к грустному выводу: «Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен» («Русь советская»). Это был период кризиса, разлада с самим собой, когда С. А. Есенин уехал за границу и, пробыв там два года, вернулся, чтобы вновь воспевать «голубую Русь». Историки литературы отмечают, что этот период жизни С.

А. Есенина был непродуктивным, застойным, ему не писалось за границей, как не поется на чужбине соловью. У А. А. Вознесенского встречается нечто подобное, он писал: «...поэты и соловьи / поэтому и священны, / как органы очищенья, / а стало быть, и любви» [3, с. 60].

Неразрывность с природой отчасти отражает народность поэта, которая начинается с привязанности к отчему дому, своему городу, к тому малому миру, который понятен и доступен человеку с детства. А. А. Вознесенский раскрывает подлинный смысл своей, близкой ему родины, поднимаясь при этом до поэтических обобщений. Он проходит диалектический (впрочем, традиционный) путь: от малой родины – к большой, от привязанности к «до боли родным местам» – до любви к своему отечеству. В стихотворении «Когда написал он Вяземскому» он заметил: «Розу люблю иранскую, / Но синенький можжевельник / Мне ближе по иерархии / За то, что цвесть тяжелее» [3, с. 401].

Преданность родной природе помогает понять, насколько глубоко патриотическое чувство поэта и его ощущения своей связи с народом. Соприкасаясь с природным миром, восхищаясь его красотой, поэт ощущал его порой настолько остро, что в стихах появлялись экзальтированные нотки, как, например, в стихотворении «Молитва»: «А за оградой монастырской, / как спирт ударит нашатырный, / послегрозовые сады – / с ума бы не сойти!» [1, с. 158]. «За что мне это, человеку», – звучит голос лирического героя, и ни за какие блага он не отрекается от этого опьяняющего счастья: «Природа, – говорю, – Россия, назад не отпусти!». Казалось, поэт меньше всего был занят клятвенными заверениями в своей любви к родной природе, земле, и это чувство облечено у него в искренние строки. Видимо, надо не только видеть и знать русский пейзаж, но и любить его, чтобы с таким неподдельным чувством рисовать его точным художественным словом. Очевидно, поэт, мучимый этой чувственной наполненностью, потому и призывал художника быть «спектральным», совмещая в стихах оттенки разнообразных настроений.

Порою голос природы ассоциировался у поэта с голосом Бога, но это не столько религиозное чувство, сколько чувство правды внутри себя (та самая совесть – «полоска света»). В стихотворении «Озеро» А. А. Вознесенский писал: «Кто ты, – непознанный Бог / или природа по Дарвину – / но я по сравненью с Тобой, / как я бездарен!» [3, с. 205]. Как видим, поэт к природе обращается с большой буквы. Вспомним, что когда-то был актуальным призыв «не ждать милости от природы», но изменилась эпоха, ее характер и содержание, и на фоне безжалостно-потребительского отношения к природе контрастом звучит нечаянная радость поэта перед ее нетронутой красотой: «Озера тайный овал / высветлит в утренней просеке / то, что мой предок назвал / кодом нечаянным: «Господи...» [Там же]. Его радость порывиста и целомудренна, выраженная единым исповедальным словом «Господи...», и снова: «Боже, ведь я же Твой стебель...», а значит – можно ли природу покорить, ведь это равносильно покорить самого себя, потому что он сам – ее «стебель». Голос природы в человеке – это и есть больная совесть поэта, которая сопротивляется всему, что противоестественно.

Критики в свое время не могли принять метафоричности А. А. Вознесенского, многие образы им виделись кощунственными, продиктованными стремлением к смелой ассоциации (вода, имеющая «вкус богоматери и серебра», или божья коровка, похожая на перевернутую красную чашку в горошек). Но А. А. Вознесенский упорно связывал различные лирические пласты и проводил параллели там, где они казались невозможными, поэтому приходилось признать, что подобная метафоричность мышления, умение увидеть скрытый смысл предметов и явлений есть сугубая черта его поэтического мировидения. Сам поэт

объяснял это так: «XX век – век превращений и метаморфоз. Что такое сегодняшняя сосна? Перлон? Плексиглаз ракеты? Мой мохнатый силоновый джемпер по ночам бредит пихтами. Ему снится хвойное шуршание его мохнатых предков» [5, с. 117].

Известно, что можно декларативно, с претензией на правдивость писать о чувстве природы и родины в себе, существуют даже шаблоны, определенный набор изобразительно-выразительных средств, но А. А. Вознесенский будто даже стыдился этой декларативности чувства родины, пытаясь скрыть его за эпатажем: «Да здравствуют прогулки в полвторого, / проселочная лунная дорога, / седые и сухие от мороза / розы черного коровьего навоза!» [2, с. 292]. Следующая ступень – это явственно ощущаемая масштабность: «И так же сквозь дождик плещущий / космического сентября, / накинув / Россию / на плечи, / поеживается Земля» [6]. В критической литературе был вновь поднят вопрос: что делать с Вознесенским? Невозможно и непатриотично: «Накинув Россию на плечи...» – будто Россия – мелочь какая, «накидка», которую и сбросить-то недолго» [11, с. 73]. Но в том и состоял характер мышления А. А. Вознесенского, что в его системе координат сама Земля «накидывает» на свои уставшие плечи Россию; накидывает, чтобы проникнуться ее величием и согреться ее теплом. «Российская муза всегда была общественна, исповедальна – ее нельзя отождествляли с совестью», – так считал сам поэт, именно поэтому, говоря о России, он не мог быть фальшивым.

Одной из черт российской музы А. А. Вознесенский считал противостояние «стандартности, серости, стереотипу мышления». А. А. Вознесенский – экспериментатор, но он отдавал себе отчет в том, какая у него «одежда стиха». «Некоторые строят свои стихи так: слева – стенка заглавных букв, справа – рифма, между ними – бог знает что засыпается! При этом забывают, что прекрасное для архитектуры качество – дешево, стандартно – никак не плюс для поэзии» [5, с. 74]. Поэт заботился о внутренней наполненности стиха («Содержание тела – душа»), именно эта эмоциональная, взволнованная насыщенность души диктовала такую же форму. У него как у художника слова за разнообразием образов лежал мир своих измерений, свое угадываемое мироощущение, свое волшебное зерно, что ярко проявилось в пейзажной лирике, отразившей его патриотические чувства, натурфилософские взгляды и экологическую обеспокоенность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вознесенский А. А. Дубовый лист виолончельный. – М.: Худ. лит., 1975. – 592 с.
2. Вознесенский А. А. Собр.соч. в 3 т. Т. 1. – М.: Худ. лит. 1983. – 463 с.
3. Вознесенский А. А. Собр.соч. в 3 т. Т. 2. – М.: Худ. лит., 1984. – 543 с.
4. Вознесенский А. А. Собр. соч. в 3 т. Т. 3. – М.: Худ. лит., 1984. – 494 с.
5. Вознесенский А. А. 40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша». – М.: Сов. писатель, 1962. – 112 с.
6. Вознесенский А. А. [Электронный ресурс]. – URL: http://rupoem.ru/voznesenskij/pes-tvoj-epoxa.aspx (дата обращения: 05.05.2014).
7. Галанов Б. Е. Живопись словом. – М.: Сов. писатель, 1972. – 184 с.
8. Дементьев В. В. Грани стиха. – М.: Просвещение, 1979. – 175 с.
9. Есенин С. А. Стихотворения. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0420.shtml/ (дата обращения: 05.02. 2014).
10. Мартынов Л. Н. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 768 с.
11. Селезнев Ю. И. Душа подвига // Поэзия: Альманах. Вып. 20. – М.: Мол. гвардия, 1977. – 240 с. – С. 60-77.
12. Чеботарева Л. Мысль – еще не поэзия // Лит. газета. – 1978. – 19 июля. – С. 6.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ С. А. ЕСЕНИНА

УДК 81'25
ББК 81.18
Филология: прикладное переводоведение

филология

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Кандидат филологических наук Н. П. Чепель

Дистанционное обучение иностранному языку и письменному переводу на неязыковых гуманитарных направлениях подготовки вузов является задачей, сложной в своей реализации. Автор статьи делится практическим опытом разработки дистанционного курса «Short Stories in American Literature. Короткие рассказы в американской литературе. Анализ текста оригинала и текста перевода как инструмент культурного освоения мира», базовым инструментом которого является виртуальная обучающая среда Moodle.

Ключевые слова
Иностранный язык, письменный перевод, дистанционное обучение, виртуальная обучающая среда Moodle, неязыковые гуманитарные направления подготовки

Поиск способов совершенствования профессиональной подготовки студентов и путей оптимизации методов организации образовательного процесса стал одной из основных задач для современной практики преподавания в вузах. Особенно актуальна эта задача для преподавателей иностранных языков на неязыковых гуманитарных направлениях подготовки в связи с сокращением аудиторных часов, отводимых на занятия по данной дисциплине. В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) реализация компетентностного подхода к обучению в высшей школе предусматривает широкое использование в учебном процессе разнообразных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся [5]. Существенное увеличение доли самостоятельной работы студентов, предусмотренное двухуровневой системой образования, позволяет студентам формировать и развивать общекультурные и профессиональные компетенции, получать углубленные знания, умения и навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности. Создание потребности в самообразовании посредством обучения стратегиям, методам и способам самостоятельной работы в информационно-образовательной среде и при увеличении её удельного веса в образовательном процессе является сегодня одним из основных компонентов образовательного процесса.

В современной сфере образования

предлагаются различные формы и методы обучения, которые позволяют повысить уровень и эффективность самостоятельной работы студентов. Среди различных форм организации самостоятельной работы студентов все большую актуальность приобретают технологии дистанционного обучения. Как справедливо подчеркивает Н. В. Волженина, это обусловливается тем, что учебный процесс в высшей школе подчинен не столько задаче информационного насыщения, сколько формированию продуктивного мышления, развитию интеллектуального потенциала личности, становлению способов логического анализа и всесторонней обработки потребляемой информации, творческому конструированию [2. С. 4].

Согласно федеральному закону РФ «Об образовании в Российской Федерации» под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [4]. Основу образовательного процесса при дистанционном обучении составляет целенаправленная самостоятельная работа студента, который может учиться в удобном для себя месте, по индивидуальному расписанию. Несомненно, огромную роль при таком обучении приобретает организационно-методическая деятельность преподавателя. Его основные функции заключаются в управлении учебным процессом с использованием информационных и коммуникационных технологий и деятельность по обеспечению процесса обучения учебно-методическими материалами, обеспечивающими самостоятельную учебную деятельность студентов в дистанционном режиме.

Одной из основных профессиональных компетенций, формируемых и развиваемых в процессе обучения на гуманитарных направлениях подготовки в вузе является владение иностранным языком, умение применять иностранный язык для решения профессиональных вопросов. Основной целью настоящей статьи является попытка поделиться практическим опытом разработки дистанционного курса по английскому языку для студентов неязыковых гуманитарных направлений подготовки с применением виртуальной модульной обучающей среды Moodle и применения данного курса в практике преподавания иностранного (английского) языка.

Основные цели разработанного дистанционного курса «Short Stories in American Literature. Короткие рассказы в американской литературе. Анализ текста оригинала и текста перевода как инструмент культурного освоения мира» заключаются в формировании и развитии умений и навыков по различным аспектам языковой деятельности, а именно:

– развитие умений и навыков восприятия аутентичной иностранной речи на слух;

– развитие умения использовать языковые средства на различных этапах межъязыковой коммуникации; выполнять параллельные действия на двух языках, переключаясь с одного языка на другой;

– формирование и развитие умений и навыков письменного перевода;

– развитие способности самостоятельно работать с информацией в глобальных компьютерных сетях;

– стимулирование учебно-познавательной деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Материалом для разработки дистанционного курса «Short Stories in American Literature» послужили короткие рассказы классиков американского литературного творчества XIX и XX веков: М. Твена, Дж. Лондона, В. Ирвинга, Т. Драйзера, Э. По и др. в формате аудио.

Основной структурной единицей дистанционного курса является модуль, представляющий собой и тематический фрагмент, и аналог занятия. Вводный модуль

включает название дистанционного курса, краткую аннотацию, сведения об авторе, а также раздел «Requirement for Answer Format» («Рекомендации по оформлению ответов»). Составление данного раздела и включение его в структуру курса было продиктовано необходимостью объяснить студентам формальные требования к оформлению ответов на задания. Практический опыт применения данного курса на первых этапах показал, что студенты не знают общих требований, предъявляемых к оформлению текстовых документов Word. Далее в структуре дистанционного курса представлены семь содержательных модулей – по количеству авторов, произведения которых изучаются в рамках данного курса. Каждый модуль содержит теоретический материал по биографиям авторов, включающий интерактивные ресурсы; практико-контролирующие задания для самостоятельной работы, направленные на формирование и развитие языковой, коммуникативной и переводческой компетенций обучающихся и на проверку усвоения материала; методические указания для выполнения всех видов работ. Все содержательные модули имеют единый стиль и состоят из идентичных элементов:

– задания по биографии автора, например:

Listen and take down the biography of the writer (Edgar Allan Poe). Be ready to reproduce the information. Add some facts of your own that in your opinion might be helpful to understand the writer's ideas and manner of writing better.

Или другой пример:

One can hardly argue that background knowledge is important both in comprehending and translating texts containing different cultural and historical references. The text under analysis contains several references to the facts of American history. Being the native speaker of another language (Russian) the reader of the English original is sure to need explanation (interpretation, comment) concerning the meaning of such references. Provide an explanation (comment) of the following references to make sure you understand the historical background of the period during which Nathaniel Hawthorne lived and wrote his literary works: – the Puritans; – the Salem Witch Trials (1860s); – Henry Wadsworth Longfellow; – Franklin Pierce; – transcendentalism; – Ralph Waldo Emerson.

– задания по произведению, например:

1) Listen to the first part of the story «The Lost Phoebe» by Th. Dreiser (up to «… where Phoebe was and how soon he would die»). *While listening correct factual mistakes in the Russian text.*

2) Translate the following question into English. Listen to the second part of the story (up to the end) and give full answers to the questions.

– задания по письменному переводу, например:

Translate the following sentences into good Russian. Pay attention to the way you render the meaning of the underlined words and expressions.

1. Their good <u>luck did not last</u>.
2. My <u>spirit seemed to come to life</u> again.
3. I had been living for weeks <u>in rough mining camps.</u>

– задания для итогового анализа, например:

You've listened to two stories by O'Henry. It's time to make some conclusions. Dwell on the points that make the stories similar/different (the plot, the main idea). Do you think the endings are unexpected?

The story under discussion («The Devil and Tom Walker» by W. Irwing) is a bright example of a legend. It goes without saying that each fable has a moral. What is the moral of the story you've listened to?

Заключительный модуль «Summing Up» («Итоговые задания») включает следующие разделы: «Famous Quotes Study» («Известные цитаты») и «Making a Booklet» («Творческий проект»).

Структура дистанционного курса предусматривает также различные формы

контроля: – проверочные задания к каждому элементу модуля, которые студенты выполняют индивидуально и отсылают в виде файлов или текста; – дискуссионные вопросы для итогового анализа, которые студенты могут либо обдумать самостоятельно и прислать преподавателю ответы в виде файлов, либо такие вопросы могут быть вынесены на обсуждение в рамках аудиторных занятий. Регулярность таких дискуссий определяется преподавателем. Мы проводили подобные обсуждения каждую неделю, продолжительность дискуссий – 30-40 минут.

В качестве итогового задания по завершению изучения дистанционного курса «Short Stories in American Literature» студенты должны выполнить творческое задание: *Try your hand at real publishing. Make a booklet to share with your group mates some attention-grabbing facts about one of the authors under discussion. You should bear in mind the following recommendations:*

1) Use Microsoft Publisher to create a veritable masterpiece;

2) Be creative;

3) You're welcome to use pictures, photos, etc;

4) Don't forget to give an intriguing and informative title to your project.

Данное задание предполагает создание буклета об интересных фактах из жизни одного из писателей с использованием приложения Microsoft Office Publisher. Основной акцент сделан на индивидуальную творческую составляющую. Студенты сами выбирают о каком писателе они будут собирать информацию; решают, какие именно факты, изображения, иллюстрации включить в содержание, самостоятельно выбирают стиль и дизайн буклета. Основным критерием выбора и стимулом к работе должна стать их личная заинтересованность.

Предлагаемый дистанционный курс проходил апробацию в рамках преподавания дисциплины «Английский язык практический» для студентов 2 курса очного отделения направления подготовки «Международные отношения» в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина. При полутора часах аудиторных занятий в неделю использование данного дистанционного курса именно в рамках очного обучения позволило нам значительно увеличить количество часов, отводимое на изучение иностранного языка. Разнообразие ресурсов обучающей среды Moodle [3] открыли для нас новые возможности презентации учебного материала в доступной, интересной форме и использования потенциала компьютерных средств для реализации коммуникативного подхода в обучении иностранному языку и переводу. Возможность регулярного мониторинга работы студентов с помощью просмотра статистики посещений мотивировало студентов выполнять задания систематически в течение семестра, а не только накануне итоговой проверки. Возможность не только корректировать и оценивать, но и комментировать ответ каждого студента, особенно на задания по переводу, позволило нам более детально анализировать и давать более подробные комментарии к письменным ответам студентов. Еще одно преимущество данной образовательной среды – обеспечение быстрой обратной связи. После проверки студенты могли, так же как и преподаватель оставлять свои комментарии.

Опираясь на практический опыт использования дистанционного курса «Short Stories in American Literature» хотелось бы выделить еще на одну особенность. Как правило, выполнение заданий по письменному переводу не требует привлечения технических средств. Тетрадь, ручка, бумажные словари и справочные материалы – это необходимый набор, которым пользуются студенты и преподаватели. В качестве домашнего задания студенты получают текст, который им необходимо перевести. На следующем занятии выполненные варианты переводов обсуждаются, редактируются и

оцениваются преподавателем. Однако в современных условиях практика показывает, что помимо вышеперечисленного в число рабочих инструментов студента, делающего первые шаги в переводческой практике и переводчика-профессионала должен входить компьютер с выходом в интернет. Важная роль интернета при предпереводческом анализе и в процессе перевода объясняется тем, что помимо понимания значений лексических единиц, грамматических и синтаксических конструкций в переводимом тексте, переводчик должен понять фрагмент реальности, отраженный в тексте, и вписать его в широкий лингвокультурный контекст [1]. Проанализировать и понять значение лексических и грамматических единиц в тексте оригинала студенту, обучающемуся письменному переводу, помогают словари и лингвистические справочники. «Увидеть» за текстом фрагмент действительности и постичь его отношение к действительности в целом и опытному и начинающему переводчику позволяет его кругозор, его лингвострановедческие познания, а также разнообразные справочники. Именно интернет дает переводчику возможность пользоваться большим количеством словарей и справочных материалов, многие из которых являются электронными аналогами качественных печатных изданий. Следовательно, переводчик, не имеющий постоянного доступа к Интернету, оказывается неспособен должным образом контекстуализировать переводимые им тексты, что значительно снижает качество его перевода. Таким образом, выполняя задания, студенты приобретают и навыки работы с интернетом, необходимые переводчику. Для современных студентов (не только обучающихся переводу) работа с ресурсами Интернета и разнообразными инструментами в режиме online – среда естественного, привычного обитания. Им интересна любая деятельность в Интернете, в том числе и самостоятельная учебно-познавательная, что повышает мотивацию данного вида деятельности. Учитывая активность, с которой студенты выполняли предложенные задания, отслеживали результаты проделанной работы, консультировались с преподавателем, мы можем сделать вывод, что такой вид самостоятельной работы вызвал у них живой интерес.

Ознакомление с творчеством англоязычных писателей является неотъемлемым компонентом процесса овладения иностранными языками. Подчеркнем, что разработанный дистанционный курс – это не просто перенесение традиционных учебных материалов на новый компьютерный носитель с добавлением аудио- и видеоматериалов. Знакомство с биографией писателей, прослушивание произведений на языке оригинала, выполнение заданий по лексическому и стилистическому анализу прослушанного, а также заданий по письменному переводу отдельных предложений и отрезков текста, представляющих трудности для перевода, способствует формированию и развитию как общекультурных так и профессиональных компетенций и в частности, языковой, коммуникативной и переводческой компетенций. В связи с этим актуальность данного дистанционного курса определяется с одной стороны необходимостью предоставить студентам более широкие возможности для самостоятельного изучения творчества англоязычных писателей, а с другой стороны необходимостью развития умения восприятия иностранной речи на слух как части коммуникативной компетентности и умения решать переводческие задачи в узком и широком лингвистическом контексте с целью применения этих умений в условиях реальной коммуникативной деятельности. Еще раз отметим, что учитывая специфику направления подготовки, ориентируясь на которое этот курс разработан (а именно «Международные отношения»), неотъемлемой содержательной составляющей этого курса являются задания, основная цель которых – развитие умений и навыков пись-

менного перевода.

Создание дистанционного курса позволяет объединить несколько видов учебной деятельности в одном электронном образовательном ресурсе. Во-первых, студенты получают возможность прослушивать определенный материал и одновременно выполнять задания по прослушанному. Так как количество аудиторных часов для занятий практикой языка ограничено, мы (преподаватели) очень редко можем себе позволить давать задания на аудирование непосредственно на занятии. А учитывая тот факт, что отрезки текстов для прослушивания в данном курсе довольно продолжительные и, кроме того, для выполнения заданий по письменному переводу также требуется время, создания этого курса в рамках обучающей среды Moodle, дает нам возможность предоставить этот курс для самостоятельного изучения студентам с последующим совместным обсуждением результатов как в интерактивном режиме, так и в рамках аудиторных занятий (если позволяет время).

Нам, кажется, важным подчеркнуть еще одно преимущество разработки подобных дистанционных курсов по иностранным языкам. Возможность работать в индивидуальном темпе, выполняя задания в удобное для себя время дает студентам ощущение психологического комфорта и, в свою очередь, повышают мотивацию к изучению иностранного языка.

В целом, привлечение многообразного набора инструментов виртуальной модульной обучающей среды Moodle в сочетании с информационными ресурсами интернета в рамках дистанционного курса способствовало повышению эффективности взаимосвязанного обучения аудированию, переводу и стилистическому анализу. Реализовать подобную задачу в рамках более чем ограниченного количества часов аудиторных занятий было бы довольно затруднительно.

Безусловно, создание качественных дистанционных курсов по иностранным языкам – это сложный процесс, требующий от преподавателя ресурсных и временных затрат. Однако использование информационно-коммуникационных технологий, в частности обучающей среды Moodle в процессе обучения значительно расширяет возможности преподавателя; предоставляет большую свободу для творческого поиска новых методов и приемов обучения; повышает мотивацию обучающихся в изучении иностранных языков; обеспечивает сочетание аудиторной и внеаудиторной работы на интерактивной основе, что в свою очередь способствует улучшению качества языковой подготовки студентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бузаджи Д. М. Высокие технологии при обучении переводу [Электронный ресурс]. – http://www.thinkaloud.ru/featureak.html

2. Волженина Н. В. Организация самостоятельной работы студентов в процессе дистанционного обучения: учебное пособие / Н. В. Волженина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 59 с.

3. Официальный сайт системы управления курсами Moodle [Электронный ресурс]. – http://moodle.org

4. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Статья 16. Глава 2. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» N 273-ФЗ от 29.12.2012. [Электронный ресурс]. – http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/16/

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлениям бакалавриата [Электронный ресурс]. – http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН, г. МОСКВА

УДК 338.432
ББК 65.32
Мировая экономика

экономика

ПРОПОРЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СТРАН БРИКС В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Е. В. Растянникова

Сельское хозяйство остается важнейшим источником жизнеобеспечения стран БРИКС. Несмотря на то, что процессы глобализации требуют все в большей степени унифицируютразличные отрасли национального хозяйства, сельское хозяйство каждой страны БРИКС уникально,так как все страны группы представляют собой анклавы различных исторических культур и цивилизаций. Определить место и пропорции сельского хозяйства стран БРИКС в мировой экономике – задача настоящей статьи. Приоритетным направлением развития аграрной отрасли в странах БРИКС является обеспечение продовольствием населения. Однако, если судить по тенденциям начала XXI века, сельское хозяйство стран БРИКС начинает занимать более значительную нишу в мировом хозяйстве. В статье исследуется положение стран БРИКС на мировых рынках зерна, мяса и кормовых культур.

Ключевые слова
БРИКС, сельское хозяйство, мировое хозяйство, валовая сельскохозяйственная продукция, внешняя торговля, зерно, мясо, кормовые культуры

Несмотря на то, что процессы глобализации требуют все большей стандартизации, унификации отраслей национального хозяйства и подгонки его под мировые параметры, сельское хозяйство каждой страны БРИКС практически уникально,так как все страны группы представляют собой анклавы различных исторических культур и цивилизаций. Именно сельское хозяйство в значительно большей степени, чем другие отрасли, несет на себе отпечаток различного цивилизационного опыта. Вследствие этого по группе БРИКС оно отличается большой неоднородностью:

– по географическому положению;

– по экономической организации и мотивации производства;

– по уровню технологического развития;

– по исторически сложившемуся типу технологического способа производства (трудосберегающему или землесберегающему) [6];

– по национальным стандартам потребления, в том числе связанным с религиозными верованиями, и др.

Однако единообразные международные статистические показатели воспроизводства сельскохозяйственной продукции позволяют выявить место и определить пропорции сельского хозяйства стран БРИКС в рамках мирового хозяйства, а

также провести межстрановые сравнения.

Несмотря на экспортоориентированную государственную политику, проводимую до последнего времени странами БРИКС, сельскохозяйственное производство в этих странах (за исключением Бразилии) нацелено в основном на самообеспечение населения продовольствием. В среднем по странам БРИКС доля экспорта в национальном производстве, в 2000 г. составляла немногим более 8%, а в 2012 г. не превышала 10,4 %. Из стран БРИКС только Бразилия в отношении аграрной отрасли следовала в русле экспортной ориентации, и в 2000-2012 гг. вывозила в другие страны до 40 % произведенной сельскохозяйственной продукции [11].

В то же время процессы глобализации мировой экономики постепенно стали захватывать и отрасль сельского хозяйства. С начала XXI в. этот процесс был катализирован резким расширением спроса на сельскохозяйственный продукт как сырье для промышленного и, в частности, энергетического сектора. В течение первого десятилетия XXI в. постепенно увеличивался удельный вес стран БРИКС в мировой торговле. Например, доля всех стран БРИКС в стоимостном объеме мирового экспорта продуктов сельского хозяйства составляла в 2000 г. 9,4 %, а к 2012 г. увеличилась до 14,6 %. То же касается удельного веса стран БРИКС в объеме мирового импорта – он возрос за период 2000-2012 гг. с 9,2% до 16,1 %. В экспорте сельскохозяйственных товаров ведущая роль в группе БРИКС принадлежит Бразилии, ее доля на мировом рынке составляла в 2012 г. 6,1 %. На втором месте в группе стран БРИКС по экспорту сельскохозяйственных товаров находится Китай, его доля на мировом рынке в 2012 г. была 4,1 %. Однако Китай в 2012 г. импортировал сельскохозяйственных продуктов больше, чем другие страны БРИКС, – 10,6 % от стоимости мирового импорта, причем этот показатель имел повышательную тенденцию, ибо в 2000 г. он равнялся 5,6 % [11].

Валовая сельскохозяйственная продукция, произведенная в странах БРИКС, увеличилась с 2000-2012 гг. на 50 %: в Бразилии – на 63 %, в Китае – на 52 %, в Индии – на 43 %, в ЮАР – на 27 %, в России – на 25 %. В этот период мировое сельское хозяйство в среднем показало рост на 29 %. Доля вало-вой сельскохозяйственной продукции, произведенной в странах БРИКС с 2000 г. по 2012 г., возросла с 37,5 % до 43,1% от общемирового показателя. В то же время доля населения, проживающая в БРИКС, за этот период упала с 44,4 % до 42,9 % [11]. Следовательно, можно констатировать, что в расчете на душу населения производство сельскохозяйственной продукции в странах БРИКС в первое десятилетие XXI века увеличилось – в среднем на 33 %. Наиболее интенсивно подушевое производство сельскохозяйственной продукции возрастало в Бразилии и Китае, тяжелее всего ситуация складывалась в Индии (см. рис.1).

В отношении мирового рынка сельскохозяйственной продукции положение стран БРИКС имеет сильные отличия,но в целом присутствие стран БРИКС на мировом рынке сельскохозяйственных продуктов постепенно увеличивалось. Проанализировав международные рынки отдельных товаров, можно заметить, что выделились специальные отрасли аграрной сферы, где определенная страна БРИКС начала играть если не ведущую, то существенную роль.

Проводя запланированную экспортоориентированнуюаграрную политику, Бразилия увеличила удельный вес экспорта с 28,1 % стоимости произведенной сельскохозяйственной продукции в 2000 г. до 45,7 % в 2005 г. и чуть его понизила к 2012 г. – до39,6%. При этом в стране за 12 лет доля импорта упала с 11,6 % до 7,8 % от совокупного потребления сельскохозяйственной продукции [10].

Россия на мировом рынке сельскохозяйственных продуктов в 2000-2012 гг. вы-

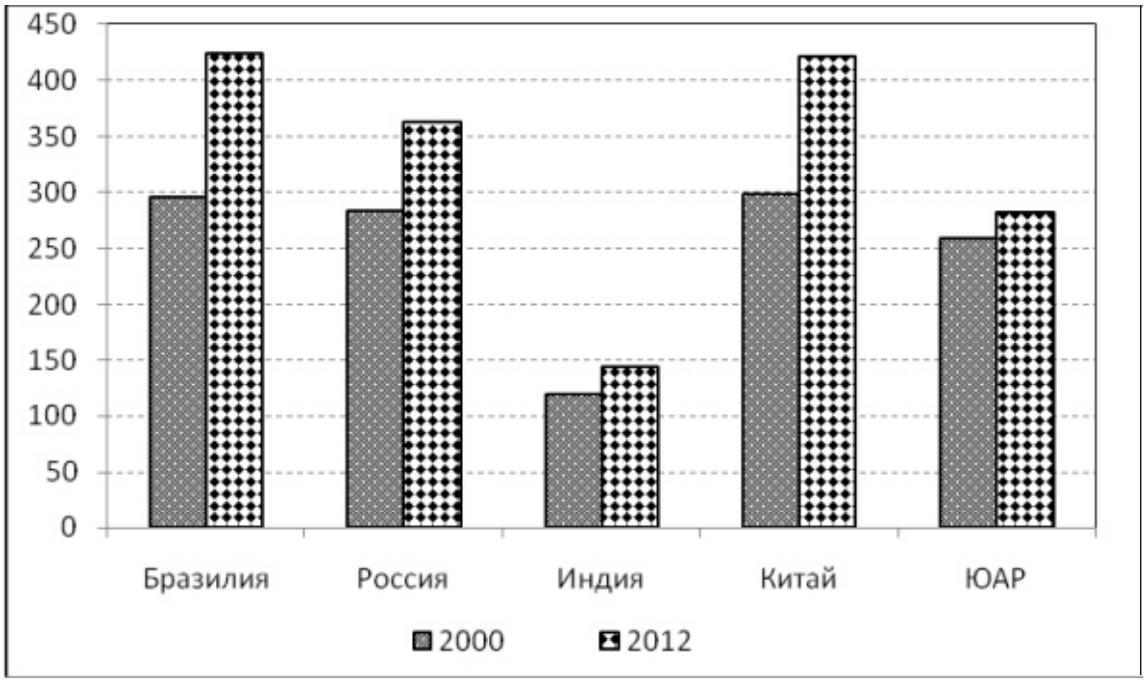


Рис. 1. Валовая сельскохозяйственная продукция в расчете на душу населения (цены 2004-2006 гг.), долл./чел. ***Источник***: FAOSTAT. – http://faostat3.fao.org/home/E (15.02.2015)

ступала нетто-импортером, в 2012 г. стоимость ее импорта была более почти в три раза выше экспорта сельскохозяйственных продуктов (38,2 млрд. долл. и 14,2 млрд. долл., соответственно). Однако следует отметить, что это соотношение несколько сократилось по сравнению с 2000 г., когда стоимость импорта была почти в семь раз больше экспорта. Зависимость внутреннего потребительского рынка России от импорта главным мясомолочной продукцииувеличилась за этот период с 23,8 % до 32 %. С другой стороны, значительные темпы роста экспорта пшеницы позволили Росси войти в клуб ведущих мировых ее экспортеров, а удельный вес экспорта сельскохозяйственной продукции поднялся за 2000-2012 гг. с 4,4 % до 14,9 % стоимости сельскохозяйственной продукции [10].

Индия с рубежа 2010-х годов, отменив запреты на вывоз ряда сельскохозяйственных товаров, взяла направление на экспортную ориентацию, соответственно удельный вес экспорта за два года (2010-2012 гг.) вырос с 8,6 % до 15,9 % стоимости валовой продукции. Китай же полностью придерживался приоритетов политики производства продуктов питания ради внутренних потребностей. В 2012 г. в стране стоимость импорта сельскохозяйственной продукции более чем в два с половиной раза превышала экспорт (144 млрд. долл. и 53,7 млрд. долл., соответственно). В значительной степени в мировой рынок сельскохозяйственных продуктов включена ЮАР, в 2012 г. доля экспорта в валовой продукции аграрного сектора составляла 30,2 %, а доля импорта 29,9 % [11].

Усиление глобализации привело к дифференциации мирового рынок сельскохозяйственных товаров и ярко выраженной специализации отдельных стран. Проанализируем положение стран БРИКС на трех основных рынках сельскохозяйственных товаров: зерновом, мясном и рынке кормовых культур.

С начала 2000-х годов существенно на треть возросли сборы зерновых культур в странах БРИКС, так общемировая доля валовых сборов зерновых, приходящаяся

на эти страны, за период 2000-2012 гг. увеличилась с 35 % до 38 %. Соответственно ежегодный темп прироста сборов зерна в странах БРИКС был в 2000-2012 гг. в несколько раз выше, чем средний показатель в мировом хозяйстве.

В аграрной политике стран БРИКС проблема зерновой безопасности и ориентации на внутренние ресурсы играет ведущую роль. Практически все страны БРИКС (за исключение ЮАР) поддерживали ориентацию на повышение самообеспеченности зерновыми культурами. В среднем по странам БРИКС самообеспеченность зерном составляла в 2011 г. 97 %. В динамике за 2000-2011 г. больше всего выросла степень самообеспеченности зерновыми в Бразилии (с 80 % до 88 %) и в России (с 93 % до 99 %). На 100 % обеспечивала себя зерновыми в начале XXI века Индия, и на 97 % Китай. Только ЮАР за этот период увеличила долю импорта в совокупном потреблении зерна, соответственно, степень самообеспеченности зерном упала с 89 % до 77 % [12].

Доля стран БРИКС на мировом рынке зерна, хотя и возросла с начала XXI века, осталась относительно низкой. Можно отметить, что удельный вес экспорта стран БРИКС в объеме мирового экспорта вырос с 7 % (2000 г.) до 13 % (2011 г.), а удельный вес импорта в объеме мирового импорта упал с 10 % (2000 г.) до 7 % (2011 г.) [10].

Роль на мировом рынке зерновых культур выявляет принципиальные различия между странами БРИКС. Бразилия, проводя целенаправленную экспортоориентированную политику в области сельского хозяйства, с начала XXI века увеличила экспорт зерновых и со второй половины 2000-х годов стала чистым экспортером зерновых. Если в 2000 и 2005 гг. Бразилия закупала зерно на мировом рынке (10,8 млн. т и 4,9 млн. т, соответственно), но в 2007 г. речь уже шла о чистом экспорте, и к 2011 г. он увеличился до 4,8 млн. т. (см. рис. 2). Однако в целях успешной экспортной политики Бразилия сосредоточилась на производстве культур, пользующихся повышенным спросом на мировом рынке. Это – кукуруза, соя, сахарный тростник, которые выступают в качестве сырья для последующей обработки и промышленности, в частности для производства биотоплива и кормов для животноводства. В то же время производство пшеницы практически не выросло с середины 2000-х годов.

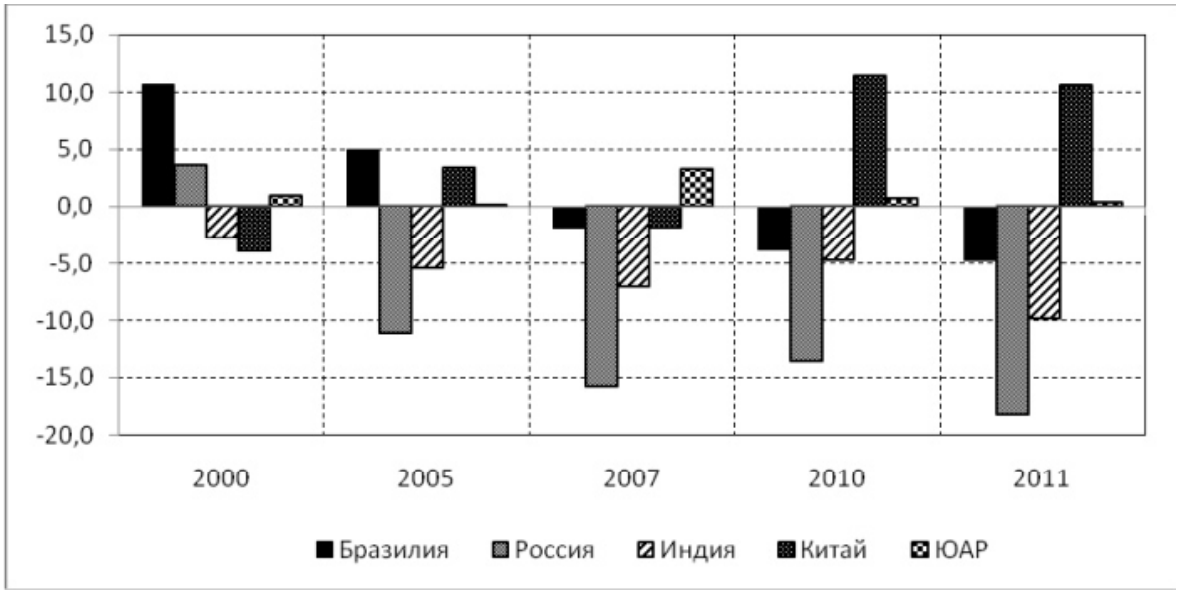


Рис. 2. Чистый импорт (+), чистый экспорт (-) зерна в странах БРИКС, млн. т
Источник: FAOSTAT // www.faostat.fao.org(23.11.2014).
Примечание: Учитывается очищенный рис

Россия еще на рубеже XX-XXI вв. отнюдь не планировала экспортную политику в отношении зерновой сферы, но уже в начале 2000-х годов изменился тренд в развитии зерновой отрасли, и она на мировом рынке приобрела статус чистого экспортера зерна. В 2000 г. чистый импорт зерновых культур в России равнялся 3,6 млн. т., а в 2005 г. уже чистый экспорт составил до 11 млн. т, и к 2014 г. он поднялся свыше 23 млн. т [7, с. 628]. Примерно 75 % всего экспорта зерновых приходилось на пшеницу. На мировом рынке пшеницы Россия входила в пятерку лидеров. Предполагалось, что в 2015 г. экспорт зерна по оценкам должен был подняться до 26 млн. т., однако с 1 февраля 2015 г. введены таможенные пошлины на экспорт пшеницы, что вероятно снизит темпы прироста экспорта зерновых. Политика правительства, вводившая таможенные пошлины и другие ограничения экспорта зерна исключительно в неурожайные и кризисные годы (2010-2011 гг., 2015 г.) косвенно может свидетельствовать о том, что экспорт Россией зерна осуществляется больше по остаточному принципу, чем по предварительным планам.

Сложнее складывается ситуация с зерновым экспортом в Индии. Здесь с 2007 по 2011 гг. действовало эмбарго на экспорт зерна (пшеницы) с целью сформировать внутренние запаса зерна [5]. Но уже в 2011 г. запасы зерна в Индии приблизились к 50 млн. т, а в 2013 г. превысили 66 млн. т [8]. После снятия эмбарго резко стал возрастать экспорт зерна. Если с 2000 г. по 2007 г. экспорт зерна вырос с 2,8 млн. т до 9,7 млн. т, то с 2011 г. по 2013 г. с 9,8 млн. т до 22,1 млн. т [8]. По данному показателю Индия практически догнала Россию, хотя продовольственное обеспечение бедных слоев населения в стране остается ниже норм, принятых ООН (при этом четверть населения Индии живет за чертой бедности). В дальнейшем, несмотря на то, что в планах индийского правительства присутствует увеличение экспорта зерновых культур, основным приоритетом останется внутренняя зерновая безопасность, которая будет требовать поддержания высоких переходящих запасов-зерна [13, с. 2].

Китай выступает на мировом рынке чистым импортером зерна. В Китае с 2000 г. наблюдалась переменная динамика, но уже в 2010 г. чистый импорт составил 11,5 млн. т. И, несмотря на то, что за год он несколько снизился (до 10,6 млн. т), тенденция к активным закупкам сохранилась. Китай в целях защиты производителей ограничивает импорт зерновых с помощью механизма квот и таможенных барьеров. Например, квота на импорт пшеницы в Китай в 2013-2014 гг. составляла 9,6 млн. т, на импорт кукурузы – 7,2 млн. т, на импорт риса – 5,3 млн. т. Ставка сниженной таможенной пошлины на зерновые культуры, закупаемые в пределах квоты, составляет 1%, в то время как при импорте зерна за пределами квоты размер взимаемой пошлины установлен на уровне 65 %.

ЮАР также импортирует зерно, хотя и в гораздо более скромных масштабах. Балансируя на сравнительно невысоком уровне, в 2000-2011 гг. чистый импорт страны изменился с 0,9 млн.т до 0,3 млн. т (см. рис. 2).

Мировое производство мяса с конца XX и особенно с начала XXI века стало перемещаться в страны БРИКС. Наиболее активно этот процесс происходил в Китае и Бразилии, хотя и в других странах группы отмечалось увеличение темпов прироста производства мяса (например, в России и меньше в Индии). Основные производители мяса в XX веке – страны Северной Америки и Западной Европы постепенно уступают свое место новым лидерам. Если эти страны в 1980 г. производили 32 % мирового объема мяса, то в 2012 г. – 22 %. В то же время доля мирового производства, приходящаяся на страны БРИКС, увеличивалась следующим образом: в 1980 г. – 25 %, 2000 г. – 37 %, 2012 г. – 41 % [11].

За период 2000-2012 гг. благодаря Бразилии страны БРИКС увеличили свою долю в мировом экспорте мяса. В Бразилии с начала 2000-х годов в четыре раза возросли объемы экспорта мяса. Страна в настоящее время занимает второе место в мире (с небольшим отставанием от США) по экспорту всех видов мяса и первое место – по экспорту мяса птицы [11].

Чистыми экспортерами мяса в группе БРИКС в настоящее время являются Бразилия и Индия (см. рис. 3). Китай также поставляет мясо на мировой рынок, но объемы его импорта превышают объемы экспорта, и он выступает как нетто-импортер. Наибольшие темпы роста экспорта мяса в Бразилии пришлись на 2000-2007 гг., когда экспорт мяса возрос более чем в 4 раза – с 1,5 млн.т до 6,3 млн.т. В последующие годы вплоть до 2012 г. роста экспорта не было, и она продавала на мировом рынке 5,5-6,1 млн. т (см. рис. 3). Это объяснялось тем, что Бразилия сталкивалась с запретами на ввоз мяса в Россию (например, с июля 2011 г. по август 2014 г.) и Китай (с 2012 по 2014 гг.) из-за несоответствия бразильской мясной продукции нормам безопасности, предусмотренным законодательствами этих стран. Свыше 60% продаж мяса на мировом рынке Бразилией приходится на мясо птицы и примерно 16% на мясо крупного рогатого скота. Объемы экспорта мяса из Индии значительно ниже, с 2000 по 2011 гг. она увеличила вывоз с 0,3 млн.т до 0,9 млн. т (см. рис. 3).Однако почти 100% продаж мяса на мировом рынке приходится на мясо крупного рогатого скота [11].

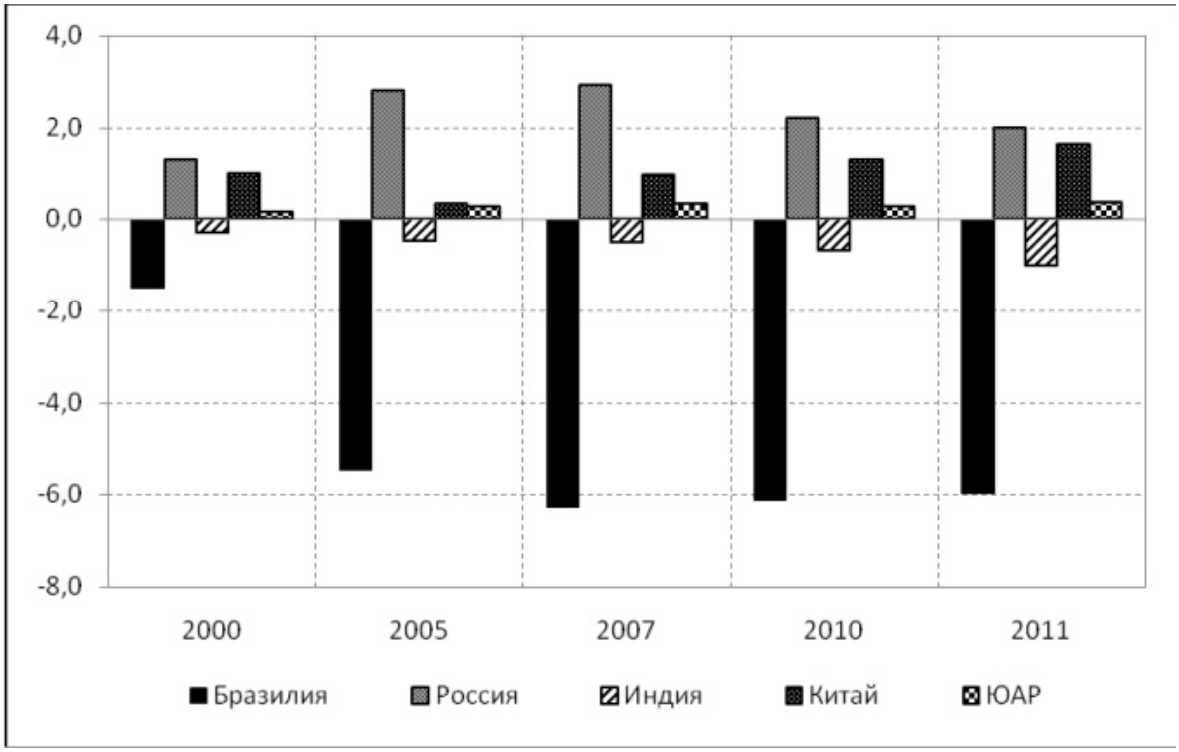


Рис 3. Чистый импорт (+), чистый экспорт (-) мяса в странах БРИКС, млн. т
Источник: FAOSTAT. – www.faostat.fao.org

Среди стран БРИКС практически единственным экспортерами мяса крупного рогатого скота являются Бразилия и Индия. Четырехкратный рост экспорта говядины и телятины в 2000-2011 гг. был зафиксирован в Бразилии – с 0,2 млн. т до 0,9 млн. т. [10], но в дальнейшем до 2014 г. из-за запретов он практически не увеличивался, но уже в 2014 г. после отмены ограничений экспорт говядины из Брази-

лии превысил 1 млн. т. В 2000-2011 гг. масштабы реализации говядины из Индии увеличились в три раза – с 0,3 млн. т до 0,9 млн. т., а к 2012-2013 гг. по оценкам возросли до 1,5-1,7 млн. т [11]. По экспорту говядины Индия занимает первое место в мире, на нее приходится около 20 % от мировых поставок говядины. Однако корова (и в меньшей степени буйвол) здесь почитаются как священные животные, и поэтому потребление и продажа говядины всегда вызывает в стране ожесточенные политические и религиозные дискуссии. Избранный в 2014 г. премьер-министром Индии Нарендра Моди заявил, что будет добиваться сокращения поставок буйволового мяса за рубеж, однако пока этот прогноз не оправдался [4].

Как упоминалось выше, основным экспортером мяса птицы в станах БРИКС (так же, как и во всем мире) является Бразилия. В 2000-2011 гг. она увеличила его сбыт на внешнем рынке в 4 раза – с 0,9 млн. т до 3,6 млн. т. В незначительных количествах экспортирует мясо птицы Китай, но за указанный период объем его продаж на мировом рынке снизился с 1,2 млн.т до 1 млн. т [11].

Экспортерами на международном рынке свинины из группы БРИКС выступают Бразилия и Китай. Но в 2000-2011 гг. ни Бразилия с ее слабоповышательной динамикой экспорта свинины (0,1-0,4 млн. т), ни Китай с его балансирующей динамикой (0,1 - 0,2 млн. т) не входили в десятку мировых экспортных лидеров.

Однако в Китае резко возросший спрос на мясную продукцию, привел к тому, что несмотря на существенный рост внутреннего производства свинины и мяса птицы, потребовавший резкого увеличения импорта кормовых культур, возрастает импорт мяса (говядины, свинины, баранины, мяса птицы). С 2000 по 2011 гг. закупки мяса на мировом рынке поднялись с 2,6 до 3,7 млн. т. И хотя он продает на мировом рынке ежегодно достаточно стабильное количество мяса (1,6-2,0 млн. т), по преимуществу мяса птицы (70 %) и свинины (20 %), в результате он выступает как нетто-импортер (см. рис. 3).

Крупным импортером мяса в группе БРИКС является Россия, хотя в стране действуют импортные квоты на ввоз различных видов мяса, устанавливаемые на основе международных соглашений (ВТО). С середины 2000-х годов импорт мяса в Россию устанавливался примерно на уровне импортной квоты 2,0-2,8 млн. т. Крупнейшим поставщиком мяса в Россию среди стран БРИКС выступает Бразилия, почти 40 % стоимости бразильского экспорта приходится на говядину.

ЮАР на мировом рынке представляет собой нетто-импортера мяса, за период 2000-2011 гг. импортные закупки мяса увеличились в 2 раза – с 0,2 млн. т до 0,4 млн. т, причем на 85 % они состояли из мяса птицы [11].

Быстрое развитие животноводства предполагало создание кормовой базы. В связи с этимвозникновение современного животноводческого комплекса было связано с выделением производства кормов в отдельный промышленный комплекс. Глобализация и международное разделение труда способствовали тому, что в мировом хозяйстве сформировались регионы, специализирующие на производстве кормов. В настоящее время наиболее востребованной кормовой культурой является соя.

Основным производителем сои в странах БРИКС является Бразилия, которая по сборам культуры занимает второе место в мире – в 2013 г. на нее приходилось почти 30 % мировых сборов сои.Совокупно все страны БРИКС произвели 40 % мировых объемов.С начала 2000-х годов, когда Бразилия начала специализироваться на экспортных кормовых культурах, в том числе сое, ее производство выросло в два с половиной раза. Это обеспечило ей нишу на мировом рынке производителей кормов. В 2000-2013 г. Бразилия увеличила продажи на мировом рынке почти в четыре раза – с 11,5 млн. т до 42,8 млн. т.

Причем 50,2 % экспорта сои из Бразилии в 2013 г. направлялось в Китай [9],который в настоящее время является крупнейшим импортером сои в мире – на него приходится 60 % всего мирового импорта. Закупки Китаем сои на мировом рынке возросли за период 2000-2013 г. в пять раз, с 12,8 млн. т до 63,4 млн. т. В то же время Китай, импортируя из Бразилии половину необходимой сои, еще треть получал из США.

Проведенное исследование показало, что приоритетным направлением развития аграрной отрасли в странах БРИКС остается обеспечение продовольствием населения стран. Однако, если судить по тенденциям начала XXI века, сельское хозяйство стран БРИКС начинает занимать более значительную нишу в мировом хозяйстве. Причем в странах БРИКС создаются новые специализированные сферы сельскохозяйственного производства, которые потенциально могут стать лидерами в международной торговле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Авдокушин Е. Ф., Жариков М. В. Страны БРИКС в современной мировой экономике. – М.: Магистр: Инфра-М, 2013.

2. Бразилия – надкраина сельского хозяйства // Пропозиція. Украинский журнал з питаньагробізнесу (Київ). – 2009. – №10. – http://agrosev.narod.ru/page149itemid3089 number102.htm

3. Гельбрас В. Г. Экономика Китайской Народной Республики: курс лекций. – М.: Квадрига, 2010.

4. Индия: Экспорт буйволового мяса растет. – http://www.agroru.com/news/2183617.htm(31.01.2015)

5. Маляров О. В. Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. – Книга 2. – М., 2010.

6. Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока // Вопросы статистики (М.) Ч. I. 2013. – №11. – С. 59-70; Ч. II. – 2014. – № 2. – С. 70-77.

7. Российский статистический ежегодник 2013. – М.: РОССТАТ, 2014.

8. Agricultural Statistics at a Glance 2013. – Govt. of India, 2014.

9. BRICS: joint statistical publication 2014. – Fortaleza Brazil, 2014

10. FAO Statistical Yearbook 2013. World Food and Agriculture. – FAO Rome, 2014.

11. FAOSTAT. – http://www.faostat.fao.org

12. The state of food and agriculture 2013. – FAO Rome, 2014.

13. Twelfth Five Year Plan (2012-2017). – Vol. II. Economic Sectors. – New Delhi, 2012.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

УДК 347.6
ББК 67.404.5
Юриспруденция, семейное право

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЕЙНОГО ПРАВА РОССИИ

И. О. Берая

Рассмотрены этапы развития семейного права России и влияние традиций на законы, регулирующие семейно-брачные отношения. Определены основные традиционные ценности, трансформированные в правовые нормы семейного права России.

Ключевые слова
Регулирование семейно-брачных отношений, основополагающие традиционные ценности, патриархальные традиции, нетрадиционные способы партнерства

По динамике регулирования семейно-брачных отношений с периода становления русской государственности по настоящее время мы видим, что на каждом этапе развития общества преобладала та или иная модель семьи, этому соответствовала и нормативно-правовая база, регулирующая семейно-брачные отношения, которая наделяла определенным статусом, правами и обязанностями участников семейных отношений.

С образованием Киевской Руси и с принятием христианства семейные отношения регулируются не только обычаями, но и нормами права (нормы писанного права, церковные уставы князей: Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича). Процесс правового регулирования семейно-брачных отношений был продолжен сводом этических правил и наставлений, изданных 1849 году под звучным названием – «Домострой», которым определялись взаимоотношения между супругами, родителями и детьми, осуждались блуд и сквернословие.

Начиная с реформ, проводимых Петром I в брачно-семейном законодательстве, законодатель стремился обеспечить в первую очередь социально-политические и экономические интересы государства, умаляя роль церкви в вопросах регулирования семейных отношений (Указы Петра I 1702, 1714, 1722, 17844 годов, «Свод законов»). «Подчинение церкви государству сказалось и на семейном праве, традиционно соответствовавшем каноническим нормам. Уже при Петре I светский закон вносит некоторые изменения в семейно-правовые институты. И на протяжении всего XVIII в. Издается довольно много царских указов и постановлений Синода, вносящих порой заметные изменения в семейное право» [1]. Данные реформы приводили к ослаблению патриархальных основ семьи путем ограничения правового влияния церкви в обществе. Члены семейно-брач-

ных отношений наделялись правом имущественной самостоятельности и брачно-семейные отношения подпадали под подчинение гражданско-правового регулирования. Реформы Петра I положили начало новому периоду в развитии семейного права направленного на укрепление влияния государства.

Церковный брак в России был отменен в декабре 1917 года. Статьей 1 Декрета «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния» вместо церковного вводится единственно признаваемый гражданский брак (не по церковным правилам, в государственных органах) [2]. Церковный брак был объявлен частным делом граждан, не порождающим юридических прав и обязанностей, таким образом, семья была отделена от церкви. Это было одним из способов борьбы советской власти с церковью. Однако браки, заключенные в церкви до принятия декрета, признавались действительными. Декрет уравнивал в правах законных и незаконнорожденных детей и предусматривал возможность установления отцовства в судебном порядке, что было новацией.

Второй декрет был принят 19 декабря 1917 года «О расторжении брака». Если ранее бракоразводные дела рассматривались судами духовных консисторий то в соответствии с вторым Декретом рассмотрение бвозлагалось на местные суды (если инициатором развода был один из супругов), либо в органах ЗАГС (если инициаторами развода были оба супруга) [3].

16 сентября 1918 года сессией ВЦИК РСФСР был принят первый кодекс, регулирующий семейные отношения – «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Он регулировал практически все вопросы семейных отношений. Им были отменены многочисленные препятствия к заключению брака, предусмотренные семейным законодательством Российской империи (монашество, принадлежность к разным вероисповеданиям). Были определены правовые последствия недействительности брака, брак аннулировался с момента его заключения. Декрет закрепил принцип единобрачия, установил брачный возраст для мужчин – 18 лет, для женщин – 16, запретил браки между близкими родственниками, лицами, уже состоящими в браке, умалишенными. Была установлена раздельность имущества супругов: каждый из них считался собственником того имущества, которое во время брака было приобретено на его средства. Декрет взял под охрану закона права детей, рожденных вне брака, установив, что они в своих правах и обязанностях с родителями приравниваются к детям, рожденных в браке, супруги были уравнены в решении вопросов семейной жизни, был введен институт опеки.

Кодексом законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО) введенным в действие с 1 января 1927 года, регулировались семейные отношения в послереволюционной России. Были введены правила об общности имущества, нажитого супругами в процессе совместной жизни. Процедура расторжения брака проводилась только в ЗАГСе и отсутствовали правила о признании брака не действительным. Кодекс установил единый брачный возраст для мужчин и женщин – 18 лет. Возможность взыскания алиментов была ограничена одним годом. Был восстановлен институт усыновления.

Кодексом о браке и семье (КоБС) принятым 30 июля 1969 года было подтверждено то, что юридическое значение имеет только брак, зарегистрированный в органах ЗАГСа. Установлен двоякий порядок расторжения брака: при взаимном согласии супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, и взаимном отсутствии имущественных споров путем регистрации в органах ЗАГС, а при отсутствии согласия на развод одного из супругов и при наличии несовершеннолетних детей или спора о разделе имущества – в суде. При расторжении брака в судебном

порядке были предусмотрены: выяснение причин развода, принятие мер к примирению супругов и сохранению семьи. Основанием для развода считался окончательный распад семьи. С новым Кодексом стало установление отцовства в судебном порядке. Основанием для вынесения положительного решения судом являлось совместное проживание ответчика с матерью ребенка и ведения совместного хозяйства до рождения ребенка. Жене предоставлялось право на получение алиментов в период беременности и в течении полутора лет после рождения ребенка.

В дальнейшем в развитие семейного права повлияли следующие правоустанавливающие документы: «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» (принят в 1968 году Верховным Советом СССР), постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г., принятая 7 октября 1977 г. новая Конституция Союза ССР, закон СССР «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР по вопросам, касающимся женщин, семьи и детей» от 22 мая 1990 года. Законом СССР от 1990 года предусматривались:

– возможность немедленного отобрания детей у родителей органами опеки и попечительства с последующим предъявлением иска о лишении родительских прав;

– право детей обращаться в органы опеки и попечительства за защитой своих прав и интересов;

– право судов признавать имущество раздельно проживающих супругов собственностью каждого из них, несмотря на то, что оно было нажито супругами до развода, но при фактическом прекращении отношений;

– усыновления ребенка без согласия родителей, если они более шести месяцев не проживали совместно с ребенком без уважительных причин и не принимали участия в его содержании;

– суду вменялось в обязанность примирять супругов при расторжении брака.

Основным фундаментом, базой норм многих отраслей права, в том числе и семейного права является Конституция. Основополагающие принципы Конституции играют важную роль для развития и совершенствования норм права.

В соответствии со статье 2 Конституции РФ «Человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [4]. Ряд статей Конституции РФ расширили регламентацию отрасли семейного права:

– (ст. 7) Обеспечиваются государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства;

– (ст. 19) Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации;

– (ст. 38) Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботится о родителях. Материнство и детство, семья находится под защитой государства [4].

Вышеуказанные статьи конституции реализуются в статьях Семейного кодекса Российской Федерации:

Основные нормы современного семейного права имеют исторические корни с традициями и обычаями. В формировании Российского семейного права прослеживается значительное влияние патриархальных глубин например: моногамия, отрицание инцеста, запрет на брак с лицом, страдающим психическими расстройствами, определение минимального брачного возраста.

Условия необходимые для заключения брака:

– взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак;

– достижение ими брачного возраста.

Взаимное добровольное согласие на

вступление в брак выражается в письменном заявлении о регистрации брака в органах ЗАГСа, в личном присутствии при регистрации заключения брака, в устном согласии на вступлении в брак непосредственно при регистрации заключения брака и подтверждение этого их подписями [5].

Семейное законодательство устанавливает брачный возраст в 18 лет [5]. Лицо, желающее вступить в брак, должно достигнуть возраста 18 лет на момент заключения брака, а не на момент подачи заявления в орган ЗАГСа о регистрации брака. Верхний предельный возраст регистрации брака не ограничен.

Брачный возраст может быть снижен до 16 лет при наличии уважительных причин (рождении ребенка, беременности невесты и т. п.) с согласия органов местного самоуправления [5].

Условия, при которых заключение брака не допускается:

– если один из желающих вступить в брак состоит в другом зарегистрированном браке;

– желающие вступить в брак являются близкими родственниками (родственника по прямой восходящей линии и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами);

– усыновителями и усыновленными;

– лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным вследствие психического расстройства [5]. Вопросы признания гражданина недееспособным регулируется 29 статей ГК.

Свидетельство о расторжении брака, свидетельство о смерти супруга и решение суда о признании брака недействительным являются документами, подтверждающими прекращение прежнего брака.

Вопрос о дееспособности гражданина регулируется статьей 21 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Орган ЗАГСа может отказать в государственной регистрации заключения брака, если наличествует хотя бы один из вышеперечисленных фактов [6].

Вопросы государственной регистрации брака регулируются статьями Семейного кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Федеральный закон «Об актах гражданского состояния».

При несоблюдении условий статьи 12 Семейного кодекса и выявлении обстоятельств перечисленных в статье 14, а так же установлении факта заключения брака без намерения создать семью как со стороны обоих супругов, так и одного из супругов к признанию брака фиктивным и к аннулированию брака и всех его правовых последствий с момента регистрации брака в органах ЗАГСа. Брак признается недействительным только судом в порядке искового производства. Это обусловлено тем, что несмотря на давность существования вышеперечисленных правил они не утратили своей значимости в области регулирования брачных отношений и стали фундаментальными правилами при формировании семейного права, как системы норм.

Самыми главными традициями всегда считались и считаются семейные традиции. Так как человек в первую очередь реализуется в семейных отношениях, неразрывно связанных с обществом. Регулятором общественных отношений в прошлом, были традиции, а в современном обществе традиционные семейные ценности трансформировались в правовые нормы, регулирующие семейное право. Это перерастание веками сформированных традиционных правил в правовые нормы является необходимым фактором для сохранения института семьи и брака. Следование семейным традициям четко очерчивающим роли участников, определяющим общий взгляд на воспитание детей, наполняющим союз уважением к старшему поколению, любовь к детям укрепляет брачный союз.

Социальная организация отношений между полами предполагает наличие определенных прав и обязанностей между сторонами. Такие традиционно-патриархальные правовые обязанности, как супружеская верность, взаимопомощь, ответственность родителей за воспитание детей, ответственность детей за престарелых родителей и т. д. привел к формированию системы брачно-семейных отношений.

Историческое развитие человечества показывает, что самый первый нравственно-социальный запрет, возникший в глубокой древности, касался сферы брачных отношений и определял социо-культурный порядок брачных связей. Эти запреты в отличии от других запретов, существующих лишь для слабейших особей, касались всех членов родовой общины. «Простейшие нравственные запреты образуют вечный фундамент, над которым надстраивается все многообразие более поздних моральных ценностей и норм» [7].

В связи с особой значимостью для государства появлении и функционировании семей способных выполнять свое предназначение ячейки общества способной воспитать будущее поколение граждан государство должно стоять на страже интересов семьи. Сфера воспроизводства потомства издревле играла важнейшую роль в жизни человека.

Современное развитие института семьи характеризуется многообразием моделей семьи, каждая из которых удовлетворяет определенную часть общества. Но в этом разнообразии утрачиваются основополагающие традиции, и это приводит к разрушению веками сформированных понятий о браке и семье. Если благоприятное влияние традиций на формирование семьи и в целом общества неоспоримы, то большое сомнение вызывают современные нововведения в области брачно-семейных отношений. Такие как: брак однополых партнеров, гостевой брак, групповой брак, партнерство вне брака и т. п. Все эти нетрадиционные способы партнерства являются суррогатными, неплодотворными, не имеющими будущего, не приносящими пользы обществу, приводящими к вырождению человечества. Семейное законодательство Российской Федерации не предусматривает узаконивание браков однополых партнеров. Но, несмотря на это, способы обойти закон уже найдены. В Санкт-Петербурге в ноябре 2014 года зарегистрирован первый нетрадиционный брак между женщиной и мужчиной-транссексуалом. По документам, поданным в ЗАГС заявители являются разнополыми, но одна из девушек – трансгендер, проходила курс гормонотерапии и собиралась менять свой биологический пол с мужского на женский. На церемонию бракосочетания демонстративно обе явились в женских свадебных нарядах. Несмотря на это у сотрудников ЗАГСа не было правовых оснований для отказа этим особам в регистрации брака. Легализация однополых браков находит сопротивление, как со стороны парламентариев, так и со стороны подавляющего большинства населения. Сдерживающим фактором перехода к нетрадиционным семейным союзам являются «Сформировавшиеся, общепризнанные в российском обществе и разделяемые всеми традиционными религиозными конфессиями представления о браке, семье, материнстве, отцовстве, детстве» [8].

Веками формировавшиеся в нашем обществе понятия семьи в традиционном его понимании союза мужчины и женщины необходимо закреплять и поддерживать с помощью принятия законодательных актов укрепляющих ценности брака, семьи, материнства, отцовства и детства. Очень важно не допустить навязывания «новой мировой религии» сексуальных меньшинств. Российское семейное право должно играть в этой не легкой борьбе главенствующую роль, законодательно закрепляя нормы права обеспечивающие дальнейшее развитие семейных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История отечественного государства и права. – 3-е изд., пер. и доп. – М., 2005.

2. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». – Сайт «Консультант плюс». – http://mail.yandex.ru/?win=172&clid=2191302 (дата обращения 22.05.2015);

3. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1917 «О расторжении брака». – Сайт «Консультант плюс». – http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=4308&req=do (дата обращения 22.05.2015).

4. Конституция Российской Федерации. – М.: Изд-во ОМЕГА-Л, 2005. – (Библиотека Российского законодательства).

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 20.04.2015) (ст.ст. 10, 13, 14). – Консультант Плюс (дата обращения 17.06.2015).

6. Закон Российской Федерации от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред.от 31.12.2014) «Об актах гражданского состояния» (ст. 24-27). – Консультант Плюс (дата обращения 17.06.2015).

7. Новолоцкая Т. А., Садовников В. Н. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. – СПб., 2008.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 24-П от 23.09.2014 (абзац 5 п. 2.2.).

АКАДЕМИЯ ФСИН РОССИИ, г. РЯЗАНЬ

УДК 342.9
ББК 67.409.021
Административное право; правоохранительная деятельность; государственное управление

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЖИМНОЙ ТЕРРИТОРИИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Кандидат юридических наук Д. А. Гришин

В статье анализируются некоторые проблемные аспекты деятельности должностных лиц уголовно-исполнительной системы по применению ими мер государственного принуждения на режимной территории исправительного учреждения ФСИН России

Ключевые слова
Государственное принуждение, уголовно-исполнительная системы, режимная территория

Изучение проблем правового режима территории становилось предметом научных исследований различных ученых, как в области административного права[1], так и в сфере социального управления[2]. Вопросы применения мер государственного принуждения должностными лицами ФСИН России на территории исправительного учреждения, также были подвергнуты самостоятельному научному анализу[3]. При этом большинство работ в обозначенной области посвящено вопросам установления и введения на определенной территории специальных ограничений и запретов в целях обеспечения общественной безопасности и ликвидации негативных социальных, природных, техногенных и иных процессов и явлений.

Правовую основу установления «особого» правового режима на территории, прилегающей к учреждению, исполняющему наказания составляют:

– Конституция Российской Федерации, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства[4].

– Статья 7 Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», закрепляющая за территориальными органами уголовно-исполнительной системы право по согласованию с органами местного самоуправления муниципальных районов либо органами местного самоуправления городских округов определять границы территорий, прилегающих к подведомственным уч-

реждениям, на которых федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации устанавливаются режимные требования.

– Приказ Минюста России от 3 сентября 2007 г. № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы» определяет порядок образования и функционирования режимной территории.

Несмотря на законодательное закрепление режимной территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу, на которой устанавливаются режимные требования, на практике не всегда представляется возможным юридически закрепить режимную 50-метровую зону по причине нахождения в 50-метровой зоне юридически оформленных земельных участков производственных и линейных объектов (полос отвода железных дорог, дорог общего пользования, объектов инфраструктуры жилых многоквартирных домов и т. д.)

Таким образом, одним из наиболее важных проблемных аспектов в части согласования границы режимных территорий является территориальное расположение исправительных учреждений в черте городских округов, что не позволяет обеспечить минимальный размер прилегающей территории (до 50 метров от основного ограждения), так как зачастую данные территории являются либо территориями общего пользования в соответствии с градостроительным законодательством, либо земельные участки находятся в собственности или на ином вещном праве иных правообладателей (граждан, организаций, органов местного самоуправления).

Решение данной проблемы без изменения федерального законодательства, а именно внесения изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации, Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», не представляется возможным.

В качестве предложения решения данной проблемы следует принять меры по перенесению исправительных учреждений из городских округов на территории муниципальных районов, что позволит при проектировке новых исправительных учреждений запланировать 50-метровую режимную зону.

При строительстве новых исправительных учреждений необходимо обеспечить согласование и закрепление на Плане-схеме учреждения 50-метровой режимной территории.

В целях обеспечения безопасности этой территории осуществлять взаимодействие с органами внутренних дел посредством осуществления совместного с сотрудниками исправительного учреждения патрулирования (при необходимости).

Необходимо разработать и утвердить механизм согласования границ режимных территорий с органами местного самоуправления посредством заключения административного договора (договора о сотрудничестве с органами государственной власти и органами местного самоуправления).

Еще одним проблемным аспектом административно-правового режима территорий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, является отсутствие единых на территории Российской Федерации требований к оформлению запрещающих или ограничительных знаков, обозначающих режимные требования (в рамках действующих режимных территорий). Для решения данной проблемы необходимо на уровне подзаконного нормативно-правового акта (приказа ФСИН России) утвердить данные требования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Попова Н. Ф. Военное положение: административно-правовой аспект: монография. – ВНИИ МВД РФ, 1999. – С. 20.

[2] См.: Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях (правовой и организационный аспекты): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000.; Микеев А. К. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях: уч. пособие. – М., 1995.; Мелехин А. В. Чрезвычайное законодательство Российской Федерации: монография. – М.: ВНИИ МВД России, 2002.

[3] См.: Гришин Д. А., Кутякин С. А. Государственное регулирование противодействия организованной преступности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: монография. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013.

[4] См.: Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

УДК 347.19
ББК 67.400.4
Право: история государства и права

криминология
юриспруденция

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВОВОМ СТАТУСЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кандидат исторических наук Ф. С. Кандыба

В работе исследуются отношения советского государства и Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, делается попытка объяснить изменения в правовом статусе церковной организации как следствие трансформации государственной политики в религиозных вопросах в указанное время.

Ключевые слова
Русская Православная Церковь, Советское правительство, атеистическая пропаганда, Великая Отечественная война, священнослужители, государственно-церковные отношения, преследование религии, патриотическая деятельность, Совет по делам Русской Православной Церкви

Коренные общественно-политические изменения, произошедшие в нашей стране в 80-90-е гг. XX века, позволили отечественным исследователям начать разработку новых моделей исторического прошлого. Один из важных вопросов здесь – роль Русской Православной Церкви в новейшей истории нашего государства.

Несмотря на то, что в последние годы подробно изучена проблематика взаимоотношений между Советским государством и Русской Православной Церковью, особенно, в части государственной политики в отношении церкви и реакции на нее самой церкви, остается немало вопросов, требующих более детального изучения.

Правовой основой взаимоотношений церкви и государства является действующая Конституция РФ и принятый в 1997 году Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», которые заявили о светском характере государства, а религиозные объединения объявили отдельными от государства и равными перед законом. За гражданами РФ закрепляется право на самостоятельное определение своего отношения к религии и религиозным организациям. [6. С. 110-125].

В современных условиях мирной жизни государство и Русская Православная Церковь имеют единый взгляд на проблематику защиты традиционных духовных ценностей общества и объединяют усилия по развертыванию разносторонней деятельности по нравственному и патриотическому воспитанию молодежи. В военные же годы обращение к православию

способствовало осознанию народом своей силы и исторического единства.

Интерес к данной теме обусловлен в первую очередь особой ролью Русской Православной Церкви в современном обществе. Изучение сложного характера взаимоотношений РПЦ с Советским государством также вызывает немалый интерес в связи с возникшей ситуацией, когда прошлые знания пришли в противоречие с вновь открывшимися источниками, в том числе и регионального характера, а также новыми подходами в исторической науке.

Обращение к историческому опыту, его урокам, как позитивным, так и негативным, помогает объективному изучению процессов, восстановлению исторической правды, а также совершенствованию политики государства в области религиозных организаций на современном этапе.

Особый интерес представляют трагические и героические годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны, когда произошел крутой поворот от конфронтации к диалогу и лояльному отношению к РПЦ со стороны государства. Великая Отечественная война вошла в историю России как общенациональная трагедия, ставшая свидетельством высочайшего народного патриотизма. Вопрос о том, какое место занимала Русская Православная Церковь в этот период истории в СССР остается неоднозначным и спорным, несмотря на то, что он неоднократно освещался в отечественной научной литературе.

Жизнь церкви в годы Великой Отечественной войны – тема многогранная. В этот период не только оживилось религиозное сознание граждан, но радикально изменились государственно-церковные отношения. Священнослужители оказались перед выбором: с кем быть – с враждебной до сих пор советской властью или европейскими оккупантами. Руководство страны, озабоченное собиранием сил для отпора смертельному врагу, также осознало могущество православия. Всеобщая забота о спасении Родины сплотила ранее раздробленные и даже враждебные силы.

Русская Православная Церковь не раз переживала трудные времена. На протяжении всей истории своей жизни в советском государстве она практически постоянно подвергалась преследованиям. Однако эти преследования не были неизменно одинаковыми, их масштабы и направления часто изменялись в угоду политики государства. Государственная власть то начинала массовое наступление на церковь, то снижала масштаб гонений, предоставляя церкви право на существование.

Отношение к церкви в Советской России носило различный характер: от сдержанного и осторожного, когда отдавалось предпочтение просвещению народа и антирелигиозной пропаганде, не допускающей грубого оскорбления чувств верующих, что в итоге должно было привести к существенному сокращению влияния Церкви на массы, до воинствующего и непримиримого, то есть курса направленного на быстрое вытеснение религии и Церкви из жизни общества, который проводился в первые годы советской власти.

Первым значительным актом Советской России, непосредственно затрагивающим интересы Русской Православной Церкви, был декрет Совета Народных Комиссаров от 20 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно нормам указанного Декрета церковь лишалась всего движимого и недвижимого имущества и права владеть им. Все государственные субсидии церкви и другим религиозным организациям при этом прекращались. Теперь церковные общины могли получать необходимые для совершения богослужения предметы и сооружения только на условиях "бесплатного пользования" и с разрешения местной или центральной властей. При этом, имущество которое Цер-

ковь получала в «в бесплатное пользование» подвергалось обложению налогами по статьям предусмотренным для частного предпринимательства. Во исполнение этого декрета сразу же были закрыты все банковские счета религиозных организаций. Декретом от 20 января 1918 года также запрещалось «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы» [1. С. 279]. Были ликвидированы и все духовные образовательные учреждения. Вводилась гражданская регистрация браков, разводов, рождений и смертей. 6 апреля 1918 года стало известно о создании специальной («ликвидационной») комиссии при наркомате юстиции для проведения в жизнь требований декрета от 20 января 1918 года.

Следует отметить, что борьба с религий до 1929 года носила, в основном, стихийный, неорганизованный характер. Отсчет нового этапа в преследовании церкви можно начать с 1929 года и завершить 1939-1943 гг. В это время существовала планомерная программа по уничтожению церкви, утвержденная государством.

С 1929 по 1938 гг. функционировала комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ЦИК СССР. Эта комиссия явилась первым центральным органом государственной власти, регулирующим государственно-конфессиональные отношения в Советской России. На деле это был главный орган, в котором происходила работа по окончательному уничтожению церкви. 8 апреля 1929 года публикуется Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях». 1 октября 1929 года появляется инструкция НКВД «О правах и обязанностях религиозных объединений». Законодательство 1929 года признает только «двадцатки» граждан, составляющих приход и арендующих здания у местных властей. Подтверждается, что «религиозные объединения и избираемые ими исполнительные органы не имеют прав юридического лица» [2. С. 87]. Религиозные общины и приходы были лишены права производить сбор средств или устанавливать членские взносы и должны были пройти регистрацию в местных органах власти. Решения об открытии новых приходов или о регистрации уже существующих принимали местные власти. Они же могли лишить религиозную общину регистрации. Всякая церковная деятельность вне церковных стен категорически воспрещалась [7. С. 147].

В 30-е годы XX века можно определить как период широкомасштабного атеистического наступления. Находясь в плену марксистских представлений, согласно которым религия есть не более чем надстройка над материальным базисом, в первые годы советской власти в верхах партии и правительства существовало убеждение о том, что религия отомрет по мере развития социализма [3. С. 325]. Реальность показала ошибочность таких представлений. Поэтому Советское правительство, добившись стабильной обстановки в стране, стало закреплять свои достижения и окончательно перековывать общество на новый лад. Церковь, как явление для атеистического общества чуждое, оказалось одной из основных целей этой политики, предназначенных для ликвидации. Поэтому именно в тридцатые годы на православие, как и на другие религии, было обрушено особенно жестокое гонение.

Спектр методов воздействия на религиозные организации был весьма широк: прямое физическое воздействие (расстрелы и аресты духовенства, закрытие и разрушение храмов), атеистическая пропаганда, в первую очередь деятельность Союза воинствующих безбожников и финансовое, в том числе налоговое, удушение, административное давление в самых различных формах.

Результатом антирелигиозной полити-

ки советской власти к концу 30-х годов XX века стало практически полное уничтожение инфраструктуры Русской Православной Церкви. К 1939 году на всей территории СССР на кафедрах оставалось только четыре архиерея при около сотни действующих храмов. [8. С. 97] В большинстве крупных городов оставалось всего лишь по одной открытой церкви, в то время как в более мелких, как правило, не было ни одной.

С сентября 1939 года началось смягчение резко антирелигиозного правительственного курса, в государственной политике появляются элементы религиозной терпимости. Предполагается, что одной из основных причин изменения религиозной политики было присоединение в 1939-1940 годах Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины и Прибалтики в которых более половины населения принадлежали к православной церкви. [5. С. 20] Проводить антицерковную внутреннюю политику, которая имела место на остальной территории СССР, здесь было нереально. Для официальных властей было рискованно нагнетать обстановку в приграничных областях, где перед властью стояли задачи ассимиляции и политической нейтрализации миллионов новых граждан. В результате чего Советское правительство было вынуждено пойти на ослабление нажима на церковь, чтобы не вызвать враждебности населения во вновь приобретенных территориях.

Но действительно значимые коррективы в прежнюю модель государственно-церковных отношений внесла Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Уже 22 июня 1941 года митрополит Сергий (Страгородский), возглавлявший Русскую Православную Церковь, обратился с пастырским посланием, которое в тот же день было разослано по всем церковным приходам страны. В нем митрополит Сергий призывал всех проявить чувство патриотизма и благословлял на защиту Родины.

За словами последовали действия. Во всех имеющихся храмах каждый день шли богослужения, которые больше походили на агитацию и всегда заканчивались призывом к борьбе с фашистскими захватчиками. Всего за годы войны митрополит Сергий написал свыше двадцати воззваний патриотического характера. [5. С. 25]

С первых дней войны приходские общины начали сбор средств в Фонд обороны страны, Красного Креста, на подарки бойцам Красной Армии и их семьям. Духовенство активно включалось в подписку на военные займы. Общая сумма денежных средств, собранная православными верующими за годы войны, составила более 300 млн. рублей. К этому следует добавить значительное число драгоценностей, цветных металлов, облигаций и т.п., переданных верующими в другие патриотические фонды. На средства верующих были созданы танковая колонна имени Дмитрия Донского и эскадрилья боевых самолетов имени Александра Невского. [5. С. 31]

Позиция советского руководства в отношении Церкви с началом войны становилась все более лояльной. С осени 1941 года прекращаются аресты представителей духовенства, начинается освобождение из лагерей отдельных священнослужителей, появились первые случаи восстановления закрытых храмов. Весной 1942 и 1943 годов было дано разрешение на проведение ночных пасхальных служб в церквах Москвы и других городов, объявленных на осадном и военном положении. 5 февраля 1943 года было получено разрешение открыть счет Патриархии в Госбанке.

К началу 1943 года И. В. Сталин и его окружение пришли к окончательному решению о необходимости нормализации отношений между церковью и государством. Это было определено как причинами внутренними (задачей мобилиза-

ции всех сил общества, патриотическими позициями Русской Православной Церкви), так и внешнеполитическими (политикой массового открытия церквей на оккупированных территориях, потребностью сплочения антигитлеровской коалиции и стремлениями к открытию второго фронта).

Главной отправной точкой, сыгравшей переломную роль в развитии взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви, стала встреча И. В. Сталина в Кремле в ночь на 4 сентября 1943 года с тремя церковными иерархами – патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитами Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). В соответствии с устным соглашением, Сталин обещал решить самые насущные для церкви вопросы, такие как: выборы патриарха, открытие новых приходов, освобождение духовенства из лагерей и тюрем, подготовка кадров священнослужителей, возобновление издательской деятельности Московской Патриархии. Церковь, в свою очередь, брала на себя поддержку советской власти, в первую очередь в вопросах внешней политики. [4. С. 188-191]

8 сентября 1943 года на Соборе епископов в Москве Сергий (Страгородский) был избран двенадцатым патриархом Московским и Всея Руси. 12 сентября 1943 года в Богоявленском соборе Москвы состоялась интронизация нового патриарха. В тот же день выходит в свет первый номер возобновленного Журнала Московской Патриархии. Началось массовое открытие церквей и освобождение из заключения священнослужителей. Однако, следует заметить, что количество церквей, открытых в не оккупированных областях сильно отставало от количества церквей, возобновивших свою деятельность на оккупированных территориях. Осенью 1943 года были открыты Московские богословские курсы, а 14 июня 1944 года Богословский институт. В дальнейшем в Русской православной церкви появится 2 духовные академии и 8 духовных семинарий. [4. С. 272] Священнослужители участвовали в чрезвычайных комиссиях по расследованию злодеяний фашистов.

14 сентября 1943 года СНК СССР принял Постановление об образовании Совета по делам Русской православной церкви. Новый орган становился частью системы центральных государственных учреждений и отнесен был к непосредственному ведению Правительства СССР. На местах, в союзных и автономных республиках, краях и областях, учреждались должности уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви, непосредственно реализовывавших функции совета.

7 октября 1943 года было утверждено «Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР». Положение закрепляло за Советом функции по связи между Правительством СССР и Патриархом Московским и всея Руси. Первым главой совета стал полковник госбезопасности Г. Г. Карпов. Фактически деятельность самого руководства Совета носила не только контролирующую роль, но и обладала правом вето во всех действиях Патриархии, порой даже инициировала отдельные церковные события. Патриарх ничего не мог сделать без согласования с Советом. «Советы» и «рекомендации» советских чиновников фактически носили характер приказов. Командная роль Совета по делам Русской православной церкви видна уже из того, что он всегда получал первым копии всех протоколов заседания Священного синода [8. С. 131]. Советское государство рассматривала Церковь как один из инструментов внешней политики и как дополнительный источник пополнения государственного бюджета налогами и взносами в различные фонды.

Данная модель церковно-государственных взаимоотношений, сложившаяся в

годы Великой Отечественной войны, формально противоречила советскому законодательству о культах 1929 года, и предоставляя церкви право на существование ставило всю ее деятельность под жесткий контроль советской власти. Все послабления, данные в годы войны могли быть в любой момент отменены, так как не были закреплены законодательно.

Таким образом, политика Советского государства в отношении Русской Православной в годы Великой Отечественной войны носила двойственный характер. Высокая религиозность населения, патриотическая позиция подавляющего большинства священнослужителей и необходимость использования Церкви во внешней политике побудило власти прекратить преследования и создать для религии в СССР терпимые условия. Но атеистическая марксистская идеология, которой руководствовалось государство, не позволяла обеспечить Церкви достойного и стабильного существования, не способствовала она и законодательному оформлению статуса Церкви в советском обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бычков С. Большевики против Русской Церкви (очерки по истории Русской Церкви 1917-1941 гг., т. II). – М: Sam&Sam, 2006.

2. Кочетова А. С. Документы Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК (1929-1934 гг.) // Отечественные архивы. – 2011. – № 4.

3. Об отношении рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 17. – М.: Издательство политической литературы, 1964-1981.

4. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1998.

5. Православная церковь на Кубани в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Под ред. Е. Н. Фаттаховой. – Краснодар: Диапазон-В, 2005.

6. Русская Православная церковь и право. Комментарий / Гефенидер В. Э., Ильичев М. В., Масляев А. И., Овчинников А. Б. и др. / Отв. ред.: Ильичев М. В. – М.: БЕК, 1999.

7. Советов М. И. Советское законодательство о религиозных культах в 20-30-х гг. XX в.: содержание и практика реализации, споры и дискуссии о реформировании его правовой базы // Свобода совести: исторический и современный аспекты. Выпуск 4. / Сборник статей. – М.: РОИР, 2007.

8. Цыпин В. А. История Русской Православной Церкви 1917-1990. – М.: Издательский отдел РПЦ МП, 1994.

УДК 349.442
ББК 67.404.1
Право

криминология
юриспруденция

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА: РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Доктор экономических наук И. В. Петров

Статья посвящена проблемам правового регулирования института самовольной постройки, который по своей юридической природе является способом приобретения права собственности и санкцией за осуществление строительства с нарушением закона. Автором рассмотрены исторические аспекты развития данного института, а также проведен анализ новелл гражданского законодательства о самовольной постройке.

Ключевые слова
Самовольная постройка, приобретение права собственности, санкция, земельный участок, здание, сооружение, строение

Проблема правового регулирования возведения самовольной постройки не нова. В римском праве все самовольно возведенные строения принадлежали собственнику земли в силу правила superficiem solo cedere (все находящееся на поверхности следует земле) [1, с. 12]. В Институциях Юстиниана было сказано: «Когда кто-нибудь возведет на своей земле постройку из чужого материала, то он же считается и собственником постройки, так как все постройки как вещи придаточные уступают земле как вещи главной…С другой стороны, если кто возведет постройку на чужой земле, то дом делается собственностью того, кому принадлежит земля» [2, с. 466].

Аналогичные нормы действовали в отечественном законодательстве дореволюционного периода. Речь шла о способе приобретения права собственности, суть которого заключалась в том, что движимая вещь, принадлежащая одному лицу, присоединялась к недвижимости другого, а последняя являлась главной вещью. В т. X Свода Законов Российской Империи, в ст. 386 было сказано: «При принадлежности земли и строительного материала различным лицам застроение создает право собственности в лице собственника земли как главной вещи. Сравнительная ценность участка и здания не имеет никакого значения». При этом было необходимо, чтобы связь строения и земли под ним была прочной и неразрывной без нарушения сущности [3, с. 202]. Законодательство регламентировало следующие случаи:

Собственник земли застраивал ее чужим материалом. Именно он приобретал право собственности на постройку, независимо от того являлись ли его действия добросовестными или нет, при этом он

должен был возместить собственнику материала его стоимость и возместить иные убытки.

Собственник материала воздвигал здание на чужом земельном участке. В силу принадлежности постройки главной вещи (земле) право собственности на здание приобреталось собственником земли, который должен был возместить стоимость материала застройщику. Когда собственник земли не соглашался на вознаграждение, собственнику материала предоставлялась возможность отделить его от земли, если это было возможно (т. X, ст. 611). При невозможности отделения постройки от земли, вопрос разрешался в зависимости от добросовестности собственника материала [3, с. 203].

В советский период произошло полное отрицание классического римского принципа «построенное на поверхности следует за почвой». Отдельные правовые аспекты о самовольном строительстве были закреплены в Постановлении СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. № 390 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках» [4]. По требованию местного исполнительного органа самовольные застройщики были обязаны немедленно прекратить строительство и в течение месячного срока своими силами и за свой счет снести возведенные строения или части строений, а также привести в порядок земельный участок. Если застройщик данное требование не выполнял, то по распоряжению исполнительного комитета отдел коммунального хозяйства производил снос самовольно возведенного строения (или его части).

При этом те постройки, которые были возведены либо начаты без соответствующего разрешения до 22 мая 1940 г., подлежали оформлению в установленном порядке, при условии, что они не нарушали утвержденную планировку города, не препятствовали проезду, а также не представляли опасности в пожарном или санитарном отношении.

В дальнейшем последствия самовольной постройки были закреплены в ст.109 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года [5]. Четкое законодательное определение отсутствовало. Самовольной постройкой считался жилой дом, часть жилого дома, дача (часть дачи), которые были возведены гражданином при отсутствии разрешения или надлежаще утвержденного проекта, а при их наличии – с существенными отступлениями от проекта либо с грубым нарушением основных строительных норм и правил.

Исходя из содержания данной нормы, для сноса самовольной постройки либо безвозмездного ее изъятия в собственность государства необходимо было наличие одного из четырех условий: 1) возведение постройки без установленного разрешения; 2) строительство дома без надлежаще утвержденного проекта; 3) существенные отступления от проекта; 4) грубое нарушение основных строительных норм и правил [6, с. 146].

На самовольно возведенную постройку у гражданина не возникало право собственности. Застройщик был лишен возможности на обращение в суд о признании такого права. Пленум Верховного Суда РСФСР разъяснял, что «судам неподведомственны иски о признании права собственности на самовольно возведенный дом (дачу) или часть дома (дачи)» (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении ст.109 ГК РСФСР о безвозмездном изъятии самовольно построенного дома» [7]).

Таким образом, правовыми последствиями возведения самовольной постройки являлось: во-первых, снос постройки; во-вторых, безвозмездное изъятие и зачисление жилого дома (дачи) по решению суда в фонд местного Совета народных депутатов (ст. 109 ГК РСФСР). Однако заинтересованными лицами предъявлялись разно-

образные «смежные» требования, например, о признании права на материалы, полученные при сносе дома, о вселении на ранее занимаемую площадь и т. д. [8, с. 16]

В части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [9] признаки самовольной постройки и негативные последствия ее осуществления закреплены в ст. 222 ГК РФ. В первоначальной редакции самовольная постройка определялась как жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, которое создано на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом или иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных норм и правил.

Содержание нормы ч. 1 ст. 222 ГК РФ в ранее действующей редакции позволял к «постройке» отнести жилой дом, другое строение, сооружение или иное недвижимое имущество, т. е. самовольная постройка законодателем была отнесена к недвижимости. К такому имуществу относится все, что прочно связано с землей, объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно (ст. 130 ГК РФ). Самовольной постройкой признавались и объекты незавершенного строительства, поскольку Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 213-ФЗ [10] в редакцию ст. 130 ГК РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми данные объекты относятся к недвижимому имуществу. Пленумы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в совместном постановлении от 29 апреля 2010 г. № 10/22 (далее – Постановление № 10/22) [11] также разъяснили, что к самовольной постройке относятся объекты незавершенного строительства.

С момента вступления в силу части первой ГК РФ нормы ст. 222 претерпевали изменения в связи с принятием Федерального закона от 30 июня 2006 года № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» [12]. Данным нормативным правовым актом было исключено положение о возможности признания права собственности на самовольную постройку за лицом, осуществившим постройку на не принадлежащем ему земельном участке, при условии, что данный участок будет в установленном порядке предоставлен этому лицу под возведенную постройку (абзац 1 п. 3 ст. 222 ГК РФ в редакции до 1 сентября 2006 года). Незначительным коррективам было подвергнуто первое предложение абзаца 2 п. 3 ст. 222 ГК РФ, в котором после слова «суд» было включена фраза «а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке». Вместе с тем какие-либо нормативные правовые акты не содержат указания на «иной законный порядок» легализации самовольных построек. Да и Федеральный закон от 30 июня 2006 года № 93-ФЗ, в сущности, не предусматривал процедуру признания права собственности, а лишь предлагал механизм упрощенного ввода в оборот самовольно возведенных гражданами объектов недвижимости.

С 1 сентября 2015 г. вступили в силу существенные изменения в положения ГК РФ о самовольной постройке [13]. В новой редакции изменено понятие самовольной постройки, к которой отнесено не только здание и сооружение, но и «другое строение». В свою очередь исключено из п. 1 ст. 222 ГК РФ указание на то, что таким объектом может быть недвижимое имущество.

Нельзя не отметить, что достаточно спорным на протяжении длительного времени являлся вопрос о возможности отнесения к самовольной постройке реконструкции здания, сооружения или другого строения, в результате которой создан новый объект. В постановлении от 29 апреля 2010 г. № 10/22 разъясняется, что положения ст. 222 ГК РФ распространяются на

реконструкцию недвижимого имущества, в результате которой возник новый объект. При этом уточняется, что не относятся к самовольной постройке перепланировка, переустройство (переоборудование) недвижимого имущества, в результате которых не создан новый объект (п. 29.)

Поэтому п. 1 ст. 222 ГК РФ целесообразно дополнить предложением: «К самовольной постройке также относится реконструкция здания, сооружения или другого строения, в результате которой создан новый объект, при условии, что он не может быть приведен в состояние, существовавшее до проведения реконструкции».

В новой редакции исключено указание на то, что нарушение градостроительных и строительных норм и правил должны быть существенным. Поэтому для признания постройки самовольной в настоящее время достаточно выявления любых нарушений градостроительных и строительных норм и правил.

Уточняются условия, при которых право собственности на самовольную постройку может быть признано за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок. При этом данные условия должны существовать одновременно: 1) в отношении земельного участка субъект, осуществивший постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта; 2) на день обращения в суд постройка соответствует параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилами землепользования и застройки или обязательными требованиями к параметрам постройки, содержащимися в иных документах; 3) сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан (п. 3 ст. 222 ГК РФ).

Данные правила отражают сложившуюся многолетнюю судебную практику рассмотрения споров, связанных с самовольной постройкой. Для усиления позиции судов в рамках признания права собственности на самовольную постройку необходимо тщательно подходить к обоснованию наличия не только проектов планировки территорий и правил землепользования и застройки, но и иных документов, в которых могут содержаться параметры строительства, которым соответствует постройка.

Следует учитывать, что при рассмотрении дел по искам, связанным с самовольными постройками, необходимо применять градостроительные и строительные нормы и правила в той редакции, которая действовала на время возведения самовольной постройки. Как известно, действие закона распространяется на правоотношения, возникшие до его вступления в силу только в случаях прямо предусмотренных законом. В связи с несоблюдением данного принципа были правомерно отменены состоявшиеся по делу судебные постановления по иску У. к В. о признании бани самовольной постройкой, обязании ответчика осуществить снос самовольной постройки за свой счет. Президиумом областного суда было указано, что несоответствие места положения построек сторон требованиям СП 30-102-99 в части соблюдения расстояния до границы соседнего приквартирного участка, а также СНиП 2.07.01-89 в части расстояний между строениями, не могло служить основанием для сноса построек как самовольных, поскольку на время их возведения названные нормативные акты не были приняты и, соответственно, застройщик не мог их нарушить [14].

Подводя итог, можно сказать, что институт самовольной постройки по действующему законодательству, с одной стороны является способом приобретения права собственности, а с другой – санкцией за осуществление строительства с нарушением закона. С позитивной стороны следует оценить новеллы гражданского законодательства о самовольной постройке. Вместе с тем в них нашли отраже-

ние не все правила, сложившиеся в судебной правоприменительной практике. В частности, к самовольной постройке следует отнести реконструкцию здания, сооружения или другого строения, в результате которой создан новый объект, за исключением случаев перепланировки, переустройства (переоборудования) недвижимого имущества, в результате которых не создан новый объект.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гумилевская О. В. Основания признания права собственности на самовольную постройку: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – С. 12.

2. Институции Юстиниана / Пер. с лат. Д. Расснера. Под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. – М., 1998. – С. 466.

3. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). – М.: Фирма «СПАРК», 1995. – С. 202.

4. О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках: Постановление СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. № 390 (документ утратил силу) // СП РСФСР. – 1940. – № 11. – Ст. 48.

5. Гражданский кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (документ утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

6. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / Под ред. С. Н. Братуся, О. Н. Садикова. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 146.

7. О некоторых вопросах, возникающих в практике судов при применении ст.109 ГК РСФСР о безвозмездном изъятии самовольно построенного дома: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1975 г. № 2 (документ утратил силу) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1975. – № 6. – С. 7.

8. Утка В. Правовые последствия самовольной постройки// Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 16.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г. № 216-ФЗ, № 268-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2015. – № 29 (ч. 1). – Ст. 4342; Ст. 4394.

10. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 213-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005.– № 1 (ч. 1). – Ст. 39.

11. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. // Российская газета. – 2010. – 21 мая. – № 109.

12. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества: Федеральный закон от 30 июня 2006 года № 93-ФЗ (ред. 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 27. – Ст. 2881; 2014. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3377.

13. О внесении изменений в статью 222 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (ч. 1). – Ст. 4384.

14. Обзор судебной практики по делам связанным с самовольным строительством, утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 19 марта 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 6.

ЮЖНЫЙ ИНСТИТУТ МЕНЕДЖМЕНТА[1], г. КРАСНОДАР
КУБАНСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИОЭКОНОМИКИ И ПРАВА[2]
(ФИЛИАЛ) АКАДЕМИИ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
г. КРАСНОДАР

УДК 347.23
ББК 67.404.06
Право

криминология
юриспруденция

СООТНОШЕНИЕ САМОЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ, УДЕРЖАНИЯ И САМОУПРАВСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Доктор экономических наук И. В. Петров[1]
Кандидат юридических наук И. И. Дементеева[2]

В статье дан анализ различных взглядов ученых по поводу дискуссионных вопросов о правовой природе права удержания как способе обеспечения исполнения обязательств, его соотношении с самозащитой, самоуправством, возможности удержания недвижимого имущества.

Ключевые слова
Кредитор, должник, недвижимое имущество, самозащита, способ обеспечения исполнения обязательств, удержание.

Защита гражданских прав предполагает совершение действий, направленных на предупреждение и пресечение нарушений этих прав, а также на обеспечение восстановления положения, существовавшего до нарушения права [1, с. 306].

Традиционно в доктрине гражданского права выделяют две формы защиты гражданских прав: юрисдикционную и неюрисдикционную. Под юрисдикционной понимают защиту гражданских прав путем обращения к компетентным органам. В соответствии с п. 1 ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] такая защита осуществляется судом общей юрисдикции, арбитражным, третейским судами. Неюрисдикционная форма означает, что защита гражданских прав осуществляется субъектом самостоятельно, без обращения к компетентным органам, например путем самозащиты.

Повышение эффективности гражданского оборота в России требует, прежде всего, кардинального решения вопросов, которые связаны с обеспечением договорных обязательств и защитой прав участников данных отношений. Юрисдикционная форма защиты по своей процедуре является достаточно длительной, зачастую возникает необходимость в возбуждении исполнительного производства. При этом в цивилистической доктрине не сформирована окончательная концепция способов обеспечения исполнения обязательств. Существуют различные подходы, как к определению исходного понятия способов обеспечения исполнения обязательств, так и систематизации входящих в него институтов, а также к решению вопроса о соотношении их с другими гражданско-правовыми институтами [3, с. 66]. Эта общая проблема порождает и частные. Так, определенный интерес у уча-

стников договорных обязательств вызывают два правовых института – удержание как способ обеспечения исполнения обязательств и самозащита как способ защиты гражданских прав. Однако соотношение данных правовых институтов трактуется различным образом, отсутствует легальное законодательное определение самозащиты гражданских прав, сложилась противоречивая судебная практика по данным вопросам.

Рассмотрим эти аспекты на конкретном примере. Так, между сторонами был заключен договор аренды, возникло обязательственное правоотношение. Учитывая, что арендатор на протяжении нескольких месяцев не выплачивал арендную плату, арендодатель с целью защиты своего права открыл помещение, сдаваемое в аренду, и захватил имущество должника с целью стимулировать последнего к исполнению своей обязанности. Арендатор обратился в правоохранительные органы с заявлением о совершении хищения имущества.

Возникают вопросы: можно ли рассматривать действия арендодателя как самозащиту либо в качестве такого обеспечительного средства как удержание имущества должника? Следует ли расценивать в качестве самозащиты действия арендодателя по замене замка, с целью лишения арендатора доступа к имуществу?

Для ответа на эти вопросы, необходимо провести сравнительный анализ самозащиты гражданских прав и удержания. В юридической литературе на протяжении длительного времени этот вопрос вызывает острую дискуссию. Первая точка зрения, представителями которой являются Е. Е. Богданова, Б. Д. Завидов, В. А. Хохлов и др., расценивает удержание имущества в качестве самозащиты гражданских прав. Можно назвать конкретные нормы гражданского права, которые закрепляют возможность правомерного удержания имущества. В частности, ст. 712 ГК РФ [4] предусматривает, что в случаях неисполнения заказчиком обязанности оплатить предусмотренную договором цену либо иную сумму, которая причитается подрядчику, последний имеет право на удержание результата выполненной работы, оборудования, остатка неиспользованного материала, а также иного имущества, которое находится у него, вплоть до уплаты заказчиком причитающихся сумм.

Представители другой позиции (Б. М. Гонгало, С. В. Сарбаш, Н. В. Южанин и др.) высказываются о различной юридической природе удержания и самозащиты.

При этом вопрос о том, какими способами должна осуществляться самозащита гражданских прав является открытым, поскольку легальное законодательное определение самозащиты в ст. 14 ГК РФ отсутствует. В результате в отечественной доктрине сложилось понимание самозащиты в узком и в широком смыслах.

Рассматривая самозащиту в узком смысле слова, В. П. Грибанов делает ряд выводов: самозащита возможна только в абсолютных, внедоговорных отношениях; она может иметь место только в ситуациях, когда есть опасность и наличность посягательства; отсутствует возможность обратиться за помощью в юрисдикционные органы. Поэтому к способам самозащиты он относит – необходимую оборону, крайнюю необходимость и меры превентивно-предупредительного характер, т. е. устройство замков, запоров, охранной сигнализации [5, с. 119].

Исходя из этой позиции, в приведенном примере в действиях арендодателя отсутствует самозащита гражданских прав, поскольку речь идет о договорных обязательствах и должна использоваться юрисдикционная форма защиты путем обращения в суд.

В широком смысле содержание самозащиты включает любые способы, к которым, как уже было сказано, относят необходимую оборону, крайнюю необходи-

мость, а иногда и меры оперативного воздействия. Хотя последние названные меры в большей степени отвечают признакам обеспечительных средств.

Таким образом, меры оперативного воздействия должны быть предусмотрены законом или договором. Так, общая норма, касающаяся мер оперативного воздействия, связанная с исполнением обязательств за счет должника установлена ст. 397 ГК. В ней сказано, что в случае неисполнения должником обязательства по изготовлению и передаче вещи в собственность (ином вещном праве), либо по передаче вещи в пользование контрагенту, либо по выполнению для него определенной работы (оказанию услуги), кредитор имеет право в разумный срок поручить исполнение подобного обязательства иным лицам за разумную цену либо выполнить его собственными силами, если иное не вытекает из закона, иных нормативных правовых актов, договора либо существа обязательства, и требовать от должника возмещения понесенных им необходимых расходов, а также других убытков. Применение мер оперативного воздействия может быть конкретизировано в нормах гражданского законодательства, которые регулируют отдельные виды обязательств. В положениях о договоре аренды предусмотрены лишь нормы по досрочному расторжению договора в судебном порядке (ст. ст. 619, 620 ГК РФ).

В этом контексте следует обратить внимание на вопрос о рассмотрении проекта Гражданского уложения Российской Империи, в ходе которого активно обсуждался вопрос о закреплении в российском законодательстве такого способа самозащиты как «самопомощь». Институт самозащиты был урегулирован тремя статьями, две из которых (ст. ст. 99, 100) были посвящены необходимой обороне и крайней необходимости. В ст. 101 было сказано, что лицу, которому угрожает опасность лишиться возможности осуществления своего права в случаях, когда он не имеет возможности получить соответствующую помощь от местной власти, разрешается удержание вещей обязанной стороны с целью понуждения ее к исполнению своего обязательства. Также разрешалось задержание должника при необходимости установления его личности. При этом о задержании вещи обязанного лица следовало немедленно сообщить местному суду, одновременно предъявив иск с просьбой наложить арест на это имущество, а в случае задержания лица, требовалось немедленно заявить об этом ближайшему органу полиции [6, с. 106].

Как видим, условия применения такого способа, как самопомощь были связаны с невозможностью получения своевременной защиты от местной власти.

В качестве способа защиты самопомощь нашла закрепление в Германском гражданском уложении 1900 г., в § 229, из содержания которого следовало, что лицо, которое в целях самопомощи изымает, уничтожает либо повреждает имущество либо задерживает обязанное лицо, которое пытается скрыться, устраняет сопротивление обязанного лица не действует противоправно, если нет реальной возможности своевременно прибегнуть к помощи компетентных органов, а также существует опасность, что без немедленного вмешательства осуществление требования станет невозможным либо затруднительным [7, с. 193].

Вместе с тем, в современной юридической практике данная норма почти не применялась. Это объясняется тем, что гражданско-процессуальное законодательство Германии позволяет в течение двух часов добиться вынесения предварительного решения, которое принимается судьей единолично. После этого судебный исполнитель на основании судебного решения осуществляет изъятие вещи либо задержание лица.

Помимо этого, не стоит забывать, что способы самозащиты должны быть сораз-

мерны нарушению. Они не могут выходить за пределы тех действий, которые необходимы для его пресечения (ст. 14 ГК РФ). Высшие судебные инстанции разъясняют, что при разрешении споров, которые возникли в связи с защитой субъективных гражданских прав путем самозащиты необходимо учитывать, что самозащита не является правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения, а причиненный либо возможный вред является более значительным, чем предотвращенный [8].

По мнению А. М. Эрделевского указание на явный характер несоответствия самозащиты способу и характеру нарушения обусловлен тем, что соразмерность в ст. 14 ГК означает не эквивалентность нарушения и последствий действий по самозащите, а их сопоставимость, включая требования разумности и справедливости. Автор полагает, что здесь должны учитываться не только действия, которыми осуществляется самозащита, но и их последствия. Хотя в ст. 14 ГК РФ речь идет только о действиях, соразмерность действий нарушению предполагает именно соразмерность между нарушением гражданских прав и последствиями действия, с помощью которого нарушается субъективное право [9, с. 46].

Опираясь на положения вышеупомянутого постановления, автор приходит к убеждению, что Пленум выделил два обстоятельства, при наличии которых самозащита не является правомерной. Во-первых, если самозащита явно не соответствует способу и характеру нарушения, однако причиненный в результате подобной самозащиты вред не превышает вреда предотвращенного, то, соответственно, она может считаться правомерной. Во-вторых, обратный вариант тоже не колеблет правомерности самозащиты. Проблема установления правомерности самозащиты, заключается в установлении соразмерности нарушения и последствий самозащиты. Наиболее остро эта проблема проявляется в ситуациях пресечения действий преступного характера. Так при оценке вреда причиненного жизни и здоровью гражданина либо имущественным правам, он полагает, следует ориентироваться на главу вторую Конституции РФ, в соответствии с которой неотчуждаемые права, принадлежащие гражданину, считаются основными [10].

В этом контексте следует обратить внимание, что в юридической литературе дискуссионным является вопрос о соразмерности стоимости удерживаемой вещи и обязательства, которое обеспечивается. В законе указания о подобной соразмерности отсутствуют, а это означает, что удерживать можно любую вещь. Данной точки зрения придерживается С. В. Сарбаш. Он полагает, что если согласиться с мнением о том, что право удержания относится к самозащите, то ретентор применяя право удержания, должен оценивать, соответствует ли оно в данном случае нарушению, т. е. его способу и характеру, а также, не причинит ли он должнику больший вред, чем размер его собственных требований. Подобная оценка является крайне затруднительной. Так, предмет удержания может быть объектом какого-либо обязательства должника, по которому он может оказаться обязанным платить неустойку или убытки своему контрагенту, из-за нарушения по его поставке (передаче). В большинстве случаев ретентор не будет иметь сведений о возможных убытках должника и, соответственно, не сможет учитывать их при реализации своего права. Очевидно, что такой режим для права удержания неприемлем, поскольку при таких условиях просто невозможно было бы применить его без риска понести еще большие убытки, чем в случае выдачи вещи должнику [11, с. 226].

По мнению Е. П. Марисиной необходимо дополнить ГК РФ новой нормой о том, что в случае явной несоразмерности требований кредитора по сравнению со

стоимостью удерживаемого имущества, кредитору может быть отказано в обращении взыскания на данное имущество [12, с. 9].

Неоднозначно решается и вопрос о том, может ли удерживаться недвижимое имущество. В статье 359 ГК РФ речь идет об удержании вещи. Как известно, понятие «вещь» включает в себя как движимые, так и недвижимые вещи. Анализ ст. 359 ГК РФ и ст. 360 ГК РФ, регламентирующей порядок обращения взыскания на удерживаемое имущество, позволяют прийти к выводу, что никаких ограничений для удержания недвижимого имущества нет.

Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [13] не содержит исчерпывающего перечня ограничений (обременений), подлежащих государственной регистрации и признаков, позволяющие разграничить такие ограничения (обременения) с теми, регистрация которых не требуется. В частности, в данном законе вообще не упоминается об удержании недвижимой вещи должника.

В науке сложилось две противоположные позиции по данной проблеме. Представители одной из них категорически возражают против включения в круг предметов удержания недвижимого имущества. Так, М. И. Брагинский, В. В. Витрянский полагают, что сделки с землей и иным недвижимым имуществом подлежат государственной регистрации, а ст. 131 ГК РФ и другие законы не включают право удержания в перечень обременений недвижимого имущества, что не позволяет считать недвижимое имущество предметом удержания [14, с. 448].

С. В. Сарбаш, полагает, что поскольку законодатель не конкретизировал положения об удерживаемой вещи, то она может быть любой [15, с. 95].

Научный интерес представляет еще одна точка зрения. Если традиционно правом удержания можно было воспользоваться в таких договорах как хранение, перевозка, комиссия, подряд, поручение, то в настоящее время оно стало общегражданским способом, а поскольку в гражданский оборот введены новые виды договоров, следует полагать, что право удержания может быть применено и к недвижимой вещи по другим видам договоров. Показательным в этом плане является договор ренты. Данный договор направлен на охрану слабозащищенной стороны, которой, по смыслу законодателя, является получатель ренты, и суды в основном становятся на защиту прав получателя ренты. На практике же не редки случаи, когда договор расторгается по иску получателя ренты без достаточных на то оснований. Зачастую в таких случаях плательщик ренты понес значительные расходы на неотделимые улучшения недвижимой вещи, которые не всегда представляется возможным вернуть. Достаточно эффективным способом защиты прав добросовестного плательщика рентных платежей может оказаться применение института удержания к данному обязательству. Если ответчик в судебном процессе о расторжении договора ренты заявил об удержании вещи для обеспечения права на компенсацию произведенных им улучшений, это должно влечь последствия, предусмотренные ст. ст. 359, 360 ГК РФ. Представляется правильным, что применение в этой ситуации права удержания в значительной мере стабилизирует рентные отношения и сократит злоупотребления в этой сфере. Право удержания может с успехом применяться и по другим договорам, связанным с возвратом недвижимой вещи, на которую были произведены неотделимые улучшения, и которые должник отказывается возмещать их стоимость, например, по договору аренды, ссуды, найма жилого помещения [16, с. 80].

Таким образом, поскольку законодатель не исключил недвижимое имущество из объектов права удержания (ст. 359

ГК РФ), но обошел вниманием вопрос о необходимости государственной регистрации удержания, как обременения, можно вести речь о возможности применения удержания недвижимого имущества для обеспечения исполнения обязательств. Правильность данной позиции подтверждается тем фактом, что с 1 июня 2015 г. вступает новый блок изменений в ГК РФ [17], новое название § 4 главы 23 не «Удержание», а «Удержание вещи». Но следует отметить, что имеется необходимость совершенствования правого регулирования этого института. Речь идет не о необходимости регистрационного режима, а о том, как в отсутствие правил о государственной регистрации формализовать начало удержания вещи, ведь именно с этого момента встанет вопрос о возмещении издержек, понесенных на вещь в процессе ее удержания, о распределении прав и обязанностей сторон в правоотношении по удержанию. Поэтому, в ст. 359 ГК РФ необходимо закрепить обязанность кредитора уведомить должника с момента неисполнения последним обязательства о том, что он применяет в отношении находящейся в его владении вещи ее удержание.

Следовательно, удержания чужого имущества, как обеспечительного средства, в рассматриваемом примере также не усматривается. В подтверждение сказанного следует привести п. 14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 [18] в котором разъяснено, что право на удержание вещи должника появляется у кредитора (арендодателя) лишь в том случае, когда спорная вещь оказалась в его владении на законном основании. Поэтому возможность удержания не может быть следствием захвата имущества должника помимо его воли. Удержание арендодателем вещи, полученной подобным способом, является незаконным. Здесь же сказано, что арендодатель имеет право на удержание принадлежащего арендатору оборудование, которое осталось в арендованном помещении после прекращения договора, в обеспечение исполнения обязательства арендатора по внесению арендной платы за данное помещение.

Таким образом, в случае заключения договора аренды между сторонами возникает обязательственное правоотношение и соответственно, должны использоваться обязательственно-правовые способы защиты путем обращения в суд. Удержание является обеспечительным способом защиты договорных отношений, но правомерность является необходимым условием удержания.

Возможность удержания не может быть следствием захвата имущества должника помимо его воли, и, соответственно, удержание арендодателем вещи, полученной подобным способом, является незаконным. При несоблюдении условий правомерности действия арендодателя могут быть квалифицированы как наказуемые в уголовном или административном порядке, т. е. в качестве самоуправства.

Нормы о способах обеспечения обязательств нуждаются в совершенствовании, в частности, целесообразно закрепить:

– положение о том, что в случае явной несоразмерности требований кредитора по сравнению со стоимостью удерживаемого имущества, кредитору может быть отказано в обращении взыскания на удерживаемое имущество;

– обязанность кредитора уведомить должника с момента неисполнения последним обязательства о том, что кредитор применяет в отношении находящейся в его владении вещи удержание.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гражданское право. Учебник в 2 ч. – Ч. 1/ Под ред. В. П. Камышанского, Н. М.

Коршунова, В. И. Иванова. – М., 2012. – С. 306.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 6 апреля 2015 г. № 80-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2015. – № 14. – Ст. 2020.

3. Лазаренкова О. Г. Взгляды современных исследователей на соотношение права удержания и самозащиты гражданских прав // Юридическая мысль. – 2006. – № 5. – С. 66.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 6 апреля 2015 г. № 82-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410; 2015. – № 14. – Ст. 2022.

5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. – М: Статут, 2000. – С. 119.

6. Гражданское уложение. Проект / Под ред. И. М. Тютрюмова. – Т. 1. – СПб., 1910. – С. 106.

7. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. – СПб., 1894. – С. 193.

8. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление № 6/8 Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 года // Вестник ВАС РФ. – 1996. – № 9. – С. 2.

9. Эрделевский А. М. Самозащита гражданских прав // Юридический мир. – 1998. – № 8. – С. 46-47.

10. Там же. – С. 46-47.

11. Сарбаш С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 226.

12. Марисина Е. П. Право удержания в гражданском праве России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 9.

13. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 6 апреля 2015 г. № 82-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3594; 2015. – № 14. – Ст. 2022.

14. Брагинский М., Витрянский В. Договорное право: Книга первая: Общие положения. – М.: Статут, 2011. – С. 448.

15. Сарбаш С. В. Некоторые аспекты применения права удержания // Вестник ВАС РФ. – 1997. – № 11. – С. 95.

16. Лазаренкова О. Г. Удержание недвижимого имущества: теория и практика // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 34. – С. 80.

17. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.

18. Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 3.

19. Симатова Е.Л. Пределы осуществления гражданских прав в свете эволюции принципа автономии воли сторон договорных правоотношений // Власть Закона. – 2013. – № 4(16). – С. 72-78.

20. Шаповал О. В. Источники права в дискурсе историко-правовых и сравнительно-правовых исследований // Общество и право (Краснодар). – 2012. – № 3. – С. 17-19.

21. Зелик В. А. Соотношение состава превышения должностных полномочий со смежными составами // Социально-экономический ежегодник. 2013. – Краснодар: ЮИМ, 2013. – С. 87-93.

НИЖЕГОРОДСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ
г. НИЖНИЙ НОВГОРОД

УДК 349.3
ББК 67.405.212.1
Право

ПЕНСИОННЫЕ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА I

Кандидат юридических наук С. А. Торопкин

В период правления Александра I произошли значительные изменения в системе пенсионного обеспечения, которые проявились в установлении новых правил назначения пенсий, расширении круга лиц, имеющих право на пенсию, возникает система негосударственного пенсионного обеспечения. Все эти реформы определили будущее развитие пенсионной системы России.

Ключевые слова
Пенсии, пенсионная реформы, Александр I, Александровский комитет, военные инвалиды

По известной традиции каждый российский царь получал свое неофициальное, народное звание: «грозный», «тишайший», «великий», «освободитель»... Императора Александра I принято называть «реформатор» или «благословенный». Первая половина царствования Александра I действительно отмечена многими важными реформами государственного и общественного устройства среди которых особо следует отметить и реформы пенсионного обеспечения. В период правления Александра I, с одной стороны, была существенным образом пересмотрена система государственных пенсий, а, с другой, была оформлена система государственно-частного пенсионного партнерства.

Либеральный характер реформ Александра I проявился в существенном расширении круга получателей пенсии, в первую очередь, за счет изменения принципа предоставления пенсий за выслугу лет и за особые заслуги. Если ранее, при Екатерине II сложилась практика когда пенсия предоставлялась, как правило, с ведома и согласия монарха, то Александр I вводит систему назначения пенсий при наличии юридических фактов, указанных в законе. Однако, нормотворчество в сфере пенсионного обеспечения осуществляется по принципу издания отдельных нормативных актов по каждому ведомству: по придворному ведомству 4 августа 1802 г.; по лесному ведомству 17 марта 1803 г.; по Академии Наук 25 июля 1803 г.; по Университетам (Московскому, Харьковскому, Казанскому) 5 ноября 1804 г.; по горному ведомству 13 июля 1806 г.; по Войску Донскому 16 декабря 1811 г.; по министерству путей сообщения 20 октября 1816 г.; по медицинскому ведомству 30 июня 1819 г. и т. д. Всего при Александре I принимается более 40 различных нормативно-пра-

вовых актов, регулирующих вопросы пенсионного обеспечения, в которых определялись сроки выслуги пенсий, их размер, правила назначения и порядок выплаты.

Новеллой пенсионного законодательства стало введение с 1803 года пенсий по выслуге лет для армейского генералитета, штаб и обер-офицеров. Согласно императорскому указу, отставным офицерам, имевшим право на пенсию за 20 лет службы, присваивается старое инвалидное содержание, за 30 лет – пенсия в размере 1/2 оклада жалованья по последней службе, за 40 лет – пенсия в размере полного жалования. Причем «отставленные за ранами и болезнями» могли получать пенсию в размере 1/2 оклада и за 20 лет службы [1].

Существенно изменяется государственное пенсионное обеспечение инвалидов. В указе от 23 февраля 1803 года необходимось реформирования системы пенсионного обеспечения инвалидов объяснялась тем, что, во-первых, прежнее «инвалидное содержание...составляя третью часть окладов по штатам 1763 года положенных с ценами настоящими несоразмерно», а во-вторых, что прежний порядок не учитывает сроки выслуги до выхода в отставку по инвалидности [2].

В зависимости от срока службы и причин отставки устанавлилось три категории инвалидов-пенсионеров. В первую категорию входили инвалиды прослужившие на военной службе безпорочно 20 лет или же совершенно неспособные к военной службе и определенные в инвалидные команды, а также те «которые по той или иной причине впредь по отставке из полков и батальнонов в сей класс содержания с рассмотрения определяемы будут». Данная катерия получала «высший инвалидный оклад» – третью часть жалования по чинам Мушкетерских полков по штатам 1802 года.

Вторая категория включала тех инвалидов, кто не выслужив 20 лет вышел в отставку по собственному желанию или без желания, но «не по судам». Их пенсия по инвалидности устанавливалась в размере третьей части окладов по штатам 1763 года – «средний инвалидный оклад».

В третью категорию инвалидов попадали те, кто «по суду были отставлены от службы». Для них пенсия устанавливалась по соображениям «человеколюбия» как «некоторый способ к пропитанию» в размере двух третей среднего инвалидного содержания – «нижний инвалидный оклад».

Таким образом, реформа Александра I упраздняла количественные лимиты («комплекты») для назначения пенсий военным инвалидам. А также повышала пенсионные оклады отдельным категориям пенсионеров. Правда распространялся данный порядок лишь на старших (штаб- и обер-) офицеров. Имущественное положение инвалида как и прежде учитывалось при назначении пенсии, – на пенсии могли расчитывать только инвалиды «неимеющие собственного пропитания».

Отечественная война 1812 года оказала огромнейшее влияние на развитие российского пенсионного права. На волне патриотического подъема вызванного, победой в Отечественной войне 1812 года, усилилось общественное внимание к судьбам людей, пострадавших в войнах. Собираются средства, формируются капиталы, создаются общественные организации, целью которых становится материальная поддержка лиц, не имеющих достаточных средств к существованию. Так, по частной инициативе коллежского советника П. П. Пезаровиуса, был образован инвалидный капитал, который сформировался из пожертвований собиравшихся в редакции начатого им в 1813 году издания «Русский инвалид», а частью из доходов от самого издания газеты. Пезаровиус П. П. на доходы издаваемого им журнала, т. е. другими словами, из своих собственных средств, содержал 1200 инвалидов.

В 1813 году русско-прусские войска разгромили корпус французского генерала Вандама под городом Кульм (ныне Хлумец). В честь этой победы Александр I одобрил создание «Комитета Высочайше учрежденного в 18 день августа 1814 года», который впоследствии именовался «Комитетом призрения заслуженных воинов» (с 19 марта 1858 года), а затем (с 12 декабря 1877 года) «Александровским комитетом» по случаю столетия со дня рождения, учредившего эту структуру императора. В инвалидный капитал Александровского комитета поступали пожалования от членов императорской фамилии, пожертвования частных лиц, а также ряд поступлений, указанных в законе [3, с. 48-52]. Инвалидный капитал, сформированный П. П. Пезаровиусом также поступил в распоряжение Александровского комитета [4]. Пенсии инвалидам выплачивались за счет процентов, полученных от использования инвалидного капитала.

Пенсионное обеспечение инвалидов Александровским комитетом стало отдельной системой пенсионного обеспечения, по своей природе имевшей характер государственно-частного партнерства и функционировавшей наряду с государственным пенсионным обеспечением.

В конце своего царствования Александр I писал: «Учреждением Комитета 18 августа 1814 г. обеспечены по возможности заслуженные военные офицеры в их нуждах и недостатках. По средством сего Комитета изувеченный находит справедливо заслуженное им вспомоществование и сирота павшаго на брани Отечества, пользуется надежным покровительством» [5]. Вместе с тем, император заметил, что, несмотря на заслуги, многие гражданские чиновники «не имеют средств к приличному содержанию». Поэтому было признано необходимым создать аналогичный комитет и для гражданских чиновников. Данный комитет поличил название – «Призренная заслуженных Гражданских Чиновников».

Основой финансовых средств Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников стал один миллион рублей, который был выделен из инвалидного капитала Александровского комитета, а также в его пользу были обращены сборы с гражданских чиновников, которые раньше поступали в инвалидный капитал. Комитет назначал пенсии и пособия тем отставным гражданским чиновникам, которые «лишась сил от трудов» не имели средств к «приличному себя содержанию» [5].

Пенсии Александровского комитета и Комитета призрения заслуженных гражданских чиновников стали дополнительными мерами социальной защиты инвалидов и семей служащих в случае потери кормильца. Данные виды пенсий назначались помимо государственных, позволяли оказывать помощь действительно нуждающимся. При этом, средства учрежденных Александром I фондов ежегодно возрастали, что позволяло увеличивать количество призреваемых лиц и повышать их пенсии.

Таким образом, следует заключить, что в сфере пенсионного обеспечения Александр I стал действительным «реформатором». Его реформы позволили существенно расширить круг пенсионеров, – пенсионное обеспечение хотя и не стало всеобщим, но стало распространяться на значительно более широкий чем прежде круг государственных служащих. Пенсия из награды монарха постепенно превращается в заслуженное право. Создаются механизмы государственно-частного пенсионного обеспечения, дополнившие систему государственного пенсионирования. Однако, недостатком изданных в период правления Александра I нормативно-правовых актов является их разрозненный, казуальный характер, что обусловило необходимость будущей кодификации пенсионного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О сроках службы к награждению отставляемых генералитета, штаб и обер-офицеров армейских: Именной указ. № 20770. 21 мая 1803 года // ПСЗРИ (СПб.). – 1830. Собрание I. – Т. XXVII.

2. Об определении инвалидного содержания Штаб и Обер-Офицерам, выходящим в отставку и неимеющим собственного пропитания: Именной указ, данный Военной Коллегии. № 20631. 23 февраля 1803г. // ПСЗРИ (СПб.). – 1830. – Собрание I. – Т. XXVII.

3. Бережков Д. И. Александровский комитет о раненых. Исторический очерк. – СПб., 1902.

4. О принятии в казенное распоряжение капитала, собранного коллежским советником Пезаровиусом изданием ведомостей, именуемых Русский Инвалид, и об отдаче в распоряжение Комитета, учрежденного 1814 года августа 18 дня, для приобщения к прочему инвалидному капиталу: Именной данный Сенату указ. № 26036. 21 декабря 1816 г. // ПСЗРИ (СПб.). – 1830. Собрание I. – Т. XXXIII.

5. Об учреждении особого Комитета под названием: Призрения заслуженных Гражданских Чиновников: Именной указ. № 29326. 21 февраля 1823 г. // ПСЗРИ (СПб.). – 1830. – Собрание I. – Т. XXXVIII.

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛИАЛ В г. СЫЗРАНИ

УДК 343.611:341.4
ББК 67.408
Уголовное право

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ США

Кандидат юридических наук К. В. Третьяков

Статья посвящена изучению позиции американского уголовного права относительно квалификации нескольких преступлений, совершенных одним лицом. В ходе исследования освещаются исторические предпосылки формирования сложившейся в США системы множественности преступлений и проводится сравнительный анализ российского и американского уголовного законодательства в данной области правоотношений, с учетом особенностей национальных правовых систем РФ и США. Выявлена схожесть отдельных подходов, касающихся классификации подобных деяний и определена суть имеющихся расхождений.

Ключевые слова
Множественность преступлений, конкуренция норм, совокупность, уголовное право США, сравнение уголовного законодательства.

Правовая оценка совершения виновным лицом нескольких преступлений, именуемая в уголовном праве РФ «множественность преступлений», в американском уголовном праве имеет свои характерные особенности. Это обусловлено тем, что правовая система США унаследовала от английского уголовного права доктрину слияния (поглощения) преступных посягательств (Merger doctrine), суть которой заключается в следующем. В англо-саксонской правовой семье принято деление преступных посягательств на две группы: фелонии (felony) и менее тяжкие правонарушения – мисдиминоры (misdemeanor). Согласно указанной доктрины считалось, что в случае одновременного совершения фелонии и мисдиминора, фелония как бы поглощает мисдиминор и поэтому применялся порядок судебного разбирательства, характерный для рассмотрения фелонии.

В настоящее время подобные процессуальные особенности значения не имеют, однако – в американском уголовном праве прочно закрепилось правило квалификации поглощенных преступлений (Lesser included offense), в соответствии с которым более тяжкое преступление содержит в себе одно или несколько менее тяжких деяний (Lesser offense). К примеру, умышленное убийство включает в себя убийство по неосторожности и т. д. В свою очередь, при недоказанности основного обвинения, виновное лицо может быть осуждено за входящие в состав основного посягательства «включенные» (или «поглощенные») преступления. По

этой причине подсудимому вменяется в вину вся цепочка посягательств – и основное и поглощенные, если таковые имеются. При этом следует отметить, что хотя 5-я поправка к Конституции США и гласит, что ни одно лицо не может быть дважды осуждено за одно и то же преступление [1], но на уровне законодательства отдельных штатов допускается возможность одновременного осуждения как за основное, так и за поглощенное посягательство.

С целью анализа американского уголовного права предлагаем обратиться к Примерному уголовному кодексу США. Согласно ч. 1 ст. 1.07 этого документа виновное лицо не может быть осуждено более, чем за одно посягательство, если это посягательство поглощается другим [3].

При этом, имеется ряд альтернативных условий, свидетельствующих о наличии поглощенного посягательства:

1) оно должно подтверждаться доказательствами в объеме, достаточном для установления вины подсудимого в совершении этого преступления;

2) оно состоит в покушении на совершение посягательства, вменяемого в вину, или в подстрекательстве к такому посягательству, или в покушении на совершение посягательства, иным образом поглощенного посягательством, вменяемым в вину, или в подстрекательстве к такому посягательству;

3) оно отличается от посягательства, вменяемого в вину, только в том отношении, что для его совершения достаточно причинения менее тяжкого ущерба или создания меньшей опасности причинения ущерба тем же самым личности, имуществу или публичному интересу, или достаточно меньшей виновности (ч. 4 ст. 1.07) [3].

Помимо вышеизложенного, в соответствии с Примерным УК множественность преступлений отсутствует и подсудимый не может быть осужден более чем за одно посягательство, в следующих случаях.

1) Если это посягательство состоит всего лишь в сговоре или в какой-либо иной форме приготовления к совершению другого посягательства. Здесь следует отметить, что сговор (Criminal conspiracy) заключается в договоренности нескольких лиц в будущем совершить одно или несколько преступлений, при этом моментом окончания преступления и обязательным условием наступления уголовной ответственности для всех участников сговора, является совершение хотя бы одним из участвующих лиц действия, явно направленного на выполнение договоренности (Overt act). Подобные деяния имеют нечто общее с понятием усеченного состава преступления в российском уголовном праве (напр. ст. 209 УК РФ – «Бандитизм»).

2) Для установления вины подсудимого в совершении нескольких посягательств требуется установление несовместимых друг с другом фактов. Подобное явление довольно подробно описывал В. Н. Кудрявцев, относя такие составы преступления к категории смежных [2]. К примеру, при хищении не могут одновременно присутствовать два взаимоисключающих признака –- тайность и открытость действий виновного.

3) Посягательства отличаются друг от друга только тем, что одно из них определено так, что определение запрещает данный род поведения вообще, тогда как другое определено так, что определение запрещает конкретный вид этого поведения. В данном случае мы видим конкуренцию общей и специальной норм.

4) Посягательство определено как длящееся поведение и поведение подсудимого было непрерывным, если только законом не предусмотрено, что определенные стадии этого поведения составляют самостоятельные посягательства (ч. 1. ст. 1.07) [3]. В понимании российского уголовного права речь идет о единичном длящемся преступлении. Однако, из текста статьи следует, что американский законода-

тель не делает различия между длящимся и продолжаемым преступлением, поскольку согласно отечественного уголовного права, в подобном случае – если отдельные эпизоды формально подпадают под признаки самостоятельных преступлений, но они объединены достижением единого преступного результата, то мы говорим о единичном продолжаемом преступлении.

В ст. 1.07 Примерного УК отражено наличие и такого вида множественности, как идеальная совокупность – в случаях когда инкриминируемое подсудимому поведение может образовать более чем одно посягательство, подсудимый может быть подвергнут уголовному преследованию за каждое из этих посягательств [3].

Рецидив преступлений также присутствует в американском законодательстве, но, как и в отечественном уголовном праве, он не влияет на квалификацию содеянного и касается лишь размер и вида наказания.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что российское уголовное право и уголовное право США относятся к разным правовым системам, содержащиеся в них подходы к пониманию множественности преступлений имеют значительное количество схожих моментов. Однако вопросы квалификации преступлений в американском уголовном праве проработаны фрагментарно и в большинстве юридических источников, как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, они вообще не затронуты. Слабая проработанность правовых норм делает их весьма сложными для единообразного юридического применения, что существенно влияет на права лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и что порождает излишнюю казуистичность американского уголовного законодательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Конституция Соединенных Штатов Америки. [Офиц. сайт]. – URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1121269

2. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст]. – М.: Юристъ, 2006. – С. 127-128.

3. Примерный уголовный кодекс США. [Офиц. сайт]. – URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1250258&subID=100114498

4. U. S. Code: Title 18. [Офиц. сайт]. – URL: http://www.law.cornell.edu/uscode/text/18

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, г. КРАСНОЯРСК
КАФЕДРА АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ И ГОРОДСКИХ СООРУЖЕНИЙ
ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА

УДК 624.21
ББК 30.14+39.112.2-022.84
Техника

ТЕОРИЯ НАДЕЖНОСТИ В ТРАНСПОРТНЫХ СООРУЖЕНИЯХ

Кандидат технических наук И. Я. Богданов
А. А. Бобешко

На данный период времени и из проведенного статистического анализа в количестве 250 штук искусственных сооружений на автомобильных дорогах федерального значения Р-258 «Байкал», А-350, Р-297 «Амур» было выявлено, что 94,40 % являются мосты выполненные из железобетона. При всем этом под оценкой технического состояния сооружений «удовлетворительное» согласно автоматизированной системой управления и обработки информации по искусственным дорожным сооружениям (АБДМ) находятся 41,20 % мостов, дефекты которых распределены неравномерно по длине пролетного строения и поперечного сечения, что в большей степени поврежденными являются крайние балки. Поэтому реальная конструкция будет иметь переменную жесткость по длине и в поперечном сечении, что в свою очередь влияет на распределение нагрузки между балками, в последствие чего возникают дополнительные условия снижающие грузоподъемность мостов, а в итоге и эксплуатационную пригодность.

Эксплуатационная пригодность может быть определена по показателю надежности, вследствие чего необходимо определиться вопросами надежности сооружений и дать общую оценку методик определения надежности.

Ключевые слова
Теория надежности, искусственное сооружение, конструкция, мост, показатель надежности, жесткость, долговечность, безопасность, грузоподъемность, дефект, эксплуатация, деформация.

Основная часть

Одной из наиболее главной задачей в проектировании, эксплуатации и строительстве мостов является повышение надежности, что в свою очередь проецирует такой термин как безотказность, который затрагивает саму сущность расчета любого элемента сооружения.

Введение расчета обуславливается определением напряжений и деформаций от временных и постоянных нагрузок, определение их предельных значений и в общей сложности сравнение с нормативными требованиями, а конечный этап – это сопоставление, которое обосновывает надежность, экономичность конструкции и долговечность.

По проведенным статистическим данным и наблюдениям за искусственными сооружениями, было выявлено, что дефекты, встречающие на сооружениях, имеют воспроизводимый характер, но

также встречаются и отдельные, индивидуальные, которые спрогнозировать невозможно, и которые могут быть непредсказуемыми. Такими вопросами занимается теория надежности, которая в свою очередь опирается на вероятностный метод расчета, обусловленный статистическим поведением рассматриваемой конструкции. Одним из основоположников статистических расчетов сооружений является В. В. Болотин, который в своих исследованиях [1-5] обосновывает и развивает идею статической динамики конструкций в теории надежности.

Сущность этой идеи заключалась в том, что основой теории надежности является статистические и вероятностные входные и выходные данные поведения какой-либо конструкции с взаимодействием окружающей среды. Одним из последователей и развивающим эту идею является А. Р. Ржаницын, который упрощал определенный класс задач к простейшей схеме расчета, не требующей на то время большого затрата вычислений ЭВМ, что служило выявлением изменения нагрузки и прочности конструкции.

Ко всему вышесказанному можно подвести следующее:

1. В процессе эксплуатации какого-либо сооружения (конструкции), внешние условия вводятся как случайный характер. А внешние условия в свою очередь обуславливаются как внешние нагрузки, что в своем понимании употребляются как силовые или механические воздействия на данное сооружение с изменением его эксплуатационной оценке, либо геометрических или физических свойств (встречающиеся на протяжении времени дефекты, нарушение технологического процесса изготовления материала и монтаж, конструкции, транспортировка изделий их).

2. Ошибочное вероятностное поведение сооружения (конструкции).

По истечению времени теория надежности набирает все более углубленный характер, статистическая динамика получает все большее развитие. Проводятся исследования по сейсмостойкости и ударостойкости сооружений (конструкций), в которых нагрузки имеют случайный характер [3, 6, 7].

Рассматриваются вопросы влияния случайных начальных неправильностей срединой поверхности и оболочек их поведения при статистических и динамических нагрузках.

Происходит этап перехода расчета конструкций на более новый, совершенный метод – предельных состояний, основоположником которого является Н. С. Стрелецкий. Сущность этого метода заключается в предотвращении возникновения предельных состояний за эксплуатационный срок службы сооружения (конструкции), при которых критерия оценки технического состояния не будет ниже нормативного.

Большее количество внешних и внутренних нагрузок имеют случайный вероятностный характер. И на основе этих данных в теории надежности в метод предельных состояний внесены изменения, которые в свою очередь отражены в нормах проектирования.

Теория надежности достигла больших успехов в современном мире. Но нужно выделить следующее, что существует некий дисбаланс теоретических исследований к практическим данным. Определенной детерминированной методики по расчету надежности конструкций отсутствуют. Также не всегда возможно применить существующие методы расчетов к индивидуальным сооружениям (конструкциям). Возможной причиной возникновения разрушений, обрушений, изломов и т. д. может быть недостаточное изучение условий поведения работы конструкций в эксплуатации. Необходимо натурное наблюдение за сооружением в реальном времени, получение и обработка данных с последующим выводом о надежности. На основании информации можно составить математическую модель влияний разно-

образных факторов на надежность конструкции с повышением ее показателей.

Выводы

Из проведенного выше анализа о теории надежности можно выделить следующее:

1. Систематическое наблюдение и изучение поведения сооружения (конструкции) в реальном времени эксплуатации, обоснование и предыдущий опыт.

2. Систематизация мостового парка в диагностике, обследовании, осмотре, а также изготовление, монтаж и транспортировка сооружений (конструкций).

3. Совершенствование нормативных требований расчета на проектирование сооружений (конструкций) по надежности.

4. Совершенствование теории надежности.

По приведенным задачам возможно создание методик, пособий и рекомендаций для оценки надежности в действительном эксплуатационном состоянии сооружения (конструкции), а также повышение категория качества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Болотин В. В. Статические методы в нелинейной теории упругих оболочек // Изв. АН СССР, ОТН. – 1958. – № 3.

2. Болотин В. В. Применение статических методов для оценки прочности конструкций при статическом воздействии // Изв. АН СССР, Инженерный сборник. – 1959. – Т. 25.

3. Болотин В. В. Статическая теория сейсмостойкости сооружений // Изв. АН СССР, механика и машиностроение. – 1959. – № 4.

4. Болотин В. В. Прочность и накопление повреждения при случайных нагрузках // Изв. вузов, Машиностроение. – 1958. – № 8.

5. Болотин В. В. Задачи теории надежности в механике деформируемых твердых тел // Механика сплошной среды и родственные проблемы анализа. – М.: Наука, 1972.

6. Гольденблат И. И., Николаенко Н. А. Расчет конструкции на действие сейсмических и импульсных сил. – М.: Госстройиздат, 1961.

7. Bogdanoff J. L., Shiff A. Earthquake effects in the safety and reliability analysis of engineering structures // Jnternat. Conf. on Structural Safety and Reliability. – Oxford, Pergamon Press, 1972.

УДК 523.68
ББК 22.655.3
Астрономия

астрономия

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОРБИТ МЕТЕОРОВ ПО ДАННЫМ БАЗИСНЫХ ПЗС-НАБЛЮДЕНИЙ

Кандидат технических наук А. К. Муртазов

Представлено описание методов определения орбит метеороидов в Солнечной системе по результатам наблюдений метеоров. Проведено сравнение различных методик расчета этих параметров по результатам базисных ПЗС-наблюдений.

Ключевые слова
Метеоры, определение орбит, ПЗС-наблюдения

Введение

Исследования распределения малых тел естественного происхождения в околоземном пространстве становятся весьма актуальными как в связи с проблемой космической опасности, так и с возрастающим количеством запусков космических аппаратов на околоземные орбиты и проблемой метеороидного риска для них.

Кроме этого, метеорные исследования весьма важны с точки зрения фундаментальной проблемы происхождения и эволюции Солнечной системы, проблем контроля вариаций плотности атмосферы и наличия ветра в зоне мезопаузы, проблем, связанных с экологией околоземного пространства (*Муртазов, 2004*).

Базисные наблюдения метеоров приобретают здесь особую важность, поскольку позволяют определить весь спектр астрометрических и фотометрических данных о метеорах и условиях их пролета в атмосфере, вплоть до определения орбит создавших их метеороидов.

В последние десятилетия появилась возможность регистрации пролета метеора цифровыми методами, что резко повысило информативность, точность и оперативность наблюдений. Наиболее распространенными являются метеорные станции, построенные на базе ПЗС-камеры Watec 902H, имеющей достаточную чувствительность, небольшие размеры и малую стоимость. Сетью метеорных станций покрыты вся Европа, Северная Америка и Япония. Они позволяют осуществлять (квази)непрерывный мониторинг метеорных событий в течение года, регистрацию болидов и опасных метеороидов.

Схема базисных наблюдений метеоров

Базисные наблюдения метеоров предполагают наличие хотя бы двух пунктов, из которых можно одновременно наблюдать один и тот же метеор. Схема таких наблюдений представлена на рис. 1. Здесь метеор AB наблюдается из двух пунктов

M_1 и M_2 с географическими координатами λ_1, φ_1 и λ_2, φ_2 и геоцентрическими радиусами $\mathbf{r}_1$ и $\mathbf{r}_2$. Естественно, координаты метеорного следа на небесных сферах этих двух пунктов отличаются друг от друга.

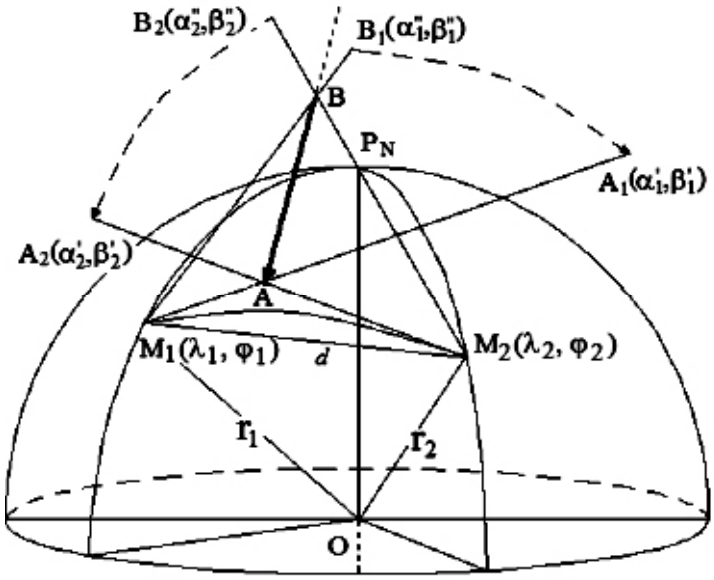


Рис. 1. Базисные метеорные наблюдения из двух пунктов

Определение радианта метеорного потока для односторонних наблюдений производится по нескольким метеорным следам. В случае базисных наблюдений это можно сделать по наблюдениям одного метеора, учитывая, что его видимая траектория на небесной сфере – метеорный круг – является дугой большого круга.

Расположение большого круга небесной сферы устанавливается по положению его полюса с прямым восхождением A и склонением D.

Условие, которому должны удовлетворять точки метеорного круга: их расстояние до полюса круга должно составлять 90°.

Обозначив

$$x = \cos Arctg\, D,$$
$$y = \sin Arctg\, D, \qquad (1)$$

получаем основное уравнение для решения задачи определения радианта (*Цесевич, 1984*)

$$x \cos\alpha \cos\delta + y \sin\alpha \sin\delta = -\sin\delta. \qquad (2)$$

Наблюдения дают координаты по крайней мере двух точек метеорных кругов – (α'_1, β_1) и (α'_2, β_2) для метеора, наблюдаемого из двух пунктов на рис. 1.

Точка радианта R должна находиться на двух этих кругах (рис. 2), а потому ее координаты должны удовлетворять двум уравнениям

$$x \cos\alpha_R \cos\delta_R + y \sin\alpha_R \sin\delta_R = -\sin\delta_R,$$
$$x' \cos\alpha_R \cos\delta_R + y' \sin\alpha_R \sin\delta_R = -\sin\delta_R. \qquad (3)$$

Здесь x, y и x', y' известны и надо определять α_R и δ_R.

Решение системы (3) приводит к

$$\tan\alpha_R = (x - x')/(y - y'),$$
$$\tan\delta_R = (xy' - yx')[(x - x')^2 - (y' - y)^2]^{1/2} \qquad (4)$$

Определение высот метеоров

Точке К на траектории метеорного следа соответствуют точки K_1 и K_2 на его видимых следах из пунктов M_1 и M_2 (их координаты определяются из наблюдений), и эти точки лежат на дуге одного большого круга.

Обозначив длину базиса M_1M_2 через d, можно путем несложных преобразований получить геоцентрическое расстояние точки М метеора

$$R = d\,(\sin\omega / \sin\varepsilon), \qquad (5)$$

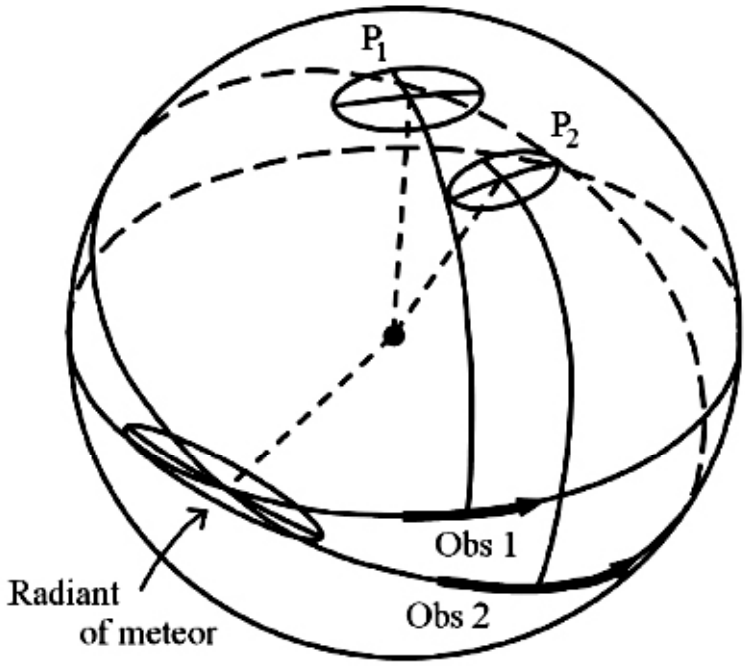


Рис. 2. Определение радианта по базисным наблюдениям (Shigeno, Yamamoto, 2012)

где ω и ε вычисляются по формулам сферической тригонометрии.

Угол между направлениями M_1K и M_1M_2

$$\cos\omega = \sin\delta^*\sin\delta' + \cos\delta^*\cos\delta'\cos(\alpha^* - \alpha'). \quad (6)$$

Угол параллактического смещения ε находится как

$$\cos\varepsilon = \sin\delta'\sin\delta + \cos\delta'\cos\delta\cos(\alpha - \alpha'). \quad (7)$$

Для вычисления высоты точки K нужно соединить ее с центром O Земли, определить ее расстояние от него и вычесть значение радиуса Земли той точки, в которой прямая KO пересекает поверхность Земли. То есть, высота $h = R - r$.

Вычисление скоростей метеоров

Чтобы перейти к определению элементов орбит метеорного потока необходимо вычислить геоцентрическую скорость, т. е. внеатмосферную скорость метеора (*Астапович, 1958*; *Масленникова, 2003*). Сначала вычисляется топоцентрическая скорость, используя уравнения:

$$v = H \cdot w \cdot \operatorname{cosec} y; \quad (8)$$

$$w = 1/57{,}3 \cdot t; \quad (9)$$

$$\cos l = \cos(\alpha_H - \alpha_K)\cos(\delta_H - \delta_K) \quad (10)$$

$$\operatorname{cosec} y = 1/\sin y; \quad (11)$$

$$\cos y = \cos(90 - \delta_m)\cos(90 - \delta_R) + \sin(90 - \delta_m) \cdot \sin(90 - \delta_R)\cos(\alpha_R - \alpha_m); \quad (12)$$

$$\alpha_m = (\alpha_H + \alpha_K)/2;\ \delta_m = (\delta_H + \delta_K)/2. \quad (13)$$

где v – геоцентрическая скорость метеора; w – угловая скорость метеора (рад/с); l – длина пути метеора; t – время пролета метеора (с); H – высота сгорания метеора (принимается равной 100 км); y – элонгация метеора от радианта (угловое расстояние от метеора до радианта потока); (α_m, δ_m) – координаты середины пути метеора; α_R, δ_R – координаты радианта.

Полученные значения положения наблюдаемого радианта и топоцентрической скорости исправляются за сопротивление воздуха, вращение и притяжение Земли (так называемое зенитное притяжение), суточную и годичную аберрации. Полученный вектор скорости $\boldsymbol{W}$ является результатом сложения векторов орбитальной скорости Земли и гелиоцентрической скорости метеорного тела. Знание его дает возможность определить элементы гелиоцентрической орбиты метеороида.

Исходными данными для вычисления

орбиты метеороида после всех редукций-являются широта наблюдателя φ, местное звездное время s и Всемирное время T_0 наблюдения, экваториальные координаты радианта α_R, δ_R, геоцентрическая скорость метеора (или потока) W, радиус-вектор Солнца $r_\bullet$ и эклиптическая долгота Солнца $\lambda_\bullet$.

Определение орбит (*Астапович, 1968*)

Движение метеороида происходит в плоскости Y, проходящей через Солнце, и пересекающейся с плоскостью эклиптики Q по линии узлов ☊☋ под углом i (рис. 3).

На этом рисунке изображена эллиптическая орбита метеороида с большой полуосью Q и малой полуосью q. Солнце находится в одном из фокусов эллипса C. Метеороид вращается по орбите против часовой стрелки, если смотреть от северного полюса эклиптики. В плоскости орбиты метеороида Y ее форма определяется эксцентриситетом e, размер – большой полуосью a, ориентация – положением оси орбиты относительно точки весеннего равноденствия, – аргументом перигелия ω. Положение метеороида на орбите определяется моментом прохождения перигелия T_0 или знанием средней аномалии M в эпоху T.

Для определения положения плоскости орбиты метеороида Y относительно плоскости эклиптики Q нужнознать угол наклонения i и ориентацию линии узлов относительно точки весеннего равноденствия ♈ долготу восходящего узла Ω.

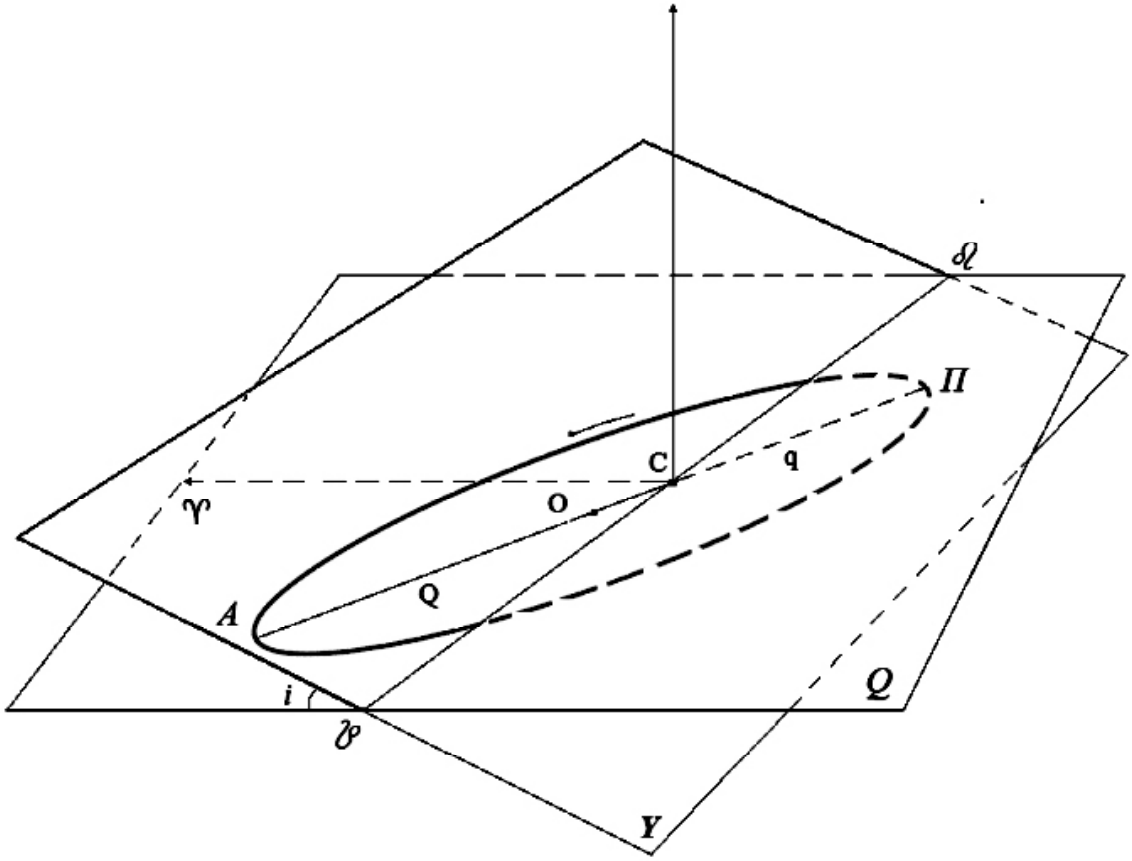


Рис. 3. Эллиптическая орбита метеороида

Среднее суточное движение определяется периодом обращении P метеороида вокруг Солнца

$$n = 2\pi/P = k(M_\bullet)^{1/2}/(a)^{2/3}, \qquad (14)$$

где $M_\bullet$ – масса Солнца.

Средняя аномалия $M=M_0+n(t-T_0)$, тогда из уравнения Кеплера (E – эксцентрическая аномалия)

$$E - e \cdot \sin E = M \qquad (15)$$

находится истинная аномалия

$$\tan \upsilon/2 = [(1+e)(1-e)]^{1/2} \tan E/2. \qquad (16)$$

Далее, параметр орбиты

$$p = a(1 - e^2) \qquad (17)$$

(для параболы $p = 2q$, для гиперболы $a<0$ и $e>1$, а p всегда больше 1).

Афелийное расстояние

$$Q = a(1+e) = p/(1-e) \qquad (18)$$

перигелийное расстояние

$$q = a(1-e) = p/(1+e), \qquad (19)$$

малая полуось орбиты

$$b = a(1-e^2)^{1/2}. \qquad (20)$$

Исправленное положение наблюденного радианта является истинным радиантом метеороида, то есть в точке встречи с Землей направление, обратное его приходу, есть касательная геоцентрической скорости W метеороида в момент T. Тогда можно определить элементы орбиты.

Большая полуось

$$a = r/[2 - r(v/W)^2], \qquad (21)$$

где r – радиус-вектор Земли в момент встречи, v – гелиоцентрическая скорость метеороида.

Наклонение орбиты

$$\tan i = -\tan \beta_R \csc (\lambda_\bullet - \lambda_R), \qquad (22)$$

где λ_R, β_R – эклиптическая долгота и широта Солнца.

Элонгация от Солнца

$$\tan \varepsilon_\bullet = \pm \tan (\lambda_\bullet - \lambda_R) \sec i. \qquad (23)$$

Параметр орбиты

$$p = r(v/W)^2 \sin \varepsilon_\bullet, \qquad (24)$$

тогда эксцентриситет орбиты метеороида находится как

$$e = +[1 - (p/a)]^{1/2}. \qquad (25)$$

Истинная аномалия в момент встречи

$$\cos \upsilon = (P - r)/re. \qquad (26)$$

Аргумент перигелия

$$\omega = -\upsilon \text{ при } \beta_R<0. \qquad (27)$$

Долгота восходящего узла

$$\Omega = \lambda_\bullet \text{ при } \beta_R>0;$$

$$\Omega = 180^\circ + \lambda_\bullet \text{ при } \beta_R<0. \qquad (28)$$

На рис. 4 приведены орбиты метеоров, рассчитанные в программном комплексе UFO (SonotaCo), которые являлись кандидатами в поток β - Гидриды (*Greaves,2012*).

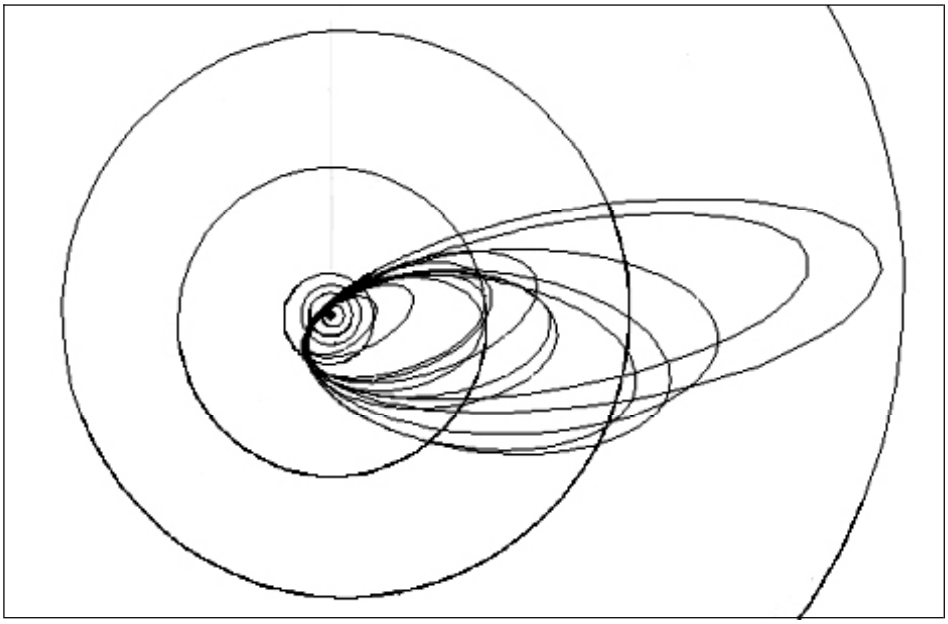


Рис. 4. Орбиты метеоров – кандидатов в поток β-Гидриды. Показаны орбиты вплоть до орбиты Урана (*Greaves, 2012*)

Современные системы обработки наблюдений метеоров и определения их орбит

В настоящее время существует ряд автоматизированных компьютерных систем, позволяющих проводить выделение (захват) метеоров, рассчитывать положение видимого радианта, и далее орбиты метеороидов.

Многие обсерватории и наблюдательные группы разрабатывают собственный софт. Например, на Николаевской обсерватории, Украина (*Kulichenko et al., 2015*), разработано программное обеспечение для определения астрометрических и фотометрических параметров метеоров. Точность определения координат видимого радианта достигает 0,7 для базы 5 км и 0,5 для 11,8 км.

На главной астрономической обсерватории НАН Украины (*Козак, 2005*) разработан метод определения параметров траектории метеора в атмосфере Земли и элементов его гелиоцентрической орбиты, базирующийся на основе векторного анализа. В качестве базовой используется геоцентрическая прямоугольная система координат. Метод ориентирован, в основном, на обработку оцифрованных телевизионных изображений метеоров, но может быть также применен для обработки любых астрономических изображений, полученных современными средствами наблюдения. Для определения погрешностей всех искомых параметров каждого метеора применен метод Монте-Карло. Средняя точность определения экваториальных координат радианта метеора составляет при односторонних наблюдениях ±0,1, высоты ±0,2 км, скорости ±0,5÷2 км/с.

Система Sentinel университета Западного Онтарио и университета Саскачеван (Канада) состоит из камеры, управляемой компьютером, сверхширокоугольного объектива типа «рыбий глаз» и цифрового видеомагнитофона (Blaauw, 2011). Она разработана для исследований метеоров, появляющихся над Канадой, и работает круглосуточно. Подобная система установлена на площадке Центра космических полетов им. Маршалла (Хантсвилл, Алабама, США).

В качестве регистрирующей системы здесь используется программное обеспечение ASGARD (All Sky and Guided Automatic Realtime Detection), которое автоматически регистрирует и анализирует метеорные события, используя текущие real-time или ранее записанные данные; формирует поток видео для дальнейшей обработки; способна регистрировать множественные однотипные события; выполняет астрометрические измерения для последующего вычисления скорости метеоров и фотометрические для определения их масс; отсеивает посторонние события; автоматически копирует все данные на центральный сервер, ежедневно сообщает о них по e-mail и weblog. Дальнейшее вычисление атмосферных траекторий метророидов и их гелиоцентрических орбит по данным базисных наблюдений с нескольких станций производится отдельной программой.

Наиболее часто используются две системы программного обеспечения: система автоматической регистрации метеоров MetRec (Sirko Molau, Germany) и система регистрации метеоров, определения их астрометрических и фотометрических параметров и орбит UFO (*Sonota Co, Japan*).

MetRec (*Molau, 1999*) использует видеокарту Matrox, которая позволяет оцифровывать видеоданные и сохранять фреймы с изображением метеоров. MetRec, используя информацию о звездах сравнения,определяет экваториальные координаты начала и конца следов метеоров и их блеск. Далее, программа MOTS (Meteor Orbit and Trajectory Software), используя такие данные, полученные из двух пунктов наблюдения при базисном мониторинге, позволяет определять орбиты метеороидов в Солнечной системе (*Koschny, Diaz del Rio, 2002*).

Система для выделения и захвата движущихся объектов была разработана компанией SonotaCo для регистрации неопознанных летающих объектов, но оказалась весьма эффективной для наблюдения явления метеоров.

Система UFO включает в себя (рис. 5): UFO Capture (захват и сохранение пролета метеора в видеоформате avi и формирование сложенного фрейма этого фильма); UFO Analyzer (измерение координат метеорных следов по координатам опорных звезд, определение радиантов метеорных потоков, анализ направления, скорости, блеска, расстояния и высоты пролета метеора); UFO Orbit (регистрирует метеоры, наблюдающиеся одновременно из двух станций, определяет их радианты; поставляет эти данные в UFO Analyzer и в дальнейшем определяет орбиту метеороидов в Солнечной системе; строит карты радиантов метеорных потоков, траектории метеоров в атмосфере, их проекции на поверхность Земли).

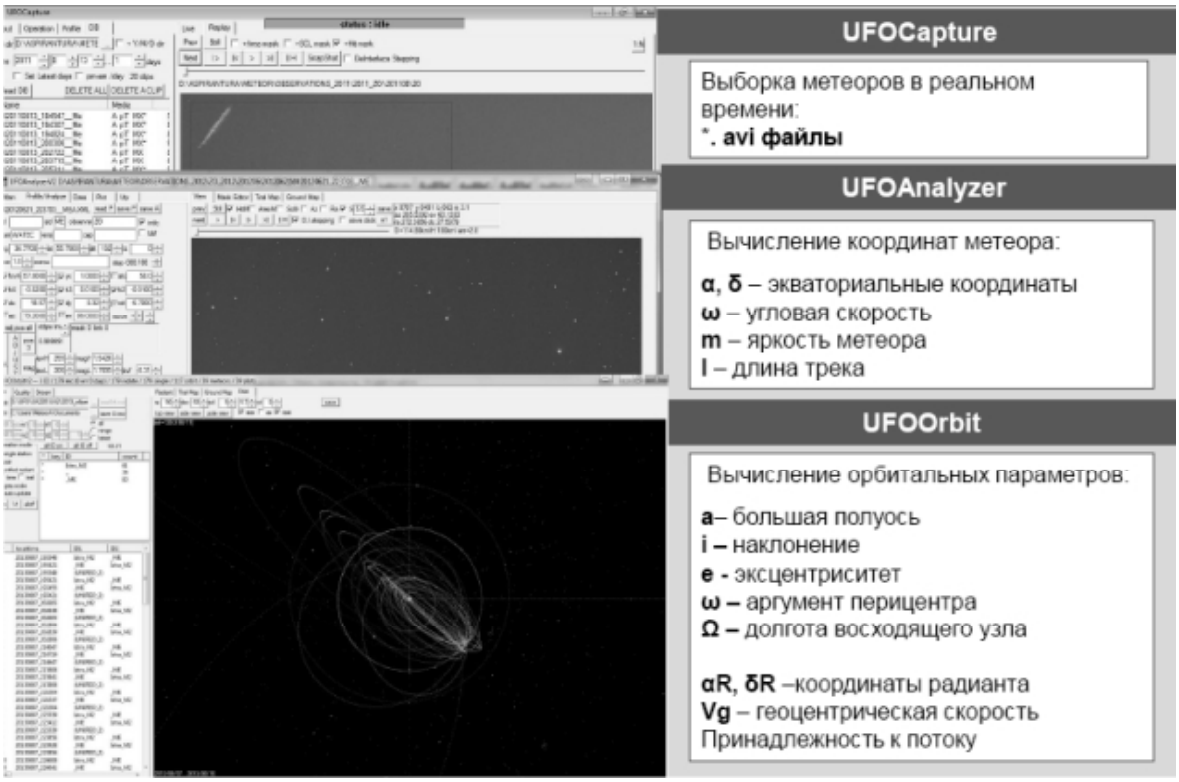


Рис. 5. Программный комплекс UFO (*Sonota Co*)

Приведем здесь пример определения орбиты метеора по наблюдениям α - Каприкорнид-2014 сетью 19 японских станций, на которых работали 53 камеры (рис. 6). Были определены орбиты 79 метеоров, из которых 15 оказались принадлежащими к потоку α - Каприкорниды.

Параметры орбиты одного из метеоров с наиболее точно измеренными координатами: RA=303°.80±0°.04, Dec=–12°.80 ±0°.03 при $\lambda_\odot$=17°.629; v_g=69.4±0.2 км/с; 1/a=0.004±0.017 1/a.e.; q=0.80±0.01 a.e.; e=0.9968±0.014;ω=126°.5±0°.5;Ω =17°.629; i=167°.3±0°.1. Они дают представление о точности, с которой работает программный комплекс UFO.

В работе *Rhiannon Blaauw and Katherine Cruse* (2011) приведено сравнение возможностей систем UFO и ASGARD по анализу результатов наблюдений метеоров (от определения их координат и радиантов до построения орбит в Солнечной системе).

Отмечено, что система UFO легко ус-

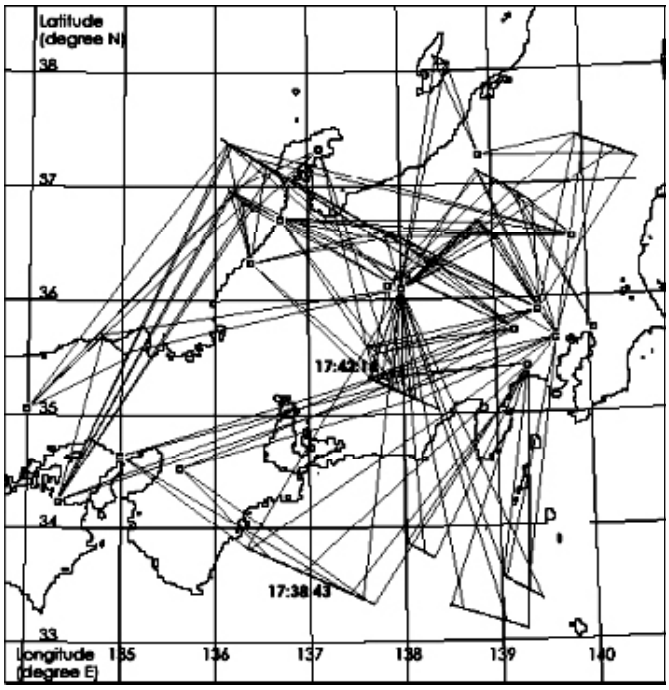


Рис. 6. Одна из метеорных сетей Японии (*Sonota Co, Shimoda et al., 2014*)

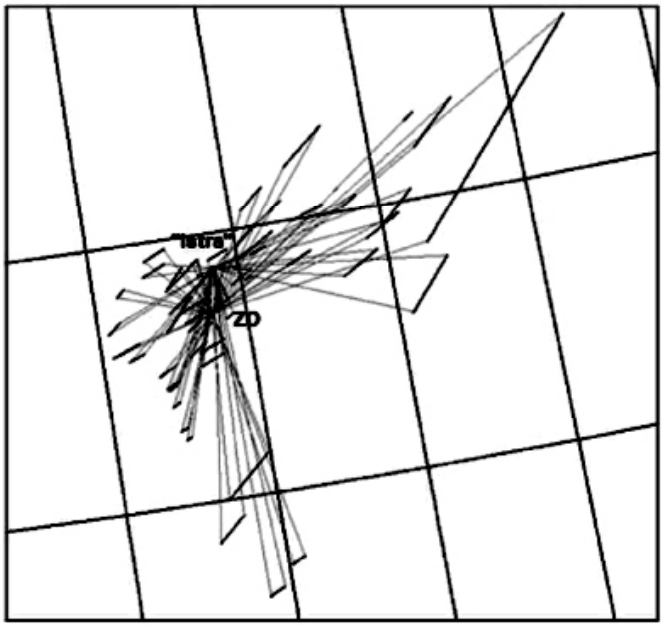


Рис. 7. Проекции метеорных следов, зарегистрированных при базисных наблюдениях «Звенигород-Истра» в 2012 г. (*Kartashova, 2013*)

танавливается на любую платформу Windows, общий темп работы ее выше, чем ASGARD.

Вместе с тем, число ложных срабатываний в UFO выше, чем в ASGARD, то есть она более чувствительная к любым изменениям сцены в поле зрения.

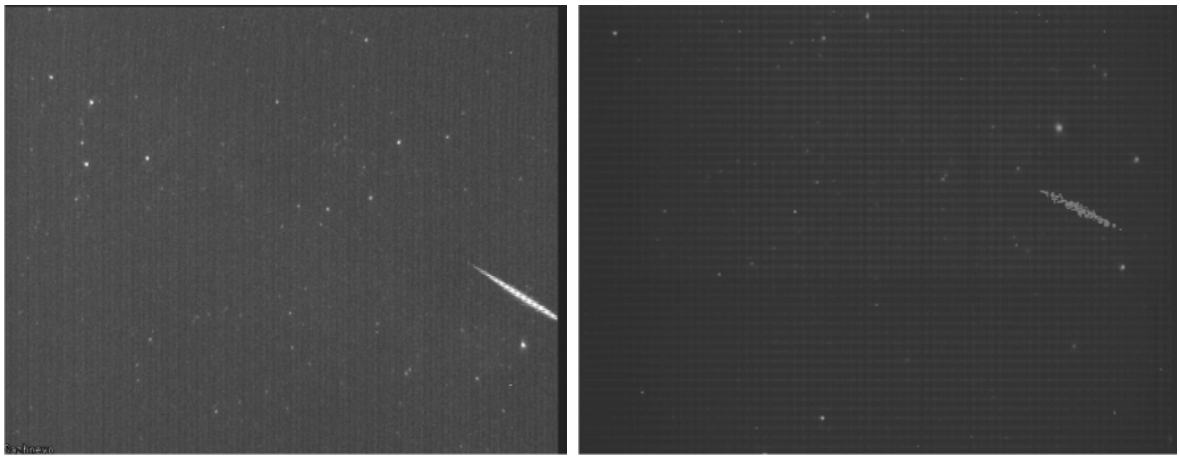
Система UFO используется для проведения и обработки метеорных наблюдений в первой в нашей стране метеорной сети (*Kartashova, 2013*).

Камеры Watec LCL-902H Ultimate (with Canonlens f=6 mm, f/0.8 and FOV 50°x40°) установлены в Звенигородской обсерватории института астрономии РАН и 25 км от нее в п. Истра (Московская область).

На рис. 7 представлены проекции следов метеоров на земную поверхность, полученные по результатам базисных наблюдений Персеид в августе 2012 г. программным комплексом UFO.

Астрономической обсерваторией Рязанского госуниверситета организована базисная сеть из двух пунктов наблюдений, расположенных на одном меридиане в ~20 км друг от друга (*Murtazov, et al., 2012*): 1. Наблюдательная площадка обсерватории (φ=54°38´ N, λ=39°45´ E, h=125 м); 2. Областная база детского туризма, п. Сажнево Рязанского р-на (φ=54°28´N, λ=39°45´E, h≈200 м). На этих площадках установлены системы Wat-902H + HG 0808AFCS с полем зрения 45°x34°. В качестве регистрирующей системы нами также используется программное обеспечение UFO.

Первые удачные базисные наблюдения метеоров потока Персеиды удалось провести в августе 2015 г. На рис. 8 представлены фотографии одного и того же метеора из потока Персеиды, наблюдавшегося в Сажнево (а) и Рязани (б).



а **б**

Рис. 8. Базисный метеор 20150813_012552 в различных форматах записи в системе UFO Capture в Рязани (а) и Сажнево (б)

Выводы

Исследования различных авторов и результаты эксплуатации метеорной наблюдательной аппаратуры показывают, что современные системы базисных наблюдений метеоров и программы их обработки достаточно эффективны. Они позволяют практически в режиме on-line получать параметры геоцентрических орбит метеороидов и проводить по полученным данным дальнейшие исследования в различных фундаментальных и прикладных направлениях.

К сожалению, в нашей стране ввиду общего спада массового интереса к научным исследованиям, падения образовательного уровня населения, климатических условий и т. д. метеорным наблюдениям уделяется неоправданно мало внимания. Базисные наблюдения организованы только Институтом астрономии РАН, Рязанским и Иркутским государственными университетами, что не дает возможности исследования содержания метеорных тел в потоках в зоне, соответствующей общей протяженности России по географической долготе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Астапович И. С.* Метеорные явления в атмосфере Земли. – М.: Наука, 1958. – 640 с.

2. *Зоткин И. Т.* Наблюдения метеоров. – М.: Наука,1972. – 53 с.

3. *Козак П. Н.* Фотометрия и кинематика метеоров по телевизионным наблюдениям: Дис. ... канд физ.-мат. наук. – Киев, 2005.

4. *Масленникова Е. С.* Телевизионные наблюдения метеорных потоков и их обработка, 2003. – www.astronet.ru.

5. *Муртазов А. К.* Экология околоземного космического пространства. – М.: Физматлит, 2004. – 304 с.

6. *Цесевич В. П.* Что и как наблюдать на небе. – М.: Наука, 1973. – 384 с.

7. *Blaauw R., Cruse K.* Comparison of ASGARD and UFO Capture: The 2011 International Meteor Conference, Sibiu, Romania, 2011.

8. *Greaves J.* Four IAU MDC Working List Meteor Showers confirmed via Sonota Co // WGN. Network Japan data. – 2012. – Vol. 40. – No 2. – PP. 53-59.

9. *Kartashova A.* Television meteor observations in INASAN // Proceedings of the International Meteor Conference. La Palma, Canary Islands, Spain, 20-23 September, 2012. – International Meteor Organization, Mattheessensstraat, 60, 2540 Hove, Belgium, 2013. – PP. 174-177.

10. *Koschny D., Diaz del Rio J.* Meteor orbit and Trajectory software (MOTS) – determining the position of a meteor with respect to the Earth using data collected with the software MetRec. // WGN. Journal of the IMO. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – PP. 87-101.

11. *Kulichenko N., Shulga O., Kozyryev Y., Sybiryakova Y.* Double station observation of meteors in Nikolaev // WGN. Journal of the IMO. – 2015. – Vol. 43. – No 3. – PP. 81-84.

12. *Molau S.* The Meteor Detection Software MetRec. // Baggaley W. J. and Porubcan V. Proceedings of the International Conference «Meteoroids-1998», Tatranska Lomnica, Slovakia, 1999. – PP. 131-134.

13. *Murtazov A. K., Efimov A. V., Titov P. V.* Double-Station Meteor Observations in Ryazan, Russia // Proceedings of the International Meteor Conference. La Palma, Canary Islands, Spain, 20-23 September, 2012. – International Meteor Organization, Mattheessensstraat, 60, 2540 Hove, Belgium, 2013. – PP. 192-196.

14. *Shigeno Yoshihiko, Yamamoto Masa-yuki.* Meteor shower catalog based on 3770 triangulation analyses of double-station Image-Intensified video observations over Japan // WGN. Journal of the IMO. 2012. – Vol. 40. – No 1. – PP. 24-35.

15. *Sonota Co, Shimoda Chikara, Inoue Hiroyuki, Masuzawa T., Sato Mikiya.* Observation of April alpha Capricornids (IAU#752 AAC) // WGN. Journal of the IMO. – 2014. – Vol. 42. – No 6. – PP. 222-226.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВУ – (ГУЗ)
АРХИТЕКТУРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
г. МОСКВА

УДК 72.02
ББК 85.118
Архитектура зданий и сооружений: творческие концепции архитектурной деятельности

АЛГОРИТМ МОДЕЛИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЗДАНИЙ УПРАВЛЕНИЙ

Кандидат архитектуры Г. И. Наумкин

В основе объемно-планировочной композиции должны быть отражены функции аппарата управления и методологические принципы структурного образования зданий управлений.

Ключевые слова
Функция, моделирование, структура

В области организации управления главным образом рассматривается выявление критериев по формированию необходимых материальных условий для аппарата управления. В этом направлении в области проектирования архитектуры следует выделить три основных течения. Первое течение связано с детерминированностью учреждений управлений, которые влияют на классификацию архитектуры зданий управлений. Второе течение связано с эффективностью регулируемого процесса, которое влияет на типологию зданий управлений, а третье – с научным программированием управления, которое связано с моделированием архитектуры зданий управлений.

В архитектуре зданий управлений следует учитывать специфические принципиальные особенности, которые характерны для учреждений управлений [1]. Основные принципы моделирования архитектуры зданий управлений можно представить в виде алгоритма, содержащего следующие разделы:

I. Исходные данные проекта.

1. Цель проекта содержит основную концепцию архитектурного замысла по формированию здания управления. Она определяет общие задачи, которые необходимо реализовать.

2. Общие условия.

Типологические характеристики: по зонированию; по номенклатуре; по композиционной схеме; по символическому кодированию.

3. Архитектурно-типологические уровни.

В соответствии с системой сетевой типологической организацией рассматриваются здания управлений от центрального аппарата управления до зданий управления муниципального уровня.

4. Архитектурное комплексное образование.

Концептуальное единство: в аспекте градостроительного образования; в аспекте объемно-планировочного решения; в аспекте конструктивного применения и символического формирования архитек-

туры зданий управлений.

5. Научное обоснование.

Обеспечение рационального технологического взаимодействия: функции управления с вспомогательными функциями и технического обслуживания; соответствия типа зданий управлений и государственной символизации.

II. Программное задание.

1. Градостроительная ситуация. Основные характеристики территории: топографическая съемка; градостроительная инфраструктура; инженерные изыскания, коммуникации и др.

2. Типологическое обоснование материальной базы здания управления. Выбор типа здания в зависимости от сетевой иерархии управления (центрального уровня управления; регионального уровня управления и муниципального уровня управления). Специфическая деятельность учреждения управления.

3. Функциональное зонирование. Выбор композиционной схемы (линейная, компактная, блочная, галерейная, павильонная и др.). Функциональной зоне управления отводится центральное объемно-планировочное место в структуре здания.

4. Определение конструктивного решения. Выбор конструкции (каркас, неполный каркас, самонесущие панели и т. д.).

5. Композиционное образование объема здания. Формирование объемно-планировочного решения проводится в соответствии по принципам иерархии государственных учреждений (столичные, региональные и муниципальные) и по принципам тематическо-сюжетной направленности (государственная, духовная, национальная).

Материальная база представительских учреждений формируется по классификации общественных зданий, по которой здания управления распределяются по государственной иерархии и с соответствующей символизацией, как на уровне цельного объемного архитектурного образования, так и на уровне отдельных архитектурных атрибутов зданий и сооружений управления.

III. Итоговые результаты.

Реализация программы. Эксклюзивное достоинство градостроительного комплексного образования архитектуры зданий управлений. Композиционное образование учреждений управления содержит эксклюзивную и доминирующую часть градостроительного образования города. Градостроительная инфраструктура согласуется с типом и объемно-планировочным композиционным образованием зданий управлений. Общее комплексное образование соответствует статусу государственного значения.

1. Топографическое формирование территории участка, образное объемно-планировочное решение и атрибуты фасадов должны содержать государственные и национальные символы, которые являются специфическими для представительских зданий управления.

2. Объемно-планировочное комплексное образование решать в соответствии типа объекта и функциональным связям здания управлений. Общее комплексное образование содержать многофункциональную структуру и государственную символику как учреждение управления.

В объемно-композиционном комплексном образовании следует достигнуть единства всех составляющих: градостроительного, объемно-планировочного решений и архитектурных элементов.

3. Конструктивная составляющая должна отвечать современным технологическим решениям и научным достижениям, обеспечивать последовательное методологическое развитие под новые функции аппарата управления.

4. Преемственность национальных традиций в образовании представительских комплексов зданий управлений, в соответствии со структурным содержанием современных теоретических знаний.

5. Государственный символ «Герб Рос-

сийской Федерации» венчает здания управлений.

В развитии теории и научного программирования организации аппарата управления алгоритмы могут включать сетевые и структурные методы моделирования. Это позволит оперативно перераспределять внутренние кадровые ресурсы на критических линиях структурных связей аппарата управления [2].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Наумкин Г. И. Методология проектирования репрезентативных зданий управлений / Г. И. Наумкин //Актуальные проблемы архитектуры и дизайна: Сб. научных трудов арх. факультета ГУЗа. – М., 2011. – 256 с.

2. Forreser Jay. W. INDUSTRIAL DYNAMICS / Jay W. Forreser. – NEW YORK-LONDON, 1965.

ЧУРАПЧИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ), ЧУРАПЧИНСКИЙ РАЙОН, р. п. ЧУРАПЧА

УДК 57: 373.1: 613.955
ББК 28.786+51.204.0+74.267.5+75.1
Биология: наука о здоровье

биология

ФИЗИЧЕСКИЙ СТАТУС ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ЯКУТИИ

Кандидат педагогических наук С. С. Гуляева

В работе представлен анализ, проведенных в различные годы работ ученых, посвященных изучению показателей физического состояния детей и подростков, проживающих в условиях северного региона России, на территории Республики Саха (Якутия). Имеются интересные данные, характеризующие те или иные параметры физического развития и функционального состояния исследованных контингентов. Осуществлен сравнительный анализ показателей физического состояния детей и подростков якутской национальности, относящихся к категории коренного населения, с данными испытуемых славянской национальности. Дается характеристика заболеваемости и отличительных особенностей физического статуса, проживающих в городской и сельской местности.

Ключевые слова
Физический статус, физическое развитие, функциональное состояние, дети и подростки, Якутия

В период с 1969 по 1975 годы группой ученых были проведены исследования уровня физического развития, физической подготовленности школьников различных районов Республики Саха (Якутия). Обследовались дети коренной и русской национальностей, не имеющие отклонения в состоянии здоровья и отнесенных к основной медицинской группе [11].

В 1985, 1988 и 1990 гг. были проведены повторные исследования, которые свидетельствуют, что время внесло некоторые коррективы в показатели физического развития и подготовленности учащихся, однако основные закономерности специфики для жителей Севера сохранились. Результаты позволяют констатировать, что национально-этнические особенности коренных национальностей Якутии, в известной мере, предопределяют отставание в антропометрических показателях по сравнению с населением других регионов России.

Данные работы выявили довольно интересный факт, что у жителей Якутии (якутов и русских) хорошо развита грудная клетка. При обследовании жизненной емкости легких у школьников Якутии оказалась фактическая достоверно-положительная разница при сравнении с их сверстниками из средней зоны страны. Также

следует подчеркнуть, что у якутян-школьников, живущих в сельских местностях, грудная клетка более развита, чем у якутян-горожан. В показателях физической подготовленности выявлено было значительное отставание в проявлении скоростно-силовых способностей по сравнению с аналогичными данными жителей других зон России.

Изучая физическую подготовленность и физическое развитие учащихся, проживающих в условиях Крайнего Севера [2, 4, 10], было сделано заключение, что экстремальные условия Севера за счет снижения двигательной активности оказывают отрицательное воздействие на состояние здоровья и уровень физической подготовленности учащихся. Отмечается также, что основной причиной отставания школьников-северян в физической подготовленности является фактор гиподинамии.

Результаты собственных исследований дают право говорить о том, что учащиеся, проживающие на территории Якутии по большинству показателей уровня физической подготовленности имеют статистически достоверные различия по сравнению с учащимися центра России. Нами было обнаружено заметное отставание учащихся Якутии в проявлении силовых, скоростных и скоростно-силовых способностей [1].

На примере изучения состояния здоровья населения сельских школьников (7-15 лет) была показана динамика уровня здоровья детей Республики Саха (Якутия) [9]. Анализ распространенности хронических заболеваний и функциональных отклонений в динамике за последние десятилетия показывает увеличение их общего уровня. В структуре хронических заболеваний первое место занимают органы пищеварении, что тесно связано с изменением характера питания населения. Второе место среди хронических заболеваний занимают болезни нервной системы и органов чувств. Заметно выросла патология органа зрения среди учащихся. Еще одной важной проблемой школьников является рост частоты ортопедической патологии, которая за период школьной жизни увеличивается в 1,5-2 раза [5].

Удельный вес простудных заболеваний среди заболеваний населения Якутии по данным ЯОСПС составляет 42,4-45,0 % , как результат продолжительной холодной зимы [6-8].

Одним из важных стандартов здоровья является физическое развитие детей. В течение 1986-1990 гг. были проведены исследования по изучению физического развития, физической работоспособности (ФРб), физической подготовленности (ФП) городских детей республики [6-7]. Ими было обследовано более 5800 детей дошкольного возраста г. Якутск. На основании этих исследований были разработаны стандарты физического развития городских детей дошкольного возраста (1989) и нормативы ФРб, ФП и некоторых физиологических параметров (1991).

Кроме того, была предложена комплексная оценка физического состояния (ФС) детей дошкольного возраста (1992) по 5 базисным параметрам в зависимости от этнической принадлежности, пола и возраста. Выяснилось, что только 11,4 % г. детей Якутск, независимо от этнической и возрастно-половой принадлежности, имеют высокий уровень ФС, 54,6 % – средний и 34 % – низкий.

У стандартов физического развития школьников Якутии имеются свои особенности. Как известно, национально-экологические особенности коренных национальностей Якутии, в известной мере, как было уже отмечено, предопределяют отставание в росто-весовых показателях по сравнению, например, с русским населением. Такая картина прослеживается также среди школьников среднего и старшего возраста [5]. А изучение физического развития школьников Северного и Центрального регионов Республики Саха (Якутия) показало отсутствие достоверной разницы параметров по всем возрас-

там [9].

Индивидуальная оценка физического развития при помощи региональных нормативов, позволяют выделить за счет дефицита массы тела и низкого роста (общая задержка физического развития). По результатам исследований 78,7 % Северного и 83,9 % Центрального регионов республики имеют нормальное физическое развитие. Дефицит массы тела отмечается у 13,7 % детей Северного и 11,2 % Центрального регионов. Доля детей с общей задержкой развития составляет в Северном регионе – 2,1 %, в Центральном – 2 %.

Было выявлено, что за 1980-1998 гг. произошли изменения и в физиометрических показателях физического развития современных школьников коренной национальности Якутии. Как у мальчиков, так и у девочек во всех возрастных группах наблюдается снижение показателей динамометрии и увеличение жизненной емкости легких (ЖЕЛ). Сравнительное сопоставление отдельных показателей физического развития школьников Якутии и школьников, проживающих в центральной полосе России (обследовано 3648 школьников в возрасте 9-15 лет) показало, что длина тела у мальчиков во всех возрастных группах у якутских мальчиков меньше, чем у учащихся, живущих центральной полосе, но разница эта не везде одинакова. Разница у мальчиков достигает 5-10 см, что статистически достоверно (P<0,001). Самое большое отставание в длине тела у мальчиков наблюдается в возрасте 13-14 лет. Разница в длине тела у девочек достигает 4-5 см, что статистически достоверно (P<0,05). У девочек наибольшая разница в длине тела приходится на возраст 11-13 лет. Масса тела якутских мальчиков отстает во всех возрастных группах. Наибольшая разница массы тела у мальчиков – 4-5 кг (P<0,001) и приходится на возраст 12-14 лет. У девочек наибольшая разница массы тела наблюдается в 12-14 лет и равна 2-3 кг. Динамика длины тела, окружности грудной клетки (ОГК) и жизненной емкости легких (ЖЕЛ) отличается. В возрасте 10 лет ОГК у якутских мальчиков на 2,7 см (P<0,05) больше, чем у учащихся из центральной зоны России. К 15 годам разница уменьшается и становится статистически недостоверной. Величина ОГК имеет достоверную разницу (P<0,01) со школьниками центральной полосы России в 14-15 лет – 3-3,5 см. Показатель ЖЕЛ якутских мальчиков достоверно выше или равен в 14-15 лет. У девочек выше в 12-13 лет [5] .

Также, в ходе медицинского осмотра было обследовано 903 школьника средних школ республики в возрасте 7-17 лет. Работа проводилась по единой технологии определения ФР, функционального состояния организма и ФП. Результаты позволили установить тенденцию снижения уровня физического здоровья школьников, выявить детерминанты физической подготовленности детей (С. П. Петрова и др., 2008).

В это же время, проводились антропометрические измерения, функциональные пробы (пробы Штанге, Генчи, Руфье, ортостатическая проба) среди учащихся среднего школьного возраста [3]. Анализ показателей выявил средний уровень физического развития, нормальную возбудимость симпатического отдела ЦНС и хорошую работоспособность.

В 2014 году, нами осуществлен анализ показателей физического развития детей 6-10 лет, проживающих в населенных пунктах сельской местности центрального региона Республики Саха (Якутия). Общее количество детей, участвовавших в мониторинге, составило 511 человек. Процесс исследования физического развития включал в себя такие методы научного исследования как анализ весо-ростовых показателей, окружности грудной клетки (ОГК), силы кистей рук, функциональные пробы состояния сердечнососудистой и дыхательной систем.

Обследование девочек 6 лет, позволил обнаружить следующее: рост в среднем равняется 113,1 см, вес – 21 кг, ОГК – 56 см, сила правой кисти – 4 кг, левой кисти – 5 кг, жизненная емкость легких (ЖЕЛ) – 0,84 л., проба Штанге – 18,9 сек., проба Генчи – 14,3 сек., индекс Руфье – 16, 21 и 17 сек.

Результаты анализа показателей мальчиков 6 лет свидетельствует о том, что длина тела у них равняется в среднем 115,7 см, вес – 21,8 кг, ОГК – 57 см, сила правой и левой кистей рук – 6 кг, ЖЕЛ – 0,98 л., проба Штанге – 15,9 сек, проба Генчи – 15,2 сек, Руфье – 16, 22, 17 сек.

Тестирование девочек 7 лет показал, что длина тела – 119,3 см; вес – 23,1 кг; ОГК – 57,8 см; сила правой и левой кистей рук равняется 6 кг; ЖЕЛ – 0,91 л; частота сердечных сокращений (ЧСС) в покое – 92 уд/мин; артериальное давление систолическое (АДС) – 90, артериальное давление диастолическое (АДД) – 64; пробы Штанге и Генчи – 25,1 и 20 сек., индекс Руфье – 16, 23, 17 сек.

Результаты мальчиков 7-летнего возраста: рост – 122,4 см; вес – 23,8 кг; ОГК – 59 см; сила кистей рук – 8 кг, ЖЕЛ – 1,1 л; АДС – 92, АДД – 61; ЧСС в покое – 92 уд/мин; проба Штанге – 27,6 сек; проба Генчи – 24 сек.; индекс Руфье – 16, 13 и 16 сек.

Обследование девочек позволило выявить, что в среднем: рост – 123,9 см; вес – 25, 1 кг; ОГК – 59 см; сила кистей рук – 7 кг, ЖЕЛ – 1,31 л; АДС – 95, АДД – 67; ЧСС в покое – 90 уд/мин; пробе Генчи и Штанге – 28,8 и 25 сек; индекс Руфье – 15, 22 и 16 сек.

Результаты мальчиков 8 лет позволяют констатировать, что рост у них в среднем равняется 124,7 см; вес – 25,4 кг; ОГК – 60 см; сила рук – 8 кг, ЖЕЛ – 1,27 л; АДС – 95, АДД – 66; ЧСС – 92 уд/мин; функциональные показатели по методике Штанге – 26,2 сек, Генчи – 24 сек; индекс Руфье – 15, 21 и 15 сек.

Тестирование девочек 9-летнего возраста показало: рост – 130, 4 см; вес – 27,1 кг; ОГК – 60,8 см; сила кистей рук в среднем равняется 8 кг; ЖЕЛ – 1,25 л; АДС и АДД – 97/70; ЧСС – 91 уд/мин; проба Штанге – 26,6 сек, Генчи – 21 сек: индекс Руфье – 15,23 и 16 сек.

Физическое развитие мальчиков 9 лет: рост – 130,3 см; вес – 28,1 кг; ОГК – 62 см; сила кистей рук – 10 и 9 кг; ЖЕЛ – 1,39 л, АДС и АДД – 97/67; ЧСС – 90 уд/мин; проба Штанге – 29,8 сек, Генчи – 22 сек; индекс Руфье – 15, 22 и 16 сек.

Обследовано 63 девочки в возрасте 10 лет: рост – 136,6 см; вес – 30,8 кг; ОГК – 63,2 см; сила кисти рук равняется – 10 кг; ЖЕЛ – 1,35 л; АДС и АДД – 102/70; ЧСС в покое – 89 уд/мин; проба Штанге – 22,8 сек; проба Генчи – 17 сек; индекс Руфье – 15,23 и 16 сек.

Аналогичное обследование мальчиков такого же возраста показало, что рост в среднем равняется 135,5 см; вес – 31,8 кг; ОГК – 64 см; сила кисти рук в среднем – 12 кг; ЖЕЛ – 1,49 л; АДС и АДД – 101/66; ЧСС – 86 уд/мин; проба Штанге – 30,7 сек; проба Генчи – 29,3 сек; индекс Руфье – 15,23 и 15 сек.

Таким образом, результаты проведенных в различные годы комплексных исследований свидетельствуют о том, что подрастающее поколение Якутии имеет отличительные особенности в показателях физического состояния.

Состояние физического развития детей является одним из ведущих критериев здоровья, доступных для измерения, оценки и интерпретации, и требует регулярного отслеживания тенденций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Винокурова С. П., Дьяконова Н. Д., Антонова А. Н. К вопросу о совершенствовании исследований физического состояния и соматического здоровья школьников //

Материалы II международной научно-практической конференции. – Якутск, 2008. – С. 192-193.

2. Гончаров Ю. И. Обоснование путей повышения физической подготовленности школьников Крайнего Севера: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1978. – 20 с.

3. Дьяконова Н. Д., Винокурова С. П., Антонова А. Н. Физическое развитие и функциональное состояние учащихся среднего школьного возраста // Материалы II международной научно-практической конференции. – Якутск, 2008. – С. 198-199.

4. Сивков Е. П. Региональные особенности физической подготовленности как фактор коррекции содержания физического воспитания (на примере школьников Колымского Заполярья): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1986. – 24 с.

5. Кривошапкин В. Г., Алексеев В. П.. Петрова П.Г. Региональные стандарты здоровья человека на Севере в таблицах и рисунках. – АН РС (Я). – Якутск: Ин-т здоровья, ЯГУ, 2001. – 146 с.

6. Тимофеев Д. С. Адаптивные реакции организма человека к климатогеографическим условиям Якутии: Автореф. дис. … канд. мед. наук. – М., 1989. – 16 с.

7. Тимофеев Л. Ф. О состоянии здоровья детей Якутии в начале XXI век // Материалы международной научно-практической конференции: Физическая культура и спорт: тенденции развития в условиях Азиатско-Тихоокеанского региона. – Якутск, 2004. – С. 62.

8. Тимофеев Л. Ф., Прокопьев Ю. С., Иванова У. М., Суханова Р. Е. Некоторые нормативы физических параметров детей дошкольного возраста и результаты соматоскопии // Стандарты здоровья человека на Севере: матер. регион. семинара. – Якутск, 1997. – С. 33-36.

9. Ханды М. В. Здоровье и развитие современных школьников Республики Саха (Якутия) // Стандарты здоровья человека на Севере: сб-к м-лов регион. семинара. – Якутск, 1997. – С. 13-14.

10. Хрущев В. Л. Здоровье человека на Севере // Медицинская энциклопедия северянина. – Новый Уренгой, 1994. – С. 50.

11. Шамаев Н. К. Особенности методики физического воспитания в условиях Севера. – Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 1996. – 112 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ», г. МОСКВА

УДК 614.2
ББК 5с51
Медицина, техника

медицина

ДИСТАНЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ: ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВРАЧА*

Кандидат физико-математических наук И. Н. Корсаков
Е. Е. Воробьева
А. Г. Михайлова

В данной статье рассматривается соотношение автоматизируемых функций и функций, непосредственно реализуемых врачом, необходимое при разработке системы дистанционного мониторинга здоровья. Приведена схема базового плана ведения пациента и показаны преимущества её использования для врачей.

Ключевые слова
Дистанционный мониторинг здоровья, информатизация здравоохранения, план лечения, сигнал тревоги, электронная медицинская карта

Одной из проблем того, что дистанционный мониторинг здоровья человека пока остается лишь «перспективной технологией», является отсутствие, как правило, в медицинском учреждении электронной медицинской карты (ЭМК) пациента. Распространённым объяснением служит тот факт, что врачи не знают зачем им конкретно она нужна. В общем случае ставится под сомнение не только целесообразность использования ЭМК, но и всей информатизации отрасли. Проведенное под руководством директора федерального государственного учреждения «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения Российской Федерации Стародубова В. И. показало, что «что оснащенность рабочего места врача компьютером не всегда способствует снижению затрат как на работу с документацией так и на основную деятельность, связанную непосредственно с оказанием медицинской помощи пациенту» [1. С. 23]. С другой стороны, существует масса положительных примеров успешного внедрения программного обеспечения в медицинских учреждениях, таких как удаленная запись к врачу, персонифицированный учет пациентов или АРМы специалистов. Зачастую сами врачи препятствуют внедрению новых технологий, считая это вмешательством в их профессиональную деятельность и отстаивая свое право на проведения самостоятельного использования или не использования компьютеров. При этом пользуются медицинскими приборами, в

*** – Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (договор № 02.G25.31.0033)**

которых уже используется встроенное программное обеспечение, которое выполняет компьютерный расчет многих параметров, например, современный кардиограф, который освобождает врача от многих рутинных измерений линейкой. Очень часто успех или неуспех внедрения того или иного программного обеспечения зависит от функциональных возможностей и интерфейса с пользователем. Поэтому информационному оснащению врача в системе дистанционного мониторинга здоровья пациента уделяется огромное внимание [2, 3].

Одной из проблем при разработке системы дистанционного мониторинга здоровья было правильно выбрать баланс между автоматизируемыми функциями и функциями, непосредственно реализуемые врачом. Система дает врачу принципиально новое качество – отображение ряда измеряемых параметров в режиме реального времени (on-line), такие как температура тела, артериальное давление, электрокардиограмма [5. С. 8] и другие. В дополнении к этому, система имеет подсистему управления лечебным процессом, которая позволяет решать задачи точного дозирования, стабильного удержания параметров в заданном диапазоне. Пример базового плана ведения пациента представлен на Рис.1.

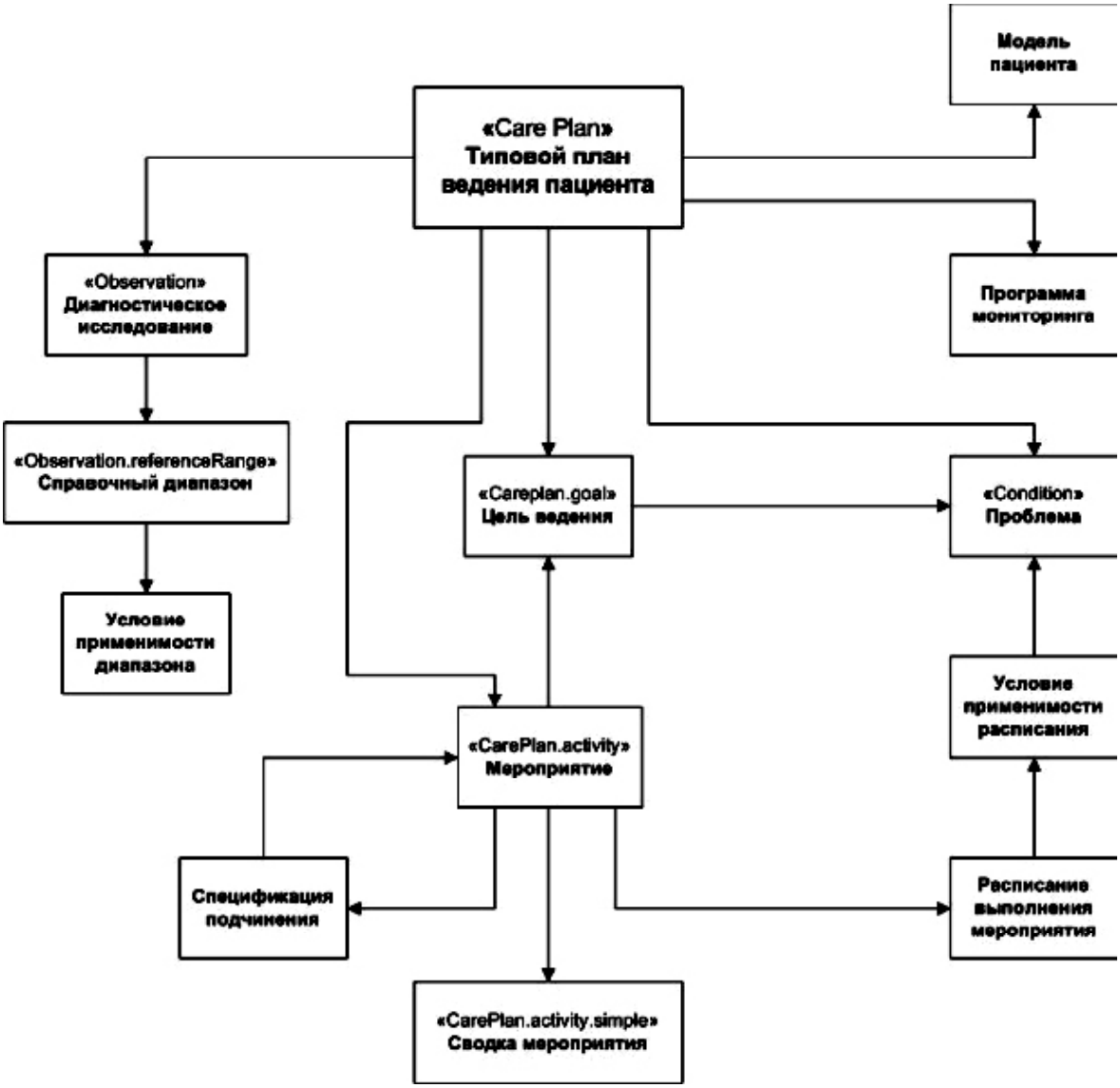


Рис. 1. Типовой план

Тактика ведения пациента позволяет объединить медикаментозную терапию с соблюдением диеты и оптимального режима физической активности. Типовой план используется и в лечении СД типа 2 [4. С. 62]. Компоненты типового плана: медикаментозная терапия, диета, дозированная физическая нагрузка, обучение пациентов самоконтролю, предоставление необходимой информации пациенту, профилактика возможных осложнений. Цель плана лечения является достижение компенсации СД 2, что является обязательным условием профилактики сосудистых осложнений, ранней инвалидизации и повышенной летальности при этом заболевании. На базе типового плана лечения врач самостоятельно составляет индивидуальный план лечение для конкретного пациента, учитывая его специфические особенности. Врач также может отказаться от использования шаблона и составить свой собственный план лечения. Второй важной возможностью для врача является индивидуальная настройка параметров сигнала тревоги, который имеет разные приоритеты. В случае срабатывания датчика падения пациента, сигнал тревоги отправляется напрямую в круглосуточный центр реагирования для дальнейшего принятия решения. Сигнал тревоги можно настроить по событию, например, приход от пациента снятой ЭКГ. Врачу не надо отвлекаться на проверку прихода ЭКГ, в этом случае сигнал оповещения сам сообщит о наступившем событии. Сигнал тревоги может быть направлен группе людей, его можно маршрутизировать в зависимости от текущего состояния в системе. Система спроектирована таким способом, чтобы дать максимальный доступ к информационным ресурсам, не отвлекая врача от исполнения им профессиональной деятельности.

В конце марта 2014 г. сотрудники региональных медицинских информационно-аналитических центров (МИАЦ) получили от Минздрава РФ уведомления об успешном прохождении тестирования интеграции с ИЭМК в четырех субъектах РФ – Камчатском крае, Красноярском крае, Пензенской области и в Республике Калмыкии. Несмотря на то, что это тестовый режим и только в нескольких регионах, это дает основание считать, что этот сервис скоро станет доступен для большинства медицинских учреждений, тогда пациенту станет возможно совмещать медицинскую информацию из разных источников, не нужно будет ее дублировать, используя повторный ввод, иметь сразу несколько врачей из разных медучреждений, а также делать анализы в разных лабораториях, результаты которых попадут в электронную медицинскую карту.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стародубов В. И., Сон И. М., Иванова М. А., Люцко В. В., Армашевская О. В., Соколовская Т. А., Бантьева М. Н. Затраты рабочего времени врачей амбулаторного звена по данным фотохронометражных исследований (ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, г. Москва, Россия) // Менеджер здравоохранения. – 2014. – № 8. – С. 22-24.

2. Назаренко Г. И., Гулиев Я. И., Ермаков Д. Е. Медицинские информационные системы: теория и практика. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 320 с.

3. Рот Г. З., Фихман М. И., Шульман Е. И. Медицинские информационные системы: Учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2005. – 70 с.

4. Шалковский А. Г., Купцов С. М., Корсаков И. Н., Атабаева В. Д. Дистанционный мониторинг здоровья пациентов с сахарным диабетом 2 типа // Доктор.Ру. – 2013. – № 7(85). – С. 61-64.

5. Ощепкова Е. В., Довгалевский П. Я., Гриднев В. И. и др. Структура первичных элементов базы данных российского регистра больных артериальной гипертонией, ишемической болезнью сердца и хронической сердечной недостаточностью // Кардио-ИТ. 2014. – № 2. – С. 1-11.

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА И. П. ПАВЛОВА МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 616.12
ББК 54.10
Медицина, внутренние болезни, история медицины

медицина

ИЗУЧЕНИЕ «СОЛДАТСКОГО СЕРДЦА» В РАБОТАХ T. LEWIS

Кандидат медицинских наук С. Н. Котляров

Статья посвящена описанию истории изучения «военных синдромов», т. е. заболеваний, ассоциированных с участием в боевых действиях. Проведен анализ работ британского ученого Thomas Lewis по проблеме «солдатского сердца». Представлены основные теории возникновения заболевания, методы лечения и реабилитации.

Ключевые слова
«Солдатское сердце», «военный синдром», Томас Льюис

Среди огромного количества исследований по проблеме «военных синдромов», наибольшую известность получила статья американского врача Jakob Mendes Da Costa, опубликованная в январе 1871 года в American Journal of Medical Sciences: «Раздраженное сердце: клиническое исследование функционального нарушения сердечной деятельности и его последствий» [7]. Работа Da Costa была посвящена описанию солдат-участников гражданской войны в США, психические и физические симптомы которых, не имели адекватного объяснения. Наиболее частыми жалобами были одышка, сердцебиение, жгучие боли в груди, а также слабость, диарея, головная боль, головокружение и нарушения сна, усталость, а также «homesickness» («тоски по дому, Родине»).

Работа Da Costa вызвала немалый интерес исследователей к проблеме и лавинообразный рост числа публикаций, посвященных изучению «военных синдромов» [15, 19]. Первая Мировая война дала почву для новых работ по исследованию расстройства. Вскоре после ее начала, Министерство Обороны Великобритании решило выделить несколько коек в больнице Университетского колледжа для проведения исследований «сердца солдата». Зимой 1914-15 года, энергичный молодой лондонский врач, капитан Томас Льюис (Thomas Lewis (26 December 1881 – 17 March 1945)), возглавил эту работу. Назначение Льюиса, вероятно, было в значительной степени обусловлено усилиями Маккензи, близкого друга и профессионального коллеги Льюиса. Работы Маккензи в области кардиологии сделали его заметной фигурой в британской медицине, что могло повлиять на открытие Министерством Обороны новой больницы. Сам сэр J. Mackenzie, посвятил многие годы изучению «солдатского сердца», опубликовал ряд работ, организовывал

конференции, призванные систематизировать имеющиеся знания по проблеме [4, 8, 20].

Начиная свою работу сначала в больнице Университетского колледжа в Лондоне, а затем в военном госпитале в Хэмпстеде и Колчестер, Льюис и его команда провели ряд исследований, по результатам которых опубликовали более 20 работ.

Осень 1915 года принесла ухудшение ситуации на фронтах первой мировой войны. Провал десантной операции на полуострове Галлиполи, а в сентябре и катастрофическое наступление на Лоос, привели к огромным потерям. Становилось очевидным, что позиции войск останутся неизменными в течение всей зимы и что война затянется на длительное время. В ноябре 1915 года в больнице Университетского колледжа в Лондоне, находилось большое число пациентов с жалобами на боль в груди, одышку, сердцебиение, истощение и головокружение. Томас Льюис с коллегами написали «срочное» письмо в Британский медицинский журнал [2].

Это письмо затрагивало проблему солдат, возвратившихся с линии фронта с «сердечной деформацией» или «неупорядоченной деятельностью сердца». Эти люди жаловались на боль в груди, одышку, сердцебиение и усталость. При осмотре данной группы пациентов выявлялись признаки вазомоторной нестабильности. После исключения пациентов, у которых, вероятно, имели место структурные повреждения сердца вследствие перенесенных ревматизма, хореи или сифилиса, Льюис и его коллеги определили группу лиц, у которых симптомы, казалось, были связаны с токсинами из-за стафилококковой или стрептококковой инфекции.

Британский медицинский журнал опубликовал несколько писем на тему в течение ближайших нескольких месяцев. Большинство исследователей сошлись во мнении, что часть солдат действительно имели признаки заболевания клапанов, серьезно ухудшающих деятельность сердца, тогда как для остальных пациентов, симптомы являлись следствием экстракардиальных причин.

Ранние представления по этиологии «раздраженного сердца» отражены в работах того десятилетия, которое стало революционным во многих направлениях клиники внутренних болезней: открытие циркулирующих гормонов и создание новой области эндокринологии, а также быстрый прогресс микробиологии в выявлении бактерии и ассоциирования их с конкретными заболеваниями человека. Некоторые исследователи предположили, что причиной заболевания является гипертиреоз. В качестве причины болезни рассматривались и инфекции, которые могли быть различной локализации и предшествовали появлению симптомов, а могли иметь и хроническую, в том числе вялотекущую форму, как например туберкулез. Прежние теории о причинах заболевания, такие как компрессия грудной клетки тяжелыми рюкзаками и неудобной формой были гораздо удобнее в плане профилактики, ведь лечение гипертиреоза и инфекций в тот период времени представляли собой очень сложную задачу, которая базировалась прежде всего на принципе «повышения общего здоровья организма таким образом, чтобы расширить естественную устойчивость к инфекции». Конечно, это было довольно неспецифическое лечение, и вряд ли можно было ожидать быстрого пополнения потерь от фронта.

Группа ученых во главе с Томасом Льюисом описала и другие наблюдения пациентов. Во-первых, пациенты хуже переносили физические нагрузки, чем лица в контрольной группе. Отмечались появление и усиление симптомов, более выраженное повышение систолического артериального давления [3]. Во-вторых, у данных пациентов не было выявлено никакого заметного расширения сердца [13]. В-третьих, установлено незначительное

уменьшение жизненной емкости легких [9]. В-четвертых, пациенты отмечали гиперaлгезию в прекордиальной области [14]. В-пятых, хотя в 1916 году Льюис и коллеги сообщали, что «причиной одышки является отсутствие адекватной поставки буферных солей в крови» [1], проведенные впоследствии (1919 г.) исследования не показали значимых снижений щелочного резерва крови [18], а симптомы не уменьшались при приеме digitalis [17]. В-седьмых, при приеме атропина, пилокарпина, амилнитрита, реакция пациентов была совершенно другая, нежели в контрольной группе [4, 5, 6]. Кроме того, как было описано Оппенгеймером и Ротшильдом, пациенты, вероятно, были представлены двумя группами: одна с семейным анамнезом и историей симптомов до призыва и вторая без такого фона и с симптомами, особенно истощения и слабости, после перенесенной острой инфекции.

В феврале 1918 года в журнале Lancet Льюис отметил свои наблюдения о значении скрининга и программ реабилитационного отдыха и физических упражнений в лечении данных пациентов [11]. Из 558 солдат, уволенных с военной службы в 1916 году из-за болезни, примерно половина смогли вернуться к прежним уровням физической активности. Такая успешная программа реабилитации включала различные физические упражнения, ходьбу, игры в теннис, гольф, крикет, спортивные соревнования, а также лекции, показ картин. Программа включала в себя и театрализованные представления, участниками которых были сами пациенты, музыкальные концерты.

Для описания расстройств, ассоциированных с участием в боевых действиях, Льюис предложил термин «синдром усилия», так как заметил, что в ряде случаев возникновение симптомов происходит в ответ на физические нагрузки. Многие из обследованных пациентов были астенического телосложения, имели ряд симптомов и до призыва в армию, часто выбирали малоподвижную профессию, избегали энергичных спортивных мероприятий из-за трудностей при выполнении физически напряженной работы [12]. После же призыва в армию следовал этап напряженной службы в тренировочных лагерях, марш-бросков и т. д., где новобранцы часто заболевали вирусной инфекцией, после выздоровления от которой, они уже не могли поддерживать прежние уровни физической активности.

На основании собственных исследований, Льюис предложил внедрить курс физических упражнений во всех военных госпиталях, найдя в этом решительную поддержку у Джеймса Маккензи и Уильяма Ослера [16].

Результатом научных исследований ученого стала публикация в 1919 году монографии: «Солдатское сердце и синдром усилия», в которой автор детально обобщил имеющиеся сведения по симптоматике, этиологии, диагностике, лечении расстройства и прогнозе [10]. Ученый считал, что данная категория охватывает шесть подгрупп пациентов: с конституционной нервной или физической слабостью, подвергавшихся чрезвычайно неблагоприятным условиям работы и сна, перенесших острые инфекционные заболевания (некоторые из которых с еще не установленной инфекцией), небольшая группа лиц, после отравления газами, и еще одна небольшая группа с неустановленными болезнями сердца.

Льюис считал вполне естественным то, что у некоторых мужчин появились симптомы заболевания во время военных стрессов, и отметил, что синдром также известен и в гражданской жизни. Он подчеркнул универсальность симптомов одышки (которая редко встречается в покое), и считал ее, вероятно, следствием кислотно-основных изменений в крови. Усталость, отмечал ученый, также универсальна, как и жалоба у половины пациентов на боли в левой части грудной клетки

после физических усилий, с частой гиперестезией кожи или мышц грудной стенки. Сердцебиение также отмечалось очень часто, были иногда и обмороки, а также головокружения.

Льюис не был согласен с Hartshorne и Maclean в том, что этот синдром обусловлен сердечной недостаточностью. Он не нашел подтверждений и того, что потребление алкоголя или табака, или наличие гипертиреоза, были этиологическими факторами заболевания, также не смог он найти и доказательств первичного поражения нервной системы. По результатам своих исследований, ученый пришел к выводу, что доминирующим этиологическим фактором в клинической картине солдат с «синдром усилия» были инфекции. Он призвал к активному использованию гигиенического режима, в том числе мероприятий на открытом воздухе, а также подчеркнул, что постельный режим для данной категории пациентов вреден. О роли же инфекции в генезе заболевания, Льюис активно дискутировал с Джеймсом Маккензи.

С целью понимания истории и характера этих дискуссий является интересным представить текст выступления Поля Д. Уайта в Институте неврологии и психиатрии в г. Феникс (штат Аризона), США, 28.01.1961 года о роли эмоциональных факторов при сердечно-сосудистых заболеваниях, который был опубликован журналом «Клиническая медицина» в 1961 году: «Наш первый опыт в распознавании нейро-циркуляторной астении относится к концу 1916 г., когда мы были в составе одного из американских подразделений, присоединившихся к британским экспедиционным силам во Франции в самом разгаре траншейной войны на Сомме. Очень кратко мы услышали об этой проблеме в Хампстеде, близ Лондона, во время обходов больных с сэром Джеймсом Маккензи и Томасом Льюисом. Томас Льюис принимал трех известных гостей – терапевтов Джеймса Маккензи, Клифорда Олбатта и Вильяма Ослера. Во время обхода больных в день нашего посещения между Маккензи и Льюисом произошла горячая дискуссия. Маккензи имел совершенно определенное мнение о причинах развития ряда симптомов, к которым относились одышка со значительным углублением дыхательных движений, с гипервентиляцией, сердцебиения (обычно простая усиленная синусовая тахикардия), боли в области сердца (не загрудинные) и большая слабость, иногда доходящая до обморока; кроме того, у многих больных отмечались резкое потоотделение, бессонница. Маккензи связывал эти явления с первыми стадиями тиреотоксикоза. Однако Льюис не соглашался с ним и утверждал на основании проведенных им ошибочных исследований, что эти признаки вызваны инфекцией. Основанием для такого мнения явились исследования, по-видимому, загрязненных культур крови и мочи.

Оба они ошибались. Однако мы до сих пор не знаем истинных причин развития этого состояния, которое со времени первой мировой войны мы называем «нейроциркуляторная астения».

После окончания войны в 1918 году, Льюис помогал британскому Министерству Обороны в оценке инвалидности при сердечно-сосудистых заболеваниях. Томас Льюис внес огромный вклад в изучение «военных синдромов», он также способствовал популяризации использования графических записей, например, полиграфа и электрокардиограммы (ЭКГ), в изучении заболеваний сердца, войдя в состав Комитета по медицинским исследованиям (MRC) в феврале 1916 года [15].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Breathlessness in soldiers suffering from irritable heart / T. Lewis [et al.] // Br Med J. –

1916. – P. 517-519.

2. Cotton T. A note on the «irritable heart» of soldiers / T. Cotton, T. Lewis, F.H. Thiele // Br Med J. – 1915. – P. 722.

3. Cotton T. F. After effects of exercise on pulse rate and systolic blood pressure in cases of «irritable heart» / T. F. Cotton, D. L. Rapport, T. Lewis // Heart. – 1917. – № 6. – P. 269-284.

4. Cotton T. F. Observations upon amyl nitrite / T. F. Cotton, J. G. Slade, T. Lewis // Heart. – 1917. – № 6. – P. 311-315.

5. Cotton T. F. Observation upon atropine / T. F. Cotton, D. L. Rapport, T. Lewis // Heart. – 1917. – № 6. – P. 293-298.

6. Cotton T. F. Observations upon pilocarpine nitrate / T. F. Cotton, J. G. Slade, T. Lewis // Heart. – 1917. – № 6. – P. 299-310.

7. Da Costa J. M. On irritable heart: a clinical study of a form of functional cardiac disorder and its consequences / J. M. Da Costa // Am. J. M. Sc. – 1871. – P. 61-117.

8. Discussions On The Soldier's Heart / J. Mackenzie [et al.] // Proceedings of the Royal Society of Medicine, Therapeutical and Pharmacological Section. – 1916. – № 9. – P. 27-60.

9. Levine S. A. Observations on the vital capacity of the lungs in cases of «irritable heart» / S. A. Levine, F. N. Wilson // Heart. – 1919. – №7. – P. 53-61.

10. Lewis T. The soldier's heart and the effort syndrome / T. Lewis. – New York, 1919. – P. 1-103.

11. Lewis T. Observations upon prognosis, with special reference to the condition described as the «irritable heart of soldiers» / T. Lewis // Lancet. – 1918. – P. 181-183.

12. Mackenzie J. The soldier's heart / J. Mackenzie // Br Med J. – 1916. – P. 117-119.

13. Meakins J. C. Orthodiagraphic observations on the size of the heart in cases of so-called «irritable heart» / J. C. Meakins, E. B. Gunson // Heart. – 1918. – № 7. – P. 1-16.

14. Meakins J. C. The occurrence of hyperalgesia in the «irritable heart of soldiers» / J. C. Meakins, E. B. Gunson // Heart. – 1917. – № 6. – P. 343-353.

15. Oglesby P. Da Costa's syndrome or neurocirculatory asthenia / P. Oglesby // Br Heart J. – 1987. – Vol. 58. – P. 306-315.

16. Osler W. Graduated exercise in prognosis [Letter] / W. Osler // Lancet. – 1918. – № 1. – P. 231.

17. Parkinson J. Digitalis in soldiers with cardiac symptoms and a frequent pulse / J. Parkinson // Heart. – 1917. – №6. – P. 321-336.

18. Wilson F. N. The bicarbonate concentration of the blood plasma in cases of «irritable heart» / F. N. Wilson, S. A. Levine, A. B. Edgar // Heart. – 1919. – № 7. – P. 62-64.

19. Котляров С. Н. Вклад Jakob Mendes Da Costa в изучение «солдатского сердца» / С. Н. Котляров // Наука молодых (Eruditio Juvenium). – 2014. – № 4. – С. 6-10.

20. Котляров С. Н. «Военные синдромы» в работах James MacKenzie / С. Н. Котляров // Одышка и ассоциированные синдромы: межрегион. сб. науч. тр. / под ред. проф. В. Н. Абросимова. – Рязань, 2014. – Вып. 5. – С. 35-37.

SUMMARY

Yurkin I. N. To the History of the Berg-Collegium in the First Years of Its Existence: St. Petersburg Plant for the Production of Alum // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 6 – 19. [1,1 p. s.]

Key words

Alum, the history of the chemical industries, the history of the chemical technology, history of St. Petersburg, Berg-Collegium

Summary

Discusses the history of one of the first projects of the Berg-Collegium: the St. Petersburg plant for the production of alum (1720-1721). Clarified the chronology of events. Studied the activities of persons who played a major role in the project: the surveyor Wilhelm Gottfried Shtift and captain Peter Chelishchev. Discussed the reasons that prevented the implementation of the project. According to the author, they were moving Berg-Board (including specialists) in Moscow and the poor quality of ore. The issues regarding equipment and technology. New explained associated with the project graphic material. The author believes that it depicts not the plant, and the land on which it was tested the quality of the ore.

Ryndin I. J. Analysis of New Materials and Research by History of the Ryazan Nobility Tenure XVIII – XIX Centuries // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 20 – 24. [0,4 p. s.]

Key words

Ryazan nobility, noble estates, aristocratic pedigree book (APB), freeholders, Revision lists, grant books, «share»

Summary

Review and analysis of documents and sources for Ryazan noble landownership XVIII - XIX centuries., including the introduction into scientific circulation MB Olenev in 2000 - 2015 years. Defining the role and importance of a comprehensive study of these documents for the general study of Ryazan noble families.

Ershov V. F., Nagornov V. P. The Ryazan Metallurgy in the Context of Economic and Social and Class Policy of Russia in XVIII – the Middle of the XIX Centuries // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 25 – 32. [0,6 p. s.]

Key words

Ryazan province, XVIII century, metallurgical industry, industrial policy of Peter I, industrial policy of the period of an absolutism, private business, serf manufactory

Summary

In article legal and social and economic conditions of formation of metallurgical industry in the Ryazan region are analyzed. Authors show influence of policy of the state stimulation of mining business and a role of a private enterprise initiative in development of the ironworks industry in the Ryazan province in XVIII – the beginning of the XIX century, light the most important features of functioning of the metallurgical enterprises in the context of an overall picture of social and economic development of the Ryazan land during the prereform period.

Biryukova K. V. Periodicals of the Russian Spiritual Missions for the People of the Far East // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 33 – 38. [0,5 p. s.]

Key words

The Russian Spiritual Missions, orthodox periodicals, Orthodoxy in the Far East, «The Chinese blessed messenger», «The orthodox messenger» («Seykyo simpo»), «The spiritual sea» («Sin Kai»)

Summary

In article periodicals of the Russian spiritual missions in the Far East are investigated

(generally in China and Japan). Such editions as «The Chinese blessed messenger» (China), «The orthodox messenger» (Japan), «The spiritual sea» (Japan) became an object of research.

Missionaries realized importance of the printing word for distribution of orthodox belief. Periodicals appeared in Russian and in languages of the local people. The translations, materials of the Christian and common cultural contents, official documents, research works were printed, actual problems were covered. Periodicals of missions promoted the sermon of Orthodoxy among the local people and to cross-cultural dialogue.

Shayakhmetova I. Z., Urazova A. I. The Supply of the Urban Population in the Activities of Local Authorities of the Bashkir ASSR in the Pre-War Decades and in the Years of the Great Patriotic War // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 39 – 42. [0,3 p. s.]

Key words

The urban population of the Bashkir ASSR, the Great Patriotic war, local authorities, city councils

Summary

The article considers the problem of the organization of supply of the urban population, starting from the stage of formation of local governments and ending with the period of the great Patriotic war.

Gorbunov B. V. Record Red Army Officers Alexander Isayevich Solzhenitsyn // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 43 – 48. [0,5 p. s.]

Key words

A. I. Solzhenitsyn, a reserve officer, the Red Army, World War II, military enlistment, military records, military rank, a prisoner

Summary

The article is devoted to the military service of Solzhenitsyn. At the heart of the work – an analysis of its «track record», stored in the archives of the Ryazan regional military commissariat.

Nagornov V. P. Materials to Army's Life Solzhenitsyn // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 49 – 51. [0,2 p. s.]

Key words

Solzhenitsyn Alexander Isaevich, the Great Patriotic War of 1941-1945, the army, the front, biography

Summary

Set out the facts of the army's biography of Solzhenitsyn on the basis of his personal records and official documents.

Lavrentiev A. V. The Main Stages of the Policy Transport Development in the Russian Far East and their Results (Second Half of the 1980-s and the Early 2000-ies) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 52 – 56. [0,4 p. s.]

Key words

Transport, history, region, government policy, socio-economic processes

Summary

The article considers the main directions of state policy in the field of transport and their implementation in the Russian Far East. The author's periodization of transport development of the region in the modern period of Russian history.

Zmeev V. A. Normative and Legal Basis of Development of the Soviet Higher School // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 57 – 71. [1,2 p. s.]

Key words

Soviet higher school, state educational policy, normative legal acts

Summary

In paper an attempt to consider influence of normative and legal basis on development of the higher school during the Soviet period of national history is made. The author analyzes the main documents which defined the Soviet educational policy within seven historical stages of development of the higher school. On the example of the leading Soviet higher education institutions activities of the faculty, administrative and educational support personnel on implementation of requirements of the documents regulating training and education of students in 1917-1991 are shown.

Kurlaev A. E. Industrial Heritage in the System of Protection and Conservation of Monuments of History and Culture Russia: Problems and Prospects // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 72 – 79. [0,6 p. s.]

Key words

Industrial heritage, historical and cultural heritage, industrial landscape, museum-plant, valorization, conservation and preservation of monuments, industrial archaeology, Ural, industrial museum

Summary

The article considers stages of forming of industrial heritage status in the national historical and cultural sphere and implementation of conservation measures. Despite the necessity of complex museumfication of whole industrial complexes and landscapes, legislative and institutional mechanisms of historical and cultural sphere have not been able to solve issues of preservation of industrial heritage. Notable current positive trends, including the spread of modern interdisciplinary methods allow us to speak about the prospects for new synthetical (science-based, public and creative) environment that would be able to solve urgent problems of conservation of industrial monuments.

Abdurazakov R. A. Fundamental Geopolitical Dualism in Modern Russian Textbooks // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 80 – 85. [0,5 p. s.]

Key words

Geopolitics, the main law of geopolitics, continental-oceanic dichotomy, fundamental dualism, Tellurocracy, Thalassocracy

Summary

This article deals with the problem of a fundamental dualismin modern Russian textbooks on geopolitics. We studied all the main and most well-known modern edition. The author identifies two main trends in the test subject in the main stream of classical geopolitics and revisionist. We concluded about the necessity of compulsory study of the basic law of geopolitics to geopolitical socialization of the Russian society and as the basis of modern Geopolitical Studies.

Bezkadi Fadi. Foreign Policy Priorities of Russia in the Middle East // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 86 – 91. [0,5 p. s.]

Key words

Foreign policy of Russia, the Middle East, the hegemony of the United States, nuclear weapons, terrorism, the war in Iraq, Hamas, Hezbollah

Summary

This article discusses the priorities of Russian foreign policy in the Middle East. It describes the relationship of Russian foreign policy on such important issues for her as terrorism, nuclear weapons, the US aggression in Iraq, military cooperation with Arab countries, the establishment of a unipolar system and the dominance of America, and geopolitics in the Middle East. Are a few differences between the foreign policies of the United States and the Russian Federation.

Doroshenko V. A., Zapariy V. V., Moskalenko M. R. The History of Scientific and Technical Creativity in the Context of Modern Technical Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 92 – 99. [0,6 p. s.]

Key words

History of scientific and technical creativity, scientific discoveries, industrial modernization, technical education and training

Summary

The article explains the importance of studying the history of scientific and technical creativity for the preparation of engineering and technical personnel, as well as examines some conceptual approaches to the problem of innovative modernization of the current Russian industry. Main provisions of the historiography of scientific and technical creativity as areas of historical science and identifies the main points to which, in the authors' opinion, should be given special attention in the teaching of this discipline. It is argued that the history of scientific and technical knowledge is a promising direction of research for the historical science that can give a big social and applied significance. It covers a wide spectrum of social and political institutions, accelerate industrial upgrading, the formation of its socio-cultural content that is essential to the training of future engineers, production managers, and business.

Zamoshchanckii I. I. National Culture and Ethics as a Social-Communicative Resource Business Interaction // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 100 – 106. [0,6 p. s.]

Key words

Communication, business, management system, management, appliances body habitus, ethics, corporate culture, national culture, social order daily

Summary

The article is devoted to disclosure of national culture and communication management and communication in business from the point of view of unconscious communication schemes and defined the culture of meta-programs, techniques and body habitus.

Zhukovskaya E. E. Classification of Information Risks: Life of Actors in Information Society // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 107 – 115. [0,7 p. s.]

Key words

Information space, media, information communication, information risk, complex society, network society

Summary

Information, which has become a major player in the society of XXI century, carries with it certain risks that cannot be managed only with the help of technical devices. Although experts in the field of Cybernetics and programming rely mainly on them, all sorts of devices and their derivatives signals – only controls, information security, they are just tools to determine the boundaries of habitat information and distribution on social channels.

Rybakova M. V., Zernova L. P. College Students: the Role of Cultural Competence in Overcoming Social Infantilism // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 116 – 123. [0,6 p. s.]

Key words

Students, social infantilism, modernization of society, cultural competence, socio-cultural environment

Summary

The article discusses the problems associated with restriction implementation of the «social order» of society. Social infantilism of student's youth is a major factor impeding the modernization of society and complicates delivered before the universities of the task. Cultural competence and the quality of their formation is a mechanism to overcome social infantilism

students. The primary role of the quality of learning of cultural competence is given to the socio-humanitarian block of preparation of students within the practice-oriented socio-cultural environment of modern technical University.

Rychihina E. N., Rybakov V. A. Monitoring in Communications Policy of the Customs Authorities // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 124 – 133. [0,8 p. s.]

Key words

Communication policy, monitoring, customs, information technology

Summary

The article examines approaches to determining the effectiveness of the communication policy of the customs authorities on the basis of the monitoring system and indicators. On the basis of the conducted sociological research identifies key indicators monitoring internal and external communications of the customs authorities.

Vasilyeva N. L. Psychological Health: the Father's Role in Personality Development in Childhood // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 134 – 140.[0,6 p. s.]

Key words

Role of the father, personality development, different periods of childhood

Summary

Emphasis on the maternal role in a child's development made by the ego-psychology in last decades left a role of the father in a shadow. This paper draws attention to the paternal role in building up a child's personality. The aim of the paper is to give consideration to fathers' functions in a child's development in different childhood ages. The paper is a theoretical study of psychoanalytical works in the field.

Volodarskaya E. A., Kondratova L. V. The Competitiveness of the Individual as a Social Setting // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 141– 148.[0,6 p. s.]

Key words

Competitiveness of personality, social setting, structure, competitiveness, professional sphere

Summary

The article analyzes the psychological approaches to the phenomenon of competitiveness of personality on the basis of its stability and dynamism, the focus of interest of individual disciplines (General, educational, social psychology). Highlighted features of consideration of the competitiveness of the individual as social attitudes.

Efremov O. Yu., Kopysova L. A., Mutalieva L. S., Tarasova L. V. Social Engineering as a Tool for Development of Motivation for Professional Activity of Students in Universities // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 149 – 153. [0,4 p. s.]

Key words

Social design, motivation for professional activity, studying at the universities

Summary

In the article with teaching positions considered possibilities of social engineering for the development of motivation for professional activity.

Efremov O. Yu., Khudyakov A. I., Garras Z. E. Theoretical and Empirical Grounds for Application Testing in Teaching Research and Practice of Education // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 154 – 160. [0,6 p. s.]

Key words

Teaching diagnostics, teacher testing, pedagogical research, practice education

Summary

Article from the position of pedagogical Diagnostics considers the basic theoretical and

empirical grounds for application testing in pedagogical research and educational practice.

Kostyukova T. A., Kalabukhov V. V. (Abbot Ambrose). The Organization of Work with Youth in Orthodoxy Bosom abroad in the XX Century // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 161 – 165. [0,4 p. s.]

Key words

Russian Orthodox Church, youth policy, traditional cultural wealth, youth, state and church relationship

Summary

In article one of the priority directions in activities of foreign Russian Orthodox Church for formation of installations, the contents and forms of work with youth is considered. The purpose of article consists in the historical and pedagogical analysis of experiment of ROC on search of productive ways of work with youth during the period from 1920th to the present. Methodological basis of article are the principles of objectivity and systemacity. Scientific novelty consists in systematization and the analysis of modern ways of work with youth within cultural values of Orthodoxy abroad.

Alexeeva T. E. Optimizing the Educational Process on the Basis of the Means of Information and Communication Technologies // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 166 – 170. [0,4 p. s.]

Key words

Optimization, educational process, means of information and communication technologies, learning efficiency

Summary

In the article, different aspects of optimizing the educational process on the basis of using the means of information and communication technologies are considered. Optimization is defined as a purposeful choice of the best organization of the educational process allowing to achieve maximum possible results. Optimality criteria are effectiveness, quality of training and time and efforts spent by students and teachers. The usage of the means of information and communication technologies makes it possible to organize the educational process in the best way since it allows to consciously select methods, means and modes of instruction, creates conditions for activating learning activities and executing the differentiated approach to students. In addition to that, the educational process based on the means of information and communication technologies as well as the means themselves are supposed to satisfy certain requirements, in particular, to conform to the training goals and objectives, the aims of each specific lesson and the students' level of training. The main directions of optimizing the educational process using the means of information and communication technologies are creation of optimal conditions for learning and instruction, development of a complex of electronic means for a specific subject, working out methods and ways of using these means and preparation of teachers for pedagogically reasonable application of the electronic means in the educational process.

Vislova A. D. Modern Theories and Conceptual Approaches to the Genesis of Deviant Behavior // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 171 – 174. [0,3 p. s.]

Key words

Deviant (deviant) behavior is the norm, a biological approach, psychological approach, the sociological approach

Summary

The article considers the main approaches to the problem of deviant behavior and the key issues associated with its occurrence. The theoretical views of scientists belonging to different scientific directions are analysed, that allowed to educe conceptually-concept grounds being based on a concept «deviant behavior».

Ivanova L. B. English Language Improvement on the Basis of Podcasts Using // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 175 – 178. [0,3 p. s.]

Key words

Education informatization, innovation information and communication technologies, podcasting, podcasts, development of auding and talking skills.

Summary

The terms «podcast» and «podcasting» are the subject of the article, podcast classification is proposed in teaching a foreign language, selection criteria of podcasts is under consideration, as well as auding and talking skills formed on the basis of podcasts, podcast Web sites for learning English.

Kotsina M. N. The Moral and Patriotic Education the Younger Generation in Modern Conditions // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 179 – 184. [0,5 p. s.]

Key words

Homeland, human values, moral and Patriotic education, children, younger generation, youth

Summary

The article is devoted to an organized process of pedagogical influence on the formation of children and youth morality, patriotism, love and devotion to the Homeland. Based on the experience of teaching practice presents the current state of conditions for efficient operation on moral and Patriotic education of the younger generation.

Lukashenya Z. V. The Possibility of Consulting in the Implementation of Continuous Education Teacher // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 185 – 190.

Key words **[0,5 p. s.]**

Continuing education, consulting professional educator, game modeling, self-determination, self-actualization

Summary

Consulting professional educator is one of the effective educational forms that implements humanistic principles of modern learning and personal orientation. It uses counseling techniques based on the concept of reflexive and creative psychology and pedagogy. They are implemented through intensively game methods that ensure the continuity of training for innovation in education.

Odarushchenko O. I. The Problem of Professional Communication Officers with a Population // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 191 – 195. [0,4 p. s.]

Key words

Police, communication, communicative competence, professional communication

Summary

Presents work dealing with professional communication officers with the population, the methodology of modern business communication. Describes the main methods of influence in the process of professional communication. Recommendations for improving the communicative competence of the MUP.

Popov E. G. (Hieromonk Maxim). The Subject of Religious Studies in Transpersonal Psychology // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 196 – 200. [0,4 p. s.]

Key words

Transpersonal psychology, religion, spirituality, culture, mystical experiences

Summary

The article is devoted to the problem of forming a new type of consciousness in the second half of the twentieth century in connection with the formation of transpersonal psychology. The article considers the problem of relationship between psychology, religion

and spirituality. Special attention is paid to the study of religion, including the spiritual phenomena of transpersonal psychology and the impact of the methodology of non-denominational religion on human consciousness.

Tyrtyshny A. A., Klimentov V. L. Museum Mediation in Museum Pedagogy: Experiences, Challenges, Solutions // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 201 – 212. [1,0 p. s.]

Key words

Museum mediation, the principles of Museum-pedagogical interaction, technology Museum of mediation, the situation of Museum communication

Summary

The article analyses the modern state of Museum mediation as an innovative socio-cultural and educational technology to overcome communication barriers. Discusses the psycho-pedagogical and socio-legal conditions for the implementation of Museum mediation in educational activity of museums and educational organizations. The possibilities of Museum mediation in the implementation of integration tasks museology, education and awareness with respect to actual changes in the socio-cultural conditions of modern society.

Phomashina N. V. Pedagogical Conditions of Effective Self-Education Organisation of the Cadets // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 213 – 218.[0,5 p. s.]

Key words

Cadet, pedagogical conditions, self-education, differentiation and intensification of education

Summary

This article discusses the problems of pedagogical conditions of self-education. It contains analyses of these conditions and shows the role of self-education in life of military specialists.

Vizulina K. S. The Value Field Officers-Leaders of the Military Institution from the Standpoint of the Competence Approach // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 219 – 227. [0,7 p. s.]

Key words

Personal goals, personal values, managerial competence, the officers-executives, students of the military University, and professional activities

Summary

The article examines the relationship between managerial competencies and values of the officers-leaders of the military institution. It is established that they perform management activities requires a high development of the totality of psychological competencies, including the abilities to form personal goals and values. It is shown that there are differences in the structure of the components forming the competence of the officer in the field of personal goals and values, which are considered as a psychological conflict that requires a constructive resolution. A dedicated hierarchy of terminal values of the officers and found that it takes a certain contradiction with the competencies, knowledge of which is essential to their military service. These data allow us to highlight areas for personal and professional growth officers-executives.

Gasimov A. F. Some Modern Technologies of Diagnostics of Emotional Intelligence // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 228 – 232. [0,4 p. s.]

Key words

Emotional intelligence, FaceReader, basic emotions, social perception

Summary

In article the photo as one of possible instruments of psychological research of emotional competence of the personality is considered. Author's methodical development according to the analysis of practical manifestation of emotional intelligence of the personality is described. These series of the empirical researches which showed efficiency of the offered technique are

given. Possibilities of use of author's tools locate in various spheres of psychological practice.

Kanishcheva M. A. Personality Projection in the Image of the Future in People with Different Levels of Subjective Control // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 233 – 237. [0,4 p. s.]

Key words

Personality projection, locus of control, internality, externalhost, the image of the future

Summary

The article analyzes approaches to the study of the problems of the future image. The results of the empirical study of personality projection in the image of the future in people with different levels of subjective control. It is shown that the personal project is an important part of the way of the future, and the responsible attitude to life is conducive to a view of the future as a rich variety of opportunities for personal growth and self-realization.

Kovtun Ju. Yu. Patient's Ecopsychological Interactions in Hospital Environment // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 238 – 242. [0,4 p. s.]

Key words

Environmental psychology, ecopsychological interaction, hospital environment

Summary

The patient plays an important role in the structure of the social component of hospital environment. The patient as a subject interacts with the environment of medical institutions and other subjects of this environment. At different levels of subjectivity patient develops a certain type ecopsychological interaction in the system «hospital environment (or «health worker» as the subject of the environment) – the patient». «Subject-subject» type of ecopsychological interaction regarded as the most promising for the effective treatment and rehabilitation of patients.

Gordova Ju. Yu. Areal Aspect of Substrate Toponymy of Middle Oka (Ryazan) Region Types with -ур, -ор, -ар (-мар), -ер, -ма (-ur, -or, -ar (-mar), -er, ma) // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 243 – 254. [1,0 p. s.]

Key words

Toponymy, toponymic areal, substrate toponymy, geographical names origin, comparison of the toponymic and archaeological data

Summary

The author of this article considers five types of substrate toponyms with formants *-ур*, *-ор*, *-ар* (*-мар*), *-ер*, *-ма* (*-ur*, *-or*, *-ar* (*-mar*), *-er*, *-ma*) of Middle Oka (Ryazan) region. The goal of the research is to describe each type by revelation and characterization of its areals, linguistic interpretation of data and combination of discovered toponymic areals with archeological culture areals.

It has been found out that the areas of all the five types are coincided with northwestern part of Ryazan Oka region. Toponyms *-ур*, *-ма* (*-ur*, *-ma*) form the most considerable areals. Linguistic and archeological data confirm belonging of types with *-ур*, *-ор*, *-ар*, *-ер* (*-ur*, *-or*, *-ar*, *-er*) to peoples of Finno-Ugrian language family. Some Baltic elements were found in several names. The formation of areals is dated to the second half of the 1st millenium AD and is connected with tribal groups of Meshchera and Mordva. Names with ending -ма (-ma) can be explained from the point of view of Finno-Ugrian as well as Baltic languages, the areal of this type can be compared with areals of Meshchera and Muroma as well as with the areal of earlier Fatyanovo Culture.

Ryzhkova-Grishina L. V. Eternal Life Nature «Unvarnished»: Landscapes and Philosophical Reasons in Lyrics Gennady Suzdalev // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 255 – 259. [0,4 p. s.]

Key words

Nature, Russian poetry, philosophy of nature, Gennady Suzdalev, the theme of time, drama

Summary

Modern poets have not lost interest in natural philosophy and pastoral poetry, but the landscape gets more in tune with its time characteristics, it is less and less self-sufficient, and his figurative-narrative, artistic and aesthetic functions become less important. Some scholars and poets believe that today pastoral poetry, if not disappeared from the literature, or at least, recedes into the background, giving way to other genres. However, no matter what the process, pastoral poetry continues to evolve and remains associated with complex philosophical questions. In its own way this issue is solved poet Gennady Suzdaleva, the author of many books of poetry, winner of the prestigious literary awards.

Ryzhkova-Grishina L. V. Nature as a Subject of Lyrical and Philosophical Meditations A. A. Voznesensky // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 260 – 266.

Key words **[0,6 p. s.]**

Poetry, nature, the theme of the Motherland, natural philosophy and environmental aspects, A. A. Voznesensky

Summary

People in the natural world is one of the eternal themes that occupy humanity throughout its existence, exciting the imagination of poets, requiring understanding of the philosophers, weighted experimental approach naturalists. If the XX century only exacerbated the contradictions between man and nature, the XXI century has brought them to climax, requiring immediate resolution, because otherwise they threaten irreparable loss, natural disasters, natural disasters, environmental disasters. The situation threatens to spiral out of control, the system faces a crisis, resulting in humanity today faces a choice: the destruction or survival if not harmonization, or at least bring their relationship with nature in the relative norm.

As always very sensitive to public life, poetry responded to this conflict, which has attracted the attention of the masters of the word, among whom was A. A. Voznesensky. Modern Genesis allows current poetry elaborate and artistically aware of the accelerating process of comprehension of the laws of nature, making their characteristic features in the understanding of eternal lyric and natural-philosophical themes.

Chepel N. P. Distance Learning Technologies in Translation Teaching // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 267 – 272. [0,5 p. s.]

Key words

Foreign language, translation, free and open-source software learning management system Moodle, non-linguistic faculties

Summary

Distance learning technologies present many new options for teaching foreign languages and translation. At the same time that is not a task easy to complete. The author of the article shares her experience of creating a distance learning course «Short Stories in American Literature» using the free and open-source software learning management system Moodle.

Rastyannikova E. V. Agriculture of the BRICS in the World Economy at the Beginning of XXI Century // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 273 – 280.

Key words **[0,6 p. s.]**

BRICS, agriculture, the worldeconomy, gross agricultural value, international trade, cereals, meat, forage crops

Summary

Agriculture is the most important source of sustenance of the BRICS countries. Despite the

fact that globalization requires unification of various sectors of the national economy agriculture of each BRICS country is unique as all countriesbelong to different historical cultures and civilizations. The theme of this article to determine the location and proportion of agriculture of the BRICS in the world economy. The main purpose of the agricultural development in the BRICS is the selfsufficiency of food to the population. At the same time agriculture of the BRICS is starting to occupy significant place in the world economy. The article studies proportions of the BRICS on the world markets of grain, meat and forage cultures.

Beraya I. O. Influence of Traditions on the Formation of Family Law Russia // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 281 – 286. [0,5 p. s.]

Key words

Regulation family relationships, basic traditional values, patriarchal traditions, innovative ways of partnership

Summary

Reviewed the stages of development and the impact of the traditions on the laws, regulates family relationships. Identified basic traditional values, transformed into legal norms of family law Russia.

Grishin D. A. The Functioning of the Regime within the Detention Facility: the Problem of Administrative-Legal and Organizational Support // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 287 – 289. [0,2 p. s.]

Key words

Government coercion, the penal system, regime territory

Summary

The article analyzes some of the problematic aspects of the officials of the correctional system for the application of measures of state coercion in the territory of the prison regime FSIN Russia.

Kandyba F. S. Changes in Legal Status of Russian Orthodoxy Church in Years of Great Patriotic War // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 290 – 295.

Key words **[0,5 p. s.]**

Russian Orthodoxy Church, Soviet government, atheistic propaganda, Great Patriotic war, clergymen, state-church relations, pursuit of religion, patriotic activity, Advice in matters of Russian Orthodoxy Church

Summary

The relations of the soviet state and Russian Orthodoxy Church are in-process investigated in the years of Great Patriotic war, given it a shoot to explain change in legal status of church organization as a result of transformation of public policy in religious questions in the specified time.

Petrov I. V. Unauthorised Building: the Development of Legislation and Law Enforcement Practice // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 296 – 300.

Key words **[0,4 p. s.]**

Unauthorized construction, acquisition of rights property sanction, land, building, structure, structure

Summary

The article is devoted to the problems of legal regulation of the institute of unauthorized construction, which by its nature is a legal way to acquire property rights and enforceable for the implementation of the construction in violation of the law. The author describes the historical aspects of this institution, as well as the analysis of short stories of the civil legislation of the unauthorized construction.

Petrov I. V., Dementeeva I. I. Ratio Self Civil Rights Hold, Arbitrariness: Problems of

Theory and Practice // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 301 – 307.

Key words **[0,6 p. s.]**

The creditor, the debtor, real estate, self-defense, a way to ensure the fulfillment of obligations, retention

Summary

This paper analyzes the different views of scientists on the controversial issues of the legal nature of the right of retention as a way to ensure the fulfillment of obligations, its relation to self-defense, the arbitrariness, the possibility of retaining the real estate.

Toropkin S. A. Pension Reforms of Alexander I // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 308 – 311. [0,3 p. s.]

Key words

Pensions, pension reforms, Alexander I, Aleksandrovsky committee, military disabled people

Summary

In the period of Alexander I's board there were considerable changes in system of provision of pensions which were shown in establishment of new rules of purpose of pensions, the expansion of a circle of people having the right for pension there is a system of non-state pension provision. All these reforms defined future development of pension system of Russia.

Tretyakov K. V. Multiple Crimes at the US Criminal Law // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 312 – 314. [0,2 p. s.]

Key words

The multiple crimes, the competition of law rules, US Criminal Law, a comparison of the Criminal Law

Summary

The article is devoted to the study of the position of American criminal law regarding the qualifications of several crimes committed by the same person. The study highlights the historical background of the formation of the current U.S. system of multiple crimes and comparative analysis of Russian and American criminal law in the field of criminal legal relations, with consideration of the peculiarities of national legal systems of the Russian Federation and the USA. It was noted the similarity of individual approaches regarding the classification of such acts and defined the essence of the differences.

Bogdanov I. Ya., Bobeshko A. A. Theory of Reliability in Transport Facilities // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 315 – 317. [0,2 p. s.]

Key words

Reliability theory, artificial structure, construction, bridge, reliability index, hardness, durability, safety, capacity, defect, operation, deformation

Summary

At this period of time and conducted a statistical analysis of 250 pieces of artificial structures on federal highways P-258 «Baikal», A-350, P-297 «Amur» it was found that 94.40 % are bridges made of reinforced concrete. With all this under the assessment of technical condition of constructions «satisfactory» according to the automated system control and data processing for artificial road constructions (ABDM) are 41.20 % of bridges, which defects are not evenly distributed along the length of the span and a cross-section that the utmost beams are more damaged. Therefore, the real structure will have a variable stiffness along the length and cross-section, which influences the distribution of the load between the beams, in consequence of which there are additional conditions that reduce lifting capacity of bridges, and eventually usability.

Serviceability can be defined in terms of reliability, whereupon it's necessary to identify issues of structures reliability and give an overall assessment of methods for determining reliability.

Murtazov A. K. Analysis of Meteor Orbits Determination Methods from the Base Line CCD-Observations // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 318 – 327. [0,8 p. s.]

Key words

Meteors, orbit determination, CCD-observations

Summary

The description of the heliocentric meteoroid orbit determination methods using meteor observation results is presented. The comparison of various calculation methologies on results of the baseline CCD-observations is given.

Naumkin G. I. Simulation Algorithm Architecture of Buildings Administrations // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 328 – 330. [0,2 p. s.]

Key words

Function, modeling, structure

Summary

The basis of space-planning composition should reflect the function of the management and methodological principles of structural formation of building administrations.

Gulyaeva S. S. The Physical Status of Children and Adolescents Yakutia // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 331 – 335. [0,4 p. s.]

Key words

Physical status, physical development, functional status, children and adolescents, Yakutia

Summary

The paper presents the analysis carried out in different years of the work of scientists dedicated to the study of the physical condition of children and adolescents living in the Northern region of Russia, on the territory of the Republic of Sakha (Yakutia). There are interesting data describing the characteristics of physical development and functional status of the studied populations. The comparative analysis of indicators of physical status of children and adolescents Yakut nationality belonging to the category of the indigenous population, with the data subjects of Slavic origin. The article describes the incidence and characteristics of physical status, living in urban and rural areas.

Korsakov I. N., Vorobyeva E. E., Mikhaylova A. G. Remote Monitoring System: Information Support for Therapist // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 336 – 338. [0,2 p. s.]

Key words

Alarm,care plan, electronic medical card, informatization of health care, remote health monitoring

Summary

This article discusses the ratio of automated functions and directly sold physician needed in the development of remote health monitoring system, illustrated by the scheme of baseline patient treatment («Care Plan») and provided by the advantages of its use for therapists.

Kotlyarov S. N. «Soldier's heart» in works by T. Lewis // Russian Scientific Journal. – 2015. – № 4(47). – PP. 339 – 343. [0,4 p. s.]

Key words

Soldiers heart, war syndromes, Thomas Lewis

Summary

The article describes the history of the study of «war syndrome», ie diseases associated with participation in hostilities. The analysis of the work of the British scientist Thomas Lewis on the issue of «soldier's heart». The basic theory of the origin of the disease, treatment and rehabilitation.

АВТОРЫ (AUTHORS)

АБДУРАЗАКОВ Руслан Абдуразакович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Дагестанского государственного университета (г. Махачкала)
Контактная информация: E-mail: Ruslan18081972@mail.ru; тел. 8-8722-674273

ABDURAZAKOV Ruslan Abdurazakovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of World History of Dagestan State University (Russia, Dagestan, Makhachkala, 8-8722-674273, e-mail: Ruslan18081972@mail.ru)

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань)
Контактная информация: E-mail: tat-alexeeva@yandex.ru; тел. 8-910-906-90-56

ALEXEEVA Tatyana Evgenyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages of the Academy of Law and Management of Federal Penal Service of Russia (Ryazan) (Russia, Ryazan, 8-910-906-90-56, e-mail: tat-alexeeva@yandex.ru)

БЕЗКАДИ Фади (*Сирия*) – аспирант кафедры мировой истории и мировых политических процессов Национального исследовательского МГУ имени Н. П. Огарева (г. Саранск)
Контактная информация: E-mail: fadibezkadi@gmail.com; тел. +79375185873

BEZKADI Fadi (*Syria*) – Postgraduate of the Department World History and World Political Process (Specialty 23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development) of the Ogarev Mordovia State University (Russia, Mordovia, Saransk, +79375185873, e-mail: fadibezkadi@gmail.com)

БЕРАЯ Ирма Онериевна – аспирант кафедры правовых дисциплин СПб национального исслед. ун-та информ. технологий, механики и оптики (ИМБИП НИУ ИТМО)
Контактная информация: E-mail: beraya.irma@mail.ru; тел. 89119257988

BERAYA Irma Onerievna – Graduate Student of Legal Disciplines of St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (Russia, St. Petersburg, 89119257988, e-mail: beraya.irma@mail.ru)

БИРЮКОВА Кристина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной философии, религиоведения и теологии РГСУ (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: kristina_biryuko@mail.ru; тел. 8 917 509 59 80

BIRYUKOVA Kristina Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Social Philosophy, Religious Studies and Theology of the Russian State Social University (Moscow) (Russia, Moscow, 8 917 509 59 80, e-mail: kristina_biryuko@mail.ru)

БОБЕШКО Артём Александрович – аспирант кафедры автомобильных дорог и городских сооружений Инженерно-строительного ин-та Сибирского фед. ун-та (г. Красноярск)
Контактная информация: E-mail: dsfghost@mail.ru; тел. 8 983 298 26 62

BOBESHKO Artyom Alexandrovich – Postgraduate of Departament of Urban Roads and Buildings of Engineering-Construction Institute of the Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk, 8 983 298 26 62, e-mail: dsfghost@mail.ru)

БОГДАНОВ Игорь Яковлевич – кандидат технических наук, доцент кафедры автомобильных дорог и городских сооружений Инженерно-строительного института Сибир-

ского федерального университета (г. Красноярск)
Контактная информация: E-mail: dsfghost@mail.ru; тел. 8 983 298 26 62

BOGDANOV Igor Yakovlevich – PhD in Engeneering, Associate Professor of Departament of Urban Roads and Buildings of Engineering-Construction Institute of the Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk, 8 983 298 26 62, e-mail: dsfghost@mail.ru)

ВАСИЛЬЕВА Нина Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психического здоровья и раннего сопровождения детей и родителей факультета психологии СПбГУ, действ. член межд. Психоаналит. ассоциации – (IPA)
Контактная информация: E-mail: ninavasilyeva@yandex.ru; тел. +7 911 923 32 92

VASILYEVA Nina Leonidovna – Ph. D., Professor, St-Petersburg State University, Psychological Counseling and Mental Health, Psychoanalysis (IPA member) (Russia, St-Petersburg, +7 911 923 32 92, e-mail: ninavasilyeva@yandex.ru)

ВИСЛОВА Аминат Даняловна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (г. Нальчик)
Контактная информация: E-mail: avislova@mail.ru; тел. 8-928-693-90-07

VISLOVA Aminat Danjalovna – Candidate of Psychological Sciences, the Senior Scientific Employee of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches (Russia, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, 8-928-693-90-07, e-mail: avislova@mail.ru)

ВОЛОДАРСКАЯ Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, вед. научный сотрудник Ин-та истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
Контактная информация: E-mail: eavolod@gmail.com; тел. 8-916-151-05-91

VOLODARSKAYA Elena Aleksandrovna – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Institute for the History of Science and Technology by name S. I. Vavilov of the RAS (Moscow) (Russia, Moscow, 8-916-151-05-91, e-mail: eavolod@gmail.com)

ВОРОБЬЕВА Екатерина Евгеньевна – заместитель директора НЦ информационных систем мониторинга здоровья человека НИУ ВШЭ (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: evorobyeva@hse.ru; тел. 8(495)772-95-90*33005

VOROBYEVA Ekaterina Evgenevna – Deputy Director of Science Center of ITHMC, Higher School of Economics (Russia, Moscow, 8(495)772-95-90*33005, e-mail: evorobyeva@hse.ru)

ВЫЗУЛИНА Ксения Сергеевна – аспирант Кубанского государственного университета
Контактная информация: e-mail: ksv91@mail.ru; тел. +7 (918) 968 81 01

VYZULINA Ksenia Sergeevna – Graduate Student of the Kuban State University (Krasnodar) (Russia, Krasnodar, +7 (918) 968 81 01, e-mail: ksv91@mail.ru)

ГАРРАС Жанна Евгеньевна – специалист отдела диссертационных советов Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. СПб.)
Контактная информация: e-mail: jannagarras@mail.ru; тел. 89219480032

GARRAS Jeanne Evgenyevna – specialist of the dissertation councils of the Russian State Pedagogical University of Alexander Herzen (Russia, Saint-Petersburg, 89219480032, e-mail: jannagarras@mail.ru)

ГАСИМОВ Антон Фаритович – аспирант факультета психологии Московского государственногго университета имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: e-mail: gasimov.anton@gmail.com; тел. 8-(495)-629-59-13

GASIMOV Anton Faritovich – Graduate Student of Department of Psychology of the Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, 8-(495)-629-59-13, e-mail: gasimov.anton@gmail.com)

ГОРБУНОВ Борис Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий НИЛ теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях Рязанского института развития образования, академик РАЕН
Контактная информация: E-mail: borgor.1949@mail.ru; тел. 8-(4912)-35-09-26

GORBUNOV Boris Vladimirovich – Doctor of History, Professor, Full member of the Academy of Natural Sciences, Ryazan Institute of Educational Development (Russia, Ryazan, 8-(4912)-35-09-26, e-mail: borgor.1949@mail.ru)

ГОРДОВА Юлиана Юрьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук (г. Москва)
Контактная информация: e-mail: onyma-ryazan@yandex.ru; тел. +7-920-973-10-07

GORDOVA Juliana Yurievna – Ph.D. in Philology, Linguistic Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (Russia, Moscow, +7-920-973-10-07, e-mail: onyma-ryazan@yandex.ru)

ГРИШИН Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, начальник юридического факультета Академии права и управления ФСИН (г. Рязань)
Контактная информация: e-mail: dagr1979@rambler.ru; тел. 8-(4912)-93-82-02

GRISHIN Dmitry Aleksandrovich – PhD, Associate Professor, Head of the Law Faculty of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan) (Russia, Ryazan, 8-(4912)-93-82-02, e-mail: dagr1979@rambler.ru)

ГУЛЯЕВА Светлана Степановна – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта (Республика Саха (Якутия), с. Чурапча)
Контактная информация: e-mail: ssvjakutija@yandex.ru; тел. 8-(41151)-43-200

GULYAEVA Svetlana Stepanovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, the Vice-Rector for Research of the Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sport (Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Churapcha, 8-(41151)-43-200, e-mail: ssvjakutija@yandex.ru)

ДЕМЕНТЕЕВА Ирина Ильинична – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Кубанского института социоэкономики и права (филиала) Академии труда и социальных отношений (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: zxc-v1@yandex.ru; тел. 8-918-4777443

DEMENTEEVA Irina Ilyinichna – Candidate of Law Sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Civil Law of the Cuban Institute of Socio-Economics and Law (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Russia, Krasnodar, 8-918-4777443, e-mail: zxc-v1@yandex.ru)

ДОРОШЕНКО Виктор Александрович – кандидат технических наук, доцент кафедры истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств УФУ
Контактная информация: E-mail: viktor.dorosh2013@yandex.ru; тел. 89122780465

DOROSHENKO Viktor Aleksandrovich – Candidate of Technical Sciences, associate Professor of the Institute of Humanitarian Sciences and Arts of the Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg, 89122780465, e-mail: viktor.dorosh 2013 @yandex.ru)

ЕРШОВ Виталий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра стратегии и развития Московского государственного областного университета
Контактная информация: e-mail: ershov_vf@mail.ru, тел. +7(985)410-15-23

ERSHOV Vitaly Fedorovich – Doctor of History, Professor, Director of the Center for Strategy and Development of Moscow State Regional University, Member of the Board of Russian Society of Historian-Archivists (Russia, Moscow, +7 (985)410-15-23, e-mail: ershov_vf@mail.ru)

ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных и соц.-эконом. дисциплин Военной академии связи имени С. М. Будённого
Контактная информация: e-mail: oe64@rambler.ru; тел. (921)7967264

EFREMOV Oleg Yurievich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Military Academy of communications (Russia, Saint-Petersburg, (921) 7967264, e-mail: oe64@rambler.ru)

ЖУКОВСКАЯ Евгения Евгеньевна – соискатель кафедры межд. журналистики МГИМО (университета) МИД РФ; специалист Управления делами Московской Патриархии
Контактная информация: E-mail: ezh@patriarchia.ru; тел. +7-(499)-578-0357

ZHUKOVSKAYA Evgeniya Evgenievna – aspirant in the Department of the International Journalism of Moscow State Institute of International Relations, (MGIMO-University); specialist in the Control and Departament of the Moscow Patriarchate's Chancery (Russia, Moscow, +7-(499)-578-0357, e-mail: ezh@patriarchia.ru)

ЗАМОЩАНСКИЙ Иван Игоревич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии УФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
Контактная информация: E-mail: Ivanz.79@mail.ru; тел. +79058038394

ZAMOSHCHANCKII Ivan Igorevich – PhD, Associate Professor of Philosophy Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (Russia, Yekaterinburg, +79058038394, e-mail: Ivanz.79@mail.ru)

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств УФУ
Контактная информация: E-mail: vvzap@mail.ru; тел. +7 (343) 375-47-25

ZAPARIY Vladimir Vasilievich – Professor, Doctor of Historical Sciences, Head of Chair of History of Science and Technology of the Institute of Humanitarian Sciences and Arts of the Ural Federal University (Russia, Yekaterinburg, 8 (343) 375-47-25, e-mail: vvzap@mail.ru)

ЗЕРНОВА Людмила Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук Московского физико-технического института
Контактная информация: E-mail: zlp55@yandex.ru; тел. 8-9037327100

Zernova Lyudmila Pavlovna – Ph.D., assistant Professor of Social and Political Sciences of Department of Moscow Physical-Technical Institute (Technical University) (Russia, Moscow region, Dolgoprudny, 8-903 7327100, e-mail: zlp55@yandex.ru)

ЗМЕЕВ Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова
Контактная информация: E-mail: vasmsu@mail.ru; тел. 8-916-264-18-42

ZMEEV Vladimir Alekseevich – the Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of division of global studies, Department of global processes of Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, 8-916-264-18-42, e-mail: vasmsu@mail.ru)

ИВАНОВА Лариса Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков РВВДКУ имени генерала армии В. Ф. Маргелова (г. Рязань)
Контактная информация: E-mail: loriv21@yandex.ru; тел. 8-920-975-08-26

IVANOVA Larisa Borisovna – Candidate of Pedagogic Science, Docent of the Foreign and Russian Language Department of the Ryazan Airborne Command Sschool named after General of the Army V. Ph. Margelov (Russia, Ryazan, 8-920-975-08-26, e-mail: loriv21@yandex.ru)

КАЛАБУХОВ Владимир Владимирович (Игумен Амвросий) – настоятель Димитриевского мужского монастыря, магистрант Национального исслед. Томского гос. ун-та
Контактная информация: E-mail: amvrosiy1967@ yandex.ru; тел. 8-910-643-24-02

KALABUKHOV Vladimir Vladimirovich (Abbot Ambrose) – Prior of the Dimitriyevsky Man's Monastery, Undergraduate of National Research Tomsk State University (Russia, Ryazan region, Skopin, 8-910-643-24-02, e-mail: amvrosiy1967@ yandex.ru)

КАНДЫБА Федор Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного института менеджмента (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: Karasun05@mail.ru; тел. 8-918-2947518

KANDYBA Fedor Sergeevich – PhD in History, Assistant Professor of a Chair of Theori and History of State and law of South Institute of Management (Krasnodar) (Russia, Krasnodar, 8-918-2947518, e-mail: Karasun05@mail.ru)

КАНИЩЕВА Марина Александровна – ассистент кафедры общей и клинической психологии Белгородского государственного национального исследовательского ун-та
Контактная информация: E-mail: marrajj@yandex.ru; тел. 8-919-222-27-37

KANICHCHEVA Marina Alexandrovna – Lecturer of the Department of General and Clinical Psychology of Belgorod National Research University (Russia, Belgorod, 8-919-222-27-37, e-mail: marrajj@ yandex.ru)

КЛИМЕНТОВ Вячеслав Львович – кандидат педагогических наук, заместитель директора Музея космонавтики по научной работе, доцент кафедры теории и истории права и государства Российского нового университета (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: 7683604@mail.ru; тел. 8-(495)-682-58-65

KLIMENTOV Vyacheslav Lvovich – Ph.D., Deputy Director of the Space Museum for Science, assistant Professor of Theory and History of Law and State of the Russian New University(Russia, Moscow, 8-(495)-682-58-65, e-mail: 7683604@mail.ru)

КОВТУН Юлия Юрьевна – ассистент кафедры общей и клинической психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
Контактная информация: E-mail: kovtun_31@mail.ru; тел. 8980 379 2222

KOVTUN Julia Yuryevna – Lecturer of the Department of General and Clinical Psychology of the Belgorod State National Research University (Russia, Belgorod, 8980 379 2222, e-mail: kovtun_31 @mail.ru)

КОНДРАТОВА Лидия Викторовна – аспирант Московского института психоанализа
Контактная информация: E-mail: l-kondratova@bk.ru; тел. 8-903-576-66-36

KONDRATOVA Lidia Viktorovna – Postgraduate Student of the Moscow Institute of Psychoanalysis (Moscow) (Russia, Moscow, 8-903-576-66-36, e-mail: l-kondratova@bk.ru)

КОПЫСОВА Лариса Анатольевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, проректор по воспитательной и социальной работе Кировской гос. мед. академии
Контактная информация: E-mail: kopysova@kirovgma.ru; тел. 8 9128264722

KOPISOVA Larisa Anatolyevna – the Candidate of Agricultural Sciences, the Senior Lecturer, the Vice-Rector on educational and social work of the Kirov state medical academy (Russia, Kirov, 8-9128264722, e-mail: kopysova@kirovgma.ru)

КОРСАКОВ Игорь Николаевич – канд. физико-математических наук, вед. научный сотр. НЦ информационных систем мониторинга здоровья человека НИУ ВШЭ (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: igor.korsa@gmail.com; тел. 8(964)320-8000

KORSAKOV Igor Nikolayevich – PhD in Mathematics, Leading Researcher in Science Center of ITHMC, Higher School of Economics (Russia, Moscow, 8(964)320-8000, e-mail: igor.korsa@gmail.com)

КОСТЮКОВА Татьяна Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета
Контактная информация: E-mail: kostykova@inbox.ru; тел. 89131031600

KOSTYUKOVA Tatyana Anatolyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of National Research Tomsk State University (Russia, Tomsk, 89131031600, e-mail: kostykova@inbox.ru)

КОТЛЯРОВ Станислав Николаевич – кандидат медицинских наук, заведующий кафедрой сестринского дела ГБОУ ВПО РязГМУ Минздрава России
Контактная информация: E-mail: 79065410775@yandex.ru; тел. 8-906-541-07-75

KOTLYAROV Stanislav Nikolaevich – Candidate of Medical Sciences, Head of the Department of Nursing of Ryazan State Medical University
(Russia, Ryazan, 8-906-541-07-75, e-mail: 79065410775@yandex.ru)

КОЦИНА Михаил Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры воздушно-десантной подготовки РВВДКУ им. генерала армии В. Ф. Маргелова
Контактная информация: E-mail: kocina_m.n@mail.ru; тел. +7(910)5045760

KOTSINA Mikhail Nikolayevich – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor, Professor of Airborne Training of the Ryazan Higher Airborne Command School named after the Rahl's army V. F. Margelov (Russia, Ryazan, +7(910)5045760, e-mail: kocina_m.n@mail.ru)

КУРЛАЕВ Анатолий Евгеньевич – научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
Контактная информация: E-mail: aekurlaev@gmail.com; тел. +79090155159

KURLAEV Anatoly Evgenievich – Researcher of the Institute of History and Archaeology, Ural branch of RAS (Russia, Ekaterinburg, +79090155159, e-mail: aekurlaev@gmail.com)

ЛАВРЕНТЬЕВ Александр Валентинович – кандидат исторических наук, доцент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
Контактная информация: E-mail: lavrist@list.ru; тел. 89146763787

LAVRENTIEV Alexander Valentinovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Vladivostok State University of Economic and Service (Russia, Vladivostok, 89146763787, e-mail: lavrist@list.ru)

ЛУКАШЕНЯ Зоя Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры технологии и изобразительного искусства Барановичского гос. ун-та (Беларусь)
Контактная информация: E-mail: zvluk@mail.ru; тел. +375 163 406200

LUKASHENYA Zoya Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor, associate Professor of Technology and Fine Arts of Baranovichsky State University; the Doctoral Candidate of the Baltic Federal University of Immanuil Kant (Republic of Belarus, Brest Region, Baranovichi, +375 163 406200, e-mail: zvluk@mail.ru)

МИХАЙЛОВА Анна Георгиевна – заместитель директора Института информационных технологий НИУ ВШЭ (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: agmikhaylova@hse.ru; тел. 8(495)772-95-90*33002

MIKHAYLOVA Anna Georgievna – Deputy Director of Institute of Information Technologies, Higher School of Economics (Russia, Moscow, 8(495)772-95-90*33005, e-mail: agmikhaylova@hse.ru)

МОСКАЛЕНКО Максим Русланович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств УФУ
Контактная информация: E-mail: max.rus.76@mail.ru; тел.

MOSKALENKO Maksim Ruslanovich – Candidate of Historical Sciences, associate Professor of the Institute of Humanitarian Sciences and Arts of the Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg, e-mail: max.rus.76@mail.ru)

МУРТАЗОВ Андрей Константинович – кандидат технических наук, доцент кафедры экологии и природопользования, директор астроном. обсерватории РГУ им. С. А. Есенина
Контактная информация: E-mail: a.murtazov@rsu.edu.ru; тел. 8-(4912)-28-12-97

MURTAZOV Andrey Konstantinovich – PhD Tech., Associate Professor, Astronomical observatory, Chief of observatory, Ryazan State University (Russia, Ryazan, 8-(4912)-28-12-97, e-mail: a.murtazov @rsu.edu.ru)

МУТАЛИЕВА Лэйла Сасыкбековна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права, СПб университет ГПС МЧС России
Контактная информация: e-mail: lei74@rambler.ru, тел. 8-921-974-03-02

MUTALIEVA Layla Sasykbekovna – PhD, Associate Professor, Deputy Head of the Department of civil law, University of St. Petersburg State Fire Service of the Russian Emergency Situations Ministry (Russia, Saint-Petersburg, 8-921-974-03-02, e-mail: lei74@rambler.ru)

НАГОРНОВ Валентин Павлович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета
Контактная информация: E-mail: rosnauka@mail.ru; тел. 8-910-505-45-43

NAGORNOV Valentin Pavlovich – Graduate Assistant of the Department of Russian History of Middle Ages and Modern Age MSRU (Russia, Moscow, 8-910-505-45-43, e-mail: rosnauka@mail.ru)

НАУМКИН Геннадий Иванович – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры Государственного университета по землеустройству (ГУЗ) (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: g.i.naumkin@gmail.com; тел. 8-(495)-483-51-07

NAUMKIN Gennady Ivanovich – Candidate of Architecture, associate Professor of the Department of Architecture of the State University of Land Management (Russia, Moscow, 8-(495)-483-51-07, e-mail: g.i.naumkin@gmail.com)

ОДАРУЩЕНКО Ольга Ивановна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологического образования ГАОУ ВПО «МГОСГИ» (г. Коломна)
Контактная информация: E-mail: olgaodar@yandex.ru; тел. 8-916-279-14-49

ODARUSHCHENKO Olga Ivanovna – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer of Department of Psychology of Moscow Regional State University for Humanities and Social Studies (Russia, Moscow region, Bronnici, 8-(916)-279-14-49, e-mail: olgaodar@yandex.ru)

ПЕТРОВ Игорь Валентинович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Южного института менеджмента (г. Краснодар)
Контактная информация: E-mail: p474@yandex.ru; тел. 8-918-4383170

PETROV Igor Valentinovich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of a Chair of Civil Law of South Institute of Management (Russia, Krasnodar, 8-918-4383170, e-mail: p474@yandex.ru)

ПОПОВ Эдуард Георгиевич (Иеромонах Максим) – кандидат богословия, Св. Иоанно-Богословский Макаровский мужской монастырь, г. Саранск (Саранская митрополия)
Контактная информация: E-mail: mess-2005@mail.ru; тел. 8917 9904744

POPOV Eduard Georgievich (Hieromonk Maxim) – Candidate of Theology, the Cleric. Makarov monastery of St. John the Theologian. Saransk (Saransk archdiocese) (Russia, Mordovia, Saransk, 89179904744, e-mail: mess-2005@mail.ru)

РАСТЯННИКОВА Елизавета Викторовна – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва), соискатель ИВ РАН
Контактная информация: E-mail: e.rastyannickova2010@yandex.ru; тел. 8-495-7013637

RASTYANNIKOVA Elizaveta Victorovna – Jr. Researcher of Institute of Oriental Studies (IOS) of the Russian Academy of Sciences (RAS), graduate of IOS (Russia, Moscow, 8-495-701-36-37, e-mail: e.rastyannickova2010@yandex.ru)

РЫБАКОВ Виктор Артемьевич – аспирант Российского нового университета (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: rva1958@yandex.ru; тел. 8-(495)-911-02-47

RYBAKOV Victor Artemyevitch – Postgraduate of Russian New University (Moscow) (Russia, Moscow, 8-(495)- 911-02-47, e-mail: rva1958@yandex.ru)

РЫБАКОВА Марина Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии управления МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: rybakovamv2005@yandex.ru; тел. 8-9166716383

RYBAKOVA Marina Vladimirovna – Ph.D., Professor of Management Sociology department of School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow, 8-9166716383, e-mail: rybakovamv2005@yandex.ru)

РЫЖКОВА-ГРИШИНА Любовь Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и общенаучных дисциплин Московского психолого-социального университета, филиал в г. Рязани
Контактная информация: E-mail: rapsod@list.ru; тел. +7-910-908-01-01

RYZHKOVA-GRISHINA Ljubov Vladimirovna – Ph. D., assistant Professor of psychology and scientific disciplines Moscow Psychology and Sociology of the University, a branch in the city of Ryazan (Russia, Ryazan, +7-910-908-01-01, e-mail: rapsod@list.ru)

РЫНДИН Игорь Жанович – старший научный сотрудник НИЛ теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях РИРО (г. Рязань)
Контактная информация: E-mail: ryndin@post.rzn.ru; тел. 8-(9412)-45-73-53

RYNDIN Igor Zhanovich – Senior Researcher SRL of the theory, practice and techniques of local history in the educational institutions of the Ryazan Institute of Education Development (Russia, Ryazan, 8-(9412)-45-73-53, e-mail: ryndin@post.rzn.ru)

РЫЧИХИНА Элина Николаевна – доктор социологических наук, профессор Московского городского педагогического университета
Контактная информация: E-mail: elina.2002@mail.ru; тел. 8-(495)-612-14-36

RYCHIHINA Elina Nikolaevna – Doctor of Social Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow, 8-(495)-612-14-36, e-mail: elina.2002@mail.ru)

ТАРАСОВА Лидия Васильевна – начальник отдела информационной и молодежной политики Кировской государственной медицинской академии.
Контактная информация: e-mail: redactor@kirovgma.ru; тел. (8332) 647501

TARASOVA Lydia Vasilevna – Head of Information and Youth Policy of the Kirov State Medical Academy (Russia, Kirov, (8332) 647501, e-mail: redactor@kirovgma.ru)

ТОРОПКИН Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России
Контактная информация: e-mail: st81@rambler.ru; тел. 8-902-305-26-42

TOROPKIN Sergey Alexandrovich – Candidate of Law Sciences, assistant Professor of Chair of the Constitutional and International Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, Nizhny Novgorod, 8-902-305-26-42, e-mail: st81@rambler.ru)

ТРЕТЬЯКОВ Константин Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета
Контактная информация: E-mail: AK-195@yandex.ru; тел. +7 (927) 210-00-10

TRETYAKOV Konstantin Viktorovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor of Syzran Branch of Samara State University of Economics (Russia, Samara region, Syzran, +7 (927) 210-00-10, e-mail: AK-195@yandex.ru)

ТЫРТЫШНЫЙ Алексей Александрович – канд. психолог наук, зав. кафедрой теории

и истории права и государства, декан юрид. ф-та Российского нового ун-та (г. Москва)
Контактная информация: e-mail: atyrt@mail.ru; тел. 8-(495)-925-03-72

TYRTYSHNY Aleksey Aleksandrovich – Ph.D., Head of Department of Theory and History of Law and State, the Dean of the Faculty of Law of the Russian New University (Moscow) (Russia, Moscow, 8-(495)-925-03-72, e-mail: atyrt@mail.ru)

УРАЗОВА Амина Ильдусовна – кандидат исторических наук, доцент, директор Института комплексной безопасности, предпринимательства и права БашГУ (г. Уфа)
Контактная информация: E-mail: PetrovSha12@yandex.ru; тел. 89177642022

URAZOVA Amina Ildusovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director, Institute of Integrated Security, Entrepreneurship and the Right of the Bashkir State University (BSU) (Ufa) (Russia, Bashkortostan, Ufa, 89177642022, e-mail: PetrovSha12@yandex.ru)

ФОМАШИНА Наталья Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков РВВДКУ им. генерала армии В. Ф. Маргелова (г. Рязань)
Контактная информация: E-mail: nafoma2@yandex.ru; тел. 8-915-596-98-23

PHOMASHINA Natalia Vasilevna – Candidate of Pedagogic Science, Docent of the Foreign and Russian Language Department of the Ryazan Airborne Command School named after General of the Army V. Ph. Margelov (Russia, Ryazan, 8 915 596 98 23, e-mail: nafoma2@yandex.ru)

ХУДЯКОВ Андрей Иванович – профессор кафедры организационной психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. СПб.)
Контактная информация: e-mail: aipsy@mail.ru; тел. 89214062027

KHUDYAKOV Andrey Ivanovich – Professor of organisational psychology of the Russian State Pedagogical University of Alexander Herzen (Russia, Saint-Petersburg, 89214062027, e-mail: aipsy@mail.ru)

ЧЕПЕЛЬ Наталья Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ф-та истории и международных отношений РГУ имени С. А. Есенина
Контактная информация: e-mail: chenat_74@mail.ru; тел. 8-(4912)-28-04-45

CHEPEL Natalia Pavlovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department of Faculty of History and International Relations of the Ryazan State University (Russia, Ryazan, 8-(4912)-28-04-45, e-mail: chenat_74@mail.ru)

ШАЯХМЕТОВА Ирина Зуфаровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент исторического факультета Башкирского государственного университета (БашГУ) (г. Уфа)
Контактная информация: E-mail: PetrovSha12@yandex.ru; тел. 89177642022

SHAYAKHMETOVA Irina Zufarovna – PhD in History, Docent, Associate Professor of the Faculty of History of Bashkir State University (BSU) (Ufa) (Russia, Bashkortostan, Ufa, 89177642022, e-mail: PetrovSha12@yandex.ru)

ЮРКИН Игорь Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (г. Москва)
Контактная информация: E-mail: ig-yurkin@yandex.ru; тел. 8-(499)-141-3791

YURKINkin Igor Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of History of Science and Technology (Russia, Moscow, 8-(499)-141-3791, e-mail: ig-yurkin@yandex.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ В «РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ»

1. Правила оформления научных статей: набор текста в формате Word, шрифт Times New Roman; размер шрифта - 14; междустрочный интервал -1,5; формат бумаги - А4; отступ - 5 мм, поля - 20 мм. Объём статьи - не менее 10 стандартных машинописных листов. Сноски и примечания, список литературы формировать единым списком под названием **Примечания** - в конце статьи. Ссылки в тексте - в квадратных скобках, первая цифра - номер ссылки в концевом списке Примечаний, вторая цифра - номер страницы, например: [3. С. 15].

2. На первой странице статьи указываются:

2.1. Название научного или учебного заведения, той организации, в которой выполнена научная работа, либо учреждение, где работает автор статьи.

Указывается также местонахождение указанной организации: страна, регион, населённый пункт.

2.2. УДК и ББК, в случае, если автор не может провести классификацию по данным классификаторам, то классификацию проводит редакция журнала.

2.3. Название разделов науки, к которым, по мнению автора, принадлежит его статья.

2.4. Название статьи - прописными буквами жирным шрифтом.

В следующей строке располагаются научная степень автора, его инициалы и фамилия.

2.5. Далее следует аннотация статьи или сообщения.

2.6. После аннотации помещаются ключевые слова, отражающие основное содержание статьи.

2.7. После ключевых слов размещается основной текст статьи.

2.8. Статья завершается примечаниями.

2.9. Дополнительно к материалам статьи прилагаются на английском языке - фамилия автора, название статьи, аннотация (summary), ключевые слова (key words), разделы науки.

3. Публикации в журнале платные. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Предварительно подаётся заявка на публикацию статьи по электроннному адресу: rosnauka@mail.ru

4. Стоимость пересылки одного экземпляра журнала: по России -100 руб.; по странам СНГ - 250 руб.; стран дальнего зарубежья - определяется расчётным путём.

5. К материалам статьи отдельным файлом прилагается авторская справка, содержащая основные сведения об авторе:

Ф.И.О. автора, учёное звание, учёная степень, место работы, должность, почтовый адрес (с индексом), электронный адрес (e-mail), номера контактных телефонов для открытой печати.

6. Для аспирантов и соискателей обязательно предоставление в редакцию рецензии от научного руководителя или известного специалиста. Рецензия должна быть заверена надлежащим образом.

7. Стоимость одного экземпляра журнала 500 рублей.

8. Наш почтовый адрес:

390039, г. Рязань, ул. Интернациональная, д. 13, кв. 208, Нагорнов Валентин Павлович.

9. Наши банковские реквизиты:

Наименование получателя платежа:
АНО «РИЭПСИ»
ИНН/КПП 6234037737/623401001
Р/счет № 40703810101060000126
в Филиале «Московский»
ООО «Промрегионбанк», г. Москва
БИК 044583224,
к/с 30101810100000000224
в Отделении 1 Москва
Назначение платежа - целевые взносы

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
– ПИ №ФС77–35383 от 19 февраля 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ: В. П. НАГОРНОВ

ИЗДАТЕЛЬ: АНО «РИЭПСИ»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
390039, Рязань, ул. Интернациональная, д. 13, кв. 208

Тел. моб. 8-910-505-45-43
E-mail: rosnauka@mail.ru
http: // www.rnjournal.narod.ru

Дата выхода выпуска в свет – 28.08.2015
Тираж 1 000 экз.
Каталожная цена за 6 месяцев – 1200 руб.
Заказ № 648.
Отпечатано в ООО «Полиграфия».
390000, Рязань, ул. Почтовая, 61, стр. 9а.